

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУШИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Сергей КОЗЛОВ
Время любить
Роман 14

Сергей ЛУЦКИЙ
Бальзаковский возраст
Рассказы 137

Мargarита АНИСИМКОВА
Дровокол Гоша
Рассказ 156

Поэзия

Владимир ВОЛКОВЕЦ
Север 8

Пётр СУХАНОВ
Песня сына Югры 11

Наталья КУВАЕВА
С тобой и без тебя 130

Владимир АНДРЕЕВ
Мне по нраву 133

Андрей ТАРХАНОВ
Душа и сердце 149

Поэтическая мозаика 152

Дмитрий МИЗГУЛИН
В нашей жизни
всё предельно просто 167

Адам ГЛОБУС
Дышится легко 172

Борис СИРОТИН
"Мы загадали на звезду..." 180

Очерки и публицистика

Наталья КОМАРОВА
"Мне спокойнее,
когда я говорю правду" 3

Владислав ШВЕД
Литовский лабиринт
(с предисловием
А. Казинцева) 183

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА
“Ненаказанный сын —
бесчестье отцу” 232

Руслан ЛЫНЁВ
Кого считать евреем? 240

Память

Юлия АРТЮХОВИЧ
Гудермесский базар
(С предисловием Ст. Куняева) 174

Геннадий ГУСЕВ
Стояние на Комсомольском.
Москва. 1991 год 224

Алексей АБРАМЫЧЕВ
“Кто к знамени присягал...” 245

Николай БУРЛЯЕВ
Летопись “Золотого Витязя” 275

Критика

Дмитрий НЕЧАЕНКО
“Двенадцать”
как сновидческая мистерия 255

Патриотика

Эдуард АНАШКИН
Тоска по героям 286

Письмо в номер

Главному редактору
Куняеву Ст. Ю. 288

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, И. А. Горбатова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 25.07.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,8. Заказ №3628. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

“МНЕ СПОКОЙНЕЕ, КОГДА Я ГОВОРЮ ПРАВДУ”

*Беседа писателя Сергея КОЗЛОВА с губернатором
Ханты-Мансийского автономного округа Натальей КОМАРОВОЙ*

Живые, немного усталые голубые глаза, иногда сентиментальные, иногда неожиданно теплые и душевные, когда говорит о близких людях. Но бывают и стальные, пронзительные, про такие говорят: “видят насквозь”. И я тоже пытаюсь видеть их, чтобы рассказать не только о губернаторе Югры Наталье Комаровой, но и о человеке...

Маленькая женщина с железной волей и работоспособностью, которой позавидует любой мужчина. В общении естественна. Смеётся, когда смешно, плачет, когда горько, и абсолютно тверда, если отстаивает свою правоту. Когда я спросил о ее музыкальных предпочтениях, она назвала Чайковского и Вагнера. Действительно, оба классика могут озвучить ее характер. Лиричный Чайковский и решительный Вагнер...

За внешней твердостью губернатора искушенный взгляд распознает ранимую и тонкую душу. И еще – поразительная скромность и простота, за которой кроется уверенность в свершаемых поступках, которая имеет место быть только у профессионалов и которая страх перед принимаемыми решениями делает бессмысленным. Она шутит о своем возрасте, хотя ее стройности позавидуют и молодые девушки, и все же она – женщина, которая сегодня руководит главным нефтяным регионом страны.

– Чиновник – не из рабочей династии, – говорит Наталья Комарова, – это рабочий может повышать разряд и совершенствоваться в своем деле всю жизнь. Чиновник же должен понимать, что он служит и подотчетен народу, и это не то место, где можно стать лучшим, просидев па одном стуле всю жизнь. Именно сидение на одном месте порождает кумовство, кланы, коррупцию.

Пока губернатор говорит, пытаюсь понять, что держат на себе ее далеко не геркулесовы плечи. С одной стороны, Югра – экономический лидер, с другой – наступает пора тяжелой нефти, с третьей – она принимала регион в кризисный период, с четвертой – запас социальных льгот для северян уже давно сравнялся с другими недепрессивными регионами, а значит, ценой популизма баллов себе не прибавить. Это на плечах. А за плечами у нее еще более северный Ямал, Государственная Дума...

В первый раз я увидел Наталью Комарову именно тогда, когда она была депутатом Государственной Думы. Вместе с депутатами из Тюмени она пришла на презентацию художественного фильма “Наследники”, снятого по моей повести. Депутаты-ямальцы и депутаты-тюменцы поддержать писателя-земляка пришли, а вот родных думцев-югорчан я так и не увидел.

После этого я видел ее только но телевизору и... в храме. Еще в больнице, куда она приходила, с одной стороны, проверить больницу, с другой – проведать занедужившего председателя Думы Бориса Хохрякова. Без свиты. Спросил у доктора, с которым разговаривал в этот момент: “И час-

то так?”. “Да, – ответил он, улыбаясь. – Приедет, зайдет, сразу ускорение начинается...”

Депутат Госдумы от Ямала, губернатор Югры...

Я – югорчанин, родившийся в Тюмени... Это к вопросу о знаменитой “матрешке” субъектов. Для тех, кто не знает: в Тюменскую область, как в субъект, входят два самостоятельных субъекта – Югра и Ямал. Матрешка во мне. Жил в Тюмени и не понимал, за что платят северянам. Бог мне показал. Тяжелым трудом, таежной жизнью и непредсказуемым климатом. А теперь у нас в Югре уже собственная епархия...

Первого епископа Ханты-Мансийского и Сургутского Павла я встречал в аэропорту. Добрый, любящий людей человек в нем читается с первого взгляда. Этими впечатлениями поделился с губернатором. Она согласилась.

Наталья КОМАРОВА: Удивительный человек. Очень добрый и светлый. Я была на хиротонии в Троице-Сергиевой лавре 12 июня. Там было очень много людей. Так вот, чтоб вы знали: за ним приехали его духовные чада из Италии. Это не какие-то богатые, ресурсные люди. Обычные, просто те, кто очень любит епископа Павла. Но они приехали в другую страну и рыдали у меня на плече, говорили, что отдают нам любимого пастыря, просили беречь и любить владыку. Это дорогого стоит. И Святейший патриарх Кирилл говорил о владыке много добрых слов...

Рождение епархии губернатор считает значимым событием в истории Русской Православной Церкви и в истории Югры, и не только потому, что это, несомненно, серьезный шаг в развитии общества и в развитии региона, сколько потому, что Наталья Комарова прошла свой личный путь к Богу. Я знаю, что губернатор ходит в храм, когда есть время, приходит без свиты, тихо, молится среди других прихожан.

Н. К.: Я родилась в семье, где, по сути, насаждался атеизм. Мой папа работал в партийных органах и, естественно, не позволил бы, чтобы его дети были крещены. Это своего рода личный пример. Но моего младшего брата мама с бабушкой, преодолев все эти семейные препятствия, все-таки крестили, потому что он очень болел. И они посчитали, что это единственный способ “вытащить” ребенка. Так и случилось. Слава Богу, у меня замечательный брат, он жив, здоров и по сей день рядом со мной. А я так и оставалась некрещеной. Без Божиего благословения. И только в 1993 году я приняла крещение. В значительной степени на это решение повлияло и беспокойство мамы о том, что я по вине родителей осталась без ангела-хранителя. Она переживала, чувствовала вину передо мной. И мне, в свою очередь, передавалось беспокойство. И, честно говоря, отец к этому времени тоже хотел этого. В целом то было вызревшее решение, то есть ощущение Бога, присутствия Его, водительства, оно было и до крещения. В каждом человеке есть знание о Боге. С молоком матери, что ли, это приходит? Поэтому крещение было для меня душевным порывом, внутренней необходимостью, а не каким-то просчитанным шагом. Я так хотела. Это как любовь. Когда спрашивают: а за что ты любишь? Да откуда я знаю, просто люблю и всё. Так и здесь. Путь к Богу – это внутреннее. Сокровенное.

Сергей КОЗЛОВ: *Измеряете ли вы всё, что делаете, всё, что происходит, и всё, что делают другие, через свет Нагорной проповеди Спасителя?*

Н. К.: Можно так сказать. Да. Но это больше интуитивно. Этот вопрос задают по-разному: что для вас является весами между добром и злом? Или простейшее: что такое хорошо и что такое плохо? Что значит: правильное – неправильное решение? Для меня это определение того, что оно повлечет за собой для отдельно взятого человека. И в Государственной Думе об этом приходилось думать постоянно: а как это отразится на конкретном человеке? Я иногда думаю, когда мы соизмеряем наши решения – финансово-экономические, социально-экономические – вот бы формулу какую-нибудь выдумать, определяющую влияние решения на человека. Именно на отдельно взятого человека. Потому что слово “народ” появляется только тогда, когда есть слово “человек”. Вот бы такую формулу вывести...

Потому что когда забываешь об этом правиле соизмерения любых решений – как они повлияют на человека – надо менять работу.

Вообще вера для Натальи Комаровой – слово ключевое. Не только вера в Бога, но и вера в дело, в профессионализм и профессию.

Веру в свои силы губернатору дают знания и прагматичный подход к решению поставленной задачи. А задачу просто надо выполнять, даже если на данный момент она выглядит далекой от реальности.

Наталья Комарова в некотором смысле человек в политике нестандартный. Она умеет говорить “нет” и принимать непопулярные решения. “Я предпочитаю четкий отказ сразу, чем задерживать ответ, тянуть, пытаться его завуалировать, и что еще хуже – давать иллюзорную надежду. Мне спокойнее, когда я говорю правду. Возможно, это связано с тем, что я предпочитаю, чтобы работа была продуктивной. Должен быть результат. И когда я говорю “да” или “нет”, это тоже работа на результат”.

С. К.: Как же вы тогда боретесь с чиновничеством, ведь оно так устроено, что всегда стремится подменить результат процессом?

Н. К.: Это просто вопрос распределения времени, не более того. По моим внутренним ощущениям любой протокольной встрече, любому церемониальному событию я предпочту работу – конкретную, точную, повседневную. Хотя я понимаю необходимость мероприятий и стараюсь обратить их на пользу делу. Но если точнее, я просто работаю. И если для работы нужно 24 часа, я делаю это 24 часа. И когда мне подчиненные жалуются на нехватку времени при выполнении поручений, то я понимаю, что они просто не организовали себя. Я сократила количество заместителей до девяти. У каждого из них свое направление. А у меня – все направления. При этом я никогда не задерживаю решения, никто из них целый день не ждет моего решения. Поэтому как-то неубедительно звучит, когда мне говорят: я не успел, я проводил совещание. Но результата-то нет! Значит, человек ошибся в организации своего рабочего времени.

С. К.: В работе с подчиненными чему Вы отдадите приоритет: профессиональной инициативе или безупречному подчинению?

Н. К.: Профессиональной инициативе. Но с ней все реже приходится сталкиваться. Я всячески демонстрирую, что мне импонирует именно инициатива. В то же время даже самый известный мотиватор – “кнут и пряник” – часто бывает бесполезным в деле повышения качества нашей руководящей деятельности, над чем сегодня мы и работаем. Разговариваешь с человеком, который исполнял документ, спрашиваешь, почему вы так написали. И тут начинает действовать самая распространенная “отмазка”: “Я имел в виду...” И приходится спрашивать человека: ощущает ли он разницу между тем, что здесь написано, и тем, что он “имел в виду”? И что, вы теперь каждому человеку будете объяснять, что вы “имели в виду”?

С. К.: Лев Гумилев видел прямую связь между искажением языка и умиранием этноса в контексте снижения пассионарности русского народа. Пассионарные, молодые кавказские народы, среднеазиатские народы сегодня покидают ареалы компактного проживания, и эта миграция беспокоит коренных жителей. Как Вы видите решение этой проблемы?

И. К.: Кавказские старейшины говорят, что сегодня и на Кавказе многие традиции пошатнулись. Особенно это касается поколения, которое росло параллельно с войнами. Многие из этих ребят даже в школе не учились толком. И к великому сожалению, они не являются носителями традиций, которыми славны кавказские народы. И если раньше можно было решать целый комплекс проблем со старейшинами, с уважаемыми людьми, то сегодня такой гарантии нет.

С. К.: На Комиссии по противодействию экстремизму вы напрямую спросили руководителей диаспор о том, что они могут сделать, как могут повлиять на поведение молодежи, прибывающей сюда. И ничего конкретного в ответ не услышали...

Н. К.: Да... Это так... И надо понимать, что миграция в Югру сложилась не за последние два года. Всем известно, что кавказский человек никогда на пустое место не приедет. Сначала закладывается база, а потом уже начинается поток, который обуславливается, скажем, целой линией рода, тейпа и т. д. И, конечно, пусковой момент миграции – это трудности в регионе постоянного проживания, трудности в стране в целом. Перестала работать знаменитая поговорка: где родился, там и пригодился. И причина миграции

не в компетенции муниципалитета или даже региона, это общегосударственная задача. Колоссально трудная для решения. Но тем, кто перебивает политикам кости в комментариях на сайтах или просто на улицах, проще сказать, что это Комарова виновата. Комарова – и всё. И думать ни над чем не надо. Назначили виноватой. Да, я отвечаю за всё, что происходит на вверенной мне территории, не отказываюсь от ответственности. Когда политик у власти, его действия по национальным, религиозным вопросам должны быть максимально взвешенными. Ведь на кону целостность России.

С. К.: *Сейчас идёт кампания по урезанию гуманитарных дисциплин. Они и так по 7% бюджетных мест в вузах ежегодно теряли, теперь президент сказал, что нам нужны инженеры, технари. Всё правильно. Но грядет прогнозируемое сокращение гуманитарных бюджетных мест в вузах – 15%.*

Н. К.: Я не считаю, что гуманитарные знания мешают состояться человеку в любой профессии. Более того, я считаю: они формируют базовые ценности. Честь, совесть. Они должны быть у любого человека. Они нужны и математику, и физику, и инженеру. В любом деле они в помощь. Потому что только гуманитарные знания помогают человеку находить, определять правила человеческого поведения. Заставляют работать совесть. Я сама прагматик, и образование у меня далекое от гуманитарного, но я нуждаюсь в том, чтобы свои профессиональные навыки, качества подпитывать, усиливать базой гуманитарных знаний, философией, историей, литературой. Они помогают мне быть понятнее для людей. Я считаю, развитие гуманитарных знаний, гуманитарных наук надо поддерживать.

С. К.: *Мне иногда кажется, что мы в очередной раз уже не выдержим какой-нибудь кампанийщины, сверхзадачи, такое чувство, что перед Россией постоянно ставят сверхзадачи – построить справедливое общество, пожертвовав миллионами людей, победить Гитлера и всю Европу. . . И многим сегодня видится, что силы уже исчерпаны, что уже только вмешательство Самого Бога нам поможет.*

Н. К.: Любый потенциал исчерпаем. Но, с другой стороны, Россия переживала на протяжении своей истории немало тяжелых эпох и восставала, как феникс из пепла. А то, что есть люди, которые сигналият, которые сообщают обществу о болевых точках, об опасности, о тревогах, сомнениях, – это правильно, это нормально. В обществе, как в организме, и должны быть те нервные волокна, которые сообщают всему организму о боли. И без сомнений нельзя, иначе движение будет бездумным.

С. К.: *Что вы больше цените в мужчинах? – тут же оправдываюсь. – Это не женский вопрос, это для нас – мужчин.*

Н. К.: Ум, честность, юмор и доброта. . .

С. К.: *Детский вопрос: ваше отношение к домашним животным?*

Н. К.: Мои дети держат котов. У обеих дочерей есть коты, и я их люблю. Получаю удовольствие от общения с этими котами – Пончиком и Бантиком. Себе не завожу лишь потому, что у меня гипертрофированное чувство ответственности, я не смогу спокойно работать, зная, что у меня там кто-то без еды, без ласки. Животных я люблю. . .

С. К.: *А музыку? Об этом вас, похоже, почему-то не спрашивали.*

Н. К.: Да, не спрашивали. Вообще у нас в семье мой муж Вадим – эксперт по музыке. Я – постольку поскольку. Но если говорить о предпочтениях, то я люблю классику. Может, кому-то это покажется странным выбором, с точки зрения совершенно разного подхода к духу музыки, но я особенно люблю Чайковского и Вагнера. Хотя продвинутым меломаном себя не считаю. Слушаю музыку в машине, в пути.

Одержимость Натальи Комаровой работой поражает многих. Но она ее объясняет просто. Новые импульсы и заряд энергии губернатору дают люди.

Несколько минут общения с хорошим, интересным человеком может зарядить и придать силы на целый день. Но самое главное – не ждать ни от кого благодарности и не бояться делать ошибки. Если идешь на такую работу и ожидаешь благодарностей, то лучше и не идти. А ошибки, сделанные вчера, можно исправить завтра. Бездействие страшнее всего.

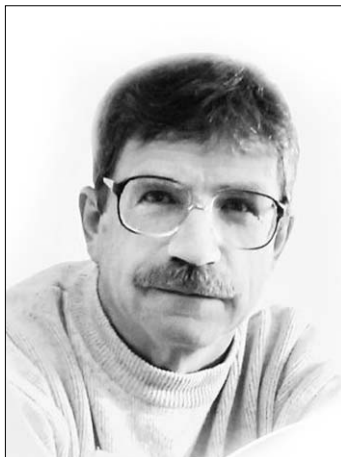
Судьба постоянно возвращала Наталью Комарову на Север. И даже живя 8 лет в Москве, во время работы депутатом Госдумы, в столице не задерживалась, ездила по стране и видела жизнь людей в разных отдаленных угол-

ках. Поэтому северян она может безошибочно узнать и выделить из толпы. Это особенные люди.

Огромную роль в становлении личности и характера Натальи Комаровой сыграл ее отец, человек незаурядный и сильный духом. Ну и еще, разумеется, книги, много книг, которые маленькая Наташа читала запоем, родители даже пытались с этим бороться, но потом приняли как данность.

Наталья Комарова считает, что в жизни ей очень повезло на хороших людей, которые были учителями и помогли в трудную минуту. Благодаря им она открыла для себя такой тяжелый и одновременно такой простой рецепт счастья: любить людей, прощать всё, но никогда не принимать ложь, никогда с ней не соглашаться. И, разумеется, успевать делать добро.

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

СЕВЕР

В ОКТЯБРЕ

Вьюга деревья намылит —
Дождик промоет листву.
Птица прострелит навывлет
Там, где пройти не рискну.

Рябь просверкает погоже,
Чтобы продлиться уже
Острым ознобом по коже
И благодатью в душе.

Радует бодрая пёстрость
Свежих берез, что тишком
Густо присыпали пропасть
Под опрокинутым пнём.

Волковец Владимир родился 22 февраля 1953 г. в пос. Чур Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский совхоз-техникум в Костромской области в 1972 г. и Литературный институт им. А.М. Горького в 1986 г. Стихи публиковались в еженедельнике "Литературная Россия", в журналах "Мир Севера", "Наш Современник", "Странник", "Урал", "Югра" и многих др. Автор сборников стихов "Сосновый дом" 1982, "Отцовский лес" 1986, "День начинается с ветра" 1991, "Встретимся в августе" 1994, "Солнце на подоконнике" 1998, "Осень на Севере" 1998, стихов и прозы "Октябрьный бездорожье" 2001, "Одно-единственное" 2005. Член Союза писателей России с 1988 года. Лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы в 2004 году. Живет в г. Советском.

Вижу сквозь тонкие ивы
Дальше, чем месяц назад,
Ели над взлобьем обрыва
Темной короной стоят.

Слева в болотистой чаше
Озеро, справа — сквозь лес
Вьётся дорога...

А дальше? —
Край облаков и небес.

* * *

Со вздохом обрушился в воду
Подмытый течением снег.
Весна подтолкнула к разброду
В душе, чтоб удрать ото всех.

Давно не с любовью, а болью,
Что с нежностью пополам,
Тянусь к тишине и раздолью,
Лесным и речным берегам.

Бывало, жестокие страсти
Гремели в медвежьих углах.
Бывало, и прихвостней власти
Топили в глухих омутах...

В апреле погода слоиста —
То слякоть, то прелая тишь...
У речки есть память на лица.
Но разве их всех различишь?

Вчера еще в славе и силе
С судьбой состязались легко,
А нынче как будто не жили —
Всех вечной водой унесло.

* * *

Снег, темнея, таял с хлюпом.
А когда совсем исчез,
Не сговариваясь, с внуком
Завернули в мокрый лес.
Где рассеянная просинь
И синичий переклик,
Где среди берез и сосен
Кедр — единственный мужик.
Где холодный запах снега
Вспоминается с трудом,
Где не выпрямился с лета
Мох, примятый сапогом...

* * *

Деревья разговаривают с ветром
Размашистыми жестами вдогонку.

И норвят за шиворот при этом
Закинуть мне то шишку, то иголку.

В сухое лето поздние маслята
У сосен приютились по привычке.
Мне с облаком грибного аромата
Никто не удивился в электричке.

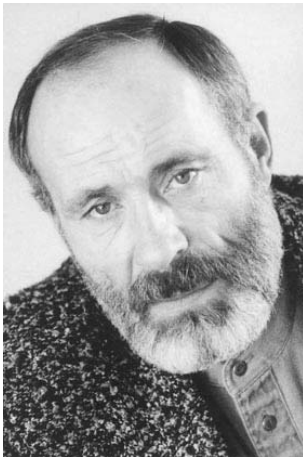
В углу веселье с баночками пива,
В другом — игра в ладонях мальчугана,
У пожилых — обложка детектива
Да переплет любовного романа.

В окне средневековые коттеджи
Торчат из среднерусского пейзажа.
И ощущение грусти и надежды
На лучшее растет и крепнет даже.

ДОЛГИЙ БЕГ НА МЕСТЕ

Жил в общежитии и бараке,
В четвертушке щитовой,
Жил при свете и во мраке,
Жил в отеле на Тверской,
Жил в вагонах на вокзале,
В переходах на метро.
Жил на сельском сеновале,
Где пахуче и пестро.
Жил в казарме и палатке,
Жил в бревенчатой избе,
Жил ни солоно, ни сладко,
То в смиренье, то в гульбе.
Жил в дурдоме и больнице,
Жил под скальпелем врача.
Жил в деревне и столице.
Жил со злом и сгоряча.
Жил обманутым и битым.
Жил в редакциях газет,
Жил ненужным и забытым,
Жил как бомж и как поэт.
Жил с деньгами и долгами.
Жил в рыбацком шалаше.
Жил с друзьями и врагами.
Жил с сомненьями в душе.
Жил с татарами и коми,
Жил в Перми и Костроме,
Жил в глуши и на пароме,
Жил по-царски и в дерьме.
Жил и верил простодыро
В коммунизм и ЦСКА,
Жил, чиновного мундира
Не примеривал пока,
Бестолково жил и с риском,
Жил и в шубе, и в плаще...
И прожив полвека с лишком,
Вроде не жил вообще.

ПЁТР СУХАНОВ

ПЕСНЯ СЫНА ЮГРЫ

* * *

— Эй, Югра!..
Я твой верный сын.
Через тысячи лет и тайгу
По родимым краям —
меж чужбин —
словно белка за счастьем бегу!..
На пути моем
острый камыш —
перевалы, овраги, топь...
Мой отец — богатырь Иртыш.
Мать моя — красавица Обь,
Звери, птицы — мои друзья...

Суханов Петр Антонович (1947—2008). Окончил строительный техникум и Литературный институт им. А. М. Горького (1983), автор сборников стихов "Время первых признаний" (Москва, 1982), "Встреча" (Свердловск, 1984), "Миры и меры" (Москва, 1986), "Площадь Света" (Тюмень, 1995), "Высшая мера" (Свердловск, 1997), "Заворот" (Сургут, 2001), "Разнолетья" (Сургут, 2003), басен для взрослых "В мире животных" (Екатеринбург, 1998), сказки для взрослых "Про коlobка и красавицу Бабу-Ягу" (Тюмень, 1999). Член Союза писателей России с 1988 г. Лауреат премии им Н. Чукмалдина (1995), премии Губернатора ХМАО-Югры в области литературы (2001), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2005). Последние годы жил и скончался в Сургуте.

Вечный брат мой — кровный олень.
Эй, Югра!
Твое небо — мой кров.
Я — твой сын,
Твоя кровная тень
В бесконечных кругах веков!

ЗАВОРОТЬ

Если всё хорошо — значит, что-то не так...
Значит, жди неприятностей, сглаза, подвоха!
И сжимается *ВРЕМЯ* в огромный кулак:
если счастлив —
кому-нибудь плохо.
Вот и маюсь по улицам, словно балбес...
Застреваю в законах, как в карантине.
Но — глядишь, забреду неожиданно в лес,
в благодатную тишь, очень редкую ныне!..
Посижу на траве меж осин и берёз,
костерком задымлю беспокойную душу...
Ах, как много в нас силы и грёз!..
Ах, нам жить бы да жить —
дружелюбней
и лучше!..
Разве верили пращурь в красный террор,
неделимую Русь сберегая всецело?!
Упокоилась правда их... Распри и мор
раскрутили
сквозняк беспредела!..
И, корёжа эпоху, кровавая гарь,
как бельмо на глазу, затвердела...
Чую, будет другой пономарь!..
Но в послушниках — та же капелла...
Ну, да можно и кладбища сдать под бардак,
переставить границы, размазать таможни...
Если больно душе — значит, что-то не так!..
Если скверно в стране — значит, истины ложны.

В ГРЕЦИИ

Как приеду домой — сяду к печке погреться...
И, уже засыпая, подумаю вдруг,
что Эгейское море
и жаркая Греция
не заменят мне в жизни морозов и вьюг!
Никогда
эти вечные гордые горы
в ореоле божественном древних небес
Не подарят мне счастья,
не спрячут от горя...
Разве что в их легендах зарыт интерес!..
Созерцаю ли дали туманной Эллады,
опускаюсь ли в грот Параскевы святой —
всюду чувствую: здесь
мне не рады...
Тянет кровная Родина душу домой!
Вот вернусь из заморья — согреюсь у печки.

А наутро, проснувшись ни свет ни заря,
прибегу
к одинокой и худенькой речке...
И видал я
солёные
ваши
моря!

СУРГУТ

Я вошел в этот город,
как входят в Мечту,
не задворками, а с самолета!..
Кое-кто говорил, что навек пропаду —
не пропал!
Приютила работа.
Здесь
дороги и трассы мои пролегли,
и, бывало, что жил
на одних только нервах...
Этот город — мой дом
на просторах земли!
Здесь я рос и крепчал
в непролазных карьерах.
И когда я бываю в других городах,
где метро и трамваи
и больше уюта —
все равно я грущу о таежных краях
и не мыслю свой век без Сургута!

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ*

РОМАН

Зачем изобретать машину времени? Историю уже не изменить, ибо пытаться менять историю — значит пытаться спорить с Богом. Есть желающие поспорить? Даже если за такой спор возьмется все человечество (что уже не единожды бывало), то дискуссия закончится явно не в его пользу. Да и можно ли путешествовать во времени глубже своей собственной жизни? Если можно, жизнь может потерять смысл, ну не смысл, так, собственно, интерес к этой самой отдельно взятой жизни.

Обо всем этом думал инженер-конструктор Сергей Кошкин, который месяц назад, пользуясь доступом к необходимым деталям и лабораториям, изобрел машину времени. Но одно дело изобрести, совсем другое — решиться на испытание, особенно если нет никаких сомнений, что изобретение оправдает надежды своего создателя. Прочитав в детстве книгу Уэллса, Сережа Кошкин воображал себя обладателем машины времени. В зависимости от возраста, обстоятельств или под влиянием других прочитанных книг, машина меняла размеры, принцип действия, и назначение. Пятиклассник Кошкин

КОЗЛОВ Сергей Сергеевич родился в 1966 г. в г. Тюмени. Окончил исторический факультет Тюменского государственного педагогического института. По образованию историк. Работал учителем истории, музыкантом, сторожем, текстовиком в рекламном агентстве. Играл в группе "Нефть". С 1998 г. работает директором средней школы. Пишет прозу, стихи, публицистику. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы. Живёт в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского района.

---

* Журнальный вариант.

мечтал поучаствовать в Ледовом побоище и косить немецких псов-рыцарей из пулемета Дегтярева. Почему-то именно из пулемета Дегтярева с круглым диском на стволе. Таким же образом он мечтал остановить татарские орды под Рязанью. Еще одной, правда, уже тайной мечтой Сергея Кошкина было спасение царской семьи, но во времена развитого социализма он побаивался рассказывать об этом даже самым близким людям. Причиной такого неожиданного желания было смутное понимание катастрофы русской цивилизации в 1917 году и чувство ужасной несправедливости по отношению к монаршей семье. Особенно ему было жалко больного царевича Алексея. Чуть позже он очень жалел юных красивых царевен. И даже конституционно закрепленная идеология марксизма-ленинизма, диалектически обоснованная неизбежность краха самодержавия и необходимость расправы над царской семьей, не могла поколебать этой мальчишеской жалости и стремления исправить страшный грех царубийства.

Всякое приходило в голову Сергею Кошкину по поводу применения машины времени, но неизменным оставалось главное — машина должна быть изобретена. Работа в “ящике”, как до сих пор называют закрытые НИИ и конструкторские бюро, где лучшие умы трудятся над освещением современного оружия, позволила Кошкину совмещать участие в изобретении новейших систем электронного наведения ракет “воздух-воздух” с воплощением детской мечты. Главный конструктор Марченко однажды застал его за чертежами хобби, и, казалось, должен был покарать растратчика рабочего времени и похитителя деталей, но только улыбнулся и сказал: “Делай, Сережа, делай, из самых запредельных идей часто получаются неожиданные и нужные решения”. И Сережа делал...

Работа заняла 15 лет и прерывалась только необходимостью выполнения служебных обязанностей, что обуславливалось природной ответственностью и добросовестностью Кошкина. Еще одним фактором снижения темпов была любовь, а чуть позже — женитьба.

Лена Варламова вошла в жизнь Кошкина на третьем курсе, во время осенней кампании помощи спивающимся колхозам и совхозам. Будущие инженеры волею областного начальства оказались на одном капустном поле с будущими филологами. Впоследствии выражения “рубить капусту” и “в капусте нашли” в семье Кошкиных обрели трансцендентный и одновременно иронический смысл. Вот так и сходились физики и лирики, спасая урожай и поддерживая имидж партийных вождей, мечтающих об интенсификации сельскохозяйственного производства.

Зеленоглазая и гибкая, как хитрая домашняя кошка, Лена, высокая и стройная, напичканная Достоевским, Булгаковым, Маркесом, Гессе и модным тогда, но нудным всегда Набоковым, была соткана из другого, нежели Кошкин, материала. Но это не помешало им полыхнуть любовью с первого взгляда так, что свадьбу пришлось играть уже через месяц после знакомства. Кошкин в этом случае убивал несколько зайцев: получал самую красивую девушку университета, которую на протяжении более длительных ухаживаний могли и отбить, выигрывал время для работы над своим фантастическим прибором, получал сообщницу, которая, хоть и не особо верила в успех инженерного гения Кошкина, но прагматично ценила его талант, не без оснований предполагая взлет его карьеры. Насчет машины времени она то ли серьезно, то ли полшутя приговаривала: “Вот, слетаем, спасем второй том “Мертвых душ”, вытащим из огня и докажем, что рукописи не горят”. Кошкин молчал, он уже тогда догадывался, что сгоревшее не вернуть. А вот насчет карьеры Леночка была права. После института Кошкин был единственным, кого пригласили на очень хороших условиях с предоставлением жилья в “ящик”. Днем Кошкин творил электронику для ракет, вечером корпел над собственной мечтой, а ночью сходил с ума от любви к своей жене, которая год от года становилась только прекраснее и подавала ему себя с ничем не сравнимым и неописуемым (в целях соблюдения нравственности) шармом. Коллеги Кошкина истекали слюной, когда она в вечернем платье посещала банкеты по случаю удачных испытаний нового советского оружия. Появление ее за столом определяло изменение идеологического содержания тостов:

вместо того чтобы произносить здравицы советскому оружию и чуткому руководству КПСС хотя бы в начале банкета, уже первый тост произносился “за дам”, после чего главный конструктор, поглаживая мудрые седины, доставившие немало хлопот как вермахту, так и НАТО, начинал поименно хвалить своих подчиненных, а на Кошкине задерживался особо, потому как не мог скрыть удовольствия, что повезло тому не только с талантом, но и с женой, что для мужчины является двойной удачей.

Ах, Леночка! От комплиментов и армянского коньяка у нее кружилась голова, и следом она сама кружилась в танце со всеми подряд, потому что Кошкин щедро делился красотой своей жены в допустимых общественной моралью пределах, а генетическая воспитанность интеллигента в ...надцатом поколении не позволяла инженеру увести ее до того, как она сама, падая ему на колени и обнимая за шею, начинала шептать: “Сереженька, пора, я уже так тебя хочу, что сейчас утащу в какую-нибудь подсобку с ракетным топливом, и мы очнемся завтра где-нибудь на Марсе”. И Сереженька тут же подхватывал ее за талию и вел на выход. У него и самого аж челюсти сводило от страсти. При этом он едва успевал подумать о том, можно ли считать нормальной такую кипучую любовь, как уже наступало утро следующего дня, требовавшее от него усилий другого порядка. Следует признать, что любовь отодвинула изобретение машины времени примерно на 6-7 лет. Но на значительно больший срок остановила изобретение Кошкина эпоха, получившая в анналах истории название “перестройка”.

К этому времени Сергей Павлович Кошкин уже был лауреатом нескольких государственных премий, стал правой рукой главного конструктора, а до изобретения машины времени оставалось “каких-то” 10 лет. И что мне вам рассказывать о том, как зарплаты ведущих инженеров оборонки в одночасье превратились в мизер, а потом и вообще перестали выплачиваться. Об этом уже написано в сотнях рассказов, повестей, романов, да так, что литература мутировала от социалистического реализма до постмодернизма и сопредельного с ним абсурда. Стоит ли в очередной раз рассказывать о крысах, бегущих с тонущего корабля, и честных капитанах, уходящих под воду, кои, оставаясь на мостике, печально смотрят в непредсказуемую даль будущего. Кошкин числился в рядах последних.

Что-то недоброе происходило со страной и что-то неладное происходило с любовью. Все реже Лена восхищалась талантом Кошкина и все чаще вечерами, ссылаясь на усталость, падала на помнящую лучшие времена двуспалку и отворачивалась к стене. Казалось бы, Кошкин должен целиком уйти в работу, в творчество, но он, напротив, расклеился и был крайне расфокусирован. Главный понимающе исправлял за него ошибки в расчетах и чертежах, за которые давно уже никто не платил. Оба они вздыхали, выпивали по рюмке коньяку с чаем и закусывали галетами. Первые два-три года говорили о политике, а потом уже просто многозначительно молчали, ибо время говорило само за себя. И вообще получалось, что данное время движется как-то само по себе, мимо оставшихся на полустанках людей, таких, как Марченко и Кошкин, а они, будто зомбированные, стоят и взирают со стороны на лакированные иномарки, на меняющиеся, но очень похожие (печатью порока) лица министров, на падающие самолеты и тонущие корабли, на останавливающиеся заводы и пустеющие по вечерам улицы, на заезжих забултых советчиков и капиталистов, на экскурсии натовских генералов по собственному НИИ, что еще пять лет назад можно было считать не менее абсурдным, чем заначка в долларах. Все окружающее казалось им не более чем наваждением, которое вот-вот развееется, и даже, показалось, рассеивается — 19 августа 1991 года, когда по радио читали обращение ГКЧП. Но только показалось. Туман над страной, напротив, сгустился. И скорее даже не туман, а какой-то ядовитый угар, который при вдыхании вызывал тяжелую стадию опьянения, превращающую массовый суицид в очередную галлюцинацию о светлом будущем.

Свою работу конструкторы делали по инерции, а также вследствие генетического патриотизма, свойственного настоящим русским людям независимо от фамилии, возраста и национальности. Так же, по инерции, продвига-

лась работа над мечтой Сергея Павловича Кошкина. Но любовь по инерции существовать не может, по инерции она может только угасать. И если вы с женой пять-семь лет не были на море, правильное сказать, не возили ее на заслуженно-показательный отдых — нет вам оправдания! В конце концов, она уедет туда с кем-нибудь другим. Для этого достаточно, чтобы у нее были соответствующие внешние данные, а в ее зараженном марксизмом-феминизмом сознании появилось надлежащее тому обоснование. И тогда в один из бесконечных ни к чему не обязывающих, но еще семейных вечеров она непременно скажет вам: “Серезжа (Ваня, Петя, Вова и т. д.), я устала, я не вижу выхода, я от тебя ухожу”. Куда можно уходить, если не видишь выхода? И что остается делать мужу?.. Нормальные люди будут продолжать изобретать машину времени.

Через пять лет в стране подуют другие ветры, туман не развеет, но качественно изменится его содержание, за изобретение оружия снова начнут платить деньги, и даже вернут задолженность по зарплате за несколько предыдущих лет, но тем же ветром жену обратно в дом не надует. К этому времени выяснится, что сын Кошкина учится где-то в Сорбонне, что друзья семьи Кошкиных были в основном друзьями Елены, а круг близких друзей самого Кошкина сузится до трех человек: еле передвигающего ноги дважды Героя Социалистического труда Михаила Ивановича Марченко, вечно хмурого, но добродушного героя чеченской войны охранника Дорохова и уборщицы служебных помещений с высокой степенью допуска Марилловны (Марьи Гавриловны). Седая и вечно причитающая, как профессиональная плакальщица, Марилловна была единственной нянькой и кормилицей непризнанного гения. Из своей скудной зарплаты она выкраивала средства для покупки нехитрой снеди, чтобы вечерами, когда он засиживался в лаборатории, подкармливать его вслед за чаем из чернопузой (от многолетнего налета) банки, где вечным кипятильником работали два самых безопасных в мире лезвия “Нева”. В обмен на заботу брала немного: право попричитать и право чего-нибудь посоветовать.

— Вот вижу же, не ракету нынче делаешь! Когда ракету делаешь, у тебя глаза горят, а когда не ракету — они у тебя с поволокой, как у оленя убитого.

— Не ракету, — отвечал автопилот Кошкина.

— Ну так чаво?

— Машину времени, Марилловна.

— А зачем? Она же не стреляет? — переживала за ВПК Марилловна.

— Не стреляет, — соглашался автопилот.

— А раз не стреляет — денег не заплатят!

— Не заплатят.

— А коль не заплатят, на кой ляд она нужна?

Автопилот Кошкина давал сбой, если в вопросе не звучал ответ. Сергей Павлович откладывал в сторону паяльник и с тоской смотрел на старушку:

— И действительно — на кой ляд она нужна?

Разговор этот повторялся почти ежедневно с 21-30 до 22-00 и заканчивался предложением Марилловны почаевничать, чтобы инженерная мысль не угасла от голода. На запах снеди всегда появлялся майор Дорохов с неизменной полевой фляжкой и некоторым запасом провианта, что собирала ему на дежурство зампочты жена. И вставлял в разговор короткие, но емкие суждения, приперченные ненормативной лексикой по поводу состояния современной политики, семейной жизни и вооружения российской армии.

В один из майских вечеров, когда за бетонными стенами “ящика” в одночасье взорвались белым конфетти яблони, и мир сходил с ума от любви, Марилловна нарушила вдруг штампованное течение разговора. Она вошла в лабораторию с явными следами недавнего умственного озарения на лице, хитро улыбаясь, будто только что выведала самую сокровенную тайну окружающей ее действительности, и тайна эта оказалась частного характера.

— Я знаю, зачем ты машину времени делаешь! — огласила уборщица.

— Зачем? — бесцветным голосом спросил автопилот.

— Елену Прекрасную хочешь вернуть! — салютный залп через вставную челюсть.

Компьютер автопилота завис.

До сих пор Кошкин, если и задумывался над смыслом своего изобретения, то как-то несерьезно, используя второстепенные каналы своего мозга для движения мыслей по этому поводу, и всякий раз загонял их в глухие тупики, чтобы не высовывались до срока. В сущности, он боялся думать об этом, ибо вопрос этот ответа не имел. Больше приходилось обдумывать последствия подобного изобретения. А тут появился божий одуванчик со шваброй в руках и, пользуясь бытовой народной смекалкой, определил совершенно субъективную цель, которая, если и была самым неожиданным и безумным решением, но давно ожидала прямого попадания где-то в глухих закутках кошкинского сознания.

В этот вечер работа над прибором была закончена.

Кошкин позволил себе сходить в магазин и приобрести там бутылку коньяка, но Дорохов и Марилловна, принявшие самое деятельное участие в его употреблении, об окончании работ ничего не знали еще месяц. Преодолевая огромное искушение, Сергей Павлович аккуратно выполнял государственный заказ и обдумывал моральную сторону применения своего изобретения на практике. Пусковым моментом стал разговор с майором Дороховым.

— Знаешь, Палыч, если бы машина времени действительно была возможна, а не гундосила голосом Макаревича, я б вернул ротного номер три. Хороший был парень. Старлей. На таких Россия испокон веку стояла. Эх! Аулы-кишлаки, население мирное!.. — охранник сделал затяжку глубиной в полсигареты и окутался клубами дыма так, что осталась видна только неизменная на “боевом” дежурстве тельняшка.

Помолчав, он с сухой горечью в голосе продолжил:

— Я его с отделением разведчиков не той дорогой послал. Можно было в обход, огородами... Да мы ж все торопимся: вроде и чистили недавно. Чужая, там могут быть чехи, снайперов я шестым позвонком чую, а тут... На авось пошли... Облажался я, Палыч, и с тех пор мне Толик стабильно раз в неделю снится. По гражданке одет, улыбается и успокаивает: у меня, мол, все нормально, комбат, я здесь в отпуске... Он перед второй командировкой жениться успел, сына очень хотел. Жена красавица...

Кошкин вздрогнул, вздохнул, фамилия заскребла на душе. Вместе со словами Дорохова безысходная грусть дотянулась к сердцу инженера.

— Машина возможна, вот она — на столе. А вот вернуть кого-то с того света — невозможно. Промысл Божий не обойти. Это вроде как преступление...

— Знаешь что?! — польхнуло еще полсигареты до самого фильтра. — Не попробовать — это преступление! Доморощенный фатализм это, Палыч! Вот ты меня туда пусти, а я разведгруппе задание по другому направлению дам. У меня такой камень с души упадет! Ты представь, тонет человек, просит о помощи, а тебе руку протянуть... И ты еще раздумываешь: морально — не морально, вернуть — не вернуть?..

— С той разницей, что человек уже утонул...

— Не мети пургу, Палыч! Если есть прошлое, есть настоящее, есть будущее, то прошлое — это когда-то и где-то длящееся настоящее! Оно все еще происходит. Это мы переместились относительно точки, а не точка относительно нас.

— Но причинно-следственные связи!..

— Тыфу ты! А кровнородственные связи!? Ты испытай на мне, я согласен, могу бумагу подписать. Тебе самому нельзя, вдруг что не так, ты хотя бы вернуть меня попробуешь.

Кошкин нахмурился. Его собственная идея испытаний машины была ничем не лучше.

— Хорошо, Вася, — он внимательно посмотрел Дорохову в глаза, — я включу эту штуку ради тебя, но ты мне пообещаешь: что бы ни случилось, ты сам никого убивать не будешь... И меня, после того, как вернешься.

— Обещаю, Серега! Слово офицера! — Дорохов достал заветную фляжку.

С вечера небо закрыли густые серые облака, не тучи еще, но уже не чистые белые перины и барашки, сначала цепляли макушки гор, а затемно облепились и поползли по склонам в долину, сливаясь с туманом. Ночью же видимым осталось только одно, подсвеченное луной, точно фонариком с подсевшими батарейками, облако. А на земле не жгли костров. Мишень с подсветкой — удача для снайпера.

Два Дороховых сидели друг напротив друга в командирской палатке, и младший очень хотел застрелить старшего, чтобы избавиться от ночного наваждения. Но старший говорил такие вещи, что не верить в его присутствие и правдивость мог только абсолютно лишенный здравого смысла человек. Представьте себе, что к вам вечером пришла ваша, чуть поседевшая и неромантично погрузневшая копия. От такого двойника захочется избавиться, потому как его существование противоречит всяческим физическим и биологическим законам. Но вот он начинает рассказывать вам самое сокровенное из вашего прошлого, чего никто, кроме вас, не знает, да и вы хотели бы, чтоб этого и не было никогда, и потому упрятали воспоминания так глубоко внутри себя, что открыть их можно только на Страшном Суде и то не по вашей воле. Никакие там гишозы и детекторы лжи подобные тайны добыть из темных глубин человеческого сознания не могут, ибо индивид изначально самого себя убедил, что это к нему не относится. Но мысль — не магнитофонная запись, ее стереть нельзя, какой бы немислимой она ни была.

Комбат Дорохов слушал свою копию и все больше понимал, что это именно он сам пришел к себе, только вот лет на пяток старше.

— А про Ленку Кирееву помнишь?.. — голосом прокурора пластами ворочал общую память старший Дорохов.

— Всё! Хватит! Всю душу вывернул! Это ж как ежом подавиться! Чего ты хочешь?

Старший Дорохов удовлетворенно хмыкнул.

— У меня четыре часа. Там, — он почему-то ткнул указательным пальцем вверх, — мой друг нажмет кнопку, и я вернусь. Во всяком случае, должен вернуться. Мы эту машину еще только испытываем.

Он сказал “мы” таким тоном, словно несколько лет вместе с Кошкиным корпел над чертежами и тыкал паяльником в микросхемы.

— Сейчас ты собираешься отправить через поселок в полковой штаб разведку и старшим — ротного Китаева. Пусть идут не по дороге, где на окраине недостроенные коттеджи и заброшенные халупы, а в обход. В седьмом справа доме несколько чехов скучают. У одного СВД.

— Но там же вчера эмвэдэшники чистили!

— Вот именно так я и думал. Слушай дальше, мы с тобой это гнездо поганое разворочим. Давай кинем еще два взвода к этому дому, ведро гранат в окна... Правда, есть одна загвоздка, сам я не могу пойти. Научный, понимаешь, — он передразнил Ельцина, — эксперимент не позволяет. Обещал я.

— А то мы без тебя не управимся!

— Ну так действуй. А я пока вздремну.

— Ты даже ничего не рассказал, что там будет! — кивнул комбат в сторону неопределенного будущего. — Хоть бы пару слов.

— Хреново будет, если ты эту пададь в огороде не закопаешь. Очень будет хреново! Вернешься, я тебе чего-нибудь расскажу, если успею. Говорю же, четыре часа у меня.

Младший озадаченно вздохнул, сидел молча еще минуту и шагнул за полог брезента в ночь.

Охранник Дорохов лег, не укрываясь, на спальник. Рука по привычке стала искать прохладный металл “макарова”. Чертыхнулся, какой пистолет у гражданского? Закрыл глаза и начал по-своему, по-военному молиться.

Минут через сорок со стороны поселка раздался взрыв, следом несколько очередей. И все стихло. Слишком быстро. В кровь искусал губы, подмывало вскочить и броситься туда, где только что был короткий ночной

бой. Останавливала не только клятва, данная Кошкину, но и легко представимая нелепость явления перед солдатами двух комбатов.

Еще минут через двадцать появился Дорохов-младший. Достал из полевого сейфа фляжку.

— Будешь? — и, не дождавись ответа, налил по полкружки себе и старшему.

Старший не спрашивал: не пацан, сам расскажет.

— Шестерых завалили. Гранат не жалели, кишки на стенах. Они там в нарды играли. Так мы им с десяток пашек и кинули. Шесть чехов и двое наших. Пленные, с комендантской роты...Еще будешь? — и уже налил.

— Буду, — у старшего заиграли желваки.

Выпили, не загусывая. Спирт опалил нутро, но душу не прижег.

— Может, эти комендантские и не жильцы были, но ребятам не по себе. Надо было вашу машину еще считать научить...

— Это нас с тобой надо считать научить. Там двое комендантских, а тут ты бы ротного и еще двоих потерял, плюс два трехсотых.

— Я уже их отправил, через зеленку, не по дороге. Ты не знаешь, на хрена Старцеву отделение наших разведчиков?

— Нет, зато знаю, что он днем сказал, когда Толика на брезенте принесли.

— Что?

— Какая это разведка, если на грабли наступает.

— В генералы, сука, готовится.

— Да прав он, только правда у него неприятная. Мог бы и промолчать. А лампасов ему не видать. Это я точно знаю.

— Неужели?..

— Да не... Не убьют. Березовский его с обменом пленных подставит. Темная какая-то история. Переведут Старцева на Дальний Восток.

Младший выстрелил затяжной матерщиной и собрался, было, налить по третьей, но вдалеке жажнул выстрел.

— Винтовка! — сказали оба.

Через мгновение сухим собачим лаем залились “калаши”. Звуки смешались, и уже было непонятно, какого рода бой идет в паре километров отсюда.

— Я пойду, — младший закрутил фляжку.

— Только побыстрей, мне чуть меньше часа осталось.

Неприятное, отдающее на язык свинцом предчувствие завладело старшим Дороховым. Он бессмысленно крутил в руках пустую кружку и каким-то задним, будто не своим умом начал понимать то, о чем говорил ему Кошкин. Нельзя спасти уже утонувшего? Или это прерогатива Господа Бога? И все равно упрямство русского майора было сильнее всех этих мудреных сентенций.

“Вроде, моросить должно уже?”, — с надеждой вспомнил серое утро отставной майор. Прислушался, первые мизерные капельки вкрадчиво топтались по палаточной ткани.

Когда вошел младший, он спросил, уже зная ответ:

— Толик?

— Толик... И еще двое... Раненых, правда, нет. Акбар этот, хренов, в обнимку с СВД, в зеленке сидел. То ли раньше ушел, то ли не дошел, то ли на очке во дворе зад подмывал, когда мы дом окружили... Не сработало что-то, Вася. — Младший впервые назвал старшего по имени.

Старший медленно смял в руках металл кружки.

— Я вот думаю, прав Кошкин, смерть не перехитрить, хотя я все равно не отступлюсь. В любом лабиринте должна быть нить Ариадны. У любой пули есть бесконечное множество траекторий полета. Если параллельные прямые все же не пересекаются, это не мешает стрелку, находящемуся на одной прямой, отстающему или опережающему цель, вести прицельный огонь в сторону другой параллели. Кто знает, может это и имеется виду, когда утверждают, что параллельные прямые пересекаются где-то в космическом пространстве, а там уже и не пространство оно в чистом виде, а то самое пространство-время! Черт, даже башка заболела от собственного умничанья.

— Вы там полегче машиной вашей балуйте. Я в детстве... — и поправился, — мы в детстве фантастику научную читали. Чревато это. Да и как бы машина эта в плохие руки не попала.

— Пулю из говна! — сказал старший и растворился в полумраке палатки, Дорохов младший остался один, покрутил в руках смятую кружку и, как мог, но почти на девяносто процентов выправил ее. Потом налил в обе и выпил за помин души старшего лейтенанта Китаева, хорошего парня. Вторую накрыл куском сыроватого, похожего по виду на пемзу, черного хлеба. Майору Дорохову было легче, чем могло быть. И старшему Дорохову тоже. Теперь они знали, что в смерти Толика они не виноваты. Правда, у обоих не пропало желание продырявить бородатого снайпера минутой раньше, чем он успеет прицелиться в старшего лейтенанта Китаева.

* * *

В лаборатории не было окон, чтобы первые солнечные лучи оплодотворили новым витком жизни застоявшийся воздух и поиграли пылью, невидимой под мертвосоющими лампами дневного света, дребезжание которых, вкупе с толщиной бетона, скрадывало щебетание ранних пташек.

— Ну что, получилось? — нетерпеливо стряхнул бессонную ночь Кошкин.

— Толика все равно убили. Правда, двоих не ранили!.. Это уже что-то. Но главное: я многое понял за эти несколько часов. Я понял, что не все решения и поступки человека принадлежат человеку, который считает, что он производит посредством их какое-либо действие. Витиевато, конечно. Хотя я не берусь утверждать, что это только Его решения, возможно, это решения того, кто пошел против Него, а может, это сумма, целая, но аморфная, с нашей точки зрения, вязь различных посылов. И данное объяснение не вступает в антагонизм с постулатом внутренней свободы человека, потому как решение — есть разность между накопленными положительными и отрицательными посылами, можно сказать, порывами, которые не всегда даже оформляются в ощутимые и проговариваемые умом мысли. Я не сторонник экскаваторных решений на уровне подсознания, но оценить инстинктивные порывы человека имел возможность на практике.

— Это когда знаешь, где упадет следующий снаряд, но не можешь объяснить?

— Так точно.

Кошкин внимательно посмотрел на Василия Дорохова. Перед ним сидел совсем другой человек, кратно не похожий на того, что несколько часов назад покинул в неизвестном для землян направлении стены секретной лаборатории. Предыдущие беседы с Дороховым были обильно посыпаны красным армейским перцем, а его суждения никогда не были размерены отлагательными прилагательными и спотыкающимися дееспричастиями, напротив, были односложно просты, как тот самый, упомянутый только что снаряд, летящий к выверенной цели.

— Я столько книг после встречи с собой в палатке перечитал, — продолжил Дорохов, — особенно после демобилизации. И верил и не верил. До сегодняшней ночи. И никому об этом не говорил. Иначе не миновать мне института Сербского. Что делать? Коллективное бессознательное витает в воздухе, мы вдыхаем его и начинаем принимать мир таким, какой он есть, или таким, которого нет! Все зависит от невидимой взвеси, поступающей в сознание из окружающей действительности-недействительности посредством дыхания, зрения, слуха и воздействия разного рода полей. Можно принимать это как данность, а можно по мере собственных сил участвовать в создании этой взвеси, наполняя ее индивидуальными качествами. Говоря проще, можно вдыхать сгущающийся яд и радоваться его наркотическому апокалипсическому воздействию, можно вдыхать и не радоваться, а терпеть, доколе хватит сил, а можно — пытаться хоть как-то разбавить его нейтрализующими и осветляющими ингредиентами.

— Мудрено.

— Все сказать — ночи не хватит.

Сергей Павлович понял, что перед ним действительно сидит совсем другой человек, с опытом, возведенным в степень прогулок во времени. С прежним майором его роднили только тельняшка и застиранный камуфляж.

— Полагаю, что парадокса времени нет! Упрощая суждения, берусь утверждать, что это не более чем борьба двух надисторических сил на определяемом только нами отрезке человеческого существования. Во вселенском понимании это не прямая, даже не спираль, а фигура не представляемая человеческим воображением. Алфавита не хватит, чтобы написать имя Бога. И Сына Его мы называем Царем и Спасителем, и два этих слова перевешивают вселенную! Ни Юнг, ни Конфуций, никакая “И цзин” не смогли приоткрыть мне и доли того, что я увидел внутри себя, переходя из одного состояния в другое. По сути — машина твоя невозможна, ибо встреча с самой собой также невозможна по простой причине обладания душой в единичном масштабе. Плоть разделить можно, душу нельзя! Ее и так в течение земной жизни терзают на две части между светом и тьмой! Но я испытал на себе действие твоей машины, я говорил сам с собой, я подталкивал себя не только к действиям, но и к их нравственной оценке и пришел к заключению, что принцип действия твоей машины схож с тем, что будет применен на Страшном Суде, когда человеку дано будет увидеть свою жизнь во всех ее прелестях и недостатках в одно мгновение, которое не будет измеряться временем. И еще, мне думается, ты не изобрел эту машину, ты ее выстрадал.

Молчание замерло на стрелках обесточенных приборов, юркнуло в разнокалиберные соединительные гнезда, прошелестело по дисплеям и успокоилось на дне неразменной банки для заварки чая.

— Ты хочешь попробовать еще раз? — тихо и настороженно спросил Кошкин, который понял, что опыт и знания не искореняют, а иногда, напротив, сопутствуют упрямству.

— Да. Но не сейчас. Мне нужно все рассчитать. Все продумать. Хотя, вроде и было время, я ждал этой ночи пять долгих лет.

— Вася, у меня тоже есть некоторые виды на этот прибор. Ты не согласишься...

— В любое удобное для тебя время!

О путешествии Кошкина условились на следующую ночь.

* * *

Взяв у больного (в очередной раз) Марченко по телефону отгул, Сергей Кошкин покинул охраняемую территорию “ящика”, пожелав доброго утра спянным дежурным на двух КПП, ибо лаборатория, как матрешка, была спрятана в огромном дворе завода, который помимо ракет, благодаря новому слову “конверсия”, выпускал теперь тефлоновую (в отечественном исполнении фторопластовую) посуду и утюги “с вертикальным взлетом”, как именовали хозяйки пароувлажнитель. Именно поэтому (а не только по поводу одностороннего российского разоружения) по заводу разрешалось снова иностранным шпионам под видом озабоченных развитием совместных предприятий бизнесменов. Империалистические монстры не мытьем, так катаньем вторгались в святая святых российского ВПК и “конверсионным” способом получали пай или хотя бы возможность следить за тем, что еще могут выдумать угрожающего их мусорной демократии (от слова урна) никак не желающие тихо спиться и умереть русские.

Но сейчас Кошкин был настолько далек от всей этой мироправительственной кутерьмы, что чуть было не прошел мимо своего излюбленного по утрам кафе, где всегда заказывал блинчики с мясом под сметаной и большую кружку “амбассадора”. Следует сказать, что, не взирая на смутное состояние Кошкина и других, отдельно взятых индивидуумов, да, в сущности, и в целом народа империи, майское утро дышало ни с чем не сравнимым запахом начала жизни. Вот у кого бы учиться парфюмерам! А они, говорят, создавая свои букеты, не брезгают рыться даже в дерьме. Хотя последнему со-

ответствует тоже вполне относящийся к жизни запах. Просто не лучший. Видимо, переработанная жизнь по-другому пахнуть не может. Дней пять назад, когда Кошкин радовался такому незатейливому, одетому в яблоневый цвет и голубое небо утру, его посетили отнюдь не пейзажные мысли, и он предполагал довести аналогии до логического конца. Место философских терзаний — кафе “Тещины блины”, совсем недалеко от КПП. И, пожалуй, все закончилось бы рассуждением о том, что гадкий запах имеют реформы, потому как перерабатывают жизнь целых народов, а по сути — это есть адский запах, о котором предупреждал батюшка Серафим. И то, что с одной стороны может называться прогрессом, с другой видится отвратительной деградацией. И отнюдь не совдеповский образ мышления (который приписывали людям кошкинского типа либеральные журналисты), а врожденные, выстраданные на генетическом уровне уважение и любовь к своей стране, скрепленные с загадочной русской душой актом крещения в православном храме (пусть и втайне от пионерской организации, потому как мама не могла и не хотела вычеркнуть Сережу Кошкина из общесоветского детства, а против частых болезней пенициллин не молитва) определяло движения души инженера.

Кафе работало новомодно — нон-стопом. Узнавшая Кошкина официантка без слов принесла желаемое. Улыбнулась, на что потребовался не очень уместный для смурноватого хода мыслей ответ:

— Спасибо. Вы сегодня обворожительны.

— Может, рюмку коньяку? Опять ночь работали? — дежурный комплимент дороже чаевых. Официантка, которую звали Нина и у которой муж-дальнобойщик уехал и не вернулся, оставшись в другом городе с другой женщиной, стала улыбаться Кошкину, как потенциальная невеста.

“А почему нет?” — мысленно ответил на ее улыбку конструктор, но вслух сказал другое:

— Сегодня можно и коньячку! Эх! Так бы на домашней кухне!

— Кто ж не дает?.. — и ушла с улыбкой профана из тайного общества, готового к загадочному, а по сути простому обряду.

Рюмку с коньяком поставила молча. Так бы поступила и заботливая жена, дабы не прерывать рабочее течение мыслей в голове мужа, имеющего ответственную должность. У хорошей жены — это инстинкт, плохая — рефлексировать на то, что ею пренебрегают ради чего бы там ни было.

Жена...

Кошкин почувствовал вдруг острую необходимость сию минуту увидеть Лену. Коньячные звездочки в желудке своими огоньками разожгли это желание.

Он отставил недопитый кофе и подошел к зеркалу, висевшему у входа. Оттуда грустновато взглянул на него рано поседевший мужчина, близкий к сорокалетнему барберу и далекий от современной суеты, погони за хлебом насущным и прочими потребительскими излишествами. Бледный от бессонных ночей, непричесанный, отчего руки сразу стали искать во внутреннем кармане расческу... Эх! Если б хоть мизер понимать в мужской красоте! А так? Можно только отметить, что седина на короткой челке вроде легко гармонирует с серыми, немного печальными глазами. Модная двухдневная щетина с точки зрения современной молодежи добавляла гармонии хаосу внешнего вида. Вот только маленький, но свежий поперечный шрам на прямом носу — уснул за работой — клонул край стола. Впрочем, на витающего в потустороннем мире невезунчика тоже не похож... Галстук засаленный — в урну, и можно идти. Слава Богу, сорочку вчера темную надел, разводов на воротнике не видно.

Ну вот, официантка Нина украдкой постреливает в его сторону заинтересованным взглядом, будто он готовится сделать ей предложение. Но милая Нина — не Елена Андреевна Варламова, что ныне замужем за крупным предпринимателем и, как оказалось, потомственным дворянином Рузским.

Ох уж эти дворяне, сколько раз они предавали русский трон и больше всего радовались, когда получили от Екатерины жалованную грамоту да освободились от обязательной военной службы. Не в пример своим предкам.

Не все, конечно, но чем ближе к трону — тем гаже. Потому и Рузские, а не русские... Хорошо хоть Лена оставила себе свою фамилию, впрочем, как и в случае с Кошкиным. И не обида на удачливого соперника, разрушившего первую, а для Кошкина вечную любовь, клокотала в нем, а обычное пренебрежение к самовлюбленным людям, считающим себя пуповиной если не мира, то обозримого в пределах горизонта пространства.

Рузский Владимир Юрьевич — владелец сети бензоколонок и маркетов, известный в криминальном мире по кличке Вздор (любимое словечко, применяемое новоявленным дворянином в случае проволочек с бизнесом и приобретением новых производственных мощностей), подарил жене супермаркет в центре города, который назвал в честь нее “Варламовским”. Хороший, кстати, магазин, если говорить о номенклатуре и качестве товаров. И о ценах тоже... Приемного сына Виталия отправил в Сорбонну, подальше от материнской ласки и притязаний совкового отца на воспитание. А главное, чтобы не мешал нескромному семейному счастью... Елена Андреевна от дворянского титула отказалась, полагая, что он у нее тоже где-то пылится, если порыться в архивах, а вот Виталию Сергеевичу отчим его все-таки навязал.

Вздор! Действительно вздор!

А тут на улицах май! Бушующий май, стреляющий фейерверками цветущих яблонь, освежающий распыленным после первых дождей в воздухе озоном, опьяняющий загадочно-зовущими женскими улыбками. Будь ты хоть трижды книжный червь, но в мае сердце твое тревожно замрет от взгляда в небо и зайдется скороговоркой в ответ на дробь каблукчиков правнучек Евы.

“Варламовский” — двухэтажный кирпично-стеклянный куб с мансардным третьим этажом, где располагаются офисы, сиял зеркально вылизанными витринами и броскими щитами наружной рекламы. На входе — охранники с рациями. Суэта иномарок на прилегающей к нему автостоянке. Суматошные грузчики в униформе. И горделивые дамы, которым очень хочется быть похожими на эмансипированных, живущих в Европе и Америке сестер. Кошкина принесло сюда совсем из другого пейзажа, поэтому охранники с вынужденным подозрением зыркнули на его неглаженный костюм и усталый вид совкового инженера. Ему не предложат помочь переложить из тележки груды ярких пакетов с заморскими яствами в багажник автомобиля, и не только потому, что у него нет багажника...

У входа на третий этаж двое охранников терзали компьютер, который гулко отстреливался и смачно ругал игроков, ведущих крутого героя по лабиринтам его шлейфов и плат.

— К кому? — удостоил коротким взглядом один из них Кошкина.

— К директору.

— По какому вопросу?

— Сообщите, — кивнул Кошкин на селектор, — что пришел Сергей Павлович по поводу патента на изобретение машины времени.

Тут уже оба охранника отвлеклись от компьютерной стрельялки и внимательно посмотрели на посетителя. На всякий случай взгляды их ничего не выражали. Мол, машина времени или атомная бомба — это не их дело.

— Елена Андреевна, извините, к вам некий Сергей Павлович по поводу машины времени?.. — вопросительно пробурчал в селектор тот, кто первым обратил внимание на Кошкина.

— Проводите его ко мне. — Тон такой, как будто речь идет о поставщике лаши “доширак”.

Кабинет Елены Андреевны встретил кондиционерной прохладой, внушительными размерами, ароматами кожаной мебели, освежителей воздуха и ее собственных духов. В результате сочетания современной обстановки, всех этих запахов и того, что Кошкин не видел свою жену пять лет, у него сложилось впечатление, что он попал в какой-то сказочный мир, не имеющий ничего общего с тем, что происходит за окнами. Лена сидела в кожаном кресле в обществе ноутбука, пары телефонов, селектора и эксклюзивных канцелярских принадлежностей. Увидев на пороге Сергея, она встала и распорядилась маячившей за его спиной секретарше подать две чашки кофе и бутылку “мартеля”.

— Опять не спал всю ночь? — спросила Лена, как будто они расстались вчера.

Но Сергей Павлович даже не мог ответить. Сказать, что он обомлел, значит — ничего не сказать. Перед ним стояла тридцатипятилетняя женщина, ради которой стоило бы начать новую троянскую войну. Строгий, но обтягивающий фигуру темно-зеленый вельветовый костюм так эротично подчеркивал ее формы, что служащие мужского пола, заходя в кабинет своего директора, должны были забывать о своих обязанностях напрочь. Воротника чуть касались коротко стриженные (а ля каре) русые волосы, из-под аккуратной челки на лбу на инженера смотрели любимые, буравящие душу зеленые глаза. Влажные полные губы — грезы о поцелуе...

Несколько минут Кошкин не мог прийти в себя. Лена это заметила, но не обидела его победным пренебрежением. Напротив, прониклась участием.

— Ну как ты? Еще не надоело повышать обороноспособность страны? Я думала, ты меня презираешь, потому не заходишь, не звонишь...

— Я тебя люблю, Лена, — в миллионный раз признался Сергей Павлович.

— Не надо об этом. Мы теперь как параллельные прямые. Единственно возможная точка нашего пересечения — это Виталий. У тебя какие-то проблемы? — последний вопрос прозвучал таким тоном, будто перед успешным директором супермаркета сидит проситель, нуждающийся в меценатстве. Вот-вот денег предложит.

— Нет, у меня все хорошо. Зарплату повысили, к награде представили. Новый президент посетил нашу мастерскую и даже руку мне пожал. Из Марченко чуть весь песок от радости не высypался...

— Как у него здоровье?

— Как у восьмидесятилетнего человека, который никогда за ним не следил, но еще может в силу огромной кинетической инерции предыдущих лет двигаться.

— Ясно. Передай ему привет.

Нет, она не знала, даже мысли не допускала, что сегодня в ее кабинет пришел победитель. И Кошкин, смакуя, оттягивал момент своего главного известия. Он не рассчитывал, что Леночка тут же бросится ему на шею, оставит процветающую коммерцию и ежемесячную езду по заграницам, но он надеялся увидеть хоть какое-то сожаление, смятение в ее глазах, пронизанное к тому же недоверием к возможности изобретения.

— Лена, я закончил свою работу.

— Новая ракета готова сбивать американские “эф-сто семнадцать”? Давай, выпьем за это по маленькой. Я знаю, что ты гений, Сережа. Я всегда это знала. И знала, что не дотягиваю до твоего астрального уровня.

— Лена, я закончил работу над машиной времени.

— Ты наконец-то бросил увлекаться фантастикой?

— Да, я бросил увлекаться фантастикой, машина стала реальностью и сегодня ночью прошла удачные испытания.

На минуту, которую так ждал Кошкин, Лена замерла. Глаза их встретились, и Сергей Павлович имел возможность увидеть целый шторм зеленоватой морской воды, который пронесся по ее взгляду в эти мгновения. Но торжества не было, он чуть губу себе не прокусил, оттого что испытывал невыносимое, сравнимое с самой страшной пыткой желание поцеловать любимую женщину. Главное — она не посчитала его сумасшедшим, потому что помнила — Кошкин человек серьезный, целеустремленный и умеет шутить только по поводу американского или китайского оружия.

— Ты можешь теперь стать известным. Нобелевским лауреатом. — Лена посмотрела на Кошкина с явным уважением, может, и мелькнуло в ее коммерчески перестроенном мозге, что именно она несколько лет назад потеряла, но только мелькнуло...

— Банальное решение...

— Ты что? Изобрел машину времени, чтобы закрыть ее в секретном военном ящике? Это достижение всего человечества!

Кошкин вдруг не на шутку разозлился, он словно не с бывшей женой разговаривал, а с клерком из министерства иностранных дел.

— Хренушки! Ты же знаешь, я квасной патриот, человечество не стоит того, чтобы ради него расшибаться и класть жизнь на алтарь науки. Все избречения человечество использовало либо для убийства себе подобных, либо для того, чтобы заднице было мягче. Человечества нет! Есть общество зажавшихся потребителей и маргинальной нищеты! И даже для собственного народа в целом я не стал бы жертвовать собой, морщить мозг, а только для определенной его части, кого можно считать русскими людьми, причем независимо от национальности, — в глазах Кошкина играли злые огоньки, он подлил им полбокала “мартеля”, точно это был тот самый квас.

— Мы с мужем в эту категорию не попадаем, — сама утвердила Елена. — Для чего же тогда, позволь спросить, ты вымучил труд своей жизни, для удовлетворения собственного самолюбия, для самоутверждения? — наддала холода в голос Лена.

— Ты филолог по образованию? — будто не знал.

— И что?

— Ты можешь сказать, зачем Пушкин написал “Евгения Онегина”?

— Ну ты спросил!

— Ну ты спросила!

Они произнесли это почти одновременно, как в старые добрые времена. Стали улыбаться и даже потянулись друг к другу. Именно в такие моменты в душах давно расставшихся людей работают машины времени. И такая случается нежная ностальгия, что возвращение неминуемо, если, конечно, не задавит эту ностальгию прагматичный расчет или какая-либо другая страстишка. Лену вернул в зону дебета-кредита мобильный телефон. Он промурлыкал из-под вороха накладных тему из сороковой симфонии Моцарта, правда, не в соль-миноре.

Лена приземлилась:

— Вы сначала разберитесь с грузом, а потом думайте о его хранении. Договариваться с таможней — это ваше дело... — и понесло минут на пять.

Кошкин от скуки и нетерпения выпил еще полбокала коньяка и прилично после бессонной ночи охьянел.

— Так на чем то бишь мы? — посмотрела на него уже директор магазина, как на инопланетянина.

— Я на машине времени, ты на таможне.

— И зачем она? Ты так и не ответил.

— Я могу вернуть тебя, и, кстати, хотя бы для индивидуального подпольного прочтения, второй том “Мертвых душ”, хоть и не по душе мне это.

— Я не по душе? — игра такая.

— Возвращать сожженные рукописи, если об этом не просит автор.

— А меня ты, как вещь, планируешь вернуть?

— Как любимую... Как самую любимую в мире женщину.

— Пафоса не надо. Ты, Сережа, все-таки не переболел фантастикой. Это невозможно! Тем более с помощью машины времени.

— Я бы думал также, если б сегодня утром ко мне не вернулся парень из Чечни. Этот майор за одну ночь прожил новую жизнь и из солдафона стал почти философом! Ты не знаешь, что может случиться в твоём прошлом.

— Но так же нечестно, Кошкин! Это как в туалете подсматривать!

— А кто мне только что лаголил о благе для всего человечества? Я ж не таблетки от СПИДа придумал!

— Это точно! Ты можешь придумывать только оружие.

— Это все равно, что упрекать Калашникова в том, что полмира бегает и стреляет друг в друга из его автомата.

— Милый Сережа, давай договоримся, если ты не оставишь своей безумной идеи и решишь вернуться за мной в прошлое, то хотя бы предупреди меня.

— Предупреждаю... — Кошкин встал, аудиенция у директора супермаркета была закончена. Это была не та женщина, к которой он шел утром, к которой он шел всю жизнь.

— Я вынуждена буду сказать об этом Рузскому.

— Ай-яй! Если даже он тебе поверит, как поверит в возможность существования такого прибора, то что он сделает? Купит тебе машину времени, чтобы ты могла сразиться со мной в прошлом?

— Он может сразиться с тобой в настоящем.

— Если я захочу в него вернуться... Да и сам он ни с кем сражаться не будет, у него для этого целая армия громил есть. Это весь город знает.

— Ты, случайно, в КИРФ не вступил?

— Ты же знаешь, я даже в КПСС не был, потому и не могу похвалиться успехами в приватизации общенародной собственности.

— Ты стал злой, Кошкин.

— Наверное... Прости. Я пошел. Пьян... и спать хочу.

* * *

Вечером они встретились с Дороховым в лаборатории. Майор пришел, хотя в эту ночь не дежурил. Он сразу стал грузить Кошкина деталями вновь разработанной операции по спасению старшего лейтенанта Китаева. Кошкин еще не проснулся и, выплывая из неопределенной задумчивости, остановил его словесную пальбу и рекогносцировку.

— Вась, я тут крепко поразмышлял. Вот ты хочешь спасти Китаева, а чем он лучше рядового Иванова? Или какой-нибудь бабы Мани, которая попала под бомбежку родной российской авиации?

Дорохов замер. Его будто пристрелили на месте. Смысл последующей логики исчез полностью и безвозвратно. Он молча опустился на табурет и достал из пакета неизменную фляжку.

— Выпить надо, — сказал так, словно только что вновь похоронил всех близких и родственников, умерших за последние сто лет.

Выпили по полстакана. Кошкин вдруг подумал, что зачастил с алкоголем, и вроде как ему даже нравится это состояние. Машина времени есть, жены нет, сын за границей, зарплата, как у мойщика посуды в Нью-Йорке, что еще делать русскому человеку? Пить!!!

— Наливай, — махнул он Дорохову, и тот разом уловил состояние своего товарища. Спаси положение могла только задушевная кухонно-философская беседа, не позволяющая русской интеллигенции провалиться в банальную разнузданную пьянку с тяжелыми последствиями для себя и общества.

— Знаешь, Серега, мне кажется, мы проигрываем локальные войны, потому что упорно считаем себя великой державой. При этом мы всегда думали, что великость идет откуда-то: из Кремля, из ядерных центров, из ракетных шахт... В общем — из глубоких тылов. А великость должна исходить из сердца, из мозга каждого! В такой войне тылов не бывает...

Договорить не дала Мариловна.

Она вошла с ярко читаемой надписью на лице: “Помогите, а то сейчас помру”.

— Вот вы тут бойцов оживляете, а это только Христу и великим святым дано! Простите старую, что суюсь. Я бы тоже у тебя, Сережа, можа, и попросила бы моего отца вернуть. Он даже до Сталинграда не доехал, в его вагон бомба жажнула. Мы с того даже пенсию не получали, не воевал ведь. Я бы вот тебя попросила, чтоб ты меня туда, на станцию отправил, я бы его в другой вагон угovorила сесть...

В глазах Мариловны появились слезы, Кошкин и Дорохов проглотили по комку.

— Да вот думаю, — продолжила дрожащим голосом, — вместо него кто-то в этот вагон сядет, и придет похоронка в другую семью, и куплю я себе счастье через чужое горе... А уж мы с мамой и тремя братьями меру того горя до самого доньшка знаем.

— Ты не рви душу, Мариловна, — сломанным голосом попросил Василий Данилович, — что случилось-то?

— Да беда небольшая, но неприятная, — вернулась из 1943 года и загорелась другим интересом Мариловна. — Пенсию я куда-то дома положи-

ла, вспомнить не могу, хотела днем в магазин сходить — нигде нету. Совсем старая стала. Склероз. Ты бы, Сережа, отправил меня во вчерашний день, а то зарплата еще далеко.

— Не вопрос, Мариловна, но что ты во вчерашнем дне найти хочешь?

— Память свою старушечью! Память, милый! Глядишь, и пенсия найдется. Ты ж за своей Еленой Прекрасной успеешь еще... А?

Кошкин улыбнулся одними глазами, чтобы не обидеть Мариловну, которая готова уже была заплакать в случае отказа.

— Отправлю-отправлю, полы потом помоешь, ищи свою пенсию.

— Во-во! А вы с майором-то пока все свои умные разговоры переговарите. Я мигом!

Кошкин с уже нескрываемой улыбкой пощелкал тумблерами, покрутил одному ему ведомые настройки, и Мариловна, всплеснув руками, исчезла, оставив в наследство друзьям пустое ведро и швабру.

* * *

Что-то не то... Кошкин озадаченно смотрел на стрелки-мигалки своего агрегата. Дорохову передалось его волнение.

— Нет субъекта!

— Что?

— Мариловны нет!

— Что, решила остаться во вчера?

— Ее вообще нет.

— Доигрались... — Дорохов заранее разделил вину с Кошкиным.

— Поехали, возьмем такси.

— Куда?

— К Мариловне, она недалеко от моего дома живет.

Они мчались на частнике через ночной, но неспящий город. В машине блаженным баритоном страдал по воле не выдавший тюрьмы арестант. Сочувствовать ему не хотелось. Водитель специально включил музыку громче, надеясь ублажить поздних пассажиров или показать им какого он мира.

— Окна не горят, — Кошкин почувствовал, как растет в его сердце напряжение, сжимается пружина.

— Эх, Серега, ни дай Бог, мы старушку нашу на растерзание Батью какому-нибудь отправили. — Дорохов уверенно делил ответственность на двоих.

— Вот этого быть не может. Не далее вчерашнего полудня. Машина у меня еще слабенькая, мощности лет на пятьдесят-шестьдесят назад хватит, не более, а вперед я даже рисковать не стану. В стране с непредсказуемым прошлым подглядывать в будущее опаснее, чем смотреть в ствол заряженной винтовки.

Все двери в подъезде были металлическими, кроме одной. Поэтому она казалась беззащитной и единственная напоминала семидесятые годы своим стандартным некрепостным исполнением. Это и была дверь Мариловны.

Стучали в нее долго и громко, не заметив в подъездном полумраке, что чуть ниже замочной скважины приклеена бумажная полоска с печатями. Стучали, пока не скрипнула настороженно соседняя дверь на площадке. А приоткрылась она только благодаря камуфляжу Дорохова.

— Вы из милиции? — повелся в его сторону гнутый, как дамасский булат, старушечий нос. — Ключи у меня, вам не передали?

— Мы с работы, мы работаем вместе с Марией Гавриловной, — ответил Кошкин, а Дорохов успел вставить в поспешивший захлопнуться проем свой десантный ботинок.

— А где Мария Гавриловна?

— Где и положено, — над крючковатым носом появились едкие, недоверчивые, вылитые из темных маслин глаза и кудрявая седая челка, — в морге.

— Как в морге? — вопросительно и нагло расширил пространство проема Дорохов. — Не бойтесь, я майор Дорохов.

— Вы неправильно ставите вопрос, молодой человек. В вашем случае следует спрашивать — “в каком морге”. И я вас узнала, вы же бывали у Машеньки, мы с вами чай пили, беседовали.

— Он действительно сослуживец, — кивнул на Кошкина Василий Данилович. — Он тоже здесь бывал, любимец Марии Гавриловны.

— А, вот как. Он что, тоже моет полы в секретном институте?

— Нет, он изобретает утюги с вертикальным взлетом.

— А-аа... — в голосе старушки появилось уважение, — тогда милости прошу на порог, если б вы хотели убить меня из-за пенсии, то уже убили бы, а так — дома у меня взять нечего, все, что было можно, Боречка превратил в доллары, чтобы превратить их в шекели на земле обетованной. Меня зовут Амалия Гвидоновна, не помните? Милиция три раза переспрашивала, при этом не постеснялись даже спросить возраст...

— Мы про возраст не будем, и так видно, что вы вчера поздно вернулись с дискотеки, — Дорохов уже пыхтел в прихожей, а Кошкин выглядел из-за его широкой спины.

— Вы не могли бы, уважаемая Амалия Гвидоновна, повторить еще раз все по порядку? — вежливо попросил Сергей Павлович.

— Это всего лишь в третий раз за сегодняшний день! Но в комнату я вас, извините, не приглашу, у меня там женский беспорядок.

— Нам на пороге очень удобно, — искренне улыбнулся Дорохов.

— Ой! Только не надо считать меня старой душой! Я, между прочим, доктор медицинских наук!

— Упаси Бог, Амалия Гвидоновна, — успокоил Кошкин, — что же все-таки случилось?

И тут Амалия Гвидоновна позволила себе прослезиться.

— Да что! Нет теперь у меня единственной подруги! Не с кем поговорить. Нам ведь как, старухам, было бы с кем поболтать... Во что превратился этот мир? Откуда в нем столько жестокости?

Вопрос повис обвинением на шее Дорохова, на которого в этот момент смотрела Амалия Гвидоновна. Он предупредительно молчал.

— Есть теперь новые русские, новые евреи, — продолжила, чуть успокоившись, доктор медицинских наук, — есть и новые Раскольниковы. Только вот Машенька никому деньги под проценты не давала. Обычно я ей ссужала, без процентов, конечно... В магазин она еще с вечера собиралась, пенсию принесли — вот и решила отовариться. Пенсия, она что — сегодня есть, завтра за квартиру заплатил, в гастроном сбежал — и все! Так вот, Машенька вчера в гастроном и сбежала, купила себе нехитрый продуктовый набор и, вероятно, сумки у нее в обеих руках были, дверь входную не захлопнула, сразу к холодильнику — выгружать... Там ее и нашли. Новый этот Раскольников, наркоман какой-нибудь, от магазина, наверное, за ней шел. От вашей военной конторы, — она кивнула на Кошкина, — ей неплохую доплату к пенсии платили, да еще и приработок Машенькин за половую гимнастику. Каждый день я ей поясницу вправляла. По две тысячи квадратных метров вылизывать не всякий молодой сможет. Вы бы не ракеты изобретали, а машины по облегчению непривлекательного физического труда. А то у вас и на международной космической станции техничка со шваброй понадобится.

— В какой морг ее увезли? — Кошкин не узнал свой голос.

— В областную больницу, там испокон веку у нас судмедэксперты работают.

— Спасибо, Амалия Гвидоновна, — откланялся Дорохов и попятился, отжимая на лестничную площадку растерянного и подавленного изобретателя. — Пойдем, Сергей Павлович, нас с тобой время уже не ждет...

Снова мчались на такси обратно на завод, а между двумя КПП уже спорили о том, кто вернется во вчерашний день. На пороге лаборатории их ждал сюрприз. Девушка лет двадцати пяти мыла пол, в руках у нее была швабра Мариловны. Мужчины замерли на входе. Девушка распрямилась, смущенно глядя на неожиданных для нее зрителей. У джинсового комбинезона на ее груди отстегнулась лямка, и она под сверлящими взглядами двух ошарашенных мужиков никак не могла ее пристегнуть.

— Я — Варя, Варвара, я на третьем этаже обычно мою, меня из отдела кадров прислали, Марию Гавриловну заменить... Горе-то какое... Я думала, только из-за миллионов убивают.

Неловкое молчание продолжалось. Кошкин и Дорохов не знали, что им сказать. И Варе приходилось оправдывать, объяснять эту натяннутую тишину.

— Меня предупредили, что Сергей Павлович по ночам часто работает, я мешать не буду, скоро закончу...

Сергей Павлович между тем залобовался растерянной девушкой. Она в конце концов пристегнула ляжку комбинезона и теперь стянула с головы косынку, наехавшую на лоб, обнажив темную челку и опускавшийся на плечо, стянутый резинкой хвост. Почему мужской взгляд заставляет женщин поправлять волосы?

Из-под челки на друзей смотрели немного печальные яркие синие глаза. Настолько синие, что встретить такие можно только у сказочных красавиц. Вспомнилась вдруг выходящая из моря Венера Боттичелли. Только у той, помнится, волосы были посветлее. А у Вари, кроме того, были точеные черты лица, тонкий прямой нос и немного угловатые скулы. На какой древнегреческой амфоре я видел ее лицо? — спросил себя Кошкин, но тут же потер кулаками усталые глаза: никаких наваждений! Где-то между тем и этим светом ждала Мариловна. Каждая красивая женщина похожа только сама на себя, а некрасивая — тем более.

— Меня зовут Василий, — представился Дорохов.

— Я знаю, вы должны быть на вахте, внизу, вы дверь не закрыли, и я сегодня прошла, не предъявив удостоверения.

— Оп-паньки... — скис Дорохов.

— Не переживайте, я никому не скажу.

— Тогда скажите мне, почему такая красивая девушка моет полы?

— А что, внешний вид каким-то образом определяет род занятий? — девушка улыбнулась. — У каждого есть свои причины быть там, где он есть.

— Извините, Варя, во мне порой просыпается солдафон. Вы нам позволите заняться своими делами?

— Конечно-конечно, я заканчиваю.

Уже у рабочего стола Кошкин поймал себя на мысли, что ему хочется оглянуться, еще раз увидеть Варю, а главное — он сравнивает ее с Леной Варламовой. С той Леной, которую он знал почти двадцать лет назад. Сравнение ни к чему не привело, а только мешало сосредоточиться. Дорохов уловил заминку и шепнул:

— А брюзжанье Мариловны тебе меньше мешало.

Потом они некоторое время спорили, кому вышлять Мариловну, но Дорохов буквально задавил Кошкина офицерским авторитетом и орденом Мужества. Сергей Павлович махнул рукой:

— Только не геройствуй лишнего!

— Я просто посижу у нее в гостях. В магазин, если надо, мы ходим вместе...

* * *

Кошкин вернулся в лабораторию, когда над городом стали сгущаться сумерки. Дорохов облапил его на входе:

— Ты гений, Серега! Мариловна ворчит наверху со своими тряпками!

— Слава Богу, — тихо выдохнул Кошкин, а потом вдруг вспомнил, — а Варя?

— А она еще выше, сегодня-то я ее заметил!

— Ну что? Попробуем? — Кошкина слегка трясло.

— Ты часом не заболел, или у тебя мандраж? — заметил Василий.

— И то и другое. Пойдем?

— Пойдем. Родина ждет!

Пока они мараковали над приборами, Мариловна озвучивала суть несанкционированных испытаний:

— Вы не шибко-то кспереминтируйте, жуткое это дело — мертвых оживлять...

Друзья замерли.

— Я, Мариловна, не за мертвецами, я нынче за живыми, — оглянулся Кошкин.

— Да-к это другое совсем дело! Я ж тебе говорила — за Леной собрался! Привет ей от меня, старой, передавай. Танцует она у тебя красиво! Прямо как на балах, которые в фильмах про старые времена показывают. Наташа-то Ростова у Бондарчука, помнишь? Твоя-то не хуже...

— Не моя она теперь, Мариловна, — сдвинул брови Сергей Павлович.

— А это, Сережа, испытание! Не верю я, что любовь бесследно исчезает. Всякого в жизни насмотрелась и знаю, если была любовь, то никуда она не денется. Ее, как самого Господа Бога, обмануть нельзя. Можно только самого себя обмануть, да будет потом наказание не хуже Страшного Суда! И знаешь еще что? Никакой второй любви не бывает! Она, как и душа, одна человеку дается. Первая, и все! Не сберег — и все, мучайся всю жизнь. Вторая — это уже не любовь, а сожительство! Блуд!

Ох, и разгорячилась Мариловна, ох и разошлась! Но Кошкин подмигнул Дорохову и повернул одному ему понятные рукоятки. Мариловна еще ворчала, а Сергей Павлович уже стоял у здания лаборатории, любясь нелепым, выцветшим еще во времена Брежнева лозунгом на растяжке: “Решения партии — в жизнь”.

До университета пришлось идти пешком, советского пяточка на автобус в кармане не предвиделось. Ноги сами несли Кошкина в нужном направлении, и он даже не успевал ностальгически удивляться полуголым витринам магазинов с манекенами в стандартных одеждах, пионерам, гурьбой идущим с уроков, молодым людям в самопальных джинсах и кроссовках фабрики “Кимры”, автофургонам “Газ-52” с лаконичной, но теплой надписью “Хлеб”, самодостаточным, но добрым милиционерам... Подумать только, страна скатывается вниз по нефтяной трубе, старческие пальцы Политбюро не способны цепко держаться даже на достигнутой высоте, несколько месяцев отделяет этих, ни о чем не подозревающих людей, от эры предательства, всего десять лет — от полного развала, и еще десять лет от времени, когда самый большой лоскут державы все же поползет вверх по той же самой трубе, ломая ногти, сдирая на ладонях и груди кожу, а вместе с ней еще что-то, какой-то иммунитет к всемирной эпидемии прогрессивного апокалипсического разрушения.

В квартале от альма-матер располагался ломбард, куда и зашел Сергей Павлович, дабы разжиться денежными знаками, не знающими инфляции и сравнения с долларом. Он респектабельно выложил на прилавок перед круглоголовым лысоватым мужчиной золотой портсигар, подаренный коллегами на день рождения. Этой ненужной роскошью Кошкин никогда в жизни не пользовался. Мужчина внимательно осмотрел “товар” и произнес заветное слово “паспорт”. Кошкин начал сосредоточенно рыться в карманах и приворно тяжело вздохнул.

— Вот, ё-моё, неужели дома оставил! Все! Накрылся взнос за кооператив. Не успею...

Мужчина пожал плечами и молча положил портсигар обратно на прилавок. Кошкин с повторным вздохом медленно стал укладывать его в карман, весь его жалкий вид подсказывал: ну придумай что-нибудь, дядя. И дядя придумал, когда Сергей Павлович нарочито неуверенно потянулся к дверной ручке.

— Знаете, я могу его взять... Ну как на свой паспорт, но, знаете ли...

— Да в полцены! — радостно выкрикнул Кошкин, одним броском вернувшийся к прилавку.

— Не ворованный? — для приличия спросил приемщик, отсчитывая свеженькие красные червонцы.

— Подарок, — успокоил инженер.

Около часа он бродил у входа в главный университетский корпус, где еще не сидели хмурые и скорые на едкий окрик охранники, и где последние

двадцать лет располагались филологический факультет и факультет романо-германской филологии. Нужно было решиться и зайти внутрь, заглянуть в расписание. Номер группы Лены Сергей Павлович помнил, и узнать аудиторию, где находилась Лена, не составляло труда. Но он, ностальгически озабоченный, стоял у парадного крыльца, задумчиво всматриваясь в лица проходивших мимо людей.

— А я поспорить с вами готов, что сегодня мы проигрываем весь геополитический расклад! Мы должны сейчас иметь союзником Китай, а не рассчитывать на благодушное отношение Соединенных Штатов Америки и соединяемых штатов Европы. Эти нас никогда такими, какие мы есть, не примут. А такими, какие мы должны быть по их меркам, мы никогда, даже если очень стараться будем, не станем... Они же сами нам и не позволят! В этом главная стратегическая ошибка всех тех, кто наивно или ерничая, как Бендер, скандирует: заграница нам поможет!.. Россия не может оставаться Россией без мессианской идеи, она развалится, как доскутное одеяло, на однородные, но занятые собственными интересами члены, и тогда мир содрогнется...

— Да ерунда, объективный исторический процесс идеями не обманешь...

— Не обманешь, но предать можно. Это же как поцелуй Иуды! Объективный процесс остановить было уже нельзя, но для чего-то поцелуй этот был нужен!

Два преподавателя некоторое время спорили неподалеку от Кошкина, остановившись на ступенях. Задора хватило на две сигареты, и они расстались, как добрые друзья. А в 91-м побьют, наверное, горшки на всю жизнь.

И вот, наконец, на крыльце появились студенты. Юноши торопливо и жадно закуривали, стреляли друг у друга сигареты, девушки группами шли к автобусной остановке. Последние анекдоты и курьезы, принесенные с семинаров, рассыпались взрывами хохота, шел оживленный обмен конспектами и учебниками. И во всей этой кутерьме Сергей Павлович очень боялся просмотреть Лену.

Она вышла из корпуса в числе последних в обществе худого чернявого паренка, который что-то весьма эмоционально ей декламировал. Паренек явно не вписывался в планы Кошкина. С минуту инженер стоял в растерянности, а оживленно беседующая парочка двигалась в сторону книжного магазина "Букинист". Излюбленное русское "авось", замешенное на отчаянном "будь что будет", подтолкнуло Сергея Павловича к действию. В России алкоголь и любовь являются причиной 99% безумных поступков. Хорошо начинать разговор, если имеешь способности удава: посмотрел на собеседника внимательно, как на любимое блюдо, и он уже никуда не денется.

— Здравствуйте, Лена. — Кошкин придал голосу тон судебного исполнителя. Никакой вкрадчивости, смущения: а у самого холодный пот на спине и всю душу обожгло зеленоглазым взглядом.

— Ой, а я вас где-то видела! — и с таким интересом посмотрела на Сергея Павловича, точно он только что с телеэкрана сошел. Точно видела, я никогда не ошибаюсь, — мигнул зеленый семафор из-под пушистых ресниц.

— Вопрос в другом: в прошлом или в будущем вы меня видели, — поддал интриги Кошкин. — Меня зовут Сергей Павлович, я руководитель одной научной лаборатории, которая исследует пространственно-временные взаимосвязи. Понимаете, Лена, некоторые наши эксперименты выходят за пределы обычного человеческого понимания... — начал "мести пургу", как говорят в новейшее время.

— Но я в этом ничегошеньки не понимаю! Я филолог. Я только учусь. Какое отношение такая наука может иметь ко мне. Правда, Давид?

Чернявый Давид растерянно пожал плечами. Он мешал Кошкину, Кошкин помешал Давиду.

— Подозрительно все это... — начал было размышлять Давид, но Кошкин посмотрел на него так, как смотрели приходившие в его лабораторию бандиты для обсуждения вопросов приватизации оборонной промышленности. Давид временно умер. Удав у Сергея Павловича получился отменный.

— Все просто: не все индивидуумы имеют показания для участия в подобных экспериментах. А вот вы, Лена, имеете все к этому данные. Я пони-

маю, что посторонний человек с подобными речами внушает мало доверия, но я готов показать свое удостоверение сотрудника оборонного НИИ, и, кроме того, наглядно продемонстрировать вам некоторые результаты нашей работы. Вы не согласитесь выпить со мной по чашке кофе вон в том кафе? — Поблизости находилось “Театральное”, на двери которого указал Кошкин.

— Давид, ты не хочешь кофе?

Давид пожал плечами, но Сергей Павлович продолжал наступление.

— Видите ли, Лена, речь идет о секретных разработках, и ваш друг Давид не относится к числу посвященных и посвящаемых. Чтобы у вашего друга не возникло подозрений, вот мое удостоверение, — и с чувством победителя Сергей Павлович развернул красную корочку оборонки, как бы случайно прикрыв большим пальцем год выдачи.

Давид, едва скрывая зависть и раздражение, утвердительно покивал головой. Да, мол, вижу: дядя ты серьезный.

— Лена, завтра на лекциях увидимся, — откланялся он.

— Конечно, Давид.

— Всего хорошего, — пожелал инженер, который едва скрывал ехидную улыбку: не фиг делать всяким там Давидам рядом с его будущей женой. Знать раньше, еще в студенчестве морду бы набил.

Несколько секунд они провожали сутулую фигуру Давида разнополярными взглядами, а потом Сергей Павлович окончательно осмелел и взял Лену Варламову аккуратно под локоток, чтобы рассказывать ей по ходу движения к кафе о возможности перемещения во времени, разумеется, оговариваясь, что речь идет о небольших расстояниях, если, конечно, слово расстояние уместно в отношении измерения времени.

— А вы, вероятно, хотели бы прочитать рукопись второго тома “Мертвых душ”? — кинул он очередного козыря.

Лена посмотрела на него внимательно и очень пронзительно, даже приостановилась.

— Нет, я точно вас где-то видела! Такое чувство, что все это когда-то со мной уже было...

— Или будет, — не дал ей задуматься глубже Кошкин и снова понес свою научную околесицу.

В кафе, на радость изобретателю, сидели только две пары студентов в обществе стаканов какао и ливерных пирожков, что скромно ютились на тарелках с раритетной и лаконичной надписью “общепит”. Они не обратили внимания на новых посетителей, не столько утоляя голод, сколько поглощая друг друга влюбленными взглядами. Кошкин с разрешения Лены победно заказал “Хванчкару” (он-то знал любимое варламовское вино в будущем), себе армянский трехзвездочный коньяк, вареные сосиски и пирожное — престижные строчки из “театрального” меню 80-х годов. После того, как официантка принесла заказ на столик, студенты с легкой завистью отвлеклись от своих бесед и покосились на соседей, точнее, на спиртное и закуску. Кошкин старался держаться непринужденно, но вдруг подумал: не дай Бог встретить самого себя! Следовало увести Лену подальше от университета, но, с другой стороны, на это могло не хватить ее доверия к постороннему человеку. Посторонним быть не хотелось... Трудно было убедить себя, что эта очаровательная девушка, с восторгом и одновременно легким шармом взирающая на окружающий мир, в обтягивающих вельветах и водолазке не имеет к нему на данный момент никакого отношения.

Пригубили, и Лена посмотрела на своего “нового” знакомого с легкой хитрецей в глазах.

— Из ваших объяснений, Сергей Павлович, я поняла, что у вас на руках чуть ли не машина времени? — прищурилась с недоверчивой улыбкой.

— Да, — спокойно подтвердил Кошкин и достал из кармана дистанционный пульт с многочисленными кнопками. Известный российскому будущему логотип “Toshiba” никого здесь не мог ввести в заблуждение.

— И это все? — еще более недоверчиво спросила Лена.

— Нет, это малая толика, пульт управления.

— Вы хотите сказать, что, нажав на одну из кнопок, мы могли бы сейчас отправиться на встречу, скажем, с Овидием?

— Нет, так далеко не можем. Пятьдесят-шестьдесят лет — назад, пятьдесят лет — вперед.

— Странно, почему такие ограничения?

— А вы спросите у космонавтов, почему они не летают в другие галактики или хотя бы на Марс?

— Сергей Павлович, я жутко люблю тайны, но не военные. Вы, наверное, с меня какую-нибудь подписку о неразглашении будете брать?

— Да нет, только устное согласие. Вы человек гражданский. Конечно, это обязательные формальности, но никто вас не собирается посвящать в конструкторские чертежи, технологии и прочую дребедень, которая, к тому же, покажется вам китайской грамотой.

— Тогда зачем вам именно я?

“Да потому что я люблю тебя!”, хотел откровенно крикнуть Сергей Кошкин, но удержался, вместо этого он наморщил лоб, что предполагало усиленное движение мыслительного процесса.

— Если сказать честно, то без вас вообще ничего не получится...

— Странно. Вы сами-то, Сергей Павлович, хорошо представляете себе, о чем говорите? А то являетесь, как Волад Берлиозу. А потом головы покажутся... — Лена не на шутку насторожилась.

— Ну, уж только не Берлиозу, а — Маргарите. Вот если б вам предложили сейчас полетать на метле и в доказательство сего продемонстрировали, что это возможно?... — Кошкин вторично наполнил бокалы.

— Я начинаю вас бояться, — и, тем не менее, взяла бокал.

Да! В 90-х годах такой номер не прошел бы. Порядочная девушка рванула бы с криком “караул” от навязчивого незнакомца, который с маниакальным спокойствием декламирует безумные, с точки зрения современного технического развития, идеи. Получить по морде белым днем на улице стало проще, чем увидеть приветливую улыбку. И туда ее следует позвать?... Жаль, что на маленькой приборной доске не предусмотрена, просто невозможна третья, нейтральная сторона: маленький домик в горах, в полях, в лесах, подальше от смрадного дыхания этого гниющего, саморазлагающегося мира.

— Не бойтесь меня, Лена... Если и есть на земле человек, который никогда вам не причинит вреда и, напротив, отдаст все, чтобы заслужить ваше расположение, то это я. Во всяком случае, единственный — на расстоянии сорока тысяч километров.

— Ого! Это похоже на признание! Так, может, этот прибор на нашем столе всего-навсего предлог для знакомства? — лукавинка вылетела из зеленых глаз.

— И то, и другое — верно. Если вам знакомо понятие предопределенности, то я объяснил бы происходящее весьма... М-мм... Проще говоря, не будь вас, не было бы этого прибора... Подождите! — он перебил ее желание что-то сказать, остановил ее удивление. — Я приглашаю вас на небольшую прогулку на двадцать лет вперед.

— Это не бред? Даже если это возможно, меня потеряют дома. И предупреждаю сразу же, ни в какие машины я садиться не буду, никуда не поеду, даже если у вас найдется удостоверение КГБ.

— Что вы?! Поймите, Лена, в вашем времени, которое, кстати, и мое, со своим паспортом я как раз могу быть интересен для КГБ, а вот вы в будущем со своим паспортом можете существовать и перемещаться совершенно спокойно. Что же касается родителей, не беспокойтесь, я верну вас в эту самую минуту, за этот самый столик. При этом не надо садиться ни в какую машину. Она — вокруг нас! А если вам не понравится совсем, то — в тот момент, когда я подошел к вам на улице, и вы будете иметь возможность дослушать развесистые рассуждения Давида о творчестве Байрона и о плагиате Пушкина по отношению к первому. Об этом, кажется, он вам говорил?..

— Фантастика какая-то... И что вы сделаете?

— Нажму вот эту кнопку, и мы окажемся в лаборатории, где нас ждет мой друг майор Дорохов.

— А потом?

— Мы прогуляемся с вами по улице этого самого города двадцать лет спустя. Вот, посмотрите... — Кошкин достал из внутреннего кармана черно-белую свадебную фотографию 1987 года. Свадебную фотографию, на которой студент Сережа Кошкин обнимает за талию Лену Варламову — Это через три года...

— Монтаж? — вскинула брови. — Н-но... Это же вы... Только молоде... Господи! Как здорово сделано! Пусть все это отдает совсем не легкой стадией сумасшествия, но это удивительно интересно. Нажимайте свою кнопку, надеюсь, взрыв за этим не последует...

— О нет, эта атрибутика совсем другого времени.

* * *

Дорохов от неожиданности крикнул. Он как раз от вынужденного безделья потянулся к заветной фляжке, а тут прямо перед его протянутой рукой появилась девушка, и шлепнулась на пол, вскрикнув то ли от боли, то ли от неожиданности.

— Простите, Лена, я не предупредил вас, что нужно встать. Здесь нам забыли подставить табуретки. — Кошкин быстро вскочил и протянул девушке руку.

— А я-то тут при чем? — принял на себя упрек Василий Данилович.

— Да нет, Вась, это я размечтался. Ты тут точно ни при чем. Знакомься, моя будущая и бывшая жена Елена Андреевна Варламова.

— Даже так? Тогда можно просто — Лена. Вот здесь и есть секретная мастерская? Пока что все происходящее больше похоже на фокус.

— Вы ему не верите? Вы ему не верите... — задумчиво посмотрел на девушку Дорохов.

Кошкин предпочитал не торопить события. Он просто стоял рядом и любовался на извлеченное “из глубины веков” прекрасное юное создание. Сергей Павлович был пьян первой и единственной любовью. Никакой эротики, просто головокружение от нежности. Нужна была сублимация, будь проклят Фрейд, чтобы выйти из этого штопора. Со стороны он начинал походить на юродивого, которому понравился цветочек у дороги.

И в этот момент в лабораторию заглянула еще одна прекрасная девушка по имени Варя:

— Василий Данилович, там внизу кто-то стучится. Спрашивают, где охранник.

— Какого лешего? — поморщился Дорохов. — Спасибо, Варя, — и, глянув на задумчивого Кошкина: — Проснись, я скоро...

Лена посмотрела на Варю со спортивным интересом и, прежде чем та успела закрыть дверь с той стороны, спросила:

— Извините, девушка, а вы тоже тут летающие тарелки изобретаете?

— Нет. Я их мою. Предполетная подготовка, понимаете? — не растерялась Варя.

— Понимаю, а то мне показалось, что в нашем с вами возрасте военные тайны противопоказаны.

— И я вас здесь раньше не видела...

Следующим актом произошло явление Мариловны, которая бранилась, поднимаясь по лестнице:

— Нет, ну ты посмотри на него, запер все двери — а мы с сантехником должны под дождем мокнуть.

— Я думал, ты уж здесь, Мариловна, — бурчал, оправдываясь Дорохов.

— Так я и ходила в центральный за сантехником, в туалете опять бачок побежал. Днем-то этим академикам наплевать. Они только ракеты запускают, а горшки — это по нашей части... — с этими словами она замерла на пороге, вытаращив свои выцветшие глаза на Елену Варламову в юности.

— Кра-со-та... — врасяг прошептала старушка и для усиления визуального эффекта покачала головой. — Получилось, Сережа? Ай, молодец! Чудеса...

Лена, ощущая сконцентрированное на ней всеобщее внимание, переключилась на Мариловну.

— А вы, простите, майор или генерал?

— Я? — расплылась Мариловна от оказанного доверия, — я главный инженер по швабрам с оптическим прицелом. — И в подтверждение сказанного водрузила на свой нос очки с мощными линзами.

— Красавица!

— Вы хотите сказать, что вы меня знаете?

— Хочу. Как же мне тебя не знать...

— Мариловна, дорогая, наша гостя еще пять минут назад... — проснулся было Кошкин.

— Да чай не дура совсем, понимаю, — обиженно всколыхнулась на него старушка, и далее расставила все точки над “и” без сожаления и реверансов: — Ты не сомневайся, милая, не сомневайся, он тебя в другое тысячелетие прогуляться пригласил. Имел на это полное право, как любящий муж и порядочный человек, он у тебя гордость оборонной промышленности. Ты, Сережа, не впадай в кому, а своди ее в нынешние магазины, она вмиг все поймет.

— При чем здесь магазины? — насторожилась Лена. — Мне подарков не надо.

— Да не тушуйся ты, Лена. Идите, пройдите по городу, это тебе не заря перестройки! Ты только не подумай ненароком, что мы тут коммунизм построили. Ну, это тебе Кошкин лучше меня, старухи, объяснит.

Похоже, Мариловна предлагала подходящий вариант этой самой сублимации.

* * *

Дождь был буйным, но недолгим. Пару раз гроыхнуло вместо артоподготовки, потом залп из всех стволов, потом кончились патроны и на десерт — озоновая атака.

Дышалось легко. Влажная зелень роняла капли. Лена позволила Кошкину взять себя под руку, под локоток, потому как шла точно по минному полю. Она с нескрываемым удивлением смотрела на снующие иномарки, внимательно читала названия улиц, рассматривала прохожих, как инопланетян, но продолжала искать подвох. Окончательно доконал ее электронный плакат, мигающий призывом не пропустить выборы в Государственную Думу.

— Как в начале века? — поморщилась она, вспоминая школьный курс истории.

— Так и есть, в начале двадцать первого века, — подтвердил экскурсовод Кошкин.

— А здесь же были разные конторы — хозы-мозы? — так определила Елена Андреевна старую улочку, где сверкали начищенной до мраморного блеска древностью купеческие особняки. Теперь там располагались многочисленные бутики и офисы фирм.

Кошкин легким, но требовательным усилием завел Лену в парфюмерный магазин. Он ехидно любовался тем, как она ошарашенно скользит глазами по прилавку.

— И “Черная магия” есть? — проверила Лена свои советские знания в области французских духов.

— Что? — изогнула брови продавщица.

— “Черная магия”, духи такие... Или “Же о зе”...

Продавец безнадежно присвистнула.

— Вроде помню что-то... Но это можно поискать в универмаге... Но лучше в музее. Вы скажите, какое направление вас больше интересует? Может, я смогу вам что-то порекомендовать...

— А маме нравится “Пани Валевская”, — сказала зачем-то Лена.

— Вам точно в антикварную лавку. У нас только последние поступления. Дживанши, кензо, эсти, кляйн, наоми, давидофф...

— Дайте нам “дживанши — облик”, — поставил точку Кошкин.

Девушка у прилавка изобразила радостное обслуживание, достала нужную коробку, протянула сдвоенную оригинальным дизайном склянку Сергею Павловичу.

— Прекрасный подарок для любимой, — поддела она старого караса на крючок. — 70 уе...

— Уе? — вопросительно повторила Лена.

— Ну да, у нас по курсу доллара, на евро еще не перестроились.

Кошкин молча достал портмоне и отсчитал нужную сумму в рублях. Причем продавщица успела увидеть в другом кармашке свеженькие советские червонцы.

— Ух ты, извините, я такие только в детстве видела... Вы коллекционер?

— Типа того, — парировал Кошкин, прострелив ее жестким взглядом.

Девушка запоздало, но предупредительно замолчала, без того уж сунула нос в чужой кошелек, так и клиента недолго потерять. Парфюм-бутиков за окном пруд пруди. Быстро завернула коробку и протянула Елене.

— Я вам завидую, — честно сказала она, компенсируя комплиментом Кошкину свою болтовню.

— Что? — не поняла Варламова. И уже на улице сказала сама себе: — Без очереди... — Потом Кошкину: — Сергей Павлович, давай где-нибудь присядем, мне здесь страшно...

— Если честно, мне тоже, но и у вас мне тоже не по себе. Нет теперь подходящего времени. Особенно для влюбленных.

— Странно... Французские духи... Рядом можно купить свежие цветы... Белье... И не гэдээровское какое-нибудь... Ужас последней стадии империализма. Ленин в мавзолее переворачивается!

— И поделом ему. Знаешь, у меня есть мысль, давай вернемся в “Театральное”, оно до сих пор существует, правда, выглядит немного иначе. Там теперь интеллектуальная тусовка, для богатых и тех, кто себя к таким причисляет.

— А ты богатый?

— Нет. Скажем так, я по нынешним меркам несколько не дотягиваю до среднего класса.

— Это дорого? — кивнула Лена на коробку с духами.

— Ну, как сказать. Каждый день я такое покупать не могу. Сказать больше, это будет уже не подарок.

— Вон там был портрет Брежнева и надпись: мир отстояли — мир сохраним! А теперь... “Соло — мебель для офисов”. Значит, ты меня не обманул... Театр такого масштаба невозможен.

Кошкин устало, но победно вздохнул. Из всех чувств человек более всего доверяет зрению, не понимая, как оно бывает обманчиво. Зато слух Кошкина не обманул, Лена Варламова назвала его на “ты”.

По пути до кафе “Театральное” они молчали. Окружающий мир говорил Лене больше, чем мог рассказать ее очарованный гид.

— Хванчкару? — спросил Кошкин уже за столиком. — Может, ты проголодалась? Здесь прекрасно готовят пиццу с грибами и куриные отбивные, есть пельмени.

— Нет, немного вина — не откажусь.

Некоторое время они сидели молча. Лена теперь уже с нескрываемым интересом смотрела на Кошкина.

— Я боюсь... — шепнула она.

— Чего?

— Я боюсь этого мира. Твоего мира.

— Он не мой.

— И еще я опасаясь: вдруг у меня не получится вернуться.

— Ты сейчас думаешь об этом?

— Да. Не обижайся, пока у меня нет желания перепрыгивать свою собственную жизнь. Ты сам бы согласился? Наверное, ты даже не думал об этом.

— Если честно, не думал.

— Это не укладывается в голове. До последнего момента я полагала, что это какая-то шутка. А теперь все похоже на сон.

— Не переживай, я верну тебя — куда скажешь, хоть в раннее детство. Или в ту минуту, когда я вломился в вашу с Давидом беседу. Главное — не потерять точку разделения.

— Что это?

— Долго объяснять. Если просто: есть такая точка, где возможно разделение тебя на тебя. То есть место, где возникает вторая ипостась.

— Жуть, я домой хочу!

— Но, уверяю тебя, здесь есть еще что посмотреть.

— На сегодня — хватит, а то я точно разделюсь сама в себе. Ты удивительный человек. Я думала, машина времени так и останется прерогативой Герберта Уэллса, Клиффорда Саймака или Айзека Азимова. А ты...

— Почему-то мне не хочется называть ее машиной времени. Громоздкое название, многообещающее. А у меня так, игрушка для детей среднего школьного возраста.

— Когда ты меня вернешь, я все забуду? — потрогала коробку с духами: вешдок.

— Не знаю. Все эти парадоксы времени — только теория. Мне кажется — это субъективное, индивидуальное... Опять же, я могу вернуть тебя в это самое кафе. Если смотреть на проблему просто технически — я, всего-навсего, разрываю энергетическое поле, перемещая объект из одной точки поля в другую. Мы мыслим трехмерно, а я тебе сейчас пытаюсь объяснить вообще в горизонтальной плоскости. Для точности же необходимо выпрыгнуть из наших представлений о законах физики. Ну, если перенести наш разговор в сферу филологии, то представь себе, что тебе надо перевести и попытаться донести “Евгения Онегина” для африканского племени, словарь которого составляет не более 100 слов. Перевести, конечно, можно, передать, так сказать, суть — но будет ли это роман в стихах? У каждого времени свои вопросы, на которые, кажется, нет ответа. Вот у нас сейчас стоит научно-этическая проблема — можно ли клонировать человека?

— Клонировать?

— Ну да, создать копию. Взять ДНК, вырастить эмбриональную ткань... Впрочем, зачем тебе эти дебри! Просто я часто думаю, не сорвал ли я очередной плод с дерева, у которого змей подкараулил Еву. Я не думаю, что с помощью моего прибора можно корректировать историю, а теперь уже сомневаюсь, что и жизнь отдельного человека, но тот, кто изобрел колесо, вряд ли предполагал, что другой деятель присобачит к нему двигатель внутреннего сгорания. Будешь ли помнить? Мариловна наша, к примеру, не помнит. И Слава Богу.

— Вы что, на ней проводили испытания?

— Пришлось, в гуманных целях. Пенсию помогали искать.

— Нашли?

— Нашли.

— Значит, в вашем мире копируют людей?

— Пока только овец. Но от этого не легче. И хотелось бы тебе напомнить, что это не только наш мир, это и твой мир. Не хотел тебе говорить, но ты в этом мире устроилась намного лучше, чем я.

— Хочется остановить тебя, попросить — не рассказывай. Но любопытство сильнее...

— Ты директор крупного магазина, названного твоей фамилией. Могу тебе показать.

— Не надо, я боюсь.

— Я тоже.

— И?..

— У тебя богатый муж, говорят, что с криминальной начинкой. Твой сын... Наш сын учится за границей.

— Муж... С криминальной начинкой... Я не хочу мужа с криминальной начинкой.

— Это сейчас, точнее — тогда, а в двадцать первом веке — такой муж находка, такими гордятся, они делают нынешнюю историю, а такие, как я, разочарованно и плаксиво копаются в своем прошлом.

— Поэтому ты изобрел экскаватор и выкопал меня.

— Можно и так сказать, но тебя я не выкопал, тебя я потерял. И вся жизнь следом потеряла смысл. Глупо, банально... Мой друг пытается остановить пулю, которая давно уже пробилла сердце его боевого товарища и подчиненного, а я пытаюсь вернуть любовь, хотя пулю, как мне теперь кажется, остановить проще. Она хотя бы движется по физическим законам. Это только в театре любой акт можно переиграть в следующем спектакле, сделать хуже или лучше. Но даже по правилам театрального искусства плохого актера отправляют на вторые роли. А в реальности — естественный отбор. Его можно обмануть, но ненадолго. Кто-нибудь из стаи все равно заметит: Акело промахнулся!

— Маугли! Мой любимый мультфильм.

— Я помню, потому и помню. Тебе вообще нравился Киплинг.

— И Гумилев.

— И Гумилев. И Гоголь. А помнишь, мы читали друг другу велух “Альтиста Данилова”? — голос Кошкина надломился, Лена еще не могла этого помнить.

— Тебе удалось найти Орлова? У нас вся группа охотится на эту книгу.

— В своей группе ты будешь первая. Я выменял его на пластинку “Beatles”, которую мне подарили на восемнадцатилетие.

— И не пожалел?

— Ни разу.

Минуту-две помолчали. За окном сгущались неторопливые майские сумерки, и кафе стало наполняться посетителями. Разношерстные компании и пары обозначались в стильном полумраке зала только обрывками фраз и звонком бокалов. Рядом со столиком Кошкина и Лены приземлились два женоподобных юноши с аккуратными серьгами в ушах и неаккуратными прическами. Уже через несколько минут они стали смачно целоваться, отчего у Лены широко открылись глаза.

— Это не норма, это распушенность нашего времени, — грустно пояснил Сергей Павлович. — Издержки свободы.

— Я думала, что свобода подразумевает свободу созидать.

— Я тоже так думал, но разрушать легче. В том числе моральные нормы.

— Хочется спросить, где и когда мы с тобой встретимся, но, наверное, не стоит.

— Не надо. Я теперь уже не знаю, как мне жить дальше. Я слишком много ждал от сегодняшнего дня.

— Я тебя разочаровала?

— Нет, что ты, я сам себя разочаровал. Ведь получается, я хочу отбить тебя у самого себя. Обманываю самого себя. Пусть юного и заблуждающегося, но это ничего не меняет. Смешно, но этот путь мне подсказала старая добрая Марилевна, а я, такой же стареющий дурак, начал охоту на миражи. Но главное: я снова увидел девушку своей мечты. Звучит банально, но это правда. Ради этого стоило корпеть над чертежами и микросхемами несколько лет. Не хочется верить, что эта работа стала причиной твоего ухода. А если и так, ничего другого делать я не умею. Высокоточное оружие и слабоощущенные машины времени. Кошкин исчерпан. Мой однофамилец стал конструктором лучшего танка времен Второй мировой войны. А я вот... Ладно, ерунда это все.

Кошкин, как и полагается после такой тирады, выпил залпом полбокала коньяка. Лена кинула ему спасательный круг:

— Могу я тебя попросить?

— О чем угодно!

— Пригласи меня еще раз когда-нибудь на такую прогулку, только забери из того времени, когда мы уже знали друг друга.

— Ты, правда, этого хочешь?

— Если честно: и боязно, и любопытно и еще что-то. Самое удивительное, что никто не поверит!

— И мне тоже. Я с удовольствием прокачу тебя по нынешним ухабам.

Лена взяла Кошкина за руку, и у него перехватило дыхание. Тихая грусть до немоты наполнила сердце. Ни в прошлом, ни в будущем счастливому Кошкину не было места. Время любви нигде себя не обозначало.

— Здесь становится душно, мне пора, — Лена чуть сжала его руку, и Кошкин окончательно поплыл.

Пришлось собираться с силами, чтобы не броситься сейчас к первому попавшемуся такси, увлекая ее за собой.

— Возьми коробку, держи ее в руках, все-таки подарок.

— Мне придется там объяснять, откуда у меня такая роскошь.

— Придумаешь, что-нибудь. Скажешь, получила по переписке от друга из Франции, убежденного коммуниста или социал-демократа. Ну ладно. Все. Действительно, пора. — Кошкин достал из кармана пульт и направил невидимое поле на Елену.

Голубые за соседним столиком даже не заметили, как в воздухе растворилась красивая девушка с коробкой духов в руках. Да это и не удивительно, зачем им красивые девушки. Конкуренция.

Кошкин заказал официантке бутылку коньяка. Та с подозрением глянула на опустевшее кресло напротив, но ничего не сказала. Зато сказал Сергей Павлович, обращаясь к вселенской пустоте:

— Духовное обновление русской интеллигенции в девяносто пяти случаях из ста начинается с обычной попойки, мотивируемой сакральными движениями самой загадочной в мире души.

— Сам-то понял, че сказал? — буркнула себе под нос официантка.

* * *

После совместного турне по Европе Рузский и Варламова по-тихому расписались, без церемоний, застолий, фуршетов и подарков от богатых друзей Рузского. Причем на таком варианте сошлись оба. Бракосочетание отметили ужином втроем, на котором сын Лены Виталий Сергеевич узнал, что будет продолжать свое образование вдали от нищающей Родины и богатеющей матери. Виталий воспринял второй брак Елены Андреевны и свой отъезд спокойно, но испросил разрешения посоветоваться с отцом. Сергей Павлович забугорное обучение сына благословил, но велел помнить, что нормальные русские, а не Рузские, Родину на бизнес не меняют. Банально. Совково. Виталий, разумеется, отчиму суть разговора с отцом не передал. Отца он уважал, сочувствовал ему, но знал, что за мозги сентиментального инженера Кошкина Пентагон ежемесячно готов был выкладывать сумму, которая превосходит годовой оборот компании Рузского. Последний, кстати, в этот же вечер подарил молодой жене новый супермаркет. Втроем они поехали осматривать блистающую неонами стеклянную громадину, и, увидев его название, Елена Андреевна не удержалась: впервые при сыне поцеловала Владимира Юрьевича с такой силой, что потом трудно было понять, кто из них произвел на другого большее впечатление.

В лице Елены Андреевны Рузский обрел не только обаятельную жену, но и серьезного партнера, которая заставила уважать себя всех друзей и врагов нового мужа. И жизнь пошла по маслу. Хотя по маслу ходить опасно, можно поскользнуться. Поэтому в субботу, когда Лена во второй раз сослалась на головную боль, Владимир Юрьевич не поверил, но, продолжая играть заботливого мужа, принес ей таблетки и стакан с водой, сел рядом на диван, чтобы параллельно уставиться в телевизор.

Елена Андреевна уловила подозрительную фальшь в стакане с водой и в предупредительном молчании Владимира Юрьевича, и вынуждена была заговорить.

— Что-то не то, Володя, — нужно было как-то начать.

— Я готов превратить любые помехи в твоей жизни в пепел и развеять их над Антарктидой! Непременно над Антарктидой! Чтоб из огня да в полымя, — и нежно погладил ее по голове, ожидая дальнейших объяснений.

— Этот пепел не развеять. Это воспоминания.

— Неужели призрак Сергея Павловича? — и чуть было не спросил о посещениях конструктором “Вараламовского”. Уж тут бы Елена Андреевна за соглядатаев оторвалась по полной программе.

— Да нет, точнее, не совсем он. Это воспоминания, которых раньше не было.

— Не понимаю. Вспомнила что-то новое?

— У-ку... — покачала отрицательно головой. — Вспомнила того, чего точно раньше со мной не было, а теперь, получается, было...

— Лен, ты меня пугаешь, может, это результат перегрузки. Я постоянно тебе напоминаю, что женщина не должна столько и в таком ритме работать.

— Я работаю с удовольствием. Так и думала, что ты начнешь связывать это с психическим здоровьем. Нет, здесь все нормально. Я скажу тебе, что я предполагаю, но пообещай мне, что ты не будешь предпринимать каких-либо мер, пока я сама не попрошу тебя об этом.

— Обещаю, — твердо, с холодной сталью в голосе пообещал Рузский.

— Думаю, что Сергей действительно изобрел-таки машину времени. Помнишь, я тебе рассказывала о его безумном увлечении?

— Помню, но разве можно относиться к этому серьезно? Это даже больше, чем фантастика, это бред!

— Да, за двадцать пять лет до полета Гагарина примерно то же самое говорили Циолковскому.

— Ну, уж тот однозначно был глухим шизофреником.

— Ни глухота, ни шизофрения не мешали ему быть гением технического предвидения, причем настолько точным, что он назначил срок полета в космос — двадцать пять лет.

— И?

— Сергей приходил ко мне в офис...

Слава Богу, сама сказала!

— Приходил, чтобы сообщить: машина времени готова и даже прошла первые испытания.

— А ты тут при чем?

— Он полагает, что с помощью этого прибора сможет вернуть меня.

— Что?! — брови Рузского обрели изгиб татарской сабли, а потом устремились друг к другу.

— Успокойся и помни о своем обещании. Должен же рядом со мной быть хоть один трезвомыслящий и уравновешенный мужчина.

Владимиру Юрьевичу последняя фраза очень понравилась, но виду он не подал.

— Похоже, — продолжила Лена, — он встретился со мной в прошлом. Тогда, когда мы с ним еще не были знакомы... Представляешь, я пару дней назад могла встретиться сама с собой в юности!

— Бред. Не может быть.

— Видимо, все-таки может.

— Черт! Такие эксперименты, даже если они возможны, должны проводиться с высочайшего разрешения. Его за это можно привлечь к суду и раскрутить по полной программе!

— Володя, ты забываешь, что это не кинувший тебя партнер, а неизлечимый романтик, тем более мой бывший муж, отец моего сына. Позволь, я попробую разобраться с этим сама. Никаких новых чувств у меня к нему не возникло. Только жалости стало больше.

— Ты правда считаешь, он мог изобрести эту штуку?

— Да. Он гений, нравится это нам или нет. Между прочим, это он вместе с Марченко развил идею кассетных боеголовок, делающих стратегические ракеты неуязвимыми для ПВО противника. Он же придумал начинку ракет с нехарактерными траекториями.

— Что, и такие есть?

— Скоро будут взяты на вооружение.

Рузский присвистнул. Грустного инженера-конструктора следовало уважать, даже если он сам не уважал себя.

— Конечно, это не только его идея, там труд целого бюро, нескольких лабораторий, мозговой штурм... Но семьдесят процентов — это они со стариком Марченко.

— Лена, можно я тебя поцелую? — вдруг попросил Рузский, словно ему захотелось проверить, значит ли что-нибудь он сам рядом с таким гигантом технической мысли.

— Нужно, — ответила Лена, и голова ее оказалась на его коленях. Полные темно-красные губы позвали.

Владимир Юрьевич оттаял, но задним умом занес в бортовой поминальник: к Лене приставить дополнительную охрану, инженера тоже начать пасти, а на машину времени обязательно следует посмотреть.

* * *

Низкая, глухая облачность. Поэтому темнота. Как тут не вспомнить о приборе ночного видения? Без кошачьего или свиного глаза здесь делать нечего. Дорохов тенью в ночи крался вдоль дороги. В коленях гулял предательский мандраж, отчего он боялся ступить как-нибудь не так, и в результате получалось еще хуже: то ветка под ногой хрустнет, то задетый кустарник “загуляет”... “Слон, слон, слон! Старый слон!”, — мысленно ругал себя Дорохов и замирал, прижимая вспотевшую ладонь к камуфляжу, перехватив СКС в другую руку. А ведь совсем недавно сам учил молодых ходить бесшумно. Еще издевался: заставлял надевать противогазы и “змеиться” по густым кустарникам, каменистым склонам. А в противогазах они действительно были похожи на молодых неуклюжих слонов с широко открытыми от испуга глазами.

А теперь сам каждый пятый шаг делал неправильно. Нет, для любой теории нужна постоянная практика. Хоть бы Бог включил настольную лампу, а то никакой тебе луны! Спит и укрылся мягкой нестиранной периной серых облаков. Ничего, утром пополощет...

Рука уже не находила нужной сухости на одежде. Бесмысленно было тереть ее хоть об штанины, хоть об куртку. Вспотел насквозь. Забытое волнение распирало организм, по каплям сочилось через поры, липкой солью разъедало глаза. Надо же так постареть!

Где-то в поселке заблажили собаки. С подвывом, словно увидели мертвых хозяев. Дорохов не испугался, наоборот — успокоился. В некоторых домах тускло мерцал, качался, играл с тенями огонь то ли керосинки, то ли свечей. В других увереннее лимонились небольшие лампы, хозяева ушлые: купили, выменяли или украли у военных аккумуляторы. Бензоагрегаты нигде не урчали, в том числе и там, где сейчас спал тревожным сном батальон Дорохова, и откуда двигалась группа Китаева. Их еще не было слышно.

До расчетной точки оставалось метров триста и полчаса времени. Майор заставил себя дышать глубоко, но очень медленно. В воздухе пахло войной и почему-то сыром. Твердым и долго сохраняющимся.

Дорохов шагнул, и в настоящий миг ему показалось, нет, даже откуда-то из глубины снов вспомнилось: он уже делал этот шаг. Было уже все это, было. И липкая эта тьма, и запах войны, и твердого кавказского сыра. И выстрел хрустнувшей под ногой ветки, от которого порхнуло испуганной птицей из грудной клетке сердце, вырвалось и остановилось. Говорила бабушка: ночью в лес — только бес!

* * *

Алейхан лежал с закрытыми глазами. Слушать было важнее, чем напрягать глаза в такой темноте. Покружив вокруг дома, где беззаботно играли в нарды бойцы Бекхана, он все же предпочел более надежное место. Густой кустарник на другой стороне дороги. Подаренную братом СВД он нежно прижал к груди. За год он выучился стрелять на дальние расстояния не только

с оптическим прицелом, но мог попасть навскидку в подброшенную консервную банку, выстрелить на взмах крыльев и убить птицу. А уж убивать русских офицеров — это вообще не составляло труда. Алейхана поощряли: за большие звезды двести долларов, за маленькие — сто. И не надо платить никаким хохлам или высокомерным прибалтийским красавицам, которые перепутали биатлон с джихадом. Куда этим самовлюбленным, хладнокровным цивилизованным девицам до тихой и грациозной, как лань, Айзы! Ох, Айза! Когда Алейхан станет богатым героем, они уедут с Айзой... Вот только куда? Здесь война, похоже, не кончится. Никогда.

Звезды спрятались за облаками, как и Айза прячет глаза, когда Алейхан приходит в дом Дамана. Почему Даман не воюет? Он же не очень старый? Иногда Алейхану кажется, что седой Даман с кривой ухмылкой слушает его рассказы о ночных засадах, горных переходах, о плачущих в плену федералах... Да под густой бородой этого не заметно. Только в глазах появляется холодный блеск. Говорят, что в сундуке у Дамана есть золотая звезда Героя Советского Союза, но теперь он ее не цепляет на грудь. А еще говорят, что эту звезду Даман получил в Афганистане. Ну и что! Великий Джохар тоже бомбил Афганистан. Но своей мученической смертью он искупил эту вину перед Аллахом. Вот и Даман стесняется своей награды... Но не воюет. И не держит в своем доме оружия. Все-таки странный отец у Айзы.

Алейхан слушал ночь, и ему казалось, что эта ночь наступила уже в сотый, в тысячный раз. Тысяча и одна ночь. Снилось она ему или вынырнула откуда-то из далекого детства? Ощущение повторяемости было настолько навязчивым, что вызывало мистический страх. От него хотелось вернуться в дом, поохотаться над трусливыми, забывшимися в углу гурами с ефрейторскими лычками на плечах. Свинопасы из хоззвода. Грязные животные, которые пасут грязных животных...

Немного отпустило. Недалеко забрехали собаки, следовало бросить туда гранату, чтоб не мешали слушать. Днем надо уговорить Бекхана — перерезать всех собак, не только двуногих. Не надо нам друзей человека, мы волки. Эта мысль очень понравилась Алейхану и чуть не помешала ему услышать шаги. Шли по дороге... Несколько человек. Легкое бряцанье обмундирования выдавало военных. Куда это федералов ночью понесло?

Инстинкт охотника подавил запрет Бекхана на свободный поиск. Угрозы группе никакой не будет, Алейхан сделает два-три правильных выстрела и уйдет в ночь. Федералы будут утром чесать зеленку, поселок они прочесали сегодня. Но Алейхан за ночь обойдет его с другой стороны и похвастается Бекхану новой победой. Старший брат простит и похвалит. Главное — высмотреть в этой тьме офицера. Просил же специальный прицел! Обещали привезти из Турции. Обещанного, что у русских, что у горцев три года ждут. Особенно на войне. Хорошее оружие — как награду.

Алейхан аккуратно перевернулся на живот, теперь нужно было не слушать, а смотреть. Но именно в это мгновение рядом сухо переломилась под чьей-то ногой ветка. Вот это точно уже когда-то было! Он резко крутнулся обратно на спину и выстрелил в нависшую над ним тень. Но выстрел Алейхана до доли секунды совпал с выстрелом того, кто так долго шел за ним в эту ночь. Глупая, невозможная в этом времени и в этом пространстве пуля пробила сердце снайпера навзлет. Вместе со смертной темнотой на него упало тело убитого им майора в отставке. Последнее, что с тающим удивлением увидел Алейхан, это ярко-белые и совершенно неуместные кроссовки на ногах своего врага. А еще Алейхану показалось, что из темной пелены небес выглянуло лицо убитого им когда-то русского инженера. Он подстрелил его у вышки ЛЭП, которую они только что подняли, и, получив пулю в сердце, этот инженер еще долго стоял на ногах и совершенно беззлобно, немного удивленно смотрел в ту сторону, откуда она прилетела. Алейхан внимательно разглядел в оптику засаленный воротничок его рубашки, нелепый клетчатый галстук под фирменной зеленой курткой, которая, по всей видимости, заменяла несуществующий пиджак, и серые, в кровавых прожилках, усталые глаза. И сейчас они смотрели на Алейхана также беззлобно, с некоторой долей удивления. С какого света они смотрели?

Ночь, как собака, залаяла автоматными очередями, желтыми мечами проткнули ее прожектора БТРов, из дома, где только что играли в нарды, неосторожно выскочил на улицу Рагиб, чтобы наткнуться на гроздь пуль старшего лейтенанта Китаева. Два солдата из хоззвода в эту ночь поверили в чудеса.

* * *

Кошкин бессмысленно смотрел в одну точку. Этой точкой была вмятина на боевой фляжке Дорохова. Будто гипнотизировал ее. Смотрел-смотрел, и она вдруг исчезла, но не вмятина, а вся фляжка.

Почувствовав неладное, Кошкин стремглав бросился на пост охранника. Он вдруг без всяких приборов увидел и понял происходящее. Хотелось крикнуть сквозь бетонные стены, сквозь грустные, бесконечные российские просторы, сквозь низкую облачность над седым Кавказом, сквозь неисчислимые пустующие парсеки вселенной, но не получалось крикнуть даже сквозь собственное горло. Да ведь это уже было с ним! Это уже было с Кошкиным! Он потерял лучшего друга! Он также явно помнил это ниоткуда, как помнил свои сны про Александра Невского из пионерского детства.

За столом Дорохова (еще стул не успел остыть!) сидел молодой парень под два метра ростом. Светло-русые, чуть выющиеся волосы, темно-синие глаза под добродушным изломом бровей, прямой нос, и, как полагается природному русаку — широкие татарские скулы. Парень, увидев взволнованного Кошкина, привстал.

— Что-то случилось, Сергей Павлович?

Кошкин замер на последнем пролете лестницы и бессильно опустил на ступеньки. Сдавил виски ладонями.

— Китаев? Анатолий Китаев? — уже знал Кошкин.

— Да... вы же меня не первый год знаете, Сергей Павлович.

— А сына ты, конечно, Васей назвал?

— Ну я же вам рассказывал, в честь командира.

— Василия Даниловича Дорохова...

— Так точно... Но я ж вам рассказывал.

— Конечно... конечно...

— Что случилось-то, Сергей Павлович, помощь нужна?

— Нет, спасибо... А как погиб твой командир?

— Не помните? Странно, это же удивительный случай, я думал — вам интересно.

— Толик, мне это и тогда было интересно, а сейчас особенно, считай что меня током ударило, и я свою память проверяю...

— Током? Крепко, получается.

— Крепче не бывает, извини... Ну так как же про командира?

— Сейчас, — Китаев полез в сейф за спиной и достал оттуда фляжку, ту самую.

— Его фляжка...

— Точно, его. Давайте по маленькой, Сергей Павлович, а то вид у вас, как будто над головой восьмидесятимиллиметровая гаубица долбанула.

Тут же нашелся и стакан. Выпили, отдышались.

— В ту ночь...

— Полковник Старцев ни с того ни с сего потребовал отделение лучших разведчиков, — продолжил Кошкин.

— Ну вот, а говорите — память отшибло. — Комбат еще недоумевал, что за срочность, не поддержку же просил.

— А дальше. Начинай с того момента, как в зеленке вы услышали выстрелы.

— Один выстрел. Это потом мы узнали, что он двойной. СКС и СВД слились буквально. Унисон — в музыке так говорят. Потом чехи из дома напротив повалили. Я первого на крыльце по полной программе нафаршировал.

Но остальные умнее, из дома стали отстреливаться. Там уж наши подтянулись. А чехи из дома орут, чтоб мы не стреляли, а то своих подстрелим или они им головы отрежут. Слышим голоса: сержант такой-то, ефрейтор такой-то, часть называют. Проверять? Не верим, отвечаем. А чехи: сейчас мы их на крыльцо выведем, но если кто из вас дернется — смерть вашим солдатам. Вывели. Точно, стоят наши чайники, и еще улыбаются от счастья. Думали, это мы их вызволять пришли. Чайники-то чайники, а все равно наши, жалко. Командир торговаться начал, а я, между тем, уже в огороде позицию занял. С фланга заполз. Того, что за спиной у пленных, на мушку взял. Все бы ничего, но тут еще дождь моросить начал. Противный такой, мелкий вроде, а мокро сразу все стало, как от проливного. Этакая взвесь в воздухе. И появилось вдруг у меня жуткое ощущение...

— Будто это все уже с тобой когда-то было...

— Я вам рассказывал. Жуткое такое ощущение. Как будто такой поворот у жизни сейчас, что либо в кювет, либо... Не знаю. Бывало и раньше такое, но не с такой яркостью. Если б в этот момент летела мимо пуля, я бы ее увидел. Это точно. Время точно замедлилось, размазанное какое-то стало. А тут еще земля слизкая под пузом. И дернул меня черт, показало мне, что хорошая у меня позиция, нажал я на курок и снял чеха. Солдатики не дураки, сразу с крыльца бухнулись и покатились. Наши с гранатомета в окно засадили, а дальше уже тишина. Думаю, кончилось. Поднялся я, уже печалиться начал, как сейчас пред светлые очи Старцева покажусь — весь грязный. Данилыч к пацанам подошел, опрашивает, где и как их чехи взяли. И тут чех мой, что на крыльце до этого мертвым лежал, зашевелился, достал из-за пазухи легендарный ТТ и решил меня отблагодарить. Но Данилыч его опередил, на долю секунды... В прыжке. Чеха добил, но мою пулю на себя взял. На моих руках умер... Я, говорит, знал, Толик, что так будет, а тебе еще сына растить. Сказал и умер... — Китаев беззвучно плакал. Твердости в его голосе не убавилось, но из глаз текли крупные слезы.

Кошкин плакать не мог, потому что ему было намного хуже, чем мужчине, который может себе позволить слезы.

— Он действительно знал, — сказал Сергей Павлович. — Он сознательно на это шел. Всю жизнь...

Китаев вытер слезы и с некоторой настороженностью посмотрел на Кошкина.

— Да не думай ты ничего, не сошел я с ума, запри дверь, пойдем ко мне в лабораторию, кое-что покажу.

— Но я еще не все рассказал?

— О том, что в зеленке вы нашли человека, как две капли воды похожего на вашего командира, в белых кроссовках и камуфляже? Я помню... Догадываюсь...

— Он точно очень похож, только седой весь.

— Пойдем в лабораторию.

В лаборатории Сергей Павлович протянул Анатолию Китаеву служебное удостоверение Дорохова, по привычке оставленное им перед выполнением боевого задания. Раскрыв его, Китаев изменился в лице.

— Толик, я чуть позже тебе все объясню. Мне самому еще многое понять надо. Скажу одно — твой командир спасал тебя последние пять лет. Просто всему есть своя цена.

— Я на такую цену не согласен, — глухим голосом сказал Китаев, глядя на служебную фотографию.

— Приказы не обсуждают, старший лейтенант Китаев.

— Я майором демобилизовался. После ранения.

— Неважно. Командир приказал тебе жить. Долго жить.

— Это как-то связано с вашей лабораторией?

— М-да... — кивнул Кошкин, — еще два часа назад... Нет, пока я не готов что-либо говорить. Мне нельзя сейчас пороть горячку, достаточно ее уже было. Я могу рассчитывать на твою помощь, Анатолий?

— Всегда.

— Тогда дай мне день или два, чтобы я, подобно твоему командиру, продумал план операции. Детально.

— Этот чертеж... Это же не ваши прибабасы ракетные... — Китаев рассматривал прикрепленные на кульмане листы Дорохова. — Вот снайперская точка. Кто это рисовал? Местность...

— Та самая, — кивнул Сергей Павлович, — но дай мне немного времени. Если у смерти могут выигрывать врачи, могут приказывать ей святые, может, и старый советский инженер на что-нибудь сгодится.

— У меня, честно говоря, башка раскалывается. Я как будто за пару минут целую жизнь прожил. Пока рассказывал, все явственно так вспомнил. — Китаев вопросительно посмотрел на Сергея Павловича.

— Так оно и есть.

* * *

“Эх, сколько вас, майоров неприкаянных, по земле русской бродит, — думал про Китаева и Дорохова Кошкин, неровно вышагивая по ночной улице (нужно было поймать такси, а он просто шел на автопилоте в сторону своего дома), — и здоровые сорокалетние мужики, сломанные уже, и этой своей надломленностью, наоборот, сильные. Сильнее, во всяком случае, слюнявых интеллигентиков, сильнее голубоватых журналист и синеватых министров, сильнее инфантильных европейцев и не в меру жизнерадостных американцев, кровожадных азиатов и щедушных монголоидов, но слабее самих себя... Слабее вездесущей водки и хандры. Неизжитое веками мессианство не дает им покоя, а заряд пассионарности иссяк, Евразия тлеет, и на просторах ее десятки раз обманутый народ”.

На входе во двор его окликнули:

— Сергей Павлович, одну минуту, можно вас...

Автопилот завис. Кошкин посмотрел в сторону черной лаковой иномарки, сиявшей отмытостью и чужеродными раскосыми фарами. От нее браво двинулся к нему молодой человек со страниц какого-нибудь престижного журнала. Черный стильный костюм отливал лаком даже ночью.

— Сергей Павлович, извините, я к вам по поручению Владимира Юрьевича, думал, не дождусь уже, он очень просил вас встретиться с ним в клубе “Эльдорадо”, будет ждать вас там вплоть до двух часов ночи... — и замер, настороженно выжидая.

— Что-то случилось? Может, с Виталием?

— Ничего такого мне не сообщали, только просили о встрече.

Кошкин посмотрел на часы: до двух оставалось тридцать пять минут.

— Я потом привезу вас домой, — прочитал его мысли курьер. — Меня зовут Андрей. Я водитель Владимира Юрьевича.

— А я думал — телохранитель, — высказал свои обоснованные соображения Сергей Павлович.

— Это уже по совместительству. Там без меня хватает, — и предупредительно открыл перед Кошкиным дверцу “лексуса”. Последнему же пришлось сделать вид, что это для него обычная процедура.

Клуб “Эльдорадо”, где обычно тусовались известные бандиты и бизнесмены, находился на другом конце города, но Андрей превратил машину в пулю, которая пронеслась по ночным улицам, презирая светофоры и знаки, встречных и поперечных, и через пять с лишним минут доставила Сергея Павловича к сияющему неонами крыльцу престижного клуба. Мордовороты на входе молча кивнули Андрею и пропустили Кошкина внутрь, где у него мгновенно закружилась голова. Играла музыка, похожая на однообразный электронный чес, этакая смесь морзянки и тамтамов. Длинноногие девушки в трусиках танго (и только в них) плавали по залу с разносами, одаривая посетителей напитками и угодливыми улыбками, некоторые из них сидели на коленях у крутолобых лысеющих русских джентльменов, промышляя руками у них под рубашкой, а то и в штанах, на что те старательно не обращали внимания. Над всем этим плыло дымчатое марево различных видов табака, запаха яств,

пота, дезодорантов и дорогого парфюма, отчего могло показаться, что здесь вовсю идет процесс фумигации. Одна из алкогольных наяд одарила Кошкина огромным бокалом с каким-то коктейлем и взяла под локоток:

— Вас ждут, я провожу.

Водитель Андрей исчез, и Сергею Павловичу ничего не оставалось, как последовать за юной официанткой, чуть покусывая свою губу от желания внимательно изучить ее весьма недурственную грудь, которая благодаря ее десятисантиметровым каблукам и метровым ножкам маячила перед его глазами, когда она шептала ему какие-то правила заведения. Она проводила его до отдельного кабинета, у дверей которого многообещающе чмокнула конструктора в щечку. И Кошкин с бокалом оказался на пороге небольшой комнаты, обитой темнозеленой тканью. Он увидел Рузского, сидящего за стеклянным (почти журнальным) столиком в обществе чашки кофе, сигарет, бутылки “Арарата”, нескольких газет и блокнота с ручкой. Интимная обстановка была подкреплена, кроме описанного, двумя огромными кожаными креслами, в одном из которых “утонул” Рузский.

Сергей Павлович был явно удивлен.

— Рассчитывали увидеть здесь полный бардак? — догадался Рузский. — Напрасно. Я брезгливый, чистоплотный и очень люблю... — Он немного подумал, но все-таки сказал, — нашу жену. Именно поэтому я имел наглость пригласить вас для разговора. Вас это, конечно, не радует.

— Меня радует, что ничего не случилось.

— Присаживайтесь, — Владимир Юрьевич не сдержал улыбку: Кошкин с бокалом в руке, сбившемся набок галстуке и ярким отпечатком губ наяды на щеке выглядел весьма комично.

Кошкин это понял и, прежде чем сесть, осмотрел себя с ног до груди, поправил галстук, Рузский протянул ему салфетку.

— Помада... Ох уж эти нимфетки. Полагаю, она рассчитывает срубить с вас сотню-другую долларов этой ночью, видимо, почувствовала какой-то интерес, от вас исходящий.

— Наверное, — не стал кривить душой Кошкин, — грудь у нее великолепная, куда ж деваться, если тебе такое под нос суют.

— Никаких проблем, ваше малейшее желание будет удовлетворено и оплачено.

— Спасибо, конечно, но позвали вы меня явно не для того, чтобы удовлетворять и оплачивать мои желания.

— Разумеется, хотя основная часть разговора не отменяет развлекательную. Коньяк?

— Давайте уж. Я коктейли не пью. И, честно говоря, вообще пить не хотел, но последнее время в меня просто вливают, как в бочку, а я не имею сил и желания сопротивляться.

— Обмываете гениальное изобретение? — перешел сразу к делу Владимир Юрьевич, разливая коньяк. — Кофе, бутерброды, салат, горячее?

— Всего понемногу, — согласился Сергей Павлович, который только сейчас вспомнил, что не обедал и не ужинал.

Рузский нажал кнопку на подлокотнике кресла.

— Сейчас принесут. Не возражаете против банального “столичного”, свинины, запеченной с сыром и большой кружки “мокко”, я уж на свой вкус заранее заказал, так бы ждать пришлось?..

— Не возражаю. Значит, Лена вам уже рассказала...

— О машине времени?

— Не нравится мне это название, но пусть будет так, лучше я пока не придумал. Вторично получается.

— Где уж там вторично! Кому это еще удалось? Если все это правда, то это самое яркое изобретение со времен атомной бомбы или лазера.

— Да бросьте вы, тут людей клонируют, как штамповки, а я всего-навсего сделал маломощный опытный образец.

— Но, позвольте, от опытного образца при достойном финансировании один шаг до полноценного агрегата!

— Агрегат... Ваш-то какой в этом интерес?

— Ну, знаете, я мог бы начать наш разговор с претензий по поводу того, что вы пытаетесь отбить у меня законную жену, или, считаете, не имею морального права?

— Имеете... Честно говоря, я уже сожалею о своем безумном поступке. Не надо было ее тревожить. Тем более, что она полностью погружена в свою новую жизнь, и, как я понял, любит вас.

— Мне приятно это слышать, Сергей Павлович, хотя, думаю, вам нелегко откровенничать на эту тему, но позволю себе заметить: я не отбивал ее у вас, она была свободна.

— Я помню...

Кошкин не договорил, в комнату, как кошки, вошли сразу две наяды с разносами. Помимо перечисленных Рузским яств на столе появились фрукты, сок и маринованные вешенки, которые Владимир Юрьевич сразу подвинул на свою сторону. Видимо, был любителем грибов. Девушки справились, не желают ли господу еще чего-нибудь, на что Рузский слегка раздраженно отмахнулся, и они также быстро исчезли.

— Над чем вы сейчас работаете? — продолжил разговор Владимир Юрьевич, когда они вышли и наполовину опустошили салатницы.

— Военная тайна, — без иронии ответил Кошкин.

— Совсем?

— Дорабатываем ракету с изменяемой траекторией полета.

— Что, уже и такие есть?

— Были бы еще раньше, если б последние десять лет было упомянутое вами достойное финансирование.

— И я об этом, — понимающе улыбнулся Рузский, наливая по второй, — я хочу сделать вам деловое предложение.

— Я смотрел как-то фильм, хотя у меня нет времени дружить с телевизором, но этот фильм посмотрел от начала до конца. Наш, российский. Сюжет таков: девяностые годы, жалкому эмигранту-пьянице достается в наследство чемодан с советскими рублями и машина времени от гениальной бабушки. Бывшая женушка сдает его с потрохами мужу-бандиту-коммерсанту.

— Прямо-таки знак равенства... коммерсант — бандит.

— Ну, сами знаете, в восьмидесяти процентах из ста. Так вот, алкоголь этот таскает из советских времен золото и продает. Там на него охотится КГБ, здесь — бандиты, там еще, к тому же, у него любовь... В результате его и девушку обложили со всех сторон. Так что, Владимир Юрьевич, вы предлагаете мне банальный сценарий.

— Да мне не надо золота! — нарочито отмахнулся Рузский. — Это уже пройденный этап. Нельзя бесконечно богатеть, можно лопнуть. Да и не дадут выпрыгнуть выше отведенной ниши. Это я вам честно и без обиняков докладываю. Не-да-дут! И хорошо если только без штанов останешься, а не под мраморной плитой. Все уже поделено и распределено. Войны за передел порицаются, а агрессоры наталкиваются на мощную систему коллективной безопасности.

— Тогда в чем ваш интерес?

— Допустим, хочу быть сопричастным гениальному проекту. Только не ищите за моей спиной тень Герострата. Ничего подобного. Но, разумеется, как всякий прагматичный человек, я рассчитывал бы как на моральные, так и на некоторые материальные дивиденды. Тем более, что мало кому из коммерсантов средней руки удается завязаться с оборонкой. А это в наше условно стабильное время всегда верный кусок хлеба. Позволю себе напомнить вам, что значительная часть этого ломтя достанется в обязательном порядке Виталию.

Кошкин замер с вилкой у рта. Напоминание о сыне болезненно его укололо.

— О! О! О! Только не примите за упрек или форму шантажа! — натурально испугался Рузский, поняв, что ляпнул не то.

— Не приму, — задумчиво согласился Кошкин.

— Вы же понимаете, Бог каждому из нас дал свое. Вы родились, чтобы держать в руках карандаш и паяльник, а я — калькулятор, счета-фактуры и накладные...

— И пистолет, — добавил Сергей Павлович.

— Не скрою, приходилось, — невозмутимо продолжил Рузский, — в средние века все бегали с мечами и кинжалами, перераспределяя собственность, и никого это не смущало.

— Да, похоже, мы вернулись в пещерные времена, как будто сработала огромная машина времени...

— Ну, если так, то точнее будет сказать, что качнулся маятник истории, причем качнулся он еще в начале двадцатого века. И качнулся так, что снес по пути десятки миллионов человек.

— Чего же вы хотите от прошлого?

— Упаси Бог! От прошлого не хочу. С прошлым все ясно. Пусть туда смотрят историки. Меня, Сергей Павлович, больше интересует будущее. Прогнозы, новые технологии, расстановка политических сил. При этом меня интересует обозримое будущее. Я так понимаю, перемещаться туда вы еще не пробовали?

— Не пробовал.

Бутылка коньяка кончилась как-то быстро, но, видимо, это был настоящий коньяк, от которого внутри разливается приятное тепло, а голова не становится похожей на мешок с цементом, который вот-вот превратится в коллоидный раствор. Кошкину, не взирая на легкую неприязнь к собеседнику, было хорошо и уютно. И он позволил себе высказать некоторые соображения по поводу путешествий в будущее.

— Знаете, Владимир Юрьевич, я не признаю эйнштейновских предположений по поводу парадоксов времени, но, полагаю, заглядывать в будущее намного опаснее, чем лезть в прошлое. Как человек верующий, я считаю, Бог дает дар провидения только своим величайшим святым. А мы хотим, походя, посмотреть в замочную скважину. Как бы глаз в таком деле не потреть.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского... Кстати, как насчет продолжения банкета? Коньяк, или сменим тему?

— Лучше тот же коньяк, — согласился Кошкин. — И пусть еще лимончик порежут.

Тут же появились наяды, приняли заказ, а через пару минут его выполнили. Рузский засунул обеим за лялочки трусиков зеленые купюры, отчего наяды коньячной реки мяукнули, как кошки, обласканные добрым хозяином.

— Я, Сергей Павлович, предлагаю вам полноценное сотрудничество. Если нужно, готов предоставить площади, построить научный центр, обеспечить всем необходимым. Но, разумеется, в обмен я попрошу, чтобы над всем делом сиял знак моего холдинга, а также пожелаю выполнения некоторых личных заданий в этом самом обозримом будущем. Смею предположить, что государственное финансирование будет не таким обильным и, главное, не таким быстрым. Более того, вас, скорее всего, засекретят настолько, что вы забудете собственное имя и домашний адрес. Помимо прочего, я гарантирую вам максимальную защиту, вас будут охранять не хуже, чем меня. Подумайте, я не рассчитываю на быстрое согласие. Тем более что у вас есть все основания меня если уж не ненавидеть, то хотя бы недолюбливать. Подумайте...

— Подумаю... Во всяком случае, обещание меня ни к чему не обязывает, а последние годы научили, что отказываться от помощи неразумно и непрактично.

— Можно считать это предварительным согласованием? — лучезарно улыбнулся Владимир Юрьевич, щедро наливая из второй бутылки.

Изобретатель печально вздохнул, наблюдая за этим процессом. Шел третий час ночи.

* * *

В это время Владимир Юрьевич Рузский сидел в своем кабинете и безрезультатно гипнотизировал монитор компьютера. На экран были выведены две цифровые фотографии пульта дистанционного управления от телевизора

“Toshiba”. Снимки сделали в номере клуба “Эльдорадо”, когда Кошкин “поплыл” с наядами в райские кущи. Больше всего приковывало взгляд предпринимателя изображение вскрытого блока, глядя на который специалисты, собранные Рузским из всех возможных институтов и даже привезенные из Москвы, разводили плечами: это может быть что угодно. Но это не банальный пульт дистанционного управления. И только один из них сделал предположение, что пульт, возможно, связан с генератором, который управляет электромагнитными полями, а запускается вся эта система только после введения длинного цифрового кода. Именно это и предполагал Рузский. Никто из деятелей науки и техники не взялся за расшифровку прибора ни за какие деньги, после чего Владимир Юрьевич похвалил себя за осторожность и выдержку. Значит, Кошкин нужен как друг. Значит, Кошкина нужно купить, если не деньгами, то чем угодно.

В то, что машина времени существует и разработана провинциальным инженером, верилось с трудом. Зато состояние жены не только вызывало опасения, но и подсказывало, что Кошкин не блефует. Лена, что называется, ушла в себя. Стала вдруг перечитывать Бунина и Орлова. Нет, она не отстранялась, не избегала нежности, но что-то было не так. Куда-то схлынула ее предпринимательская энергия, она перестала интересоваться маркетингом, листать каталоги и толстые престижные журналы, рассчитывать прибыль от возможных проектов, не задерживалась на работе и не рвалась в командировки в Европу. На вопросы Рузского отвечала спокойно, но пресно: не переживай, все хорошо, нужно немножко сосредоточиться, каждому порой нужно медитировать.

И Рузскому очень захотелось добыть этот медитатор. При этом он сам еще не знал, что в большей мере является мотивацией его поведения: возможная прибыль, прикосновение к тайне или вероятность почитать на лаврах, отмахиваясь от навязчивого благодарного человечества. Все лестные предложения изобретателю были сделаны, но Кошкин мучил какие-то свои дела. Сегодня вдруг поехал на место банального убийства уборщицы из своего института, потом к одинокой женщине по фамилии Дорохова. Новая любовь? Вряд ли. Муж ее погиб на Кавказе, и до сих пор Кошкин ни разу с ней не встречался. Он был у нее всего пять минут. На свидание не похоже.

Больше всего настораживала Владимира Юрьевича встреча Кошкина с его начальником и покровителем Марченко. Если тот в курсе, то дело может стать делом государственной важности, и к нему уже ни на сивой кобыле, ни на “мерседесе” не подъедешь. Значит, следует торопиться. Давить на Кошкина было делом бесполезным. Такие самоотверженные патриоты — они, как генерал Карбышев, превратятся в глыбу льда, но на сделку с совестью не пойдут. Оставалось искать слабое место Сергея Павловича, но получалось, что, по большому счету их только два: жена Владимира Юрьевича, которую он очень любил, и сын Кошкина и Лены, которого очень любила Елена Андреевна. Рузский же не относился к категории людей, способных за деньги доставить вред или даже малейшие неприятности своим близким. Поэтому, перебрав в уме весь этот неутешительный расклад, ему оставалось только глубоко вздохнуть.

Выключив ноутбук, Рузский вызвал к себе начальника охраны Паткевича. Друг детства Вадик Паткевич остался единственным, на кого Владимир Юрьевич мог положиться, как на самого себя, и кому мог доверить самое сокровенное.

Грум (такое у него было погонялово, уменьшительное, но не ласкательное, от слова угрюмый) молча сел напротив и насунился. Это было обычным выражением его лица. Имидж помогал Груму наводить ужас на подчиненных, сохранять достоинство в любых ситуациях и молча трахать проституток, которые от такого вида боялись даже профессионально стонать. Стороннему наблюдателю могло показаться, что Грум лишен эмоций, как рыба го-лоса.

Внешность Вадима Паткевича, между тем, вовсе не была угрожающей, скорее всего, он напоминал чем-то роденовского “мыслителя”. Но вот тяжелый подбородок никогда кулаком не подпирал. Садистом и прирожденным

убийцей он тоже не был. Паткевичу было восемнадцать, когда он убил двух парней, которые напоили и изнасиловали его девушку Аню. Убил без лишних слов и рисовок. Каждому досталось по три ножевых ранения в сердце. Милиция вычислила Грума уже на следующее утро.

После этого его серые холодные глаза не выражали ни радости, ни добра, ни сострадания. Единственным человеком, который тогда не отвернулся от Вадима из комсомольских соображений, был Володя Рузский, и Грум запомнил это на всю жизнь. Пройдя через камеру смертников и психушку, Грум вышел на свободу, чтобы сесть по новой уже в соавторстве с Рузским, втянувшим его в аферы с кооперативами. Но из СИЗО снова перекочевал в психушку, потому что ни один следователь не мог поверить, что человек, абсолютной лишенный эмоций, страха и чувства боли, может быть нормальным. Медики эту версию, на счастье Грума, поддерживали. С того самого случая Грум, насколько помнил Рузский, улыбнулся только раз, когда Владимир Юрьевич подарил ему на день рождения машину его мечты: “ягуар” индивидуальной сборки.

— Вадик, я тут подобрался близко к новейшим технологиям. Таким, что относится пока еще к жанру фантастики. Сейчас у меня не должно быть срывов и слабых мест.

Обращение по имени означало, что задание носит интимный характер, а дивиденды рассчитаны только на двоих — Рузского и Паткевича.

Грум слегка кивнул.

— Да, и пошли кого-нибудь, пусть подстрахуют Виталика. Но так, чтоб и муха не... А инженера нашего береги. Нежно, Вадик. Потом я тебе все объясню.

— Не надо, Вова, у нас думаешь ты, делаю я, — напомнил Грум.

Они встали и обнялись. Какой-то леший вдруг дернул Рузского спросить:

— Вадя, а если бы у тебя была возможность все переиграть?

— Что? — не понял Паткевич.

— Ту ночь... Если б можно было в ту ночь Аню спасти. Ну, чтоб вообще ничего не было?

— Не понимаю тебя, Вова, куда ты клонишь?

— Да я тут думал, — спохватился Рузский, — если б вдруг всю жизнь переиграть было можно?

— Лирика, — бесцветным голосом сказал Грум, — говно. Меня моя жизнь устраивает. Не в бурю режемся. А этих двоих я бы все равно замочил.

— Ты прав, вздор все это!

Услышав любимое слово друга, Грум перестал смотреть на него выжидающе, но, уходя, намекнул:

— Ты, Вова, на ночь валерьянку иногда пей. Че тебе еще не хватает? При пацанах такого не ляпни...

— Угу, — согласился Рузский и расслабленно упал в любимое кресло.

После того как дверь за Грумом закрылась, он повертел в руках мобильник и набрал номер Кошкина. К телефону долго никто не подходил, но потом прозвучал сонный голос инженера:

— Я слушаю.

— Добрый вечер, Сергей Павлович, как самочувствие?

— Здравствуйте, Владимир Юрьевич, похвалиться нечем. Вам не терпится услышать от меня согласие на сотрудничество?

— Не буду кривить душой, но мне действительно этого хочется.

— Знали бы вы, уважаемый мой меценат, какую оперу заказать хотите. Нам только кажется, что мы пишем либретто. А оно написано ой-как давно. Полагаю, еще при большом взрыве.

— Каком взрыве? — не понял Рузский.

— Да это я так. Об акте творения всего из ничего.

— А-а, — выдохнул Владимир Юрьевич.

— Вы мне, убогому, скажите, что вы хотите заполучить с помощью прошлого или будущего? Какова ваша цель?

— Сергей Павлович, сейчас даже в космос за деньги летают! Что в этом плохого? Для начала просто покажите мне, как это действует.

— Выходит, Лену это не интересует.

— В последние дни у меня возникает такое чувство, что она куда-то улетела и не вернулась. Ее вообще ничего не интересует. Так что мою жену вы уже своим изобретением охмурили.

— И этого я не хотел... В том-то и дело, Владимир Юрьевич, что на сегодняшний день мне не удалось предсказать ни одного природного катаклизма, я не смог уберечь ни одного близкого мне человека от неверного шага, напротив, только усугубил и прошлое и будущее. А тут еще вы со своими амбициями.

— Я от вас не отстану, — как-то по-детски сказал Рузский.

— Хорошо, — сдался Кошкин, — я обещаю вам путешествие во времени, но только дайте мне пару дней, чтобы разобраться со своими неудачами.

— Надеюсь, ваше обещание — не пустые слова, — вернул себе сталь в голос Рузский и отключил телефон.

Рузскому было страшно. Страшно, что его кто-нибудь опередит. Состояние Владимира Юрьевича по своим психофизическим показателям напоминало стремление человека, идущего по немногочисленной улице и видящего в нескольких метрах перед собой солидную пачку денег. Этот человек огромным усилием воли подавляет в себе желание подбежать к легкой добыче, чтобы не привлечь внимание ротодействующих прохожих.

* * *

...Из всего мысленного сгустка и осадка от встречи с Кошкиным у Лены постепенно, по буквам, по слогам стало выстраиваться аксиомообразное утверждение: победителями сегодняшнего времени являются не такие, как она и Рузский, а такие, как Кошкин, потому что они не играют в догонялки за повседневными потребностями, не следуют моде, они вообще не действуют в рамках одного дня, они действуют в границах вечности, которая этих границ не имеет.

Кошкин так и не смог выбрать между семьей и военной техникой. Между детской мечтой о покорении времени и временем любви. А, может, он и не выбирал никогда, не стояло перед ним проблемы выбора, а просто плыл Сережа Кошкин из самого безоблачного детства по течению, принесло это течение Лену Варламову, поплыл рядом, стала она грести к берегу благополучия, а его понесло дальше?

Елена Андреевна взяла телефонную трубку. Услышав глухой голос Кошкина, спросила:

— Ты все-таки был там?

— Тебе Рузский рассказал?

— Нет, я что-то такое помню... Наслоение воспоминаний. Зачем ты делаешь это?

— Прости, это было ошибкой.

— Ошибкой? Ты во мне разочаровался?

— Да нет, не то... Это надо увидеть и почувствовать. Прости, но с той Леной вы совершенно разные люди. Как будто соединенные только внешними признаками, красотой, но уже разделенные возрастом, несколькими привычками, голосом, именем... Но в то же время очень разные. Получилось, что я причинил новую боль и себе и тебе. Действительно, нельзя войти в одну и ту же реку дважды.

— А ведь хорошее было время.

— Оно и сейчас не хуже. Не время меняется, меняемся мы. Мы бездумно растрчиваем данное нам от Бога наивно-почтительное восприятие мира, становимся прагматичными, растворяемся в быту, как в кислоте, и умираем еще до того, как наше тело прекратит свое физическое существование.

— Пытаешься философствовать?

— Отнюдь. Я очень устал, Лена. Я потерял друга, совершил массу глупостей, я очень много пью последнее время, я не вижу своего будущего и не

хочу его видеть. У меня его нет! Потому и машина времени мне сейчас нужна, как попу гармонь. Ничего мне не надо. Покоя хочется.

— Это ты сам для себя придумал. Ты опустил руки еще десять лет назад. Ты сдался обстоятельствам...

— Опять ты о своем. Проехали уже. Не надо, Лен. Я не пытался тебя перевоспитывать.

— Может быть, зря.

— Чего теперь говорить. Знаешь, за минуту до тебя мне звонил твой муж.

— Угрожал? — насторожилась Елена Андреевна.

— Нет, но очень хотел приобщиться к эксперименту.

— Из меркантильных интересов?

— Мне так не показалось.

Елена Андреевна облегченно вздохнула. Полминуты они молчали.

— Спасибо тебе, Сереж. За все. И за прошлое и за настоящее. За все.

Кошкин не видел, как по щеке Елены покатила слеза. В несколько каратов грусти. Эта слеза была признанием глубинной правоты Сергея, исходящей откуда-то из самых основ мироздания, правота, которую женщина может чувствовать, но с которой никогда не согласится. Корни ее переплетаются с корнями того самого древа познания, поливаемого слезами теряющего любовь человечества. Елена всхлинула, но Кошкин уже не слышал, потому что трубка в его руках запела отбой. Тем не менее, он еще сказал навстречу гудкам:

— Я больше не буду беспокоить наше прошлое, Лена. Может, только по-прощаюсь. Ты же разрешишь мне?..

* * *

“Сколько тысяч лет человечество учится любить, но совершенствуется в качестве и количестве убийства себе подобных?” — этот вопрос свербел в голове Кошкина по дороге на работу.

Проскочив мимо незнакомого охранника, Сергей Павлович вспомнил, что сегодня вечером должен был бы дежурить Дорохов. Значит, будет Китаев. Можно попробовать воплотить задуманное. Первым делом зашел в кабинет к Марченко. Секретарша приветливо кивнула: ждет.

Михаил Иванович корпел над какими-то бухгалтерскими бумагами, и Кошкин с грустью подумал, что ему, в случае чего, придется заниматься той же скучнейшей работой, а также подмахивать всякие приказы и вести кадровую политику. Только от мысли об этом Сергея Павловича передернуло от плеча до плеча. Марченко засиял навстречу отеческой улыбкой.

— Здравствуй, Сергей! Рад видеть тебя во здравии. Да и бодрый ты сегодня.

— Взаимно, Михал Иванович. Вы тоже, как огурчик.

— А я хочу порадовать тебя. Скоро испытания. Вот, собираюсь подписать наградной список, готовь дырку под орден и карман под премию!

— Спасибо. Но это труд всего коллектива.

— А я и пишу весь коллектив, просто ты у меня проходишь под номером один. Так что не обольщайся. Думаю, в недалеком будущем ты сам будешь подписывать такие приказы и представления, не имея права вписать в них собственное имя. И еще, Сереж, мы говорили с президентом о перспективных разработках, и я поймел наглость выдвинуть проект упреждающего удара из прошлого... — Марченко замер, ожидая реакции Кошкина.

— Зря, — опустил глаза Сергей Павлович, — я не буду говорить банальных фраз о том, что человечество еще не готово к использованию такой техники не то что в военных, но даже в мирных целях.

— Да я ничего особенного не сказал, но мне, Сереж, надо думать не только о моральной стороне вопроса, но и о судьбе всего конструкторского бюро, всего института, всего завода. Между прочим, мы тут кормим свыше тысячи человек. Это тоже моральная сторона вопроса. Пойми меня, я не посягаю на твою тайну, просто не было времени с тобой посоветоваться. Я вы-

двинул предложения некоего хронологического опережения ракетного удара, делающего бессмысленным любую внезапность! А значит — и само понятие войны! Я помню, каким шоком для нас стало двадцать второе июня! А ты — нет!

— Михаил Иванович, но вы же знаете, что такую тайну, будь она хоть трижды военной, не спрятать! Как не удалось американцам спрятать атомную бомбу!

— Мы сделаем по-другому: ничего официально даже для правительства объявлять не будем. Основная версия: мы разрабатываем опережающее нутро для ракеты, пусть шпионы ищут новый тип двигателя... В конце концов, не использовать такой шанс для разоренной, окруженной мнимыми друзьями страны — это тоже форма предательства. Ты, Сергей, главный конструктор направления, а это не хухры-мухры. Мы тут не телевизоры ремонтируем.

— Я помню, Михаил Иванович. Дайте мне пару-тройку дней. Я хотел бы закончить испытания на семейном уровне. А там посмотрим, стоит ли ломать копыя.

— Смотри, вместо копий не наломай дров. Знаешь, мне, старику, даже не хочется ни в прошлое, ни в будущее. Я настолько устал от жизни, от постоянного напряжения, что мне гроб кажется мягкой периной... Но мне не все равно, в какой стране будут жить мои внуки.

— Мне тоже, Михал Иванович, а про гроб вы зря. Дай вам Бог здоровья.

— Знаешь, я тут наемни пришел в церковь. Свечки за упокой ставил, молебен заказал. Постоял среди прихожан. Вот где я почувствовал покой. Вся суета за порогом. Вечность, что ли, ладаном пахнет? И подумал вдруг, что я всю жизнь делал оружие, находил тому оправдание, но только первый раз в жизни задумался, а как на это посмотрит Господь Бог?!

— А я о чем, Михаил Иванович? Дай нашему либеральному быдлу машину времени, и начнутся платные полеты в космос. Откроют парк культуры и отдыха имени Рокфеллера, наставят агрегатов, и давай народ за двадцать долларов на двадцать минут в прошлое запуливать. А на государственном уровне задумают выправлять ошибки прошлого да закрасивать белые пятна истории. Там же о Божьем Промысле понятия не имеют, а если и имеют, то полагают, что и его купить или под себя подладить можно.

— Да знаю я это все, — махнул рукой Марченко, — но если генеральным станет Яковлев, то, во-первых, всем даровитым ребятам он укажет на дверь, чтоб не создавали яркого фона его серой личности, во-вторых, он уже на второй день сдаст площади лабораторий и КаБэ всякого рода бизнесменам, в-третьих, откуда нам знать, что где-нибудь в пещерах Пентагона нет своего Кошкина. Ты можешь дать такую гарантию?

— Нет.

— То-то и оно. Поэтому давай остановимся на осторожном, поступательном развитии событий с учетом всех возникающих обстоятельств. И помни, Сереж, кроме тебя, у меня наследников нет. Надеюсь, что для тебя это не пустые слова.

— Не пустые. Я даже представить себе не могу, что бы я тут без вас делал.

— Ну вот, признание в любви состоялось, теперь иди, выправляй свое прошлое, только будь осторожен.

— Постараюсь.

Выходя с тяжелыми мыслями из кабинета Марченко, Сергей Павлович буквально налетел в коридоре на Варю.

— Сергей Павлович, что там с Марией Гавриловной? Меня вызвали по поводу второго этажа. Чтобы я соглашалась его мыть. Мол, зарплата будет больше.

— Соглашайтесь, Варя, — грустно ответил Кошкин.

Варя плеснула на него синеву своих глаз и вдруг взяла за руку.

— Я, конечно, простая техничка, и вы можете мне не отвечать. Но у меня стойкое чувство, что я соглашаюсь на эту работу уже второй раз. Что происходит, Сергей Павлович?

— То, что и должно происходить. Уж не знаю, Варя, на каких скрижалях написаны наши судьбы, и я никогда не относил себя к убежденным

фаталистам, но, похоже, что в этом случае все происходит по Высшему сценарию.

— Мне бы не хотелось выглядеть в ваших глазах душой или сумасшедшей, у меня все-таки три курса физмата за плечами...

— В моих глазах вы выглядите как очень красивая девушка, которая выполняет тяжелую, не предназначенную ей работу, — попытался обратить все шуткой Сергей Павлович, но следующая фраза Вари заставила его вздрогнуть.

— Просто мне кажется, что у нас был другой охранник, я его часто видела с вами, и даже помню его лицо и застиранную тельняшку.

— Вы, правда, это помните? — сердце Кошкина подпрыгнуло.

— Да, не знаю, как это объяснить самой себе.

— Пока ничего не пытайся объяснять, не ломай голову, будет время — я сам тебе все расскажу. — Кошкин не заметил, как перешел на “ты”. — Другой вопрос, ты единственная, кто, по каким-то выходящим за рамки правил происходящего причинам, помнишь об этом. Странно это.

— Наверное, потому, что вы мне нравитесь, Сергей Павлович, — Варя осторожно высвободила руку, которую Кошкин держал так же, как держал бы сейчас какую-нибудь случайную вещь.

Озадаченный Кошкин остался стоять в коридоре, а Варя направилась в сторону отдела кадров. Он еще что-то хотел сказать ей вслед, но только прикусил нижнюю губу. Перед внутренним взором по-прежнему стояла двадцатилетняя Лена Варламова, заполняя своим образом натруженное и усталое сердце Сергея Павловича.

* * *

Вадим Григорьевич Яковлев нервничал. Старик Марченко опять вернулся к делам, ломая все планы своего зама по общим вопросам. Ему давно прогулы на кладбище ставят, а он на работу приполз. И надо же было именно в этот момент позвонить президенту! А ведь Марченко прочит на свое место этого забуддью Кошкина. Небось, успел замолвить слово за своего любимчика. Да, Кошкин талантлив, Кошкин, может быть, гений, но разве можно доверять этому витающему в облаках совковому интеллигенту оборонное предприятие? Он же — ни денег выбить, ни выставку провести, ни готовый продукт продать! Все это делает Яковлев. В Росвооружении знают только Марченко и Яковлева. Это благодаря Вадиму Григорьевичу удалось пережить бред перестройки и разорение ельцинских реформ. Но никто спасибо не сказал. Марченко даже до приказа о благодарности не снизошел. Ни разу за десять лет!

Вадим Григорьевич сидел в парке, ожидая деловой встречи. В начале недели на рабочем столе зазвонил телефон, и мужской голос с легким кавказским акцентом предложил встретиться для удовлетворения обоюдного коммерческого интереса. Вадим Григорьевич поначалу отмахнулся: военными тайнами и ракетами не торгую. Кавказцы уже не первый раз пытались подобраться к заводу, но сразу исчезали по мановению волшебной палочки ФСБ. Но этот сразу сказал, что его интересует вполне мирная продукция, а выгоду обещал с шестью нулями. Поворчав, Вадим Григорьевич на встречу согласился, но подстраховался: неподалеку скучали два офицера ФСБ, курирующие предприятие. Как назло, кроме них троих в парке никого не было. Кураторы зачитывали до дыр газеты на соседних скамейках, а Вадим Григорьевич поминутно вытирал носовым платком пот, выступавший на лысине. Хорошо хоть микрофон ни к какому месту не приклеили. Внешне Вадим Григорьевич очень напоминал Хрущева и, зная об этом сходстве, даже любил копировать советского горе-реформатора, и по возможности не пропускал ни одного кадра кинохроники, где был запечатлен поклонник кукурузы. Но для данного момента подходящего выражения лица и даже позы найти не мог. “Партнер” либо опаздывал, либо засек опекунов, поэтому Вадим Григорьевич решил выждать еще минут пять и протрубить отбой.

И все же минуты через полторы на скамейку рядом с ним присел рано поседевший мужчина средних лет в темном костюме и черных лаковых туфлях. Небритое два-три дня лицо, темные, с блеском презрения ко всему окружающему глаза, гнутый кавказский нос, два симметричных округлых шрама на обеих щеках и полный рот золотых зубов, сияющих из-под всплывающей ухмылки. Выглядел он подчеркнуто независимо, на контрразведчиков бросил опытный взгляд и, цокнув по-восточному, покачал головой.

— Меня зовут Бекхан, я — чеченец, в федеральном розыске не нахожусь. А вот в контору вы зря доложили, это может осложнить наши взаимовыгодные отношения.

— Страховка не помешает, — прищурился Яковлев, — я, знаете ли, не менеджером в магазине женского белья работаю...

— Знаю, но теперь вам придется придумывать для них всякие отговорки, потому что у меня есть для вас предложение, от которого вы не сможете отказаться.

— Чего я только не слышал! Мне один цэрэушник дом в Калифорнии сулил и счет в швейцарском банке.

— Я предлагаю вам пока сто тысяч долларов. Для начала. А вообще-то речь пойдет о миллионе. Возможно и больше.

— И что вы хотите за такие деньги?

— Машину времени.

Яковлев внимательно посмотрел на собеседника, который глаз не отвел и никак не отреагировал на весьма показное на лице Вадима Григорьевича сомнение в его психическом здоровье.

— Плохо работаете, Вадим Григорьевич, если не знаете, что у вас под носом делается.

— Прошу запомнить: фантастические проекты — это не по нашей части, вот это я точно знаю, — и Яковлев, промакнув в очередной раз лысину, сделал вид, что собирается уходить. Время дорого.

— А в лаборатории Сергея Павловича Кошкина вы последний раз когда были? — властно положил ему руку на плечо собеседник, и опекуны тревожно захрустели газетами.

— Вчера, — не особо напряг память Вадим Григорьевич, неожиданно осознав, что испытывает на себе наглое, неотвратимое давление чужой воли и ничего с этим поделаться не может.

— Что-нибудь необычное видели?

— Да генератор какой-то на столе... Так. Ничего подобного там быть не может! Надо представить себе огромные затраты энергии, речь ведь идет о космических, вселенских мощностях, такое в лаборатории не спрячешь, тут даже специально построенного ангара может не хватить... — Вот это уже была хрущевская речь, еще про водородную бомбу добавить, чтоб у проклятых империалистов в зобу дыханье сперло.

— Вам знаком паровоз братьев Черепановых? — перебил просветительскую тираду Яковлева Бекхан.

— А что?

— Так вот, прежде чем появились современные тепловозы и электровозы, была сначала паровая самодвижущаяся телега крепостных мастеров братьев Черепановых. И ездила она на расстояние всего три с половиной километра.

— Вы хотите сказать, что на столе Кошкина стоит эта самая тележка... — Вадим Григорьевич вдруг вспомнил, что когда-то был комсоргом МГТУ им. Баумана.

— Да, и перемещается она во времени.

— Откуда вы знаете?

— Катался на ней, как случайный пассажир. А вот если узнают ваши друзья из ФСБ, которые сейчас пытаются щелкать фотоаппаратами, вы никогда этот прибор не увидите, богатым не станете, генеральным тоже... И вообще никем не станете.

Вадим Григорьевич помрачнел. Сдавлив пальцами виски, в которых незойливо застучала фамилия Кошкина, он, как первоклассник у незнакомого дяди, спросил:

— Вы точно не из разведки? Ну, какой-нибудь там... Может, Саудовской Аравии. Или Палестины... Хрен знает.

— Нет. Я вообще ниоткуда. Меня нет. Хотя вот мой паспорт, посмотрите и успокойтесь. Но для любых органов власти меня нет, хотя одновременно я есть. И у меня есть деньги. Представьте себе, что я умер уже два раза. Первый раз меня взорвали, второй раз пристрелили дуплетом. Я это четко помню, каждое мгновение боли. Но я жив. Хотя где-то в Чечне есть как минимум две моих могилы. Даже по телевидению передавали об устранении разведчиками известного полевого командира... — в темных глазах полыхнула злоба, золотой оскал подсветил ей.

— Вы же сказали, что вы ни в чем не замешаны?

— Именно так, Вадим Григорьевич, как не может быть замешан в чем-либо мертвец! В конце концов, даже с юридической точки зрения расстреливать меня неправомерно. Я понимаю, что для вас это звучит, как бред сумасшедшего, особенно, когда вы чувствуете, что я говорю неуверенно. Но как может говорить человек, у которого прострелена челюсть, и ему пришлось заново учиться ворочать остатками языка? Зато я теперь почти без акцента говорю по-русски. И знаете, прочитал много книг. Просто не вылажу из Ленинской библиотеки. А в технической тоже не один день штаны протирал.

— Похвально, — буркнул Яковлев, который вдруг почувствовал ростки мистического страха в душе и больше всего мечтал, чтобы этого разговора никогда не было.

— Не бойтесь. — Бекхан считывал внутреннее состояние Вадима Григорьевича, как сканер. — Я больше никого не хочу убивать, никому не хочу угрожать, кроме одного, быть может, человека... Я просто хочу вернуть себе самого себя. Хотя бы что-то одно: либо свою смерть, одну из двух, либо свою жизнь, потому что последние пять лет я не помню, я также хочу найти своего младшего брата, о котором ничего не знаю, я хочу понять смысл всего, что происходило, происходит и будет происходить.

— Тогда вам надо занять очередь в небесной канцелярии, запишитесь у секретаря. На последние вопросы ответы можно найти только там. — Вадим Григорьевич иронизировал, но уже понял, что избавиться от этого человека не получится.

— Может и так, господин Яковлев, но разве вас не волнуют те же самые вопросы? Хотя бы на ближайшую перспективу в свете предстоящей смены руководства?

— Значит, вы утверждаете, что на вашу судьбу повлияла машина времени, изобретенная посредственным советским инженером Кошкиным?

— Он не посредственный. Он талантливый, и вы это прекрасно знаете. А судьбы у меня нет! Как бы вам еще понятнее объяснить. Ну представьте себе, что вы сели в поезд, а там с вами случилось несчастье: вы ударились головой и впали в кому. А когда пришли в себя, то очутились на незнакомой станции, в районной больничке, куда вас сдали сердобольные проводники и пассажиры. Вы пришли в себя и не помните ничего, кроме того момента, когда теряли сознание. И еще лицо человека...

— Кошкина? — догадался Вадим Григорьевич.

— Ну вот, вы уже начинаете понимать.

— Что вы от меня хотите? Я не смогу вынести из лаборатории машину времени, паровоз Черепановых или как там она называется. Я даже паршивый конденсатор не стану выносить!

— Не надо, успокойтесь, — негромкий, но властный голос Бекхана заставил Владимира Яковлевича замолчать. — Примите меня на работу, каким-нибудь лаборантом. До войны я окончил машиностроительный техникум. Так что на лаборанта потяну. При этом платить буду вам я. За первый месяц сто тысяч долларов, за второй — тоже... А если все получится, то обещаю вам, что мы оба разбогатеем.

— У вас что, счет в швейцарском банке?

— Нет, у меня счет в лесу под Ведено. И я хочу найти пару схронов, чтобы получить оттуда свою зарплату. Страховые выплаты по двойному тарифу, за две смерти сразу.

— Но у нас есть предписание о проверке всех поступающих на работу, за вами все равно будут следить.

— Пусть; мне кажется, я вам ясно и четко сказал, что не собираюсь нарушать закон. Документы у меня в порядке. Ваших знаний хватит, чтобы разобраться с машиной Кошкина?

— У меня высшее техническое образование, но это не мое направление. Потребуется время...

— Я ждал пять лет, а последний год я искал. Поэтому я умею ждать. На ваше имя открыт счет в Промстройбанке, там оговоренная нами сумма.

— Но я еще не дал согласие? — Яковлев сам не знал, возражает он или нет, чужая воля парализовала его. В любом случае он рассчитывал на таймаут, а уж потом он разберется, что со всем этим делать. Но маленький червячок страха, поселившийся в его сознании, шептал ему: куда ты, Вадим, от этого человека не денешься. Да и кто знает, уже оправдывал свои будущие действия заместитель по общим вопросам, может, и не помешает хороший напарник, у которого четко определенные интересы, не входящие в противоречие с его собственными интересами.

— Я могу обратиться к другому человеку, но тогда проиграем мы оба, — спокойно заметил Бекхан.

Нужно было только определить грани сотрудничества — и, вытерев в очередной раз пот с лысины, Яковлев прощупал характер будущих отношений:

— Я должен быть уверен в своей безопасности и не потерплю, чтобы мне диктовали.

— Любого, кто будет угрожать вашей жизни, вашему благополучию и здоровью, я убью. — Бекхан сделал театральную паузу, чтобы Вадим Григорьевич, пряча глаза, мог оценить уверенное и необратимое звучание этой фразы. — Что касается “диктовать”, то мы с вами с этого момента партнеры, при этом, вы — начальник, а я — подчиненный. Если позволите, я буду вам только подсказывать, потому как посвящен в существо вопроса чуть больше вас.

— Хорошо, — облегченно выдохнул Вадим Григорьевич и поднялся со скамейки, — приходите завтра в отдел кадров.

— Сегодня, вы уже сегодня можете зайти в банк.

Вадим Григорьевич замер, определяя, диктуют ему в данный момент или нет, но вслух сказал:

— Хорошо, приходите сегодня.

— Да, и скажите этим... — Бекхан передумал употреблять обидное слово, — Скажите этим фээсбэшникам, что я родственник вашего студенческого друга, беженец, попросился на работу.

— Я найду, что сказать, — небрежно бросил Вадим Григорьевич и зашагал по аллее.

Бекхан покачал ему вслед головой так же, как сделал это в начале разговора. Один из опекунов поднялся вслед за Яковлевым, второй дождался, когда своей дорогой пойдет Бекхан, чтобы вести его. Но уже через десять минут он потеряет цель, причем будет абсолютно уверен, что объект буквально растворился в воздухе.

* * *

Вечером Кошкин пригласил в лабораторию Китаева. День он провел в раздумьях и сомнениях. Не знал, обижаться на Марченко или уж махнуть на все рукой, пусть все будет, как будет? Кроме одного: Дорохова и Мариловну Сергей Павлович решил у смерти выиграть. Чего бы это ему ни стоило. И пусть все парадоксы Эйнштейна и прочие научные казусы идут ко всем чертям. Но если план спасения Дорохова у него был, то с Мариловной было сложнее. Поэтому Кошкин выбрал поэтапное решение всех стоящих перед ним задач. Задачи, поставленные временем, со временем и решаются, особенно если берется за них человек решительный. Каламбур этот ему по-

правился, и, приглашая Китаева в лабораторию, Сергей Павлович старательно отгонял ироничное настроение. Улыбка была бы неуместна.

— Толя, давай попробуем воскресить твоего командира, — и, не давая Китаеву осмыслить сказанное, добавил, — необходимая аппаратура для этого имеется. Ничему не удивляйся, ничего не спрашивай. От тебя требуется немного: первое — не считать меня сумасшедшим, второе — когда я растворюсь на твоих глазах в воздухе, не впадать в истерику, не терять сознание и не вызывать милицию, третье — никого не подпускать к этому прибору до тех пор, пока я не появлюсь обратно. Думаю, что буду отсутствовать два-три часа. От силы четыре.

— Это секретная техника? — не стал спорить Китаев, потому как с сумасшедшими и одержимыми спорить бессмысленно.

— Ты готов мне помочь? — не ответил Кошкин.

— Я же говорил, за Данилыча — хоть грудью на амбразуру. Возьмите меня с собой, если это действительно возможно, в конце концов, я умею обращаться с оружием, а вы, скорее всего, нет.

— Вот как раз оружия там не надо. Я не раскидывать пули собираюсь, а остановить для начала хотя бы одну. Сделай доброе дело, ограничишься пока выполнением моей просьбы. Обещаю тебе, если только понадобится стрелять, резать, связывать, ломать челюсть — я обязательно позову тебя на помощь.

— Мне что? Просто сидеть здесь?

— Для начала надежно закрой центральный вход, проверь, закрыты ли запасные, а потом... Потом нужно будет сидеть и ждать. Я не знаю ничего, что было бы страшнее, чем просто сидеть и ждать. Так что потребуется немало мужества. Главное: кто бы ни появился, ни за какие коврижки не подпускай его к этому прибору, — Кошкин похлопал ладонью по генератору.

— Хорошо, — Китаев пожал плечами и отправился закрывать двери.

Прошло несколько минут, и Кошкин появился в своей лаборатории, чтобы увидеть самого себя плаксиво беседующего под бульканье армейской фляжки с Дороховым. Василий стянул с кульмана собственноручный чертеж и толковал Кошкину:

— Вот, смотри, я тут некоторые чертежи набросал. По траекториям и карте местности я точно вычислил, где мог находиться снайпер в обоих случаях. И до нашего появления в истории и после него. Он не был в доме, где мы накрыли боевиков, он сразу находился в зеленке. Скорее всего, в момент начала стрельбы во второй раз он находился как раз напротив дома, начал менять позицию вдоль дороги, оставаясь невидимым для наших бойцов...

— Я все равно в этих стрелках, точках и пунктирах ничего не понимаю. Верю на слово, — отмахнулся Кошкин позавчерашний. — Чего ты хочешь от меня, Вась? Чтоб я тебя с карабином, который ты, конечно, уже перетащил в сейф, что стоит и стола дежурного, отправил спасать твоего Китаева? Да делай что хочешь. Мне не то чтобы все равно, я просто почему-то очень устал. Знаешь, Вась, захотелось вдруг хоть немного пожить для себя, поехать к морю... Я не помню, когда последний раз видел море, я не помню, когда хотя бы задней мыслью не помнил о работе... — Еще немножко, и оба Кошкина заплакали бы от жалости к себе. При этом второй до мельчайшего поворота души вспомнил, как его крутило и мутило. И все же быстро сбросил и огорчил беседующих:

— Не помешал?

Следует признать, что младший Кошкин ничему не удивился.

— Я ждал чего-то подобного. Если ты не вмешиваешься в будущее, то будущее вмешивается в твое прошлое, — философски заключил он.

— Ни фига себе война, смерть фашистским оккупантам, — пропел Дорохов. — Я такое относительно себя уже видел.

— Чем обязаны? — иронично спросил Кошкин-младший.

— Тем, что тремя днями позже в этой лаборатории меня ждет Анатолий Китаев, а майор Дорохов похоронен со всеми воинскими почестями пять лет назад. Еще вопросы? Карабин СКС уже отрекламировал? — сдвинул брови на Дорохова. — Тоже мне, друг называется...

Пару минут тянулось молчание. Все трое то смотрели друг на друга, то пялились в пол.

— Выпьешь? — разрулил тишину Дорохов.

— Нет, и тебе, Вася, не рекомендую. Ты же хочешь по горам своей памяти прогуляться. Вот и пойдем вместе. А этот вчерашний пусть тут сидит и думает: зачем он тебя отпустил.

— У тебя есть какой-то свой план?

— Есть.

— Мне бы на секундочку Толяна повидать... — поканючил Дорохов.

— Вася, хватит импровизаций! — взмолился Кошкин. — Откуда я знаю, что произойдет, если я сведу двух погибших боевых товарищей. Не хватало только вас обоих потерять.

— Блин... — майор опустил на табурет, и стал усиленно растирать ладонями виски.

— Вот так, товарищ майор, и никаких диверсий.

— Что ты придумал, Сергей Павлович?

— Ничего особенного, ты проведешь меня к этой точке, — Кошкин ткнул пальцем в план Дорохова, — и будешь смотреть со стороны. Ничего не предпринимай. Ничего! Если тебя засекут — мне конец. И в прошлом останутся два Дороховых, а в будущем не будет одного Кошкина. Усек?

— Не совсем, но, надеюсь, что ты действительно все продумал.

— Ночь не спал, — уверил Сергей Павлович.

— Может, тебе сначала отдохнуть?

— Отдохну... в будущем, — многозначительно улыбнулся Кошкин. — Если доживем.

Младший Кошкин все это время молчал, но потом вдруг озарился мыслью, которую почти выкрикнул:

— Я понял! Смертью смерть остановить нельзя! Я об этом последние дни думал.

— Пару дней тебе не хватило, — кивнул старший.

— А любовь?

— Любовь? Любовь, брат, сложнее смерти... От нее жизнь. От любви и рождаются и умирают. Не знаю вот только, живут ли без нее.

* * *

Ночью в горах холодно. Даже летом. Кошкин сразу почувствовал это, его слегка потрясывало, и он пожалел, что не остограммился из фляжки Дорохова в лаборатории. Они не шли, почти крались: Кошкин за Дороховым — след в след.

— Только не лезь, пожалуйста, что бы ни случилось, — прошептал Кошкин.

Дорохов в ответ кивнул и прижал палец к губам. Сергей Павлович впервые увидел, как его друг становится воином. Как-то в один из вечеров майор ответил на его вопрос, как нужно себя вести на войне, коротко и просто: нужно научиться бояться без страха. В каждом шаге Василия сейчас пружинила опаска, и пружина эта в любой момент готова была разжаться в целый каскад движений, который завершится на последней фаланге указательного пальца правой руки. И все же он остушился, под ногой предательски выстрелила ветка. Оба замерли, по лицу Дорохова Кошкин понял, что снайпер засек их, и в любой момент может прозвучать выстрел.

В это мгновение Кошкин, не особо раздумывая, начал свою версию событий:

— Кто бы ты ни был, не стреляй, я пришел с миром, — не громко, но вполне уверенно сказал он, и Дорохов после этих слов лег в траву. — Посмотри на меня в оптический прицел, если темнота позволяет тебе сделать это, у меня нет оружия, но я принес тебе слова пророка.

Ответная тишина наматывала нервы на секундную стрелку. Казалось, недалекие в обступившей темноте горы тоже задержали дыхание.

Алейхан уже видел в оптический прицел силуэт, и палец его сливался с курком. Дорохов закусил губу.

— Если второй поднимется, я тебя застрелю.

В это время в невидимо плывущем облачном покрове на пару секунд мелькнул лунный просвет, этого было достаточно, чтобы Алейхан увидел в прицел глаза Кошкина. Это были серые усталые глаза инженера, которого он в своей жизни убил первым. Снова отчетливо услышал над ухом требование Бекхана: “Тебе уже семнадцать лет, а ты еще не убил ни одного русского!” Вздрогнул... И совсем нелепо смотрелся на нем костюм со сбившимся набок галстуком. А ведь подумал еще, что у русского инженера денег даже на костюм не хватает, и он едет туда, где его могут убить, чтобы прокормить семью. Зачем он вернулся? За Алейханом? Но Алейхан может убить его еще раз... И еще раз...

— Подходи медленно, — скомандовал вполголоса Алейхан. — Второму — лежать.

Кошкин шел с поднятыми руками. Именно в этот момент Алейхан услышал на дороге приближающиеся шаги отделения Китаева. Снайпер стремительно сменил позицию, чтобы иметь возможность держать под прицелом все цели, но и Кошкин по движению кустов определил теперь точное направление. Дорохов ловил оптикой темноту...

Солдаты Китаева молчали, но теперь даже Сергей Павлович слышал звуки, издаваемые плохо закрепленной амуницией. Расслабились ребята... Алейхан держал теперь на прицеле головного.

— Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим, — сказал Кошкин в слепящую мглу, рассеченную узором ветвей, снайпер был где-то рядом, — Во имя Бога милостивого, милосердного, так должен думать всякий мусульманин перед всяким делом. И сейчас, целясь в человека, ты произнес эту молитву? И веришь, что убиваешь во имя Аллаха? Он просил тебя об этом? Или пророк? Может быть, эти солдаты не позволяют тебе ходить в мечеть? Или ты уверен, что убиваемый тобой не угоден Всевышнему? Ты решаешь за Всевышнего, кто Ему нравится, а кто нет? Бог создал и тебя, и того солдата напротив тебя не для того чтобы вы убили друг друга, но чтобы любили и молились перед Богом. И если он делает это не так, как ты, то пусть Аллах будет судьей, но не твоя слепая пуля. Читал ли ты когда-нибудь слова одного из его знаменитых сподвижников Абу Хурайры, приводимые Муслимом — одним из наиболее авторитетных собирателей хадисов. Он сказал: “Клянусь тем, в чьей деснице душа моя! Истинно доживут люди до времен, когда не будет знать убивающий, за что убил кого-то, а убиенный — за что был убит”. А теперь произнеси “Бисмилляхир-Рахмаанир-Рахиим” и выпусти смерть на волю... Ты же считаешь себя умнее Аллаха. Стреляй, и начнется бой, в котором погибнут многие и многие. И ты тоже...

— Ты говоришь, будто ты Джабраил, — глухо ответил со своей позиции Алейхан. — Я послушаю тебя и не буду стрелять. Пусть проходят, но теперь молчи, иначе они выстрелят первыми, а потом я посмотрю, какой ты знаток хадисов и мудрости Корана, какой ты русский Джабраил. Может быть, действительно, Аллах послал тебя с того света... — шепотом закончил Алейхан.

Отделение Китаева молча, но все-таки с шумом прошествовало мимо. Темнота поглотила сначала их силуэты, а потом и шаги.

— А теперь я могу убить тебя, а потом второго, — сказал Алейхан, ему очень захотелось добавить, что потом из дома выбегут Бекхан и его бойцы, и тогда никому не уйти от пули или ножа, но козыри он решил приберечь.

Дорохову многого стоило в этом случае промолчать, и не ляпнуть чего-нибудь типа: “как бы не так!”. Но Василий Данилович времени даром не терял. Пока внимание Алейхана было отвлечено на группу Китаева, он сантиметр за сантиметром, сведя дыхание до минимума, менял позицию. Теперь он на выстрел был впереди.

— Да, сейчас ты можешь меня убить, — согласился Кошкин, — если слова пророка для тебя ничего не значат, а пророк учил: тот, кто убивает, не вдохнет ароматов рая.

— Не тебе, неверному, говорить словами пророка! Вы отняли у нас рай на земле, вы хотите отнять у нас родину!

— Тогда для начала покиньте русские города, съезжайтесь все сюда и отпустите отсюда тех, кого вы предпочитаете держать в рабстве. Прекратите убивать для начала женщин и детей, или ты не знаешь, что говорил Мухаммад Абу-Бакру, идущему в поход: не войей со стариками, женщинами и детьми. Как вообще вы можете ссылаться на пророка, если многие из вас не брали в руки ни Коран, ни Сунну?

— Ты много говоришь, гяур!

— Вот какое слово ты знаешь! Но теперь пусть будет тебе знамение: сейчас я исчезну, как исчезают духи, выполнив свою миссию, а тебе советуую уходить отсюда, иначе ты погибнешь. Погибнешь именно в эту ночь... Я пришел предупредить тебя. Пусть сегодня смертей будет меньше. Поверь, с тобой говорит будущее.

— Если ты провидец, тогда скажи, где еще сейчас находится твоя смерть?

— Моя смерть не здесь, но если ты говоришь о шести боевиках и двух пленных в доме напротив, то советуую тебе еще раз не возвращаться туда. Через несколько минут никого из них не останется в живых.

Сердце Алейхана на миг замерло, страшный, могильный холод поселился в нем в это мгновение. Он вдруг действительно почувствовал близость и возможность своей смерти, и спросил себя: готов ли он к ней? Сам себя он не раз убеждал в этом, но убеждение растворялось в одном единственном образе, имя которому — Айза. Будет ли она ждать его на небе? И можно ли там вкусить земной, сжигающей душу страстью любви? О, Айза! Глаза ее темнее этой ночи, но в глубине их живут зовущие звезды! И что бы ни говорили приехавшие в Чечню за долларами и подвигами самовлюбленные арабы, в словах русского была истина. Как-то, еще до войны, он слушал потомков пророка из рода Курейшитов, что жили с незапамятных времен на Кавказе, неся учение пророка и совершая суд по законам шариата, и что-то созвучное было в их речах. Интересно, о чем они учат сейчас?

Отца и сына Салиховых, которых вспомнит Алейхан, убьют в ноябре 2001 года. Убьют те, кто называет себя воинами Аллаха и воюет за американские доллары, посягнув даже на потомков пророка.

Слова русского все еще звучали где-то внутри, но думать об этом сейчас Алейхан не мог, ему хотелось просто уснуть. Уснуть не тревожным сном лесного воина, а как в далеком детстве, когда дед рассказывал ему удивительную историю любви поэта по имени Меджнун.

Теперь ему действительно хотелось, чтобы русский растворился, как дым.

— Если ты сейчас не исчезнешь, я выстрелю.

— Прощай, — ответил Кошкин, и на том месте, где он стоял, сгустилась ночная тьма, и даже воздух вокруг не дрогнул, когда он исчез.

* * *

Отсидеваясь в бытовке, где стояли швабры, ведра и другой хозяйственный инвентарь, Бекхан удовлетворенно думал о том, что пока есть жадные и глупые русские, воевать с ними можно. Нет, речь не о трусах, потому что Бекхану доводилось видеть, как еще минуту назад пугливые солдаты-первогодки превращались в безумно храбрых, под перекрестным огнем поднимающихся с перекошенным от крика “ура” ртом и с остекленевшими от презрения к смерти глазами и бросающихся в рукопашную на бородатых джигитов. Да, были и те, что, попав в плен, ползали в ногах, ныли, как русские проститутки, когда вместо одного их трахают пятеро, молили о пощаде, обещали выкуп, но были и те, в глазах которых вместо страха было странное и непонятное горькое смирение. Не рабское смирение перед сильным, а смирение перед обстоятельствами, перед течением жизни.

После оформления пропусков и оформления документов в отделе кадров, после беседы с местным “кумом” из ФСБ, Бекхан собрался было ухо-

доть. Дело шло к концу рабочего дня, но, увидев, какой охранник пришел на смену, он остолбенел на последнем пролете лестницы. Потом повернулся на сто восемьдесят градусов и пошел обратно. Интуиция подсказала ему, что именно сегодня здесь должно что-то произойти. А интуиция Бекхана подвела редко. Не так давно он легко обходил расставленные спецназом ловушки и засады, не покушался на уловки особистов, знал, с кем из русских можно “работать”, а кого лучше сразу отправить на Суд к Аллаху.

Лицо Китаева Бекхан помнил последним всплеском сознания, угловым зрением помнил. И очень жалел, что ни за какие деньги он не смог бы пройти сюда с оружием. Теперь он неторопливо искал в полумраке что-нибудь, что могло бы послужить ему оружием. В тумбочке, которую следовало выставить в специально созданном для этого музее советской канцелярии, Бекхан нашел столовый нож. Он вряд ли содился бы для того, чтобы перерезать горло барану, даже напластать колбасу, но вполне мог быть воткнутым в мягкие ткани или между ребрами. С ним он и шагнул в коридор, когда понял, что тишина говорит об отсутствии ненужных свидетелей.

Спустившись со второго этажа, он обнаружил, что охранника на месте нет, а входная дверь закрыта на ключ. Это обстоятельство не огорчило Бекхана — пусть не будет путей к отступлению, в нужное время они покажут себя сами. Хуже было другое, он не знал, где искать бывшего российского офицера, и пошел, крадучись, вдоль многочисленных дверей, обратив все свое внимание в слух, только слегка прикасаясь к дверным ручкам, дабы узнать, заперта или нет дверь. Когда он поднялся на второй этаж, то вдруг почувствовал, что на лице его что-то меняется, причем меняется со знакомой болью, от которой Бекхан едва не закричал. Приложив ладони к щекам, с ужасом обнаружил, что с них исчезли шрамы, а изо рта пришлось выплюнуть груды золотых коронок. Едва успокоилась боль, он позволил себе улыбку удачливого охотника, интуиция не подвела: именно сегодня он должен был попасть в это здание и оказался в нужное время в нужном месте. Сегодня он никому не позволит украсть у него прошлое, будущее, или смерть, если она должна его настичь, и любимого брата. Даже если сам Михаил выйдет с огненным мечом, чтобы остановить Бекхана, Бекхан не испугается.

На втором этаже он нашел, наконец-то, нужную дверь. При этом мысленно выругал себя, что сразу не обратил внимания на таблички, среди которых помимо аббревиатур и просто цифр были и прямые подсказки. С легкой руки Марченко на некоторых дверях иронично красовались надписи, перекочевавшие сюда из прифронтовой полосы времен Великой Отечественной. На двери, которую искал Бекхан, висела табличка: “хозяйство Кошкина”.

Ему показалось, он приоткрыл дверь совершенно неслышно. Китаев сидел на табурете, туно глядя на громоздкий прибор на столе. Но стоило Бекхану сделать шаг в лабораторию, разведчик вскопал, и табуретка оказалась в его руках.

— Ты? — спросил и ответил Бекхан.

— Ты? — спросил и ответил Китаев.

Некоторое время они стояли молча, потом Китаев сказал:

— Я же прострелил тебе челюсть. А Дорохов добил тебя.

— Я тоже так думал, — криво ухмыльнулся Бекхан, — лет пять над всем этим думал, но они опять что-то уже изменили, — и он удовлетворенно погладил себя по небритой, но совершенно здоровой щеке.

— Значит, все-таки она работает.

— Работает. Еще как работает. Но сейчас работать перестанет. — Бекхан уверенно двинулся на Китаева.

— Ничего, мы клин клином вышибем, — поднял над собой табурет Китаев.

— Послушай, — на минуту замер Бекхан, — неужели тебе нравится умирать несколько раз? Этот конструктор влез в святая святых! Он зубилом пытается править скрижали Аллаха! Пусть останется там, куда сунул свой нос! Или ты хочешь умирать еще и еще раз?

— А мы пьем не меньше трех, а умирать за други своя можно и больше. У нас только многоженство не поощряется и предательство. А умирать нам религия не запрещает.

— Нам тоже! — с этими словами Бекхан попытался прыгнуть под руку Китаева, но та с треском опустилась на его спину. Стянутый стальными уголками табурет не разлетелся, и потому удар получился страшный. Бекхан упал на четвереньки, но тут же получил ногой в челюсть и, сглатывая кровь из разбитого рта, отлетел обратно к двери, в которую недавно вошел. Нож по-прежнему оставался у него в руках. Хотел, было, его метнуть, но почувствовал неподходящую для этого легкость хлебoreза.

Китаев продолжал стоять над ним с табуретом в руке.

— Еще? — спросил он.

— Шакал, — выругался Бекхан, сплюнув кровавый сгусток.

— Ну на медведя я бы еще согласился, а шакал — это по вашей части.

Превозмогая боль и ненужную в бою слепую злобу, Бекхан сделал еще один бросок. Этот оказался более удачным, ему удалось ввести противника в заблуждение своей напускной слабостью. Ох, и доверчивые эти русские. Как дети. Нижней атаки Китаев не ожидал, табуретка опустилась на пол, пробив застарелый линолеум, а нож воткнулся в его голень. Другой рукой Бекхан попытался схватить Китаева за горло. Но это ему не удалось. Вскрикнув от боли, Анатолий резко отпрянул назад, и здоровой ногой успел-таки оттолкнуть Бекхана в грудь. Теперь оба они сидели на полу, готовые в любой момент броситься друг на друга. Но момент был не любой, момент был особенный.

В воздухе вдруг запахло озоном, как после сильной грозы, и на полу появились еще две фигуры. В той, что лежала в обнимку с карабином, Анатолий узнал своего командира. Рядом стоял с пультом в руках Кошкин с видом заклинателя змей. Бекхан на эту картину выругался то ли по-арабски, то ли по-чеченски.

— Ни фигя себе — война! — изумился Дорохов.

— Вот, значит, за кем ты ходил в этот раз? — сказал Бекхан. — А брата моего вы, конечно, убили. В спину, наверное.

— Это по вашей части — в спину, — спокойно ответил Дорохов.

— Если снайпер твой брат, то он остался жив. Теперь все зависит от него, — тяжело вздохнул Кошкин и опустился на второй табурет, который Китаев не успел сделать оружием. — Я просто вернул того, кто не должен был там оставаться. Другой вопрос, откуда ты обо всем узнал?

* * *

Русские исчезли, как джинны. По воле Аллаха или действием шайтана? Кому из фаршитов — Ридвану или Малику они подчиняются? Иса их послал или Азазил? Что там говорил русский про смерть? Сегодня? Надо предупредить Бекхана, пусть уходят, наверное, федералы устроят засаду, или кто-то предал...

Оставшись один в наступающем сумраке рассвета, который смешивался с морозящей взвесью невысокого дождя, Алейхан не мог заставить себя встать на ноги и выбрать путь: или подальше отсюда, как советовал русский, или наоборот — метнуться к дому, вывести братьев. А если ничего не будет, и тогда Алейхана объявят трусом, которому приснился страшный сон, и он, как ребенок, испугался? Может, действительно это было видение? И пока он беседовал тут с тенями, выпущенными Маликом из ада в наказание Алейхану, разведка федералов прошла мимо, а сейчас жди налета?

Ответы на вопросы посыпались мелкими шагами по дороге. Русские уже окружали дом, вот-вот полетят в окна гранаты. Больше у Алейхана не оставалось времени, и он, не выбирая цели, выстрелил в окно, так, чтобы пуля, пробив лампочку, ушла в мягкую штукатурку потолка. И тут же, будто шшивая пространство огненными нитями, полетели со всех сторон и во все стороны трассеры.

— Пацанва голопузая! У кого очко без регламента, мать вашу! — выругался командир, приняв выстрел Алейхана за выстрел кого-то из своих солдат.

Страшный сон Алейхана продолжался. Он видел, как выскочил на крыльцо отважный Рагиб, но даже не успел выстрелить, рассеченный пополам длинной очередью из РПК. Потом услышал голос брата, который пытался перекричать сбивчивый стрекот смерти.

— Не стреляйте, у нас пленные! Или вы их убьете, или мы кинем вам их головы! Не стреляйте! Пленные!

Русский командир тоже стал кричать, чтобы солдаты прекратили огонь. Минуты через три все стихло.

— Эй! — крикнул Дорохов. — Моя бабушка говорила: полонен вскрикнет, а убит — никогда.

— Умная бабушка, — ответил Бекхан, — слушай своих поросят!

— Ефрейтор Ермоленко, хозяйственный взвод комендантской роты!

— Сержант Андросов!

С минуту Дорохов молчал, вспоминая, что еще говорила его бабушка в таких случаях, и вспомнил-таки!

— Бабушка предупреждала: не верь чужим речам, а верь своим очам! Да и приговаривала: не доглядишь оком, доплатишь боком!

— Скажи твоей бабушке, чтобы очки надела, а щенкам своим скажи, чтобы стрелять или ползать не вздумали. Я их сейчас на крыльцо выведу, если что — дырок в них будет, как звезд в небе.

— Сегодня облачно, звезд не было, — буркнул Дорохов.

— Я вывожу их!

На крыльцо вытолкнули двух идиотов. Во всяком случае, один точно был идиот, он улыбался, как блаженный. Обкуренный, что ли?

— Спереди любил бы, сзади убил бы, — вспомнил еще одну поговорку Василий Данилович.

— Ну что, посмотрел? Как товар? — Бекхан стоял за спиной у пленных. Карты были в его руках. Снайпера у Дорохова не было.

— Моя бабушка говорила: на торгу два дурака: один дешево дает, другой дорого просит.

— Скажи бабушке, что пару этих внучат я отдам за возможность уйти! И еще: ты скажешь мне, кто нас предал?

— На первое, может, и сговоримся, все равно я тебя в горах достану, вот-вот вертушки будут, а второму ты просто не поверишь.

— А ты меньше болтай, а то один внучек уже в штаны наделал, мне рядом стоять противно. Скажи бабушке, пусть быстрее памперсы русским солдатам готовит. Может, мне ему отстрелить кран, чтобы не текло?

— Стрелять — не думать!

— Тогда думай быстрее, я тут вашего усиления ждать не собираюсь. Могу и по частям их тебе продать. Так что давай машину — “таблетки” или штабного уазика хватит. Засанца я тебе здесь, как аванс, оставлю, второй поедет со мной. На десятом километре подберешь.

— А откуда мне знать, что ты мне его там по частям не оставишь?

— А ниоткуда. Но я тебе Аллахом клянусь!

— Слышал я ваши клятвы. Для тебя ж это, как бездомной собаке кость пообещать. Да и бабушка сказывала: много обещателей, да мало исполнителей. Ты мне тут своего одного оставь, а я его на десятый километр привезу.

Некоторое время Бекхан молчал. Он едва сдерживал злобу, и холодная взвесь мелкого дождя освежала его раскаленный лоб.

— Ты уже убил моего человека, не тебе ставить условия.

— А что мне было делать? Встречать его на крыльце хлебом-солью?

Эти слова несколько успокоили Бекхана. Если бы русские убили или захватили Алейхана, то майор из кустов непременно похвастался бы этим. Значит, надо принимать их условия игры. Пусть они думают, как им хочется, а Бекхан будет делать, как ему нужно.

— Тогда пусть зоркое око Аллаха следит, чтобы неверные не обманули его воинов, — и добавил еще что-то на чеченском.

Фраза эта была адресована Алейхану, но Дорохов понял ее по-своему.
— Даю честное офицерское слово, что с твоим человеком ничего не случится. Если только ты моего солдата не изувечишь до десятого километра.
— Подгоняй машину, — скомандовал Бекхан.

Теперь Алейхан лежал, уткнувшись лицом в мокрую зелень. В первый раз в жизни ему не хотелось стрелять. Он не мог объяснить этого себе сам. Всю жизнь он мечтал стать воином, прославиться во имя Аллаха, но проклятый русский заставил его усомниться: а нужна ли Аллаху проливаемая кровь? Жаль, не успел спросить в ответ: а нужна ли проливаемая кровь Иисусу, который сам принял муки от жестоких людей? Нет, глупая все-таки вера у русских. Кто ж будет уважать Бога, которого убили позорной смертью? Как можно спасти всех, принимая муки и смерть? Потом вдруг осенило: а в бою можно! Остался прикрывать отход своих товарищей, и умирай, сколько влезет. Но Бог — не воин! Он за одно желание распять Его должен был сжечь всю землю! И осекся, вспомнив слова русского: Алейхан за Бога решает? И сник, ответа не было. Книг не читал, больше дрался и стрелять учился. Алейхан вспомнил, что сказал ему Даман, когда он пришел к нему в дом с новым оружием. Покрасоваться, конечно, пришел, но Даман, словно и не заметил, тяпку точил, и, будто к тяпке обращааясь, сказал: “Убивать умеет каждый, но никто из людей не умеет воскрешать. Даже пророк не мог этого. Он всегда говорил, что он смертный и не совершает чудес. Грабить и убивать научиться легко, труднее научиться молиться и строить”. “Я буду защищать родину!”, — гордо ответил ему Алейхан, хотел сделать это с презрением, но сдержался: во-первых, это отец его любимой, во-вторых, он умеет воевать, он герой. “Ты же герой, Даман?” — позволил себе только напомнить. “Да, я ношу звание героя несуществующей страны. Герой Советского Союза.., — он горько покачал головой, точно сам над собой смеялся. — Нет больше такой страны, Алейхан. И никто не успел ее защитить, потому что враги были внутри. В самом сердце были враги. И у каждого человека внутри есть враг. И если тыпустишь его в свое сердце, то для Аллаха ты потерянный человек. Враг будет управлять тобой”. Больше ничего не сказал Алейхану рано поседевший Даман. Старший брат, выслушав рассказ Алейхана, отмахнулся: да у него Аллах за то, что стрелял в братьев мусульман, отнял разум! Не слушай его! Он вообще еще жив, потому что сам Джохар велел его не трогать. Почему? Одному Аллаху известно...

Из разговоров на родном языке Алейхан понял, что Бекхан оставляет русским самого молодого и немного трусливого Усмана. Русские, вроде, не юлили, подогнали “таблетку” из хоззвода, за рулем тот самый прапорщик, которого ждали для обмена. Пора было уходить, но Алейхан хотел дожидаться, когда брат благополучно сядет в машину, и они отъедут хотя бы на километр.

* * *

Китаев, услышав выстрелы, остановил отделение. Минуту он колебался, но потом дал команду: все в зеленку, рассредоточиться и на цырлах в обратном направлении! Старцев подождет. В конце концов, тут форс-мажорные обстоятельства. Не преминул еще удивиться: как им удалось не нарваться на засаду каких-то четверть часа назад? С досадой глянул наверх — светало. Небо, похожее на кусок грязного пенопласта, давило на брющем полете, и не дождь даже, а конденсат какой-то летел с него, точно каждую каплю дробили на миллионы частиц.

Прошло еще минуты две, когда по дороге, подпрыгивая на ухабах, проскочил неуклюжий уазик. Китаев узнал его, это была машина из обеспечения полка. Тут же выглянул из-за соседнего куста снайпер Назиров, шепотом доложил:

— Чехи в машине, но я без приказа стрелять не стал. Да еще сержант там сидел. Со склада. Я раньше его видел.

Старлей кивнул. Выходит, Данилыч нащупал их в каком-то доме уже после зачистки, но у них были пленные, и они договорились на обмен. В ди-

визии, конечно, по головке не погладят, но у войны свои правила. Стоит ли возвращаться обратно? А вдруг еще что? Китаев махнул бойцам: двигаемся в направлении батальона. Смотреть в оба!

Уже на подходе услышали голоса своих, традиционный мат сержантов. Пролетел штабной уазик, прохрипел следом БТР. Китаев уже хотел, было, дать команду выходить на дорогу, чтоб свои с перепугу не подстрелили, но вышел на небольшую поляну и замер. В центре ее стоял на коленях молодой парень и совершал намаз. Рядом лежала СВД с несколькими зарубками на прикладе. Увидев Китаева, он даже не попытался к ней потянуться. Что он, на mine сидит? Ловушка какая-нибудь? Взгляд чеченца был спокоен, словно к нему вышел не враг, а ежик какой-нибудь. Узкое лицо было бледным и возвышенно-задумчивым, жидкая борода едва прикрывала щеки и подбородок. Китаев передернул затвор и сел напротив.

— Я не стал в тебя стрелять, как просил меня русский инженер. Он сказал, если я не выстрелю, то и в меня не станут стрелять.

— Логично, но не обязательно, — ответил Китаев. — Ваших же отпустили? Почему остался?

— Не знаю. Я воюю давно, но, мне кажется, так может продолжаться целую жизнь. Я мог бы тебя убить сегодня два раза: первый раз, когда ты шел туда, второй, когда ты возвращался обратно. Я спрашивал у Аллаха, что мне делать, но Он не ответил. Он хочет, чтобы я понял это сам.

Китаев вдруг увидел и поверил, что перед ним действительно не воин. Он закусил губу, раздумывая как ему поступить в такой ситуации. На поляну выкатился вездесущий Назиров с винтовкой наперевес. Хотел что-то спросить, но Китаев отрезал:

— Все нормально, дуйте к нашим, идешь за старшего. Если от майора Дорохова команд не было, возвращаемся к выполнению задания и бегом к Старцеву. Я догону.

Раскосый снайпер пожал плечами: наше дело выполнять и также бесшумно исчез в мокрой зелени.

Русский старлей и двадцатилетний чеченец смотрели друг на друга. Глаз никто не отводил, и думали они об одном и том же: кто или что заставляет их убивать друг друга? Мутно-серый рассвет, такой же нелепый и грязный, как и вся эта война, плыл над их головами. Небо Ичкерии или небо империи? От серости и сырости зелень вокруг такая же неясная, как на долларовых купюрах. С чего это о валюте подумалось? Оттого ли, что вся кровь на них здесь замешена? И кто остановит эту войну, если восьмилетний чеченец, что попросил у Китаева патрон, повертев его в руках, сказал ему: “Спасибо, вырасту — убью тебя этой пулей”. “А я уже никого этой пулей не убью”, — ответил Китаев. Он тогда вспомнил рассказ деда. Во время штурма Берлина меткий фриц сжег наш Т-34 фаустпатроном на глазах взвода, которым командовал дед. Выстрел был сделан из окна первого этажа полуразрушенного здания. Взвод деда ворвался в дом, и в пустой комнате, посреди обломков мебели и кусков штукатурки бойцы увидели трясущегося от страха паренька лет двенадцати. Он плакал и шептал что-то про своего любимого Гитлера. Дед сказал, что никогда до и после этого не видел в глазах одновременно столько страха и решимости умереть. Пацан был уверен, что русские его сейчас расстреляют. И расстреляли бы, будь ему хоть на пару лет больше. А так... Снял бывший донской казак с себя ремень, стянул штаны с этого гитлерюгенда и давай охаживать по голой заднице. И вот тогда немецок совсем по-другому завыл, по-детски. И звал уже на помощь не Гитлера, а маму-мutter.

— Так ты говоришь, появился русский инженер и?..

— Он предсказал, каким будет этот бой. Я не выстрелил в тебя, когда ты шел со своими солдатами по дороге. Потом он исчез. Растворился в воздухе, как джинн. С ним был еще один. Он тоже исчез.

— Фантастика какая-то. Откуда ты знаешь, что он инженер?

— Я сам убил его. Они ставили новую вышку...

— А ты решил, что лучше жить без электричества?

— Он часто приходит ко мне. Это был единственный человек, которого я убил не в бою.

— Тогда зачем?

— Брат приказал.

— А если бы брат приказал стрелять в ребенка?

— Я не зверь. Поэтому ты сидишь здесь живой и думаешь, что можешь взывать к моей совести. Ты уверен, что ни одна твоя пуля, когда вы врываетесь в наши села, не попала в женщину или ребенка? А может, бомбы ваших самолетов умные и гоняются только за вооруженными мужчинами?

— Мы не штурмуем роддома, не прикрываемся беременными женщинами, не отрезаем головы восемнадцатилетним парням и не превращаем людей в рабов, — опустил голову Китаев.

Снова зависло молчание.

— Я отпущу тебя, — решил, наконец, Китаев. — Но без оружия. Я не буду брать с тебя клятву, что ты не будешь больше воевать, это бессмысленно.

— Я тоже не буду брать с тебя клятву, что ты не будешь воевать. Это бессмысленно. Но я хочу, чтобы ты понял, что я не трус. Поэтому я остался. Я просто устал убивать.

— Я понял, что ты не трус. Знаешь, я сам себе не поверил бы еще пять минут назад, если бы кто-нибудь мне сказал, что я отпущу боевика.

— А я еще пару часов назад не поверил бы, что не выстрелю в такую прекрасную мишень, как ты.

— Уходи, — сказал Китаев, — надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

— На все воля Аллаха, — ответил Алейхан, поднимаясь.

На мокрой серо-зеленой траве осталось лежать любимое оружие.

Он пошел в сторону, откуда только что пришел Китаев. Под одним из кустов по ходу движения машинально поднял плоский картонный прямоугольник. Это было новое служебное удостоверение Кошкина. “Инженер-конструктор”, прочитал Алейхан, минуту постоял, но возвращаться к старшему лейтенанту не стал. На дату выдачи удостоверения Алейхан не обратил внимания. Сунув его в карман, он побежал в сторону от дороги.

* * *

Бекхан привязал русского сержанта к дереву. И даже подмигнул ему.

— Что, лапоть, будешь жить? Повезло тебе. Но если ты еще раз попадешь мне в руки, то я этими руками обязательно буду держать твою голову. Отдельно от туловища. Понял?

Сержант промолчал.

— Хорошо, что ты не обоссался, как твой напарник, а то от вас русских и так пахнет псиной.

Больше Бекхан не разговаривал. Кивнул четверым спутникам, и они быстрым шагом стали подниматься в гору. Бекхан знал, что Дорохов его не обманет, но ждать здесь вертолетов не собирался. Усман был ему больше не нужен. Усман попробовал наркотики, Бекхан видел руки этого соплика с метками смерти. Усман больше не воин. Теперь он вообще больше никто. Он забыл, что наркотиками надо кормить русских свиней, чтобы у них совсем не осталось мужчин. Усман боялся смерти, попробовал героин и думал, что станет асасином. А стал ишаком! Можно было бы зарезать русского сержанта, но тогда майор будет гнаться за группой до тех пор, пока не сотрет подошвы своих сапог, а если сотрет, то погонится босиком. Этот офицер из тех служаков, что кладут свою душу не за страх, а за совесть. Таких любят солдаты... и снайпера. Нет, есть другой план: пусть русские привяжут на это место Усмана, обложат его со всех сторон и ждут, что Бекхан придет за своим человеком. Дождутся... когда Усмана начнет ломать. В такой ситуации не пожертвовать слабачком, тем более из другого рода, было бы неразумно.

Бекхан вел своих людей в горы, где его ждал Руслан. Хотелось принести с собой побольше оружия и обмундирования, но вот — не получилось. Ничего, зато есть еще деньги. На них можно купить у продажных гяуров це-

лый танк. Но пусть пока полежат... Руслану идут деньги из Аравии, а у Бекхана тоже должна быть своя сберкасса. И не одна. В конце концов, их род собирал эти деньги не только на войну с кафирами, а точнее — вообще не на нее. Сколько русских, ингушских и армянских домов продали! Вместо этих халуп виделся Бекхану дворец на берегу моря, и ради этого дворца он готов был бежать вверх по этому склону бесконечно. А еще ради этого дворца он продавал не только отобранную недвижимость, но и тела погибших воинов. Русские не знают цену мертвым. Их покойников выкупают только матери с бесцветными, выплаканными глазами, с которых нечего взять, кроме собранных сослуживцами мятых рублей, в лучшем случае — цену проданной хрущевки или дома на окраине рабочего поселка. А чеченцы уважают своих покойников больше, чем живых. Перед покойником у родственников две обязанности: похоронить до обеда и отомстить, если он убит. Русские за одного живого пленного десять убитых чеченцев готовы дать. И тогда главное, чтобы эти люди оказались из другого тейпа, а уж тейп их всегда выкупит. В этом нет ничего предосудительного, нормальный бизнес по-кавказски.

Подумав об этом, Бекхан покосился на сродного брата Ибрагима, который шел рядом и пытел под тяжестью двух автоматов (один — Усмана) и гранатомета. Ибрагим был из бедной семьи и воевал, рассчитывая разбогатеть. Поздно спохватился. Надо было делить дома русских, когда их еще из них не выжили, а он играл в благородного, даже позволил переночевать в своем доме хирургу из районной больницы, который бежал в Ставрополь. А потом спохватился и перепрофилировался из водителя большегрузных машин в специалиста по тяжелому вооружению и минированию. Воевал без рвения, но был исполнительен и надежен. Правда, Бекхана несколько беспокоило, что Ибрагим знает, где они с Алейханом сделали тайник. Тогда подумалось: пусть прикрывает от лишних глаз, а теперь думается — не будут ли его глаза лишними? Неразговорчивый и сдержанный Ибрагим ни разу не спросил, что братья прятали в землянке. Его устраивали триста долларов и трофеи, которые он ежемесячно отправлял семье, но как долго такое положение вещей будет его устраивать? По себе Бекхан знал, что жить хочется только лучше и лучше, и он предпочел бы не воевать сейчас с русскими, а нанимать их в качестве дешевой рабочей силы, или вообще покупать за бесценок рабов. Только вот работу для них осталось придумать. Дом у моря в воображении вырисовался до мельчайших деталей, а из чего потом делать деньги, чтобы превратить дом во дворец, Бекхан не знал. Единственное, что он умел — убивать.

Услышав в небе гул вертолетов, Бекхан остановился. Они оказались рядом раньше, чем он рассчитывал. А нужно было еще дождаться Алейхана. Место было назначено заранее.

* * *

До 8 часов вечера Грум выкурил полпачки сигарет и переживал только о том, что салон новой машины быстро пропахнет табаком. После восьми он позволил себе прикурить одну сигарету от другой, потому что ни один из ведомых объектов за воротами КПП не появился. Ни этот задумчивый инженер, ни кавказец с откровенно хищной мордой. Попиликав на цифрах мобильного, он услышал усталый голос Русского.

— Вова, это я, тут нерусский никак не обозначился, и твой клиент появляться не хочет.

— Вздор какой-то! Я ему сейчас позвоню... Черт! У меня нет его рабочего телефона! Там же, блин, сплошные секреты. Ты думаешь...

— У нас ты думаешь, — поправил Паткевич.

— М-да... Вадик, а как этот... нерусский туда попал?

— На работу устроился.

— И ты никого из наших людей не ввел туда следом?

— Да он только сегодня оформляться стал. Кто ж знал?!

— А-а-а, блин! У тебя есть план?

— Да, лобовая атака, стоимость — пару штук зеленыю.

- После твоей сегодняшней покупки я ничему не удивляюсь.
- Тебе жалко?
- Нет, извини.
- Ладно. Ну так делать?
- Делай.

На параллельной улице, где располагалась промышленная зона еще не загнувшейся от рыночных к ней отношений автоколонны, Грум нашел все необходимое в виде самосвала марки “КрАЗ” и малорослого, слегка подда- того водителя, который, матерясь, заполнял в кабине путевку.

— Братан, — окликнул снизу Грум, — красные раздвижные ворота на соседней улице знаешь?

- Это у ракетчиков что ли? А че?
- Твой зверь пробить их сможет?
- Как два пальца облизать!
- Ну так давай, пробьем.
- Ты, случайно, не чирикнутый?
- Тебе, случайно, не все равно? Я бабки плачу. Закосишь под пьяно- го. С рук сойдет.

— Да ты че?! На фиг мне такие приключения? Меня ж с работы выпрут!

- Штуку баксов, — отрезал Грум.
- Не-ее... Че я потом начальству скажу? Вдруг охрана стрелять начнет.
- Ну ладно, я думал “КрАЗом” сподручнее, там, в переулке, “КамАЗ” стоит, водила за две штуки согласился, боится только, что кабина отсте- гнется ... — и Вадим сделал вид, что уходит.

- Две штуки? — переспросил вслед водитель.
- Ага, — не оборачиваясь, подтвердил Грум.
- Это... А если меня судить потом вздумают?
- Не суди, и не судим будешь! Отмажем, — остановился Вадим. — Вы- гонят с работы, обещаю, что без работы не останешься. А зарплата еще боль- ше будет.

- Врешь ведь?
- Я никогда не вру, мне это незачем.
- Ну, смотри, — водитель погрозил невозмутимому Груму пальцем, от- чего тот чуть не улыбнулся третий раз в жизни.

В ста метрах от цели “КрАЗ” замер, урча перед стартом. Растрепанная голова водила вновь высунулась в окно, он поманил Грума рукой и, выти- рая со лба пот, потребовал:

— Давай деньги вперед. Так не поеду.

Грум слегка испепелил его взглядом, плонул под ноги.

— Ладно, стой здесь, через десять минут буду.

И в этот раз Паткевич позволил себе малость поволноваться из-за того, что придется рвать движок новой машины. Но, с другой стороны, была оп- равданная возможность отвести душу. “Эмджи” рванул с места так, словно ему, а не “КрАЗу” предстояло пробить ворота. Вписавшись в поворот под прямым углом на скорости, близкой к ста километрам в час, Грум оставил изумленного напарника-подельника с открытым ртом.

— Такие вместо водки чистый адреналин хлещут, — резюмировал тот, вспомнив приговорку автопарковских.

* * *

Горы протолкнули, страхнули со своих вершин серую промозглую серя- тину. На востоке, где, казалось, еще минуту назад должна была разразиться гроза, а из темно-фиолетовой гущи посыпаться стрелы молний, вырвался ос- лепительно яркий луч солнца. Он словно пробил дорогу ветру, и в течение получаса видимая часть неба очистилась. Запоздало проснулись птицы, и лес наполнился звуками жизни. Алейхан воспринял это, как знамение.

Больше двух часов он шел на восток, в сторону Дагестана, а не на юг, в сторону Грузии, где его должен был поджидать Бекхан. Алейхана ноги са-

ми несли к уютному тихому жилищу Дамана. Он прекрасно понимал, что теперь становится изгоем для всех: на первом же блокпосту его, появившись он там, если не сразу поставят к стенке, то профильтруют по полной программе, и вся жизнь закончится где-нибудь на кошмарной зоне в средней полосе России, если же свои узнают об отступничестве — то уж точно — в лучшем случае расстрел. И заступничество брата, что ходит в друзьях у Гелаева, вряд ли поможет. Поэтому Алейхан испытывал два чувства. Чувство страха, похожее на то, что может испытывать изгнанный из стаи волк, и другое — похожее на величайшее душевное облегчение. Последнее подпитывалось неясными надеждами и туманными видениями новой жизни. Нет, волчья судьба с постоянной беготей по лесу за кровавыми вожакими, которые забирают себе лучшие куски добычи, эта тошнотворная боязнь красных флажков и открытых пространств, и смутная надежда стать вожаком, чтобы, опьянев от ночных вылазок и сомнительных побед, наступить на мину, — нет, такая жизнь больше не манила Алейхана.

В древней полуразрушенной башне на окраине аула Алейхан перевел дыхание. Пытался обдумать, что сейчас скажет Даману, как подойдет к Айзе, но ничего не получалось — в душе, в сознании — полное смятение, ветер, который дует во все стороны.

Даман, как всегда, с утра работал на своем огороде. Рабов у него не было, хоть не раз предлагали. Бекхан даже хотел подарить ему раненого русского контрактника — подлечишь, твой будет. Но Даман наотрез отказался. Жена, мать Айзы, умерла два года назад от рака груди, новую женщину Даман в дом так и не привел. Еще одна странность седого героя...

Увидев Алейхана, да еще и без оружия, Даман воткнул лопату в скудную землю и замер, пытаясь взглядом прочитать смятение на лице воина. Алейхан выдержал взгляд и, подойдя ближе, сказал:

— Мир тебе, Даман.

— И тебе мир, Алейхан, если ты его действительно несешь, — странно ответил отец Айзы.

— Я ушел из отряда, решил — больше не буду воевать. Ты знаешь, почтенный Даман, что я давно люблю твою прекрасную дочь, но сейчас у меня нет сватов, чтобы они пришли в твой дом. У меня нет калыма...

— Постой, — прервал Даман, — разве я говорил тебе хоть раз о калыме. Если ты пришел просить у меня руки моей дочери, спеси сначала у нее. Я думал, ты меня знаешь. Меня не интересуют деньги, меня не интересуют отары овец, меня, в этом случае, не интересует даже мнение Аллаха, меня интересуют только покой и счастье моей дочери. Я хочу увидеть здоровых и жизнерадостных внуков, Алейхан. Сможешь ли ты понять это?

— Прости, отец, — тихо сказал Алейхан и с огромным трудом сдержал подступившие к глазам слезы.

Мудрые глаза Дамана уловили минутную слабость молодого человека, он положил руки ему на плечи.

— Это неправда, что мужчине нельзя плакать. Я не знаю, как по-другому можно очистить, облегчить душу. У христиан это называется катарсис. Знаешь, я плакал, когда умерла моя Сана. И мне было наплевать, что скажут об этом другие мужчины. Требуется больше мужества, чтобы оставаться самим собой, чем играть по придуманным кем-то глупым правилам. — Даман отпустил плечи Алейхана и повернулся в сторону дома. — Айза, дочка, выйди на улицу, к тебе пришли.

И Айза вышла. Черные алмазы глаз только раз сверкнули в сторону Алейхана, который потерял дар речи, ибо особенно прекрасной казалась она ему в этот решающий час. И стояла она, склонив голову, опустив руки, стройная, в облегающем темном платье, черная прядь волос на мраморном челе. Воистину, велик Аллах, дыханием которого живет красота в этом мире. И хотелось легким движением сорвать с нее платок, чтобы густые, черные, как ночь в горах, волосы, опустились на хрупкие плечи.

— Айза, доченька, Алейхан решил уйти от войны, он просит твоей руки, — вкрадчиво спросил Даман.

Айза еще больше опустила голову.

— Я знаю, что он тебе нравится, и если ты согласна, то я хотел бы, чтобы вы уехали. Уезжайте куда-нибудь подальше от этой грязной бойни. Хочешь к тете Радиме в Красноярск? Там Сибирь, холодно, но там красиво и спокойно. Если Алейхан останется здесь, его либо заставят продолжать воевать, либо убьют.

При этих словах Айза вздрогнула, подняла глаза на отца.

— У меня есть деньги, я отдам их вам, на первое время хватит. Тебе надо учиться, ведь ты даже не закончила школу. Не верь тем, кто говорит, что женщина не должна учиться! Твоей матери институт не мешал быть хорошей женой и настоящей матерью. Ты знаешь, до конца жизни она учила детей...

Здесь в разговор вступил Алейхан.

— У меня тоже есть деньги. Много. Там — в лесу, — он кивнул на склон ближайшей горы. — Половина там моя. Мы можем уехать в Турцию. У меня есть загранпаспорт, есть связи в Аджарии. Уедем через Аджарию. Можем уехать в Эмираты. Можем даже в Японию... Куда скажешь?! Я люблю тебя, Айза, люблю так, что жизнь моя без тебя может быть только мучением.

— Я боюсь оставлять отца, — тихо ответила Айза.

— Не бойся, дочка, — обнял ее Даман, — ты же знаешь, у меня есть бумага от самого Джохара, а для русских у меня есть орден. Я не могу бросить здесь могилу твоей матери. Когда все кончится, вы вернетесь.

— Это еще очень долго не кончится, — Айза посмотрела в глаза отца, и он промолчал, знал, что она права.

— Куда бы ты хотела поехать?

— Помнишь, ты мне рассказывал про Ленинград, что он красивый, мосты и дворцы...

— Теперь он называется Санкт-Петербург.

— Поедем туда! — Алейхан мог сейчас задохнуться от наступающего счастья. — Я сегодня же пойду и принесу свои деньги!

— Не ходи туда, Алейхан, — попросил Даман, — не надо. Эти деньги вряд ли принесут вам счастье. Да и кто позволит тебе их забрать?

— Я заберу только свою долю. Бекхану сейчас не до меня, он идет на юг, на соединение с отрядами Руслана, там они планируют какую-то крупную операцию.

— Ты думаешь, Бекхан не будет тебя искать?

— У него на хвосте очень настырный русский майор. И ему еще надо вызвать Усмана.

— Плевать ему на Усмана, а вот тебя он будет искать до конца жизни. Не ходи, Алейхан. Деньги нужны, но это не самое главное. Главное сейчас — не терять времени.

— Я не могу быть нахлебником, — твердо возразил Алейхан, — и я хочу, чтобы наша поездка была не хуже, чем свадебное путешествие.

Даман в ответ только покачал головой.

* * *

Погода переменилась, становилось жарко. Уже больше двух часов Бекхан ждал Алейхана. Нервничать начал даже Ибрагим. Неужели русские смогли его захватить? Бекхан отгонял эту мысль и проклинал себя за то, что выставил чересчур горячего брата в охранение. Ведь это он предупредил выстрелом, что дом окружают. Почему не сделал этого раньше? Мало ли какие были вокруг обстоятельства. Так или иначе, Алейхана не было, и нужно было менять все планы.

— Будем возвращаться, — объявил остальным Бекхан. — Вернемся сначала на базу, потом узнаем, что могло случиться с Алейханом.

В этот момент у Бекхана была только одна мысль: если Алейхан попал в плен живым, его можно обменять или выкупить. Поэтому он решил идти к заветной землянке.

Никто из бойцов не возражал. Да и не стали бы. Последнему, кто осмелился возражать командиру, Бекхан сделал лишнюю дырку в голове, чтобы из нее улетучились дурные мысли. Правда, рассчитал верно, за убитого никому было мстить.

Когда они уже подходили к базе, которую предусмотрительный Бекхан приказал сделать еще до начала войны, прошло несколько часов. Начинало темнеть. Усталость и нервное напряжение заставляли всех молчать. На подходе к лагерю Бекхан в полголоса отдал распоряжения: Ибрагим страхует Бекхана на случай засады, остальные залягут и возьмут лазы под перекрестный огонь. Свидетели в землянке ему были не нужны.

Велико было удивление Бекхана, когда он по дальнему лазу тихо, как кошка, приблизился к землянке и увидел там Алейхана, который укладывал в спортивную сумку пачки долларов. На врытом в грунт столе горел фонарь. В зияющем своей беззащитностью тайнике еще оставались деньги и документы. Зато не осталось никаких мыслей в голове у Бекхана, только затаилось нехорошее предчувствие, похожее на то, которое испытывает старый пес, наблюдающий щенка, крадущегося к его миске с мясом.

— Что ты здесь делаешь, брат? — слова из Бекхана вышли как по лезвию кинжала.

Алейхан вздрогнул и обернулся. Он был настолько занят своими подсчетами, что его уникальный слух не включился на приближающуюся опасность.

— Бекхан? Я все тебе объясню...

— Объясни. Начни с оружия, где ты его оставил? — Бекхан сел на лавку, поставив у ног “калашникова”.

— Бекхан, сегодня мне было видение... Ты можешь мне не поверить. Но мы все должны были погибнуть. Я решил, что больше не буду воевать...

— Поэтому ты пришел забрать наши деньги?

— Нет, брат, я беру только свою долю.

— И ты хочешь, чтобы я этому поверил? Ты пришел сюда один, как вор, ты бросил оружие, как последний трус, бросил нас, и ты хочешь, чтобы я поверил? — Бекхан накалялся, как бывало с ним в последнее время. — Что я сделал тебе плохого, Алейхан, чтобы ты так поступил со мной? Ты не подумал о том, что я мог вернуться сейчас туда в поселок и начать бой, думая, что ты убит или попал в плен?

— Бекхан...

— Молчи, щенок! Я научил тебя самому главному, я научил тебя быть мужчиной, быть воином! И теперь ты предаешь меня! Наверное, уже мечтаешь о русских телках в Сочи! Курортный сезон начался. Но мы могли бы поехать отдыхать вместе. За что ты так со мной? Ведь я отдавал тебе последнее! Я нес тебя на руках, когда тебе прострелили ногу! Ты собрался отдохнуть? Устал? Почему ты не позвал брата?

— Бекхан, мне не нужны русские телки, мне не нужны Сочи, я собираюсь жениться на любимой девушке...

— А о моей семье ты подумал?! — в этот момент сознание Бекхана помутилось от злости и обиды, схватив автомат, он с размаху ударил Алейхана прикладом в лоб.

Тот отлетел к дальней стенке и осел в углу, потеряв сознание. Но Бекхан еще несколько раз ударил его, тряс за грудки и все время кричал. Потом снова отшвырнул Алейхана на скамью. Из куртки его выпал красный прямоугольник. Удостоверение, очень похожее на те, что таскают с собой вездесущие чекисты. Бекхан поднял его и раскрыл. С фотографии три на четыре смотрел мужчина средних лет в штатском. Подумрак землянки не позволял рассмотреть его лучше, хотя Бекхану показалось, что он видел это лицо раньше. Больше всего его удивила дата выдачи удостоверения. Две тысячи первый год... Подделка?.. Алейхан предался русским? Не может, не должно быть! Теперь Бекхан не мог верить никому. Что? Позвать Ибрагима и начать пытаться родного брата, чтобы позор упал на весь род? Нет, только не позор. Струсил Алейхан или предал, решил ли в одиночку откупиться от федералов — лучше ему навсегда остаться в этой землянке, а в памяти остальных он будет жить отважным снайпером, о котором будут рассказывать

мальчишкам. Бекхан передернул затвор, но потом отложил автомат в сторону, достал дедовский еще кинжал, которым гордился. Кинжал, что резал и протыкал кафиров еще в ту, далекую войну, закончившуюся, по мнению навивных историков, в ауле Гуниб. Кинжал, который дед смог спрятать во время депортации... Кинжал, которым Бекхан хотел сейчас убить брата, и удерживало его руку только одно сомнение: он не знал, хочется ли ему, чтобы Алейхан пришел в себя. Так и замер он, вскинув руку, глядя на лезвие, по которому, предваряя кровь, текла арабская вязь: Бисмиляхир-Рахмаанир-Рахим...

* * *

Так и замер он, вскинув руку с нелепым, но все же опасным кухонным ножом, обретая новую память и еще до броска убивая ненавидящим взглядом русского инженера Кошкина, удостоверение которого носил в кармане все эти годы. Замер одновременно и в прошлом и будущем. И Сергей Павлович правильно оценил растяжимость этого решающего мгновения, в котором переплелись судьбы прошлого и будущего, и, в сущности, не было настоящего, потому что оно уже произошло, и ход его был другим. Нет, это не Кошкин менял посредством своего изобретения настоящее, прошлое или будущее, если здесь и присутствовало движение человеческой воли, то оно являлось всего лишь усилением векторной тяги высших сил, нисходящих отсюда, где давно уже был решен исход главных событий. Но он был единственным, кто оценил эту минуту верно, ибо две пули одновременно прервали безумный и отчаянный рывок Бекхана, и столкнулись в его сердце, расплющив друг друга, что по теории вероятности может случиться раз в миллион лет на одной из миллиардов планет. Столкновение пуль выпрямило Бекхана, лицо его не искривилось от смертельной боли, наоборот, осветилось торжествующей улыбкой, словно он только что узнал что-то самое важное в этом мире.

— Аллаху акбарэ, — был последний выдох Бекхана, но не потому, что акт его смерти был освящен глубокой верой, просто угасающее сознание подвело черту своей деятельности именно этой фразой.

Медленно оседая на пол, он одновременно исчезал, растворялся в застоявшемся воздухе лаборатории, который пришел в движение от незнакомого запаха сгоревшего пороха и оружейной смазки.

— Я не помешал? — сухо осведомился Грум, пуля которого догнала Бекхана в спину, дабы обозначить свое неожиданное присутствие, и замолчал, пораженный увиденным. Даже забыл опустить пистолет.

На полу, где только что лежал Бекхан, осталась лишь маленькая красная книжка — удостоверение Кошкина. И ни одной капли крови. Вот, пожалуй, это и был тот ненаучный, мистический момент, когда время, несмотря на все открытые и неоткрытые, действующие, теоретически обоснованные и необоснованные законы физики, остановилось.

Сергей Павлович первым пришел в себя.

— Зря вы стреляли, все должно было решиться там, а не здесь. Я даже представить себе не могу, какой ворох причинно-следственных связей мы в очередной раз нарушили. Я не берусь и приблизительно предполагать, что может стать с человеком, которого убили в несовершенном будущем.

— Но он мог убить тебя! — начал оправдываться Дорохов, что продолжал лежать на полу в обнимку с карабином.

— Хорошо, что следов не осталось, — добавил Китаев, который до сих пор был разгорячен схваткой с Бекханом.

— Что значит несовершенное будущее? — вновь проявил себя Грум.

— А вы, позвольте спросить, кто будете? — прищурился на Паткевича Кошкин.

— По просьбе Владимира Юрьевича Рузского я слежу за тем, чтобы вы не порезались случайно кухонным ножом, а также оберегаю вашу персону от всяких возможных неприятностей, — доложил Грум. — А теперь все-таки ответьте на мой вопрос: что значит несовершенное будущее?

— С моей точки зрения — это будущее, решение главных событий которого еще не определилось в прошлом.

— Как здесь может происходить будущее? Что может быть вообще, кроме настоящего?

— Как, к примеру, вон тот табурет, — Кошкин кивнул на “оружие” Китаева. — Вам только кажется, что он присутствует здесь — в настоящем.

— Не понял? — Грум догадался, что пора спрятать пистолет.

— Чтобы убедиться в его реальном существовании, в том, что это, скажем, не оптический обман или мираж, вам придется подойти к нему и дотронуться, а значит — затратить несколько секунд, которые отделяют вас от него. А это, согласитесь, уже будущее. Через несколько секунд — это уже будущее.

— Черт! — оценил короткий научный экскурс Вадим Паткевич. — Но вы все же не волнуйтесь на счет пальбы. Когда одного урода хотят убить сразу два человека, а он находится на линии их огня, вряд ли ему удастся укрыться или увернуться, хоть в настоящем, хоть в прошлом, хоть в будущем. А эти люди вам ничем не угрожают? — осведомился Грум, с показным безразличием осмотрев Дорохова и Китаева.

— Это охранники, они здесь работают, — поспешил сообщить Сергей Павлович.

— Тогда позволю себе откланяться, — вспомнил Грум красивую фразу из какого-то одного или сразу из нескольких фильмов. — У вас тут даже мобильный не берет. Да, там, на выходе, небольшой кишин. Вздорный алкаш на “КрАЗе” вынес ворота. А в кабине у него нашли две тысячи долларов. Бывает же. Так что будьте осторожнее, — более Груму присутствовать здесь не полагалось, и он, красиво повернувшись на месте, так что черные крути от каблук оставались на кафеле, вышел из лаборатории.

После того, как шаги его стихли на лестнице, Кошкин обратился к своим войкам:

— Я думаю, вам есть о чем поговорить, а я очень устал, хочу спать. Завтра днем прошу вас обоих быть здесь. В полдень. Находиться рядом с этой машиной становится опасно, а мне нужно... нет, я просто обязан завершить еще два важных дела и выполнить одно обещание. Так я могу на вас рассчитывать, господа офицеры?

— Так точно, — ответили оба и наконец-то пошли навстречу друг другу, раскрыв объятия.

Уже на пороге, Кошкин остановился и, оглянувшись, предупредил:

— Я не думаю, что это чистый хеппи-энд, Лена мне всю жизнь вдалбливала, что таких в русской литературе не бывает, а жизнь, не зря говорят: как по книжке.

И все же сегодня Кошкин уходил победителем. Впервые за последние месяцы он почувствовал, что жизнь имеет смысл, а у побед еще может быть настоящий, нефальшивый вкус.

* * *

Вадим Григорьевич Яковлев шел по коридору второго этажа лабораторного корпуса, поминутно прикладывая к потной лысине большой клетчатый носовой платок. Потел он и от жары, и от нервов. А нервничать было от чего: у него под носом кустарно мастерят “паровоз времени”, вчера он позвонил в банк, и ему подтвердили, что на его имя открыт валютный счет, на котором покоятся сто тысяч долларов. Новый лаборант, что так рвался к производству российского оружия, на работу сегодня не вышел, ночью пьяный водитель “КрАЗа” соседнего автопредприятия напрочь вынес ворота КПП №1. Утром же в кабинете зазвонил телефон, и взволнованный мужской голос попросил его о встрече. На просьбу представиться — назвался Александром Ермоленко, владельцем автосалона “Хайстар”. Что-то подобное вроде слышать приходилось. Но более всего насторожил Вадима Григорьевича ответ господина Ермоленко на вопрос о причине встречи. Тот сбивчиво и

путано заговорил о чеченце, с которым Яковлев встречался в парке, а также сообщил, что сам видел, как этот человек возглавлял банду чеченских сепаратистов и даже был у него в плену. Тут было над чем подумать. И теперь, во-первых, Вадим Григорьевич, понял, что игра намного шире, что кроме фээсбэшников за ними в парке следил еще кто-то, и как бы не пришлось объяснять появление ста тысяч долларов компетентным органам, а, во-вторых, все это как-то упиралось в “машину времени” Кошкина.

Теперь он шел в лабораторию, дабы лично лицезреть этот агрегат, но был неприятно удивлен и одновременно раздражен, увидев там двух мирно беседующих охранников.

— У вас тут что — производственное совещание? — начальственно осведомился он.

Но те даже не соизволили встать с табуреток, а старший спокойно ответил:

— Нет, Вадим Григорьевич, мы тут выполняем поручение главного конструктора направления Сергея Павловича Кошкина.

— Какое еще поручение?

— Побить здесь и не допускать сюда посторонних.

— Ни в одном помещении этого здания я, как заместитель генерального конструктора, не могу быть посторонним, — даже сам Яковлев почувствовал, что лысина у него краснеет.

— Да, — согласился охранник, — вы заместитель генерального конструктора по общим вопросам.

— И?

— И, — опять согласился Дорохов, — общих вопросов у нас к вам нет, как, впрочем, и частных.

— Вы меня что — как это говорят — подкальваете?!

— Да что вы, Вадим Григорьевич, мы просто выполняем поручение Сергея Павловича.

— У вас что — нет своих непосредственных служебных обязанностей?

— Сейчас нет, закончились вчера в ночную смену, но охранять чистоту эксперимента нам вроде как никто не запрещал, а если внимательно прочесть должностные обязанности, то и предписано.

— Какого эксперимента?! Какую чистоту?! Тут вам не баня! Здесь научное учреждение закрытого типа!

— Вот именно.

Далее Вадим Григорьевич предполагал перейти на соответствующий данной ситуации крик, чтобы урезонить распоясавшихся солдафонов, позволяющих себе высокомерно ироничное отношение к начальству. Но в этот момент в спертом воздухе лаборатории резко запахло озоном, будто недавно здесь разразилась гроза, и прошел дождь, а кульминацией этого неатмосферного катаклизма стало явление Кошкина с пультом дистанционного управления (банальным инфракрасным излучателем) в руках, будто он срочно и неожиданно оторвался от просмотра любимых телепрограмм. Пришлось еще раз промокнуть лысину платком.

— Сергей Павлович? Что тут у вас за цирк происходит? Что за несанкционированные эксперименты и опыты?

— Здравствуйте, Вадим Григорьевич, — невозмутимо ответил Кошкин, по лицу которого блуждала неуместная блаженная улыбка, словно он только что прибыл из рая. — Во-первых, эксперименты санкционированные, во-вторых, секретные, в-третьих, я попрошу вас удалиться. Уж извините. Получите сначала эту самую санкцию на присутствие здесь у Марченко, или, на худой случай, у президента.

— М-да! Полный бардак! — резюмировал Яковлев, поворачиваясь на сто восемьдесят градусов. — Полнейший!

Упоминание президента привело его в полное расстройство и замешательство. Должность генерального в исполнении Вадима Григорьевича становилась фантастичнее, чем изобретение Кошкина. Но, проиграв тактическое сражение, Вадим Григорьевич мгновенно принял решение поменять стратегию. Вечером на встрече он вытрясет душу из этого автомобилиста Ермолен-

ко. Он узнает все! Нужно еще разобраться, какой интерес проявляют подозрительные чеченцы к оборонному предприятию? И президенту это будет не безразлично, контртеррористическая операция, что называется, в полном разгаре. Войдя в свой кабинет, он ринулся к столу и снял телефонную трубку.

— Здравствуйте, это Яковлев. Я вчера вам звонил по поводу счета... Какого? Ну, на мое имя, сто тысяч долларов. Я хотел бы знать, когда я могу их снять? Что значит — нет такого счета? Вчера был... Что значит — отозвали? Кто отозвал? Какая может быть тайна вклада, если он был открыт на мое имя? Да вы знаете, с кем вы...

* * *

В первый раз в жизни Ермоленко решил сражаться. После ухода Бекхана он метался по кабинету, швыряя рекламные буклеты и канцелярские принадлежности, и остановился только после того, как разбил в порыве гнева дорогую пепельницу. Пепельницу, как и переведенные на личный счет какого-то типа сто тысяч долларов, было жалко. Глядя на осколки, Ермоленко осознавал, что психовать бессмысленно. Убытки будут расти, а толку будет мало. И тогда он “упал” на телефон и стал собирать информацию. Это было не просто, но ему все же удалось узнать, кто такой Вадим Григорьевич Яковлев, которому он пожертвовал выручку автосалона за два последних дня. А служба безопасности аккуратно отследила маршрут Бекхана до парка и далее. Страсть к деньгам оказалась сильнее страха. И он решил сражаться за свои деньги. Уже вечером он отозвал из Промстройбанка платежку на имя Яковлева, а утром добился встречи с этим человеком. Два обстоятельства не давали ему покоя: интерес Грума во всей этой кутерьме, а также исчезновение Бекхана, которого аккуратно сопроводили до ворот “ящичка”, из которых он уже не вышел.

Ермоленко сделал несколько звонков, в том числе беспокоил свою крышу, намекнув, что есть некоторые силы, пытающиеся его шантажировать и занять под это дело приличную сумму из общего котла. Заручившись бандитским подкреплением, он почувствовал себя увереннее и вызвал к себе начальника охраны, который, собственно, и был протезирован на это место покровительствующей группировкой.

Мастер спорта по боксу, а по совместительству ээка с пятилетним стажем Верхотурцев как всегда развязно плюхнулся в кресло напротив, закинув ногу на ногу. Такие манеры не раздражали Ермоленко, потому как они и были манерами, а свою работу Верхотурцев и его бригада выполняли неплохо, даже если от нее за версту отдавало свежими сроками. Правда, и платить им приходилось соответственно. Но главную часть своей прибыли они брали с перепродажи угнанных у лохов машин.

— Петр Матвеевич, — уважительно начал Ермоленко, так уж они величались с самого начала.

— Слушаю, Александр Максимович, — в тон ответил Верхотурцев.

— Нам, вероятно, придется начать маленькую, а может и большую войну... — издала подступал Ермоленко.

— А че, надо так надо, не в первый раз. Я вам, Александр Максимович, вообще удивляюсь. Надо было этого хамовитого чечена тут на куски порвать. Он же не железный. Они щас припухли. Так что без особых последствий. Да и Грум тут зря выпендривался. С ним, конечно, мало кому стрелы набивать вздумается, но и он не на танке ездит.

— На нашем “эмджи”, — театрально вздохнул Ермоленко. — Но дело не в нем. Я хочу, чтоб вы собрали всех ребят, да и подкрепление обещано. Чечен, если объявится, нужен мне живой, но связанный. Мне с него сначала поиметь кое-что надо. Я, кстати, не удивлюсь, если он среди живых не числится.

— Свяжем и живого, и мертвого, — заверил Верхотурцев, — а если надо, то и в двух экземплярах.

Начальнику охраны понравилось собственное остроумие, но он не позволил себе хохотнуть. Не принято.

— Угу, — кивнул Ермоленко. — Сегодня вечером у меня важная встреча с одним чиновником, вы там попасите нас незаметно. На всякий случай. Верхотурцев просекал ходы на два вперед.

— Из “ящика” что ли? На которого чечен выползал?

— Точно.

— Сделаем, прессовать будем?

— Если потребуется. Но пока не стоит горячиться.

— Да, я вам забыл еще сказать, — вот тут Верхотурцев не сдержал победной улыбки, — в этом ящике еще одна знакомая вам личность работает.

— Что за личность? — насторожился Ермоленко.

— Да деваха молодая, красивая. Я у вас раньше фотографию видел, где вы с ней. Вы уж извиняйте, в сейф забыли кинуть, ну я и глянул. Видать, от жены прячете...

На последние слова Верхотурцева Ермоленко не обратил внимания, он вдруг ушел в себя.

— Варя? Она ж институт так и не закончила. Что она там делает?

— Хотите — пробьем?

— Пробейте, Петр Матвеевич. Аккуратно.

— Сделаем.

У Ермоленко в душе пронесся ностальгический ветерок. Образ тихой и прекрасной Вари заслонил на минуту стройные ряды полей на счетах. Подумалось, а почему бы ни взять ее на содержание? Каждый порядочный бизнесмен имеет любовницу.

Вечером Ермоленко встретился с Вадимом Григорьевичем в ресторане “Париж”. Здесь можно было не только отведать французскую кухню и оставить несколько зарплат врача или учителя за бокал вина, но и полюбоваться точной миникопией Эйфелевой башни, а также уединиться в отдельный номер для приватной беседы. Так и сделали Ермоленко и Яковлев, чтобы подальше от посторонних глаз провести пристрелочную беседу. Долго они ходили вокруг да около, подороже продавая информацию и нащупывая возможность союзнических отношений. Но к десерту, когда после бутылки арманьяка 1914 года они перешли на божоле, разговор стал конкретнее и даже, если это возможно между двумя такими людьми, теплее.

— За что вам хотел заплатить Бекхан? — спросил Ермоленко.

— За то, чтобы я его устроил к нам на работу.

— И?

— Он начал с прогула.

— Я уверен, что он искал у вас нечто весьма важное.

— А то, для меня это уже не секрет. Но для всех остальных — государственная тайна.

— Хм, сколько стоит?

— Ну, знаете ли, может, у вас жучок под столом.

— Да это вы, милейший Вадим Григорьевич, водите за собой на стрелку офицеров ФСБ. А я бизнесмен, я готов вкладывать деньги. К примеру, в наш союз. За мной, знаете ли, тоже люди стоят.

— Догадываюсь, — показал на пальцах братковскую козу Яковлев.

— А что? Это настоящие хозяева страны, а не продажные чиновники. Эти, если обещают, делают. Они пустых звуков не издают. И я тоже. Вот, — Ермоленко достал из-под стола кейс, — здесь, Вадим Григорьевич, ваши деньги, сто штук, и не на бумаге, а наличкой. Я отдам их вам, как вклад в наш долговременный союз. Но!.. Никаких лиц кавказской национальности! Никаких подстав. Работаем честно на общую выгоду. Думаю, ваша военная тайна, стоит такого предложения.

Яковлев не удержался и щелкнул замками чемоданчика:

— Меня, знаете ли, со вчерашнего дня пытаются обмануть. — И умолк, пораженный красиво упакованными пачками. Такое ему доводилось видеть только в кино.

— Хотите, чтоб не возиться с крупными суммами, я оформлю на вас хорошую тачку из своего салона? Вам бы очень пошел “линкольн-навигатор”.

Такой солидный черный вседорожник. Сказка! — владелец автосалона выдержал многозначительную паузу. — Так что от вас было надо Бекхану?

— Машину времени, — испытующе посмотрел на собеседника Яковлев и пригубил вино.

— Шутите? — даже ухом не повел Ермоленко.

— В том то и дело, что нет, — ответил, выдержав паузу Вадим Григорьевич. — Так сказать, опытная модель. Паровоз братьев Черепановых представляете?

— Не очень.

— Ну тогда, скажем, первый автомобиль. Паровой был. Ползал кое-как, но все же ползал. Ну а теперь представьте себе то же самое относительно времени.

— Черт! Неужели такое возможно? Не, — точно испугался, усомнился Ермоленко, — лабуда, наверное...

— Проблема в том, что изобретение уже на контроле правительства.

— А при чем здесь Росвооружение? Что, на машине времени воевать можно?

Яковлев едко ухмыльнулся:

— Не умеете вы мыслить масштабно. Даже если не удастся создать в ближайшее время мощный агрегат, то и маломощная машина представляет собой ужас для противника. Вы ж были в горячей точке?

— Ну? — этого Ермоленко вспоминать не любил.

— Во-от! Сидите вы на каком-нибудь блокпосту, а на вас совершают нападение. Вы сообщаете в штаб. И тут вылетает с базы вертолет, на котором стоит этот агрегатик. Догадываетесь дальше?

— Нет.

— Прилетает он сразу на полчаса раньше, чем произошла заварушка, и от нападающих еще до боя остаются рожки да ножки. Вот вам и настоящий превентивный удар.

— Ё-моё! Так такую штуку и на ракету приспособить можно. С ядерной боеголовкой. Ё-моё, — уже не скрывал восторга Ермоленко, — это ж какие бабки! Ну теперь понятно, чего этот чечен так тут вертится. Вадим Григорьевич, это надо быстро и по-тихому поджимать под себя. Любыми путями. Вы можете на меня рассчитывать по полной!

— Я вообще удивляюсь, Александр Максимович, что наш город еще не заполонили агенты ЦРУ. Эх, если бы вы знали, какой тюхля додумался до этого изобретения!

— Лох?

— Полный лох! Из этих, знаете, сознательных, с повернутым патристическим сознанием.

— Меня еще в армии от них тошнило... — зло выдавил Ермоленко, но тут же переменялся: — А не подскажите, Вадим Григорьевич, что в вашем ведомстве делает девушка по имени Варя Истомина?

— Не припомню, — наморщил лысину Яковлев.

— Ну, такая черноволосая, стройная, глаза горят!

— Одна такая моет каждый вечер мой кабинет. Точно! Ее Варя зовут!

— Моет кабинет? — то ли спросил, то ли получил огромное удовлетворение от ответа Ермоленко. Идея о содержанке-любовнице вновь посетила его коммерческие мозги.

— А деньги вы, Александр Максимович, — улыбнулся Яковлев, — верните лучше обратно в Промстройбанк, мне так спокойнее. С таким чемоданом по городу ходить, роту охраны надо.

Образ Вари в сознании Ермоленко снова заслонила полевой командир. Злоба и стыд за свое малодушие были сильнее всех других чувств. Теперь, думая о Бекхане, Ермоленко позволил себе едкую парфразу: "Свинопас, говоришь? Вот мы тебя и выпасем, свинья".

Они вошли во двор в строго рассчитанное время. Показания Амалии Гвидоновны были точны. У подъезда Мариловны топтался худощавый парень, одетый не по сезону. Кожаная куртка под июньский тополиный пух никак не подходила. Зато хорошо сочеталась с армейскими ботинками. Он нервно переминался с ноги на ногу и озирался по сторонам.

— Он, — уверенно сказал Кошкин.

— Пойдем, поглядим, что за фрукт.

Чем ближе они подходили к незнакомцу, тем больше менялся в лице Дорохов.

— Ни фиги себе война! — оценил он ситуацию. — Знал, что земля маленькая, но чтобы настолько!..

Сергей Павлович вопросительно посмотрел на друга.

— Это Усман Джабраилов. Мне его Бекхан оставил в качестве гарантии, — вполголоса пояснил Дорохов. — Навсегда оставил. Не нужен он ему был. Кому наркоманы в армии нужны? Мы потом его отфильтровали по полной. Наверное, под амнистию попал. Как его сюда-то занесло?

В это время парень повернулся и тревожно замер, впившись взглядом в глаза Дорохова.

— Ну, здравствуй, Усман, — прищурился Василий Данилович, — что, совсем худо жить стало, старушками промышлять начал?

— Ай!? — Усман аж подпрыгнул. — Ты откуда, майор? — и попятился. — Ты... Как ты узнал?! — в руках его появился обрезок арматуры.

— А вот железом махать не надо, — вкрадчиво попросил Дорохов, — а то я тебя вместе с твоей палкой переплавлю, сукин ты сын.

Усман продолжал пятиться, а Дорохов наступать. В какой-то момент изъеденные героином нервы Усмана лопнули, он кинул в Дорохова арматуру и, резко повернувшись, побежал. Дорохов кинулся следом, а Кошкин в растерянности остался стоять у подъезда.

— В одном Амалия Гвидоновна была не права: этот точно Достоевского не читал, и мук совести у него не будет, — вслух подумал Сергей Павлович и приветливо глянул на окна доктора медицинских наук. Седая носатая головка приветственно покивала ему: мол, молодцы ребята, подозрительного типа прогнали.

Спустя пять минут вернулся запыхавшийся Дорохов.

— Никогда бы не поверил, что наркоманы так бегают. Запрыгнул гад в маршрутку, а я не успел. Тачку ловить бесполезно. Может, в милицию ориентировку дать? Он ведь другую жертву найдет.

— Это ты себе в прошлом посоветуй, — охладил его пыл Кошкин. — Ничего, Вася, у него теперь все не так пойдет. А мы, считай, провели самое безболезненное хирургическое вмешательство. Пошли, пока Мариловна не появилась, а то будем чай до второго пришествия пить. Нам теперь нашу бабульку вернуть самое время, если она там с ума не сошла.

— У-ё, — поежился Дорохов, — ты ж боялся в будущее.

— Да уж, — признался Сергей Павлович, — но мы, как говорится, на минуточку и недалеко, будем посекундно проверять. Типа как по секторам.

— Прочесывать, — подсказал майор запаса.

— Ого! — воскликнул адвокат Михаил Маркович Бирман, рассматривая содержимое большого конверта, который получил позавчера из рук нового и странного клиента.

По предписанию того самого клиента в условленное время, когда в кабинете адвоката не раздавался контрольный звонок, и был вскрыт этот конверт, в котором оказались фотографии, аудиокассеты, расписки, видеокассета и две тысячи долларов гонорара, что причитался Михаилу Марковичу за предстоящие заботы о содержимом пакета.

На снимках сержанты и прапорщики российской армии находились в кругу боевиков. По всему было видно, что они не в плену, а заключают сделки. На кону стояло обмундирование, патроны, автоматы, гранаты и даже гранатометы. К фотографиям прилагались расписки. Красным маркером было выделено на фотографиях только одно лицо, а на расписках — звание и фамилия: “мл. с-нт. Ермоленко”. Видимо, круто держали этого парня боевики за одно место, раз он оставлял им такие компрометирующие бумаги. По-привычке Михаил Маркович заглянул в городской справочник “Деловые люди” и не ошибся. “Ермоленко А. М., директор автосалона “Хайстар”, владелец автозаправочных станций, соучредитель...” И т. д. И т. п. Особо отметил себя адвокат, что сей удачливый молодой бизнесмен является залем известного рыбного магната. Данное обстоятельство несколько настораживало и сулило непредсказуемые последствия, но, в сущности, никто не мешал Михаилу Марковичу честно отработать полученные деньги, выполнив поручение, и остаться в тени. Другой вопрос, сколько можно было получить с противоположной, не менее заинтересованной стороны, используя при этом подставных лиц.

— Надеюсь, тут засняты не пытки пленных российских солдат, — брезгливо поморщился адвокат, вставляя кассету в видеомагнитофон.

На экране телевизора адвокат увидел мусульманское кладбище и своего клиента рядом с одной из могил. Клиент с ухмылкой объяснял, что это его могила, потом перешел к следующему надгробию и заявил, что это тоже его последнее пристанище, а в конце попросил найти его третью могилу. Такие мистические загадки Михаилу Марковичу были не по душе. Он был лучшим и самым высокооплачиваемым в городе адвокатом, а не охотником за приведениями. Далее на видеокассете следовала хроника жизни боевиков, сцены обмена пленных и убитых, мелькало там означенное красным маркером лицо младшего сержанта. На аудиокассете был записан разговор клиента с тем самым лицом, но уже в роли бизнесмена. Следовало разбавить странную задачу клиента рюмкой коньяка, и Михаил Маркович не преминул это сделать. А после второй он решил не искушать судьбу попыткой из одного гонорара сделать два и взялся за телефон. Набрав номер, адвокат тяжело вздохнул и, стараясь выжать из себя тон огорченного человека, коротко сказал собеседнику.

— Андрей Викторович, у меня для тебя интересные материалы. Приезжай. Нет, журналистам я не звонил. Да, и сделай так, чтоб мое имя в связи с этим нигде не всплывало. Ссылайся на каких хочешь информаторов. Жду.

Положив трубку на рычаги, Михаил Маркович откинулся в большом кресле, покусывая губы и щурясь на содержимое пакета. Так легко еще никогда не удавалось заработать две тысячи долларов, и это ему, как прагматичному трезвомыслящему юристу, не нравилось.

* * *

Едва ли можно не испытывать тихого ужаса в городе, наполненном давящей со всех сторон тишиной. Где каждый шаг на пустой улице отзывается эхом, как выстрел в горах. Окна любого дома, как глаза слепца, и манекены на витринах, как самые подходящие жители. Ни капли мусора, потому как его не успели еще ни уронить, ни убрать... И небо, которое больше похоже на вывешенную над крышами фотографию облачной пелены, кою забыли мало-помалу двигать для оживления общей картины.

— Слушай, Сергей, для воров твоя машина тоже мечта, сунул на секунду вперед и поседай магазины и банки, — голос Дорохова полетел по трубе пустой улицы.

— Я вот о другом думаю, лишь бы у Мариловны инфаркт не случился. А то прахом пойдут наши старания.

— А почему бы нам сразу не появиться у подъезда или у дверей нужной квартиры?

— Скажи спасибо, что попадаем в пределах трехсот метров. У меня же в руках не снайперская винтовка с оптическим прицелом. Хоть и говорят,

что в науке не принято что-либо делать на глазок, но это только говорят. Куча открытий были сделаны методом тыка.

— А я думал методом тыка только детей делают и напряжение в розетке проверяют.

— Понимаешь, Вася, если верить фантастическим романам, а им стоит верить хотя бы потому, что в них были предсказаны сотни открытий, то будущее, кроме неизменяемого общего направления, имеет вариативный ряд решений. К примеру, вот ты покурил, а мог и не курить именно в этот определенный промежуток времени, и это уже вариант развития будущего, включающий в себя миллионы возможных последствий, начиная от твоего здоровья, кончая общим загрязнением атмосферы.

Лицо Дорохова обиженно вытянулось.

— Ну ты сейчас меня заводской трубой выведешь, которая дымит и небо застит.

— Да нет, я просто тебе на пальцах объясняю.

— Но тогда получается, что от Бога мало что зависит?

— Я же тебе сказал: главное — то есть точка прибытия — неизменна, а вот варианты движения к ней могут быть самыми разными. Это уже складывается из участия человеческой воли. А сумма созидательных и разрушительных действий индивидуумов, населяющих нашу планету, это уже сложение картины главного, большого варианта. Проще говоря, Бог наделяет человека свободной волей, об этом ты, надеюсь, слышал, именно в этом проявляется божественная природа человека. А вот качество использования этой индивидуальной воли — есть собирательная сила, формирующая будущее. Но, по сути, конечной точки нет, она замкнута на какую-то первичную точку. Получается кольцо. Не спираль, как думают многие. А кольцо. Оно, как башня, может строиться только вверх. Это наше сознание может двигаться, взбираясь по стене этой башни по спирали, как по винтообразной лестнице, а стена, собственно, и есть история. То есть, здесь нужно мыслить не отрезками, прямыми, или даже лентами Мебиуса, а объемно, хотелось бы сказать — трехмерно, но, получается, наш умишко просто не способен к более многомерным решениям и картинам.

— Понятно — что ничего не понятно. А кольцо, то бишь башня, бесконечно в обе стороны?

— Смею предположить, что башня в огромных пространствах вселенной тоже замыкается кольцом. То есть нам не заметно, как она наклоняется по типу пизанской, потому как на миллионы световых лет зрение наше не простирается. Ну, и так до той самой бесконечности. С ростом времени растет вселенная. Между прочим, это и ты понял после своего первого похода в прошлое, философствовал тогда о времени, как о фигуре, которая недоступна человеческому воображению. Ну что, угловато, но, по-моему, доступно объяснил.

— Доступно. Если твои башни во все стороны начать укладывать, окосеть можно. — Дорохов поиграл бровями, проверяя, не окосел ли, и безнадежно вздохнул. — Воздух здесь какой-то... Вроде и свежий, но привкус у него странный. Скорее, безвкусный.

— Откуда тут взяться вкусу? — обвел рукой гулкую пустоту Кошкин. — Соседи капусту не тушат. Рыбу не вялят. Нет тут соседей.

— Ты только Мариловне про ее убийство не рассказывай.

— Да уж сам знаю, лишь бы у нас еще кто при памяти не оказался, а то и в отделе кадров могут с легкой руки порадовать. Любит у нас народ бразильские фильмы и отечественные некрологи. Честно говоря, не представляю — какие могут быть последствия у такой вилки времени? Слепой котенок лучше ориентируется в пространстве...

Они вошли в подъезд и замолчали. Шаги в мертвом доме звучали будто аккорды абстрактной пьесы. И кульминацией ее стала дверь Мариловны, что распахнулась навстречу, когда они были на последнем пролете.

— Господи! Да наконец-то! Уже и не чаяла живую душу увидеть! Сереженька, Вася! Это ж какая атомная война приключилась? — и прямо на пороге старушка зашла навзрыд, повиснув на крепких руках подоспевшего во время Дорохова.

Кошкину оставалось только гладить ее по руке и причитать, что все нормально, все позади, домой поедем...

— Сходила за пенсией, — пробурчал Дорохов.

— Так ведь вспомнила! — причитала Мариловна. — Вспомнила! Деньги взяла и сразу в магазин. Купила чего надо и — домой. Там же сериал любимый начался. Телевизор включаю — пусто! А потом уж, на второй, кажись, день дошло, что на всей улице пусто. Беда-то какая! думала, с ума, старая, съехала. Уж не чаяла никого увидеть. А потом, мнила, умерла я, и это ад для меня такой специально придуман. На улицу боялась выходить. Чего же это такое?..

— Ничего, Мариловна, ничего, милая, теперь — все позади. Заблудилась ты у нас чуток. Ты ж сама с собой не разговаривала?

— Заговоришь тут!

— Ну ладненько, сейчас домой отправимся... — сказал Кошкин и поймал себя на мысли о том, что, в сущности, Мариловна и так дома. Ему стало неудобно, даже тряхнуло все тело: а вдруг они все втроем застрянут тут?

— Ага, Сереженька, ага, подожди малехо, я только пенсию возьму, зря что ли мучалась?

— Нет, Мариловна! Ни в коем разе! Отсюда мы ничего брать не будем. В нашем времени она тебя на том же месте ждать будет, и даже потраченное в магазине на месте останется.

— Да шут с ней, с пенсией, — успокоилась вдруг Мариловна, — но чтоб я еще хоть раз на твоей машине путешествовать намылилась!.. От такой тишины и похоронный марш любимой песней станет. Мы точно домой попадем?

— Точно, — Сергей Павлович отбросил всякие сомнения, иначе становилось жутко и страшно, хуже, чем в детстве заглянуть в приоткрытую дверь морга.

— Ну тогда я тебе покажу чего: может, для науки твоей это важно будет, — и она поманила Кошкина пальцем в глубь квартиры.

Тот послушно, но осторожно направился следом.

Мариловна сначала подвела его к радиоприемнику, который висел на кухонной стене. Включила его на полную мощность и приложила палец к губам, словно сейчас будут передавать сводки Совинформбюро. Спустя минуту Сергей Павлович стал различать легкое потрескивание эфира, а уже потом, ему показалось, будто он слышит отдаленные голоса. Правда, возникало чувство, что голоса эти живут не в динамике, а где-то рядом с ним, а репродуктор выполняет роль лампочки, на которую летят ночные бабочки и мотыльки. Как ни силился он разобрать этот тихий говор, но получалось только додумывать, угадывать значение слов. Голоса же были и мужскими, и женскими, и детскими, и никак не походили на размеренную речь дикторов и запальчивые уловки уличных репортеров. Мариловна спросила взглядом: слышишь? Кошкин кивнул: слышу.

— Чего это? — спросила старушка.

— Ума не приложу, — признался Кошкин, — возможно радиоприемник в этом случае является слабым ретранслятором каких-то неизвестных физике волн. Не знаю, Мариловна, но это действительно странно, удивительно и жутко.

— Во-во, и я о том. Может, это вообще не из нашего мира?

— Кто знает? — пожал плечами Сергей Павлович и выкрутил до минимума регулятор громкости.

— А пойдем еще? — поманила рукой в комнату Мариловна.

Там она подвела его к стене, где висели в картонных и деревянных рамках старые черно-белые фотографии. Кошкин сразу отметил, что их стало больше. Историю каждой из них он знал весьма подробно. Когда Мариловна удавалось заманить Сергея Павловича на домашние блинчики да поболтать, она обязательно приносила за стол одну из фотографий, оживляя изображение подробнейшим рассказом. Вот, к примеру, с подписью "Крым 1949". Мать получила за самоотверженный труд на ферме путевку и повезла семью к морю. Маше тогда было уже почти восемнадцать лет. Старший

брат служил на Дальнем Востоке, средний — в Германии, куда не дошел, не доехал... И тут Кошкин осекся, вспоминая рассказ Мариловны. На снимке рядом с мамой Маши Рассохиной стоял молодцеватый мужчина с орденской колодкой на груди. Лихо закрученные усы, а ля Буденный, наигранно суровый взгляд. Значит, в этом мире он все-таки дошел!

— Отец, — с дрожью в голосе подтвердила догадку Мариловна.

Был он и на других фотографиях вплоть до семидесятых годов. То с женой, то с Машенькой, то в обществе сыновей, то все вместе... До тех самых пор, пока старший Павел не спился, не шагнул в пьяном бреду под поезд, оставив жену и двух дочерей на попечение престарелой матери и младшей сестры. Сердце матери не выдержало...

— Это, Мариловна, вариант времени, когда твой отец остался жив.

— А нельзя мне, Сережа, пожить в этом времени? — подбородок старушки дрожал.

— Можно, милая, но ты здесь будешь одна. Все будут там, где прошла колея истории человечества, — опустил голову Кошкин.

Дорохов шепнул какое-то ругательство, а вслух сказал:

— Хороша колея, когда на обочину миллионы выбрасывает. Да по такому дерьму кто ж колеи прокладывает?

— Мы. Какую проложили, такая и есть, — упрекнул человечество Сергей Павлович.

Он подошел к Мариловне и обнял ее за плечи:

— Прости меня, лучше бы я ракеты делал. Больше пользы.

— Ты так не говори, — погладила его по щеке Мариловна, — не говори так. Нешто ты виноват, что Гитлер родился. Ты же не отец ему! А машина твоя... Я вот помню, малая еще совсем была, когда первый трактор в колхоз пришел. Смотрели на него, как на зверя заморского, рычал он. На фига, думали, нам такая каракатица? Так и гадали, пока он первую межу не провел.

— В том-то и дело, что я не знаю, где поле для моей машины. Вслепую я немало еще человеческих судеб перепашаю. — Кошкин нервно покусывал губы, поглядывая на фотографии.

— Опять же, думаю, — утерла слезы Мариловна, — не всяким трактором не всякому полю поможешь, — и завернула тут длинную байку, что всем пришлось присесть на скрипучие стулья, ибо остановить воспоминания Мариловны было невозможно, а в этой ситуации еще и не деликатно.

Приземлились мужики крепко и вынуждены были сначала с напускным, а потом и с живым интересом прослушать историю о том, как во время войны в деревне, где жила Маша Рассохина (Мариловна в юности), девушка по имени Татьяна проводила на войну любимого парня — Андрея. Свадьбу сыграть не успели. Было это в начале сорок второго. И попал он во вторую ударную армию предателя — а тогда бравого, но интеллигентного по виду генерала Власова. И канул парень где-то в Мясном бору, во время неуспешного наступления. И ни похоронки на него, ни другого какого свидетельства. Татьяна ждала его, потому что любила. О такой любви, как у них была, книги пишут. Уж и сорок пятый прошел, и сорок шестой, а она все ждала. Тем, кто с фронта вернулся — раздолье! Девок и вдов вокруг, хоть промискуитет объявляй! Промискуитет — это Мариловна от учителя истории запомнила. Безрукий он был, и парни в классе все потешались вопросом: как он в туалет ходит по малой нужде, кто ему хозяйство в нужном положении держит? Кружку со спиртом он, к примеру, сам зубами брал и в себя, как божью росу, опрокидывал. Зато рассказывал всегда без всяких бумажек и учебников, а слушали его, разинув рты. Эх! Много мужиков война покалечила, кому не тело — так душу! Быстро эту войну забывать стали.

У Дорохова заходили желваки, про войну он тоже мог кое-что рассказать. Но Мариловна рассказывала про любовь.

И хоть выбор у парней был, и медали на груди звенели, многие из них сватались к Татьяне, но всегда получали отказ. А она писала письма во всякие военные инстанции, надеялась разыскать след своего Андрюши, а когда отпуска снова разрешили, насобираала денег, взяла платья красивые и поеха-

ла туда, где полегла вторая ударная армия. Пусть с весны сорок второго по весну сорок восьмого много воды утекло, но Таня привезла оттуда горсть седых волос. На каждого непохороненного солдата — по одному. Но это она уже потом, много позже, рассказывала. А тогда ей товарищи из соответствующих органов посоветовали уезжать оттуда и никому не рассказывать о том, что видела. Потому можно считать, что Татьяна была одним из первых красных следопытов. Она после возвращения полгода письма писала по адресам, которые в солдатских нагрудных гильзах нашла. А про своего Андриюшу так ничего и не узнала. Замуж она вышла только в 1954-ом, когда ей уже тридцать лет было. Аккурат в это время Хрущев с Маленковым тягались.

Замуж вышла за хирурга из районной больницы и переехала в город. Не по любви шла, а от одиночества. Хирург же — Владимир Иванович — славился своими добрыми золотыми руками и тем, что спас на войне не одну сотню солдатских жизней, а жену у него случайной пулей убило. Шибко он по ней тосковал. Наверное, запил бы, да работы всегда у него было много, со всего района к нему больных везли, даже Мариловне случилось у него чирьи удалять, вот и позволял себе сто грамм после операции. Пусть каждый день — но только сто грамм. Железно.

И ничего бы Мариловна про эту историю не узнала, если б не повстречала совсем недавно в областном центре эту самую Татьяну. Ей уже под семьдесят. Рассказала она Машеньке свои печальные старые новости. В 1975 году поехали они с мужем в Прагу по туристической путевке от совета ветеранов. Да там, в самой что ни на есть Праге, в одном из многочисленных кафе, встретила она своего Андрея. И — никакой лирики! Андрей весной сорок второго отдал со своего плеча гимнастерку и шинель генералу Власову, которому в окружении захотелось выглядеть рядовым. Но когда в плен он сдался, узнал в лагере Андрея и чуть не силой затащил его в русскую освободительную армию, которую тот для службы у Гитлера создавал. Вот до чего добро Андриюшу довело. А в сорок пятом, хоть и стала помогать эта армия восставшим пражанам, но наши их не помиловали. Кого в петлю, как Власова (иуде иудина смерть), кого к стенке, а кому большие сроки в лагерях. Андриюшу спрятала одна сердобольная чешка. А потом выдала за своего мужа, который у нее погиб. Правда, пока не выучил язык, прикидывался немцем от контузии.

И что? И Татьяне и Андрею по пятьдесят лет. Ему никакого пути на Родину нет. Чем быть предателем Андреем, лучше быть краснодеревщиком Чеславом. У Татьяны трое детей, у Андрея-Чеслава двое.

— И ничем бы твоя машина времени им не помогла, Сережа, — оборвала вдруг Марья Гавриловна.

— Да, пожалуй, — согласился Кошкин. — Даже если б свадьбу успели сыграть. Вторую ударную армию моей “тачанкой” не уберечь, Сталину или генеральному штабу правильное решение не напечатать, да и дырку в “железном занавесе” не пробить. Таким трактором колею, которую миллионы натаптывали, не повернуть, — поджал-прикусил губу и достал из кармана пульт. — Давайте, ребята, домой.

— А я, Палыч, думал в магазин сходить, — хитро прищурился Дорохов, хотел, наверное, разрядить обстановку, — сегодня, по-моему, распродажа по самым сниженным ценам. А для пенсионеров стопроцентная скидка, — подмигнул Мариловне.

* * *

После рассказа Грума Владимир Юрьевич бросил все дела и стал называть Кошкину. Долгое время тот не отвечал ни дома, ни на работе. Русский чуть было не позвонил самому Марченко, но правильно рассудил, что Марченко пошлет его дальше, чем партия комсомольцев. Наконец, в трубке зазвучал усталый голос Сергея Павловича.

— Сергей Павлович, давайте я вам мобильный куплю, чтоб вы не исчезали, а то я беспокоится начал? Поверьте, искренне вам это говорю.

— Спасибо, Владимир Юрьевич, но там, где я был, мобильник не пригодится.

— Вы все экспериментируете?

— Да нет, исправляю свои и чужие ошибки.

— А по моим данным вашей жизни недавно угрожала опасность.

— Спасибо опять же, но ваша, Владимир Юрьевич, опека чересчур уж безгранична. Опасности меня на каждом шагу подстерегают, вдруг поскользнусь, треснусь головой об пол, и если не сдохну, то забуду, что за прибор у меня на столе стоит и как им пользоваться. Так что не следует преувеличивать угрозы и оберегать мою персону, как премьер-министра какого. Обещание я свое выполню из уважения к вам и вашей деликатности. Другой на вашем месте давно бы уже меня горячим утюгом по животу гладил.

— Ну... скажете...

— А знаете что? Приезжайте прямо сейчас, еще не вечер. Я хоть и устал чуток, но готов застрелить сегодня и трех и четырех зайцев. Надо играть, пока везет. А мне сегодня, как мне кажется, удача улыбается, как никогда.

— Куда прикажете быть? Или за вами послать машину?

— Нет уж, лучше вы к нам, я оставлю пропуск на КПП.

— Тогда Сергей Павлович, на двоих человек. Второй — Вадим Андреевич Паткевич. Вы уже с ним знакомы.

— Для него оставлю обязательно, а то придется новые ворота за свой счет покупать.

— Через полчаса будем у вас.

Когда Кошкин опустил трубку телефона на рычаги, Дорохов с недовольным видом покачал головой.

— Зря ты, Палыч, с этой братвой дело имеешь, жди подляны.

— Вряд ли. Я им нужен живой, невредимый, при уме и памяти. Ну и, к тому же, Рузский муж моей жены.

— Ты сам-то понял, что сказал?

— Хорошо еще, что не отец моего сына. Я просто привык выполнять свои обещания.

— Тогда не забудь прихватить меня с собой, уж я тебе сегодня везде компанию составлю. А когда все закончится, давай возьмем Толика и все вместе хорошенько посидим где-нибудь под хороший коньяк. Толик, ты как?

— Всегда готов, командир! — отпионерил Китаев, который все это время отмалчивался в стороне.

— А пока нас не будет, ты карабинчик мой в чехол не складывай, вдруг два этих друга обратно без нас вернуться, ты их тогда отправь обратно.

— Думаю, эти предосторожности излишни, — поморщился Кошкин, — Рузский любит Лену и прекрасно понимает, что из-за меня ему придется с ней объясняться.

— Береженого Бог бережет, говорила моя бабушка, — резюмировал Дорохов. — Вздор — он и есть вздор.

До появления Рузского Сергей Павлович еще успел оформить пропуски и договориться с охранниками. Китаев заварил чай в легендарной банке, а Дорохов позвонил Амалии Гвидоновне и справился: как здоровье ее соседки Марии Гавриловны.

Грум и Рузский появились в лаборатории с небольшим опозданием. Паткевичу у дома Владимира Юрьевича показалось, что их кто-то пасет, и он погнал машину, визжа на поворотах покрышками, показал лучшему другу, на что способен новенький “эмджи”. Рузский пообещал, что все-таки отправит его выступать на “Формуле-1”, на что Грум заявил, что со всякими “шунахерами” ему соревноваться западно. А вот есть в городе еще пара “природных” ребят, что на “черных” гонках выступают, так они и на танке любого профессионала, как стоячего, заделают.

Они зашли в лабораторию и только там прекратили бессмысленный спор. Грум кивнул ожидавшей троице, что, видимо, означало: “Привет, ребята, сегодня я не на КраЗе”. Кошкин с интересом посмотрел на дорожную сумку в руках Грума. “Пулемет у него там, что ли?”, — подумал он. Рузский ответил на его вопрос вслух:

— На КПП не хотели пропускать с этим баулом, пришлось показать, что там одни старые бумаги, — он дал знак Паткевичу.

Тот сбросил сумку на пол и расстегнул замок. Открывшееся чрево взбухло аккуратно упакованными, словно вчера из-под станка, пачками советских денежных знаков образца 1961 года. Китаев присвистнул, хотя по своей молодости не мог испытывать ностальгических чувств к валюте развитого социализма.

— Хотите поменять? Не успели в свое время? — предположил Кошкин.

— Что вы, Сергей Павлович, это же банально, — обиделся Рузский, — хотя, возможно, наше с Вадимом желание покажется вам еще более прозаическим: мы хотим в советский кабак. Гульнуть так, чтоб на следующий день в КГБ сводка была. Вадик, ты куда хочешь?

— В “Рассвет”, — коротко ответил Грум, определив местом проведения застолья весьма посредственный ресторан.

— Почему?

— Потому что его больше нет.

Рузский понимающе покачал головой.

— Не возражаете? — спросил он у Кошкина.

— Желание клиента — закон, — пожал плечами Сергей Павлович, — но есть встречная просьба. Вы не могли бы спонсировать присутствие за столом еще одного человека? — кивнул на Дорохова, который старательно делал вид, что все происходящее ему “сиреневенько”, и только исподлобья постреливал на Грума.

— Да нет проблем! Что не сможем пропить, оставим вышибале на чаевые, — улыбнулся Рузский.

Прошло несколько минут, и все четверо сидели за столиком в отдаленном, слева от эстрады, углу ресторана “Рассвет”. Этому предшествовал торжественный вход сквозь табличку “закрыто на обслуживание”, смазанный немятым красным червонцем. “С образом Ленина нам все пути открыты”, — пошутил по этому поводу Рузский. Потом долго ждали официанта. Ненавязчивый советский сервис являлся бесплатным приложением к увеселительной прогулке. Наконец подчеркнуто нерасторопно прибыл официант, холодно осведомился, “что желают товарищи”, но Владимир Юрьевич растопил его служебный лед полтинником, изъятым из пачки на его глазах, и шепнул, указав взглядом на Сергея Павловича, что за столиком присутствует “ответственный товарищ” из Москвы, проверяющий инкогнито сферу обслуживания, а уж гулять он будет по полной.

— Меню не надо, — застолбил Рузский, — несите все лучшее, и чтоб ваши знаменитые цыплята табака были не синие, как от реального никотина.

Официант понимающе кивнул и помчался выполнять заказ на первой космической скорости. Развить вторую ему не позволяли застойные явления в экономике СССР. Да и зачем она нужна, если необходимо крутиться вокруг одного столика?

Пить пришлось “Старку”, “Арагат”, “Кинзмараули”, “Вазисубани”, клюквенный напиток, “Боржом” и “Тюменскую минеральную № 1”. При этом Дорохов, поднеся к губам первую рюмку, вдруг остановился:

— Ну, скажем, за это я не боюсь. Это не скиснет, — повел он носом над поверхностным натяжением жидкости, подняв волну. — А закусывать? Пальч, как ты думаешь, от пищи, срок годности которой почти двадцать лет, пучить не будет?

— Думаю, нет. Мы ведь, как это говорят, трапезничаем в режиме реального времени. А уж с точки зрения всякой там геной инженерии и чистоты продуктов, то здесь можно быть более спокойным. Глянь, каких цыплят принесли. Райские птички, а не цыплята. А зелень? Явно не тепличная. Это, Вася, настоящие ароматы, а не реликтовое излучение.

— М-да, это, Сергей Павлович, точно, здесь и Грум в гурмана превратится, — подмигнул компании Рузский.

— Ну, тогда за режим реального времени, — поднял рюмку, как знамя, Василий Данилович.

— За оперативно-тактическое оружие нового поколения, — многозначительно добавил Владимир Юрьевич. — За нашего гения, за Сергея Павловича, который подарил нам этот вечер.

Никто не возражал, хотя Кошкин подумал было возразить, что без советских денежных знаков в таком количестве, вечер мог ограничиться безобидной прогулкой по аллее трудовой славы. На эстраде как раз в это время появились опохмелившиеся в своей подсобке музыканты, и длинноволосый усатый гитарист озвучил в микрофон первый заказ, что лег сиреновой четвертной на барабан ударника:

— А теперь для уважаемого Дмитрия Михайловича звучит эта песня... — и после знакомой до боли во всех местах увертюры хрипловато запел, — земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе видна...

— Черт! Прослезиться можно! — воскликнул Владимир Юрьевич.

— Кураж, — согласился Грум.

— И верю и не верю! — Рузский быстро переключился на Кошкина. — Сергей Павлович, вы волшебник! Удивляюсь, почему вы делаете из вашего изобретения тайну.

— Плохо у меня получается с тайнами, — буркнул Кошкин.

— Вы не представляете себе, от каких перспектив вы отказываетесь! Уж если за полет в космос миллионы долларов выкладывают, то за полет в прошлое, а, тем паче, будущее, народ будет раскошелиться со страшной силой! Состояние Билла Гейтса очень быстро станет пожертвованием на хоспис для почитателей “Майкрософт”!

Дорохов согласно крикнул, они с Грумом после “Старки” перешли на коньяк, в то время как Кошкин и Рузский осторожничали с вином.

— Нет, мне определено никто не поверит, что я бухал в советском ресторане, — расстраивался Владимир Юрьевич.

— В натуре, — согласился Паткевич.

— Вадик, какую песню закажем?

— Мне у “Лесоповала” нравится, сам знаешь...

— Извини, Вадик, этого вокально-инструментального ансамбля еще нет, а если и есть, то в подполье. Вспоминай, друг мой, советскую эстраду. Песню за мир хочешь? Или “Яростный стройотряд”?

Грум никак не среагировал на пассаж Рузского. В это время музыканты уже горланили нелепую песню Леонтьева про светофор. “Все бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, бегут, а он им светит!”

— Бегут, бегут... У нас на зоне — это очень популярная песня была, а теперь поют “нас не догонят”, петушинные какие-то песни, — заметил Грум. — Что-нибудь душевное хочется, русское, про ямщика... Чтоб размах был. А то поют для гаишников и педерастов, для нормальных людей музыки не стало.

Рузский поманил пальчиком официанта и поштал ему на ухо. Тот попытался, было, возмущенно удивиться, но пачка купюр вернула на его лицо угодливую улыбку. Пританцовывая от предстоящей авантюры и ожидаемого эффекта, он подошел к эстраде, где с ходу взял на abordаж кассира-барабанщика, выложив главный аргумент — пачку купюр — на дребезжащий под палочками пластик. Песню про светофор, не обращая внимания на недовольный гул в зале среди танцующих, быстро свернули. Музыканты “извинились” за ложные неполадки с аппаратурой и тут же провели короткое производственное совещание. Решение озвучил сияющий, как новый полтинник из той самой пачки на барабане, вокалист.

— Дорогие друзья, уважаемые гости, сегодня у нас в зале находится очень уважаемый и авторитетный в системе правоохранительный орган человек — Вадим Андреевич Паткевич. Весь вечер для него будут звучать русские народные песни. Просим всех гостей отнестись с пониманием, тем более что некоторые песни мы будем исполнять в эстрадной обработке, и вы сможете танцевать до упаду. Бережное отношение к народной культуре и традициям поддерживается дирекцией нашего ресторана. А сейчас — песня о ямщике!..

Зал озадаченно промолчал.

— Прикальывает другое, я сейчас на строгаче парюсь, а тут песни для уважаемого и авторитетного человека, — оценил подарок друга Вадим. — Слушай, Вова, может мы еще и посылочку мне на зону отправим?

— Почему нет? — блаженно улыбнулся Владимир Юрьевич.

— Ну, за душевную русскую песню, — без доли иронии поднял бокал Дорохов.

Музыканты отработывали свой гонорар достойно. Сначала спели “Ямщика”, потом обработали, как и обещали, “Калинку”, при этом к эстраде ринулось немало желающих пуститься в пляс, потом спели “Ой, мороз, мороз”, “Лучинушку”, “Ой, то не вечер”... Постепенно атмосфера в зале изменилась, менялись лица музыкантов, менялись лица посетителей. То плыла над столами безбрежная степная тоска, то завывал северный ветер, то летела задорная казачья вольница... И снился всем не рокот космодрома. Вокалист уже и не голосом, а душой выводил коленца, потому что иначе петь было нельзя. Кое-где в зале подпевали.

— Эх, сейчас бы пролетку нанять, да на крутой берег реки! — восхищенно озарился Рузский. — А что, Сергей Павлович, слабо в девятнадцатый век?! Мы по золотой цепочке с Вадимом ставим, в любом кабаке нальют! Мохнатый шмель... — запел Рузский, подражая артисту и режиссеру Михалкову.

— Боязно, Владимир Юрьевич, не вытянет так далеко моя машина. Все равно, что на “запорожце” вокруг света махнуть.

— Жаль! Хотя, полагаю, инженерная мысль на этом не останавливается! Мое предложение о собственной лаборатории остается в силе.

— Спасибо, но последние опыты имели печальные и опасные последствия. Ладно, если б к прибору тянулись желающие гульнуть в кабаках или полюбоваться историческими достопримечательностями, подышать духом времени. Вы же прекрасно знаете, чем это может кончиться. Где гарантия, что завтра ко мне не придет ваш конкурент, который задумал убрать вас вчера? Он и предлог сочинит благовидный, любимую бабушку повидать или найти потерянный аттестат о среднем образовании.

— Справку об освобождении, — вставил Грум.

— М-да, — пожегился Рузский, воображение которого развило мысль Сергея Павловича.

Между тем музыка неожиданно оборвалась, все неволью повернулись к эстраде. Там, прямо на сцене, орудовал возбужденный человек, гортанно выкрикивая ругательства в адрес музыкантов. Те же беспомощно разводили руками, кивая в сторону путешественников во времени и “ответственного товарища из Москвы”. Человек лихо спрыгнул с эстрады, бросив на пол вырванный из рук вокалиста микрофон, и направился к столику Рузского. Веселая четверка окаменела. С перекошенным от негодования лицом к ним шел молодой, но легко узнаваемый Бекхан.

Грум потянулся к пистолету, но Кошкин, уловив движение его руки, строго предупредил:

— Ни в коем случае! Иначе все вместе будем строить коммунизм до скончания века!

* * *

Вечер нахмурился грозowymi тучами. Темнело не по-летнему. И даже сорвавшийся с опустившегося горизонта ветер казался фиолетовым. По-хозяйски хлопая дверьми, рамами и форточками, он поднял марево песка и пыли, вмиг прочитал брошенные на улицах газеты и журналы, путая шелестящим размахом свободной прессы не успевших спрятаться птиц. Небо провисло синим животом прошлогоднего утопленника и было наотмашь открыто первым скальпелем молнии. Прорва воды обрушилась на крыши и землю, напоминая о потопе, прибила к земле даже ветер, и сотнями ручьев устремилась во все стороны и со всех сторон. Посредством воды небо и земля слились в единую серую массу, сквозь которую, как слепые без трости и пово-

дыря, крались автобусы и автомобили. Зонты редких прохожих за какие-то две-три минуты превращались в лохмотья, висящие на скелете.

Мистический страх охватил Елену Андреевну, когда она торопливо пробежала по комнатам, закрыв окна, и села на диване, отложив в сторону книгу. Буйство стихии, казалось ей, предвещает что-то недоброе, опасное для нее и ее близких, и чувство это росло с каждым раскатом грома, наполняя душу тревожным, бессмысленным, изматывающим ожиданием. В конце концов, она не выдержала и схватила трубку телефона. Напиликала мобильный Володи, но трубка ответила женским голосом, что абонент находится вне зоны досягаемости, “пожалуйста, перезвоните позже”. Набрала номер Виталика, но у того телефон оказался выключен. На занятиях? В последнюю очередь, подталкиваемая овладевшим ею недобрым предчувствием, позвонила Сергею. Домашний ответил длинными, как гудок парохода, прощальными нотами. Невольно она стала прислушиваться к своим страхам, перечисляла в памяти разные названия фобий, но именно в памяти сидела сердцевина ее непонятного ужаса. Там появлялось то, чего раньше никогда не было. Смутная догадка снова толкнула ее к телефону. Пролистала старую записную книжку, кое-как нашла рабочий телефон Кошкина.

Ответил Китаев:

— Слушаю.

— Сергея Павловича можно услышать?

— Нет, перезвоните позже, часа через два-три. Или утром.

— Позвольте, но через два-три часа будет глубокая ночь! Это звонит его жена... Бывшая. Но он мне очень нужен!

— Простите, сейчас Сергей Павлович в любом случае не сможет подойти к телефону.

— Куда я могу ему перезвонить?

— Никуда. Он участвует в важном научном эксперименте.

— Значит, он опять воспользовался этой своей машиной времени?!

Только не пытайтесь меня обманывать, я все знаю, он сам мне говорил. Скажите, мой муж, мой нынешний муж, он сейчас с ним?

— Ннн... да... Но там все в порядке. Вы не переживайте.

— Да вы не понимаете!.. — она отбросила трубку и с этого мгновения страх растаял, уступив место яростному порыву русской женщины, о котором и сказал поэт: “в горящую избу войдет”. Уж кто-кто, а настоящие русские женщины, как самые чувствительные радары, безошибочно чувствуют опасность, угрожающую родным и близким.

Лена небрежно сбросила халат, почти запрыгнула в джинсы, натянула футболку, подержала в руках и посчитала бесполезным зонг, взяла с собой только ключи от машины. Благо, что “Форд-фокус” оставила у подъезда.

В ту минуту, когда хлопнула дверь, будто поставила точку, замерла, пораженная новыми воспоминаниями, которых у нее до сих пор не было. Все в них было на месте: сын, новый муж, новая работа, не было только Сергея Кошкина. Потом вдруг увидела бледного, как сама смерть, Володю. Живого и странно улыбающегося. Воспоминания наслаивались одно на другое, настоящие на вновь рождающиеся, проникали в уголки глаз и щипали до слез.

Прикусила губу до крови, когда ясно увидела играющего с трехлетним Виталиком Сергея. Виталик на спине отца, и они “носятся” по квартире — конная атака. Виталик кричит “быстрее”, коленки Кошкина стучат по полу, на повороте в прихожую сын соскальзывает, но Сергей успевает как-то невообразимо подставить руку, и вот уже оба лежат на полу и смеются. А теперь ей кажется, где-то далеко падает со скалы Кошкин, и некому ему сказать, что он падает. Некому, потому что все его предали и оставили. И только старик Марченко машет трясущейся рукой... Где это? Что это? Игра напуганного воображения? Память ударила пронзительной болью. Так, что ноги подкосились, стали ватными. Ускользало что-то нужное, похожее на одну из сердцевин, на которых строится и обрастает ежеминутной кутерьмой вся жизнь. Исчезала первая любовь, пусть и оборванная, пусть не-

допетая, не вылившаяся в добродушную, чуть ворчливую старость, но такая же необходимая каждому, как первое узнавание мира, как первый поцелуй матери...

Кошкин стирал себя в памяти Лены, а значит — первую любовь. Всё, что с ней связано. И только томик Бунина с закладкой оставался на диване.

* * *

Закончив работу, Варя, не торопясь, направилась к выходу. За порогом бушевала непогода, спешить некуда. Постояла немного на КПП, поболтала с охранниками и, поняв, что на улице ее просто-напросто смоеет, что автобус все равно не придет, направилась обратно в корпус. Ноги сами принесли ее в лабораторию Сергея Павловича, где Китаев пил уже восьмую кружку чая и разгадывал кроссворд в старом журнале “Наука и жизнь”. Варю он сначала не заметил, потому как сидел к двери спиной и вслух сам себе задавал вопросы.

— Оптический квантовый генератор? Пять букв... Блин...

— Лазер, — подсказала Варя, и Китаев чуть не упал с табуретки от неожиданности.

— О! Здравствуйте.

— Добрый вечер, а я думала, тут опять Сергей Павлович ночует.

— Ну, он как бы тут, и как бы его нет.

— Опять, наверное, навещает молодую жену? — предположила Варя.

— Нет, он вместе с ее нынешним мужем проверяет систему советского общественного питания.

— Ух ты! А можно я тут у вас посижу, там на улице дождь, гроза и вообще — внеплановое светопреставление.

— Конечно, у меня еще полкроссворда впереди, чай будете? С сушками...

* * *

Метаться по служебному кабинету, как тигр в клетке — дело театральное. Но если никто этого не видит, то можно еще при этом пинать урну, материться и пить дорогой коньяк, что ждал своего часа в сейфе с секретными документами. Вадим Григорьевич даже в своих просторных пенатах не находил себе места. Пятнадцать лет он уверенно маршировал вверх по карьерной лестнице, чтобы, находясь у самой вершины, оглядеться и понять, что кожаное кресло, в котором до раздражения на коже потеет задница, ничего не значит. После третьей рюмки вспомнилось вдруг ежедневное мамино: “Вадик, не водись с этой шпаной, они тебе всю жизнь испортят”. И Вадик не водился, во дворе появлялся редко, чаще всего, чтобы получить пинка, новое прозвище или быть до конца игры голящим. Шпана потом разошлась по тюрьмам и войсковым частям, а Вадик прилежно, как и все зубрилы, учился в институте, получив благодаря стараниям мамы справку об ограниченной годности к воинской службе. И вот повзрослевшая дворовая шпана добралась до его просторного кабинета, кидает ему дипломатами деньги и втягивает в игру, в которой он снова будет голить. Да еще и нерусская шпана нагло прет.

А Кошкин?! Кулибин, мать его! Каким, интересно, он был в детстве. Поди, из тех, что и вашим и нашим... Нормальные Кошкины-Котины танки изобретали. А этот... Целый час Яковлев смотрел на телефон, раздумывая, кому позвонить, чтобы ситуация вновь оказалась в его надежных руках. Раньше-то понятно: первому секретарю обкома или первому заму по идеологической работе. А теперь? Губернатору по барабану, ФСБ вмешивается только по заказу Марченко, министр обороны тоже предпочитает разговаривать с последним. Насколько они в курсе всех этих экспериментов? Влезешь, как индюк в суп, сварят и съедят, а кости — дворняжкам.

Так и гипнотизировал телефонный аппарат, подбирая цифровую комбинацию к спокойному и обеспеченному будущему, вплоть до солидного памятника на городском кладбище. Но телефон зазвонил сам. Из трубки нагло и уверенно зазвучал уже знакомый Яковлеву голос.

— Вадим Григорьевич! Добрый вечер!

— Кому какой, — буркнул Вадим Григорьевич.

— О! Да вы не в настроении! Но дела не терпят, — Ермоленко настырно напирал, голос его не оставлял шанса на возражения, и сорокасемилетний Яковлев снова вспомнил предупреждающие пассажи мамы.

К сожалению, он не знал, что звонивший ему Ермоленко недалеко ушел от дворовых шестерок.

— Вадим Григорьевич, лучшая защита — это нападение. Уважаемые люди, с которыми, сами понимаете, лучше не спорить, решили, что нам следует уже сегодня взять все в свои руки. Тот, кто может заглянуть в завтра, обязательно кинет нас уже сегодня. У меня к вам огромная просьба, выпишите, пожалуйста, пропуск на мое имя, со мной будут еще три человека, Петр Матвеевич Верхотурцев... — и Ермоленко назвал еще два имени.

— Рабочий день уже закончился, а у меня нет бланков.

— Встретьте нас сами.

Вадим Григорьевич держал трубку, как бокал с ядом. Он окончательно убедился, что только внешне выглядит respectable и независимым человеком. Ему захотелось в длительный отпуск. Подумалось вдруг, что это не поздно будет сделать завтра, особенно, если доллары лежат в том же Промстройбанке.

“Тот, кто может заглянуть в завтра, обязательно кинет нас уже сегодня”, — повторил себе фразу Ермоленко Яковлев.

— Вадим Григорьевич, мы же с вами партнеры, — вежливо затягивал петлю Ермоленко, — мы сделали ставки, и либо все потеряем, либо выйдем на новый уровень. Уверяю вас, люди, которые за мной стоят, их поддержка — это практически пропуск в Государственную Думу. Хотите в депутаты?

— Нет, не хочу, у меня более скромные амбиции.

— Любые, Вадим Григорьевич, любые, — подчеркнул Ермоленко. — Ну так что? Вы нас встретите?

— Приезжайте, — и дав отбой набрал другой номер.

— Код 101, — сказал он и положил трубку.

Там, куда он звонил, знали, кто и откуда набрал номер.

Накрученные за последние дни нервы вытолкнули Вадима Григорьевича из кабинета, он, некрасиво семеня, спустился на второй этаж и ринулся в хозяйство Кошкина. Как и предполагал, в лаборатории горел свет, и он вошел туда, как хозяин, заставший слуг за мелким воровством.

— Что вы тут делаете? Вы абсолютно посторонние люди на секретном научном и военном объекте. Где Кошкин?

Китаев и Варя, застигнутые врасплох, подскочили. Только что с легкой руки Вари они вписали в кроссворд имя Пуанкаре, на очереди был химический элемент иттрий.

— Покиньте помещение!

— Я не могу этого сделать, — твердо ответил Китаев. — Сергей Павлович просил меня ждать его здесь.

Яковлев посмотрел на него с хладнокровным негодованием. Он готов был к этому ответу. И вообще, пока он спускался, к нему вернулись самообладание и решимость. С этого момента он уже разыгрывал свою собственную партию.

— Я вернусь сюда через несколько минут с ребятами из внешней охраны, и, думаю, вам лучше покинуть лабораторию до этого времени. Нарушение внутреннего распорядка налицо. Поэтому лаборатория будет обесточена и опечатана. — Он победно глянул на прибор, генератор которого надсадно гудел на огромном рабочем столе Кошкина. — У нас тут работают с оперативно-тактическим и даже стратегическим оружием, а не кроссворды в обществе девиц разгадывают.

— Ни фиги себе война, — что еще мог сказать Дорохов, наблюдая приближение Бекхана.

— Ви что, фашисты-националисты?! Пачамау все должны слушать эти ваши русские песни?! — Бекхан метал молнии, каждому “выстрелил” в глаза и особенно задержался на Дорохове, который привстал.

— Ты потише с фашистами, тут есть офицеры советской армии, — сухо сказал майор.

За дальним столиком у входа встали готовые в любую минуту ринуться в бой земляки Бекхана. Кошкин за рукав усадил Дорохова, Бекхан кивнул своим, и они сели, высокомерно поглядывая в сторону конфликта.

— Уважаемый, — заговорил Рузский, — мы просто заплатили сегодня за музыку, что в этом такого?

— Я тоже хочу заплатить! У вас что — капитализм? Карочи, или вы скажете музыкантам, чтобы они сыграли маю песню, или пайдемте на улицу разговаривать.

Грум при этих словах едко ухмыльнулся, что не осталось незамеченным. Бекхан скривился:

— Что ты лыбишься? Ты думаешь — ты король?

— Слышь, — в голосе Грума зазвучал смертельный холод, — дергай отсюда. Расплодился по всей России, интернационал хренов.

— Что ты сказал? — лицо Бекхана окаменело серым мрамором, ненависть замаячила оскалом из-под вздернутой губы.

— Послушай, Бекхан, — забылся от волнения Дорохов, — никому сейчас не нужны лишние проблемы. — Тебе сказали — иди — заказывай, скажешь музыкантам: мы не против.

Бекхан просверлил Дорохова взглядом:

— А ты, дядя, откуда маё имя знаешь? Мне тоже кажется, где-то я тебя видел?

“О-ё! — подумал Кошкин. — Не только земля, но и время на ней, соответственно, круглое. Какой же он навязчивый. Задолбали со своей кавказской честью. Понты сплошные. Вот так и начинается бытовой национализм, а потом драка, а потом ненависть на всю жизнь, а потом война...” И, словно подтверждая мысли Сергея Павловича, Бекхан наклонился над их столиком и, брызжа слюной, ядовито прошептал:

— Вы, русские, только водку пить умеете, а ваш Сталин...

— Сталин был грузин, — отрезал Кошкин.

— Тебя я тоже где-то видел. Мы еще пагаварым, — и, прежде чем повернулся, чиркнул себя пальцем по горлу — подписал всем сикир-башка.

Невозмутимый Грум прокомментировал:

— Убитый он мне нравился больше, хотя я видел его всего несколько секунд. Любовь с первого взгляда, наверное.

— Ты некрофил, Вадик, — попытался разрядить обстановку Рузский.

— Этот, по сути, ничего помнить-знать не должен, а у меня такое чувство, что я с ним с детского сада воюю, — включился Дорохов. — Знаешь, Сереж, даже не возникло понимания, что здесь он меня младше. Какого хрена он здесь делает?

— Пляшет, — ответил Кошкин.

Музыканты заиграли какой-то вариант лезгинки, и гордые горцы бросились удивлять народ задорным танцем. Кое-где подбитые советские граждане улыбочиво хлопали в такт музыке, некоторые смотрели с недоумением, другие — с плохо скрываемым недовольством. А горцы плясали так, будто через минуту они вынут из ножен кинжалы и бросятся в атаку.

— Махмуд Эсамбаев на халяву, — прокомментировал Рузский.

Когда постоянно ускоряющаяся лезгинка, наконец, оборвалась, танцоры замерли в последнем па, со вскинутыми вверх руками, выкрикнули что-то горланное, затем поаплодировали сами себе и всем гуртом отпраздничали за свой столик. Бекхан только ошпарил компанию Кошкина презрительным

взглядом. Вспотевшие и немного нервные музыканты взяли тайм-аут и, объявив перерыв, ушли в подсобку промочить горло.

— Всегда найдется какой-нибудь урод, чтобы испортить вечер, — покачал головой Дорохов.

— А не попробовать ли нам советскую проституцию? — подмигнул компании Рузский.

— Секса у нас нет, — вспомнил табу прежних времен Грум.

— Интересно, конечно, но мне как-то не хочется, — смутился Кошкин.

— Да мне, собственно, тоже, просто хотел разрядить обстановку, — признался Владимир Юрьевич.

— Ну, за разрядку, — пригласил всех выпить Василий Данилович.

Все, кроме Грума, вышли, и никто не заметил, что он неотрывно смотрит на одного из друзей Бекхана, а когда поняли, то было уже поздно. Бекхан вновь подорвался, вскочил со своего стула, чуть не отбросив его в сторону, и направился к ним. Его компания поднялась следом, но пока что осталась выжидательно стоять. Бекхан же уже не мог контролировать себя.

— Чё ты хочешь?! А? Чё ты так смотришь?! А!? Хочишь поговорить? Ну пайдем?! Пайдем-пайдем! Я тебе твои глаза на жопу натяну! — от эмоций, а, может, и специально Бекхан коверкал русский язык.

Кошкин понял, что конфликта не избежать.

— Извини, Вова, — обратился к Рузскому Паткевич, словно Бекхана вообще не было рядом, — мне показалось, что вот тот был тогда в компании. — Грум слегка кивнул в сторону нукеров Бекхана. — Он не участвовал, просто был... — Паткевич выдержал паузу. — Вова, ты можешь не беспокоиться. Я быстро, — голос Грума отдавал таким холодом, что Бекхан должен был упасть без сознания, еще не доходя до столика Кошкина. Но Бекхан был не Ермоленко, его еще больше взбесило, что на него не обращают внимания. К этому моменту он проклинал не только Грума и всю его компанию, но и всех их родственников до десятого колена и гарантировал каждому индивидуально такие пытки, на которые у маркиза де Сада не хватило бы фантазии.

— Мы тут никого не должны калечить или убивать, — последний раз предупредил Кошкин, доставая из кармана пульт, но уже понял, что его никто не слышит.

— Что бы ты сделал, Сергей Павлович, — вдруг перешел на “ты” Рузский, — если бы нашу с тобой Лену кто-нибудь унизил и растерзал, — он не смог при Вадиме произнести страшное слово, — и теперь этот человек был бы в зоне твоей досягаемости?

— Нельзя, — вздохнул Сергей Павлович, — и нажал комбинацию кнопок.

Ничего не произошло. Грум уже шел впереди орущего на двух языках Бекхана к выходу. Следом двинулись обе компании. Кошкин удивленно потер левую половину груди, где неприятно, но очень веско напомнило о себе сердце. Засеменил последним, еще раз набирая код, но время вокруг не изменялось.

“Лучше бы я изобрел газонокосилку или летающий фаллоимитатор”, — выругал себя Сергей Павлович. Он не знал, что его лабораторию обесточили, чего не решался до этого сделать даже Чубайс.

— Вы на коленях будете ползать! — кипятился Бекхан.

— Обязательно им надо, чтоб перед ними кто-нибудь стелился, что за народ?! — буркнул Дорохов.

Они вышли в темный закрытый дворик ресторана, где находились складские помещения, молотили допотопные холодильные установки и куда, кроме того, ходили справлять нужду знающие об этом закутке прохожие.

Драка началась спонтанно. Как говорят военные, без оперативной паузы. Кошкин, пытавшийся выдавить из пульта новое тысячелетие, даже не заметил, как получил удар в челюсть и упал спиной на железную сетку предбанника холодильной установки. Сунув бесполезный прибор в карман, он ринулся в бой.

Грум с первого удара уложил Бекхана, который выбрал его своим противником, а потом ринулся на помощь Рузскому, у которого не было таких

спортивных качеств. Дорохов с ходу завалил того, кто напал на Кошкина. Поднявшийся Бекхан достал из кармана выкидной нож и двинулся на Паткевича. Грум с едкой ухмылкой достал пистолет. Щелкнул предохранитель. Сергей Павлович Кошкин, не раздумывая, бросился наперез пуле и успел. Грум стрелял с бедра, и пуля, двигаясь снизу вверх, вошла в правый бок, отбросив Кошкина на два метра, буквально на нож Бекхана.

“Сходили в ресторан”, — подумал Сергей Павлович, сливаясь с болью и наплывающей на глаза темнотой.

Говорят, умирающие видят в последние мгновения всю свою жизнь, словно на разогнавшейся кинолентке. Кошкину мнилось другое. Ему вдруг привиделось, что в темный глухой двор ресторана вошел Бекхан с простреленной с двух сторон грудью. А потом ему показалось, что вместо крови из его собственной раны сочится обманутое им время. Он уже не слышал выстрелов Грума, не видел озверевшего в бою Дорохова, что ломал ребра, челюсти и ключицы противников, как щепки. Он не слышал Рузского, что держал его голову на своих коленях и шептал: “Что я скажу Лене и Виталику?”.

Зато инженер-конструктор Сергей Павлович Кошкин смог увидеть несколько вариантов собственной жизни. Так, как будто это была мыльная опера, а лежал он не на пыльном, залитом кровью, покрытом трещинами асфальте, а на диване у телевизора, и одновременно являлся и зрителем и главным героем.

И непонятно было: то ли Кошкин вспоминает новое будущее, то ли новое прошлое затягивает его в свою темную бездонную воронку.

* * *

Был момент, когда, думалось, удастся вернуть Лену. В 1997-м зарплату почти не платили, давали какие-то смешные авансы, инженеры и техники стали уходить. Кто подался в челноки, кто в частные конторы, некоторые предпочли тихо сшиваться, два-три человека вырвались за границу. Остальные жили, как в дурном сне, ожидая пробуждения. По предприятиям ходили непонятные агенты, вербующие специалистов в республику Ичкерия, с которой недавно был подписан такой же непонятный договор о разграничении полномочий. Дудаева уже не было, был Масхадов. Главное: там обещали платить, много и регулярно. Гарантировали безопасность и признание родины. Требовались строители, энергетики, нефтяники... На энергетика Сергей Павлович мог потянуть. Вопреки увещаниям Марченко он записался волонтером на восстановление ЛЭП. Конечно, сподручнее было бы налаживать работу некогда известных в Грозном заводов “Электроприбор” и радиотехнического, но новое руководство республики интересовали только дешевый бензин и халивная электроэнергия. Остальным предлагалась свобода. Свобода ходить по улицам с автоматами и уважать только самих себя. Этакий вооруженный этноэгоизм.

Где-то у реки Сунжа поднимали порушенные войной вышки. Никакой безопасности не было. Солдаты внутренних войск, что охраняли строителей и энергетиков, сами боялись мирных жителей. Последние же надеялись на авось и на то, что их труд по восстановлению разрушенного войной хозяйства мятежной республики заслуживает если не уважения, то хотя бы признания в форме иммунитета от ночных обстрелов, дневных оскорблений и постоянных похищений. Наивные.

Стрелять начали в первую же ночь. Точнее — утром. Стреляли для развлечения с большого расстояния. Это ж какая радость прострелить рукомойник или угол нужника в самый ответственный момент! Главного инженера украли уже через неделю. Требовали выкуп сто тысяч долларов. Чубайс платить отказался, перевел стрелки на военных, а те развели руками: нам на кашу и патроны не хватает, и вообще это не по нашей части. Рождественники продали трехкомнатную квартиру в Саратове и дачный участок. Скинулись сотрудники, которым год не платили полноценную зарплату. С трудом собрали двадцать тысяч. Долго торговались через всякие там каналы, и каждый,

кто имел к этому отношение, хотел от этой двадцатки отщипнуть свои дивиденды. В результате выкупили похудевшего до мраморной белизны и землистого цвета лица, абсолютно сломанного мужчину без двух передних зубов и правого уха. Видимо, зубы и ухо стоили остальные восемьдесят тысяч долларов.

Кошкин быстро понял что ничего, кроме нервного тика, он здесь не работает, но, как многие русские, продолжал работать по какой-то никому непонятной безропотной инерции. Этого не понимал и зарубежный журналист Франсуа Кретьен, что пытался найти на Кавказе третью правду, которую французы и бельгийцы съедят с круассанами за завтраками и обедами. Последней новостью для них станет похищение самого Кретьена, за которого “бескорыстные” борцы за независимость затребуют объективную сумму в 1 миллион долларов, и главный редактор начнет торговаться с теми, кому делал имидж несгибаемых борцов на первых полосах своей почти независимой газеты. Кретьена все же выкупят, и даже зубы и уши у него останутся на месте. Но писать о русском и нерусском Кавказе он больше не будет. Потому что взгляд у него теперь будет предвзятый, а не такой, какой нужен для формирования независимого объективного мнения европейских обывателей. Во всяком случае, пока их самих не начнут взрывать, травить и высылать родственникам по частям.

Будучи уже на свободе, Франсуа не бросился сломя голову в квартиру-студию на Монмартре, содержание которой оплачивал гонорарами из горячих точек, а повидался с русским инженером Кошкиным, у которого еще до плена взял интервью. Статью о нем он назвал “Русский мечтатель”, потому как простодушный Сергей Павлович на вопрос, чтобы он делал, если бы ему платили достойную зарплату, ответил, не кривя: “машину времени”. Чем-то глянулся бесстрашному французу меланхоличный русский изобретатель. И он навестил его перед отъездом домой в сопровождении нескольких автоматчиков, оставил свой адрес, телефоны и настаивал на приезде Кошкина в Париж, обещая оплатить все накладные расходы.

— Может быть, — вздохнул Кошкин, прощаясь.

Лицо Кошкина при этом настолько ничего не выражало, что Кретьен вдруг увидел на нем ответ на долго мучивший его вопрос: почему Наполеон, войдя в Москву, проиграл-таки войну с русскими. И прозорливыми своими журналистскими глазами накопал в душе оппонента беспросветную апатию ко всему окружающему и собственной жизни. С каких-то пор Сергей Павлович жил, потому что жить было надо. Надо, и все! Расписание такое. Жить сегодня, завтра, послезавтра... А если вдруг не придется, значит, и не надо.

— Я знаю, почему крепостные крестьяне воевали с Наполеоном, — сказал он Кошкину.

— Я тоже знаю, — улыбнулся тот.

“Потому что вы, русские, настолько смиренны, что уже и несгибаемы, хотя упрямством это не назовешь”, — подумал Кретьен.

“Потому что считали Наполеона Антихристом”, — подумал Кошкин.

Франсуа улетел, а Кошкин стал поднимать новую вышку. Он не знал, что из кустарника, в полуверсте от места работ, его рассматривают в оптический прицел. Именно туда привел младшего брата Бекхан.

— Стреляй, давай, — командовал он, — хватит уже на банки патроны тратить.

— Но этот человек мне ничего плохого не сделал, он даже не солдат!

— Какая разница, солдат не солдат, он русский!

— Но они восстанавливают для нас электричество?

— Дурак! Не для нас, а для себя, чтобы вернуться и снова топтать нашу землю. Стреляй, или никогда не станешь мужчиной! Думай, что ты застрелишь собаку, которая укусила твою мать. Тебе уже семнадцать лет, а ты еще не убил ни одного русского!

Алейхан снова приник к оптике. В этот момент русский инженер словно почувствовал смертоносный взор прицела, и взглянул навстречу своими чуть печальными серыми глазами. Алейхан внимательно рассмотрел засаленный воротничок его рубашки, нелепый клетчатый галстук под фирменной зе-

ленной курткой, которая, по всей видимости, заменяла несуществующий пиджак, и серые, в кровавых прожилках, усталые глаза. Он вдруг понял, что этот человек не боится смерти, хотя он не отчаянный храбрец и не воин. Такие же глаза были у Дамана. Похоже, они оба уже прочитали книгу жизни и теперь им абсолютно наплевать на все, что происходит между первой и последней страницами, они просто знают нечто самое важное и грустно посмеиваются над теми, кто суетится и барахтается, полагая, что они эту самую книгу пишут.

Однажды случайная пуля залетела в сад Дамана и попала в его любимое дерево — старую яблоню. Эта яблоня, как старушка с клюкой, последним усилием тянулась к небу, опираясь на специально сделанную Даманом подпорку. Пуля угодила в самый центр ствола там, где от основного устья расходились вверх тяжелые плодоносящие ветви. Даман, точно хирург, вынул пулю, и закопал ее рядом, а ранку смазал воском, чтобы не было заражения. Когда Алейхан спросил, почему Даман так упорно ухаживает за старой яблоней, тот ответил:

— За этой яблоней ухаживал мой отец, а до него — его отец, мой дед, а до него — его отец, мой прадед... У этой яблони я встречаюсь с ними чаще, чем на кладбище. Когда меня не будет, мой внук сорвет яблоко, и оно достанется ему от меня. Дерево единственное, как человек, всю жизнь стремится к небу, а корнями уходит в землю. Человек — наоборот, корни в небе, а уйдет в землю. Ты же знаешь, что говорят: мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына. Сейчас времена другие: сейчас надо не сломать дом, не сгубить дерево и уберечь сына. Сына мне Бог не дал...

Алейхану понравились слова Дамана, они были красивыми, но далекими. Неужели жизнь нужна для того, чтобы подпирать деревья?

А на следующий год произошло нечто странное. Семечки во всех плодах с этой яблони были в форме маленьких пуль. Все до одного. Заметила это Айза, которая первой сорвала яблоко на пробу. Потом Даман сосредоточенно разрезал их одно за другим и удрученно качал головой:

— Эти горы скоро оглохнут от выстрелов. У русских говорят: что посеешь, то и пожнешь.

Вслед за тем выкопал прошлогоднюю пулю и унес ее куда-то за пределы села. Станный человек Даман, отец самой красивой девушки...

Голос Бекхана вернул начинающего снайпера в реальность.

— Стреляй же! Не позорь наш род!

Что изменится, если на этой земле одним русским инженером станет меньше? Ждет ли его кто-нибудь дома? Зачем он приехал сюда? Неужели он верит, что эта война кончилась или когда-нибудь кончится? Наверное, у него все же нет своей яблони, как у Дамана. Если б у русских были свои яблони, они бы не стали распознаться по окраинам и лезть в чужие горы. А может, кто-то вырубил яблони русских?..

Указательный палец едва уловимым движением потянул курок. В это мгновение Алейхан вдруг увидел, как родной брат занес над его грудью легендарный дедовский кинжал.

* * *

Шум морского прибоя для человека, который живет в средней полосе России, а то и в Сибири, это намного больше, чем для жителя Сочи снегопад, метровые сугробы или баритон соснового бора в ветреную погоду. Во всяком случае, слишком мало можно найти сочинцев или крымчан, которые заплатят большие деньги, чтобы поиграть в снежки или покормить комаров. Зато сребролюбивые москвичи, трудолюбивые уральцы и “гуляй душа” сибиряки с легкостью отдадут годовой бюджет за то, чтобы пару недель слушать шум прибоя. Справедливо было бы, если бы одни везли деньги летом к морю, а другие бы зимой приезжали с этими деньгами кататься на лыжах. Об этом подумал Михаил Маркович, укладывая две тысячи долларов в свой кейс.

Легкий гонорар был кстати, дочка настырно просила как раз столько для поездки в Италию. Что делать, родители зарабатывают, дети тратят. Юля, конечно, абсолютно еще не поняла, в чем цимус: деньги лучше иметь, нежели бездумно их тратить. Но чего не сделаешь для единственной дочери? В конце концов, все равно все достанется ей. И тому гаду и лентяю, который завладеет ее сердцем! Наливая себе отходную с устатку, Михаил Маркович с особой ненавистью думал о своем будущем зяте. До сих пор Юля приводила в дом каких-то потусторонних людей. Ни одного реального, твердо стоящего на ногах мужчины. Все какие-то “летчики”, что витают в облаках собственных идей и полагают, будто кто-то будет вкладывать деньги в их проекты, от чего они неминуемо разбогатеют и обеспечат семейное счастье Юлечки. Хотя бы один сын порядочного ювелира или банкира. Одни будущие менеджеры. Менеджер — это тот же официант, только не в ресторане, а в офисе. И живет на чаевые. А то еще журналиста приводила... “Бзззз”, поморщился Михаил Маркович, усилив кислую кривизну рта долькой лимона.

Он еще раз вынул деньги, чтобы поддержать их на весу, словно хотел определить, перевесит ли средиземноморский прибор тонкую, но приятную тяжесть свежих столларовых купюр. Юля очень похожа на итальянку. Черные выщипанные волосы ниже плеч и миндальные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами. И, разумеется, чуть гнутый “итальянский” носик. Надо только предупредить ее, чтобы не брила подмышки. В Италии так делают только проститутки. По крайней мере в шестидесятые годы делали, так их и определяли. Ну кто ей сказал, что Рим это великий древний город? Вертеп с античным стажем, такой же дрянной, как автомобиль “рено”. Над Ватиканом разве что похихикать. Дряхлого папу поглядеть. Какой же это папа, если у него под боком нет мамы?..

Михаил Маркович улыбнулся, но вспомнил, что в ближайшее время придется попотеть над делом Касимова, где из хладнокровного убийцы нужно вылепить благородного джентльмена, который в состоянии аффекта превысил пределы допустимой самообороны. Адвокат брезгливо поморщился. Губами сыграл нечто вроде лошадиного храпа, брызнул спонкой на служебные бумаги. Зато гонорар там ломился в десять раз тяжелее. Придется попотеть, у друга Пети в банке эти деньги будут расти, как на дрожжах.

Закрывая сейф и сбрасывая бумажный хлам в кейс, Михаил Маркович не заметил, как со стороны улицы сквозь незакрытые ребра жалюзи в его уютный кожаный кабинет заглянули безумные темные глаза. Полыхнули мутными адскими огоньками на болотную зелень долларовой пачки, что легла в чемоданчик, и погасли где-то в глубине арки недалекого проходного двора. Обычно адвокат всегда зашторивал жалюзи от посторонних глаз, но сегодняшней конверт и общение с полковником ФСБ выбили его из привычной колеи.

Выйдя из офиса на вечернюю улицу, Михаил Маркович подчеркнuto шаркающей походкой направился к автобусной остановке. Давно ему советовали машину с водителем, но он считал это ненужной роскошью. Если ноги носят, чего не ходить? Пусть молодежь себе лбы на иномарках расшибает.

Адвокат ничего не успел подумать, когда чья-то наглая левая рука рывком втащила его в гулкую темноту арки, а правая — опустила на его голову половину силикатного кирпича с такой силой, что сознание, в котором еще миг назад роились сложные расчеты и шахматные партии предстоящих процессов, тут же покинуло ее сквозь безнадежный пролом в черепе. Тем же, но уже окровавленным обломком кирпича были сбиты замки на кейсе, а освободившаяся от воротника адвоката левая рука жадно выхватила из его чрева две тысячи долларов Бекхана.

Убегая, Усман ни разу не оглянулся. День все же удался.

* * *

Далее Кошкин видел...

Русский все-таки уговорил его махнуть в будущее. Недалеко. Года на три. Риск решили поделить на двоих. Кошкин ничего не сказал Дорохову и

Китаеву, Владимир Юрьевич обошел вниманием Паткевича. И машина сработала...

Глобальное потепление еще не наступило. Льды Гренландии и Антарктиды были на месте. Земля не поменяла полюса. Третья мировая война не началась. На красивых машинах по неизлечимым русским дорогам все также носились богатые, а вдоль них все также рылись в мусорных баках самые нищие. Золотой век не наступил. Зато с торговой империей Рузского что-то было не так. Это они поняли, беспечно гуляя по городу, отгородившись от возможных знакомых темными очками и надвинутыми на глаза козырьками бейсболок. Деньги не брали с собой принципиально. Владимир Юрьевич решил подшутить над самим собой: снять в банке энную сумму, дабы отвезти кухню будущего. Сергей Павлович не возражал, шутить с будущим казалось ему легкой забавой по сравнению с изменениями прошлого.

Первый раз Рузский был озадачен, когда обнаружил, что на улице Грибоедова закрыт принадлежащий ему игровой центр. Точнее, вместо него там располагается офис какой-то неизвестной ему фирмы.

— Что делает, гад?! — ругал он самого себя. — Здесь же верная прибыль! Место бойкое, народ свои тугрики в игровых автоматах оставлял с таким удовольствием, точно это сберкасса, а не денежный пылесос! Неужели конъюнктура в городе так поменялась? Нет, Сергей Павлович, я этому бизнесмену, мать его, скажу, как надо правильно вкладывать деньги.

— Не стоит, Владимир Юрьевич, — равнодушно пожал плечами Кошкин, который своих банков и магазинов на улицах города обнаружить не планировал, — он умнее тебя на три года. Значит, так было надо. Может, он закрыл центр здесь, а открыл в другом месте?

— Но зачем же площади кому попало отдавать?

— Может, выгодно продал?

— Может... может... Не нравятся мне эти “может”. Мужику слово “может” только в одном случае рекомендовано. В остальных — предпочтительнее слово “надо”.

— Надо держать себя в руках и уважительно относиться к себе в будущем, — с улыбкой подхватил Сергей Павлович, — следует сравнить, к примеру, третьеклассника и первоклассника, разница в три года, но первый уже уверенно читает, складывает, умножает, делит... Если, конечно, он не безнадёжный дебил...

— А еще третьеклассник умеет курить и материться! Лучше проверим наши счета, — волнение не покинуло Владимира Юрьевича.

Еще минуту назад уверенный в себе до полного пренебрежения к окружающему миру мужчина и деловой человек заметно сдал. Кошкин даже подумал, что именно сейчас он постарел на три года. Ну что делать с этими денежными воротилами? Без пачки долларов в кармане, без связей, без лакированной тачки с престижным лейблом на борту, без одобрительного гогота братьев за спиной они выглядят уже не так эффектно. И Рузский, в этом случае, не составлял творческого исключения, хотя отличался от многих продвинутым интеллектом и здоровой иронией.

В просторном холле банка, где шелестели прохладой кондиционеры, Владимир Юрьевич уверенно избавился от кепки и очков и подошел к менеджеру. Увидев солидного клиента, тот угодливо расплылся улыбкой и с вкрадчивым участием спросил.

— Здравствуйте, Владимир Юрьевич, вы уже вернулись из Германии?

— Как видите, — буркнул Рузский.

Кошкин в этот момент поймал себя на мысли, что так рождаются легенды, пополняющие толстые сборники разных необъяснимых случаев и страницы журналов типа “НЛЮ”. Вот вам еще одна: человек одновременно находится в двух местах. Это, конечно, выяснится потом, и несчастный менеджер будет бить себя кулаками в грудь, доказывая, что имел дело именно с Владимиром Юрьевичем Рузским, а графологи будут давать уклончивые ответы, сверяя подписи в расходных ордерах, а сейчас...

— Я надеюсь, лечение прошло успешно? — с мимолетной учтивостью спросил менеджер.

— Полагаю, что так, — кивнул Рузский, не обратив, в сущности, внимания на вопрос.

— Очень рад за вас, Владимир Юрьевич, такая болезнь...

— Ерунда, — еще раз отмахнулся Рузский, но на виске у владельца холдинговой кампании начала пульсировать быстрая жилка. — Я хотел бы снять небольшую сумму.

— Как вам будет угодно. В валюте? Рублями?

— Рублями...

— Желаете пройти в кабинет?

— Не стоит, это мелочи. Да, и справку о балансе дайте, пожалуйста. — Владимир Юрьевич теперь уже заметно нервничал.

— Елена Андреевна два дня назад брала, прежде чем к вам в Германию полететь... — теперь уже озадачился менеджер.

— А что, с этим есть какие-то проблемы? — надал недовольной твердости в голос Рузский.

— Да нет, я просто подумал...

— Давайте, думать буду я!

— Несомненно, Владимир Юрьевич, вот бланк, вы заполняете, а я распечатаю справку.

Менеджер поспешил исчезнуть, а Рузский обернулся к внешне скучающему Кошкину:

— Как думаешь, Сергей Павлович, какой процент инфляции?

— Правительство всякий раз обещало не выше двенадцати, — не задумываясь, ответил инженер, припомнив бравые речи министров.

— Ладно, с таким запасом и напишем, — решил Рузский.

Получив деньги, он нарочито небрежным движением отправил требуемую справку о балансе в карман брюк, точно это была квитанция из прачечной. Холодно распрощался с растерянным менеджером и, резко повернувшись, двинулся к выходу. Кошкин, вздохнув, последовал за ним. Терпения у Владимира Юрьевича хватило до небольшого сквера. Облюбовав свободную от подростков-пивоманов скамейку, он наконец развернул сложенный вчетверо листок.

— Я стал беднее на три миллиона. Чепуха. Я думал хуже, — заметно повеселел Рузский, — есть повод выпить. Знаешь, Сергей Павлович, я бы с удовольствием сейчас пригласил в нашу компанию Елену Андреевну.

— Ты же слышал, она в Германии, ухаживает за больным старшим Рузским, — задумчиво и не очень осторожно напомнил Кошкин.

— Ах да! Черт! Я чуть не забыл! Главное, я по-прежнему богатый человек.

— Главное ли? — усомнился больше для самого себя Сергей Павлович.

— Ну да, ты у нас аскет, тебе деньги по барабану.

— Ну не настолько. Я бы не отказался жить в доме у моря, заниматься наукой и не думать о хлебе насущном. Макароны, опять же, с сосисками жуть как надоели.

— Жениться надо. Настоящая жена из любых продуктов кулинарный шедевр сделает.

— Где ее найти — настоящую?..

— М-да... — несколько смутился Рузский, вспомнив, на ком он женат.

Со стороны могло показаться, что в сквере притомились от безысходности жизни два прилично одетых безработных. Посидят и пойдут дальше — каждый в свое никуда, где жизнь вопреки мыльным сериалам заканчивается ничем и никак. Но картину эту разбила на куски изысканная мелодия мобильного телефона Рузского, что в самый неожиданный, а, может, напротив, самый подходящий момент, когда разговор стал напоминать натянутую струну, исполнил "Половецкие пляски" Бородина из оперы "Князь Игорь".

Владимир Юрьевич с удивлением извлек его из элегантного кожаного футляра на поясном ремне.

— Я что, за три года не удосужился поменять мобильный?

— Привычка свыше нам дана, замена счастию она, — прокомментировал откуда-то из своего далека Кошкин.

— Лена звонит, странно...
— Чего странного, телефон не человек, работает и в прошлом и в будущем. Сохранился, стало быть.

— Ответить?

Но мелодия уже прервалась.

— Думаю, ответил тот, кому звонили, — объяснил Кошкин.

— Прости, Сергей Павлович, имею полное право подслушать, звонят-то все-таки мне, — оправдался Рузский, нажимая зеленую трубочку на клавиатуре, а другой рукой прикладывая палец к губам: мол, помолчи, брат.

Кошкин пожал плечами: ваше будущее, что хотите, то и делайте, но к голосам в трубке невольно прислушался.

— Лена, я же просил тебя не приезжать, — совершенно загробным голосом — хриплым и глухим говорил тот Рузский.

— Но, Володя!.. — голос Елены Андреевны заметно дрожал.

— Я имею право умереть, как мужчина. Не хочу, не желаю плакать от боли и безысходности у тебя на коленях.

— Но у нас еще есть шанс! Надежда всегда есть!

— М-да... Каламбур, надежда умирает последней, она умрет секундой позже меня. Логично и поэтично. А вообще, любима, мне тяжело даже придумывать мысли... Представляешь?! Тягучая постоянная боль вышибает все, даже мысли! Их нужно придумывать, они больше не текут сами по себе, и единственное комфортное состояние — это забытье. Я, Лена, таким образом, похоже, заглядываю в предстоящий мне мир. Предполетная подготовка... Кхы-кхы... — И не смех даже, и не кашель...

— Скажи, чтобы меня пускали к тебе в палату! Завтра приедет профессор Ротбергер. Он специалист высокого класса.

— Специалист... И гонорары... у них... Они еще просто не знают... Вроде всю жизнь работают со смертью, и все никак не дотумкают... И я вот тоже... Сколько еще я могу оплатить операций?.. А?..

— Сколько потребуется, столько и оплатим!

— Лучше часовню построй или в детдоме ремонт сделай. Неужели ты еще ничего не поняла?

— Я просто хочу за тебя бороться!

— Вот и борись. Может, мне и зачтется. А эскулапам, Лена, завязывай платить. Хитрый у них счетчик: чем ближе смерть, тем секунда жизни дороже.

— Скажи, чтобы меня пустили к тебе! В конце концов завтра вторник! Я имею на это полное право по вторникам и субботам, у меня уже биоритм сложился, если я тебя не увижу, я сама слягу в соседнюю палату. Слышишь, Рузский?!

— Мне будет стыдно... За себя... Пррр-отивно! Виталика только отправь домой... Знаешь, я бы сейчас уехал куда-нибудь на берег Волги, а то и на Байкал. Никогда не был на Байкале...

— Вот поправишься — и поедем.

— Прекрати, твой доморощенный киношный оптимизм вызывает у меня раздражение... Всё. Мне пришли ставить укол. Надо, кстати, отказаться, сдохнуть наркоманом — противно. Как по-немецки: мой дедушка не дошел до Берлина...

— Скажи, чтобы меня пропустили!.. Я — твоя жена!

— Слава Богу, мне хоть с этим повезло... Я скажу, только не уговаривай меня умирать с придурковатой улыбкой большого жизнелюба. Обещаешь?

— Не буду...

На этих словах связь прервалась.

Потрясенный Рузский смотрел на замолчавший телефон так, словно это было жерло пушки, направленное в его голову. Кошкин поежился.

— Это что, выходит, через три года я умру? — наконец прорвало Владимира Юрьевича.

— Ну не умер же еще, — неуверенно возразил Сергей Павлович.

— Может, позвонить в клинику, спросить, сколько мне осталось? — криво ухмыльнулся Рузский.

— Не надо. Тот, который лежит в больнице, уже знает, что ты здесь, Владимир Юрьевич. Лучше вернуться обратно и пройти обследование.

— Но у меня ничего не болит!

— А это хуже всего.

— Глупо как-то, бессмысленно. У меня же все есть! Деньги, положение, планы на будущее! Знаешь, Сергей Павлович, я тебе всегда завидовал, — неожиданно признался Рузский.

— Ты — мне?.. — брови Кошкина изогнулись удивленной дугой.

— Да-да! Не смотри на меня, как Ленин на портрет императора. М-да... У тебя есть сын от Лены. А у меня вот не получается. И, похоже, уже не получится. Все впускаю... Кому, на хрен, нужны теперь мои миллионы? Нет, я, конечно, все оставлю Лене и Виталику, но... Ты же понимаешь?

— Понимаю, — по инерции согласился Кошкин.

— В голове не укладывается... Не жизнь, а пшик какой-то получается. И ведь не от пули!

— Да, может, не все потеряно. Бороться надо. Во всяком случае попробовать.

— Не смей меня, Сергей Павлович.

Некоторое время они помолчали. Потом Рузский вдруг взял Кошкина за руку.

— Думаешь, Сергей Павлович, я такой дурак, что полагал главным смыслом своего существования накопление материальных благ и создание комфорта для собственной персоны?

— Думаю, Владимир Юрьевич, ты не дурак, — уклончиво ответил Кошкин.

— Деньги нужны, чтобы быть независимым. Я с детства шел к этому.

— Независимость при деньгах порождает зависимость от денег, — философски заключил Сергей Павлович.

— Угу, — горько усмехнулся Рузский, отпуская руку инженера. — Тебе проще, государство похоронит тебя как бескорыстного патриота. Унылые граждане периода развития рыночных реформ даже пару дней посудачат: какой хороший человек отбыл в мир иной и как он служил отечеству. А мне братва отгрохает памятник в стиле эпохи сталинского ампира. А уже через неделю и про тебя и про меня забудут, поглощенные кутерьмой и суетой о хлебе насущном. Это только в бразильских сериалах и богатые и бедные плачут триста серий и сочувствуют друг другу высосанной из своего бразильского пальца любовью, чтоб домохозяйки со станции Сухобезводное утирали слезы у ламповых телевизоров марки "Рекорд" и негодовали на мешающую сострадать донам педросам рекламу.

— Владимир Юрьевич, ты сейчас, главное, ничего не предпринимай на горячую голову, — попросил Кошкин.

Рузский кивнул, и они снова замолчали.

— С другой стороны, — спустя какое-то время заговорил Владимир Юрьевич, — у меня есть теперь целых три года. У Христа было столько, когда Он начал проповедь... Не для сравнения говорю, просто теперь у моего времени другая цена. Ведь каждый Божий день думал — пора остановиться, оглядеться, спрыгнуть с этого безумного поезда вечных челночников. Ты никогда не думал о том, что жизнь, в сущности, очень грустная штука, и страданий в ней больше, чем чего-либо другого?

— Думал.

— Спасибо тебе, Сергей Павлович.

— За что?!

— За время... Время Любви.

* * *

Проваливаясь в оглушительную нирвану, Усман еще порадовался, у толстого Асифа можно будет брать товар еще и еще... И еще... И еще... Асиф даже предложил своему клиенту подсобку, где стоял топчан, накрытый заса-

ленным, но мягким матрасом. Доллары в руках Усмана произвели на маленького круглолицего азербайджанца нужное впечатление. Он стал называть чеченца братом и вскользь поинтересовался, какой бизнес принес ему столько зеленых, если еще сегодня утром он просил дозу в долг? Разомлевший Усман сбивчиво рассказал, что пробил башку богатому старикашке, который таскал эти деньги в своем дипломате.

— Седой такой старикашка, хи-хи, с крючковатым носом? — переспросил Асиф, словно был в тот момент рядом, но это не насторожило Усмана.

— Ага, с крючковатым носом! Я еще завалю сто таких старикашек, и у меня всегда будут доллары. Их еще много в этом городе, а когда богатые старики кончатся в этом городе, я поеду в другой... — пролепетал, погружаясь в героинное безумие, Усман.

— Хорошо! Смелый Усман! Джигит! — кивнул в закатывающиеся зрачки Асиф и вышел из подсобки, нажимая на кнопки своего мобильного телефона. — Алле, человек, который убил адвоката лежит в моей подсобке. Нет, ближайšie два часа он никуда не уйдет. Харащё...

Через полчаса к рынку, где находилась овощная лавка Асифа, подъехали два джипа. Четверо мужчин в цветастых рубахах, негромко разговаривая на шамхорском диалекте азербайджанского языка, даже не скрывая от посторонних глаз, выгнали из подсобки бесчувственное тело Усмана и бросили его в багажное отделение одного из автомобилей. Пока они несли его, из нагрудного кармана рубахи выпала пачка долларов. Асиф, семенивший рядом, подобрал ее и, бережно пробежав по ребристому краю толстыми пальчиками, сунул в такой же карман своей рубахи. Потом вернулся в подсобку и взял кожаную куртку, что осталась на лежаке. Товарный вид у нее был не очень, но на что-нибудь она еще сгодится. Можно, к примеру, отдать таджику, который работает грузчиком. Вместо зарплаты.

* * *

Теплоход медленно, но уверенно поднимался против течения могучей реки. Ра, Итиль, Волга... Издалека, долго... Благодаря каналу можно подняться от Астрахани до Москвы. Астраханского ханства будто и не было никогда. От Волжской Булгарии — только археологические памятники, упоминания в исторических документах и голубоглазые татары в Казани. От Руси да России — все остальное: от тихого, но приметного историческим убийством Углича до Родины-матери на Мамаевом кургане.

Двое молодых людей целыми днями стоят на верхней палубе, любуясь проплывающими за бортом пейзажами. Взявшись за руки, склонив друг к другу головы, они восхищенно смотрят в постоянно открывающиеся, сменяющие друг друга бесконечные дали, на тихие поселки, на высокие колокольни, на остатки крепостей и разговаривают. Если невольно или специально подслушать их, то покажется, что, не взирая на смену дней, они говорят об одном и том же.

— Я никогда не думала, что Россия такая большая, — шепчет Айза, стесняясь своего незнания, — отец рассказывал, что имам Шамиль после пленения путешествовал по России и был поражен ее просторами. И мама тоже рассказывала. Детям в школе. Пока не запретили.

— Я тоже не думал... — шепчет Алейхан, вдыхая аромат ее волос и закрывая от счастья и накатовающей нежности глаза.

— Это хорошо, что мы выбрали теплоход.

— Хорошо.

— Представляешь, люди всю жизнь живут на берегу этой реки... Вон в том маленьком домике!

— И ходят ловить рыбу!

— Да причем тут рыба, Алейхан! У них есть свой дом на берегу реки! Понимаешь?!

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь, — она трется головой о его плечо, на котором еще несколько месяцев кряду будет исчезать след от приклада.

И если в большом русском городе стражи порядка проверят паспорт Алейхана, а бывалые вояки поглядят на этот знак войны да на указательный палец, то не миновать ему тюрьмы и долгих суровых допросов. Но сейчас он ничего не хочет знать, кроме того, что рядом с ним Айза, а впереди огромная Россия, где человек может потеряться, как искра в млечном пути.

— Ты бы хотел всю жизнь прожить на берегу великой реки?

— Я хотел бы всю жизнь прожить рядом с тобой, качать на руках наших детей и любить тебя до последнего вздоха! И хотел бы умереть первым, потому что я твоей смерти все равно не переживу.

— Все мужчины эгоисты.

— Почему?

— Все лучшее выбирают себе, даже смерть. Значит, ты умрешь у меня на руках, я тебя буду оплакивать, а потом сойду с ума от тоски?

— Гм...

— Надо, чтобы мы умерли в один день и даже в один час. Согласен?

— Да, я буду молить об этом Аллаха...

— Сначала моли Его о том, чтобы у нас была долгая и счастливая жизнь.

— Знаешь, когда Бекхан замахнулся на меня дедовским кинжалом, мне не было страшно. Мне было горько оттого, что это брат поднял на меня руку. Брат, которого я любил больше самого себя и которому верил. Мне не было страшно. А теперь, если кто-нибудь замахнется на меня кинжалом, мне будет страшно, потому что я не хочу покидать тебя, Айза.

— Спасибо...

— За что?

— За то, что ты любишь меня больше жизни... и больше смерти.

— Говорят, что мужчина не должен так сильно открывать свое сердце женщине, это проявление слабости.

— Это дураки придумали. Они сами любить не умеют, а других учат.

— Бекхан меня так учил. Все переживал, что я тебе много уделяю внимания, много думаю о тебе. У меня до сих пор перед глазами его гаснущий удивленный взгляд. Это колдовство какое-то. Он заносит надо мной кинжал, а его грудь разрывается, словно ее прострелили!

— Ты говорил... Прости, мне страшно об этом слушать. Отец никогда не рассказывал мне о войне, даже когда я его об этом просила.

— Извини, я больше не буду.

— Ничего... Я хоть и дочь своего народа, но эта война мне противна. Я никогда не верила, что она была войной за народ и для народа... — с минуты Айза помолчала, прислушиваясь к себе. — Вот стою сейчас без чадры, что сказал бы твой брат?

— Ты никогда не скрывала от меня волосы и руки.

— Отец не требовал от меня. Я сама надевала, когда выходила на улицу. А к тебе я привыкла с детства.

— Сейчас не надо выделяться. Пусть на нас поменьше обращают внимания. Но ты и в чадре красивая. В чадре ты похожа на Мариам, так, как ее изображают в русских храмах.

— Мне кажется, все женщины, все матери, которые любят своих детей, немного на нее похожи. Отец прячет в сундуке икону из разрушенного русского храма. Рядом со своей медалью. Я спросила зачем, а он сказал: Бог поругаем не бывает, веру нельзя топтать сапогами, даже если она чужая. В конце концов, даже по нашей вере это Мать пророка. Можно ее изображать или нет — другой вопрос, особенно, когда лик Её уже смотрит на тебя не-много печальными глазами.

— Иногда мне кажется, что до этого времени у меня не было жизни. Был какой-то страшный сон. И я все время боялся проснуться мертвым. А теперь думаю, был ли я тогда живым? Может быть, правда: в образе этого инженера ко мне приходил Джабраил?

— Может быть.

— Я теперь ничего точно не знаю. Кроме одного...

— ?

— Я люблю тебя.

— А я тебя. Говорят, в Сибири тоже есть великие реки. Мы их увидим?

— Возьмем билеты на теплоход и увидим.

— Так можно всю жизнь идти по этой огромной стране.

— С тобой я готов — хоть на край света.

— Все равно, надо будет вернуться домой.

— Вернемся.

Теплоход разминулся с тружеником-сухогрузом, они обменялись долгими приветственными гудками. Наверное, капитаны знали друг друга. Пронзительным “у”, гудким низким баритоном устремились голоса теплоходов в мудрое русское небо, седеющее на горизонте волнистой полосой облаков, а с берега ответил им первым вечерним ударом колокол недавно восстановленного храма. Звуки эти, как длинные ноты волжских песен, пробили небо и унеслись в космос. Для вселенной они означали: Россия жива и по-прежнему прекрасна.

Э-эй, ухнем... Сама пойдет...

* * *

Поднимаясь на второй этаж, Марченко держался за сердце, но не из-за быстрой ходьбы, а только ощущая тревожное волнение. Лена для страховки держала его под локоток, впереди маршировал начальник охраны и его растерянные подчиненные, которым за последние полчаса пришлось выполнять противоречивые распоряжения.

— Рубильник! — хрипел Марченко, осознав, что дотошный Яковлев отключил электроэнергию в лаборатории Кошкина. — Щитовая!

— Рубильник! Щитовая! — повторил за ним начальник охраны, и один из его парней устремился вниз, в подвальное помещение, чтобы сорвать свежие печати Яковлева на железных дверях электрощитовой.

На пороге лаборатории группу встретили Китаев и Варя, которые так и не сдались осаждавшим их охранникам. Вадим Григорьевич стоял, прикладывая к лысине носовой платок, чуть в стороне. Увидев Марченко, он не сник и не растерялся:

— Михаил Иванович, мною пресечена попытка проведения незаконных несанкционированных опытов, которые могут привести к самым неожиданным последствиям.

— Знаю, — зыркнул на него генеральный, и лысина зама буквально задымилась. — Где Кошкин?!

— Где Рузский? — эхом ответила Елена, заглядывая в комнату.

В это время у главной проходной суетились люди в масках и камуфляже. Они вдруг высыпали из ниоткуда, как сказочные братцы из ларца, заблокировав входы, переулки, распахнув дверцы машин на стоянках. Из этих машин они вытаскивали и роняли лицом в землю не успевших удивиться мужчин в кожаных куртках. А некому шеголю пришлось лечь в лужу, не взирая на дорогой, стального цвета костюм от Гуччи. Это был Ермоленко. Рядом с ним, матерясь до удара прикладом в затылок, лежал Верхотурцев. Один из людей в маске слегка наклонился в сторону Александра Максимо-вича и глухим голосом сообщил:

— Тебе привет от Бекхана.

Сердце бизнесмена Ермоленко после этих слов провалилось в глубокую пропасть, на дне которой клубился ядовитыми парами всепожирающий страх. В сознании его, как перед смертью, мелькнули лица сослуживцев, что не вернулись с кавказской войны, офицеров, что освобождали его из глупого плена, и лицо Вари. Но не стыд, а страх и отчаяние парализовали Александра Максимо-вича, и весь ужас предстоящего возмездия не смог вместились в сжавшуюся, трясущуюся душонку. Зато рядом лежавший Петр Матвеевич Верхотурцев улучил момент, когда безликие камуфляжи отвлеклись на его сопротивляющегося подчиненного, и, пользуясь тем, что на запястьях

еще не застегнули наручники, всеми четырьмя конечностями оттолкнулся от земли и рванул в сторону частного забора, каковой перемахнул единым прыжком под окрики спецназовцев и длинную автоматную очередь в небо. Несколькими быстрых теней бросились следом, но уже стало понятно, что в “шанхае”, испещренном частными огородами, покосившимися заборами, хозяйственными постройками и хмурыми домами у Верхотурцева очень много шансов уйти, затаиться между поленницами и даже нырнуть в навозную кучу, которую никто, конечно, раскапывать не будет.

В тоже время Марченко сосредоточенно смотрел на вновь заработавший генератор Кошкина, словно сквозь его оболочку можно было узреть, где и что сейчас делает изобретатель.

— Я вынужден буду доложить о ЧП руководству и министру обороны, — едко готовил собственную оборону Яковлев.

— Заткнись! — обрубил его Марченко, и тот, как от удара, качнулся, чтобы скрыться за спинами охранников.

— Там что-то произошло, я чувствую, — теребила за рукав Марченко Елена Андреевна.

— Случилось, чувствую, — хмыкнул Михаил Иванович. — Случилось, когда ты, Леночка, являясь самой красивой женщиной, имеющей отношение к обороне России, покинула свой боевой пост и оставила Сергея... — но потом вдруг осекся, — Ладно, извини, не время сейчас. Я, вишь, тоже старый дурак уже.

Марченко трясущимися от волнения руками стал открывать ящики стола.

— Где-то должен быть у Сережи здесь страховочный пульт. Не мог он бездумно рисковать с одним дистанционным управлением. Должен быть... Он ни о чем не предупреждал? — с надеждой повернулся к Китаеву и Варе.

— Просил только никого к этому агрегату не подпускать, да вот не мытьем, дак катаньем, — процедил сквозь зубы Китаев, с неприязнью глядя на Яковлева.

— А у нас тут не частная лавочка! — попытался всплыть Вадим Григорьевич, но по взгляду Анатолия понял, что легко может получить по лысине, если сейчас же не замолчит.

Наконец Марченко нашел под бумагами клавиатуру от персонального компьютера, хотя ни монитора, ни системного блока на столе у Кошкина не было. Компьютер дремал на соседнем столе. Простым методом тыка Михаил Иванович нашел в генераторе подходящее гнездо.

— Неспроста же она здесь валяется, — объяснил он, щурясь сквозь мощные линзы очков.

Оставалось разобраться со значением клавиш, но тут на помощь пришла Лена. Она ткнула пальцем в помеченную красным маркером клавишу.

— Скорее всего, эта. Бэкспэйс.

— Чего такое бэкспэйс? — спросил Марченко.

— Буквально с английского: обратное пространство. — То бишь — возвращение. Назад.

— Похоже на то, — согласился генеральный конструктор и успокоил сам себя, — хуже не будет.

После нажатия клавиши генератор загудел чуть надрывнее, в воздухе резко запахло озоном, на всякий случай вся группа отошла подальше.

— В другое время я бы по рукам себе надавал, — пробурчал Михаил Иванович.

— А я бы этому Кошкину по рукам надавал, — опять решил вставить Яковлев.

— Шли бы вы, Вадим Григорьевич... Писать объяснительную о нарушении чистоты эксперимента, находящегося под контролем правительства Российской Федерации, — заткнул его окончательно генеральный конструктор.

В этот миг в пространстве лаборатории вместе с туманом непонятого генеза стали проявляться знакомые фигуры.

Кошкин по-прежнему лежал на коленях Рузского, сознание его периодически покидало. А Владимир Юрьевич уже отчаялся вернуться назад, когда единственный выход из ресторанный дворика закрыл милицейский узик, озарив площадь битвы въедливой фиолетовой мигалкой. Грум дрогнул первый раз в жизни, потому что не хотел сесть в одном и том же времени во второй.

— Всем оставаться на своих местах! — прозвучала суровая команда стражей порядка из мегафона на крыше, но Марченко уже нажал кнопку “Backspace”.

Пространство и время не рванулись, а как-то, словно по склизкому коридору, в котором прилипают подошвы, потянулись обратно. Машина времени словно определяла и раздумывала, кого ей следует забрать в счастливое капиталистическое будущее, а кого оставить на допрос советскому прокурору, а то и въедливым чекистам. Грум, осознав, что теряет драгоценные мгновения, не обращая внимания на бегущих к нему милиционеров, начал разряжать остатки обоймы в лежавших после ударов и стоящих на ногах противников. Именно поэтому стражи порядка первым делом кинулись к нему. Кодекс советского милиционера не позволял им, как сейчас, сразу открыть огонь на поражение. Сначала надо дать залп в небо, а потом все равно попытаться задержать преступника голыми руками, что они и начали делать. Но их голые руки повисли в пустоте... Грум, не выражая никаких эмоций и не попросившись, исчез. Зато потерянное на поимку миража время и нескрываемое удивление ментов, вызвавшее естественную заторможенность их реакции, позволило раненному в плечо Бекхану вырваться из двора, сбив по пути попытавшегося остановить его милиционера-водителя. Бекхан ушел, мысленно и вслух обещая отомстить всем и вся до третьего колена.

Увидев Елену, Владимир Юрьевич облегченно вздохнул, Дорохов же первым делом закричал:

— Скорую! Палец умирает!

Китаев, который знал цену этим секундам, кинулся к телефону. Елена Андреевна склонилась над двумя своими мужьями, потом обняла голову Кошкина, который на какое-то время пришел в себя.

— Сережа, что ты наделал?

— Это я виноват, — объяснил Рузский.

— Это я виноват, — опустил голову Грум.

— Нет, это он виноват, — кивнул Марченко на Яковлева.

— Мне все равно в этом времени нет места, — прошептал Кошкин, выдавливая через боль грустную улыбку. — Юрьич, а ты сделай обязательно томографию! Обязательно!

— Чего? — не понял Рузский.

— Всего... Томографию... Кровь сдай... К врачам сходи...

— Да это тебе, Сергей Палец, к врачам надо...

— Мне к Господу Богу... Если пустят...

Он хотел еще что-то сказать Лене, но уже не смог, сознание вновь провалилось в страшную тьму...

...Кошкин пришел в себя. Будто проснулся после глубокого сна, вот-вот откинёт одеяло и рванет под душ. Рука было потянулась к пододеяльнику, но боль в локтевом сгибе не позволила довести её до конца.

— Тихе, тихе! Вену порвешь, капельница же у тебя, — услышал он знакомый, чуть хриловатый голос.

Не без труда повернул голову и удивился: соседом по обозримой больничной палате оказался Марченко.

— С возвращением тебя, Сережа. Я вот к тебе в нарушение всех правил напросился. Следом за тобой с инфарктом отвезли. Но я уже на второй день оклемаюсь. Лекарства литрами в меня качают. Да что в паровоз дрова кидать, если котел прохудился.

— Пить очень хочется, — прошептал спекшимися губами Сергей Павлович.

Следом за сестрой в палату прибыл целый врачебный консилиум. Пошебетав над Кошкиным, они, удовлетворенные своей работой, разошлись, пообещав Сергею Павловичу, что скоро он будет на ногах.

— К вам еще милиция наведается, достали уже, — сообщил на прощанье врач, которого, по всей видимости, следовало принять за лечащего.

— М-да, Сереж, без милиции не обошлось. У нас на входе целую бригаду бандитов повязали. Один только ушел. Так мы твое ранение на них списали. Почему в тебя стреляли? Хотели получить ценные сведения для продажи иностранным разведкам. Усек основную версию? Не будешь же ты им рассказывать...

— Угу... А вы, Михал Иванович, выходит, из-за меня сюда попали...

— Да брось ты! Без тебя раздражителей хватает. Да и где это видано — на моей-то работе за восемьдесят лет ни одного инфаркта. Это ж наглое нарушение статистики! Я вот у друзей твоих спросить не успел, где вы-то повоевать успели?

— В ресторан совдеповский ходили. Драка на почве личной и национальной неприязни с применением холодного и огнестрельного оружия. Тот сейчас у бедных ментов головы болят!

— М-да-а... Ну ничего, вот выйдем на волю и тоже куда-нибудь махнем. Мне теперь коньяк в медицинских дозах показан. А то, может, попросим Варю, она тайком принесет.

— Какую Варю? — вскинул брови Кошкин.

— Да ту самую, уборщицу молодую с незаконченным высшим образованием, что от тебя без ума. Я ее сам на работу рекомендовал, — хитро прищурился генеральный конструктор. — Думал, привыкнет, потом молодого специалиста получим. Они тут с Мариловной всю мою тумбочку пирогами завалили, но их надолго не пускают, все-таки ПИТ.

— ПИТ? Пиво, что ли?

— Кхы-кхы... Пиво! Палата интенсивной терапии. Ну, типа, облегченный вариант реанимации.

— Реанимация-лайт, — прокомментировал себе Кошкин, пытаясь осмотреться.

Марченко, истосковавшийся за три дня по собеседнику, повернулся на бок и начал:

— Ну, теперь времени у нас вагон, ты мне расскажи, что же тебя к правильному решению привело? Я, помню, тоже всей этой пространственно-временной топологией в молодости увлекался. В конце сороковых читал чуть ли не подпольно работы Курта Геделя, но Эйнштейн, признавая их оригинальность, заметил походя, что на практике его идеи неприменимы. Главное, помню, что перемещение во времени по Геделю будет связано с пребыванием в условиях, где человеческий организм просто-напросто не выживет. Потом были работы Александрова, это уж в конце шестидесятых...

— Не знаком, — признался Кошкин, — хотя Геделя, конечно, в институте полистал.

— А в конце восьмидесятых, на волне перестройки, проскочили переводы Торна. Но там уж совсем нереально. Даже на уровне теории слабовато. Норы он в пространстве рыть собирался. Влез в такую нору в настоящем, а вылез при создании особых условий в прошлом.

— Я Кита Торна читал. Кое-что из его выкладок мне пригодилось. Но путь у меня был более обыденный. Я для начала отмел все уже существующие наработки и модели. Они, как известно, требуют огромных площадей и энергии нескольких ядерных взрывов. Потом я, как и многие, увлекся летающими тарелками, уфологией. Начитался Казанцева. Хорошая советская фантастика. Короче, коммунизм на Марсе. Но главное, из всех свидетельств получалось, что летательные аппараты инопланетян сравнительно небольших размеров. А это значит, что, как минимум, речь идет о топологическом типе двигателя. Летай они по-нашему, им бы пришлось, как ты знаешь, Михаил Иванович, таскать за собой заправщик размером с Луну, а то и больше. Так я понял, что задачу следует решать не в максимуме, а в минимуме, но "холодный" термоядерный синтез, как дорогостоящее удовольствие я сразу от-

бросил. Решение нужно было искать на квантовом уровне, но доступными средствами. Как говорится: ларчик открывается просто. Когда-то в детстве я засмотрелся на сильную грозу, меня поразило скопление энергии, прошивающее пространство. Разряд в одной точке. Мне тогда пришла мысль, что прошивает она не только пространство, но и время, потому как неразрывность их сама собой разумеется. Предположил, что в природе возникают спонтанные “машины времени”, а кое-где, где удерживается должная кривизна пространства-времени, эта дыра может быть долгоиграющей. Это могут быть своеобразные выбросы хрональных зарядов. В пользу данной версии говорят также десятки необъяснимых случаев, когда люди или техника, ничего не подозревая, попадали в такие туннели. Это был второй толчок. Разумеется, параллельно я зачитывался монографиями по истории. Особенно, что касается загадок. И тут меня озарило: не было никаких древних цивилизаций! Не было! Ни гипербореев, ни Атлантиды, ни египетских пирамид, ни дошумерских сверхдостижений...

— Как не было? Стоят же пирамиды...

— Да стоят-то, стоят! Вопрос в другом: кто их ставил?! Он и у историков и у археологов этот вопрос свербит: откуда у древних современные технологии? Поэтому-то за главную рабочую гипотезу я принял следующее: древние цивилизации надо искать не в прошлом, а в будущем. Образно говоря, наши историки идут по трассе с односторонним движением и не догадываются, что можно нарушить правила и развернуться на сто восемьдесят градусов.

— Интересно.

— Каково нынче население планеты? Шесть миллиардов. А через сто лет? Проблема перенаселения, нехватки ресурсов. Техногенные цивилизации решают такие проблемы, кроме всего прочего, способом расширения ойкумены. И если невозможно расширить ее экстенсивно, то копайте вглубь. Там, в прошлом, решение массы проблем! Навалом чистой воды, воздуха, а главное, территории и экологически чистых продуктов. Заселяйся, если сможешь туда попасть! Десять тысяч лет назад, двадцать, сорок! Неандертальцы сами от страха вымрут. А хочешь — селись в парк юрского периода. Ящеров можно, как бесперспективную ветвь, в целях спасения человечества, зачистить. Вот вам и древние сверхразвитые цивилизации. Вот вам и сбитые влет птеродактили! И кто знает, может, линии времени таким образом закольцованы. Мы считаем, там начало, а там и закат. Такая “шамбала” получается, Михаил Иванович. Ищешь вчерашний день? Проверь в завтрашнем.

— Ух ты, — в глазах генерального конструктора полыхнуло вечное пламя неутомимого искателя. — Жаль, стар я уже. Всю жизнь ковал наперергонки с кем-нибудь оружие, а вот теперь так захотелось покопаться в твоих загадках.

— Мы считаем, что прошлое влияет на настоящее и будущее, и это верно. Тут нам и причинно-следственные связи, и теория относительности подпоют. Но почему не принять хотя бы за недоказанную теорему, что и будущее влияет на прошлое? Это же так элементарно.

— Знаешь, Сереж, когда я в конце тридцатых мечтал строить ракеты, я ведь, вслед за Циолковским, надеялся покорять космические пространства. То есть тянулся к будущему. Но получилось так, что пришлось делать реактивные снаряды, чтоб они сыпались на головы фрицев. Эх, как я просился на фронт! Но кому-то надо было собирать БМ-13. “Катюши”, помнишь? Совесть мою успокоил капитан Флеров. Да-да, тот самый. Он дал мне пострелять по мишени из пистолета “ТТ” и высчитал, сколько я смогу убить фрицев за месяц при самом удачном стечении обстоятельств, если меня, очкарика, не убьют в первом бою. А потом попросил меня рассчитать, сколько примерно погибнет фашистов, если, скажем, полк, находящийся на позициях, попал в зону сплошного поражения наших снарядов. Даже при относительных, примерных подсчетах...

— Представляю, — присвистнул, опережая, Кошкин.

— Ага, но я отвлекся. Мысль-то какая? Вылетела! А! Ну так вот, думали мы о будущем, а пригодилось в настоящем. Тоже под твою теорию, хоть

с натяжкой, но подходит. Я, правда, первых наших ракетчиков, не застал. Лангемака, Клейменова и других. В тридцать восьмом их расстреляли. За связь с Тухачевским. Эти маршалы своих подчиненных, как провинившиеся девочки в гимназии, сдавали. Но с Владимиром Андреевичем Артемьевым поработать довелось... Он, кстати, от Тухачевского был не в восторге. Зажравшийся барыга и садист был этот маршал, да и Сталина он, правда, свергнуть хотел. Другое дело, что хотел и болтал об этом, а до дела, может быть, и не дошло бы. Ну да бес с ним. Что я все о своем! Старческие излияния, понимаешь. Я ж тебя послушать хотел.

— Михаил Иванович, вы ж впервые за столько лет рассказывать начали. За вами мемуары записывать.

— Скажешь тоже.. Рассказчик я не ахти какой. Да и кому оно теперь надо? Вот проблемы бразильской семьи — это актуально, размер груди какой-нибудь голливудской дивы — это интересно. А нам, Сереж, дозволительно девятого мая орденами побряцать, кто ходить может — по брусчатке мимо мавзолея прогуляться, и айда обратно — по хрущевкам кефир пить. Это хорошо еще — что в России. А где-нибудь в Риге могут и в морду дать, если с советским орденом на груди выйдешь.

И Кошкин и Марченко одновременно печально вздохнули.

— Лучше говорить о топологии, вам же волноваться нельзя, — вспомнил Кошкин.

— Да уж, давай про машину времени!

— Я, конечно, не против такого названия, хотя принципиально оно неверно. Так можно любой конденсатор, где есть электромагнитное поле, назвать машиной времени. Время, как говорил, по-моему, Аристотель, мера изменения вещей. А я бы добавил, что в первую голову это мера изменения людей. Бог ждет от нас не строительства материи, а строительства духа! В этой мысли я еще больше укрепился после беседы с Авелем. Был ли этот разговор только в моем сознании, или — в какой-нибудь запредельной реальности...

В этот момент дверь палаты широко и довольно шумно раскрылась. На пороге сияла улыбками деловая чета Рузских-Барламовых. У каждого в руках было по огромному букету красных роз, словно они пришли к двум счастливым роженицам, а за их спинами маячил суровый Грум с двумя пакетами деликатесов (как чуть позже выяснилось). После традиционных расспросов о состоянии здоровья, обязательного уточнения деталей недавних событий (при этом Паткевич предпочел сосредоточенно смотреть в окно, а Елена Андреевна сыпать ругательными прилагательными в его сторону) разговор перешел в серьезное русло.

— Слушай, Сергей Павлович, откуда ты взял, что мне надо пройти обследование?

— Трансцендентные знания, — улыбнулся Кошкин.

— Ну не юли. Ты что — экстрасенс? Мы вот прорвались сюда на взятках и напоре, потому как завтра в Германию легим. Там, говорят, лейкоз в ранних стадиях хорошо лечат. Пересадка костного мозга, стволовые клетки и все такое... Клиника солидная, где Раиса Горбачева... Умерла. Колись давай, откуда данные? Я ж у врачей лет десять не был.

— Правда, оттуда, — показал глазами на потолок Сергей Павлович.

На минуту в палате повисла тревожная тишина. Потом Владимир Юрьевич собрался с мыслями.

— Ты на машине проверял?

— Да нет... Вроде... Но врать не буду, она здесь тоже какую-то роль сыграла. Помяли мы, наверное, своими неаккуратными руками ленту времени.

— Тогда уж, может, ты мне все до конца скажешь? Какой там прогноз в небесной канцелярии на Рузского? Тебя ж оттуда не зря отпустили?

— Правда — не знаю. Мы с тобой, Владимир Юрьевич, дальше трех лет не заглядывали.

— Со мной? Странно... Я думал, мы только по кабакам... А что сам советуешь, инженерный гений?

— Как и себе, о душе надо помнить. О смерти. Привиделся мне нынче вещий Авель, так и он своего конца не знал.

— М-да... Ну да ладно, три года — это уже что-то. Спасибо тебе, Сергей Павлович. Завтра, кстати, Виталик прилетает. Он давно бы здесь был, но у них там из-за опасности терроризма рейсы отменили. Трое суток в аэропорту сидел. Но завтра, обещали, начнут выпускать.

Когда все уже попрощались, Рузский на минуту задержался. Подошел к кровати Кошкина и низко наклонился.

— Вот, Серега, это я в целях конспирации прикарманил, когда ты, — Владимир Юрьевич кивнул в потолок, — в лучших мирах прогуливался. Возьми, сам решай, что с этим делать. — Он вложил в руку Сергея Павловича пульт дистанционного управления. — Но мое предложение о лаборатории остается в силе. Не обязательно, кстати, время ворошить. Может, тебе еще что-нибудь в голову придет. С тобой я согласен даже кухонные комбайны выпускать. Ты гений, Серега, и настоящий мужик.

— Спасибо, — смущенно улыбнулся Кошкин.

— Ну, бывайте, ребята, как только вернемся, устроим встречу ветеранов оборонной промышленности за мой счет.

Не прошло и десяти минут после этого посещения (Михаил Иванович даже не успел толком познакомиться, куда теперь девать столько продуктов), на пороге, будто разведчик, появился Дорохов. Сначала он по-шпионски выглянул из-за косяка, а уж потом вошел, широко улыбаясь.

— Толик не смог, — извинился за друга, — он меня, как старый боевой товарищ, прикрывает. Ведет арьергардный эротический бой с дежурной по этажу. Думаю, все может кончиться ковровой бомбардировкой постельными принадлежностями. Кстати, Пальч, она действительно ничего, — подмигнул с намеком. — Михал Иванович, как ваш мотор?

— Поршня пора менять, — в тон ему ответил Марченко.

— Нич-че! Проч-чистят, продуют, смажут, загудит, как новенький.

— Скажешь, Василий Данилович. У меня есть один друг, моего возраста. Так вот, он недавно подошел к писсуару, посмотрел на свой отработавший прибор и философски его приговорил: ну все, теперь сливай воду...

Все трое хохотнули.

— Ой, а что там творит наш общий друг, который сейчас исполняющий обязанности! Этот доморощенный Хрущев напустил в бюро кучу бизнесменов, которые еще вчера стреляли на улице в своих сокамерников...

Тут Дорохов осекся, заметив, как сигналит ему глазами Кошкин. Между тем Марченко сел на кровати и нахмурился.

— Ну-ну, Вася, рассказывай, чего он там пакостит?

— Да ничего особенного, Михаил Иванович. Развивает коммерческую деятельность... У меня вот для Сергея интересное сообщение. В "криминальной хронике" показали труп молодого мужчины кавказской национальности. Нашли в канализационном колодце.

— Усман... — опередил Дорохова Сергей Павлович.

— Да. Сколько веревочке ни виться...

— Что за Усман? — переключился Марченко.

— Да так, Михал Иванович, общий знакомый. Я его еще по первой чеченской знаю, — объяснил Дорохов.

— А-а-а...

— С тех пор, как я пришел в себя, мне все время кажется, что Бекхан где-то рядом, — задумчиво сказал Кошкин.

— Да бес ему в ребро, Пальч! — вспыхнул Дорохов. — Уж в последний раз мы его точно аннигилировали. Я научно выразился?

— Научно, — в голос подтвердили Кошкин и Марченко.

Дорохова дежурная сестра вытолкала, когда принесли обед. При этом он выразил готовность, пользуясь служебным удостоверением, нести здесь круглосуточную охрану за такой же поднос и возможность неоднократно лицезреть такую распрекрасную женщину. "Вот когда я лежал в госпитале", — начал он, но продолжать пришлось уже за дверью. Количество и качество армейских комплиментов суровую медсестру не сразило. В заключение в дверном проеме все же успела обозначиться голова Китаева, который сумел за две секунды пожелать скорейшего выздоровления, и был благополучно вытолкан взащей.

Посещения друзей утомили и Марченко и Кошкина. Последнего, к тому же, еще кормили с ложечки. Сон пришел к обоим по расписанию — в тихий час. На закате, когда в окне кипела рыжая макушка солнца, настроились было продолжить разговор по душам, но пришла Варя. С порога начала смущенно оправдываться, что сегодня ее согласилась подменить Мариловна, и даже силой отправила в больницу, хотя сначала они спорили, кто из них пойдет, чтобы успеть в часы приема посетителей. Увидев ее смущение, Михаил Иванович сел на кровати, вдел ноги в тапочки и очень правдоподобно ударил себя по лбу:

— Чуть не забыл! У меня же сейчас реабилитационные процедуры!

Кошкин судорожно вспоминал, на какой день можно вставать, но такой информации в его оперативной памяти не было. Пока он раздумывал, как возразить старику, тот уже довольно проворно выскользнул в коридор, побурчав для острастки о назойливых эскулапах.

Варя между тем села на табурет у кровати Кошкина. По ней было видно, что она обрела некую решимость, и поэтому сразу пошла на абордаж.

— Сергей Павлович, давайте я вас покормлю.

— Спасибо, Варенька, но я еще едок никудышный, меня недавно накачали бульоном, и я даже вынужден был разжевывать полкотлеты. Медсестра просто силой меня кормила. А я, видишь ли, — он кивнул на капельницу, — обленился, к жиденькому привык.

— А Мариловна сказала, что вы от ее пирожков не откажетесь, — смущилась Варя.

— В другой раз точно бы не отказался, а сейчас — увольте.

— Тогда, наверно, у меня и повода нет больше здесь оставаться, — опустила глаза девушка.

— Наоборот, я хотел, чтоб ты пришла. Можно, я буду на “ты”?

— Можно.

— И я буду тебе признателен, если ты будешь обращаться ко мне попроще, без величания. Ладно?

— Я попробую.

— А то начинаю чувствовать либо официальным лицом, либо пожилым человеком, который переживает за развитие пенсионной реформы.

Варя улыбнулась.

— Глядя в твои синие глаза, хочется жить, Варя. До твоего прихода жизнь казалась мне скучной, и возвращение в этот мир, по сути, не принесло особой радости. Ну не умер — и ладно.

— Это из-за любви к жене... — фраза Вари не была вопросом, но не была и утверждением.

— Не совсем так. Хотя огромная часть моего сердца принадлежала ей. Но не той красивой, уверенной в себе женщине, которая вместе с новым мужем принесла мне сегодня букет цветов, а другой, что осталась в идеализированном мною прошлом. Ту я любил так, что мог сойти с ума, а это нарушение меры.

— Неужели любовь может быть во вред?

— Может. Бог любит меру во всем. Безумная страсть порождает безумие. Но понял я это, когда было уже поздно. Я полагал, что любовь понимает и оправдывает все. Не тут-то было! В какой-то момент каждая женщина из романтической, витающей в облаках или в море нежности своего возлюбленного, начинает превращаться в прагматичную хозяйку. В ней добавляется уверенного шарма, но в тоже время, появляется трезвая расчетливость, и если желаемый результат расчетов не совпадает с системой координат, в которой она пребывает, то из этой системы она готова вычеркнуть любой объект, в том числе не удерживающего рост графика мужа. Тьфу, я как-то математически выражаю свою мысль.

— Мне понятно... Хотя банально и неправильно считать, что либо время побеждает любовь, или любовь побеждает время. Они параллельны и меняются вместе. Другое дело, если они пошли в разные стороны или пересек-

лись. Но мне кажется, в этом случае духовный разлад имеет первичное значение. К примеру, с точки зрения карьеры и быта мой отец это образец неудачника, но у мамы даже мысли не возникало с ним расстаться. Просто у них другая формула счастья, возможно, отличная от общепринятой. Хотя кто ее утверждал? А еще я знаю более драматичный, даже шокирующий пример. Одна женщина потеряла в результате травмы кисти рук. Представляете себе женщину без рук?! Даже если она Венера Милосская, она уже не может быть хозяйкой. Не всякий мужчина примет на себя груз, который полагается от природы женщине. Так вот, муж этой женщины остался с ней. Жизнь изобилует примерами как с той, так и с другой стороны. Все определяется состоянием души...

— Во! Сейчас, Варя, ты рассуждаешь пусть и красноречиво, но очень похоже на мою бывшую супругу.

— Простите, — смутилась Варя.

— Да нет, это ты меня прости. Но я закончу. Вторая причина моего разочарования — мое собственное изобретение. Замахнувшись на время, я опять же перешел грань, вышел из меры. В результате — у меня не осталось ни любви, ни времени. Есть только друзья...

— Но ведь это так много! А еще есть прошлое, есть будущее! Знаете, у меня в жизни тоже был момент, когда я перестала верить в любовь. Очень хотелось стать циничной и грубой. Но потом Мария Гавриловна рассказала мне о вас и Елене Андреевне... О том, ради чего вы по ночам паяете прибор, одно упоминание которого позволит окружающим записать вас в сумасшедшие. Я так завидовала вашей жене. Украдкой заглядывала в двери вашей лаборатории. Не понимала, как она могла вас оставить. Не понимала, наверное, еще и потому, что у меня перед глазами опыт моих родителей. Но главное, что я потом поняла — дело не в любви, не во времени, а в том, чего мы сами хотим и от того и от другого. Я, наверное, говорю банально?..

— А я? Не в театре, чтобы слова выбирать, — оправдался за обоих Сергей Павлович. — Никогда бы не подумал, что не самый яркий и весьма пространственный пример моей семьи станет притчей во языцех. Но ты права: есть прошлое, есть будущее. Есть возможность все исправить. Главное — самого себя. — Некоторое время Кошкин молчал, потом переменялся в лице. Будто вернулся в утраченную реальность. — Но я хотел спросить о другом, Варя. Я не обидел тебя тогда своей напускной черствостью в коридоре? Мне показалось, что...

— Вам показалось. Все показалось. Кроме одного, я действительно испытываю к вам...

— К тебе, — волнуясь, поправил Кошкин.

— К тебе, — со вздохом согласилась Варя, но в этот раз глаз не опустила, а смотрела прямо.

— Господи! Какой же глубины синева в твоих глазах! Утонуть можно! — воскликнул Кошкин. — Известно, что первая жизнь мужчины начинается в утробе женщины, а остальные, я уверен, в ее глазах.

Почувствовав, что его припиленная капельницей рука оказалась в ладонях Вари, он замолчал. Более всего он стыдился сейчас своей беспомощности и слабости.

— Скажу тебе сразу, — теперь уже Сергей Павлович смотрел в сторону, — я слабо представляю себе свое будущее. Это, пожалуй, во-первых. Во-вторых, я не имею никакого морального права втягивать тебя в свою неустроенную и, возможно, бесперспективную жизнь.

— В-третьих, я уже давно втянулась в твою жизнь добровольно. И ни на что при этом не рассчитывала. И сейчас менее всего рассчитываю.

— Последнее время я тешил себя надеждой, что живу ради сына. Но, как мне сейчас кажется, он прекрасно справляется без меня. То ли я уже дал все, что мог дать, и этого было совсем немного, то ли он, как и Лена, ушел от меня в другое время. А я остался там, где мы с ним собираем модели кораблей и самолетов, в обнимку сидя на потертом диване, читаем книгу... — Кошкин вздрогнул. — Не обращай внимания. Дурацкая ипохондрия. Я иногда просыпаюсь и собственному отражению в зеркале жалеюся на

жизнь. А ведь, по сути, мне надо благодарить Бога уже хотя бы за то, что у меня в жизни была такая любовь. Жутко подумать, но есть люди, которые, по большому счету, с этим чувством не знакомы. Опять же — вопрос меры. Но теперь уже с отрицательным значением.

— Зато таким индивидуумам чаще всего удается движение по карьерной лестнице и приобретение материальных благ, — улыбнулась Варя, словно сказанное ею оправдывало существование Вари Истоминой и Сергея Кошкина.

— Это — да, — согласился Сергей Павлович.

— Только ты не подумай, что мне просто хочется выйти замуж, — вдруг совсем по-детски испугалась Варя.

— А что в этом плохого? — вскинул брови Кошкин.

— Мне не хотелось бы стать тенью Елены Андреевны Варламовой.

Кошкин театрально наморщил лоб.

— Всё, даже тень Елены Андреевны принадлежит президенту холдинговой компании и удачливому бизнесмену Владимиру Юрьевичу Ружскому. Страшно представить, что будет с тем, кто посягнет хотя бы на тень Елены Андреевны Варламовой!.. Мне же принадлежит только память.

— А я о ней и говорю, — серьезно сказала Варя.

— Наверное, в прошлом можно остановить пулю, хотя и в этом я сегодня сомневаюсь. Но остановить разочарованную женщину... Для этого, по меньшей мере, потребуется энергия, сравнимая с той, которая выбрасывается во вселенский вакуум при рождении новых звезд. А, как мы знаем, новые звезды — это взорвавшиеся старые. Я, Варя, взорваться в свое время не смог, а теперь боюсь превратиться в черную дыру.

— Может, попробовать найти двойную звезду?

* * *

Вечером, когда вдвоем с Марченко смотрели по телевизору новости, Кошкин пытался прислушаться к себе. Пытался определить: так ли сильно болит то место в сердце, где жила все эти годы Лена. Стоило подумать, и в душе тоскливо засадило. Но теперь он воспринимал эту боль по-другому: как осколок после давнишнего ранения, удалить который хирургическим путем невозможно в связи с угрозой для жизненно важных органов. С осколком придется жить. В конце концов, живут же люди.

Другое дело Варя. Думая о ней, Сергей Павлович, покусывал от тревожащей неопределенности губу. Когда-то Лена ругала его за эту глупую привычку, из-за которой на нижней губе у него всегда ютился небольшой шрам. Теперь он останавливался лишь тогда, когда начинал ощущать во рту привкус крови.

Варя... Варя... Новое чувство или взаимная тяга двух пострадавших? Двух израненных, покореженных сердец... В ней есть какой-то тихий, именно тихий, неяркий свет. И Кошкин с содроганием думал о том, что он может к нему прикоснуться. С того дня, когда он впервые увидел Варю в своей лаборатории, он заметил этот свет в ее синих, как утреннее безоблачное небо, глазах. Нет, она не потеснила Елену. Она просто прикоснулась к его душе, робко и ненавязчиво, но прикосновение осталось там ждать своего часа. Потому что всякий нормальный мужчина (если только он сознательно не выбрал путь затворничества, стезю монаха) будет до конца жизни искать свою женщину. И если обретет ее, то вместе с ней получит право на вторую жизнь. Совсем другую жизнь.

* * *

Врачебный консилиум пообещал Кошкину, что следующим утром он будет вставать. На ночь даже отключили капельную подпитку. И Сергей Павлович, не дожидаясь благословления из ординаторской, преодолевая сильное головокружение, осторожно сел на кровати лишь только плеснули в окно

мутные волны рассвета. Сел, а потом и встал на ноги. Сначала сходил в туалет, где долго и с удовольствием плескал холодную воду на заросшее щетиной бледное лицо. Вдоль стеночки и спящей на дежурном стуле медсестры прогулялся по коридору до лестницы и обратно. Когда вернулся в палату, Михаил Иванович еще лежал лицом к стене. Тихонько лег на свое место, чтобы продолжить размышления о своем незавидном бытии, но мысли путались, либо неслись лавиной, не позволяя зацепиться за что-нибудь существенное и важное.

На душе стало тревожно, когда чуткий к любому звуку Марченко не проснулся на добрый, но требовательный окрик медсестры:

— Мальчики, пора вставать, принимать лекарство!

Сестра подошла к кровати Михаила Ивановича и осторожно дотронулась до его плеча, склонилась чуть ниже, переменялась в лице, и сначала негромко позвала врача. Потом, выбежав в коридор, крикнула громче:

— Олег Афанасьевич!.. Олег Афанасьевич! Срочно в палату...

Олег Афанасьевич — встревоженный и одновременно заспанный — уверенно вошел в палату, прикоснулся к шее Марченко и, по-кошкински покусывая губы, заключил:

— Уже не срочно. Часа четыре назад... Холодный совсем...

— Ой, Господи, ведь на поправку шел, — всплеснула руками сестра.

— Это старость, — успокоил ее доктор, — умереть во сне не всякому дано. Вечный двигатель еще не придумали, а уж сердце...

Кошкин, который был сейчас слаб не только телом, но и духом, беззвучно плакал, даже не пытаясь скрыть слез. Потом вдруг достал из-под подушки дистанционное направление с никчемной надписью "Toshiba".

— Доктор, а если... — начал он.

— В этом случае "если" не бывает, — отрезал Олег Афанасьевич.

Врач собственноручно перевернул тело Михаила Ивановича на спину. Увидев как никогда умиротворенное вселенским покоем лицо старика, Кошкин сунул обратно пульт управления и тяжело вздохнул. Машина времени не нужна там, где нет времени.

* * *

Появление Виталика несколько развеяло тяжелые думы Сергея Павловича. В том числе — и о новом поколении. Сын появился в палате через два дня после смерти Марченко. Худой и высокий, в белом свитере и голубых, с модными пепельными подпалинами, джинсах. Зато голубые глаза под коротким ежиком русых волос были чистыми и сияющими. И так легко и приятно было смотреть в них.

В качестве подарков Виталик привез отцу портативный цветной телевизор, который можно было положить во внутренний карман пиджака, и — свою невесту.

Комментируя телевизор, сказал просто:

— Чтоб не скучал.

Комментируя невесту, сказал еще проще:

— Это Элен, можно Лена.

Элен-Лена, которая оказалась француженкой, замешенной на русских эмигрантских кровях, одета была, как и Виталий, в белый свитер и джинсы. Со стороны могло показаться, что это брат и сестра — двойняшки. Различались они только по цвету глаз. У Лены они были желто-зеленого цвета. На русском языке она говорила с легким акцентом, но в данный момент предпочла больше отмалчиваться.

— Лена учится на архитектора, — пополнил личное дело невесты Виталик.

— Прекрасный выбор, — улыбнулся Кошкин.

— А как твой сопромат?

— Как и положено, сопротивляется.

— Ничего, у меня тоже сначала не шел. Это как анатомия у медиков.

— Ты извини, пап, что я сразу не прилетел, там...

— Я знаю.

— Пришлось лететь через Питер. Почему-то рейсы на Питер открыли раньше, чем на Москву. А мест навалом. Народ боится летать.

— Я тоже, — признался Сергей Павлович.

— Ты не знаешь, у Владимира Юрьевича это серьезно? Мама так переживает... — спросил и осекся Виталий, закусил по-отцовски губу.

— Серьезно. Ей надо быть с ним. Я уже в порядке. Меня Бог, кажется, простил.

— Пап, ты правда все-таки ее сделал?

— Правда. Но еще не довел до ума. И, наверное, не буду.

— На Западе ты был бы миллионером.

— Или трупом. Хотя и здесь чуть не стал, — грустно улыбнулся Кошкин.

— Мама сказала, что ты хочешь уничтожить машину?

— Не совсем так. Но пусть это будет моей маленькой тайной. Не возражаешь?

— Нет, что ты!.. Я горжусь тобой, пап. Всегда знал, что ты гений.

— Ну ладно, ладно, не хвали. Знаешь же — не люблю. Лучше расскажи о себе. По родимой стороне скучаешь?

— Если б не Лена, скучал бы. А если честно, скучать некогда, раз за меня платят, надо брать знания. Тем более, приходится учить два языка, и английский, и французский, да еще с техническим уклоном.

— Китайский надо учить, — в шутку посоветовал Сергей Павлович.

— У нас математику китайцы дают, между прочим, — серьезно заметил Виталий.

— А философию — ученик Сартра! — гордо вставила Лена.

— Экзистенциализм, — вспомнил Сергей Павлович, — так себе. — Но заметив, как удивленно вскинула на его более чем легкое отношение к мировой знаменитости Лена, добавил: — Кстати, данное учение зародилось в России. Правда, в его религиозном варианте.

Сказать-то сказал, а подумать подумал: “Ну, вторая Варламова! За идею вместо ласк всю ночь будет с мужем спорить”.

— А мы, пап, в Питере познакомились с одной кавказской парой, у них свадебное путешествие. Они уже по Волге на теплоходе прокатились. Здорово. А я собственной страны не знаю.

— Еще не поздно.

— А знаешь, как познакомились?

— Нет, конечно, — хмыкнул Кошкин.

— В тире!

— А вы-то там что делали?

— Надо было убить время до нашего рейса. И мы от нечего делать зашли в тир. А этот парень, его Алейхан, кстати, зовут, стрелял так, что собралась целая толпа. Он, наверное, все призы для своей Айзы забрал. Она стояла, улыбалась и держала в руках кучу мягких игрушек. Я уж рядом с ним винтовку в руки брать не решился.

— И ты спросил его, где он так научился стрелять, а он после этого перестал, и они оба с девушкой поторопились уйти из тира?.. — задумчиво предположил Кошкин.

— Откуда ты знаешь, пап? — удивился Виталий.

— Я, слава Богу, не видел, как он стреляет. Могу только предполагать. Так, интуиция... Ну, что было дальше? — вынырнул из видений Сергей Павлович.

— Мне показалось, что я его чем-то напугал или обидел, мы с Леной их догнали, и я предложил сходить вместе в кафе. Тем более, что и у нас и у них оказался хороший повод. Мы подали заявление в ЗАГС. В России...

— В России... Это звучит...

* * *

Обложившись тремя мобильными телефонами, Петр Верхотурцев полагал сделать с каждого из них по одному звонку, дабы обеспечить себе без-

опасный выезд из страны и безбедное существование на первое время. В нынешней ситуации он не мог сходить в банк, чтобы воспользоваться честными сбережениями, а нечестных, разбросанных по разным берлогам, было маловато. Эх, знал ведь, что с этим мутноглазым сосунком Ермоленко кашу не сварить! Александр Максимович, растудь ты! Такие, как он, только сопли по нам умеют размазывать. В одном у них сила — страсть к деньгам ведет их в точном направлении к прибыли, как лососей на нерест. Да на крутых порогах и поджидают жирных лососей рыбацки в погонах. Сейчас, поди, сотрудничает со следствием, метет, как диктор радио по заявкам слушателей.

Взяв в руку первый телефон, Верхотурцев позвонил своему знакомому умельцу и заказал заграничный паспорт. Разумеется, имя Петра Матвеевича теперь будет звучать по-другому. Но это его несколько не тяготило. Деньги можно приложить к любому имени. За деньги имя можно сделать если не кристально честным, то, во всяком случае, respectable. Вторым номером по второму мобильнику набрал номер приемной Яковлева. Но ушлая секретарша обломала его в два слова: “звоните генеральному”. О как! Пришлось нарушить правила безопасности и набрать еще раз с этого же телефона.

— Девушка, ты не гони, а у генерального номер какой?

На разговор с Яковлевым особо не настраивался, решил давить, как на не заплатившего клиента.

Уже другая секретарша, узнав, что звонят из администрации губернатора, соединила Верхотурцева с новым генеральным конструктором.

— Слушаю, — деловито начал разговор Вадим Григорьевич, у которого была масса дел по реорганизации производства.

— Вот именно, слушай, лысый! — наехал с ходу Петр Матвеевич. — Бросишь трубку, я с тебя это... Скальп сниму!

— Кто вы и что вам нужно? — не особо испугавшись, поинтересовался Яковлев, тут же нажав кнопку записи на встроенном диктофоне.

— Тебе сто штук отвалили, а ты условия не выполнил.

— Какие сто штук? Что за бред?

— Послушай, лысый, ты своей секретарше такие вопросы оставь. Я так маракую — друзей из Конторы интересуют твои встречи с чеченом, который по секретному предприятию разгуливал. Как насчет фотографий? Да и базар ваш на пленочку закатан.

— Ты блефуешь, — Яковлев остановил запись разговора.

— Угу, а от моего блефа у тебя счет в Промстройбанке ломится.

— Что нужно? — Владимир Григорьевич еще не придумал, как ему избавиться от нового шантажиста.

— Бабки обратно и еще два раза по столько — за моральный ущерб.

— Сразу скажу, таких денег у меня нет. Тем более — два раза по столько. У меня зарплата советского инженера.

— Ага, ты еще заплачь, что тебе детское пособие вовремя не выплачивают. Нет денег? Ты ракету чеченам продай. Или китайцам. Мне без разницы.

— Какие гарантии, что этот разговор не провокация? — опомнился вдруг Яковлев.

— Хорошо, придешь сегодня в одиннадцать на то самое место, где встречался с чеченом, но без конторских хвостов. А то я из твоей башки одним ударом жопу сделаю. Все. Время пошло. — И дал отбой.

Третий телефон Верхотурцев положил в карман джинсовой куртки. Затем подошел к зеркалу и приклеил под плоский боксерский нос русую полосу усов. Сверху взгромоздил смешные круглолинзовые очки в металлической оправе. Ухмыльнулся. Получился битый в нос интеллигент.

Яковлев на стрелку пришел один. Это Верхотурцев перепроверил несколько раз. Он приблизился к Вадиму Григорьевичу, когда тот уже собрался уходить из сквера, и, озираясь по сторонам, оторвался от скамейки. Верхотурцев неслышно вышел из кустов со спины и сразу предупредил:

— Сядь, лысый, и сиди тихо, не поворачивайся. Короче, я тут, типа грибы собираю, а тебе до меня дела нет.

— Мне кажется, — спокойно заговорил Яковлев, — мы должны быть союзниками...

— Мои союзники сейчас показания дают, — зло оборвал Верхотурцев. — Ты бабки гони.

— Триста тысяч долларов — это не сумма, которая может фигурировать в таком деле, — с напускным безразличием продолжал Вадим Григорьевич. — Вы же утверждаете, что у вас есть пленка с записью моего разговора с кавказцем. Там он упоминает значительно большие суммы.

Верхотурцев сверху вниз посмотрел на ненавистную, покрытую мелкими капельками пота лысину Яковлева. Допер ведь, гад, что его на лоха берут.

— Пленки у меня нет, но фотографии — как в аптеке. Резкость, как на портретах Ленина.

— Ну и пусть они у вас будут. Кроме вас, за этой беседой наблюдали офицеры ФСБ, курирующие наше предприятие.

— Так чего там у тебя за большие суммы? — Верхотурцев вынуждено ослабил хватку. Его козыри не играли.

Яковлев облегченно вздохнул. Везет ему на бандитов. Липнут, как мухи на дерьмо, да там и остаются.

— Я так понимаю, вы подручный господина Ермоленко?

— Подручный?!.. Запечный! Да я из него в любой момент терпилу мог сделать! Команды не было.

— Ну, теперь это не столь важно. Александр Максимович хотел заполучить один прибор. Однако, как вы ее называете, Контора его опередила. Правда, не совсем. Сейчас, кстати, его проверяют у психиатра. Он считает, что охотился на машину времени.

— Псих, — определил Верхотурцев.

— Вот-вот. Но у одного человека действительно есть маленький пульт, за который любая иностранная разведка заплатит огромные деньги. Такие, какие не снятся даже мечтающим ограбить центральный банк. Хорошо бы его заполучить, а лучше всего, если вместе с пультом мы получим комбинацию цифр. Код. Наша с вами сделка проста. Вы приносите пульт и получаете миллион долларов.

— А не мало?

— Попробуйте продать дороже, но для этого надо знать кому, как и, в конце концов, что это такое. А спрятан этот пульт в обычную лентяйку от японского телевизора “Тошиба”.

— Ну если ты мне тут вату по ушам катаешь...

— Не горячитесь. — Яковлев выдержал паузу. Затем достал из внутреннего кармана свернутый четверо листок формата А4. — Так вот, сейчас я встану и уйду. Как вы и просили, не оборачиваясь. А на скамейке останется этот листок. Это ксерокопия из личного дела инженера, который завтра выписывается из больницы. Пульт у него. Добудете пульт, позвоните. Номер вы теперь знаете. Представитесь...

— Петром Модестовичем, — хмуро подсказал Верхотурцев, которому хотелось оставить себе хотя бы часть своего имени.

— Оригинально, — согласился Вадим Григорьевич. — Тут же в листке пятьсот долларов на возможные расходы.

— Ты, дядя, будто каждый день в такие игры играешь, — покачал головой собственной покладистости Верхотурцев. — Лихо ты мне тут наплел. Но помни, если за лоха меня удержишь, я тебя с любой Лубянки достану.

— Знаю, что таких, как вы, лучше не обманывать, — очень серьезно согласился Вадим Григорьевич, подымаясь со скамейки.

Собой он был крайне доволен. В нем кипела своеобразная эйфория побед. Двух отмороzków он поимел по полной программе за их деньги. Третий напрашивался сам. Фээсбэшники все же спросили про машину времени, но, увидев выражение лица заместителя генерального конструктора, только поухмылялись. Мол, и сами понимаем, крышу сорвало у господина Ермоленко. Но чем он здесь интересовался? Ах, системой наведения ракет предупредительного залпа. Секретные разработки? А вы знаете, что данный фрукт еще в Чечне предал своих товарищей? Что вы говорите?..

Умер Марченко, а Кошкин проминал больничную койку. Карьерная лестница была свободна. Впереди никто не маячил, в спину никто не дышал. Фарг да и только! Но чистого фарта не бывает, головой думать надо. В том числе лысой!

* * *

Многие люди, покидая места, где им пришлось перенести страдания, мучения, терпеть невзгоды, испытывают при этом не только радость, но и чувство непонятного им самим сожаления. Казалось бы, человек возвращается в привычный ему, по-своему комфортный, уютный мир, но нет, еще и еще раз оглядывается на узилище или больничную палату. Что-то еще осталось там, кроме печальных дней, кроме, собственно, времени? Приходилось слышать от ветеранов, побывавших в плену, в фашистских концлагерях, что, возвращаясь туда через десятки лет, когда там были сооружены мемориалы, они ехали не только почтить память погибших товарищей, но и почувствовать еще раз то, что в обыденной жизни не уловить, не вырвать из суетливой вереницы мгновений. Но один из них сказал: “Это чувство очищения”. Действительно, наверное, все просто: страдания очищают, перепахивают душу, и она становится благодатной почвой для Божьего Слова, а духу человеческому придают силу. И уходя из смрадных, пропитанных смертью барачков, они одновременно покидали место своего духовного восхождения. Ежедневное ожидание смерти и боль трансформировались здесь в любовь и сострадание. И это не парадокс, а освященный Голгофскими страданиями Спасителя путь. С той разницей, что у Него он был в одну сторону — в небо, в вечную жизнь.

Сергей Павлович все вышеизложенное не подумал, а едва уловил в проскользнувшей, как искра, мысли, когда спускался в фойе городской больницы.

Внизу его встречали Дорохов, Китаев и Варя. Мариловну опять не взяли, потому как сэкономили место в дороховском “жигуленке”.

— И как вы оба покинули пост? Или третий дежурит? — вместо приветствия спросил у Дорохова и Китаева Кошкин.

— Да нет, — обнял Сергея Павловича майор, — мы уж три дня как безработные. Уволены за нарушение пропускного режима.

— Из-за Рузского?

— Из-за него, милого, но он нам и работу обещает. Будем чуть ли не личными телохранителями у Елены Андреевны. Сам-то он без Грума ни шагу.

— Весело, — слил иронию в одно слово Сергей Павлович.

— Да плевать, прорвемся, герои нужны везде, — резюмировал Китаев.

— Здравствуй, Варенька, — нерешительно подошел к девушке Кошкин.

Варя ответила ему только глазами: да, я здесь, что же дальше? А он и сам не знал, что дальше. Поэтому стояли некоторое время молча, смотрели друг на друга внимательно, словно пытались разгадать будущее. Дорохов и Китаев предупредительно отстранились. Из оцененения их вывел достопамятный Олег Афанасьевич, что торопился куда-то, но нашел секунду притормозить рядом с онемевшей парой:

— Что? Выписались? Ну всего вам...

— И вам, доктор.

— Поедем? — воспользовался пробуждением Василий Данилович. — Мы там у тебя дома немного похозяйничали. А Варя с Мариловной такой стол сварили, что можно и свадьбу отгрохать. Моя бабушка говорила, хороший праздник под столом кончается. Виталик со своей Леной туда же придет. Слушай, Палыч, они прямо как брат с сестрой. Так что у тебя теперь и сынок и дочка...

— Аж с французской родословной, — вставил Китаев.

— Да, поехали, — Сергей Павлович все еще был где-то в другом мире.

...Застолье сопровождалось не только краткими армейскими тостами, но и длинными причитаниями Мариловны, которая пыталась накормить Сергея

Павловича с такой инициативой, словно он только что вернулся из концлагеря. Пришлось выслушать две длиннющие, униженные подробностями истории про голод сорок седьмого года. А также рецепт супа из крапивы, включая его полезные свойства для человеческого организма. Мариловну слушали вполуха, иногда бесцеремонно перебивая торопливую речь старушки созревшими тостами и фразами “из другой оперы”. Та не обижалась и, главное, поглядывала в тарелку Кошкина, обеспечивая ее постоянное наполнение разнокалиберными закусками. То грибочки, что сама осенью собирала, то отбивными, что Варя утром делала (а мягкие какие!), то картошечка рассыпчатая (Дорохова специально в погреб гоняла), то селедочку под шубой (в нашем гастрономе, хоть и маркетом теперь называется, селедка еще со хрущевских времен такая вкусная-жирная, да и свеколка к ней ого-го-го, вот только майонез не для холостяков: “Моя семья”, и прицельный взгляд на тихую Варю), то зеленый салат “Бабушкина грядка”...

Пробившись через эти многочисленные “то”, Варя нашла повод юркнуть на кухню — заварить чай.

— Опять же с травками, чтобы поправлялся быстрее, — сопроводила немая Мариловна. — Там я в железную банку из-под импортного высыпала!

— Хорошо, баб Маш.

Через пару минут Кошкин тоже нашел предлог уйти на кухню, где застал Варю.

Чайник уже пыхтел. Она стояла у окна, но смотрела, похоже, не наружу, а внутрь. В себя. Было в этом ее оцепенении тихое очарование, что натягивает до предела нужную струну в мужском сердце. А у Сергея Павловича эта струна взвилась высокой нотой и лопнула. Он чуть не охнул от непонятной боли в груди.

— Варя, выйдешь за меня замуж? — спросил тихо и закусил по привычке от волнения губу.

— Выйду, — ответила так, словно решение было принято миллион лет назад, а сам вопрос Кошкина будто бы ничего и не значил. И не обязателен он был. Пуст по своему содержанию. И тогда, как водится у мужских особей, которые через отрицательные свои стороны умеют набивать себе цену, Сергей Павлович проронил:

— Но я ничего не смогу дать тебе?!

— Мне ничего и не нужно.

И тихий ответ Вари опрокинул, оборвал на полуслове и без того израненное сердце Кошкина. Он вдруг без машины времени увидел близкое и возможное будущее. Нет, она никогда не заменит Лену Варламову с ее сокрушительным шармом и лилейно взращенным самолюбием. С ее божественным полетом (оттого ли часто просила — погладь меня между лопаток — крылья пробиваются?). И не будет у них с Варей по ночам сумасшедшей, почти неконтролируемой страсти, но будет другая — спокойная и нежная, какая только и может быть у двух обгорелых сердец, боящихся причинить друг другу боль неловким, резким прикосновением. И не огонь это будет, но и не тление, а нечто другое, которое сподручнее из-за недостатка слов назвать свечением. И тихая эта нежность много стоит, потому как способна длиться, перетекая в вечность, туда, где сливаются в общий поток человеческие души.

Там, где продолжается пасмурный вечер, где можно подойти к стоящей у окна супруге (а за стеклом неровными пунктирами срывается с низкого осеннего неба бесконечный дождь), обнять ее за плечи и почувствовать, как сливаются ваши души. Как звучат на одной ноте! Как идут в одном ритме сердца. И безбрежная нудная сырость отступит, просто потеряет свое значение, как, в сущности, и весь окружающий мир. Где-то в космосе, как и предполагается, пересекутся две прямые, и не пересекутся даже, а сольются в одну, похожую на луч, и пролетающие мимо ангелы будут любоваться ею.

А еще будет вечер, когда Варя положит свои ласковые руки на усталую голову Сергея. И прикосновение это будет сродни исцеляющему наложению рук. В нем сконцентрируется больше слов и многозначительных пауз, чем в мировой антологии любовной лирики. В нем — кульминация взаимопонимания. И будет безмятежно и покойно... Им обоим.

Утром следующего дня Кошкина разбудил телефон. Незнакомый хрипловатый голос с хорошо поставленной тональной наглостью осведомился:

— Спишь, больной?

— Кто говорит? — безразлично спросил Кошкин.

— Короче, мне тут с тобой знакомиться некогда, базар по делу. Тебе здоровье надо?

— Кто говорит? — снова спросил Кошкин.

— Да не липни ты! Слушай, что тебе говорят! У тебя есть пульт, он мне очень нужен. Я у тебя его заберу у живого или мертвого. Поэтому выбирай. Если у живого, значит, я тебе даже бабла подкину...

— Бабла?..

— Ну да, бабок. Понял?

— Не очень.

— Ну ты думай, короче, вечером будь готов. Я тебя сам найду. Хорошо подумай. Нет такой штуки, будь она хоть гора золота, ради которой стоит слохнуть в канаве или быть закатанным в асфальт. Сечешь?

— Секу.

— Думай... Да береги своих близких, если они у тебя есть.

Почему-то подумалось в первую очередь о Виталике.

Бросив трубку на рычаги, Сергей Павлович пошел умываться, но выражение недоумения с лица смыть не удалось. И сбрить тоже. Чуть не порезался. Нет, не мог он сказать себе, что хрипловатый голос его не напугал. Получалось, история с машиной времени в этом самом времени набирает слишком опасные обороты. Следовало немедленно позвонить Дорохову и элементарно подстраховаться. Но для начала Кошкин решил посетить Яковлева.

Покинув ванную, он вдруг поразился новому запаху, который ворвался в его холостяцкое жилье. Это был жгучий, зовущий аромат только что сваренного кофе. А поверх него уже подкрадывался, набирал силу, срываясь с шипящей сковороды, золотистый дух аппетитных гренков. Войдя на кухню, он ошарашено плюхнулся на табурет, и, как зачарованный, стал смотреть на суетящуюся у плиты Варю. Телефонный звонок какого-то дебила чуть не вытолкнул из тела и души Кошкина одну из лучших ночей в его жизни, чуть не омрачил доброе утро.

И он произнес это утро вслух, и получил ответ вместе с поцелуем в гладко выбритую щеку. Потянулся к Вариным губам, но только услышал в ответ:

— Я тоже хочу почистить зубы.

И такая в этих словах была сермяжная обыденность, будто они жили вместе уже триста лет и еще три года, что захотелось просто плыть по течению, наслаждаясь уютом и покоем.

Еще вчера унылого вида квартира вдруг стала обретать новые черты — в сущности, пока только одну, самую главную — в ней появился смысл человеческого бытия. Пусть мирского, ведущего отчет еще от прародительского грехопадения, но едва ли не самого насущного, без которого — либо в монастырь, либо... А об этом лучше и не думать. Да и не думается в такое утро.

И хрупкая Варина фигура, облаченная в синюю махровость старого кошкинского халата (и где успела найти?) вдруг стала центром маленькой вселенной, которую еще вчера можно было считать черной дырой.

Сергей Павлович закрыл глаза, чтобы вновь погрузиться в темноту прожитой ночи и внутренне содрогнулся от понимания, к какой красоте он прикоснулся. А еще предстояло понять, какая душа дотянулась до его сердца.

Тем не менее, все стало однозначно и просто. Как и должно быть в нормальной человеческой жизни. И можно ложиться в дрейф, плыть по течению. Но несла Сергея Павловича теперь совсем другая река.

Говорят, что власть и деньги портят людей. Портят, конечно, если они от сохи. Что называется, дорвались. К власти надо идти. К ней надо быть готовым. Власть это такой же инструмент, как любой другой, который в неумелых руках, как хирургический скальпель, может неосторожно скользнуть по аорте... Вадим Григорьевич готовился к ней всю жизнь. Более того, полагал, что и так уже задержался на вторых ролях. Уж слишком долго сыпался песок из старика Марченко, не одни песочные часы заправить можно. Дал же Бог человеку здоровья! Точно подмечено: скрипучее дерево живет долго.

Первым делом Вадим Григорьевич, не взирая на косые взгляды своих подчиненных, провел генеральную уборку в кабинете генерального. Все, что могло напомнить о старике, перекочевало либо в подсобки, либо на свалку. Зато выстроилась манящим удобством свежая современная мебель, а дорожущее кожаное кресло само по себе — даже пустотой своей услужливо изогнутой — являло символ власти и стабильности. Да и стол, возле которого вращалось это кресло, подставив свою массивную дубовую спину под престижные письменные принадлежности английской фирмы “Эскалибурн”, всем своим глянецом вещал: мы тут главные! По мне кулаком, по вам приказом!

От старого хозяина остался только знаменитый телефон с гербом СССР — вертушка. К нему Яковлев отнесся суеверно. Пусть стоит, может, и Вадиму Григорьевичу сидеть в этом кресле тридцать лет и еще три года, если, конечно, не поднимут выше... Голова его между тем ломилась от планов и предстоящих свершений. Первым приказом Яковлев увековечил память Марченко, назвав его именем изделие номер сто сорок восемь, что гарантировало потенциальным врагам России перспективу получения “привета от Марченко” в особо точном режиме. В соответствии со вторым приказом все работники получили премию, обеспечившую, как ныне принято говорить, небывалое повышение рейтинга нового руководства. “А вот Кошкин бы не догадался!”, — подумал Вадим Григорьевич и (свят, свят, свят!) увидел на пороге своего кабинета изрядно похудевшего и бледного Сергея Павловича.

— О, проходите, дорогой мой ведущий инженер! — при этом произнеся “дорогой мой”, Яковлев невольно акцентировал на слове “мой”.

— Здравствуй, Вадим Григорьевич.

— Здравствуйте, здравствуйте! С выздоровлением вас, Сергей Павлович. Когда приступите к работе? Президент уже лично звонил, интересовался новым проектом.

— Хм... Вам виднее, когда я приступлю. Для начала хотелось бы узнать — за какими железными засовами находится сейчас генератор.

— Ой, только не драматизируйте, Сергей Павлович! Вы же понимаете, такой уникальный прибор не может просто так стоять на столе! Я велел закрыть его в моей личной секретке. Так что — не переживайте. Он даже не пылит, в целостности и сохранности ждет вас.

— Меня?.. — Кошкин сверкнул глазами так, что Яковлеву стало не по себе. — Что-то слишком многие интересуются ныне сверхсекретным проектом.

— На что вы намекаете? — почти взвыл Вадим Григорьевич.

— Ни на что. Но хочу вас предупредить. У вас там много в вашей личной секретке ценного имущества?

— А что?

— Если в течение двадцати четырех часов я не получу доступа к генератору, он самоликвидируется. Силу взрыва желаете знать в тротиловом эквиваленте или мегатоннах?

Яковлев был более чем озадачен. Он даже повторил Кошкина и закусил нижнюю губу. Но быстро собрался, провел рекогносцировку и понес дальше.

— Да что вы, Сергей Павлович! Никто не претендует на ваше изобретение! Хотите — хоть сейчас начнем работу над патентом! Я просто взял эту работу под личный патронаж.

— Спасибо, — процедил Кошкин, — а сейчас, будьте добры, поставьте его на место. Если вам так хочется его сберечь, назначьте дополнительную

охрану у дверей лаборатории. Можете даже посадить автоматчика прямо перед ним.

— Об этом обязательно подумаю. Не волнуйтесь, генератор через полчаса будет на вашем столе. Но будьте, пожалуйста, внимательны, с вами, кстати, будут разговаривать товарищи из ФСБ. Да! И подготовьте в кратчайшие сроки отчет о проделанной работе в направлении создания ракет предупредительного залпа. Это просьба президента. Пока что еще просьба...

— Непременно, — облегченно вздохнул Кошкин, картинно откланялся и направился к двери. Уже на пороге остановился и повернулся к хозяину кабинета с неожиданно счастливым выражением лица: — Да! Поздравляю вас с назначением, Вадим Григорьевич!

— Вы это серьезно? — приложил платок к лысине Яковлев.

— Абсолютно и чистосердечно. Во времена бурного экономического реформирования и создания партии нового типа лучшего руководителя и придумать нельзя.

Сказал без малейшей иронии в голосе и оставил Вадима Григорьевича переваривать: то ли его похвалили, то ли слишком хитроумно назвали дураком и карьеристом. Но, так или иначе, генератор через полчаса снова вышел на рабочем столе Кошкина.

Яковлев пришел лично засвидетельствовать торжество справедливости. Он застал Сергея Павловича в раздумьях. При этом на лице инженера висела потусторонняя улыбка.

— Ну вот... — начал было Вадим Григорьевич.

— Ну вот, — поддержал Кошкин, нажал какую-то кнопку на известном уже пульте, в воздухе запахло озоном, и генератор исчез. — Можете доложить президенту, что проект упреждающего ракетного удара оказался на сегодняшний день бесперспективным. Во всяком случае, пока он сам не сформулирует четкую оборонную доктрину, а не ту, которую ему диктуют из-за океана да из Лондона. Это, между прочим, не мои слова, а покойного Михаила Ивановича.

— Н... но... М-м-м! — Тщетно пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, Яковлев только демонстрировал свою растерянность. — Сергей Павлович, вы же сейчас ставите крест на своей карьере!

— А у меня ее никогда не было! Я жену из-за этого потерял. Красивую и умную! Теперь не хочу потерять вторую. А крест у меня и так есть, и я буду его нести, покуда хватит сил. Мне, кстати, предложили место в университете.

— О! Я вовсе не ставлю вопрос о вашем увольнении! Вы очень ценный специалист... Левша двадцать первого века!

— Вопрос о моем увольнении ставлю я. Мне тут по ночам и поболтать теперь не с кем.

— Хорошо подумайте, — примирительно попросил Вадим Григорьевич.

— Хо-ро-шо подумаю, — по слогам разложил акцент на слово "хорошо" Кошкин.

— Вы до какого на больничном? — будто и не было предыдущего разговора.

— Да я по жизни больной, Вадим Григорьевич, — подмигнул Кошкин, как будто похвастался долгосрочным освобождением от уроков физкультуры в школе.

— Ну, вы, если надо, больничный пролонгируйте...

— Как? Пролонг... Чего? Есть же великий русский язык, Вадим Григорьевич! Это же так просто: продлите! Про-дли-те... Вы никогда не думали, что я могу сделать его бесконечным?

* * *

В аллее у подъезда своего дома Кошкин буквально напоролся на мощный кулак. И тут же услышал знакомый голос с наглой хрипотцой:

— Притормози!

Инженер от неожиданности оторопел и, прежде чем на его голову обрушился страшный удар, успел шевельнуть мыслью: до чего ж много подонков ныне развелось! Додумывать пришлось, падая, но та же тренированная рука быстро вернула Сергея Павловича в вертикальное положение, сдавив его горло воротом рубахи. Сокрушительная сила удара лишила Кошкина всякой воли к сопротивлению. Находясь в состоянии, которое боксеры называют “гrogги”, он одновременно слушал наседавший хриплый голос и судорожно пытался сообразить, каким образом он мог бы нанести хоть какие-то увечья своему неожиданному сопернику.

— Пульт! Врубашься? Пульт. Чем быстрее, тем меньше мучений.

— Можно было и не махать кулаками, забирай... — Кошкин достал из кармана дистанционный с надписью “Toshiba”.

Верхотурцев ослабил хватку на вороте сорочки Сергея Павловича, и тот получил элементарную возможность дышать полной грудью.

— Вроде сходится, — прищурился на прибор Петр Матвеевич.

— Он, родимый, — сплюнул кровавую пену инженер.

— Ежели что не так, я тебя из любой секретной лаборатории выну и пошинкую.

— Одно не понятно, на хрена попу гармонь?

Верхотурцев ни иронии, ни вопроса не понял. “Опять придется новый пульт к телевизору покупать”, — раздраженно подумал Кошкин. Еще ему очень захотелось садануть своему мучителю коленом между ног, но на всякий случай Сергей Павлович сдержался. Разумнее было предполагать, что, разогнувшись, господин Верхотурцев превратит скромного инженера в отбивную. Но хотелось очень...

Видимо, желание Кошкина было услышано. Некто, не уступающий габаритами Петру Матвеевичу, толкнул его со значительной силой в плечо, отчего тот временно оставил Кошкина в покое.

— Какого лешего тебе от моего лучшего друга надо?

Конвульсивно сработала память, вытолкнув на поверхность теплую майскую ночь у подъезда, шумное обилие зеленых фуражек, пустых и полных бутылок. И хрустящие маринованные огурчики.

— Гриша! Корин! — признал спасителя Сергей Павлович.

— Яволь, май френд! — расплылся в широкой улыбке Гриша, но тут же получил от Верхотурцева прямой удар в челюсть. Плюхнувшись на основную точку опоры, он озадаченно посмотрел вверх, но в состоянии “гrogги” в отличие от Кошкина не впал. Зато нападавшего он мгновенно опознал по удару.

— Петя! Какого лешего?.. Мы же не на ринге!

— Земля круглее, чем я думал. — сказал Верхотурцев.

— А то! Пепел Джордано Бруно заровнял все ямки и выпуклости! Какого хрена ты лупишь моего друга Сергею?

— Друга? — Верхотурцев отступил на шаг, с ухмылкой глянул на пульт в левой руке, зло подмигнул Кошкину. — Да тоже по дружбе! — потом обратился к Корину, каковой напрасно ждал, что бывший напарник по спаррингу подаст ему руку. — Вот что, Гриша. Повезло сегодня нашему другу. Но у меня к тебе большая просьба, ты меня не видел! А лучше всего, если ты меня не знаешь, — и для вящей убедительности напоследок толкнул Кошкина в грудь.

— Не понял? — вскинул брови Гриша.

Но ответом ему хлопнула дверца иномарки и взревел мотор.

— Он у тебя забрал что-то? — Корин неторопливо поднялся на ноги.

— Да так... Мелочь... Дистанционный пульт от телевизора.

— Зачем он ему?

— Наверное, у него дома такой же телевизор, как у меня, а пульт вышел из строя. Мне, к примеру, нравится марка “Toshiba”. Баланс цветов гармоничный, — с блуждающей улыбкой на лице ответил Кошкин и вдруг захохотал. Корин посмотрел на него, как на юродивого, но потом заразился и тоже стал покатываться.

Из кошкинского подъезда выскочили Дорохов и Китаев. Дорохов, оценив ситуацию, сначала плюнул в сердцах, но потом тоже стал улыбаться.

— Во, блин, подстраховали!

— А моя бабушка говорила — у семи нянек, — опередил со своей бабушкой Китаев, но поглядев на Кошкина, перефразировал, — с подбитым глазом!

— Надо бы позвонить куда следует, — стал серьезнее Дорохов.
Корин протянул ему свой мобильник.

* * *

Есть точки, где пересекаются время, пространство, а главное — человеческие судьбы. Хаотичная траектория движения субъекта по жизни так или иначе выбросит его в эту точку, избежать которой практически невозможно, особенно если субъект о ней даже не подозревает. Такова сермяжная диалектика фатального стечения обстоятельств. Образно говоря, индивидуум находится в клубке неслучайных случайностей, посылов, закономерностей, причинно-следственных связей, ему мнится, что он участвует в написании своего жизненного цикла, а Некто сверху, Кому виден этот клубок насквозь со всеми его узлами и разрывами, пронзает этот путанный шар по Своему Промыслу этакой вязальной спицей, нанизывая на одну прямую и субъектов, и объекты, и сопутствующие им обстоятельства. И, как ни уворачивайся от острия этой спицы, она, рано или поздно, достигнет тебя, да еще и враспloch.

Юлия Михайловна Бирман, дочь покойного адвоката Михаила Марковича, после похорон отца находилась в полной растерянности. Свою судьбу она делать не умела и не хотела, эту нелегкую работу выполнял за нее отец, в руках которого находились бесчисленные связи с сильными и не очень сильными мира сего, от решения которых зависело строительство и разрушение карьерных лестниц, либо, скажем, установка локомотивов истории на запасные пути. Юля бродила по городу с отсутствующим выражением лица, не хотя оформляла документы на оказавшееся солидным наследство, и делала это лишь потому, что подталкивали коллеги покойного родителя, которые на проверку оказались все у него в долгу. Прагматизм был для них превыше всего, в том числе — смерти. Какие-то люди с ярко выраженными криминальными повадками и суровыми лицами посещали ее дом, таскали на порог коробки с деликатесами и всяческой бытовой техникой, точно вороватые интенданты в блокадном Ленинграде. Они же организовывали поминки по высшему разряду. Но все это происходило не по, а помимо воли Юлии Михайловны. Связи в верхах также продолжали работать сами по себе. Количество соболезнований натерло мозоли в обоих ушах, а милицейские чины с большими звездами на погонах грозили самыми страшными карами в самые кратчайшие сроки хладнокровному убийце ее отца. Телевизионные прониры уже сыпали версиями собственного сочинения, городскими слухами, а один умудрился снять документальный фильм-расследование. Разумеется, Михаилу Марковичу подспудно да с эзоповыми вывертами вешали связи с криминальным миром. Но вся эта чушь летела мимо Юлиных ушей.

Тысячи ниточек, стекавшихся в руки отца, еще дергались, словно получили импульс от его предсмертной агонии, но девушка знала наверняка, что уже через пару недель они будут порваны. Потянув за них, не найдешь ничего, кроме пустоты, или, в лучшем случае, показательной отстраненности. Потому и не цеплялась за всю эту суегу. Знала, что все закончится помпезным мраморным памятником и завываниями раввина. Потом будет одиночество да пара-тройка верных отцовских друзей, периодически подкидывающих деньги и халтуру. Хотя нет. На сороковины некто кавказской внешности принес Юле конверт, в котором были фотографии трупа, который, следовало понимать, и есть уже наказанный преступник. Ничего, кроме отвращения, Юлия Михайловна, мельком глянув на снимки, не испытала.

Отцу действительно отгрохали помпезный памятник, коих удосууживались в прежние времена герои революции. Этаким порыв с трибуны с протянутой рукой. Почему-то вдруг вспомнилось, что первый памятник революционеры поставили Иуде Искариоту. Показательно... А вот папа в камне был

почему-то похож на Карла Маркса. И цветов на черных мраморных плитах было море, будто свадьба, а не похороны. Или даже годовщина революции...

В один из бесконечных летних дней, когда солнце только делает вид, что заходит, Юлия неспешным шагом двигалась в сторону дома своего нового возлюбленного. Последний раз они виделись на кладбище, где ее тошнило от сладковатого запаха смерти, и она едва сдерживала горловые конвульсии, которые вся траурная процессия принимала за сдавленные рыдания. Пришлось старательно имитировать поцелуй в перетянутый бинтами лоб покойного папеньки, чтобы потом уткнуться в платок, обильно залитый духами "Мекс". И зачем потом вся толпа считала своим долгом подергать ее за руку, потрогать за плечи, утереть ей слезу? Они же бросали этими ладонями могильную землю! Юлия, как выяснилось, не выносила любого прикосновения всего, что связано с переходом в мир иной. Поэтому после похорон в отношениях с бой-френдом взяла тайм-аут. Теперь же одиночество толкнуло ее к скрипучему дивану в его квартире. Как ни странно, но скрип старых пружин заводил, жутко возбуждал ее. Эротические фантазии уносили ее на качели.

Но сегодня она шла упасть на этот диван, чтобы выплакаться милому в жилетку, рассказать ему о потерянном смысле жизни. Те ценности, о которых всю жизнь ей талдычил отец, вдруг растаяли и перестали, собственно, быть ценностями. Всё, ради чего он жил, вместе с ним превращалось в тлен. Он не взял с собой ничего!

За все эти похоронно-поминальные, тянущиеся, как нудный некролог дни был только один светлый момент. Пришел молодой, деревенского вида человек и подарил ей коробку мороженого. Объясняя поступок, он был краток, как новый президент. "Здравствуйте. Я прочитал в газетах. Соболезную. Ваш папа спас меня от тюрьмы. Я украл коробку мороженого, и меня хотели посадить по полной программе. Мне было шестнадцать лет. Из-за того, что рядом со мной был четырнадцатилетний, нам шили организованную преступность. Ваш отец смог нас отстоять. В память о нем я принес вам это мороженое. Его я купил на свои деньги". И пока Юля обдумывала сюжет этой нехитрой истории, поставил коробку на паркет и был таков. Но светлое чувство настоящей благодарности осталось... Потом она долго, до бесчувствия в горле ела мороженое и умиленно плакала, глядя на портрет отца, перечеркнутый траурной лентой.

Спустя несколько дней, когда почувствовала, что удалось смыть с себя пятна кладбищенских прикосновений, Юлия направилась к любимому. Он, в отличие от всех окружавших ее в эти дни, был искренен. Всегда. И даже, с точки зрения затертой нравственности, чересчур. Во всяком случае говорил честно, что любит ее не за миндалевые глаза (как папа), а за длинные смуглые ноги, которые она умеет раскидывать с таким беспрецедентным шармом. И эти откровения не казались Юле замешенными на пошлости и цинизме. В сущности, ей было без разницы, за что он ее любит. С ним было легко, просто и честно.

Одна беда — жил он на другом конце города, а общественного транспорта Юля (в отличие от отца) не переносила. Поэтому приходилось либо раскатывать на такси, либо идти около часа пешком, как сейчас. За время прогулки она предполагала написать сценарий театрализованного плача и ожидаемого в связи с этим отклика публики в единственном экземпляре. Плакать хотелось уже сейчас.

Какое-то время она не реагировала на окружающий мир, который обтекал ее то говорливой толпой, то унылой обшарпанностью производственных зданий, то даже подталкивал задумчивую неосторожным мужским плечом, то чуть не наехал на зазевавшуюся, шагнущую на запрещающий глаз светофора. Последнее все же заставило Юлию внимательнее следить за автотранспортом. В том числе за тем, что ютился на стоянках или был припаркован к офисам и магазинам. Вдруг поедет! А красная "лада"-восьмерка вообще стала для нее своеобразным маяком. Машина стояла у кафе "Тещины блины", за которым находился невзрачный пятиэтажный дом ее друга. Рядом с машиной нервно расхаживал такой же, как она, отсутствующий в этом

мире человек. По мере приближения он превращался в средних лет мужчину восточного типа. И Юлия готова была дать на отсечение накладные ногти, дабы доказать любому, что от него за версту несет смертью. Что-то — а запах и вкус смерти она теперь освоила, как спаниель запах дичи. Жаль, что она не научилась читать по запаху имени, а заодно и досье. Но и данного в данный момент было достаточно, чтобы, с одной стороны, постараться обойти смертоносного человека по огибающей траектории, а с другой — не спускать с него прищуренных глаз. Мало ли что?

На всякий случай она ввела в поле своего зрения еще один персонаж. Скучавшего у входа на оборонный завод собровца. Он курил на крыльце КПП и всем своим видом гарантировал соблюдение порядка и законности. Прямо к крыльцу, подняв веер пыли, подкатила иномарка. А с крыльца спустился и сел на переднее сиденье лысый, очень похожий на Хрущева человек.

Между тем умный и придирчивый взгляд Юлии выделил и странно игравший блик в кустах на окраине завода. Будь она специалистом, то сразу определила бы прицел снайперской винтовки, направленный в сторону человека по имени Бекхан.

В это время в кафе “Тещины блины” скромно, но весело шла свадьба инженера Сергея Павловича Кошкина и студентки университета Вари Истоминой. На свадьбе присутствовали несколько коллег, Виталик с Леной, Дорохов и Китаев с семьями, неутомная Марилловна и Гриша Корин. Не смогла прилететь из Германии только чета Рузских. Владимир Юрьевич проходил курс химиотерапии. Но менеджеры холдинговой компании подогнали на стоянку рядом с кафе новенький “Nissan-terrago” (на что Кошкин обиженно замахал руками, мол, крутые подарки для крутых) и вместе с ключами от него вручили молодоженам два мобильных телефона, которые тут же дуэтом разразились оркестровой полифонией, и чета Рузских поздравила чету Кошкиных.

Бекхан открыл багажное отделение, чтобы еще раз убедиться — с контактами на заряде все в порядке... Времени, чтобы уйти, оставалось немного.

* * *

Когда отстреляли в очередь тосты и поздравления, а от криков “горько” (в основном инициатива Дорохова, Китаева и рано захмелевшей Марилловны) действительно горчило на губах, умиленная официантка Нина тихо утирала слезы, а Сергей Павлович нежно шепнул Варю:

— Теперь мой подарок. Он необычный. Ничего не бойся. — В руках у него появился тот самый пульт. — Друзья! — обратился он ко всей компании. — Мы с Варей ненадолго исчезнем, можно?

— Дело молодое, — хитро прищурился Дорохов. — Моя бабушка говорила...

Что говорила бабушка Дорохова по этому поводу, Кошкин и Варя уже не слышали. Они оказались в квартире Сергея Павловича прямо у стола, на котором тихо гудел генератор машины времени.

— Это то, что я думаю? — спросила Варя.

— Да. Мы с тобой в нашем будущем. Всего лишь на полчаса вперед. У нас есть целый город, в котором никто, кроме нас, не живет. Я назвал его Городом влюбленных и решил подарить тебе. Всякий раз, когда нам будет надоедать наш суетливый мир, мы сможем уезжать сюда на любое время! Хоть на год, потому что всегда есть возможность вернуться в минуту отправления.

— С ума сойти! Это же чудо!

— Сам не верю.

Сергей Павлович повлек Варю на балкон.

— Взгляни, жизнь придет сюда через двадцать девять минут! Здесь еще нет времени. Потому что время измеряется только людьми. Даже для других живых организмов оно не имеет такого значения. Времени здесь нет, а любовь есть! Здорово, правда?!

Полная тишина сделала голос Кошкина гулким и мистическим. Варя инстинктивно прижалась к нему и зачарованно смотрела на затаившийся в ожидании город. Только едва заметное движение облачных полей создавало здесь хоть какую-то видимость жизни. Ниже космоса — только ожидание, обратный отсчет.

— Если мы будем здесь только одни... Немного страшно...

— Ты мэр города! — торжественно и шутливо объявил Сергей Павлович. — Город открыт для всех влюбленных.

— Здесь, правда, больше никого нет?

— Абсолютно.

— Мы здесь одни-и-и! — крикнула в раскатистое пространство улицы Варя, и стены соседних домов многократно отразили последний слог. Дни-и-и... дни-и-и... дни-и-и...

Кошкин наклонился к нежной бабочке Вариных губ и закрыл глаза. Вместе с долгим поцелуем окончательно исчезло чувство времени. Зато остальные ощущения хотелось длить и длить. Варя аккуратно отстранилась первая.

— Мне все равно кажется, что кто-то смотрит. Может, Он? — посмотрела на небо. — Мы тут, как на ладони. Интересно, а что сейчас идет по первому каналу?

— Единственная проблема, — признался Кошкин, — по телевизору и радио — только шум эфира. По телефону — тоже.

Варя игриво пожала плечами:

— Не очень-то и жалко!

— Да совсем не жалко, — подтвердил Сергей Павлович.

— Надо возвращаться, там все-таки гости...

— А я думал...

— Потом, — нежно шепнула Варя.

— У меня идея! Мы сейчас вернемся в кафе, сядем за стол, а только потом переместимся в нужное время.

— Угу, но давай появимся на полчаса позже. Не люблю я этих застолий. Хоть немного вырежем... Требую монтаж, как жена режиссера!

— Давай, я тоже, честно говоря, не большой любитель праздников и официоза. Но так уж друзья настояли...

Кошкин поколдовал над пультом, и пространство рванулось в сторону. То, что они увидели мгновение спустя, заставило их в ужасе прижаться друг к другу. Варя вскрикнула.

На месте кафе дымились развалины... Окна ближайших домов были выбиты. Где-то далеко истошно ныли сирены. На крыльце КПП стонал раненый собровоец. На месте, где еще полчаса назад была стоянка, зияла огромная воронка. На краю ее стоял торжествующий Бекхан, шепчущий в небо не то молитвы, не то заклинания. Испуганная девушка в красном изорванном платье показывала на него пальцем и кричала что-то несурзное. Вдалеке, опираясь на снайперскую винтовку стоял растерянный Алейхан. Круг времени и судеб замкнулся в этой точке. Здесь еще никого не должно было быть, но они были. Произошло какое-то жуткое смещение. Но произошло оно давно. Задолго до того, как Сергей Павлович Кошкин закончил работу над своей машиной. Десятки, а, может, и тысячи разрушенных причинно-следственных связей выбросили сюда свои незавершенные обрубки. Разумеется, и опыты Кошкина заканчивались здесь — в этой воронке. Здесь, по сути, должна была кончиться судьба инженера Кошкина, его друзей, близких и просто оказавшихся рядом людей.

— Бекхан! — надломленным голосом позвал Кошкин. — Бекхан! Я не знаю, из какого ада ты опять выбрался, но ты все равно проиграл! Ты можешь возвращаться сколько угодно! Ты и такие, как ты! Любовь сильнее! Понимаешь, сильнее! Спроси у своего брата, если успеешь...

И, прежде чем Бекхан осознал тщетность своей мести, прежде чем он проклял всё и вся на свете и даже сами небеса, Кошкин и Варя исчезли, чтобы вновь очутиться за праздничным столом и услышать одобрительную фразу Василия Даниловича: “Дело молодое”.

Кошкин подошел к Дорохову и, стараясь сохранить внешнюю невозмутимость, скороговоркой прошептал ему на ухо несколько слов. Тот глянул на бледную Варю и потянул за руку Китаева.

Юлия ускорила шаг. Она увидела в багажном отделении красной, как и ее платье, “лады” то, что последнее время очень часто приходилось видеть по телевизору.

Алейхан задержал дыхание. “Пусть это будет мой последний выстрел”, — молился он, стараясь не смотреть в горящие ненавистью глаза брата. “Может, он передумает? Главное — не упустить момент, когда он достанет пульт...” Бекхан между тем тяжелым, неторопливым шагом двигался прямо на ствол брата. Походка неандертальца, сказал бы антрополог. Откуда антропологу знать, как ходят в горах люди, чьи плечи оттягивает оружие и амуниция. Бекхан подходил все ближе...

Дорохов буквально вырвал из рук Алейхана драгуновскую винтовку с насечками на прикладе.

— Опоздаешь, — прошипел он.

И действительно, Бекхан вдруг резко, но картинно выбросил вверх руку, и в ладони сверкнул пульт дистанционного управления целой связкой фугасных бомб, под которой просели рессоры легкового автомобиля.

— Стреляйте! — в этот раз на долю секунды раньше выкрикнула в сторону собровца Юля, и тому не надо было повторять два раза.

Пуля Дорохова встретилась с его пулей в мертвом от ненависти сердце Бекхана. От неожиданности он выронил детонатор, и тот разлетелся на части. Прежде чем рухнуть на землю, Бекхан стекленеющим взглядом, полным разочарования и удивления, различил поднявшиеся фигуры Алейхана и Дорохова. День продолжался...

— Почему это всегда приходится делать мне? — спросил у кого-то Василий Данилович.

— Ты мог промахнуться, майор, нельзя стрелять после бега.

— Я — нет! А тебе не пришлось стрелять в брата, — ответил Дорохов и, брезгливо бросив винтовку на траву, направился в сторону кафе.

Где-то в стороне истошно кричала девушка в красном платье. Собровец по радию вызывал подмогу. Лысый испуганно выскочил из машины и опрометью бросился к двери КПП. Из рук его выпал никем не замеченный пульт от телевизора “Toshiba”, что секундой позже попал под взвизгнувшее колесо такой же иностранной машины...

А Кошкин с Варей на крыльце смотрели на молодцеватого Дорохова с нескрываемым умилением. Василия Даниловича от такой растроганности внутренне сплющило. И он выкрикнул полагающийся русскому майору защитный сарказм.

— Ну что смотрите на меня, как Леня Голубков на акцию эм-эм-эм! Я на свадьбе, а не на боевом задании. Моя бабушка по этому поводу... — И осекся, вспомнил: — Ой, ё! Моя бабушка выходила замуж в августе тысяча девятьсот четырнадцатого!.. Ладно, надо успеть выпить, пока менты не приехали, — и скрылся за дверью, откуда еще минуту назад испуганно выглядывала официантка Нина.

Кошкин и Варя остались на крыльце.

— Я хочу сделать тебе подарок, — прошептал на ухо невесте Кошкин. Та настороженно посмотрела на его руки.

— Что это? — Варя удивленно разглядывала блеск драгоценных камней.

— Диадема царицы Савской.

— Что? Копия?

— Обижает, — притворно скукисился Сергей Павлович, — оригинал.

— Ты?!..

— Я больше не буду... Зато никто не сможет подарить своей невесте такой подарок.

НАТАЛЬЯ КУВАЕВА

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

ПОДОРОЖНИК

Траву, что среди лебеды и бурьяна
Почти никогда не видна,
Колдунья засушит для сна и дурмана,
Хлебнув золотого вина.

Засушит в проёмах чердачных окошек
В назначенный древними час.
Укроет потом в переплётах лукошек,
Тая от завистливых глаз.

Чтоб после готовить любовное зелье
И самый испытанный яд.
Попробуй — узнаешь шальное веселье,
Когда потускнеет закат.

Всю ночь прогуляешь беспечным и пьяным,
Блуждая в высокой траве.
И где-то на дальней заветной поляне
Уснёшь в одинокой копне.

КУВАЕВА Наталья Леонидовна родилась в небольшом посёлке в Вологодской области. В 14 лет с родителями переехала в Сургут, где окончила среднюю школу и Сургутский государственный педагогический институт. Первое стихотворение написала для школьной учительницы, после чего начала рифмовать и перекладывать на бумагу различные чувства и переживания, создавая так называемый собственный лирический дневник. В данный момент живёт в Сургуте, воспитывает дочь.

А утром проснёшься легко и свободно,
И к небу поднимешь свой взгляд,
И, молча ко лбу приложив подорожник,
Дорогу отыщешь назад.

* * *

Заплаканное небо людям мстит
Холодным неприветливым дождём.
В твоих руках дрожит кленовый лист,
Мы в старом палисаднике вдвоём.

Ты хмуришь брови и бросаешь взгляд
На поседевшие за ночь поля:
“Наташка, скоро утки полетят,
Как жаль, что я сегодня без ружья!”

Потом, окурок притоптав ногой,
Читаешь мне рубцовские стихи,
И между строчек: “Я хочу с тобой
Смотреть, как улетают журавли”.

А я молчу, и стынет на губах
Рябиновая кроткая печаль.
“Я не могу, мне завтра уезжать...”
И словно эхо за рекою: “Жаль...”

* * *

Умоюсь не водой — росой,
В туман, как в саван, завернусь,
По лезвиям осок босою,
Печальноокою пройдуся.

Осенней ясностью не трогай,
Не плачь над сонною травой,
А просто попроси у Бога
Мне возвращения домой.

* * *..

Здравствуй, Елена! Как тесен мир
И непреклонна планета...
Видишь, Елена, выжил Ахилл,
Бег — вот его примета.

Видишь, Елена, падают ниц
Люди и их кумиры.
Что им до знойного блеска цариц
И до растоптанной лиры?

Что им до тяжелой усталости век,
Стоит ли думать о малом?
Люди приветствуют яростный бег,
Бег под его началом!

Зря ты, Елена, прячешь глаза —
Молод Ахилл и прекрасен:
Солнце, песок, звездопад и гроза —
Всё в нём. Раскован и ясен

Взгляд его. Жесты резки и просты,
И неподвержены тлену.
Что же, Елена, оплачь и прости
Мир, не простивший измену.

* * *

Какое море в глазах ночных!
Седое море... И воздух — тих,
И воздух — светел, и я одна —
Подруга ветру, дождю жена.

Пусты ладони: ни дать, ни взять.
Ночное море для нас — кровать.
Нет мягче ложа и нет нежней...
А где-то помнят глаза друзей.

А где-то берег, где мох, как мех,
И сосны — в небо и выше всех,
И всех надежней, и всех мудрей...

Где мне так просто не быть твоей...

* * *

Если ты не вернёшься, я брошусь в туманную зыбь
Самой светлой и самой печальной реки.
Будет тело моё в её водах растерзанно плыть,
Пока утром его не отыщут в сетях рыбаки.

На деревню прольётся тогда колокольная грусть,
Старых сплетниц слова разобьют вековую скрижаль.
Пусть я знаю всё это давно и уже наизусть,
Всё равно ничего, ничего, ничего мне не жаль.
Пусть кладбищенский тополь, шутя, укачает в ветвях,
Пусть покроются руки и ноги холодной росой —
Растворюсь в этих землях и буду без просыпу спать,
Если ты не придёшь, если ты не вернёшься домой.

Сургут

не пережила,
не запомнила,
не вошла
в меня пожизненным судьёй.
Потому она, познавшая терпение и ненависть
яростных славян,
кому смерть красна в миру,
навечно обожествила тех мёртвых,
что спасли будущее
для поколений живых,
шею свернув врагу.
Душа моя, желанный подарок справедливых небес,
невидимый жаворонок бытия,
я иду, тобой ведомый без забрала за истину в бой,
как тот солдат из второй мировой,
заслонивший меня собой,
и чья душа моею стала,
и я обязан завет исполнить предыдущий —
другому оставить душу незапятнанной, чистой,
не стыдась в прошедшем ничего.

ноябрь 2010

МЕТАМОРФОЗЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

*Святому поколению победителей
посвящается*

Они, едва успевшие познать
горести и радости новой эпохи,
наступившей после выстрела “Авроры”,
и обретшие надежду
на новое солнце всенародной мечты,
под визги гармошки, причитания и прощальные слезы,
как заведено на Руси,
уходили на Страшную Войну.

Потом,
исполнив до конца свой ратный долг,
одна половина из рукотворного ада вернулась домой,
а вторая осталась в объятьях смерти,
так и не увидев реюший над рейхстагом
Красный Стяг Великой Победы,
как грозное предупреждение будущим врагам.

Помянув погибших и выпив за Победу,
они, засучив рукава и по-мужицки поплевав на ладони,
на зависть и удивление всему миру,
в считанные годы из пепла возродили великую страну:
поля сражений превратили в золотые нивы,
заставили дымить новые фабрики и заводы,
укрепили в ущерб себе боевую мощь отчизны.

Они первыми снарядили русского парня
в первый внеземной полёт
и его глазами взглянули в бездну космоса,
удивившись великой тайне.

Они сделали бы во сто крат больше,
если б их Вождь был бессмертным
и на его место не пришли продажные болтуны,
при которых страна заболела душевной проказой,
и всё встало с ног на голову.

Но даже и тогда не могло присниться в самом дурном сне,
что доживут они до позорных дней,
когда крючконосая небритая шваль их сравнивает
с гестапо и СС,
СССР с людоедской Германией,
а Человека,
чьи войска спасли мир,
поставят рядом с Гитлером.

Вдобавок и свои придурковатые внуки
будут укорять Победой в сорок пятом,
власть лицемерно вспоминать о них однажды в год!

Что возмущение стариков,
кого оно страшит и кого совестит?
Они продолжают по-прежнему скромно жить
и тихо уходить к своим друзьям,
имея одну-единственную привилегию,
данную не властью, а Богом:
апостол Пётр их без очереди выпускает в рай...

СТИХИ В ЗАЩИТУ ТРУДА

Я вдоволь натерпелся на собственной
рабоче-крестьянской шкуре
экспериментов экономического садизма,
и потому свирепо ненавижу кондовую бедность,
стирающую в пыль человека,
как, впрочем, и неподъёмное богатство,
нажитое несправедливым путём.
Во мне самом — и мой заработанный ленью голод,
и моя красавица изба,
вкусно пахнущая пирогами,
и мой почёт и мой позор —
всё за счёт мозгов и рук.

Я не хочу гневить Творца
и рычать, как собака на сене,
сидя на эвересте денег
и в пользу сырых с размахом отдавая копейку,
улыбаться так,
словно мне вот-вот отрубят руку.

Я не жмот и не мот и не генетический лентяй,
довольный, как пташка, малым.
Я люблю тело, горячее от трудового пота,
и мозги, звенящие от напряжения
над разгадкой формул и схем.

Мне по нраву — желанный умный труд,
греющий сознание созидательным теплом.
И у меня одна просьба к власти:
не мешать мне строить коммунизм
для моей семьи.

октябрь 2010

АГРОНОМ

Николаю Кузину

Ничто не проходит мимо его пристального взгляда,
взгляда одновременно часовщика и художника,
довольного работой.

Ему нравится создаваемый им колоритный пейзаж,
изделие штучное, прямо скажем, филигранное,
достойное всяческих похвал из разных уст.

Это по его спокойной команде
ложатся семена доверительно в землю,
и она скоро покажет свой чудесный талант:
поля, что сегодня напоминают

наших послевоенных мам
в чёрных плюшевых жакетках,
через две недели оденутся в платья цвета изумруда.

Потом, вдосталь напоённые солнцем и дождями,
до блеска протёртые чистыми ветрами,
они преобразятся,
как неуклюжий птенец в очаровательного лебедя,
и предстанут во всей красе,

заставляющей разум неметь от восхищенья.

До отлёта перепелов тучные колосья снова
превратятся в золотую россыпь тяжёлых зёрен,
приятно струясь сквозь пальцы.

И запах хлеба,

смешанный с запахами машин, пота и земли,
заполнит окоём как хорошей новостью о богатом урожае.

Автору победы не выпадут громкие аплодисменты,
его не вознесут до небес, не увенчают лавровым венком,
не поставят на родине памятник,
да ему и привычнее без славы, чем со славой.

Таков удел атлантов,

на плечах которых надёжно держится жизнь.

май 2011

СЕРГЕЙ ЛУЦКИЙ

БАЛЬЗАКОВСКИЙ ВОЗРАСТ

РАССКАЗЫ

— Валь, а что нужно делать? — спрашивает Ира и неуверенно смотрит на подругу.

— Ну, ты даешь, мать! — Валентина даже всплескивает полными руками. — В поезде никогда не ездила? Не знаешь, что проводники делают?.. Билеты проверила, белье разнесла, титан раскошегарила — делов-то! Что, не сможешь? Запросто!

Ира опускает голову и задумчиво мешает ложечкой чай. Она всё ещё сомневается.

— А если пьяный или без билета лезет? Я пьяных боюсь.

— Бригадир на что? Ссадили с поезда, и все дела. Или в милицию на станции сдали, у нас особо не понаглеешь. — Валентина смотрит на подругу и добавляет веский аргумент: — Подработать можно, навар всегда есть. Я из поездки без навара не возвращаюсь.

Ира бледно улыбается.

— Ты про бутылки, что ли?

— Бутылки тоже. И другое кое-что, потом расскажу. Да ты соглашайся, не думай!

Ира и Валентина — противоположность друг другу. Ира высокая, сухопарая, рассудительная. Валентина низкорослая, полная, с авантюрной жил-

---

ЛУЦКИЙ Сергей Артёмович родился в 1945 году на Украине. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Работал в Госкомиздате РСФСР, Литературной консультации Союза писателей СССР, Министерстве печати России. Автор нескольких сборников прозы, его произведения переводились на украинский и арабский языки, а также на язык дари (Афганистан). Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа по литературе. С 1994 года живёт в с. Больше-тархово Нижневартовского района.

кой. Ира до последнего держалась в заводском архиве, пока жизнь на предприятии окончательно не захирела, а Валентина где только за перестроечные годы не успела поработать. Даже салом возле универсама торговала.

Познакомились, как у женщин бывает, благодаря детям. Обе родили в одно время и, гуляя с колясками во дворе своего многоэтажного дома, разговаривались. Дети выросли, но Валентина с Ирой подругами быть не перестали. А тут еще общая беда, развод с мужьями. У Иры муж ушел с завода, стал челночить. В Польше, куда ездил за товаром, познакомился с какой-то женщиной и остался у нее.

У Валентины вышло по-другому. Собственно говоря, развод с мужем несчастьем она не считала. Валентина только официально выходила замуж четыре раза и смотрела на очередное расставание спокойно, дескать, на ее век мужиков хватит. Ира про себя удивлялась такой уверенности — это при Валентиновых-то данных!.. Однако ничего ей, понятно, не говорила.

Делать было нечего, нужно было соглашаться. Бывший муж ни денег, ни вещей не присылал, сын Виталька, окончив школу, на работу устраиваться не стал — ждал, когда заберут в армию. А тут еще архив закрыли, пересох даже этот скудный ручеек зарплаты.

— Чего ты еще думаешь! — сердится на Ирину нерешительность Валентина. — Не знаешь, как в нашем возрасте устроиться тяжело?.. Она думает!

Ира молча смотрит на белый пластик кухонного стола. Наконец говорит:

— Надо, наверно, в отдел кадров обратиться? Расскажи хоть, как к ним добраться.

— А чего рассказывать, — обрадовалась Валентина, — завтра вместе и поедем! Я за тебя слово замолвлю. Это раньше всех подряд брали, а сейчас с разбором. Фирма у нас солидная, зарплату платит вовремя, сама увидишь.

Ира, вода ложечкой в давно остывшем чае, некоторое время ничего не говорит. Лицо у нее несчастное.

— Валь, я хочу с тобой. Хотя бы первое время.

— И я тоже хочу! Попрошу бригадира, чтобы к нам взял. Будешь у меня напарницей. Да не трусь ты, ей-богу!..

У себя дома Ира долго стоит у окна. Витальки нет, опять куда-то смотался, в квартире тишина. Ира смотрит во двор, и ощущение неприкаянности становится всё острее. Снег растаял, двор от этого кажется особенно неуютным, серым, деревья голые. А в их углу на работе уже почки на сирени, наверно, лошнули, мать-и-мачеха зацвела. Угол между двумя стенами заводоуправления, там затишек, солнце практически целый день светит, так что всё распускается раньше.

Ира вздыхает. В эту пору, если не было срочной работы, она в их углу разбивала клумбу и аккуратно высаживала выращенную на подоконнике рассаду цветов. Теплынь, пахнет влажной землей, солнышко плечи греет...

Видно, никогда этого уже не будет. Ира чувствует, что может заплакать, но берет себя в руки и лишь еще раз вздыхает.

Обстановка в отделе кадров ей нравится — это уже на следующий день, когда Ира вместе с Валентиной приезжает в резерв проводников. Держа в руках бумаги, сотрудницы с озабоченным видом стучат каблучками по коридору, иногда перебрасываются короткими деловитыми фразами. В большинстве это молодые, в тесных джинсах девчата. Чувствуется, работа в резерве проводников кипит. Об унынии, в котором последнее время находились работники Ирино завода, здесь и речи быть не может.

— А мы к тебе, Марья Сергеевна, — поет Валентина, заходя с подругой в один из кабинетов. Ира и не знала, что Валентина может быть такой сладкоголосой. — Здравствуйте, девоньки! — здороваются Валентина с остальными сотрудницами, столы которых тесно, один к одному, стоят в кабинете. — Вы как к трюфелям относитесь? По глазам вижу, положительно. Это вам к чаю. — И Валентина достает из пакета и кладет на стол Марья Сергеевны красивую коробку. — Ох, девоньки, выручайте хорошего человека, на вас одна надежда! Завод закрыли, без работы моя подружка осталась. Ещё муж-кобелина сбежал.

Насчет мужа, конечно, лишнее, да еще кобелина, но Ира улыбается, старается понравиться. Разбитная, способная без мыла влезть в любую щель Валентина её порой раздражает, но чаще — особенно в последнее время — эта способность вызывает у Иры зависть. Она так не умеет. С застывшей улыбкой Ира садится на стул, пишет заявление и заполняет анкету. С такой же скованной улыбкой отдает их Марье Сергеевне.

Большинство сотрудниц в кабинете молодые, как и те девчата, что встречались в коридоре. Ира неуверенно поглядывает на них. Раньше она не думала о том, что старше, но после того, как несколько раз, когда пыталась устроиться на работу, услышала, что берут женщин до сорока, стала чувствовать себя чужой. Хорошо, хоть Марья Сергеевна не первой молодости, может, отнесется с пониманием.

— Я с тобой за такие конфеты до конца жизни не рассчитаюсь, — говорит Ира, когда они спускаются по лестнице на улицу.

— А! — легко отмахивается Валентина. — Не такие уж дорогие. Ты лучше на поездку настраивайся.

— Так когда еще приказ будет. Если подпишут...

— Не бойсь, всё путём! Марья постарается, она мне должна.

Ира помолчала.

— Деньги, что ли?

— Ну ты даешь, мать! Что ты всё на деньги сводишь! Отношения дороже любых денег. От отношений и деньги бывают... Выручила я её как-то. — И Валентина замолкает, в подробности не вдается.

Следующие несколько недель проходят в хлопотах. Приказ о том, что Ира принята на курсы проводников, подписывают быстро. Потом учеба, инструктажи, получение и подгонка формы, другие дела. Ира едва дождалась, когда Валентина вернулась из очередной поездки, — будет у нее проходить практику.

И вот подруги опять сидят на кухне, на этот раз в Ириной квартире, и пьют не чай, а итальянское вино. Ира заняла, но купила — как-никак событие, устроилась наконец-то на работу, пусть пока это и практика.

— Тебе форма идет, — оценивающе разглядывая подругу, говорит Валентина. — Ты стройная, пассажиры кадриться будут.

— Вот ещё! — смеется Ира. Она, чтобы привыкнуть и показать подруге, надела форму и уже знает, что Валентина договорилась с бригадиром, они будут работать вместе в плацкартном вагоне. Настроение у Иры приподнятое. Она рада и немного нервничает — неизвестно ещё, как всё будет.

— А чего? Мы ещё нестарые, ко мне кадрятся, — развивает тему Валентина. — Бывает, приглашу к себе в купе, ну и...

— Да ты что! — Ире неловко и в то же время интересно. После развода она думала, что мужчины для нее больше не существуют. Оказывается — нет, существуют. Только как-то слишком легко у Валентины всё получается, несерьезно.

— А чего? Я свободная женщина, ты, кстати, тоже... Орден всё равно не дадут!

Но всё это так, мимоходом, полушутя. Хотя и выпили, но женщины они взрослые, для них есть темы поважнее. У Иры на шее Виталька, а у Валентины целая семья — дочь с ребенком, родила в десятом классе, надо помогать. Валентина возит с оптового рынка в Екатеринбурге ходовые вещи, там они дешевле, и сдает знакомой в киоск. Кое-какую копейку на этом имеет. Или те же бутылки из-под пива и водки. Сейчас всё больше пластмассовые "полторашки", но и стеклянные поллитровки пассажиры оставляют, собирай и сдавай. Надо крутиться, время такое. Опять же китайки...

— Китайки — это китайцы-женщины? — не понимает Ира. Вино ударило в голову, но она старается внимательно слушать подругу. Хочешь не хочешь, тоже придется этим заниматься, деньги ой как нужны. Пока искала новую работу, последние запасы с Виталькой проели.

— Да нет, белье такое... Потом расскажу.

Разговор прыгает с одного на другое, долго на одной теме не задерживается. Подруги отдыхают, отводят душу — день сегодня такой, расслабуха, как говорит Валентина.

Бригадир похож на Якубовича, разве что не седой. Живой, быстроглазый, с такими же, как у Якубовича, усами. Ире кажется, бригадир вот-вот бодро крикнет: “Откройте следующую букву! Подарок в студию!..”

— Так вот она у нас какая, Ирина Викторовна, — говорит он, заходя в их плацкартный вагон, ещё пустой и тихий. Он мимолетно, но внимательно смотрит Ире в глаза и касается пальцами усов. — Читайте, вам повезло, с лучшей проводницей будете работать. У нее есть чему поучиться.

— Да ладно тебе, Ген!.. — свойски машет на него рукой Валентина, отрываясь от пересчета одеял, стопками сложенных на верхней полке. Чувствуется, ей приятно.

— Почему ладно? Толковых работников мы ценим. Особенно, если они толковые во всех отношениях...

Бригадир улыбается, задерживает на Валентине взгляд, и Ира догадывается, что у слов есть какой-то смысл ещё. Но думать об этом некогда, нужно всё как следует подготовить к поездке. Работа в архиве приучила Иру к аккуратности, да и характер у нее такой, ответственный.

Бригадир и Валентина перекидываются короткими, не очень понятными фразами, а Ира направляется к дальнему туалету. Надо проверить, всё ли там в порядке, чисто ли. Она уже знает, что надо делать, принимая вагон, на курсах научили.

— Генка тебя просил зайти, — говорит подруга, когда Ира возвращается в купе проводников.

То, что Валентина называет начальство по имени, Иру не удивляет — подруга быстро сходится с людьми и почти сразу начинает говорить “ты”. Удивительно то, что она вдруг понадобилась бригадиру. Ведь только что был здесь.

— Чего это?

— Говорит, в какой-то ведомости расписаться должна... Шестой вагон.

Недоумеая, Ира надевает ладную форменную куртку, спускается из вагона. Состав стоит в тупике, до отправки ещё около часа. Слышно, как на вокзале гулко объявляют об отправлении пригородных электричек, пахнет угольной гарью — это в вагонах топят печки... Ничего, вроде бы, нового, Ира десятки раз бывала на вокзалах и ездила в поездах, но сейчас ко всему, что происходит вокруг, имеет отношение она сама.

Ей тревожно и радостно, как в молодости.

— Прошу, — говорит похожий на Якубовича бригадир и заводит в свое купе. — Раздевайтесь, здесь тепло. Я помогу.

Ира отстраняет его руку.

— Я так.

— Нет, у нас так не положено, — улыбается бригадир и расстегивает молнию на ее куртке. — Валентина тебе говорила, у нас полувоенная организация? Начальник приказал, надо выполнять. И вообще с начальством надо дружить...

Слова Иру настораживают, она подбирается. А Геннадий, расстегивая куртку, задерживает руку на её груди дольше, чем нужно, приговаривает:

— Сегодня я взял тебя в бригаду, завтра могу отказаться, желающих хватает. Я, например, бальзаковский возраст уважаю, а другие бригадиры молодых любят, они, типа, шустрей... Ну чего ты, как неживая? Давай, до посадки еще полчаса, успеем.

Как Ира выскочила из бригадирского вагона, она не помнит. Пока возвращалась в свой, немного отошла. На Валентину посмотрела пристально: знала или нет, для чего вызывают? И почему не предупредила, если знала?..

Подруга занимается странным делом. Из большого серого мешка достает простыни и наволочки, по одной раскладывает на полке, брызгает из пульверизатора и в несколько раз складывает. Стопка влажного белья растет. Трагедии из бригадирского поступка Валентина делать не собирается, говорит просто:

— К тебе, значит, тоже?.. Это у него хобби такое, наш возраст, вся бригада через него прошла. Не мытьем так катаньем... А вообще-то, смотри проще. Взрослая женщина, не увидит.

Ира отводит глаза. Если по-человечески, с ухаживанием, с цветами, она, может, отнеслась бы по-другому, мужчина бригадир внешне вроде ничего. А так — по-собачьи, на ходу... Ещё шантажирует. Выражение Ирино лица не нравится Валентине, она резко, почти со злостью бросает:

— Ты среди своих инженеров избаловалась, настоящей жизни не видела!.. Не девочка, привыкай!

Ира не отвечает. Ладно, сегодня выкрутилась, думает она, а потом?.. И пожаловаться некому, не в резерв же проводников идти жаловаться. Только опозоришься.

Посадка отвлекает Иру. Как всякая женщина, она немного актриса, ей нравится роль радушной хозяйки. Тем более, что купившие билеты в их вагон в основном приятные, симпатичные люди. Молодая мамочка с годовальным на вид малышом, пенсионер в потертой дубленке, две женщины где-то её, Иры, возраста, солдат, возвращающийся из отпуска...

Как её учили, Ира проверяет на билетах номер поезда и дату, смотрит, чтобы фамилия на билете и в паспорте соответствовали.

— Пожалуйста, заходите... Семнадцатое место, это нижняя полка, как раз для вас, — говорит она пенсионеру в потертой дубленке.

Тот добродушно усмехается:

— Что, старый? Наверх не залезу?

— Я не в этом смысле... — смущается Ира.

Пенсионер ободряет её:

— Всё нормально, не тушуйся!

Мамочку с годовальным малышом никто почему-то не провожает, Ира поднимает в вагон её довольно объемистую сумку и просит солдата:

— Молодой человек, помогите девушке, у нее девятое место... Спасибо.

На женщин её возраста Ира смотрит с особым расположением. Может, тоже остались без работы и сейчас челночат, а что делать, приходится. Мотаются по поездкам с большими клетчатыми сумками, мерзнут на рынках, боются воров и рэкета... По нынешним временам самый несчастный возраст. И до пенсии ещё далеко, и уже немолодые, на работу особенно не берут. Ире хочется этим женщинам сказать или сделать что-нибудь хорошее, но она не знает, что и просто здороваются:

— Здравствуйте!..

Когда наступает время отправления, в тамбуре появляется Валентина. Отправление — дело ответственное.

— Поднимайся, — командует она. — Иди пока в купе.

Придерживаясь за поручень, Ира поднимается по насквозь просвечивающим ребристым ступенькам в тамбур. Ей приятно. Кажется, справилась с посадкой неплохо. Не боги горшки обжигают.

В купе проводников за откидным столиком она видит мужчину. “Ещё один?..” — мелькает испуганная мысль. Но мужчина ведет себя скромно. Поднимает голову, мельком смотрит на Иру и опять принимается за кроссворд.

Ира возвращается в тамбур и спрашивает, кивая в сторону купе:

— Кто это?

— Безбилетник, — спокойно отвечает Валентина. — И нам хорошо, и ему — за полцены едет.

— А если контроль?

Валентина придавливает крепкой, с тугой икрой ногой рифленую площадку над ступеньками, захлопывает дверь в вагон.

— Ты, мать, вообще! — Она с сожалением, как на неразумное дитя, оглядывается на подругу. — Слышала поговорку, кто не рискует, тот не пьет шампанское? Или вообще кладет зубы на полку. Этого хочешь? Не надоело?..

Но самое плохое начинается, когда Ира принимается раздавать белые. Валентина не успела — едва собрала билеты, как по внутрипоездному вещанию объявили, чтобы от каждого вагона к бригадиру явился проводник.

— Нам бы белье, — первой обратилась одна из тех двух женщин, на которых Ира обратила внимание при посадке.

До вечера, конечно, далеко, но люди хотят лечь отдыхать. Когда Ира сама была пассажиркой, она тоже так делала — мерное постукивание колес клонит в сон. А что ещё в вагоне делать?

За женщиной стали подходить за бельем другие. Не прошло и нескольких минут, как женщина вернулась.

— Девчата, что это у вас с бельем? Мокрое какое-то, в желтых пятнах... Замените.

Ира заменила комплекты. Про себя подсадовала, плохо прачечная работает. Но и эти комплекты не устроили женщин. Вскоре появилась вторая из них. Эта была настроена решительно:

— Вы что нас дурите! Мы что, не имеем права за свои деньги получить нормальное белье? Вы знаете, как нам эти деньги достаются?.. Бессовестные!

Иру будто кипятком ошпарили. Таких слов она не заслужила.

— Мы-то при чем? Такое белье из прачечной поступило.

— Не делайте из нас дур! Это же китайки! Бизнес на нас устроили. Немолодая, совесть должна иметь, а туда же!..

Иру не знала, куда деться от стыда. А тут еще безбилетник оторвался от своего кроссворда и усмешливо посмотрел в ее сторону. Вот, оказывается, что такое “китайки”! Это их делала из использованного белья Валентина, когда Ира вернулась от бригадира. Тогда было не до того, переживала и по-настоящему не обратила внимания. О, господи!..

А тут и пенсионер подоспел, от его добродушия не осталось и следа:

— Мы-то ладно, а детям за что? Вон их сколько в вагоне, запросто заражаются! Может, туберкулезные на этих наволочках спали и полотенцами вытирались. Совсем обнаглели! Сталина на вас нет!.. — И чуть ли не в лицо швырнул “китайки”.

Молодая мамочка, которой Ира помогала подняться в вагон, ругаться не пришла, но выглядывала из своего отсека осуждающе.

Когда Валентина вернулась в вагон, Ира всё для себя решила. Подруга быстро замяла конфликт — оказывается, у нее в запасе были нормальные, неиспользованные комплекты. “Кто тебя просил, подождала бы!” — шепотом подсадовала она на Иру. Та ничего отвечать не стала, вышла в тамбур, принялась молча смотреть в окно.

Под ногами тупо бились колеса, за стеклом бежали перелески. Нет, не умеет она так. Из другого она теста, не ее это дело — ловчить и обманывать. Как-то жила раньше и сейчас проживет. А работу она себе найдет. Да хоть подъезды пойдет мыть, там на возраст особо не смотрят.

Лишь бы по-человечески всё было.

РЕКА

Менять русло Река начала задолго до появления на рыбоучастке Олега. Дембель восьмидесят второго года, он завербовался на рыбоучасток, чтобы заработать на мотоцикл, и уже тогда Река подмывала старую черную контуру, а противоположный берег был низкий и плоский, словно по нему долго елозил бульдозер. Это Река отступала в одном месте, чтобы рушить берег в другом. Противоположный берег пустым однако не был, он давно превратился в заливные дуга, а по краю порос тесным тальником, но ощущение скучного голого простора оставалось. Легко верилось, что когда-то там текла вода и плавали чебаки, сомага и щуки.

Олег осваивал немудрящую профессию рыбака, пил водку с другими вербованными, среди которых встречались недавние зеки, как-то его порезали, и он почти два месяца пролежал в районной больнице. После случившегося мечту о “ИЖе” пришлось забыть — тяжело работать Олег больше не мог, пить тоже. Его поставили на женскую должность, приемщиком рыбы, появилось свободное время, и Олег стал задумываться о вещах, которые раньше не приходили в голову. Это уже при нем рухнула в воду старая контора, большими глинистыми пластами обваливался высокий берег, особенно в половодье, которое в здешних местах приходилось на июнь и захватывало часть следующего месяца. Потом наступила очередь ледника, тот погибал медленно, вкривь и вкось висели над обрывом еще крепкие бревна с ошметками слежавшегося темного мха. Видеть это было неприятно.

— А и хрен с ним! — говорил бондарь Киндинов, замечая Олегов взгляд. Когда не было работы, они сидели на лавке у бондарки и курили, отгоняя дымом комаров и мошку. Из помещения остро, скипидарно пахло свежими заготовками для бочек, от оставшегося после половодья озерца слышались ломкие голоса. Там горел костер, возле него, сунув руки под мышки и зябко подняв плечи, грелись выскочившие из воды пацаны в обвисших мокрых трусах. В Реке здесь не купались, слишком холодная. — Чего его жалеть, ледник этот, теперь у нас морозильная камера на пять тонн. Мало мы жили с кабанями рвали? Считай, одной пердячей силой, техники никакой. Тебе не пришлось, а мне — эге!.. Теперь-то чего, теперь нормально, теперь до нас прогресс дошел.

“Кабанами” называли прямоугольные глыбы льда в тонну-полторы весом, их раньше пешнями выдалбливали в зимней Реке. Потом хитрыми приемами вываживали из воды, чтобы погрузить на сани и отвезти в ледник, в котором рыба хранилась летом до того, как ее забирали на рыбозавод на переработку. Рассказы об этом и многом другом, что было прежде, Олег слышал не только от бондаря, но и от рыбаков. В рассказах было немало удивительного. Соль, говорили, помогала поддерживать в леднике нужную температуру. А чебаков и щук, чтобы не теряли в весе, покрывали ледяной глазурью, окуная для этого в воду. Еще раньше, когда не было рыбозавода, копали большие садки и выпускали туда летний улов, чтобы зимой взять его неводом и отправить в Тобольск или даже Тюмень обозом... На рыбоучастке и рядом в деревне с интересным названием Рябинки шла жизнь, которую ни во время службы, ни тем более в доармейские годы Олег даже представить не мог. И это тоже казалось удивительным.

На мотоцикл он все же накопил, однако для этого пришлось работать несколько сезонов. Но в конце концов купил не его, а лодку и мотор “Ветерок”. Когда денег собралось достаточно, Олег вернулся было в родной поселок на Тамбовщине, но там ему показалось как-то тесно и многолюдно, от чего он на Севере отвык. Большинство друзей женились, холостые каждый день пили, и мечта гонять по широким пыльным улицам на “ИЖе”, которая за годы после армии и без того потускнела, теперь вовсе сошла на нет. Недолго погостив у родителей, поскучав во время застолий (не пил), он вернулся на рыбоучасток и у одного рябинковского мужика купил моторную лодку. Тайная жизнь Реки притягивала его, хотя Олег этого толком еще не осознавал.

Бензин в середине восьмидесятых стоил копейки. Запасаясь несколькими канистрами, Олег на десятки километров поднимался вверх или спускался вниз по течению, побывал в редких деревнях и объездил все окрестные старицы, по-местному, соры. Странно было думать, что Река текла когда-то здесь, а не там, где течет сейчас. Олег пробовал понять, отчего так происходит, что заставляет ее менять русло, какие неизвестные силы направили течение возле Рябинок на высокий и, казалось, несокрушимый берег, но у него не получалось.

— Хе, запросто! — отвечал бондарь Киндинов, с которым Олег сошелся ближе, чем с другими мужиками. — Нефтяники песок для своих кустов намывали? Намывали. А где его взять? Карьер, что ли, открывать, дорогу отсыпать, самосвалами возить?.. Ага, сейчас — из реки! Бросили трубы —

и вперед! Стрежень поменялся, стал бить в наш берег. От стрежня вся вшивость, говорю тебе. Не нарушили бы — все нормально сейчас было!

Такое объяснение казалось Олегу слишком неинтересным, пресным, что ли. В нем не было сумеречной жизни ям с родниками, в которых собиралась во время заморов рыба, завихрений глубинных струй, выходящих на поверхность полированным неслышным бурлением, равнодушной мощи воды, неспешно двигавшейся с востока на запад. Олег спрашивал:

— А раньше почему? Стариц вон сколько. Тогда, наверно, и люди здесь еще не жили, а река менялась, текла по-другому.

Бондарь на секунду опускал голову, растирал сапогом бычок, потом стремительно вскидывал глаза:

— Охота тебе мозги сушить? Молодой парень, а стариковским делом занимаешься, думаешь-гадаешь. Лучше пошли сегодня к Марго, она двоих принимает тоже.

Киндинов был лысый, с курчавящимися над ушами остатками полуседых волос, однако оставался завзятым ходок. Прилепи ему рожки — настоящий сатир, которого в детстве Олег видел в книжке древнегреческих мифов. Марго, бабенка со щербатым ртом, была известна в Рябинках любвеобильным нравом. Имя у нее такое было или просто кличка, никто точно не знал, разве что в сельсовете.

— Или ты свою Кирилловну боишься? О, та накостьляет, мало не покажется. Рука у нее — ого! Все остальное тоже. — Киндинов подмигивал, азартно подавался вперед. Он садился на любимого конька, сбить с которого его было невозможно.

— Что мне ее бояться?

— Это ты кому другому Расскажи! Не захочешь, такая сама оприходуется. С голдухи, небось, зубы сводит. После Октябрьских третий год пошел, как мужик у ней утоп... Было у вас, нет?.. Нет? Ну и дурак! Жизнь-то идет. — Бондарь на секунду замолкал, пытливо смотрел на Олега. — Или ты на ее Женьку глаз положил?.. А чего, нормально, только молодая. Гляди, за малолетку срок схлопотать можно!..

У Валентины Топорковой, которую из-за комплекции звали по отчеству, Игорь стал снимать угол, когда после больницы ушел из общаги. Она работала на рыбоучастке засольщицей, без труда ворочала полные бочки, ее дом стоял на берегу Реки, чем Олегу сразу понравился. Возле него в ледоход собирались рябинковские мужики, курили, переговаривались и смотрели вверх по течению, прикидывая, скоро ли очистится вода. Настроение передавалось Олегу, он тоже смотрел на Реку, слушал разговоры, шуршание и легкий звон касающихся одна другой льдин, и внутри у него начинало мелко дрожать. Будто и он больше полугода ждал этого времени, и ему тоже предстояло спускаться на воду лодку и куда-то плыть. Олег не только купил моторку, но и обзавелся ружьем и сетями на стерлядку, которая заходила из Оби. Ружье и сети купил в основном для того, чтобы не говорили, будто он своими поездками вверх и вниз по течению дурью мается.

Часто он брал с собой Валерку, сына Кирилловны. Серьезному этому подростку, отличнику местной школы, тоже нравилась долгая езда вдоль поросших тальником берегов “материка” с кондовыми остроконечными елями и кудрявыми кедрами, мимо вдающихся в Реку светлых отмелей (по-местному, песков), среди намытых течением недолговечных островов. Олегу казалось, Валерка тоже думает о тайной жизни Реки, приводящей к переманам. Как и он, помнит о ней даже тогда, когда они стреляют уток на старицах, ставят на дальних песках стерляжьи сети, а в половодье пригоняют к Рябинкам подмытые Рекой деревья, чтобы затем, когда большая вода спадет, распилить их и топить зимой печку.

Похоже, смерть ушедшего под неокрепший лед вместе с “Бураном” отца не сделала Реку враждебной для Валерки. Смущаясь, он называл реки важными транспортными артериями, дорогами жизни, особенно в давние времена. Так было написано в учебнике. В самом деле, как еще связаться между собой людям, если болота и леса намертво отрезали населенные пункты друг от друга, словно запирали на замок. А ни железных дорог, ни обыч-

ных тогда еще не было, самолетов и вертолетов тем более. Только по рекам. Транспортные артерии, дороги жизни.

В горбачевские годы нефтяники организовали в Рябинках подсобное хозяйство. С продуктами становилось все хуже, рабочих же на месторождениях надо было кормить. Платили в подхозе нормально, и многие рыбаки и засольщицы перешли туда, стали работать скотниками, доярками или на свиноферме. Тем более что рыбоучастку жить оставалось недолго. Река подмывала уже новую контору, подбиралась к бондарке и морозильной камере. Над обрывом повисли крайние венцы склада, из которого пришлось забрать сети, запас соли и остальное. Все чаще тяжелые пласти высокого, на вид вечного берега с грохотом рушились в воду. По ночам это напоминало далеко разнесшиеся пушечные выстрелы. Рыбозаводское начальство вместе с райисполкомом планировали берегоукрепительные работы, составили даже смету, но наступили времена, когда стало не до того.

— Что дется, что дется... — слабым голосом сокрушалась свекровь Кирилловны, коричневые мешки под ее глазами тряслись. Старуха давно болела, в основном, лежала, целыми днями слушала радиоточку, транслирующую съезды народных депутатов и другие перестроечные передачи. Смотреть недавно купленный черно-белый телевизор она не могла, жаловалась, что кружится голова. — В наши годы и не за такое ссылали. Тогда попробуй слово скажи, враз к черту на кулички упекут. А сейчас...

Олег улыбался:

— Дальше на Север, что ли?

— А что ты думаешь. Тятину семью из-под Увата сослали, тоже не юга. Тятя говорил, бьют и плакать не дают...

Старуха с паузами, передыхая, принималась рассказывать, как было раньше. Рябинки назывались Юртами Рябинковскими, до спецпереселенцев здесь жили одни ханты. Воровства не было, вместо замков прислоняли к двери батожек, дескать, никого дома нет. Продавать за деньги рыбу, кедровый орех или ягоду принято не было — давали так, в другой раз ты мне дашь. Спецпереселенцев записали в колхоз, выращивали всё, даже пшеницу. Работать приходилось тяжело, но жили неплохо, чтобы голодать, этого не было. После войны жизнь снова переменялась. Колхоз распустили, на Севере, дескать, невыгодно, открыли рыбоучасток. Ничего, люди приспособились и к этому. А то не приспособишься, когда детей растить надо, самим жить. Чего эти по радио сейчас кричат? Каких таких перемен им нужно? Главного не переменяешь, что ни случись, а жить надо. Уж как казалось тяжело, когда тятину семью разорили, в дикое место сослали, а жили... Старуха замолкала, настораживалась.

— Чего это? Опять рушится?

Олег отрывался от дела, на несколько секунд застывал тоже. Но чтобы обваливался подступавший к дому Топорковых берег, слышно не было.

— Показалось.

— Какой показалось! У меня каждый раз внутри прыгат. Говорю Вальке, раскатывай избу, перебирайся отсюда, пока не поздно. О Валерке и Женьке подумай, сама еще не старая!..

Олег чинил сети, вполуха слушал хозяйкину свекровь, поглядывал в телевизор — и чувствовал себя странно. В доме будто зависло, напластовалось время. Старуха с коричневыми подглазьями, жившая, когда еще не было его родителей; сам он, двадцатипятилетний молодой мужчина, живущий сейчас; что-то другое, новое, которое за бревенчатыми стенами обещала подмывающая берег Река. В одном и том же доме сети, которые чинили и двести, и триста лет назад. И недавно появившийся в Рябинках телевизор. И то неизвестное, что еще только в начале, в самом зародыше, но к чему вела вся предыдущая жизнь.

Удивительно. Странно.

В доме последнее время часто переругивались. Кирилловна подворовывала в подхозе комбикорм, свекровь, обнаружив в кладовке новый мешок, принималась выговаривать. Передвигалась она медленно, держась за стены, темные подглазья резко выделялись на бледном лице.

— Ты чего себе думаешь, ведь посадят!

Хозяйка лениво огрызалась:

— Ага, уже идут за мной, суши сухари... Чем поросенка кормить?

— Взять бы да купила. Совесть у тебя есть?

— Совесть? — Кирилловна выпрямлялась. — Это ты у других спроси насчет совести. Ты тут лежишь, что творится кругом, не знаешь. Да что с тобой говорить!.. — Хозяйка замолкала, продолжала заниматься домашними делами.

Старуха жаловалась Олегу:

— Раньше ничего такого не было. Ну, пару чебаков домой принесет, так это можно. Сейчас-то чего? Ведь посадят, мешками таскат. Чего дается, чего дается...

На новое место дом перевезли в год, когда Олег стал жить с Женькой. Женька была младше брата, рослая приветливая девчонка, она хорошо пела, и когда несколько лет назад в окружном центре открыли школу-интернат для одаренных детей, ее пригласили туда. “Не пуцу, — отрезала Кирилловна. — Скурвится”. Ездившие по селам женщины из отборочной комиссии были в шоке: так говорить о дочери... “Ребята будут под присмотром, не беспокойтесь. Ничего такого мы не допустим”. — “Пусть дома остается. Пусть в клубе поет”. Олега, когда брала на квартиру, Кирилловна сразу предупредила, чтобы держался от Женьки подальше. “Чего это я буду к ребенку приставать?..” — Олег смотрел отчужденно. “Ты не будешь, зато она слишком ласковая. В общем, гляди мне”.

Женьке было пятнадцать, когда Кирилловна застала ее с Олегом в бане. Однако ни кричать, ни бить дочь обтрепанным и оттого особенно хлестким березовым веником не стала. “Ну, чего будем делать?.. Жить с ней будешь?” Олег закинул ногу на ногу, прикрывая темный треугольник паха. “Выйди, дай одеться”. Женька, конечно, глуповата, но девчонка хорошая, ему нравилась. В принципе, можно жениться. Кирилловна сразу из бани не вышла, постояла, глядя то на Олега, то на дочь: “Ладно. Мне заботы меньше”.

К разобранному и перевезенному с берега дому сделали пристройку из новых бревен, в ней и стали жить молодые. Расписывать их в сельсовете (по новому, в сельской администрации) отказались, свадьбы Кирилловна тоже делать не стала — незадолго до этого умерла свекровь. Говорить-то перенести дом старуха говорила, однако сама на новом месте прожила недолго. С ней словно ушло время, в котором она жила. По крайней мере, ни от кого о сороковых, а тем более о тридцатых годах Олег рассказов больше не слышал. Жизнь, казалось ему, стала плосковатой, лишилась глубины.

Женька продолжала ходить в школу, Олег же устроился линейным обходчиком на трубопровод, который качал куда-то попутный нефтяной газ. Рыбоучасток к тому времени закрыли, рыбозавод тоже не работал. Его то ли приватизировали, то ли обанкротили, толком никто не знал, слухи ходили темные. Слова “рыночная экономика”, “ваучер”, “дивиденды”, “общечеловеческие ценности”, которые без устали повторяли радиоточка и телевизор, стали привычными.

На свой пост Олег ездил на лодке. Можно было вместе с другими обходчиками каждые две недели (работа была вахтовая) летать на вертолете, но он предпочитал своим ходом. Возвращаясь к деревне, пристально смотрел на высокий берег. С воды обрыв выглядел особенно впечатляюще. На первый взгляд, менялся мало. Изрезанный дождевыми стоками и мелкими глинистыми осыпями, он казался освеженным боком огромной туши, цветом напоминал старый подкожный жир. Нависавший сверху дерн походил на остатки шкуры. Окончательно сползли в воду последние строения рыбоучастка, обрыв подбирался к росшей выше кедровой гриве.

Все, казалось, было как две недели назад, но Олег знал, впечатление обманчиво. Так кажется, что часовая стрелка стоит, и нужно время, чтобы заметить ее медленное упорное движение. С каждым летом обрыв всё больше входил в материк, а пески противоположного берега всё очевидней вдавались в Реку, образуя зарастающий тальником мыс. Там появлялась своя жизнь.

Несмотря на близость деревни, мыс облюбовали ондатры, а летом там гнездились речные чайки хален, они с истошным криком пикировали на проезжающие лодки. Одна жизнь теснила другую.

Ликвидация подхоза вызвала в Рябинках намного больше эмоций, чем то, что закрыли рыбоучасток. В начале девяностых нефтяники перестали в подхозе нуждаться — в страну в изобилии пошли продукты из-за границы. Нефтяники не мелочились, подхозовский скот, технику и строения передали тем, кто решил стать фермерами. Было много крика, женских слез, рушились давние дружбы. То, что раньше дремало в людях, вылезало наружу. Доходило до драк и стрельбы. Один из свежеиспеченных фермеров захватил гараж с тракторами и другой техникой и стрелял в каждого, кто пытался подойти. На уговоры не поддавался. Пришлось вызывать из города ОМОН.

— Интересное, говорю тебе, время! Главное, сопли не жевать, соображаловкой работать!.. — Киндинов звучно шлепал себя по лысине и смеялся. Как раньше в разговорах о женщинах, он азартно подавался вперед, подмигивал. — Такой шанс раз в сто лет дают. Думай, голова, думай, шапку куплю!.. — И опять хлопал себя по лысине и смеялся.

Киндинов один из первых оформил фермерство, предлагал Олегу вступить в долю. Но тот не захотел. Как и на рушащийся берег, он предпочитал смотреть на происходящее с расстояния. Если очень близко подходить, смазывалась картина, глаз цеплялся за мелочи. Да и опасно было подходить слишком близко. В новогоднюю ночь, подперев снаружи дверь, Киндинова сожгли вместе с домом. Обуглившийся труп невозможно было узнать. Поджигателей не нашли, да и не особенно искали. Времена, действительно, наступили интересные...

— Ты вот чего, — сказала однажды Кирилловна. — Долго еще Женька яловой ходить будет? Сделай ей ребенка.

Олег озадаченно посмотрел на тещу. К ее прямоте он привык, но здесь было что-то еще.

— Так ведь учится, выпускной класс.

— С ребенком у ней хоть забота появится. Не то что сейчас.

Кирилловна после подхоза долго не могла устроиться, в деревне работы не было. И лишь недавно стала летать на дальнее месторождение, ее взяли в столовую посудомойкой. Женька оставалась дома одна, Валерка второй год учился в институте и приезжал домой только на выходные. Кирилловна что-то недоговаривала.

Олег стал забирать жену с собой на пост. Но там ей было скучно, она просилась обратно в Рябинки. Как-то он взял у напарника широкие охотничьи лыжи-подволоки и, отмахав по заснеженной Реке десятка полтора километров, неожиданно появился домой. Женьку он застал с одноклассником. Избив обоих, зло допытывался у жены:

— Потерпеть две недели не могла? Этот салага лучше, что ли?

— Он динамичный, — закрываясь подушкой, всхлипывала Женька.

— Что? — от неожиданности Олег остановился. — Это какой — динамичный? Лучше как мужик, что ли?

— С ним интересней. Ты старый.

Оказалось, одноклассник был у Женьки не единственный. В отсутствие Олега в их пристройке побывали и другие рябинковские ребята. Жить после этого с Женькой Олег не захотел. Он уехал в город, стал снимать комнату. Жалко было оставлять лодку, старицы, Реку с ее таинственной жизнью, но ловить на себе насмешливые взгляды тоже не хотелось.

Потом была еще много всего. На какое-то время Олег даже уезжал на родину, но жить там не смог. В конце концов опять вернулся на Север, подкопил денег и поступил на дорогие курсы слесарей по ремонту КИП и А*. По окончании побывал едва ли не на всех нефтяных месторождениях,

---

* КИП и А — контрольно-измерительные приборы и автоматика. — Ред.

объездил автономный округ вдоль и поперек. Уже за тридцать женился на медсестре с ребенком, вскоре у них родилась дочь, которую они в честь погибшей в автокатастрофе английской принцессы назвали Дианой.

Однажды бригаду командировали на ближее от Рябинок месторождение. По пути обратно Олег попросил вертолетчиков посадить его в деревне. Рябинки заметно отступили от Реки. На улицах появились светильники. Потеснив тайгу, выросло несколько новых, обшитых металлопластиком домов. Вышка релейной станции была унизана ретрансляторами мобильной связи. На улицах почти никого не было видно, а те, кто встречался, Олега не узнавали. Наверно, потому, что к своим сорока пяти он располнел и стал носить очки от дальнозоркости. Вместо рыбоучастка и подхоза новых производств в Рябинках не появилось, но люди продолжали как-то жить, деревня существовала.

Заходить к Кирилловне Олег не стал, хотя ее дом нашел сразу. Возможно, Женька до сих пор жила с матерью, а встречаться с ней не хотелось. Он вышел к Реке. Чистое заснеженное пространство раскинулось в обе стороны. Синели редкие следы “Буранов”.

Насколько берег продвинулся вглубь материка, судить было трудно — полную картину скрадывал снег. Тальник на той стороне стал ближе, а это значило, Река продолжала менять русло. Но внешне выглядело все спокойно, даже умиротворенно. Жизнь и здесь, и в деревне, несмотря ни на что, устраивалась, разве что становилась другой. Непривычной только для тех, кто в Рябинках долго не был, а для остальных примелькавшейся, обыденной. Однако думал об этом Олег уже спокойно.

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

ДУША И СЕРДЦЕ

ДЫМОК

Костёр ночной на берегу протоки.
Дымок струится, нету ветерка,
Седым дымком окутана осока.
И я дышу настоями дымка.

В дымке — сосновый дух смоленых сучьев,
В нём трепет первых зоревых лучей.
Дымок тумана по низине гуще,
А кое-где поднялся до ветвей.

И в небесах дымки, смотрите, братцы,
Они потом сольются в облака,
И, как заря, оранжево лучатся,
И в росах алых сочные луга.

Тарханов Андрей Семенович (13 октября 1936, Аманья Кондинского района Ханты-Мансийского автономного округа) — мансийский поэт. Окончил Ханты-Мансийское педагогическое национальное училище в 1956 году, работал учителем. В 1961 году закончил Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. Вернувшись в Ханты-Мансийск, работал собкором окружной газеты "Ленинская правда". После учебы на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Союзе кинематографистов СССР был редактором Ханты-Мансийской студии телевидения. С 1961 г. член Союза журналистов России. С 1980 г. член Союза писателей России. Автор более 10 поэтических сборников. Кавалер ордена Дружбы народов (1997); награжден медалями.

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ИРИНА РЯБИЙ

* * *

Змеиный шипящий язык —
Ты снова плетешь свои шашни.
Все день вспоминая вчерашний,
Ты близишь отмщения миг.

И оком спесивым косишь
На солнце, встающее рано.
Славянское прошлое — рана,
Которую ты бередишь.

И Польша пщевати: враги
Все русские — варвары, звери!
И в это весь мир свято верит.
А больше не видит ни зги!

И вот твой летит самолет,
Чтоб точку поставить в раздоре,
Но общее русское горе
Унизить Господь не даёт...

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

* * *

Тихий погост. За оградю кони
Мирно пасутся. За просекой лес.
Здесь моя родина, здесь мои корни,
Дедова мать похоронена здесь.

Лет уж немало смолистые кедры
Старой могилке даруют покой.
Не потому ли недобрые ветры
Место сие обошли стороной.

Внуки да правнуки — жизнь разметала —
На ноги встали вдали от гнезда.
Часто дорогу пургой заметало
В город, куда не идут поезда.

Только как прежде, влекомые зовом
Родины дальней, срываются с мест,
Чтобы о детстве обмолвиться словом
И помолиться на маленький крест.

* * *

Она была, была деревня —
Полсотни изб, Николы храм...
Теперь стеной стоят деревья
По шумным некогда дворам.
Людьми забытого погоста
За чернобыльем не сыскать.
Отсохла память, как короста,
И время здесь не врач, а тать,
Разор творящий так неспешно...
Грустит безмолвная заря,
И плачет ангел безутешно,
Присев на остов алтаря.

ВАЛЕРИЙ ЛЕВЧЕНКО

* * *

Мне бы тысячу лет,
чтобы всем всё сказать и воздать,
разделить этот хлеб
между всеми, уставшими ждать.

Пусть не тысячу, нет,
пусть не щедро отмеренный срок —
лишь задержится свет,
чтоб итог не был горестно строг.

Я б свершил этот труд,
накопившийся долг одолел, —
пусть ещё подождут,
не заступят однажды предел.

Всё верну, но они,
перед кем я полжизни в долгу,
и последние дни
рассыпают, как медь на бегу.
А иные уже
остаются почти без гроша
на незримой меже,
за которой слабеет душа.

Я тянусь, чтоб успеть
до мгновения вечных разлук
пусть хоть жалкую медь
сунуть в пальцы негнущихся рук.

Мне бы лет хоть чуток.
чтобы всех наделить, удержать, —
кислорода глоток! —
тем, кому уже нечем дышать.

Мне подать бы хоть знак!
И шепнуть напоследок: прости...
опоздавший пятак
зажимая бессильно в горсти.

МАСТЕРСКАЯ

Рифмоплетений —
обрезки, обломки, опилки, огрызки и клочья,
спутанных строчек мотки, заготовки, болванки и прочие
странные вещи. Дымом сгоревших фантазий пропитаны стены,
бродят неясные тени — грядущие темы.

Тащится в дом, подбирается всякая дрянь неразобранной кучей:
сгодится для дела — наступит когда-нибудь случай;
струганных фраз штабеля... И словесная мелкая стружка
хрустит под ногами: “Эй. осторожней! Всё это будет мне нужно...”

Вповалку сырые, тяжёлые, прямо с мороза поленья —
на пол смолой истекают в тепле впечатленья.
И дух поднимается — крепкий, рабочий, смолистый...
Листы чертежей в желтизне, как забытые с осени листья,

сметаются враз с верстака — не хватает свободного места,
рубанок поёт, и звенит под ударом стамеска,
осколки забытых ошибок идут в переплавку и в дело:
в топку, в работу огня, — что сгодиться совсем не сумело.

...После прощания надо одежду вытряхивать долго,
иначе запавшая рифма потом по пути вдруг уколет иголкой.
И ночью уснуть не позволит, безбожно терзая бока,
под кожей застрявшая острой занозой строка.

* * *

Дом, покидаемый жильцами,
их суетой, их голосами,
пустой, свободный наконец —
сам как будто не жилец.

Так я стою полуживой,
от всех ушедших отдалённый,
давно никем не заселённый —
забытый в доме домовый.

Явь перепутавший со сном,
живу в доме почти бездомным,
как будто сторожем недрёмным
оставлен был в себе самом.

Напоминаям бродит эхо
о тех, кто был, ушёл, уехал...
Остался речи тихий звук,
следы их ног, тепло их рук.

Ещё осталось их дыханье,
и чья-то тень ещё видна.
Ещё качается в стакане
глоток прощального вина.

Я будто сам остался с теми,
чьи голоса со всех сторон,
чьи задержавшиеся тени
ещё теснятся за столом.

Звучат обрывки давних песен,
звонит отпевшая струна,
и лет невидимая плесень
ещё не тронула вина...

МАРГАРИТА АНИСИМКОВА

ДРОВОКОЛ ГОША

РАССКАЗ

Два дня шел затяжной дождь. Тополь на взгорье за одну ночь сбросил с ветвей все листья, и, не успевши подсохнуть, они скоро смешались с грязью под подошвами бродней, сапог и калош.

Почернели во дворе поленицы, изгороди, бревна, конюшни и сарай. Отошло наше счастье бегать босиком.

Мама утром сказала, что будет нам выводить цыпки. Колька, у которого они не проходили все лето, сразу залез на печку, прижался в самый угол и что-то бурчал под нос. Я тоже пригорюнилась.

Гляжу на шесток, где в большом черном чугушке вода закипает: веселые пузырьки по поверхности бегают, новые появляются. Гляжу на чугунок, сразу ноги под лавку прячу, ежусь, знаю — вода для наших ног готовится.

Цыпки на ногах появлялись с самой весны, когда мы, сбросив стоптанные обутики, начинали бегать босиком. От воды, ветра, пыли и грязи кожа на ногах трескалась, появлялось множество крохотных ранок. Вначале они кровоточили, потом подсыхали, потом снова кровоточили и снова подсыхали. Иногда после бани мама снимала с крынки отстоявшегося молока сметану, смазывала их, но этого лечения хватало только до утра.

На цыпки мы не обращали внимания и с радостью топтали сельские тропки-дорожки.

Но вот загремело большое стиральное корыто, паром окутался угол избы. Мама тряхнула в котелок какой-то порошок — вода порозовела.

АНИСИМКОВА Маргарита Кузьминична родилась в Свердловской области. Почетный гражданин городов Нижневартовска и Ивделя, Почетный гражданин Ханты-Мансийского национального округа, ее именем названа одна из улиц Нижневартовска. Член Союза писателей России, лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского национального округа в области литературы за роман "Наледь". Живет в Нижневартовске.

— Толкайте ноги в марганцовку, — скомандовала она.

Колька завопил, запричитал, сползая с печки, Юрка за ним:

— Я лучше в бане отпарю. Честное слово! Пусть сначала Шурка толкает ноги, — стонал он.

— Шурка не маленькая и цыпок нет, — строго ответила она.

Но в эти минуты много с мамой не наговоришь. Зажмурив глаза, Колька стал медленно погружать ноги в корыто. Вначале крихтел, стонал, но скоро стал помогать Юрке и всем корчить рожи.

Мама, присев на корточки, крепко взяла его за ногу...

— Не дури! — сказала строго, подливая из чугуна кипяток и намазывая мочальную вехотку.

— Не с меня, с Шурки начинай! — снова завизжал он, жмурясь.

— Шурка са-ма вы-мо-ет. Не маленькая, — говорила мама нараспев.

— Я тоже не маленький! — ерзал он на лавке.

Но напрасно сопротивлялся. Мама уже крепко держала его ногу, качала головой, ощупывая багровый шрам возле мизинца.

— Это я давным-давно на стекло наступил. Уже проходит. А вот рядом царапинка от гвоздя, — пояснял он маме все ссадины на ногах. — Помнишь, я хромал до обеда?

— Постыдись причитать-то! — оговаривала его мама. — Смотри, и Юрка и Володька, и Шурка все с тобой рядом.

— Разве они столько носятся по улицам, как я? Думаешь, они носятся по скалам? На совхозные поля бегают? В ночном хоть раз были? — не сдавался Колька.

Мы все четверо сидели на лавке рядком, смотрели на цыпки, уже смазанные сметаной. Колька потихоньку охал и махал ногами.

— Слышите? Кто-то чужой в калитку стучится? — сказал он, спрыгивая с лавки. — И Белка урчит.

— Сидите, — набрасывая на плечи телогрейку, сказала мама и вышла.

Колька вскочил, выдернул старую варезку, которой было заткнуто отверстие в сломанной раме, и мы услышали мамин голос.

— Кто там? — спрашивала она.

— Мы беженцы. Пусти, дочка, ради Бога.

Голос был незнакомый, Мы все припали к окну.

— Каки ишо беженцы? В такую погоду все в избах сидят, — говорила мама.

— Теперь по белу свету люд всякий двинулся.

За воротами стоял высокий, как сухая лесина, старик с белой, как у Деда Мороза бородой, и держал за руку маленькую девочку. Стащив с головы помятую шляпу, стоял перед мамой в поклоне.

— Не бойся нас, — силпо говорил старик. — Мы с внучкой от войны бежим. Из-под Тулы мы.

— Поздно как-то, — тихо говорила мама, открывая дверь и поднимая на руки девочку. Та была как неживая, не подала звука. — Ну-ка, Шурка! На мои калоши да беги на почту. Позови Василия Степановича, он еще там.

Наш небольшой домик стоял на почтовом дворе. Раньше он служил жильем купеческой прислуге. Во время революции хозяин-купец, скупавший пушнину у инородцев, сбежал со своей семьей, оставив на произвол громадный дом со всем имуществом. В купеческом доме разместились сельская почта, а в домике с двумя аккуратными окошками на солнечную сторону и одним — на восточную жила наша семья.

Я глянула на двухэтажный купеческий дом. В кабинете дежурного горел свет.

— Беги! — торопила меня мама. — Как никак, Василий Степанович лучше меня во всем разбирается.

Василий Степанович недавно вернулся из армии. Говорили, будто при отправке на фронт он стал заговариваться, а как услышал взрывы снарядов, норвил выпрыгнуть из вагона. Только об это никто точно не знал, но досужие языки разносили о нем такое. Он бежал по двору, не застегнув полы солдатской шинели, запинался. Я еле попевала за ним.

Появившись на пороге избы, крикнул:

— Ваши документы! Предъявите ваши документы!

У дедушки дрогнули губы.

— Какие документы, сынок! Как есть — все сгорело. Только и успел Полинку схватить. В овраге с ней неделю прятались. А где остальные — не знаю. У нас ведь под Тулой бои шли страшные.

— Тогда в милицию, — будто не слыша дедушкиных слов, резко говорил Василий Степанович.

— Какая милиция, — возмутилась мама. — Видишь, какая непогодь, снежок повалил, они еле на ногах стоят. Места на полу всем хватит. Пусть побудут до утра, а там видно будет.

— Ладно ли ты говоришь? Этакую малютку в милицию.

Я была рада, что она не побоялась возразить Василию Степановичу и даже, махнув в его сторону рукой, сказала: “Пододвинь старику табуретку, не видишь — рухнет сейчас”.

Василию Степановичу не понравились мамины слова, он посмотрел ей прямо в глаза и изрек:

— Не рискуй, Татьяна. У самой четверо, — и круто повернувшись, в сердцах хлопнув дверью, ушел.

Утром дедушка не мог подняться. Мама позвала фельдшерицу. Она осмотрела его и шепотом сказала:

— В больницу надо. Полная дистрофия. Того и гляди помрёт.

Приехала больничная повозка, дедушку увезли.

Первые дни Полинка жила у нас, как птичка в неволе: от каждого скрипа и стука вздрагивала. Жалась в угол, жмурила глаза и плакала беззвучно... По ночам громко кричала, вскакивала. Мама, на зависть нам, брала её к себе, гладила по голове, прижимала, и она снова засыпала.

Однажды утром наш Юрка нечаянно сел в ведро с коровьим пойлом. Все над ним громко засмеялись, а Полинка завизжала так беззаботно и весело, что все обернулись. Глазки у Полины были черненькие, реснички густые, бровки широконые.

Юрка стоял в мокрых штанах и плакал от обиды.

— Зуб-то у тебя скоро выпадет. На ниточке болтается. Беглянка! — крикнул он Полинке.

— Про какой еще зуб ты говоришь?.. Я тебе покажу “беглянка”. Я тебе покажу! — рассердилась мама, стащила с Юрки штаны и шлепала ими по голой заднице. — Сиди на печке беспшанный, пока высохнут, или Шуркины надевай...

— Не буду надевать девичьи! — ревел он, и это было для всех удивительным: наш Юрка никогда не разбирал, во что одеваться. Он накидывал на себя все, что попадало под руку... Его даже прозвали Машей, потому что все зимы у него не было шапки, и мама повязывала ему вокруг головы свою шаль. Юрка заревел, мама сидела на табуретке, обхватив голову руками.

Дома сразу стало неуютно и холодно.

По сравнению с другими мы жили по-божески. От нашей черномастной коровы Мотьки по утрам и вечерам мама приносила в подойнике парное молоко с воздушной запашистой пеной. Еще до прихода мамы из хлева мы толклись возле стола и слушали нетерпеливое мяуканье кота Буски. Он, подняв хвост трубой, кружил возле наших ног, сверкал большими блестящими глазами.

Теперь первую кружку мама наливала Полинке и все приговаривала: “Пора ведь Мотьке отдых давать, Пора ее запустать”.

Нам были непонятны эти слова. Но когда вечером мама пришла с подойником, в котором было несколько капелек молока, сразу стало невесело. Правда, Колька храбрился. У Голдобинских нет коровы — не помирают. Генка говорит:

— Без молока жить можно, а вот без хлеба долго не протянешь.

— Грамотей ты, грамотей, — говорила мама, наливая Полинке полстакана молока.

— Вот ей как раз! Ее надо отпаивать, — упершись рукой о подбородок, говорил он. — Полинка маленькая.

Но Колька говорил не свое. Он больше всех любил молоко, не замечал, как облизывал губы, глядя, как Полинка пьет, и я слышала, как у него урчало в животе.

— А вона, к нам Василий Степанович вышагивает. Кто его речи выслушивать станет? — взглянув в окно, сказал Колька и заскочил на печку, зная, что ему попадет за такие слова.

Но ничего не поделать — все соседки, приходившие к маме, не обращая внимания на нас, рассказывали про Василия Степановича разные небывлицы. Только вчера к нам прибежала райповская продавщица и жаловалась маме, что Василий Степанович вытребовал у неё жалобную книгу: почему, она, продавщица, отвешивала хлеба хоть и по карточкам, но с походом, и даже сверху лишнюю корочку положила Есаульчихе.

— А когда я ему свесила с прибавкой, он вообще сдурел! Так меня совестью принародно! Орал, что я народ объегориваю! Ну до того поперечный человек: всё ему не так, всё ему не этак! Фасонит в солдатской-то шинели... Но тут его дед Бородин осадил, сказал громко так, при всех — брось, Василий Степанович на баб постоянно кричать да напраслину наговаривать. У них и так хлопот полон рот. Он и умолк.

Всплакнув немножко, продавщица захохотала и давай опять рассказывать маме про Василия Степановича, что в избе у него черт ногу своротит. Возле печки — сажки на вершок, на кровати не постель, а гайно гайном. Кружки да чашки в руки взять нельзя, и от мышей отбою нету. Сказывают, он сам боится их. Заберётся на кровать и швыряет в них что попадет под руку.

— Мелешь чё попало, — остановила её мама.

А та будто не слышала. — А вечерами, чтобы мышей разогнать, начинает маршировать по избе — только стукоток по половицам, а он себе командует: “Ать-два! Ать-два!” А еще какую-нибудь песню затынет. Вчерась: “По долинам и по взгорьям” пел, а днями “Соловей-соловей пташечка”. Поет, да еще пошвыстывает.

— Ты почему знаешь?

— Из первых рук, — сказала продавщица и собралась уходить, но остановилась. — Ты бы, Татьяна, поговорила с ним насчет Люмки. Это она все про него сказывала. Ей и изба его нравится. Она бы избиходила его на заглядение, а так совсем свихнется. Чего бы ему нос воротить! Не война бы, так с нами на одной версте не стоял. А теперь какой никакой — а мужичишко.

У Кольки при таких разговорах всегда были ушки на макушке, и, наслушавшись их, он говорил что попало.

— Явился не запылится! — крикнул он с печки и захохотал, когда, приоткрыв скрипучую дверь, Василий Степанович вежливо поклонился маме.

— Это плохое воспитание, Татьяна Сергеевна! Одним словом — безотцовщина, — покачал головой Василий Степанович. Мама пригрозила Кольке.

— Ну не сердись, Татьяна Сергеевна. Не сердись. Шел с самыми радужными мыслями. Поговорить о том, о сем.

Мама стала рассказывать про дедушку, увезенного в больницу, про Полинку, которую держала на руках.

— Тебе бы, Татьяна Сергеевна только все время возражать, со мной ни в чем не соглашаешься. Вот и про этих, — кивнул он головой в сторону Полинки, — говорено было: надо их куда-нибудь в казенное место отправить, а ты по-своему. Мало своих?

— Ну че ты мелешь? И как язык поворачивается? Сам недавно, какую лекцию бабам читал? Сказывал все про людскую доброту, про бедствия и страдания людей. В пример говорил про какую-то семью, где восемнадцать чужих ребятшек пригрето. А мне в укор ставишь. Или война не для всех?!

— Ты, Татьяна, говори да не заговаривайся. Я тебе не позволю с собой так разговаривать. Ты на то не имеешь права. Я участник войны. На моей стороне закон.

— А я солдатка! На моей стороне еще больше закона, — вскрикнула мама, махнув перед лицом холщевым полотенцем, которое всегда было у нее в руках. Василий Степанович вытаращил глаза, вскочил с табуретки...

Как раз в это время Колька визгливо, сколько было мочи, закричал: “Хуна-хуна вернулся! Хуна-хуна вернулся!”

Мы все, забыв про опасность разбить стекло, забарабанили в окно. Хуна-хуна ответил нам, приподнимая на голове большую, как воронье гнездо, старую заячью шапку, помахал рукой. Мы как по команде бросились искать свою одежку, перепутанные возле порога стоптанные обувки.

— Невидадь какая! Дровокол во дворе появился! — с раздражением говорил маме Василий Степанович, застегивая шинель.

По двору расхаживал дровокол Гоша, по прозвищу Хуна-хуна. Все лето его не было в селе. Он косил сено для почтовых лошадей, жил на покосе. Без него в нашем дворе было сиротливо, забегали парни с соседних улиц и гоняли вонючего таловского козла, которого мы боялись. А когда был во дворе дровокол Гоша, мы жили под его крепкой защитой.

— Куда он денется, ваш Хуна-хуна? — говорила нам вдогонку мама.

Гоша уже сидел на большом чурбане, на котором всегда колот дрова. От его длинного малахая пахло лесом, дымом, комарами.

Он по-видимому простыл на покосе, дышал шумно, поминутно облизывал нижнюю губу. И руки у него были горячими, когда он печально гладил нас по головам и хрипло выговаривал: “За лето выросли. Совсем большими стали”. Нам было невдомек, как трепетало от радости Гошино сердце и как крепился он не показать нам слез, которые щекотали его покрасневшие веки.

В селе старые люди знали, что Гоша подкидыш, что прибрала его и пригрела вдова Федора Сушкина Федора.

Как рассказывала беззубая старуха Паномариха, однажды ранней весной, пошла Федора в сараюшку за дровами и услышала какой-то писк. Подумала — весенние коты разыгрались. Уже за дверную скобку взялась, а вдогонку такой же звук. Пошла она за сараюшку и ужаснулась: между двумя бревнами лежал сверток, перевязанный веревкой, а из него выставлялись маленькие ножки с красными пятнами.

Федора схватила сверток и бегом в избу. У самой все внутри колотится. Развернула лохмотья, а там мальчонка ножками сучит, рот разевает, по-видимому титьку ищет, а голосу уже нет.

Нажевала хлебного мякиша, завязала в тряпочку, обмакнула в теплую водицу, стала подносить тюрю ко рту, а у него на верхней губе расщелина. “Заячья губа! Беденький! — всплеснула Федора руками. А мальчонка сосет тюрю, язычком посвистывает. Скоро на лбу у него потные капельки высыпали. Глядела на него Федора, слезы глотала, себя уговаривала: “Всеякие изьяны у людей бывают”. Заметила сбоку бархатный лоскуток, в подпол бросила.

Скоро весть по селу разнеслась. Забегали соседки посмотреть на найденныша. Разные советы Федоре давали и все допытывались: не было ли при найденныше какого приданого. Федора молчала.

Бабы судачили:

— Что это за люди? Мало, что дитя осиротили, да и на жизнь ни гроша не положили. — Мир-то теперь весь пошатнулся. У людей ни стыда, ни совести не стало.

— А то будто раньше такого не было? Сказывают, наш приказчик Осип Петрович тоже подкидышем был,

— Так с ним вексель на целную тысячу рядышком лежал. Старик-то, Петр Силантьевич Шарапов, Царство ему небесное, — перекрестилась Паномариха, — до последней копеечки на Осипа расходовал. Одевал, как родных сыновей, выучил, дом ему какой выстроил. В таком почете по сей день живет.

— Кто хоть его мать? — в задумчивости проговорила Паномариха. — Всех в уме перебрала. Разве какая чернявка из Бурмантовского скита?

— Не слушай никого, Федора, оставляй, — посоветовала соседка Марусяка. — Как никак рядом завсегда будет живая душа. Он подле тебя греться будет, ты подле него. А там Бог сам дорогу укажет.

Скоро прошли все суды-пересуды. Побежало время, оставляя год за годом. Имя подкидышу Георгий дали. Рос он крепышом и ладным. Только все заячья губа портила. Пустяк вроде, а поди ты! Этот изъян всем в глаза лез. Немало пролила Федора из-за этого горьких слез. Не раз говорила: “Кабы можно было отдать свою губу, глазом бы не моргнула”.

На Федорино счастье по соседству жил безногий гармонист Прошка. Гоша, как стал подрастать, каждый день прибежал к нему, садился на пол и глядел, как ловко бегают пальцы гармониста по белыми пуговкам. Однажды Прошка дал ему в руки свою гармонь. Гоша сел, у самого из-за гармошки только кудрявый чубчик выглядывает, и заиграл!

Прошка собственным ушам не поверил — как складно у Гоши все получалось. Заиграл на удивление всему селу. “Талант у него. В столицу бы ему. Многих бы за пояс заткнул твой Гоша,” — говорил Прошка Федоре, а сам на все праздники стал брать мальчонку с собой. Благодать стала Прошке: сам нагуляется, напьется, а Гоша вместо него весь вечер на гармошке наяривает, да сквозь рассеченную губу подпевает в такт: “Хуна-хуна — Хуна-хуна! Хуна-хуна-хуна!”. В селе люди приметливые, закрепили за ним кликуху — не какую-нибудь обидную, а просто стали звать Хуна-хуна, и все тут.

Покою Гоше не стало: где какое событие: крестины ли, именины или свадьбы, Гоша — первый гость.

А вскоре в его жизни черный день настал. Померла Федора. Только и успела Гоше сказать: — У тебя, сынок, на черный день золотишко есть. Никому не сказывай, а как нужда придет, найдешь в подполье, под пятым венцом...

— Легла и глаза закрыла, только слезинка из глаз выкатилась, — вспоминал он.

Опустело в избе. Дня три Гоша на крючке сидел — никого к себе не пускал, только голос подавал, что живой. Но скоро все про Гошино сиротство забыли.

С тех пор Гоша никогда в руки гармошку не брал, глядел и будто видел ее впервые. Видно, Федорина смерть унесла с собой его песню.

По совету Паномарихи взяли его на работу дровоколом на почту.

Мы с рождения каждый день видели его во дворе, привыкли к нему и даже не представляли почтовый двор без Гоши. Он умел нам рассказывать сказки и разные небывицы, любил смотреть, как мы играем и дурачимся, и даже иногда громко смеялся, прикрывая ладонью “заячью губу”. Мы любили его и не замечали в нем никакого изъяна.

А тут война грянула. Вскорости наших отцов забрали на войну. Забрали всех самолучших, здоровых мужиков. Остались бабы с оравами ребятишек. Гоша себе в укор ставил, что на войну его не брали: “По мне плакать некому было”, — рассуждал он.

Но от осиротевших баб ему не было никакого покоя. Зная Гошину безотказность, просили починить коромысло, насадить топор, сметать сено, поправить на крыльчке доски, из печи вывалившийся кирпич вытащить. А однажды Грунька Маслова с ремнем пришла.

— Отстегай, Гоша, ремнем моего Федьку. У меня в руках совсем силы нет. Зачну его хлестать, а он только похохатывает. Ему рука мужская нужна. Обжег бы ты его раз-другой.

— Не умею, — сказал Гоша и вернул Груньке ремень...

Чем дальше шла война, тем с каждым днем становилось жить тяжелее.

В магазине все продукты с полок будто корова языком слизала, а в хриплом радио все про жестокие бои говорили. А вскорости Матрене Лаптевой похоронка пришла. Оплакивали ее сына Петьку всем селом, а следом такая же бумажка на Петра Вотинова... Все со страхом смотрели на почтальоншу Шабуниху, к чьим воротам она подходила с боязнью...

Однажды под вечер, почтовая счетоводиха Настасья Насырова между прочим остановила и спросила Гошу:

— У тебя, Гоша, из теплых вещей ведь ничего нет, чтобы на фронт послать.

— Нету, — сконфуженно ответил дровокол.

— Может, деньги из зарплаты отчислять согласишься? Может, облигации есть? Наше село деньги на танк собирает.

— Делай, как надо.

Пришел Гоша домой озабоченный и тут про золотники вспомнил, будто сама Федора ему в эти минуты в ухо шепнула: — Ищи под пятым венцом.

Засветил Гоша свечку, полез в подпол, отсчитал пять венцов, видит: в дальнем углу мох торчит. Вытащил мох, достал березовую кору, а в ней бархатный узелок. Раскрыл, а в нем золотые давнишней чеканки.

Он в них не разобрался. Истинной цены не знал. Положив бархатный узелок в старую шапку с оторванным ухом, пошел к счетоводихе и высыпал перед ней золотые.

Счетоводиха побледнела. Уставила на Гошу немигающие глаза.

— Откуда? — еле слышно выдавила, а у самой слезы из глаз покатались.

— Из подпола достал. Маменька, как умирала, наказывала: в трудный час достать эти золотые.

— Сколько тут?

— Пятьдесят — один к одному, — ответил Гоша.

— Отдай мне один, Гоша, — прижав указательным пальцем один золотой, молила счетоводиха.

— Нет, — покачал головой Гоша. — Все на войну отдам. Пуцай танк строят.

— Отдай, Гоша. На что он тебе? Сколько лет лежали. Отдай, голубчик. Мои ребята тебе каждый день молоко таскать будут.

— Нет, — ответил дровокол.

— С таким капиталом тебя в тюрьму засадят. Спросят: где столько взял? Ходишь в ремках, притворяешься нищим, а у самого такой капитал. А я вот у тебя их принять не могу! — Анастасия вся побледнела. Сидит, кусает дрожащие губы: “Мне бы эти деньги! Я бы нашла им дорогу, знала бы, куда их девать. На золотоскупке такие шубы продают! Купила бы шаль с кистями, боты фетровые. Корову бы на Талой у бабки Тюленихи купила. Она за удой по ведру молока дает. Сепаратор бы купила. Бог ты мой! Две бы лошади взяла, и чтоб одна была выездная. В гости в Надеждинский завод съездила бы”. Так она рассуждала, слизывая с губ слезы, потом еле поднялась с табуретки, грозно сказала:

— Пошли в милицию!

— Пойдем, — сгребая золотники в шапку, ответил Гоша.

Дежурный рядовой Столяров тоже опешил, позвал к начальнику. — Настоящие ли? — и стал звонить в область, не зная, как поступить с золотниками.

Тут милиционер Столяров про купеческого приказчика вспомнил, который всю жизнь с золотом возился, знает ему цену.

Послали за старым приказчиком.

Совсем дряхлый Осип Петрович вошел в милицию с тростью, в неизменном вельветовом пиджаке, в белых фетровых валенках. Возле порога снял шапку, вымолвил: — Мое почтение, люди добрые! — Хотел еще что-то сказать, но, увидев на столе бархатный доскуток, поперхнулся, машинально полез в карман за очками. — Великое богатство! — еле выдохнул. — Великое богатство! Откуда выискался такой кладезь? — Обвел всех взглядом, сел на табуретку, и не дотрагиваясь до золотников, заявил:

— Эти золотые из Бурмантовского скита и принадлежали они игуменье Серафиме. — Осип Петрович вынул из кармана носовой платок, долго обтирал им вспотевший лоб.

— Сколько тебе лет-то, Гоша? — не поднимая глаз, спросил бывший приказчик.

— Однако, тридцать седьмой.

— Так и есть, золотые из Бурмантовского скита. — Осип Петрович окинул взглядом неуклюжую фигуру дровокола, стоявшего в длиннополом полушубке, стоптанных валенках, маломальскую шапку.

— Ох, и дура же Федора, всю-то жизнь прожила в такой нищете! Золотники-то высокой пробы! — промолвил он и заторопился уйти.

— Дуракам завсегда везет, — фыркнула носом счетоводиха. — По золоту ходил, а у самого в чем душа держится.

Скоро из области пришла телеграмма. В ней вытребовали фамилию и имя человека, сдавшего государству золотой клад. Телеграфистка Елизавета Лопатина передала по буквам: Георгий Сушкин.

Немного погодя в село пришла благодарственная телеграмма от правительства и сообщение, что на средства, сданные жителем села Сосновка Георгием Сушкиным, построен танк с присвоением имени “Георгий Сушкин”, и прямо с завода эта грозная машина отправлена на передовую линию фронта.

Так распорядился Гоша своим тайным вкладом.

Если бы не война, мы, быть может, не так привязались к Гоше. А теперь, когда все отцы ушли на войну, мы не могли представить жизни без него.

Увидев его во дворе, нас нельзя было остановить. Мы бежали к нему, толкались возле него, а он садился на чурбан, на котором колол дрова, и тихо разговаривал с нами, спрашивал, как мы живем-поживаем и какие у кого новости, кто чем матерям помогал.

Гоша хвалил нас и сам рассказывал о покосе, о высоких травах, которые косил по утрам, о птицах, гнездившихся в борах, о несметных полчищах комаров, от которых нету житья, о лошадях, вволю насытившихся сочными травами, и еще много разных интересных смешных историй.

Узнав, что Колька ездил в лес по дрова и сам запрягал лошадь — похвалил, сказал, что это самая мужицкая работа.

Нам было удивительно, как это Гоша узнавал про нас все наперед. Его и в селе не было. Колька от Гошиной похвалы стал насвистывать и носиться по двору.

И вдруг Гоша заулыбался, заметив прижавшуюся ко мне Полинку.

— Ну-ка, ну-ка, кто это в нашем дворе новенькая? Это чья такая малюсенькая девочка к нам в гости пришла? — сказал и протянул к ней свою большую, корявую ладонь. Полинка испугалась, уткнула лицо мне в подол.

— Это же Гоша! Полинка, ты чего, это же Гоша! — закричал Юрка. — Она у нас еще дикая, она беженка. От войны с дедушкой убежали! Дедушка отошал — в больнице лежит, а она у нас. Она, наверное, есть хочет, потому и хнычет. У нас Мотыка не доится, только картошка одна.

Гоша поднялся с чурбана, пошарил в карманах, вытащил горсть сушеной малины.

— На-ко тебе, маленькая девочка. — Он хотел погладить ее по голове, но Полинка совсем разревелась.

— Да он только с виду такой. Не бойся. Он самый добрый, — уговаривала я Полинку. Гоша выгреб из карманов сушеные ягоды, насыпал в маленькую ручку Полины, раздал остальное всем и, прихрамывая, пошел на почту. Возле порога остановился:

— У меня еще есть работа, — сказал. — Завтра пойду в пекарню дрова колоть.

Мы опешили; слово “пекарня” действовало на нас магически: пробегая мимо забора пекарни, мы всегда останавливались, чтобы подышать вкусным хлебным запахом, и завидовали грузчикам хлебозовок, развозивших хлеб для всего села.

Расторопная пекарка Таська, которую последнее время стали навеличивать Таисией Лукьяновной, твердила одно — чтобы кроме Гоши в пекарню никого не посылали! “Он крошки без спроса не возьмет, а к другим у меня веры нету! На почте хоть кому дрова колоть можно, а в пекарне только Гоше. Поработает, пока у Сеньки рука поправится”.

С дровоколом Сенькой Таисия работала согласно и имела свой интерес. Наловчившись после выпечки хлеба ставить в корчагу бражку, она пристрастилась дровокола к мутной парной водице. Он был радешенек: хмелел, как кот мурлыкал, говорил Таисии хорошие слова, потом уходил за печку прикурнуть. Ей только того и надо было. Без свидетеля она хозяйничала: успевала насыпать в маленькие мешочки муки и привязывать их тоненькими шнурками вокруг тела, а после шла будить Сеньку. Он вскакивал как очумелый и убегал колоть дрова... Во хмелю, видать, и пальцы отсек. А без

колотых дров в пекарне никак нельзя. Вот и стала она просить: поставить ей дровоколом Гошу...

Гоша от дел отказываться не умел. Раз надо — так надо.

Таисия встретила Гошу приветливо, кружила перед ним, и только сел он на табуретку, прямо с пода бросила на лавку румяную лепешку.

— Ешь! — приказала, — пока она свеженькая, тепленькая. Поди, давно такого не едал?

У Гоши в глазах потемнело, во рту горечь скопилась.

— Ешь, не бойся.

Гоша отломил край лепешки. Голова кругом пошла.

— Вот и ладно. Вот и хорошо, — подбадривала его Таисия. — Голод-то, Гоша, не тетка. Он хоть какого гордого под себя подомнет. Ничё, Гоша, не пропадем. Ты, смотрю, совсем отошал. Дрова колоть — силу надо. Помаши-ка колуном — руки у всякого отвялятся.

Гоша не дослушал Таисиных слов, стремглав вышел из пекарни. Пекарка удивилась, подбежав к окну и, немного погодя, приоткрыла дверь. “Экий приткий! Посмотрю на сколько тебя хватит этак размахивать колуном! — подумала Таисия. А Гоша все колет и колет. Уже солнце на закат покатило, а он все колет и колет. — Сенька, тот только и ждал, когда я дверь приоткрою, а этот блаженный!”

Таисия не вытерпела, закричала:

— Ладно. Хватит на сегодня!

А Гоша будто не слышит.

— Ты че, глухой? Зовешь — не дозовешься! — выговаривала она, когда Гоша снял шапку, перешагнул через порог. — Сколько тебя звать надо? — пробурчала недовольная Таисия, пошла за печку и вышла оттуда с ковшом браги.

— На, отведай. Нароботался, — сказала, подмигнув правым глазом.

Гоша отодвинул ковш.

— Да ты чё? — закричала Таисия, отскочив от стола. — Да вышей, дурачок, разгони кровь. В тебе ведь она, как в болоте вода застойная. Кровь-то разгонять надо. Да бери ты, не куражься.

— Не буду, — пробурчал Гоша.

— Ты чё?! Ненормальный совсем? — заорала на него пекарка. — Да голову наотрез даю. У каждого мужика губа бы затряслась от радости, а он: не буду! — скривила она губы. Гоша распахнул дверь и вышел во двор.

“Во, чучело огородное. И родятся же такие непутевые. Золотые сдал все до единого, ну хотя бы для смеха один оставил. Да за такой капитал, считай, каждая баба в приживалки бы к нему пошла. А у него все между пальцев утекло. Кто из путных мужиков откажется от хмельной бражки? В ней пена играет, а он: не хочу, не буду! — Таисья сделала несколько глотков из ковша, а остаток поставила на стол. — Ну, не быть мне Таськой, если его не упою! Вздумал передо мной куражиться, — распекала себя пекарка, оскорбленная выходкой дровокола. — Как заведенный, бухает и бухает, — прислушивалась она к стуку топора. — Откуда силы берёт? Сенька столько дров лишь за неделю накальвал, — ворчала, поглядывая в окно.

— Да заходи ты, блаженный! — во весь голос снова заорала она, приоткрывая дверь. — Упадешь возле поленницы-то. И домой пора!

Гоша долго стряхивал с пимов опилки, на Таисию не глядел.

— На, бери лепешку, не ворована, от припеку. Дрова ты хорошо колешь, — говорила она. — И хлеб хорошо пропёкся. Дрова дружно горели, ни одной головешки не осталось, — ласково жужжала она за спиной Гоши, закрывая на замок двери пекарни...

В тот день, когда Гоша ушел в пекарню, мы ждали его с нетерпением. Нам и в голову не приходило, что Гоша мог пройти мимо нашего двора. Не сговариваясь, мы попеременно выбегали на улицу, лезли на крыши, прислушивались к стуку топора. Гошины удары мы отличали от всех.

— Все колет и колет! — сообщал нам сидевший на крыше дома Колька.

Потом полез на крышу Юрка. Мама стала ругаться, что мы выстудим избу, бегая на улицу взад-вперёд. Мне было стыдно залезать на крышу, при-

шлось найти заделье: сбегать к подружке за учебником истории, который был один на весь класс. Выбежав, поднялась по лестнице, спросила Кольку:

— Кошет?

— Перестал.

Все заторопились встретить Гошу.

Во дворе, узнав, что Гоша ушел в пекарню колоть дрова, появились соседские ребята. Сашка Мартынов важно расхаживал по почтовскому двору, насвистывал, гонялся за щенком, поглядывал на дорогу. К нему подбежала сестренка. Мы ревновали других ребят к Гоше. Колька не выдержал, закричал на Сашку, что им здесь нечего делать и что от постоянного шума и беготни во дворе у нашей мамы болит голова, а сам снова полез на крышу.

На улице выюжило. Белка давно забралась в конуру, свернувшись калачиком.

Со скрипом и скрежетом распахнулись ворота, во двор входили почтовые лошади. Колька Субботин в большом отцовском полушубке вел Серко под уздцы. Он вышагивал важно, будто не видел нас, громко посвистывал.

Я побежала на сеновал кинуть Мотьке на ночь мелкого сена. Пахло соломенной подстилкой, терпким коровьим потом. Корова дышала шумно, хрустко жевала жвачку. Я села на сено и стала глядеть на звёздное небо, отыскивать, как говорилось у старших девчонок, свою звезду... Я уже отыскала одну возле гор, старалась не выпускать ее из виду, но в это время услышала:

— Гоша идёт!

Я прыгнула с сеновала, забежала в избу, взяла за руку Полинку, укутанную в шаль, в мамины валенки, в которых, сделав два — три шага, она взмахивала руками и падала в выпавший накануне снежок.

— Айда, поторопимся. Может, Гоша нам хлебушка принес! — Полинка плакала. Я попыталась взять ее на руки, но чуть сама не упала в снег.

— Давай поторопимся, Полинка. Давай поскорее. Вон ребята подле него как воробы кружат.

Гоша, еле переставляя ноги, шёл по двору. Ребята гурьбой бежали за ним.

— Устал? — спросил Колька. — Мы тут на почте за тебя дрова кололи.

— Вижу, — обтирая снятой с головы шапкой лицо, сказал Гоша.

Он сел на чурбан, как провинившийся, низко опустил голову и закашлялся...

— Простудишься, Гоша. Надень шапку, — деловито сказала я.

— А Сенька, пекарский дровокол, всегда по цельной буханке хлеба приносил, — не выдержав молчания Гоши, сказал Колька.

— Иди сюда, маленькая девочка! — ласково позвал дровокол, заметив Полинку. — Иди, маленькая. Не бойся. — Полинка вдруг пошла к Гоше, встала возле его колен. Он потряс карманы, нашёл несколько сушёных ягодок, подал ей. У меня от жалостливого Гошиного голоса задрожали губы. Я вообще часто плакала, как мама говорила обо мне, по делу и без дела.

Все ждали, что, пошарив по карманам, дровокол что-нибудь отыщет в них, но поняв, что у Гоши в карманах пусто, не выдержав переживаний, Колька опрометью выбежал со двора, а двое соседских ребят тонюсенько заголосили.

Трудно было представить, как переживал Гоша, корил себя, что отказался от Таисиной лепёшки.

На следующий день мы опять прислушивались к ударам топора, хотя уже и не так нетерпеливо ждали возвращения Гоши, которого пекарка принимала своим настойчивым желанием заставить испить парной бражки.

— Не проси, не возьму в рот твоей отравы, а от лепёшки не откажусь, — сказал почти шепотом.

Таисия искренне обрадовалась, защebetала перед дровоколом:

— Чё куражиться-то? Больше брюха не съешь. Ведь у самого-то еле-еле душа в теле.

Гоша молчал. Запах душистых лепешек кружил голову. Он откусил лепёшку с одного краю.

— Да ешь, ешь ты досыта. Кто обеднеет от нескольких лепёшек? Так ты ведь заработал. Ну-ка, помаше этак топором.

Гоша повеселел, когда положил лепешку за пазуху.

В этот раз он заходил во двор повеселевший, но ребята уже не толпились возле чурбана, на который Гоша садился отдохнуть, а всё бегали по двору, барахтались в снегу, посвистывали.

Заметив стоящую возле санок Полинку, Гоша поманил её рукой. Она, обернувшись по сторонам, сама подошла к дровоколу.

— Тебя-то сейчас я хлебушком угощу. Ты ведь у нас гостья, дальняя гостья, — говорил он и, сунув руку под рубаху, отломил краешек.

— Да не торопись, во рту поддержки хлебушек, чтобы он свой вкус отдал.

Полинка робко протянула руку.

— Бери, бери, Полинка! — торопил её Колька, выросший будто из-под земли, облизывая губы.

— Бери скорее. Пока тёплая. — улыбнулся Гоша. — Какие у тебя ручки-то маленькие.

— У неё все маленькое, — сказал Юрка. — И глазки, и ручки, и ножки, и вся она маленькая. — Гоша разламывал лепешку и, почти не глядя, подавал в каждую протянутую руку. Мне показалось, что у него самого трясутся руки от голода.

— Какая вкуснятина! — говорил Колька, закатив глаза. — Так бы привязал этот кусочек к носу и нюхал!

Ребята враз сбежались к чурбану, слетелись, как весенние воробушки к зерну.

Раздав лепешку, дровокол поднялся с чурбана и молчком пошел на почту. Ребята кричали ему вслед: “Спасибо”.

— Сам-то Гоша попробовал? — спросила мама, когда мы рассказали о Гоше, угостившем нас тёплой лепешкой. — Он ведь еле ноги переставляет. И таких людей Господу на землю посылать надо, — вздохнула она.

Утром мы снова прислушивались к стуку Гошиного топора, опять считали удары и выбегали по очереди на дорогу, ждали его.

Вечером мама сказала, что Сенька, пекарский дровокол, поправился, а Таисия жаловалась всем, что Гоша таскал из пекарни даже сырые лепёшки, лепил тесто на голое тело и кормил ими всех ребят в почтовом дворе.

— А этих ребят там, как саранчи. Всех не накормишь, — жаловалась она.

Скоро наш Гоша захворал, его, как Полинкиного дедушку, лечили от истощения. Мы бегали под окнами больницы, но нас не пускали, говорили, отделение заразное. Умер Гоша в середине зимы. Наш почтовый двор опустел, а мы осиротели.

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

В НАШЕЙ ЖИЗНИ ВСЁ ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТО

* * *

Стояла теплая погода,
Шумела желтая листва,
Но все свое взяла природа —
Снег выпал после Покрова.

Всему свой срок — поверь приметам.
Определит судьбу Господь.
Ликуй, когда ликует лето,
Душой смирайся в непогодь.

Прими и эту неизбежность,
Чтоб до конца не расплескать
И нерастраченную нежность,
И неземную благодать.

МИЗГУЛИН Дмитрий Александрович родился в 1961 году в Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского и Литературный институт им. Горького. Печатался в "Нашем современнике", "Молодой гвардии", "Звезде", "Неве", "Литературной газете" и "Литературной России". Автор многочисленных сборников стихов. Отдельными изданиями вышли его книги на французском, чешском, украинском языках. Лауреат многочисленных международных и всероссийских премий. Член Союза писателей РФ. Живёт в г. Ханты-Мансийске.

* * *

Была прекрасная пора,
Блистал закат державы нашей.
На целый мир из топора
С лихвой мы наварили каши.

И свято веруя в успех,
Презрев все трудности и муки,
Кормили этой кашей всех,
Кто попадался в наши руки.

Прошла прекрасная пора,
Где мы блистали горделиво.
Ни каши нет, ни топора.
Зато какие перспективы!

Согласно жить в своем дому,
С утра копать в огороде,
Не потакая никому,
Внимать мечтательной природе,

Пилить дрова, чинить забор,
И плыть по вечному течению.
И затупившийся топор
Использовать по назначению.

* * *

В нашей жизни все предельно просто,
Вечность спрессовалась до минут —
От роддома жизнь и до погоста
Как один автобусный маршрут.

Все размыто — судьбы, даты, лица.
Жизнь, как всем известно, — не игра.
Школа, институт, завод, больница —
Кладбище — конечная — пора!

И греша, вздыхаешь виновато —
Эта жизнь дается только раз.
Но об этом всем уже когда-то
Мудро написал Экклезиаст.

В час, когда нагрянет смерть-старуха,
Подведешь черту под “итога” —
Суета сует. Томленье духа.
Пустота и больше ничего.

В поднебесье тускло тают звезды,
В темноте круги сужает бес...
Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до небес.

* * *

А жить так просто на Руси,
Чтобы достичь пределов рая:
Не верь, не бойся, не проси,
Земным богам не доверяя.

Держись подальше от царей
И не играй с судьбою в прятки —
И будет голова целей
И душу сохранишь в порядке.

Не предавай, не унывай,
Куда б не вывела дорога.
И никогда не забывай
Везде и всюду помнить Бога!

РУССКИЙ КОСМОС

Как грустно на Родине милой,
Пустеют и стынут поля.
И вместо героев — дебилов
Рождает родная земля.

Бескрайние наши погосты,
Унылые наши дожди.
Причины пленительно просто
Нам всем объяснили вожди:

Мы с вами — простые холопы,
Ни жить не умеем, ни пить,
Не с нами им выйти в европы.
Не с нами им мир удивить.

И всё у нас разом отняли —
Очнулся Федот — да не тот.
И только великий Гагарин
Вершит свой бессмертный полет.

Придумайте новые веды,
Крутите историю вспять,
Но этой великой победы
У нас никому не отнять.

Мерцают тяжелые росы
И солнце восходит в зенит.
Кто первым открыл этот Космос,
Тому он и принадлежит.

И пусть наши думы о хлебе
И в душах царит непогодь,
Но в русском блистательном небе
Живет милосердный Господь.

Я с этой победой родился
И в жизни своей непростой
Крестился, женился, молился
Под русской советской звездой.

АДАМ ГЛОБУС

ДЫШИТСЯ ЛЕГКО

* * *

Хмельные сумерки ночные
Дымятся под крылами птиц,
И тучи серо-голубые
Стекают по деревьям вниз.

Чернеет сумеречный ельник,
Давно осыпались кусты,
И одинокий можжевельник
Усталым странником застыл.

Глобус Адам (Владимир Вячеславович Адамчик). Родился в городе Дзержинске Минской области в семье белорусского писателя Вячеслава Адамчика (белор. Вячаслаў Адамчык). С 1959 года живёт в Минске. Окончил педагогическое отделение Минского художественного училища им. А.К. Глебова (1977), художественное отделение Белорусского театрально-художественного института (1983). Член Союза писателей СССР (1988), Союза белорусских писателей (с 1989 года). Книги: "Парк" (1988), "Одиночество на стадионе" (1989), "Смерть-мужчина" (1992), "Перекрёсток" (1993), "Домовикомерон" (1994), "Только не говори моей маме" (1995), "Койданано" (1997), "Новый домовикомерон" (1998), "Post scriptum" (1999), "Тексты" (2000), "Браславская стигмата" (2001), "Тетради" (2003), "Дом". Роман (2005), "Современники" (2006), Лауреат премии "Югра".

ЖЕНА

Во сне повстречаешь другого,
А днем — и не вспомнишь кого.
И ждешь у родного порога
Единственного — своего.

Полы подметаешь, утюжишь
Рубашки. Готовишь обед
И все вспоминаешь о муже —
На этом и держится свет.

ЗВЕЗДА

В нашей спальне над столом,
За окном, где ночь над краем,
За синеющим стеклом
Белая звезда мерцает,
В черном небе надо льдом
Нас с тобою утешает...

ТОПОЛЯ

А тополя в снегу зелено-сером
Кольшутся в тумане и скрипят.
Их ветви под осенним черным небом
Напоминают корни. Птицы спят.

Осыпал город серебристый иней,
Синеют звезды в небе высоко.
Дома застыли в дымке сизо-синей,
Снег падает. И дышится легко.

ЗИМНИЙ ЛЕС

Что ни начну — выходит все не так.
Я ошибаюсь часто. Даже слишком.
Работаю почти без передышки
И сам себе наверно — главный враг.

Оставлю все — поеду в зимний лес,
Где не увижу праздного народа,
Где онемела снежная природа
Под гулкой сенью голубых небес.

Не ведаю — достаточно ли слов?
И тишину я нарушать не стану,
Душа моя светлеет от снегов...

И я молчу в белеющей тиши,
Покуда снег бинтует нежно раны
Моей мятежной горестной души.

*Перевод с белорусского
Д.м. Мизгулина*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЕ

В 90-х годах прошлого века на Северном Кавказе сошлись в кровной схватке за власть и нефть две преступных группировки: условно говоря, ельцинско-гайдаровская и дудаевско-басаевская. Война, названная для отвода глаз контртеррористической операцией, была спровоцирована безумным призывом пьяного президента России: “Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить”.

Как бы ни лгали нынешние историки-ельциноиды, что кремлёвские мудрецы той эпохи спасли страну от “югославского варианта” – гибель сотен тысяч людей в Таджикистане, Карабахе, Фергане, Баку, Сумгаите, Приднестровье иначе, чем гражданская война, назвать невозможно.

Сколько погибло в пламени этой войны на Северном Кавказе обманутых чеченских и русских юношей, сколько было изувечено и пропало без вести, когда-нибудь подсчитают честные историки... Но известно, что более двухсот тысяч русских людей, мирных жителей были изгнаны из городов и сёл Северного Кавказа, что спасло их от смерти и насилия. Они стали беженцами в родной стране, превратились в никому не нужный шлак истории.

Но, в отличие от беженцев Великой Отечественной, которые уходили на Восток и везде, благодаря тогдашнему братскому обществу и ответственной власти, обретали крышу над головой, работу, средства к существованию, нынешние, 90-х годов беженцы, были просто выброшены из жизни...

31 августа исполняется 15 лет со дня подписания генералом Лебедем предательского Хасавьуртовского соглашения. Когда Лебедь торжественно, с видом чуть ли не гениального дипломата показал на телеэкране всей стране эту бумажку, он был похож на слабоумного Чемберлена, возвратившегося в 1939 году из гитлеровского Мюнхена и заявившего английскому народу:

– Я привёз вам мир!

После Хасавьурта последние русские люди были изгнаны из Чечни, а в 1999 году началась вторая чеченская война.

Подлый Запад с молчаливым одобрением наблюдает за этой преступной политикой, не угрожая кремлёвским авантюристам ни Гаагским трибуналом, ни международным судом. Он, этот Запад, исповедовал принцип Трумэна, озвученный последним во время нашей войны с фашистской Германией: “Пусть русские и немцы убивают друг друга. Чем больше они убьют, тем лучше”. Западу нужна колониальная кремлёвская администрация, которая держит деньги (в том числе и нефтяные чеченские) в западных банках, которую можно шантажировать и которой поэтому можно управлять.

Михаил Полторанин в своей книге “Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса” вспоминает о том, как генерал Грачёв, докладывая Ельцину о штурме Грозного в новогоднюю ночь 1995 года, произнёс кощунственные слова: “Наши мальчики умирали с улыбками на губах!”

В отличие от этого лакея, другой генерал, Лев Рохлин не принял от Ельцина орден за Чечню: “За победы в гражданской войне над собственным народом награждать нельзя” – такое правило исповедовал он.

Память об истории и об исторических событиях в разных слоях общества разная. Одна память – у березовских, козыревых, грачёвых, другая – у искалеченных солдат, у солдатских матерей, у обездоленных беженцев, у сослуживцев убитого посреди Москвы полковника Буданова. А размышления эти родились после того, как мы в редакции прочитали стихи Юлии Артюхович, бывшей беженки из Чечни, живущей ныне в Волгограде.

Станислав Куняев

ЮЛИЯ АРТЮХОВИЧ

ГУДЕРМЕССКИЙ БАЗАР

* * *

Монотонно гудит гудермесский базар,
И туманит рассудок полуденный жар.
Здесь за пыльным прилавком мы с сыном вдвоем
Свою прошлую жизнь по кускам продаем.

Кошелек, шитый бисером, черной парчи...
Я в нем раньше носила от дома ключи.
Мне его привезли из далекой страны.
Но разрушен наш дом. И ключи не нужны.
А из этих бокалов с хрустальной резьбой
Мы шампанское пили на свадьбе с тобой.
Только свадеб, похоже, не будет пока.
Для поминок сойдет и граненый стакан.

Нашу жизнь по прилавку пришлось разложить,
Будто тело под взглядом чужим обнажить.

Почему твои щеки горят от стыда?
Не смущайся, сынок, это все ерунда.

Про базар ты придумай смешную игру
В именитых гостей на богатом пиру:
Мы — лихие купцы из заморской земли,
Драгоценных товаров полны корабли.
Потерпи, скоро все продадим мы с тобой
И с тугим кошельком возвратимся домой.
Мы купцы-молодцы, веселы и щедры...
Хоть чуть-чуть бы пожить по законам игры!

А пока продадим еще пару вещей
И накупим продуктов на несколько дней.
Шелестит сторублевками рыжий портфель.
Ну, на сколько богаче мы стали теперь?
Все в порядке, сынок, собираем товар.
На неделю прощай, гудермесский базар,
Мы сюда в воскресенье вернемся опять
Свою прошлую жизнь на продукты менять.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

“Кто уехал — молодцы,
Кто остался — мертвецы!” —
Пишут краской по стене
Приговор тебе и мне.
На воротах — мелом крест,
У порога — “мерседес”:
“Уезжай, Иван, домой.
Твой квартира будет мой!”

А Иван родился здесь.
И жена, и дети есть.
Есть работа и жилье,
Только больше не свое.
И приходится молчать:
До Москвы — не докричать,
До властей — не добежать.
Значит, надо уезжать.

ПОКА СТРЕЛЯЮТ НЕ В ТЕБЯ

В веселых бликах солнечного света
Цветами пахнет грозненское лето.
Пока стреляют не в тебя.

На площади российский флаг разорван.
Разбитый танк на винтики разобран.
Пока стреляют не в тебя.

Вот очередь за хлебом — пыльной лентой,
Ты в ней застыла скорбным монументом.
Пока стреляют не в тебя.

Жаль, хлеба, как обычно, будет мало,
А за спиной — толпа на два квартала.
Пока стреляют не в тебя.

Белый взрыв за черным лесом?
Вспышка яркая огня?

И за черными ветвями
Смерти белое лицо?
Сдернут черными руками
С пальца белого кольцо...

* * *

Я несу свое горе молчаливо и гордо
По извилистой тропке из мрака на свет.
Моя русская песня с перерезанным горлом
Где-то в горном ущелье умолкла навек.

Я держу за зубами мое русское имя,
Будто в жаркой пустыне последний глоток.
Мое русское слово под губами сухими
Кровоточит, клокочет, как бурный поток.

Я — лишь маленький камень на дороге джихада.
Я — песчинка страданий в грязи и пыли.
Вы меня сапогами не бейте. Не надо!
Мое русское сердце не плачь, не боли!

Я тропинкою узкой шагаю упрямо
Мимо тех, кто проклятья вослед мне кричит.
А на кладбище русском моя русская мама
Под разбитым надгробьем скорбно молчит.

МАЧЕХЕ-РОССИИ

Здесь для нас — ни свобод, ни закона,
Что остались еще на Руси.
Вся Чечня — как огромная зона.
Где “не бойся”, “не верь”, “не проси”.

Здесь мы ходим у самого края
То здоровье теряем, то жизнь.
Проиграла ты нас, проиграла...
Хоть живую в могилу ложись.

Никому не нужны мы на свете,
Ты забыла своих сыновей.
Знаем: мы — незаконные дети.
Не люби. Но хотя бы не бей!

НА УЛИЦЕ МОЕЙ

На улице моей
Военная зима.
Без окон и дверей
Озябшие дома.

К знакомому двору,
Который стал ничей,
Бреду я по ковру
Из битых кирпичей.

Обугленные пни —
Как черные цветы.
Остались лишь они
В саду моей беды.

Осталась только пыль
Да серая зола.
Осталась только быль.
А сказка умерла.

МОЙ АНГЕЛ

Где же ты, мой милый? Где же ты, родной?
Ангел быстрокрылый, прилетай за мной!
Где же ты, мой светлый, бродишь по Руси?
Навести, проведай. Сохрани-спаси.

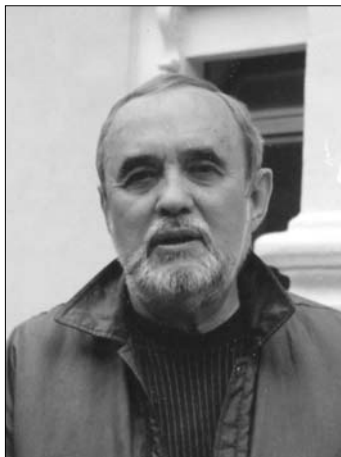
Светит, да не греет полная луна.
Прилетай скорее, я совсем одна.
Дальние уснули, ближние ушли...
Вдруг плечо, как пули, слезы обожгли:

Ангел, как ребенок, плачет горячо.
Голос слаб и тонок за моим плечом:
“Церковь — под камнями, купол — без креста.
Долго нас гоняли по чужим местам.

Ветры вольной воли закружили нас.
От жестокой доли я тебя не спас.
Я спешил в тревоге и не ел, не пил,
Мне огонь в дороге крылья опалил.

Изболел-истаял, слабый и слепой,
Я уже не чаял свидеться с тобой.
Ты прости, родная, за вину мою.
Доживай, как знаешь. Встретимся в раю”.

БОРИС СИРОТИН

“МЫ ЗАГАДАЛИ НА ЗВЕЗДУ...”

ПАМЯТИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Если жизнь не привал, а обвал —
Это признак большого таланта.
Жить спокойно тебе не давал
Бледный призрак “сурового Данта”.

Да, конечно, кругом вороньё,
Заглушавшее карканьем имя,
Но оно, это Имя твоё,
Высоко возносилось над ними.

Юра, мне фамильярность прости,
Был ты яркой и сложной натурой,
Но и прост был в тяжёлом пути,
И я звал тебя запросто Юрой.

Как и все. Это гордость твою
Не корбило, не унижало,
Пел у жизни на самом краю —
Сердце нежное, “мудрое жало”.

СИРОТИН Борис Зиновьевич родился в 1934 году в оренбургской деревне. Автор многих стихотворных сборников, постоянный автор журнала, Лауреат Всероссийской премии им. А. Фета. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

Ты меня не щадил, Кузнецов,
Не всегда справедлив был, ну что же,
Что дороже, в конце-то концов?
Мне стихи твои, Юра, дороже.

Сам поставил ты точку в судьбе,
Это слабостью было жестокой,
И не надо бы, Юра, тебе
В ад кромешный спускаться до срока.

Может, Бог-то и не попустил,
Оборвал твою жизнь на полслове...
И народ наш зело загрустил,
Чтоб прочесть тебя жадно и внове.

* * *

Рожь возросла и выросла пшеница
В степи, капризам лета вопреки,
Какая мне нужна шальная Ницца
Средь злаков, у божественной реки!

Заплачено за эти шири кровью
И русичей, и Золотой Орды...
С полей исходит жёлтый жар здоровья,
Прохладой силы веет от воды,

Порой сквозь сон я слышу рёв верблюдов,
И ржание коней, и скрип телег,
И трудно мне порой уйти оттуда,
Вернуться вновь в мой XXI век.

...Да мой ли он, вот этот Двадцать Первый,
Обязан ли я чем-нибудь ему?..
Мобильники звонят, тончают нервы,
Компьютеры пророчат вход во тьму.

И хочется всегдашнего, простого,
Которое нетрудно перечесть:
Речной прохлады, жаркого простора
Хлебов — и, слава Богу, это есть!

* * *

Сугубый житель городской,
Я эти годы не забуду,
Гляжу со светлою тоской
В тот дальний мир, подобный чуду.

Ведь этот чудо из чудес,
Почти божественные знаки —
Среди степи шумящий лес,
И степь сама, где зреют злаки.

Они созрели — и вдвоём
С моей беременной супругой

Мы песню в кузнице поём,
И ветер в лица бьёт упруго.

В копёшку рухнем мы — и вот
Ночной вдыхаем сытный воздух.
Уже округл её живот,
И слышится им отзвук в звёздах.

Пылит небесная стезя,
В ответ звенит сверчками поле.
Мне трогать милую нельзя,
Но я тянусь к ней поневоле...

Тогда, в том памятном году,
Раскинувшись в копне устало,
Мы загадали на звезду,
Нам дочку небо нашептало.

2008

* * *

Гололёд, неловкие движенья,
Воздух беспокойный и сырой,
В горле предгриппозное першение,
Хрипнут электрички под горой.

Вот он и декабрь. Хотя и редко,
Всё же удаётся, подлецу,
Голою и отсыревшей веткой
Вдруг тебя ударить по лицу.

Но давно люблю я эту пору,
Сердцем, а не только головой.
Шумному вороньему раздору
Радуюсь — ведь всё же звук живой.

Радуюсь тому, что мало света,
Много тьмы, и можно в тишине
Помечтать о тёплых розах лета
И о волжской ласковой волне.

Проникать сквозь хмурь бывалым взглядом
И, тепла впивая благодать,
Точно знать, что солнце ходит рядом,
Вот оно... лишь только не видать.

В этом году исполняется 20 лет со дня гибели Советского Союза. За последнее время это трагическое событие стало объектом интенсивной и небескорыстной мифологизации. Лидеры “новой” России утверждают, будто Союз развалился сам от груза проблем, которые не решала – и не могла решить – социалистическая система. Эту версию охотно подхватила почти вся пресса, весь либеральный бомонд.

Осуществляются и более тонкие манипуляции. Идеологи и певцы “империи”, отдавая должное СССР, возлагают ответственность за его гибель на... русских националистов, которые, якобы, захотели жить в обособленном государстве. В этой связи обычно вспоминают о крупнейшем русском писателе Валентине Распутине, будто бы призвавшем к выходу России из СССР. Я уже разоблачал эту провокационную версию (“Наш современник” № 1, 2011) и не считаю нужным вновь опровергать заведомую ложь.

Чтобы напомнить о том, кто и как осуществлял подрыв нашей общей державы, редакция подготовила серию материалов. Сегодня мы публикуем первый из них – расследование вильнюсских событий, связанных с так называемым штурмом телебашни, повлекшим человеческие жертвы. Автор – Владислав ШВЕД хорошо знаком нашим читателям. В 1990–91 годах он был депутатом литовского сейма и вторым секретарём компартии Литвы. Так что сведения, публикуемые в номере, получены, что называется, из первых рук.

Александр Казинцев

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

ЛИТОВСКИЙ ЛАБИРИНТ

*Затевая спор настоящего с прошлым,
мы обнаружим, что потеряли будущее.*

Уинстон Черчилль

Известно, что Литва своим выходом из Союза ССР прежде всего обязана России. Но упования российских “демократов” на благодарность литовских коллег оказались тщетными.

После обретения независимости литовские политики активно включились в процесс дискредитации СССР, сутью которого явилось возложение на Советский Союз, наряду с нацистской Германией, ответственности за развязывание Второй мировой войны. Литовской делегации в июле 2009 г. удалось навязать Парламентской ассамблее ОБСЕ, проходившей в Вильнюсе, приня-

тие резолюции “Воссоединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке”, фактически приравнявшей коммунизм к нацизму.

При этом литовские политики пытаются поставить под сомнение не только итоги Второй мировой войны, но и весь послевоенный период советского участия в развитии европейского и мирового сообщества. В случае успеха их замысла, Россия как правопреемница СССР из разряда держав-победительниц превращается в страну, отягощенную прошлыми грехами. Этот аспект весьма важен для Литвы в плане предъявления России требований о материальной компенсации за полвека “советской оккупации и агрессии”.

Эффективным инструментом давления на Россию в Литве сделали историю. Сегодня в ходу в самые немыслимые трактовки исторических событий XX века. При этом литовские “правоведы” весьма своеобразно трактуют такие правовые определения, как “оккупация”, “аннексия”, “агрессия”, “военные преступления”. Принятые мировым сообществом трактовки этих понятий они предпочитают игнорировать.

Не вызывает сомнений, что литовские ниспровергатели исторических истин заблудились в лабиринте истории литовско-российских отношений и движутся в направлении, на котором Литву могут ждать весьма неприятные неожиданности.

В этих целях автор при анализе ряда спорных исторических ситуаций позволил себе применить “литовскую методологию”, с помощью которой историю в Литве превращают в политический инструмент. Подобный прием наглядно показывает, как опасно, сидя в стеклянном доме, бросаться камнями.

Советская “агрессия”

В последнее время литовское руководство пытается предъявить России как правопреемнице СССР ряд претензий за так называемые советские “преступления”. На первый план выдвигаются трагические события января 1991 г. в Вильнюсе. Они в Литве трактуются как повторная “советская агрессия и оккупация” суверенного литовского государства. 20-летие этих событий Литва отметила не только траурными мероприятиями, но и рядом других акций.

12 января 2011 г. литовский МИД направил МИДу России очередную претензию, официально оформленную в виде дипломатической ноты. В ней литовская сторона выразила протест по поводу памятника сотрудникам спецподразделений КГБ СССР, установленного в подмосковных Химках. Якобы наличие на памятнике надписи о подразделении антитеррора “А” (Альфа), участвовавшего в штурме вильнюсской телебашни 13 января 1991 г., является оскорблением памяти погибших защитников телебашни. Следует иметь в виду, что в Литве группу “Альфа” считают главным виновником гибели людей ночью 13 января 1991 г.

Помимо этого в Литве набирает обороты “охота на ведьм”, связанная с январскими 1991 г. событиями. Генпрокуратура Литвы возбудила уголовное дело против председателя Социалистического народного Фронта Альгирдаса Палецкиса. Он обвиняется в отрицании “советской агрессии” против Литвы в январе 1991 г. и оскорблении памяти жертв этой “агрессии”.

Реанимировано 20-летнее расследование январских событий 1991 года. Летом 2010 г. литовские прокуроры переквалифицировали обвинение в попытке государственного переворота (январь 1991 г.) в обвинение о совершении военного преступления. Побудительным мотивом для этого явилось то, что в январе 2011 г. истек срок преследования подозреваемых по делу о государственном перевороте.

Теперь так называемые организаторы и участники январской силовой акции в Вильнюсе считаются военными преступниками, и срок их преследования литовским “правосудием” не ограничен. В этих целях образована новая группа литовских прокуроров из 5 человек, задачей которых является обеспечить привлечение к уголовной ответственности всех виновников январской трагедии, которые сейчас якобы “скрываются” в России и Белоруссии.

Однако не вызывает сомнения то, что правда о подлинных организаторах и виновниках январских событий со временем выяснится, и они получат по

заслугам. Вот об этих закулисных организаторах и пойдёт разговор в настоящем исследовании. Однако прежде всего следует разъяснить ситуацию, которая сложилась вокруг расследования январских событий в Литве.

В 1990-х годах в Литве состоялось несколько судебных процессов, результатом которых стало осуждение ряда так называемых виновников январских событий. Центральным явился трехгодичный процесс (октябрь 1996 – август 1999 гг.) по делу бывших руководителей Компартии Литвы/КПСС: первого секретаря ЦК КПЛ/КПСС Миколаса Бурокаявичюса, секретаря ЦК Юозаса Куолялиса, заведующего идеологическим отделом ЦК Юозаса Ермалавичюса и др. (так называемое “дело профессоров”).

Несмотря на то что уголовное дело составляло 455 томов, а в ходе следствия было допрошено более 3 тысяч свидетелей и осуществлено 1200 экспертиз, в ходе судебного разбирательства по “делу профессоров” не был установлен ни один конкретный виновник гибели конкретной январской жертвы у вильнюсской телебашни. Окружной суд г. Вильнюса предпочел констатировать, что виновниками этих преступлений являются коллективные убийцы: литовские коммунисты (КПСС), советские военнослужащие и спецгруппа “А” (Альфа) КГБ СССР. Соответственно, руководители ЦК КПЛ/КПСС были огульно приговорены к различным срокам тюремного заключения: от 6 до 12 лет на основании весьма сомнительных доказательств и свидетельств.

О степени “правовой обоснованности” обвинительного заключения по “делу профессоров”, подготовленного Генпрокуратурой Литвы, свидетельствует то, что основой для него явилась пропагандистская брошюра лидера “Саюдиса” и председателя Сейма Литвы Витаутаса Ландсбергиса с претенциозным названием “События 13-го и Литовское государство”. В ней бывший музыковед-марксист изложил невероятные домыслы об истоках и организаторах событий 13-го января, щедро приправив их личными претензиями. Тем не менее, литовские прокуроры и судьи безоговорочно приняли её к руководству.

Заметим, что Ландсбергис, горя желанием “по полной” рассчитаться с политическими противниками, направил в Окружной суд г. Вильнюса письмо с четкими инструкциями, как следует вести уголовный процесс и как наказывать обвиняемых. Это письмо было приобщено к материалам упомянутого уголовного дела профессоров и стало известно обвиняемым. В ноябре 1994 г. аналогичное письмо с указаниями о ведении следствия тогдашний глава Сейма Литвы направил и в Генеральную прокуратуру Литвы.

Указания Ландсбергиса сыграли существенную роль в деле осуждения литовских коммунистов. Иначе как объяснить, что одному из обвиняемых Ю. Куолялису бездоказательно было инкриминировано участие в “преступных деяниях” в периоды, когда он отсутствовал в Литве. Аналогичного плана были обвинения и в адрес других обвиняемых.

Отметим, что большинство подозреваемых в попытке государственного переворота в Литве в январе 1991 г. пока находятся вне юрисдикции литовского правосудия. Тем не менее, литовские прокуроры надеются рано или поздно посадить их на скамью подсудимых. С этой целью граждане России, преследуемые литовским правосудием, осенью 2011 г. получили от Генпрокуратуры Литвы “Уведомление о подозрении”, оформленное на 75 страницах.

Не вызывает сомнений, что в скором времени формулировки обвинений, предъявленных в “Уведомлении...”, будут изменены. Да и список подозреваемых в преступлениях против Литовской Республики, вероятнее всего, пополнится новыми фигурантами. По данным “Независимой газеты” (25.04.2000) в этом списке числился 51 человек. В нем фигурировали, помимо руководителей КПЛ/КПСС и рядовых литовских коммунистов, члены высшего политического и военного руководства СССР, командиры советских воинских частей, принимавших участие в вильнюсских событиях, и тогдашние руководители “Альфы”.

Судя по вышеупомянутому “Уведомлению...” Генпрокуратура Литвы основными подозреваемыми считает бывших руководителей Компартии Литвы/КПСС, в том числе бывшего 2-ого секретаря ЦК Владислава Шведа, а также бывшего министра обороны СССР Дмитрия Язова, бывшего министра Внутренних дел СССР Бориса Пуго (ныне покойный), бывшего Председателя КГБ СССР Владимира Крючкова (ныне покойный), бывшего секретаря ЦК КПСС Олега Шенина (ныне покойный), бывшего замминистра обороны

Владислава Ачалова (тоже недавно ушедшего из жизни), бывшего командующего Прибалтийским военным округом Федора Кузьмина, бывшего заместителя командующего ПриБВО Владимира Овчарова, бывшего заместителя председателя КГБ Литовской ССР Станислава Цаплина (ныне покойный), бывшего заместителя начальника группы “А” Михаила Головатова и бывшего командира 107-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в Вильнюсе, Владимира Усхочника. Помимо них в “Уведомлении...” перечисляются десятки других подозреваемых, которые, по убеждению литовских прокуроров, участвовали в попытке государственного переворота и виновны в гибели людей 13 января 1991 года.

Однако Президент СССР Михаил Горбачев, давший команду на проведение январской акции, в этом списке отсутствует.

Всем подозреваемым грозит уголовное наказание, вплоть до пожизненного заключения. Выезд за пределы России им категорически противопоказан, так как они находятся в списке разыскиваемых Интерполом. Между тем достоверно известно, что “подозреваемые” в 1990–1991 гг. действовали в строгом соответствии с решениями третьего внеочередного Съезда народных депутатов СССР и Указами Президента СССР. Но этот аспект литовские прокуроры предпочитают игнорировать.

Новое развитие тема январских событий получила в феврале 2011 г. в связи с визитом в Москву министра иностранных дел Литовской Республики Аудруноса Ажубалиса. Этот литовский политик давно известен как ярый русофоб. Напомним, что, будучи заместителем председателя Комитета по международным делам Сейма, Ажубалис в ответ на “агрессию” России против Грузии предлагал ввести блокаду Калининградской области. Он также был категорически против безвизового режима с этой российской областью. Ажубалис выступал против строительства Россией по дну Балтийского моря газопровода “Северный поток”. Даже российские инвестиции в экономику Литвы он считает угрозой национальной безопасности.

Именно Ажубалис в 2007 г. стал автором новой претензии к России, суть которой в том, что СССР в январе 1991 г. совершил агрессию против независимой Литвы и повторно оккупировал её территорию. Ажубалис первым из литовских политиков аргументировал претензии к России за январские события ссылкой на Договор об основах межгосударственных отношений между Россией и Литвой, подписанный президентом Ельциным 29 июля 1991 г. Этим договором Российская Федерация признала независимость Литовской Республики с 11 марта 1990 года.

При этом литовские юристы и политики игнорируют тот факт, что в июле 1991 г. и Россия, и Литва не являлись полноправными субъектами международного права, и поэтому российско-литовский договор от 29 июля 1991 г. в правовом плане до его ратификации Верховным Советом РФ был ничтожным. Одностороннее провозглашение независимости, как известно, ещё не означает факта её признания международным сообществом. Достаточно напомнить в этой связи проблемы признания суверенности Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии. Этот спорный аспект хорошо осознавали российские политики в 1991 г. Не случайно Верховный Совет Российской Федерации ратифицировал вышеупомянутый российско-литовский договор только 17 января 1992 г., а в силу он вступил 4 мая 1992 г.

Тем не менее, по мнению Ажубалиса, наличие этого договора позволяет утверждать, что *“вооруженные силы СССР 11–13 января 1991 года совершили акт агрессии против независимого Литовского государства и его жителей”*. При представлении резолюции в Сейме в январе 2007 г. Ажубалис указывал на то, что вносимый им документ должен помочь начать (!) диалог с Россией. Якобы логика здесь проста. Если Россия не хочет начинать разговор о компенсации ущерба за весь период советской оккупации, то следует начать с более легкой для Кремля темы – с возмещения ущерба за события 13 января. А далее можно будет перейти и к требованию оплатить “весь ущерб”. Буквально Ажубалис тогда заявил: *“Это попытка начать переговоры с Россией, пока не начаты переговоры об оплате всего ущерба от оккупации”*.

В 2007 г. предложение Ажубалиса депутаты литовского Сейма не поддержали. Их позицию выразил тогдашний председатель Комитета по международным делам социал-демократ Юстинас Каросас. Он сказал, что новой пре-

тензией “мы унизим ту часть России, которая чистосердечно помогла нам на пути к свободе”. Однако в январе 2010 г. депутаты Сейма, избранного в 2008 г., поддержали предложение Ажубалиса и без поправок приняли резолюцию, которой обязали правительство Литвы официально обратиться к России, как к правопреемнице СССР, с требованием выплатить компенсации семьям погибших и получивших ранения во время январских событий 1991 года в Вильнюсе.

В этой связи в Литве пытаются создать правовое обоснование претензии по поводу советской “агрессии” в январе 1991 г. “Эксперт” в области международного права Дайнюс Жалимас подготовил серию статей “Агрессия СССР против Литовской республики в январе 1991 года: международные правовые аспекты” (см. Интернет-портал “Bernardinai”). Он утверждает, что: “СССР был ответственен за агрессию против Литвы в январе 1991 г., как и за все акты советской агрессии, начиная с 15 июля 1940 г.”.

Без тени смущения и должных аргументов Жалимас продолжает, что: “Литовская республика никогда не была законной частью СССР, а в 1940–1990 гг. существовала как государство и субъект международного права, несмотря на оккупацию всей ее территории и уничтожение государственных институтов вследствие акта агрессии, осуществленного 15 июля 1940 г.”. Вот как! Оказывается, Литва 50 лет функционировала как независимое государство, только в мире об этом не знали. Но подробнее об этом ниже.

Предъявляя претензии к России, литовская сторона полностью игнорирует тот факт, что тогда российский президент Борис Ельцин фактически сорвал январскую силовую акцию в Литве. Ельцин уже 13 января 1991 г, прибыл в Таллин и обратился оттуда с призывом к русскоязычному населению и к военным, проходящим службу в Прибалтике, быть благоразумными. Позиция Ельцина во многом обусловила то, что Горбачев дал обратный ход акции по наведению конституционного порядка в Литве.

Таллинское заявление российского президента стало одним из первых в цепочке предательских решений и действий Ельцина, в результате которых 25 миллионов русских оказались бесправными заложниками в национальных республиках.

Русских убивали, грабили, выгоняли из квартир, подвергали дичайшим унижениям. И это всё при безучастной позиции российского руководства. В прибалтийских республиках этот процесс был более “цивилизованным”, но от этого не менее унижительным. Надеюсь, что рано или поздно действия Ельцина по развалу Союза, по оставлению русских за пределами России без должной правовой и материальной защиты, по бездумному разграблению и уничтожению советского материального наследия получат должную оценку.

Ну, а в 1990–1991 гг. именно позиция Ельцина позволила руководству Литвы проводить достаточно независимую от Кремля политику и лишь номинально числиться в составе СССР. Для доказательства сошлемся на воспоминания бывшего президента СССР Михаила Горбачева.

В мемуарах “Жизнь и реформы” Горбачев пишет: “4 мая 1990 г. И. Т. Фролов (тогда главный редактор газеты “Правда” и секретарь ЦК КПСС. – В. Ш.) передал мне содержание беседы с видным ученым Вильнюсского университета, приехавшим в Москву по поручению руководства ЦК КПЛ, а также Ландсбергиса. Литовское руководство выражало готовность вступить в диалог с представителями центра, имея в виду, что решения, принятые Верховным Советом Литвы после 11 марта, могут стать объектом обсуждения и приостановления.”

Декларация независимости Литвы может рассматриваться Союзом как акт в значительной степени символический. Литва не будет возражать против интерпретации этого акта, согласно которой речь идет о статусе республики как “ассоциированного члена обновленного Союза ССР”. В то же время конкретная реализация должна быть итогом поэтапного процесса, согласованного с Союзом.

... Однако “суверенизация России” сорвала поиск новой формулы отношений с Прибалтийскими республиками в реформированном Союзе. Она вызвала цепную реакцию принятия аналогичных документов всеми союзными, а затем и автономными республиками. Начался “парад суверенитетов”.

Это свидетельство бывшего Президента СССР полностью дезавуирует утверждения Витаутаса Ландсбергиса о том, что в вопросах отстаивания неза-

висимости Литвы он всегда занимал бескомпромиссную жесткую позицию. Известно, что 12 июня 1990 г., после 50 дней ограничения промышленных поставок нефтепродуктов и газа в Литву (так называемой блокады), Ландсбергис вынужден был приехать в Москву для встречи с Горбачевым. Содержание этой встречи неизвестно, но через две недели по настоянию того же “непреклонного” Ландсбергиса Верховный Совет Литвы принял решение о 100-дневном моратории на Акт независимости.

Вот цена показательной стойкости Ландсбергиса. Достаточно было Кремлю проявить немного твердости, и он был готов на компромисс. Твердолобую позицию в отношении Кремля Ландсбергис сохранил в дальнейшем только благодаря противостоянию Ельцина и Горбачева, в рамках которого у Литвы появилась свобода действий.

Напомним, что после объявления Россией 12 июня 1990 г. суверенитета государственная структура СССР стала сыпаться. Начался, как отмечал Горбачев, парад суверенитетов. Вслед за российским парламентом декларации о независимости приняли 20 июня – Узбекистан, 23 июня – Молдова, 16 июля – Украина, 27 июля – Беларусь. Далее начался каскад провозглашения суверенитета внутри республик. Карелия провозгласила суверенитет 10 августа, далее последовали Татарстан, Башкортостан, Бурятия в РСФСР. Дело дошло до того, что 26 октября 1990 г. суверенитет объявила Иркутская область. Этой ситуацией не преминула воспользоваться Литва.

Вместе с тем следует признать, что у Ландсбергиса были и другие основания для демонстрации “несгибаемой” позиции в отношении Кремля. Он прекрасно знал, что Горбачев “повязан” обещаниями Рейгану и Бушу отпустить Прибалтику из Союза. Поэтому Ландсбергис играл, как сейчас говорят, “заказной матч”, в котором победа ему была гарантирована. Не случайно в интервью английской газете “Дейли мейл” от 7 апреля 1990 г. Ландсбергис заявил: *“Запад должен понять, что Горбачев сам позволил сложиться нашей ситуации. Он в течение двух лет наблюдал за ростом нашего движения за независимость. Он мог бы остановить его в любой момент. Может, он этого хотел или хочет сейчас. Но он его не остановил”*.

Но вернемся к претензиям современной Литвы. В последнее время беспокоят не столько они, сколько непоследовательность позиции российского руководства в отношении претензий наших бывших союзников по СССР и соцлагерю. Для примера напомним, что ещё в 2008 г. Россия отвергала польские претензии за Катынь. Однако в марте-апреле 2010 г. позиция вдруг кардинально изменилась. Игнорируя результаты 14-летнего расследования Главной военной прокуратурой РФ Катынского дела, в ходе которого была достоверно подтверждена гибель лишь 1803 польских военнопленных, российское руководство признало ответственность сталинского руководства за гибель 21 857 военнопленных и арестованных польских граждан.

Определенные изменения наметились и в российско-литовских отношениях. Напомним, что литовская оценка советского прошлого в последние годы была однозначна и бескомпромиссна: России следует признать факт “советской оккупации” Литвы. Дискуссии по этому поводу недопустимы, так как это исключает литовское законодательство. Одним словом литовские политики стояли на позициях: хотите диалога, соглашайтесь на наши требования. В своё время таким же образом вели себя поляки. И добились успеха.

Россия с вышеизложенной трактовкой Литвой совместной истории ранее категорически не соглашалась. Однако 3 февраля 2011 г. Ажубалис, подводя итоги своего визита на пресс-конференции в Москве, с удовлетворением констатировал, что Литва и Россия *“подходят к одинаковой оценке прошлого”*. Понимай как хочешь, то ли Россия согласилась с литовскими оценками совместного прошлого, то ли... Но глава российского МИДа Сергей Лавров на это заявление Ажубалиса не отреагировал.

В ходе московского визита, помимо переговоров с С. Лавровым, Ажубалис встретился с представителями правозащитного общества “Мемориал” и с председателем Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ и одновременно советником президента Михаилом Федотовым. Судя по имеющейся информации, эти встречи прошли в дружественной и конструктивной обстановке!

Возникает вопрос, что может быть общего у известного русофоба и российских правозащитников. Единственное, что приходит на ум — это общая оценка проблемных вопросов советского прошлого Литвы. Можно сделать вывод, что в ходе февральского визита Ажубалис нашёл союзников для будущего формирования российского общественного мнения в отношении “советской оккупации” Литвы. В своё время таким же образом вела себя польская сторона, пытаясь изменить позицию официальной России по Катыни.

Помимо дипломатического наступления, Литва уверенно продвигается к своей цели на историческом направлении. Известно, что С. Лавров достаточно благосклонно отнесся к предложению А. Ажубалиса о том, чтобы оценочные выводы о совместном прошлом сделала бы российско-литовская комиссия историков, действующая уже шестой год.

Между тем известно, что российские представители в этой комиссии уже с первых дней совместной работы согласились с мнением литовской стороны. Тем самым они проигнорировали официальную позицию МИД РФ, многочисленные архивные документы и исследования историков, свидетельствующие о том, что процесс вхождения Литвы в СССР в 1940 г. нельзя трактовать как оккупацию.

Сошлемся лишь на фундаментальное исследование эстонского ученого Магнуса Ильмъярва *“Тихое подчинение. Формирование внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии с середины 1920-х гг. до аннексии 1940”*. Она была издана в 2004 году при содействии Хельсинкского и Стокгольмского университетов. Результаты этого исследования позволяют утверждать, что квалифицировать события 1940 года в Прибалтике как оккупацию нет оснований. Включение Литвы, Латвии и Эстонии в СССР произошло в результате фиаско процессов государственного строительства, возглавляемых прибалтийскими диктаторами Сметоной, Улманисом и Пятсом.

К 1940 году власти Прибалтийских республик исчерпали кредит доверия населения. В силу этого вступление советских войск и последующее вхождение в состав СССР не вызвало особых протестов. Однако политика пролетарского интернационализма, проводимая Москвой, в результате которой игнорировались национальный менталитет, история, особые экономические условия и культурно-бытовые особенности прибалтов, в дальнейшем стали вызывать протест.

Но члены совместной российско-литовской комиссии историков в оценках событий 1940 г. руководствуются своими соображениями. В итоге первый том совместного сборника документов “СССР и Литва в годы Второй мировой войны (март 1939 — август 1940 гг.)”, изданный в 2006 г., трактует события 1940 г. как советскую оккупацию Литвы. Тогдашний министр иностранных дел Литвы Антанас Валионис оценил данный сборник как *“литовскую версию оценки событий предвоенного периода”*. Однако российский МИД эту спорную ситуацию предпочёл спустить на “тормозах”.

В настоящее время к изданию готовится второй том вышеназванного сборника. Об этом Ажубалис заявил на пресс-конференции 3 февраля 2011 г. Естественно, если литовский министр ждёт выхода в свет этой книги, то она, вероятно, вновь подтвердит литовскую версию оценки событий предвоенного периода.

Если события будут развиваться в таком ключе, то можно с большой степенью уверенности предсказать итоги российско-литовского спора по поводу “советской оккупации”. Вначале, видимо, будет озвучено “научно обоснованное” мнение историков о том, что Литва в 1940 и 1991 гг. была оккупирована. Затем к процессу подключится “Мемориал” с требованием признать жертвы советской оккупации в Литве. Далее российские СМИ начнут антисоветскую кампанию. И в итоге кремлевские советники убедят российского президента в том, что следует признать факт двойной советской оккупации Литвы.

То, что при этом будет полностью проигнорирована общепризнанная международная трактовка термина “оккупация”, вряд ли кого-нибудь озаботит. Вряд ли будет учтен и тот факт, что в Литве любое историческое событие советского прошлого, прежде всего, получает политическую трактовку властями поддерживающими, а уже потом литовские историки и праведы пытаются “обосновать” эту трактовку.

В России также игнорируется и то, что литовские историки являются заложниками вздорных политических установок, которые подкреплены законо-

дательным образом. Например, отрицание “факта советской оккупации” в Литве грозит сроком тюремного заключения до 2 лет. В результате дискуссии по спорным историческим вопросам приобретают поистине гротескный характер.

Известный литовский историк Людас Труска (Liudas Truska), всегда отличавшийся взвешенными оценками литовско-советской истории, в интервью “Экспресс-неделе” (02.04.2011), говоря о советском периоде, вынужден делать не вполне корректные заявления. Так, пытаясь дать хоть мало-мальски объективную оценку так называемой “советской оккупации”, он называет её “необычной”, то есть не соответствующей классическому её пониманию. Это, по словам Труски, такая оккупация, когда метрополия (СССР) жила хуже своих “колоний”, чего никогда не было у классических колонизаторов Англии или Франции. Но оккупацией, по мнению Труски, она являлась уже потому, что в результате её “Литва потеряла государственность”.

Однако, если согласиться с такой логикой, то следует признать, что Великое княжество Литовское (ВКЛ), создав унию с Польским королевством, также было оккупировано, так как в результате ВКЛ потеряло не только свою государственность, но и значительную часть истории. Но об этом никто не вспоминает.

Несмотря на явную абсурдность претензий, высказываемых Литвой в адрес России как правопреемницы СССР, возникает опасение, что они могут со временем быть принятыми российским руководством. Об этом свидетельствует явный антисоветизм советников кремлевского руководства, которые готовы согласиться с любым абсурдом, лишь бы он бил по советскому прошлому.

Как известно, от разборок на государственном уровне всего один шаг до частных обвинений. В этой связи обвинения, которые Генпрокуратура Литвы инкриминирует россиянам — организаторам так называемого январского (1991 г.) “государственного переворота”, из **гипотетических становятся достаточно реальными.**

Другое государство?

Следует отметить, что литовские политики, говоря о советском периоде, в отношении СССР используют термин “*другое государство*”. Даже применительно к периоду 11 марта 1990 г. — 6 сентября 1991 г. этот термин в правовом смысле абсолютно не корректен. Он является пропагандистской метафорой, которую в 1990 г. ввел в обиход Витаутас Ландсбергис.

Широкое и повсеместное использование термина “*другое государство*” в отношении СССР отражает политический настрой правящей литовской элиты, в основе которого лежит стремление “поставить на место” Россию как правопреемницу СССР, и получить компенсацию за так называемый период советской оккупации.

Напомним, что литовские гособвинители на процессах 1993—1999 гг. против так называемых организаторов январского “государственного переворота”, формулируя обвинения в их адрес, немало времени тратили как на доказательство факта “советской оккупации” Литвы, так и факта незаконности советской власти в Литве.

Им вторят литовские политики и историки, мнение которых широко тиражируют СМИ. Уже были приведены “изыскания” Жалимаса, согласно которым Литва якобы никогда не входила в СССР и не была его полноправной частью. Однако литовские политики и юристы недооценивают опасности использования на официальном уровне некорректной терминологии в оценках взаимоотношений Литовской ССР и СССР. Это может стать бумерангом, который, прежде всего, ударит по Литовской Республике. Постараемся это доказать.

Прежде всего, напомним, что в течение 45 лет граждане Литовской ССР, в том числе и В. Ландсбергис, исправно “тайно” голосовали за советскую власть. Далее, в Литве действовала Коммунистическая партия, насчитывающая 200 тысяч членов. К этому следует добавить Коммунистический Союз молодежи Литвы, объединявший в своих рядах более 500 тысяч юношей и девушек. Если учесть, что коммунисты и комсомольцы имели семьи или жили в семьях, то получается, что минимум 2 с лишним миллиона человек из 3,7 миллиона общего населения Литвы (около 60%) сознательно приняли

советскую власть и участвовали в её структурах. В Компартию и комсомол литовцев силком не затаскивали.

Кстати, Ландсбергис в послевоенный период вступил в комсомол, предвзвительно отрекшись от отца. Делал он попытки вступить и в КПСС. Но безуспешно. Заметим, что партийная организация Литовской консерватории, где на кафедре марксизма-ленинизма подвизался будущий глава “Саюдиса”, находилась на партийном учете в Октябрьском райкоме партии г. Вильнюса. Об этих попытках мне как первому секретарю этого райкома партии стало известно только после того, как Ландсбергис стал во главе “Саюдиса” и стал позиционировать себя как антикоммунист.

Также не следует забывать, что в течение 45 лет большинство литовских юношей проходили службу в рядах Советской Армии. Там они как законопослушные советские граждане не только давали присягу на верность СССР, но и весьма достойно несли службу. Призывники из Литвы считались одними из лучших в Советской Армии. Это ли не ещё одно свидетельство полноправного и добровольного пребывания Литвы в составе СССР?

Если согласиться, что все 50 лет советского периода Советский Союз для Литвы являлся другим государством, то в этом случае возникает вопрос о легитимности избранного в феврале-марте 1990 г. Верховного Совета Литовской ССР. Ведь выборы осуществлялись на основании законов СССР и Литовской ССР, которые, по современной литовской терминологии, являлись “оккупационными”. В этой связи встает вопрос – имели ли депутаты “оккупационного” ВС Литовской ССР полномочия заявить 11 марта 1990 г. о восстановлении Литовской республики?

Сомнительными являются и утверждения литовских политиков о том, что Народный сейм Литвы, объявивший в 1940 г. вхождение Литвы в СССР, был не легитимен, так как выборы в него проходили в присутствии “оккупационных” советских войск. Современная международная практика подтвердила ничтожность этих заявлений. Так, в недавнем прошлом в Афганистане и Ираке состоялись выборы в присутствии оккупационных войск США, однако мировое сообщество, в том числе и ООН, признало результаты этих выборов.

Заметим также, что термин “оккупационные” не может быть применен к советским войскам, находившимся в Литве в 1940 г. на основании двухсторонних советско-литовских договоров.

Если же аргументы литовских правоведов по поводу нелегитимности вхождения Литвы в СССР в 1940 г. применить к событиям 1918–1919 гг., то легитимность обретения Литвой независимости в 1918 г. окажется под большим вопросом. Дело в том, что известный Акт независимости Литвы от 16 февраля 1918 г. принимался в условиях оккупации Литвы кайзеровскими войсками.

В этой связи следует напомнить ряд нелицеприятных обстоятельств, наличие которых позволяет считать провозглашение независимости Литвы 16 февраля 1918 г. сомнительным. Для того чтобы не быть обвиненными в предвзятости, сошлемся на патриарха литовских историков Антанаса Шапоку, издавшему в 1936 г. фундаментальный труд “Lietuvos istorija” (История Литвы).

Шапока сообщает: 11 декабря 1917 г. Литовский Совет (Lietuvos Taryba, далее Тариба) заявил об отделении от России и восстановлении независимого литовского государства со столицей в Вильнюсе. В этом заявлении содержалась просьба к Германии защищать новое государство. Там же провозглашались “постоянные (вечные) твердые союзнические связи с Германским государством”. Они предполагали совместные военную, таможенную и денежную системы. Это было естественно, так как текст декабрьского заявления Тарибы писался под диктовку немецких оккупационных властей.

Однако “левое крыло” в Тарибе вскоре подняло вопрос о создании независимого литовского государства. Правые во главе с председателем Тарибы Антанасом Сметоной (Antanas Smetona) не согласились. Левые в знак протеста покинули Тарибу. Но 15 февраля 1918 г. Тариба решила обсудить требования левых. На заседании был рассмотрен текст заявления о независимости Литвы, который предложили левые.

Этот текст фактически без изменений вошел в заявление (точнее “Nutarymas” – “Решение”), которое было принято 16 февраля 1918 г. За формулировки “решения” проголосовало 11 человек. Воздержались три члена Тарибы, в том числе и А. Сметона. Они настаивали на формулировках 11 дека-

бря 1917 г. В итоге Сметона был вынужден отказаться от поста председателя Тарибы. Новым председателем был избран известный литовский просветитель Йонас Басанавичюс (Jonas Basanavicius). Именно под его председательством и было принято решение о независимом литовском государстве.

Впоследствии документ, принятый 16 февраля 1918 г., стал именоваться «Актом провозглашения независимости Литвы». Однако заявление от 16 февраля 1918 г. носило чисто декларативный характер и в течение 9 месяцев не имело никаких правовых последствий. Немецкие оккупационные власти запретили обнародование этого заявления и потребовали возврата к заявлению 11 декабря. В феврале 1918 г. о существовании этого заявления знал лишь узкий круг людей. Тариба же была фактически изолирована, не могла полноценно функционировать, *«ей не было предоставлено никакой власти»*.

В этой ситуации Тариба, нарушая своё решение от 16 февраля о том, что устройство Литовского государства будет определять демократически избранный учредительный сейм, 4 июня 1918 г. якобы во имя *«спасения Литовского государства»* провозгласила Литву королевством. На литовский трон пригласили прусского герцога фон Ураха, которого стали именовать Миндаугасом. Тем самым Тариба признала решение от 16 февраля 1918 г. ничтожным.

Отметим, что Германия не признавала Тарибу как государственный орган. Она постоянно пыталась присоединить Литву к Пруссии. Так продолжалось до поражения Германии. Только в ноябре 1918 г. последний канцлер Германской империи Макс фон Баден разрешил создать Литовское правительство. Однако оно во главе с Аугустинасом Вольдемарасом (Augustinas Voldemaras) было безвластно и беспомощно. Оно не располагало ни финансами, ни помещениями, ни силовыми структурами, ни структурами власти на местах. Единственным гарантом существования правительства Вольдемараса являлось присутствие немецких оккупационных войск.

С учетом вышеизложенного, заявления литовских историков и политиков относительно легитимности провозглашения 16 февраля 1918 г. Литовской республики в условиях немецкой оккупации являются более чем сомнительными.

В то же время эти же историки утверждают, что провозглашение 16 декабря 1918 г. Литовской Советской республики было не легитимным, так как опиралось на штыки Красной Армии. Однако эти два события являются в определенной степени однотипными и не могут трактоваться по-разному.

Заметим, что провозглашение советской власти в Литве в декабре 1918 г. имело существенно большие объективные предпосылки, нежели провозглашение Литовской республики 16 февраля 1918 г. Известно, что революционный настрой среди солдат бывшей царской армии, призванных из Прибалтики, был на порядок выше, нежели в целом по России. Хорошо известна роль латышских стрелков в революционных событиях. Но не менее значительной была роль солдат бывшей царской армии, призванных на службу из Литвы. Именно им было поручено охранять Ленина. Но большинство советских и российских исследователей представляют их как латышей.

16 декабря 1918 г. правительство В. Мицкявичюса-Капсукаса обнародовало Манифест о переходе всей власти в Литве в руки *«Советов рабочих, безземельных и малоземельных депутатов»*. 19 декабря 1918 г. этот манифест был опубликован в газете *«Известия»* и объявлен по радио на весь мир. 22 декабря 1918 г. правительство Советской России в лице Совета Народных Комиссаров признало Литовскую Советскую Республику. В январе 1919 г. на большей части территории Литвы действовали органы советской власти – Советы рабочих, безземельных и красноармейских депутатов. 18–20 февраля 1919 г. в Вильнюсе состоялся I съезд этих Советов, на котором присутствовало 220 делегатов из разных уголков Литвы.

Для сравнения напомним, что же представляло собой в декабре 1918 г. прогерманское правительство Литовской республики. В то время его возглавлял Миколас Слежявичюс (Mykolas Slezevicius). В воспоминаниях об этом периоде он писал: *«Остаться в таком положении нельзя. Большевики валят большими массами. Опереться не на кого, так как нет никакой военной силы. Падет Вильнюс, через несколько дней и Каунас, и вся Литва достанется большевикам...»*.

Только немецкие штыки в 1919 г. позволили в Каунасе удержаться Тарибе и провозглашенной Первой Литовской республике. От финансового краха Литовскую республику тогда спас оккупационный немецкий банк Darlehnskasse-

Ost. Он предоставил Государственной Тарибе и её правительству в Каунасе 100 млн марок.

Как видим, фактически полусекретное решение литовской Тарибы о независимости Литвы от 16 февраля 1918 г. не могло идти ни в какое сравнение с гласным провозглашением Литовской Советской республики, которое опиралось на реальную поддержку трудящихся. Как известно, Советскую Литву с центром в Вильнюсе в 1919–1920 гг. задушила польская интервенция. Подвергая сомнению легитимность Литовской Советской республики 1918–1919 гг., литовские историки тем самым подвергают сомнению и легитимность провозглашения независимости Литвы в феврале 1918 г.

Между прочим, Соединенные Штаты Америки не признавали первую Литовскую республику до 1922 г. Впоследствии в силу геополитических причин США изменили свою позицию и 12 августа 1940 г. направили Советскому Союзу меморандум, в котором Прибалтийские республики назывались *“окупированными странами”*. Однако это не мешало Соединенным Штатам вплоть до сентября 1991 г. признавать факт нахождения этих республик в составе СССР.

Об этом свидетельствуют подписи президентов США под документами Ялтинских и Потсдамских соглашений, а также под Хельсинкским заключительным актом 1975 года. Все ссылки Ландсбергиса в 1990–1991 гг. на позицию США в отношении независимости Литвы, нейтрализуются простым обращением к информационным источникам того времени. Напомним, что США после провозглашения Литвой независимости в марте 1990 г. не спешили принять её в свои объятия.

Дж. Буш в ответ на призыв признать правительство В. Ландсбергиса де-факто в качестве первого, промежуточного шага на пути к полному дипломатическому признанию Литвы заявил, что он не намерен делать этого. По словам пресс-секретаря Белого дома, *“президент твердо заявил, что США в подходе к этой проблеме должны учитывать множество аспектов, что мы поддерживаем гласность и перестройку... И более того, в нынешней обстановке Литва в состоянии рассматривать свое будущее в ином свете, именно благодаря гласности и перестройке”*.

В сообщении ТАСС было отмечено, что на проходившей 12 апреля 1990 г. встрече с представителями деловых кругов первый заместитель госсекретаря США Лоуренс Иглбергер сказал, что Соединенные Штаты не собираются оказывать какой-либо помощи непосредственно Латвии, Литве и Эстонии.

Но вернемся к США. Американская общественность не поддержала идею литовской независимости. 13 апреля 1990 г. газета *“Известия”* напечатала результаты опроса в США, проведенного телекомпанией *“Эн-би-си”* (NBC) совместно с газетой *“Уолл-стрит джорнэл”*. Свыше двух третей американцев заявили, что Соединенным Штатам не следует признавать независимость Литвы. Опрос также показал, что если американцам, придется *“делать выбор между Горбачевым и Литвой”*, то большинство сделает выбор в пользу советского президента. Шесть из десяти опрошенных американцев заявили, что *“куда важнее поддерживать дружественные отношения с Горбачевым”*.

Эта информация явилась холодным душем для Ландсбергиса, который мечтал стремительным натиском вывести Литву из СССР и стать *“отцом-освободителем”*. Объявленная им независимость всё более превращалась в декларативную. С этого времени в речах Ландсбергиса всё чаще стала звучать фраза: **“Свобода не бывает без крови!”** или *“Независимости нужна искупительная жертва!”*

Только кровавое жертвоприношение на алтарь свободы, по убеждению Ландсбергиса, могло сплотить литовскую нацию и вырвать у Кремля долгожданную реальную независимость. Однако глава Верховного Совета Литвы ломился в *“открытую дверь”*. Ещё раз напомним, что Горбачев во время декабрьской (1989 г.) встречи с Бушем на Мальте подтвердил, что прибалтийские республики получат право на выход из Союза. Во время следующей встречи с Бушем в Вашингтоне и на ранчо в Кемп-Девиде (май–июнь 1990 г.) эта договоренность была подтверждена.

Впоследствии один из бывших ближайших соратников Ландсбергиса Аудриус Буткявичюс в одном из интервью (См. *“Обзор”* № 15/170, апрель 2000 г.) заявил, что, по словам начальника Генштаба ВС СССР генерала армии Михаила Моисеева, вопрос выхода Литвы из СССР в 1990 г. военные считали делом решенным.

Постепенное движение Литвы к реальной независимости исключило бы ненужные эксцессы и жертвы. Так действовала Эстония. Подобным образом поступила и Латвия. Её Верховный Совет 4 мая 1990 г. принял Декларацию о поэтапном восстановлении независимости республики.

Но этот путь был не для Ландсбергиса и его сподвижников. Им хотелось быстрее получить власть, блага и привилегии, которая предоставляла независимость, ВСЁ и СРАЗУ. Путь для этого был один – идти на усиление конфронтации с Москвой и вынудить её применить силу. Что и произошло в январе 1991 г.

Казалось бы, после кровавых январских событий Литва триумфально немедленно выйдет из СССР. На деле всё оказалось сложнее. В СССР нарастало сопротивление сепаратизму. На апрельском (1991 г.) Пленуме ЦК КПСС Горбачев получил очередное предупреждение. Ряд членов ЦК высказали жесточайшую критику разрушительной политике Генсека. В стране воцарилось зыбкое противостяние.

В этот момент Ландсбергис решил форсировать процесс обретения Литвой реальной независимости. В начале мая 1991 г., он направился в Вашингтон к Дж. Бушу. Однако и на этот раз американский президент заявил, что его страна поддерживает Советское руководство и США не будут вмешиваться в разрешение литовско-советских проблем, а Ландсбергису было рекомендовано начать переговоры с Кремлем. Вот тогда Ландсбергис и решил послать в Москву профессора, о чем писал Горбачев. Как видим, все утверждения Ландсбергиса в период марта 1990 – сентября 1991 г. том, что Литва уже являлась независимой, не более чем фикция.

То, что в 1990–1991 гг. Литва не являлась полноправным независимым субъектом международного права, подтверждает и отсутствие ряда атрибутов, которые свидетельствуют о реальной государственной независимости. В марте 1990 г. и позже депутаты Верховного Совета Литвы, объявившие независимость, как и другие жители Литвы, имели паспорта граждан СССР.

Вышеизложенные факты приведены не для того, чтобы принизить значение провозглашения независимости Литвы в феврале 1918 г. и в марте 1991 г. Значимость этих событий определяет только сама Литовская Республика. Анализ проблемных моментов литовской истории был осуществлен лишь для того, чтобы показать литовским историкам и политикам, как излюбленные ими не вполне корректные “исторические умозаключения” и выводы могут быть применены к оценке истории самой Литвы.

Следует рассмотреть ещё один аспект возможных последствий рассуждений литовских политиков. Если согласиться с их утверждениями о том, что Литва не была частью СССР, то возникает вопрос о тех территориальных приобретениях, которые Литовская ССР получила благодаря пребыванию в СССР. В таком случае права Литовской Республики на них весьма сомнительны. Что это за территории?

Прежде всего, это Вильнюсский край, который Литва в ответ на мартовский (1938 г.) польский ультиматум признала неотъемлемой частью Польши. В 1939 г. Вильнюсский край был передан Советским Союзом Литве в обмен на право разместить ограниченный воинский контингент на её территории.

Это также Клайпедский край. Напомним, что Литовская Республика в марте 1939 г. в ответ на германский ультиматум безоговорочно согласилась вернуть Германии Клайпедский край. 22 марта 1939 г. министр иностранных дел Литвы Юозас Урбшис и министр иностранных дел Германии Иохим фон Риббентроп подписали договор-пакт, в статье 1-й которого констатировалось, что *“Клайпедский край, который был отторгнут от Германии согласно Версальскому договору, вновь воссоединяется с Германским Рейхом”*. 1 апреля 1939 г. Президент А. Сметона в соответствии со статьей 112 Конституции Литвы ратифицировал этот договор.

После разгрома Германии по решению Потсдамской конференции (июль 1945 г.) территория Восточной Пруссии и входивший в нее Клайпедский край были переданы Советскому Союзу. В 1948 г. по предложению Сталина Клайпедский край и часть Куршской косы были включены в состав Литовской ССР. Однако документальные правовые основания относительно нахождения Клайпедского края в составе Литовской Республики отсутствуют.

Литовским политикам это известно, но, тем не менее, сегодня они претендуют не только на Клайпедский край, но и на Калининградскую область. По этому поводу общественный Совет по делам “Малой Литвы” (так именуется в Литве территория Калининградской области и Клайпедского края) в августе 2005 г. организовал дискуссию под названием “Потсдам и Литва” (См. “Potsdamas ir Karaliaučiaus krastas”. Vilnius, 1996).

Центральный докладчиком на этом круглом столе являлся Витаутас Ландсбергис. Его аргументацию претензий на Малую Литву перепевали все последующие выступающие. В чем их суть? Ландсбергис утверждал: решения Потсдамской конференции не легитимны, так как никем не были утверждены. Восточная Пруссия, т. е. современная Калининградская область, была передана СССР во временное управление. С исчезновением Советского Союза вопрос российского суверенитета над этой территорией становится проблематичным.

Ландсбергис также заявил о том, что в правовом плане все бывшие республики СССР имеют равные права на эту территорию. Но подчеркнул, что не следует забывать о несомненном приоритете Литвы. Аргументировал он это тем, что здесь издавна жили малолитовцы или литовники (lietuvinkai). Главный вывод, который сделали участники круглого стола, состоял в том, что “Литовскому государству следует оказывать большее влияние в Караяучюсском (Калининградском) крае”. Ибо только это, по их мнению, позволит избежать напряженности в отношениях между русскими, немцами и поляками, претендующими на территории бывшей Восточной Пруссии (Калининградской области). Но для начала следует добиться возвращения населенным пунктам Караяучюсского края исконно литовских названий.

Тема территориальной принадлежности бывшей Восточной Пруссии слишком обширна для настоящего исследования. Ограничимся тем, что переадресуем её специалистам из российского МИДа. Пока эта тема их не волнует, но со временем она встанет в полный рост. Во многом это будет обусловлено не позицией Литвы, а позицией Федеративной Республики Германии. О том, какие настроения зреют в этой стране, расскажем несколько позже.

Однако вернемся к территориям, которые Литва приобрела, став частью СССР. В августе 1940 г. VII чрезвычайная сессия Верховного Совета СССР, принявшая закон о вхождении Литовской ССР в состав СССР, также приняла решение о передаче Советской Литве части территории Белорусской ССР с городами, носящими сегодня названия: Швенчёнис, Шальчининкай, Друскининкай и поселками: Адутишкес, Девянишкис, Даугилишкес и др.

Известно, что литовские делегаты первоначально просили передать в состав Литовской ССР только Свенцянский (Швенчёнский) район. Однако член литовской делегации, председатель Союза писателей Литвы Людас Гира напомнил о литовских селениях Марцинконис, Девянишкес и о курорте Друскининкай. Вопрос тут же был решен в пользу Литвы.

Дополнительно напомним, что в январе 1941 г., когда Литва уже была частью СССР, советское руководство выкупило у Германии за 7,5 миллиона золотых долларов территории Вилкавишского и частично Мариямпольского, Сеймского и Алитусского уездов, которые были включены в состав Литовской ССР. (См. секретный протокол от 10 января 1941 г., подписанный Молотовым и Шуленбургом).

Кстати, выкупленные у Германии территории, а также территории, прилегающие к городу Друскининкай, географически являются территориальным коридором, который мог бы обеспечить прямую связь России с Калининградской областью через территорию Белоруссии.

В целом же современное литовское государства в его общепризнанных границах со столицей городом Вильнюсом и Клайпедским краем является следствием послевоенного урегулирования территориальных вопросов в Европе, в решении которых Советский Союз сыграл решающую роль. Но литовские политики принимают это как должное, постоянно при этом критикуя политику СССР.

Признание сталинского периода преступным, на котором настаивают некоторые литовские политики, автоматически поставит вопрос о границах Литовской Республики. Надежды Литвы на нерушимость договоров о границах, заключенные в 1990-х годах, крайне сомнительны. Вспомним, сколько подобных договоров было заключено в канун Второй мировой войны! Сегодня в

Европе желающих пересмотреть Ялтинские и Потсдамские соглашения уже немало.

Достаточно сказать, что в феврале 2006 г. действующее в ФРГ общество “Прусская доверительная собственность” (“Preussische Treuhand”), тесно связанное с немецким “Союзом изгнанных”, обратилось в Международный суд по правам человека с иском против Польши. Немцы в этом иске потребовали возвращения конфискованных после Второй мировой войны земель их прежним собственникам.

И хотя в октябре 2008 г. Европейский суд ООН признал иск организации “Preussische Treuhand” незаконным, сама ситуация свидетельствует о том, что претензии немцев на бывшие территории могут обрести плоть и кровь. Для сведения сообщим, что 5 августа 2010 г. немецкий “Союз изгнанных”, объединяющий 2 миллиона активных членов, торжественно отметил 60-летие принятия “Хартии изгнанных”. Этот сомнительный документ пытается представить немцев жертвами Второй мировой войны, которых насильно изгнали из родных мест. На этом “торжестве” присутствовал министр внутренних дел Германии Томас де Мезьер (Thomas de Maiziere), а также председатель Бундестага Норберт Ламмерт (Norbert Lammert).

Вновь обратимся к оценкам литовского историка Людаса Труски. Он, давая 7 марта 2011 г. интервью информационному portalу “Delfi.lt”, высказал опасение по поводу возможных территориальных претензий к Литве. Труска заявил, что *“как знать, может, это снова возобновится, станет спорным вопросом Вильнюс, Клайпеда? Мы на 100% не можем сказать, что прежние территориальные проблемы не повторятся в будущем”*.

Одним словом, литовским политикам и юристам, бездумно применяющим спорные и неподрумянные формулировки в отношении исторических событий во взаимоотношениях СССР и Литовской ССР, следует хорошо подумать, прежде чем использовать их в документах и заявлениях.

Что касается последней претензии Литвы по поводу советской агрессии в январе 1991 г., то целесообразно рассмотреть обстоятельства, которые привели к трагическим январским событиям. Это позволит сделать объективный вывод о подлинных виновниках этих событий.

Противостояние

Последние 20 лет литовские власти пытаются представить январскую ситуацию 1991 г. следующим образом. После объявления независимости 11 марта 1990 г. Литовская республика в едином монолитном строю, за исключением жалкой кучки “отщепенцев”, возглавляемых партией “другого” государства (Компартия Литвы/КПСС), строила своё государство. Упомянутая “кучка”, в основном состоявшая из иноязычных, и спровоцировала в конце концов кровавое столкновение у телебашни. Вроде бы просто и понятно.

Но это не только примитивное, но и ложное объяснение. Оно не объясняет, почему многие русскоязычные, прекрасно владеющие литовским языком, весьма неуютно почувствовали себя в Литве, провозгласившей независимость. Почему практически вся многотысячная польская диаспора, проживающая в Литве не одну сотню лет, также неодобрительно приняла ультимативный выход республики из СССР?

Всё дело в том, что клика Ландсбергиса, сумев подчинить своему влиянию Движение за перестройку “Саудис”, прикрываясь борьбой за независимость, начала строить этнократическое государство. Не случайно Витаутас Петкявичюс в книге “Корабль дураков” точно подметил, что *“вопли о свободной Литве были по сути простейшей, никем не регулируемой борьбой за власть”* (с. 58).

8 января 2011 г. Витаутас Ландсбергис, бывший глава Верховного Совета Литвы, провозгласившего в марте 1990 г. независимость Литвы, в своём интервью РИА Новости вновь повторил свою избитую версию о причинах противостояния в Литве. *“Якобы в 1990 г. движению республики к полной независимости противостояли “люди из Компартии Литвы, которые, потеряв здесь власть, хотели, прислуживаясь Москве, снова сесть на трон в Вильнюсе”*. Большой глупости трудно придумать. Известно, что после XX съезда Компартии Литвы, на котором произошёл раскол, абсолютное большинство партий-

ной элиты (99,0%) занимавшей “хлебные места” в единой Компартии, дружно перешли под знамена Бразаускаса.

В Компартии на платформе КПСС остались в основном рядовые коммунисты, секретари партийных организаций трудовых коллективов и секретари нескольких райкомов партии: Вильнюсского, Октябрьского, Шальчининского. Напомним, что решение о Компартии Литвы на платформе КПСС принимала не партийная элита, а секретари первичных партийных организаций и рядовые коммунисты, являвшиеся делегатами XX съезда Компартии Литвы.

Соответственно это определило состав партийных кадров и актива КПЛ/КПСС. Начнём персонально с руководства Компартии/КПСС. Первый секретарь ЦК Миколас Бурокаявичюс – учёный, доктор исторических наук, профессор; второй секретарь ЦК, бывший первый секретарь Октябрьского райкома компартии г. Вильнюса Владислав Швед. Его можно причислить в партократам. Правда, в начале 1990 г. Шведу неоднократно предлагали солидные должности в партии Бразаускаса. Если бы он желал власти и благ, то перешёл бы туда.

Секретарь ЦК Юозас Куолялис когда-то работал заведомом ЦК КПЛ (единой). Потом занимал пост председателя Комитета по радио и телевидению Литвы. В начале 1990 г. ему предлагали неплохую дипломатическую должность, но он предпочёл работать в компартии Литвы/КПСС. Секретарь ЦК и первый секретарь Вильнюсского горкома партии Валентин Лазутка, учёный, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права АН Литовской ССР. К властной элите его никак не причислишь. Секретарь ЦК Альгимантас Науджюнас, генерал космических войск, служивший на Байконуре. Там у него власти было неизмеримо больше, чем в Литве. Тем не менее, в трудную минуту он вернулся на Родину, чтобы послужить ей. И, наконец, секретарь ЦК Леон Янкелевич, первый секретарь сельского Шальчининского райкома партии. Он, будучи избранным в Верховный Совет Литвы в 1990 г., мог вести достаточно спокойную и обеспеченную жизнь в качестве депутата. Однако Янкелевич предпочел, опираясь на компартию, защищать права польского населения.

Что же касается воссозданных райкомов партии на платформе КПСС, то их возглавили бывшие партийные активисты или рядовые сотрудники райкомов. Например, первым секретарем Октябрьского райкома партии был избран бывший инструктор райкома Вячеслав Добычин, вторым секретарем – токарь завода радиоизмерительных приборов Михаил Шкулепа.

Советский райком партии возглавил бывший слесарь одного из небольших вильнюсских заводов Илья Бутримович. Ранее на этом заводе он был партийным активистом. И. Бутримович в ночь на 13 января 1991 г. получил тяжелые травмы у телебашни и спустя несколько дней умер. Но январской жертвой его в Литве не считают. Память о нём осталась только в сердцах его близких и друзей.

Можно назвать ещё немало так называемых партийных функционеров, возглавивших в 1990 г. райкомы компартии на платформе КПСС. Большинство из них никогда раньше не занимались партийной работой и никогда не занимали руководящих постов в партии. Какую власть они хотели вернуть? Только одну, власть советских законов, которые гарантировали социальное и национальное равноправие.

Компартия Литвы позволяла организованной силе сепаратистов противопоставить организованную силу сторонников пребывания Литвы в обновленном Союзе. Вот почему многие коммунисты, в том числе и те, кто ранее скептически относились к партийным функционерам, пришли в 1990 г. в Компартию, оставшуюся в КПСС. Эти люди считали, что если не они, то кто сдержит ползучий сепаратизм, круто замешенный на национализме, разъедавший основы великой Родины. Так было и в страшном 1941 г., когда на смену погибшему командному составу приходил младший комсостав, а то и просто рядовые, которые поднимали в атаку роты и батальоны, чтобы преградить путь фашистскому зверю к Москве. Только в 1990 г. измена поселилась уже в самом московском Кремле.

Сегодня следует признать, что компартия Литвы (на платформе КПСС) выполнила свою задачу, отстаивая национальное равноправие в республике. Во многом благодаря коммунистам, оставшимся в КПСС, литовские власти, единственные в Прибалтике, предпочли не усугублять национальную кон-

фронтацию и пошли на предоставление гражданства всем проживающим в республике.

Утверждения Ландсбергиса о партократах, стремившихся в январе 1991 г. вернуть утраченную власть, являются ложью. Но ему не привыкать. За последние 20 лет слова правды, которые Ландсбергис произнёс о январских событиях, вряд ли заняли бы больше одного тетрадного листа. К сожалению, в 1990 г. измышления о литовских коммунистах как о “партократах” активно тиражировала и российская демократическая пресса.

В 1989–1991 гг. в головы россиян ежедневно вколачивалась дезинформация о том, что в Литве недовольна лишь “жалкая кучка” партаппаратчиков, лишившихся должностей и привилегий. При этом московские журналисты нередко шли на явную фальсификацию фактов. Приведем наиболее характерный пример. Сразу же после XXVIII съезда КПСС на страницах газеты “Megapolis – EXPRESS” (№ 12 от 19 июля 1990 г.) появилась статья под названием “Чужие” корреспондента газеты Екатерины Барабаш, побывавшей в Литве.

В статье утверждалось, что главным виновником противостояния в Литве является “партийная верхушка, которая всеми силами пытается сохранить крохи былой власти”. Выше уже рассказывалось об этих так называемых партократах.

Барабаш заявила, что когда она обратилась к Шведу как председателю Гражданского комитета Литовской ССР с просьбой предоставить факты дискриминации сторонников Союза, оказалось, что у него они отсутствуют.

Сегодня это утверждение вызывает улыбку, так как за истекшие годы стало известно огромное количество фактов дискриминации русскоязычных в Прибалтике. Но тогда оно воспринималось как истина.

Во время пребывания Барабаш в Вильнюсе я уже располагал 260-страничным обзором “Литва – 1988–1989 гг.”, в котором было представлено достаточно фактов о дискриминации по национальным и политическим мотивам. Один экземпляр этого обзора ещё в декабре 1989 года был передан секретарю ЦК КПСС Разумовскому для членов Политбюро. В любой момент я мог бы предоставить его Барабаш. Этот обзор и сегодня у меня на столе. Помимо этого в тот период в аппарате ЦК шла подготовка “Белой книги” о дискриминационной политике новых властей. Но Барабаш в разговоре со мной вообще не поднимала тему дискриминации. По её словам, для неё этот факт был очевиден.

Как потом выяснилось, эту своеобразную “очевидность” Барабаш сумел внушить председателю парламентской комиссии по гражданским правам и национальным отношениям Верховного Совета Литвы Ю. Чепайтис. Тот сообщил ей, что якобы обращался к Шведу с просьбой предоставить материалы о случаях нарушения гражданских прав, но “Швед отказался”. Это заявление Чепайтиса Барабаш даже не удосужилась проверить. И описала его как неопровержимый факт отсутствия таких материалов.

Видимо, “саюдисты” в ВС сумели должным образом приветить московскую гостью, представляясь жертвами кремлевского произвола и их ставленников в республике. Бывшему агенту КГБ “Юозасу” – Чепайтису не впервой было врать, не краснея, только он предпочел умолчать о том, что руководимая им парламентская комиссия игнорировала все обращения Гражданского комитета по поводу нарушений гражданских прав в республике.

Даже когда я был избран депутатом ВС, мои попытки озвучить какие-либо факты дискриминации по национальному или политическому признаку в Верховном Совете просто блокировались. Кстати, разместили меня в зале заседаний ВС тоже по-особому. Слева в первом ряду зала поставили отдельный стол, за который усадили меня, отделив от других столов “санитарным” кордоном в два метра. Остальные депутаты сидели по два. Зал делал вид, что меня не существует.

Статей, подобных “Чужим”, в союзной прессе появлялось немало. Они формировали мнение у россиян о том, что ужасные “кэлээсесовцы” не дают бедной Литве обрести “свободу и демократию”. Кстати, в статье корреспондент “Megapolis” утверждала, ссылаясь на меня, что противостояние в Литве было только по национальному признаку. Однако я всегда подчеркивал, что сторонников Союза среди литовцев, особенно в первый период, было немало. В этой связи особо следует сказать о коммунистах литовской национальности.

Сегодня, спустя двадцать лет со дня описываемых событий, я могу с полной уверенностью заявить, что в Литве советской власти и социализма, в положительном плане, было значительно больше, нежели в России. Взаимоотношения в Компартии Литвы, особенно при первом секретаре ЦК Компартии Литвы Антанасе Снечкусе, как мне кажется, были более коммунистическими, нежели в других региональных организациях КПСС.

В первые месяцы, когда стал обсуждаться вопрос о выходе Компартии Литвы из КПСС, многие из коммунистов-литовцев заняли четкую позицию — остаемся в КПСС и в Союзе. Но общественное мнение в национальных республиках страшная штука. Оно заставляло и очень сильных людей во имя блага своих близких отступать. Особенно когда стало ясно, что Москва без сожаления сдает своих сторонников.

В этой связи следует привести выдержки из моего выступления 18 августа 1989 г. на совещании первых секретарей райкомов партии в ЦК КП Литвы, посвященном июльскому постановлению Политбюро ЦК КПСС «О ситуации в Прибалтийских республиках». *«Меня волнует следующий момент. Я просмотрел записи подобного нашего совещания, состоявшегося 11 февраля этого года. На нем активно выступали мои коллеги, сегодня все молчат. Замечу, что многих из выступавших 11 февраля сегодня в зале уже нет. Вот такая проблема.*

Теперь другой вопрос. Сколько замечаний и предложений высказывалось на совещании 11 февраля, предлагалось, что и как надо делать. Однако, простите, до сих пор ничего не сделано. Вот и возникает вопрос, наверное, нам надо сегодня определиться: за что мы боремся и как представляем будущее республики, потому что без этого невозможно доводить намеченное до конца.

... Достаточно сказать, что начался выход из партии активистов. Из республики стали уезжать русские, у меня есть конкретные адреса. Стали также выезжать и евреи. А ведь не без нашей пассивной позиции была создана эта атмосфера неуверенности отдельных групп населения в своем будущем.

... Сегодня не говорится правда о сложности и напряженности в межнациональных отношениях. Надо было дожидаться, пока на Западе появилась информация о том, что в Прибалтике принимаются дискриминационные законы. Мы же никак не могли этого сказать.

... Пользуясь возможностью, хочу поднять и такую проблему. Надо покончить с мифами, которые кто-то усиленно пропагандирует. Так вот, вчера по телевидению прозвучало, что митинги и другие акции устраивают иноязычные бюрократы, которые боятся потерять свои кресла. Надо полагать, и меня хотели бы отнестись к таким бюрократам. Правда, жизнь показала, что сегодня для того, чтобы удержаться в кресле, надо наоборот не высовываться и молчать. Но с этим я никак не могу согласиться».

К августу 1989 г. в Компартии Литвы осталось немного не согласных с провозглашенной «Саюдисом» целью — только выход из Союза. В этот период многие литовцы мне говорили: «Владисловас, у тебя есть Россия, а у нас — наша Литва!». Я никогда не считал предателями тех своих знакомых и сослуживцев, кто выбрал независимую Литву. Для них выбор был очевиден. Но всегда испытывал чувство брезгливости к тем, кто в советские времена истово молился «коммунистическим богам», а потом так же рьяно доказывал, что всю жизнь ненавидел советскую власть.

Однако вернемся к фактам, которые характеризуют ситуацию, предшествующую январским событиям. Особо следует подчеркнуть, что после прихода к власти клики Ландсбергиса противостояние в республике было не только межнациональным, но и политическим.

Прежде всего, раскололся «Саюдис». Ушел его основной организатор и неформальный лидер Витаутас Петкявичюс. В своём интервью газете «Gimtasis kraštas» («Родной край», 5–12 сентября 1989 г.) он заявил: «Пришли крикуны, хулиганы, они заправляют всем от имени «Саюдиса»... Осталось политиканство... Общество раскололось».

В 1990 г. из «Саюдиса» демонстративно вышел другой его активный создатель философ Арвидас Юозайтис. Он заявил: «Я перешел в оппозицию, потому что с таким «Саюдисом» надо было бороться». Этот факт вынужден был признать в своих воспоминаниях Ландсбергис.

Противостояние в республике подогревалось противостоянием с Союзом, которое Верховный Совет под руководством Ландсбергиса сделал базовым

в своей политике. В апреле 1990 г. Ландсбергис спровоцировал так называемую “блокаду” Литвы. Называя СССР другим государством, глава Верховного Совета одновременно требовал от советского руководства обеспечивать республику энергоресурсами на прежних льготных условиях.

В ответ руководство СССР предложило возобновить действие Конституции СССР на территории республики. Ландсбергис категорически отказался. Как уже говорилось, 18 апреля 1990 г. в республику были ограничены промышленные поставки газа, нефти, нефтепродуктов и угля из Союза. Это Ландсбергис и его окружение расценили как “блокаду”.

Более подробно, что это была за блокада, расскажем ниже. В основном она коснулась экономики Литвы, которая базировалась на широких экономических связях с Союзом. В этот период авторитетнейший литовский экономист, депутат литовского парламента академик Эдуардас Вилкас в интервью газете “Эхо Литвы” заявил: *“У нас нет иного способа добиться независимости, как договориться о ней. Видимо, в ходе переговоров нас все-таки каким-то образом пытаются привязать к Союзу. Но, уверен, бояться этого не надо, ибо мы привязаны к нему самой природой... Лучше иметь с Союзом хорошие, дружественные отношения. А таковые возможны, если мы будем не только свои интересы отстаивать, но и попытаемся учесть интересы Союза”*.

Наконец поняв, что республика находится на грани экономического краха, Ландсбергис, после упомянутого визита в Москву, 29 июня 1990 г. обратился к Верховному Совету Литвы и предложил объявить 100-дневный мораторий на Акт независимости. В республику немедленно вновь в полном объеме стали поступать газ и нефть. Однако заявление о моратории оказалось просто ширмой. ВС продолжал прежнюю политику конфронтации с Москвой. Социально-экономическая ситуация, вследствие принятия законов, полностью игнорирующих действительность, также продолжала ухудшаться.

31 июля 1990 г. газета “Республика” напечатала “Обращение” 20 весьма уважаемых политических и общественных деятелей к людям Литвы. В Обращении констатировалось, что в Литве символами обретенной свободы стали *“корыто власти, денежные мешки, охота на ведьм и врагов, черный стяг хозяйственной и политической суматохи”*.

В “Обращении” высказывалось недовольство деятельностью Верховного Совета, который, увлекшись непоследовательным законотворчеством, *“мощью своей власти”* мешал работе Правительства. В итоге предлагалось *“избрать Сейм возрождения и доверить ему фундамент демократической Литвы”*. Это было фактическое объявление вотума недоверия Верховному Совету Литвы и его председателю В. Ландсбергису.

В ответ против подписантов Обращения развернулась самая настоящая психологическая война. В конце концов некоторых из них заставили публично отречься от своих подписей и покаяться. Бывший активный сторонник Ландсбергиса и бывший народный депутат СССР Казимирас Антанавичюс в газетной реплике *“Кому объявляете войну, господа?”* расставил точки над “і” в этой истории. *“Вернулись. Куда? В самые черные времена большевизма. Начнутся или не начнутся репрессии? Слава богу, что пока еще нет силы, которая могла бы всех непослушных придавить”*.

В. Петкявичюс в августе 1990 г. заявил, что *“Ландсбергис только несколько месяцев играет роль “Спасителя отечества”, однако его игра уже стоила литовскому народу свыше миллиарда рублей, пока не запахло окончательным экономическим крахом”*. Понимая, что единственным средством сохранить власть является манипуляция общественным сознанием, окружение Ландсбергиса с помощью СМИ в 1990 г. проводило настоящее зомбирование населения республики. Людей приучали к мысли – во всё виновата Москва, и жертвы в противостоянии с ней неизбежны.

Как правило, эффективным средством такого зомбирования были лживые сообщения. Так, в сентябре 1990 г. Центральное телевидение СССР предоставило телеэфир прокурору Литвы (независимой) Артурасу Паулаускасу. Он сообщил один из фактов *“вопиющего беззакония”*, которое якобы осуществили в Литве советские военные. Будто бы в Каунасе два офицера в сопровождении восьми солдат ворвались в чужую квартиру! Главу семейства, оторвав от жены и от детей, вывели в палисадник и расстреляли.

У любого услышавшего подобное, естественно, возникало чувство ненависти к советским “нелюдям” и желание наказать их. Однако, когда начали

разбираться, выяснилось следующее. Литовский юноша, дезертировавший из Советской Армии, нашел в Каунасе приют у женщины, хранившей дома большие ценности.

В течение несколько дней молодой человек сумел выяснить все тайники в квартире. И вот однажды женщина обнаружила пропажу “любимого” и ценностей, примерно на 10 тыс. руб. (стоимость двух “Жигулей”). Она заявила об этом в милицию. После задержания вора выяснилось, что он ещё и дезертир. Соответственно, его передали советским военным властям. Дезертира повезли на освидетельствование в Каунасский военный госпиталь. На обратном пути он попытался бежать. На предупредительный выстрел он не остановился. А следующий оказался смертельным.

Факт убийства человека имел место. Но как его преподнес телезрителям прокурор республики! После такого “промывания” мозгов в Литве можно было найти немало желающих надеть пояс шахида. Видимо, не случайно ночью 13 января некоторые боевики Буткявичюса имели при себе самодельные взрывные устройства, изготовить которые им помог бывший американский “зелёный берет” литовского происхождения Эндрю Эйве (он же Андриус Эйтавичюс).

Провокационные сообщения повышали градус противостояния в республике, но удержать вокруг Ландсбергиса его бывших соратников не могли. 10 октября 1990 г. бывшее интеллектуальное ядро “Саюдиса”: академики Э. Вилкас, В. Статулявичюс и философ Б. Гензьялис создали учредительное собрание Форума будущего Литвы (ФБЛ). В создании ФБЛ активное участие принимали премьер-министр Литвы К. Прунскене и депутат ВС Литвы известная литовская писательница В. Ясукайтите. В итоге ФБЛ стал альтернативой ландсбергистскому “Саюдису”.

Съезд земледельцев Литвы, состоявшийся 12–13 октября 1990 г., выразил недовольство политикой Верховного Совета. Земледельцы прямо говорили, что их не устраивает диктатура, которую установил Верховный Совет. Однако осенью 1990 г. литовское село ещё выждало. Команда Ландсбергиса прекрасно понимала, что Литва всегда была сильна земледельцами. От них во многом зависело, кто будет сидеть в зале Верховного Совета.

Недовольство в республике продолжало нарастать. 9 ноября 1990 г. в газете “Lietuvos aidas” (“Эхо Литвы”) появилось заявление партий и движений Литвы о грядущем кризисе. 4 декабря 1990 г. общее собрание Академии наук Литвы приняло заявление, в котором негативно оценило попытки ВС вновь внедрить командную систему в науке. В тот же день сотрудники Отдела внутренних дел Каунасского района приняли обращение по вопросам правовой и социальной защиты к Верховному Совету и Министру МВД Литвы. Дело дошло до того, что милиционеры запланировали поход к ВС. Конфликт с трудом уладили.

22 декабря ведущие экономисты обратились к ВС и правительству республики, заявив о критической ситуации в экономике. В тот же день депутаты трех уровней Литвы поддержали заявление экономистов и приняли заявление “Республика в опасности!”. В конце декабря 1990 г. Ландсбергис встретился с представителями интеллигенции Литвы, которые раскритиковали курс ВС и его главу.

На фоне роста всеобщего недовольства из здания ВС Литвы всё чаще стали раздаваться призывы к вооруженному сопротивлению “советской военной угрозе”. 18 ноября 1990 г. вице-премьер Р. Озолас в интервью газете “Gimtasis krastas” (“Родной край”) заявил о необходимости вооруженной борьбы с СССР. 24 ноября 1990 г. Ландсбергис, выступая по радио и телевидению, заявил о возможности применения военной силы со стороны СССР.

Та же газета “Gimtasis krastas” за 6–12 декабря 1990 г. опубликовала статью редактора Альгимантаса Чекуолиса “И силой и умом!”, в которой Литва призывалась дать вооруженный отпор СССР. В пример приводилась Финляндия, которая в войне с СССР в 1939–1940 гг. потеряла “всего” 70 тысяч чел., но осталась независимой.

Это зомбирование населения дало свои результаты. 6 января 1991 г. популярнейшая в тот период газета “Respublika” (“Республика”) опубликовала передовицу под названием “В виду развалин”, в которой ситуация в республике оценивалась как “состояние общественного психоза”.

К январю 1991 г. в Литве до предела обострилось размежевание. Но, тем не менее, рейтинг Верховного Совета оставался невысоким. В газете

“Lietuvos balsas” (“Голос Литвы”) от 30.12.90 – 06.01.91 г. были опубликованы итоги общественного опроса, проведенного в конце декабря 1990 г. Институтом философии, социологии и права АН Литвы. Согласно им 46% населения Литвы были разочарованы деятельностью ВС Литвы. Положительно оценивали эту деятельность лишь 31%.

Одним словом, власть явственно ускользала из рук Ландсбергиса. В этой связи он усиленно толкал республику к дьявольской январской провокации, которая должна была устранить с политического поля не только набравшую популярность премьершу Казимеру Прунскене, но и Компартию Литвы/КПСС (в дальнейшем КПЛ/КПСС). Как теперь стало ясно, реализации этого замысла Ландсбергиса активно содействовали Яковлев и Горбачев.

Ухудшающаяся экономическая ситуация заставила правительство Литвы пойти с 7 января 1991 г. на значительное повышение (в 3–6 раз) розничных цен. Этот шаг литовский премьер-министр К. Прунскене согласовала с Ландсбергисом. Однако, давая согласие на повышение цен, Ландсбергис приготовил “камень за пазухой”. Через двадцать лет он вновь бросил этот камень в Прунскене.

8 января 2011 г. в интервью РИА Новости Ландсбергис заявил, что “Верховный Совет в декабре запретил менять ценовую политику, пока граждане не обеспечены компенсациями”. Однако Ландсбергис умолчал, что именно он негласно подержал Прунскене в плане повышения цен, и именно он, игнорируя тревожную ситуацию, 8 января 1991 г. направил её в Москву на встречу с Горбачевым. По удивительному совпадению тогда же в ЦК КПСС под разными предлогами были вызваны первый секретарь ЦК КПЛ/КПСС Бурокявичюс, а также первый секретарь Вильнюсского горкома партии Лазутка. Я уже находился в Москве, готовясь к поездке во Францию.

7 января 1991 г. подконтрольный Ландсбергису Союз либералов Литвы отреагировал на повышение цен заявлением о том, что ВС и правительство республики окончательно утратили доверие трудящихся. Либералов поддержала Лига свободы Литвы (ультранационалистическая организация, поддерживавшая Ландсбергиса). Вечером 7 января Лига провела первый протестный митинг напротив здания ВС. В нем приняли участие ошеломленные новыми ценами покупатели, вышедшие из магазина “Таллин”, находившегося неподалёку (См. “Эхо Литвы” от 08.01.91).

Утром 8 января 1991 г в Вильнюсе площадь у здания Верховного Совета заполнили рабочие вильнюсского завода топливной аппаратуры, которых привела группа “Саюдиса”. К ним присоединились рабочие ряда предприятий союзного подчинения. Вскоре вся площадь была полна людьми, которые прибывали из разных районов Вильнюса. Митингующие пытались прорваться в здание ВС, чтобы высказать депутатам своё недовольство.

Здесь вновь следует обратиться к интервью Ландсбергиса РИА Новости. Ландсбергис, якобы забыв, что митинг протеста у ВС начали подконтрольные ему структуры, сегодня без тени смущения заявляет, что значительную часть митингующих у здания ВС 8 января 1991 г. составляли “молодые люди одного возраста, одинаково постриженные и в военных сапогах, хотя и в гражданской одежде. Они, вероятно, уже имели задание сместить парламент еще 8 января. Но у них ничего не вышло”. Надо полагать, что ещё лет через десять Ландсбергис “вспомнит”, что эти молодые люди, видимо, были вооружены “калашниковыми”, которые были скрыты под куртками!

Но, тем не менее, в организации митинга 8 января 1991 г. и попытках захвата здания ВС до сих пор обвиняют коммунистов. Можно не сомневаться, что если бы ЦК КПЛ/КПСС готовил акцию по захвату ВС, то она была бы успешной. Известно, что митингующих вытеснили из коридора ВС только потому, что в их действиях отсутствовала координация.

Протесты у здания Верховного Совета закончились, когда Ландсбергис лично пообещал митингующим, что цены будут возвращены. “Tetuisis” (“папашка”, как тогда в народе стали называть Ландсбергиса) в этой ситуации литовскими СМИ был представлен как защитник интересов простых людей, а Прунскене – как враг. В итоге правительство Прунскене ушло в отставку, а коммунисты (КПСС), как говорилось, были обвинены в попытках захвата здания ВС и свержения законной власти.

Но это был только первый акт задуманной Ландсбергисом провокации. Теперь наступила очередь действовать Горбачеву, который отдал приказ вве-

сти на территорию Литвы подразделения псковских десантников. Заметим, что Ландсбергису прекрасно были известны планы действий советских военных, вплоть до маршрутов, по которым двинется бронетехника на захват объектов в Вильнюсе.

Ясно, что если бы не неуклюжие действия советского руководства, то власть Ландсбергиса и его клики вряд ли продержалась до конца 1991 г. Протестные настроения в литовском обществе заставили бы ландсбергистский Верховный Совет уйти в отставку и назначить новые выборы. Однако Москва сделала всё, чтобы Ландсбергис оставался у власти.

Это была сознательная политика Горбачева, который хотел “отделаться” от слишком самостоятельных и неуправляемых сторонников Союза в Литве. Заодно надо было “приструнить” Ландсбергиса, который своими неадекватными действиями и заявлениями ставил под удар пораженческую политику Горбачева.

Напомним, что Горбачев на Мальте пообещал Бушу отпустить Прибалтику. В то же время он прекрасно понимал, что в Союзе найдутся силы, которые попытаются не позволить ему сделать этого. Поэтому в январе 1991 г. со стороны Москвы всё было сделано для того, чтобы компартия Литвы/КПСС была дискредитирована, а Горбачев оказался перед однозначным решением – Литву пора отпускать.

Иван, домой!

Видимо, не без согласия Кремля Ландсбергис и его окружение начали ещё в 1988 г. активно разыгрывать в республике карту межнациональной розни. Это была беспроигрышная тема, так как наличие в республике живого, осязаемого врага позволяло сплотить литовскую нацию вокруг лидера “Саюдиса”.

Первый пробный шар бросил редактор упомянутой газеты “Gimtasis kraitas” Чекуолис. Летом 1988 г. в его газете появился текст листовки, якобы написанной русскими, с призывом “убивать литовцев”. Реакцию литовцев на такую листовку представить нетрудно. Но Чекуолис, в прошлом известный советский международник-интернационалист, и “ухом не повёл”.

А 12 августа 1988 г. этот, с позволения сказать, “журналист” на встрече с секретарем ЦК КПСС Александром Яковлевым заявил, что накануне русские ребята порезали литовского юношу только за то, что он носил значок “Саюдиса”. Уже после отъезда Яковлева выяснилось, что юношу ранили его же друзья. (См. “Советскую Литву”. 13.08.89). Но информация, озвученная Чекуолисом, была уже растиражирована в литовских СМИ и внесла лепту в разжигание межнациональной розни и желание “отомстить русским”.

Впоследствии в одном из интервью (См. “Вечерние новости”. 07.06.1989 г.) Чекуолис, рассуждая о проблемах иноязычных в Прибалтике, сослался на мнение некоего члена Политбюро. Якобы тот ему лично сказал: “Я знаю, какие люди покинули родные места и перебрались в Прибалтику”. Не вызывает сомнений, что это был Александр Яковлев.

Напомним, что после войны в Прибалтику и Литву шли не только эшелоны с оборудованием и строительными материалами, но и со специалистами, которые практически с нуля создали промышленность республики. Так, первую в Литве мощную Каунасскую гидроэлектростанцию строили посланцы из различных регионов СССР. Они ехали в Литву не по своей воле. Страна направляла в Прибалтику лучшие инженерные и строительные кадры. Их опыт и знания позволили в послевоенный период в кратчайшие сроки построить практически все крупные энергетические объекты и промышленные предприятия республики. Тем не менее, для Яковлева и Чекуолиса они были и остались “люмпенами-перекати-поле”. Вот так с помощью кремлевских деятелей вращивалась рознь и измена в Литве.

Межнациональные отношения в республике особенно обострились после принятия Президиумом Верховного Совета Литовской ССР Указа “Об употреблении государственного языка Литовской ССР”. 19 ноября 1988 г. в печати был обнародован достаточно толерантный проект этого Указа. Однако реальный Указ, принятый под давлением “Саюдиса” 25 января 1989 г., кардинально отличался от проекта.

Прежде всего, возмущение иноязычных вызвали нереальные (2 года) сроки перехода республики на литовский язык. Указ также не обеспечивал правовые гарантии функционирования других языков – русского и польского. Следует иметь в виду, что в таких городах, как Вильнюс, Клайпеда и Снечкус (в настоящее время Висагинис), русскоязычное население составляло 50%. На предприятиях союзного подчинения доля русскоязычного населения составляла более 80%. В Вильнюсском и Шальчининском районах русско- и польскоязычное население составляло 70–80%. Филологическая, методологическая и материальная база в этих районах республики для экстренного овладения литовским языком отсутствовала.

Уже через 7 месяцев, 13 августа 1989 г. председатель комиссии по национальным вопросам сейма А. Городецкис был вынужден признать, что: *“Закон об употреблении литовского языка... недостаточное внимание уделяет реально сложившейся ситуации в разных регионах Литвы. Для Снечкуса, к примеру, можно было увеличить срок для овладения языком... Воплощение закона идет трудно... Но виноват в этом не “Саюдис”, а правительство”*. Однако перед этим почти год иноязычные в Литве обвинялись в элементарном нежелании учить литовский язык.

Ситуацию в республике усугубляла антисоветская и антирусская пропаганда, которую, начиная с конца 1988 г., вели литовские СМИ, подконтрольные “Саюдису”. Карикатуры, оскорбительные статьи в адрес иноязычных регулярно появлялись в газетах и листовках. Призывы *“Иван, домой!”* стали повсеместным атрибутом митингов “саюдистов”.

На одном из митингов в июле 1989 г. в Каунасе прозвучал призыв: *“Вспарывайте животы беременным женам офицеров, чтобы не рожали оккупантов!”*. Дело получило такую огласку, что властям пришлось по республиканскому радио сделать попытку “сгладить” ситуацию. Но виновные в оглашении этого призыва так и не понесли наказания. Видимо, поэтому плакаты с такими надписями вскоре появились на митингах националистов и в Вильнюсе.

Участились нападения на военнослужащих и членов их семей. В больницах им отказывали в помощи. Напомним, что в этот период произошли страшные межнациональные погромы в Сумгаите, Оше и Баку, которые стоили жизни сотням людей.

Процесс ускоренной “литуанизации”, которую насаждал в Литве Ландсбергис, вызывал протесты иноязычного населения. В 1990 г. в Вильнюсском крае ещё были живы свидетели сметоновской “литуанизации”, которую литовские власти осуществили после того, как Вильнюс и его окрестности были переданы Советским Союзом Литовской Республике. Согласно польской переписи 1931 года, литовцы тогда в Вильнюсе составляли всего лишь 1,6 тысячи человек, или 0,8% (!) из 195 тысяч виленцев. 50% населения Вильнюса составляли поляки и более 40% евреи. Естественно, ускоренная “литуанизация” оказалась для населения Вильнюсского края в 1939–1940 гг. весьма болезненной.

Вот как её описывала в своих репортажах и в книге “Новая Литва” американская журналистка Анна Луиза Стронг. *“Когда Красная Армия впервые вошла в Вильнюс 19 сентября 1939 года, простой народ встретил её восторженно. Через 6 недель она ушла, и Вильнюс был передан Литве. Сразу же сметоновское правительство устроило один из самых страшных в истории Вильнюса погромов, преследуя под маской “евреев” всех, кто проявлял симпатию по отношению к Красной Армии. Около 20 тысяч вильнюсских рабочих, главным образом евреев, ещё до погрома ушли с Красной Армией в СССР...*

Получив Вильнюс, сметоновское правительство возродило в городе литовский национализм, столь же крайний и деспотичный, как и польский. Никто не мог получить гражданских прав, а также права на работу, если не мог доказать, что жил в Вильнюсе до захвата его поляками в 1920 г. Повсюду господствовал бюрократизм, требовалось столько документов, что из 250 тысяч человек, живших в городе, лишь 30 тысяч смогли получить гражданские права. Гражданство можно было купить за взятку, на которую у многих еврейских семей не было денег.

Служащие Сметоны разговаривали с посетителями только на литовском языке, на котором большинство населения Вильнюса не говорило. Школьные учителя должны были сдать экзамен по литовскому языку, в противном случае они лишались работы. Поляки увольнялись не только с государственных

должностей, но даже в костёлах польские ксендзы были заменены литовскими. Город голода и безработицы, полный давней национальной вражды, где власти отказывались говорить на языке, понятном народу. Таким был Вильнюс, в который в 1940 году второй раз вошла Красная Армия”.

Практика внедрения в жизнь в 1990 г. основных положений Указа “Об употреблении государственного языка Литовской ССР” до боли напомнила местным полякам и русским “литуанизацию” Вильнюсского края по-сметоновски. Только на этот раз по-ландсбергистски.

Иноязычное население Литвы испытывало недоверие к политике ВС Литвы также и потому, что многие помнили страшные расправы над совпарработниками и евреями, которые литовские националисты учинили летом и осенью 1941 г. Тогда они с благословения немецких оккупационных властей за полгода сумели уничтожить свыше 200 тысяч проживавших в Литве евреев (более 90%). Единственной виной последних было то, что многие из них в 1940 г. приняли советскую власть и активно работали в партийных и советских органах управления.

О том, как свирепствовали отряды литовских националистов в первые дни Великой Отечественной войны, написали американские журналисты Б. Франкл и Б. Д. Кукс в газете “Los Angeles Times” от 29 апреля 1990 г. “Когда 23 июня 1941 г. Красная армия оставила Каунас (бывшую столицу Литвы), партизаны Литвы под руководством народного героя Климайтиса начали в массовом порядке истреблять евреев, жечь их дома и синагоги.

С 25 по 29 июня литовские националисты убили 5000 евреев (3800 в Каунасе и 1200 в других городах). Убийства совершались примитивно, но эффективно – сотни еврейских мужчин, женщин и детей были схвачены и палками забиты на каунасских улицах и площадях, в присутствии и с одобрения прохожих. 28 июня литовская полиция, проявляя нетерпение из-за медлительности убийств, выпустила заключенных, дала им железные ломы в руки и послала в города Литвы истреблять евреев. Тех, которых не убили публично или смертельно не замучили, партизаны Литвы расстреляли подальше от городов”.

Один из руководителей СС в Литве Карл Егер сообщал в Берлин о том, что “благодаря литовским партизанам столица Литвы превратилась в “рай для стрельбы”. В документах, направляемых в Берлин, нацисты выражали восхищение литовской “акцией самоочищения” от представителей низших рас.

В послевоенные годы русские в некоторых районах Литвы нередко слышали в свой адрес выражение: “Белые евреи!”. Подтекст этого выражения был более чем ясен, особенно если напомнить, что в это время ходили слухи о том, что вскоре Америка начнёт войну против СССР, а тогда настанет время, когда можно будет расчитаться с новыми “белыми” евреями.

Однако в советской Литве, как и в современной, тема участия литовцев в массовых расправах над евреями в 1941 г., замалчивалась. Под небольшим городком Утена в Литве, где прошли мое детство и юность, было захоронение нескольких тысяч расстрелянных осенью 1941 г. евреев. В 1957 г. я испытал настоящий шок, когда на впервые отмечаемой годовщине этого расстрела сумевшие выжить жертвы этого злодеяния назвали настоящих виновников – литовских националистов.

До этого выступавший на митинге председатель райисполкома говорил, что в этом повинны немецко-фашистские захватчики. Эта версия тогда была общепринятой. Дома, во дворе, старшие соседские ребята, помнившие немецкую оккупацию, рассказали, как националисты колоннами гнали евреев в лес на расстрел Реше. Даже показали, кто из “расстрельщиков” где жил.

Поляки и русские, издавна жившие в Литве, хорошо помнили страшные лето и осень 1941 г. Естественно, у них вызывало тревогу то, что отец лидера “Саюдиса” Витаутаса Ландсбергиса архитектор Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис был причастен к расправе над евреями. В июне 1941 г. года он как член Временного правительства Шкирпы – Амбразявичюса подписал благодарственное письмо Гитлеру, в пункте 3 которого давалось идеологическое и правовое обоснование расправы над евреями и работниками партийного и советского аппарата.

Звучало оно так: “Национализированное еврейское богатство и национализируемое богатство, ранее принадлежавшее лицам, активно действующим против литовского народа, остается собственностью литовского государства”.

Судьба людей в этом пункте не упоминалась, так как было и так ясно, что они должны исчезнуть. Это было идеологическое и правовое обоснование варварского истребления проживавших на территории Литвы людей, сотрудничавших с советской властью. В результате литовские националисты, единственные в мире, «решили» в Литве «еврейский вопрос» по рецептам Гитлера, хотя по нацистской расовой теории сами попадали в разряд неполноценных наций.

Необходимо отметить, что в современной Литве хоть и признают геноцид евреев в 1941 г., но утверждают, что это дело рук «горсточка или группы» литовцев, которые «участвовали в убийствах самостоятельно». Но факты говорят о целенаправленном, организованном уничтожении евреев с ведома и по указанию Временного правительства Литвы. Это подтверждает вышеупомянутое письмо Гитлеру. Не секрет, что период существования этого правительства трактуется некоторыми литовскими политиками как восстановление независимого литовского государства в 1941 году.

Участники так называемого июньского (1941 г.) восстания против «советской оккупации» объявлены в современной Литве национальными героями, в том числе и те, кто участвовал в расправах над мирным населением. Ну, а вину за расправу над евреями перекалывают на немецкие оккупационные власти.

Однако ещё раз повторим, что геноцид в Литве осуществлялся с ведома и по распоряжению Временного правительства Шкирпы – Амбразявичюса, которое до 5 августа 1941 г. обладало достаточно реальной властью, чтобы организовать расправу над евреями и коммунистами. За период своего существования оно сумело принять около 100 распоряжений, в том числе касающихся расправ над советскими людьми. Это факт, который Литве следует признать, дабы он не повторился.

В сентябре 2000 г. Ландсбергис, будучи главой сейма Литвы, пытался настоять на том, чтобы сейм принял закон о признании правительства Шкирпы – Амбразявичюса законным. И только массовые протесты литовской общественности и опасение, что в этом случае ответственность за геноцид евреев ляжет на Литовское государство, удержало депутатов от этого шага.

Взамен этого в Литве стал насаждаться миф о том, что антисемитизм в принципе чужд литовцам. Это якобы «пережиток советскости». 25 августа 2010 г. помощник премьер-министра Литвы Виргиниус Валентинавичюс заявил, что «антисемитизм родился в царской России и продолжался в Советском Союзе». Мнение советника литовского премьера было растиражировано пресс-службой правительства Литвы. Одним словом, хоть плачь, хоть смейся, но с больной головы переложили на здоровую. (См. <http://www.regnum.ru/news/polit/1319209.html#ixzz0xsrS44fp>.)

Но как в таком случае следует понимать следующие факты? 11 марта 2008 г., в день провозглашения независимости Литвы, по центральному проспекту литовской столицы промаршировала колонна «бригоголовых», скандируя следующие лозунги. На литовском языке они звучали бодро в рифму, как считалки: «Один с половиной, два с половиной, красивая Литва без русского!», «Возьмите, дети, палку и убейте этого жидёнка!» Колонну этих «ультрапатриотов» сопровождала полиция. Но действий никаких не предприняла.

Последовавший затем суд оправдал маршировавших по Вильнюсу неонацистов и расистов, не усмотрев в их действиях нарушения статьи о разжигании национальной розни. Более того, спустя год городские власти разрешили литовским нацистам вновь маршировать по центральной улице столицы. По этому поводу популярный портал Balsas.lt разместил статью «11 марта 2009 г. – похороны литовской демократии».

Авторы, скрывшиеся под криптонимами Кастор и Поллукс, убеждены, что литовский неонацизм породила идея «национального государства», выдвинутая в 1988 г. лидерами «Саюдиса». Особо авторы отметили прямую связь нынешних литовских властей с тактикой поведения властей в гитлеровской Германии. В условиях кризиса опора на «радикалов» всегда была средством укрепления влияния любой власти. По этому поводу немецкий философ Карл Шмит в начале прошлого столетия создал теорию. Она предельно проста: во время разгула кризиса только «ультрапатриоты» способны укротить самоволие нежелательных элементов и защитить государственность. (См. www.regnum.ru/news/1136422.htm.)

Подобные вещи, отдающие нацизмом, в Литве пытаются представить как частности, присущие не только литовскому обществу. Можно было бы согласиться. Но 14 июня этого года ИА REGNUM опубликовало текст стремительно набирающей в Литве популярность песни “Шальчининкайский район” (<http://www.regnum.ru/news/1416504.html>). Её исполняет литовская вокальная группа “Диктатура”. *Примечание: Шальчининкайский район – это место компактного проживания литовских поляков неподалеку от Вильнюса.*

Песня “Шальчининкайский район” представляет собой провокационное, оскорбительное, разжигающее межнациональную рознь и призывающее к физическому насилию в отношении других национальных групп произведение. В припеве этой песни говорится: **“Поляки все уже повешены, зарезанные русские валяются под забором, евреи уже горят в печи, только настоящие литовцы все живы”**.

В тексте песни звучит прямой призыв расправляться не только с поляками и евреями, но и русскими: **“Время навести порядок в Вильнюсе, высоко поднять железную руку, время для решающего боя с русскими, два варианта – и станешь свободным. Сами недовольны, так почему их не убиваете? ... Наконец, погибнут тысячи русских, И Вильнюс снова будет только нашим”**. С оригинальным текстом этого человеконенавистнического произведения можно ознакомиться на <http://ru.delfi.lt/news/live/gruppu-diktatura-zhdet-prokuratura-za-pesnyu-o-polyakah-russskih-i-evreyah.d?id=46698099>.

Уже сам факт появления такой песни, как и упомянутых “считалочек”, свидетельствует, что в литовском обществе далеко не всё так благополучно, как пытаются уверить литовские власти. Напомним также, что литовское правосудие в лице Клайпедского суда в мае 2010 г. признало свастику не символом нацистской Германии, а историческим наследием культуры балтов, который позднее присвоили и использовали другие народы. Объяснение более чем сомнительное, так как оно игнорирует главный аспект проблемы – с какой целью используется тот или иной символ. Известно, что “красную звезду” в Литве категорически запрещается публично демонстрировать вне зависимости от повода этой демонстрации.

Настораживает то, что в вылазках литовских неонацистов прослеживается некая система: марши, считалочки, свастика, расистские песни и призывы... Видимо, посеянные “Саюдисом” семена межнациональной розни постоянно дают новые ростки. Но чем это может закончиться? Новым 1926 годом? Тогда к власти пришёл фашиствующий диктатор Антанас Сметона. А сейчас? Не случайно депутаты сейма Ярослав Наркевич и Эмануэлис Зингерис обратились в Генеральную прокуратуру Литвы по поводу вышеназванной песни. Видимо, надлежащая оценка этому произведению будет дана.

Но следует иметь виду, что защитники песни “Шальчининкайский район” уверяют, что это совершенно безобидное произведение “юмористического характера”, не имеющее ничего общего с разжиганием межнациональной розни. Это утверждение уже похоже на параноидальный бред. Но оно имеет место быть. Основу для этого заложила политика Витаутаса Ландсбергиса-младшего, который в 1990–1991 гг. не прочь был повторить “подвиги” отца.

На III съезде “Саюдиса” интеллигентный на вид музыковед без тени смущения предложил – а не поставить ли к стенке всех 200 тысяч коммунистов Литвы? Тогда в республке и “наступит порядок”. После того, как это предложение приняли в “штыки”, профессор Ландсбергис попытался всё перевести в неудачную шутку.

К сожалению, подобные “шутки” с 1989 г. регулярно появлялись в различных литовских печатных изданиях. Так, журнал “Pergale” (“Победа”) в №№ 5–6 за 1989 г. опубликовал “метафизический дневник” Р. Озоласа под названием “Понятия”. Процитируем некоторые выдержки из этого дневника.

В дневнике Озолас характеризовал русскую культуру и искусство как “ужас, жуть”. Якобы Запад и Восток это понимают и интересуются русским искусством, “как интересуются танцем или пением гориллы”. Писателя Юлиана Семенова, прославляющего советских разведчиков, Озолас удостоил эпитета “омерзительный”. В качестве национальных черт русского характера Озолас отметил: “тупоумие, лень, близорукость, равнодушие... Русскому работать было хуже смерти... Русский всегда любил жить не по средствам... Русский всегда был почитатель силы: кулак ему всегда был лучшим аргументом”.

Не отставала в пропаганде русофобии и популярная “Комжаунимо тiesa” (“Комсомольская правда”). В 1989 г. она опубликовала серию кратких репортажей, в которых персонажи, говорящие по-русски, обвинялись в невежестве, хамстве и хулиганстве (25.04.89 и 21.09.89). В статье “Пустим ли мы... Федорова?”, опубликованной там же (29.03.89), речь шла о создании в республике филиала глазного центра Святослава Фёдорова. И ставился недвусмысленный вопрос, а не вызовет ли этот филиал “русскую инвазию”?

В № 31 от 14 февраля 1989 г. “Комжаунимо тiesa” опубликовала заявление писателей А. Бернотаса, Ю. Глинскиса, Э. Игнатавичюса, И. Юшкайтиса, Р. Ланкайтиса, С. Шальтяниса под названием “Когда мы будем хозяевами в собственном доме?”. В ней иноязычные, якобы приехавшие в Литву за лучшей жизнью, обвинялись в том, что “не собираются учить литовский язык хотя немного, сколько способности позволяют”. Особо в заявлении подчеркивалось, что на митингах протеста литовцы якобы видят только “хмурые угрюмые лица” и слышат “заносчивые, супердемагогичные высказывания разъяренных ораторов”.

В № 1 (6 января) 1989 г. газета “Возрождение” опубликовала статью “Не много ли в Литве литовцев?”, в которой утверждалось, что якобы существует негласное указание Москвы о том, чтобы в “столице союзной республики доля местных жителей (аборигенов) не превышала 40%, а по всей республике – 60%”.

Газета “Literatura ir menas” (“Литература и искусство”) в 1989 г. стала специализироваться на тиражировании злобных карикатур на русских. 11 февраля 1989 г. в газете опубликована карикатура, на которой изображены две группы “проходимцев” с огромными ложками и бутылкой водки, алчно смотрящих на карту Литвы. Один из них по-русски кричит: “Всё общее! Всем хватит!”. Намек предельно ясен. 14 февраля того же года появляется следующая карикатура. Огромный детина рвет в клочья учебник литовского языка, который ему дала маленькая литовская девочка. А сбоку какой-то “дяденька” говорит девочке: “Не сердь братишку!”.

22 апреля 1989 г., после тбилисских событий появилась новая карикатура. Советский солдат предлагает литовским папе и девочке саперную лопатку. Надпись литовскими буквами, но по-русски: “Могу одолжить лопатку...”.

12 мая 1989 г. издание Совета сейма “Саюдиса” “Известия “Саюдиса” № 85 опубликовало стихотворение “Плюрализм “братских мнений”. Это издание находилось под личным контролем Ландсбергиса. И вот в нем появляются 6 строф чуть ли не площадной брани в адрес русских.

По мнению автора стихотворения, русские – это “короли воблы”, откормленные на литовских хлебах. Они “паразиты, свиное рыло”. Русский “глупый раб своего второго конца, бессовестный, с кровавой мордой”. Он “никто”, у него “навозные губы”, он “собака паршивая, тимуровец. Нет у него ничего святого, воровать и пьянствовать не стыдится”. А далее русскому даётся характеристика: “Негодяй! Ротозей-отступник! Ненавидит тебя вся Европа! Ты вошь на теле всей земли, ты заплат на штанах сталинизма”. Стишок подписан “Совесть народа”. Явно прослеживается аналогия с песней “Шальчининкайский район”, о которой мы говорили. Так 23 года назад “Саюдис” посеял в Литве ядовитые семена национальной вражды, которые плодоносят до сих пор.

Тогда эти мерзкие карикатуры, призывы, стихи, статьи ни разу не были осуждены ни властями, ни представителями “Саюдиса”. Зато 12 августа 1989 г. от имени различных обществ различных национальных диаспор и за подписью народных депутатов СССР от “Саюдиса” было принято “Заявление о национальном согласии”, в котором на все лады склонялись понятия “взаимоуважение” и “толерантность”, которых якобы не хватает иноязычным.

К осени 1989 г. обострилось противостояние в рядах компартии Литвы. Начало этому противостоянию положил визит в Литву (август 1988 г.) секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева. 12 августа на встрече с активом республики в Вильнюсе, где присутствовали и представители “Саюдиса”, Яковлев заявил: “В СССР не было социализма, а тот, кто не поддерживает перемены в обществе, должен уйти”. После этого заявления “Саюдис”, положение которого до этого было весьма неопределенным, почувствовал, что имеет союзников в ЦК КПСС.

Помимо идейно-теоретического обоснования места “Саюдиса” в политической системе советской Литвы, Яковлев поддержал создание групп “саюди-

стов” в райкомах партии. Это было равносильно тому, что в партии легально образовалась и действовала фракция с национальной идеологией. Вскоре “саюдисты” в большинстве партийных аппаратов подавили “оппозицию” и взяли райкомы под свой контроль.

В 1989 г. борьба с противниками независимой компартии Литвы вышла за пределы райкомов. Теперь они объявлялись “врагами литовской нации”. Одним из таких врагов был объявлен первый секретарь Октябрьского райкома партии г. Вильнюса Владислав Швед. Ранее уже говорилось о моей позиции и моих выступлениях. Добавлю лишь следующее. До 1989 г. я в основном занимался партийно-хозяйственной деятельностью. Это было естественно, так как в Октябрьском районе города Вильнюса было сосредоточено 10% промышленного и 20% строительного потенциала республики. И хотя я был политическим руководителем, экономика района была главной моей заботой.

Однако в августе 1989 г. я публично заявил, что выступаю за Литву в составе СССР и не вижу Компартию Литвы вне КПСС. Это был мой ответ на явно этнократический крен в политике “Саюдиса”. В итоге литовская пресса и телевидение подвергли меня травле. Дело дошло до того, что вопрос о моей позиции стал предметом рассмотрения на бюро Вильнюсского Горкома партии. Но тогда среди членов бюро возобладал трезвый разум и бюро ограничилось лишь обсуждением вопроса. Однако это не прекратило нападки на меня в прессе.

Но чем больше журналисты склоняли мою фамилию, тем больше проявлялось сторонников моей позиции. В итоге Октябрьский райком партии стал своеобразным центром сторонников СССР в республике, а я с головой ушёл в политику. Другим таким центром в то время являлся Совет партийных комитетов, возглавляемый секретарём партийной организации одного из вильнюсских научно-исследовательских институтов Владимиром Антоновым.

К сожалению, внятных и конструктивных шагов по стабилизации ситуации в республике Москва так и не смогла предложить. В итоге к декабрю 1989 г. в абсолютном большинстве райкомов Компартии Литвы возобладало мнение, что только выход из КПСС позволит поднять авторитет литовских коммунистов. 19 декабря 1989 г. XX съезд Компартии Литвы большинством голосов делегатов принял решение о выходе из КПСС. Однако 160 делегатов высказались за КПСС. Именно они стали организующим ядром Компартии Литвы/КПСС.

Форсированная “литуанизация”, усиленно навязываемая республике Ландсбергисом и его окружением, привела к росту межнационального противостояния. Его постоянно подогревали структуры, подконтрольные Ландсбергису. Так, 9 ноября 1990 г. “Лига свободы Литвы” и “Яунони Летува” провели митинг под лозунгом *“Пусть горит земля под ногами русских оккупантов!”*.

В итоге русскоязычные стали уезжать из Литвы. К декабрю 1990 г. количество желающих уехать, по данным Гражданского комитета, достигло 40 тысяч человек. В этой связи следует сказать о позиции некоторых российских политиков, которые фактически поддерживали русофобские настроения литовских властей.

Напомним, что 15 августа 1990 г. Литву с официальным визитом посетил Председатель Совета Министров РСФСР Иван Силаев. Несмотря на все попытки представителей русскоязычных организаций встретиться с Силаевым, он так и не снизошёл до этого. Представители Социалистической федерации трудящихся Литвы сумели вручить Силаеву “Прошение о предоставлении политического убежища” от имени десяти тысяч русских семей, проживающих в Литве, только перегородив путь кортежу автомобилей, в которых ехала российская делегация. Сегодня Силаев, как известно, позиционирует себя как патриот России.

Дело дошло до того, что на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) командующий Балтийским флотом адмирал В. Иванов заявил, что *“экстремистские элементы создают предпосылки к тому, что военнослужащие в определенный момент могут применить оружие для защиты своих семей, для защиты своих детей”*.

Чувствуя опасность ситуации, 5 декабря 1990 г. в Верховном Совете Литвы выступил депутат Б. Гензялис, один из наиболее последовательных сто-

ронников независимости. Он отметил, что в обострении межнациональных отношений во многом виноват Верховный Совет и его руководство.

В ответ 15 декабря 1990 г. Учредительный съезд Ассоциации всеобщих прав человека принял решения, по которым все приехавшие после 1940 г. и их потомки объявлялись колонизаторами.

Но подлинная вакханалия оскорблений, лжи и провокаций разыгралась накануне январских событий. 10 января 1991 г. Горбачев направил очередное Обращение к Верховному Совету Литвы с требованием восстановить на территории республики действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР. В ответ Ландсбергис назвал обращение президента СССР “ультиматумом” и заявил, что Горбачев обратился якобы к “*несуществующей Литовской ССР, и Литовская республика отвергает все его обвинения*”. Далее события развивались стремительно.

11 января 1991 г. псковские десантники взяли под охрану республиканский газетный комплекс (Дом печати), продукция которого способствовала разжиганию антисоветских настроений и межнациональной розни в республике. Формально всё правильно. Но возникает ряд вопросов. Почему Дом печати не был взят под охрану в марте 1990 г., когда под охрану брали здания Вильнюсского горкома партии и ЦК Компартии Литвы, которые компартия А. Бразаускаса отказалась разделить с КПЛ/КПСС? Почему надо было ждать до января 1991 г., когда на защиту Дома печати собрались тысячи вильнюсцев? Ведь Совет Министров СССР ещё 28 марта 1990 г. принял постановление “О мерах по защите собственности КПСС на территории Литовской ССР”.

Заместитель Председателя Верховного Совета республики Казимерас Мотека заявил, что Литва находится в состоянии войны с Советским Союзом. Он призвал граждан Литвы к активной защите республики. Республиканское радио и телевидение резко усилили нагнетание напряженности, круглосуточно призывая население к вооруженной борьбе с “*оккупантами, русскими захватчиками*”, так как в Литве, якобы “*идут боевые действия и Литва находится в состоянии войны с СССР*”.

До этого, вечером 10 января тот же Мотека озвучил очередную ложь. Он заявил, что в программе “*Время*” (союзное ТВ) было объявлено, что на пост премьер-министра Литвы руководство СССР якобы планирует назначить Бурюквичюса или Шведа. Это вызвало новую волну возмущения в республике. Потом выяснилось, что и это заявление было ложным.

12 января 1991 г. парламент республики объявил СССР агрессором и поручил Президиуму Верховного Совета и правительству образовать “*временное руководство обороной Литовской республики*”.

Вот с таким общественно-политическим настроением республика подошла к 13 января 1991 г. Возникает вопрос, а нельзя ли было обойтись в 1990–1991 гг. без конфронтации и избежать январских жертв. Не вызывает сомнений, что подобный исход был вполне реален.

Это хорошо поняла Латвия, и 4 мая 1990 г. сессия Верховного Совета Латвии приняла Декларацию о восстановлении (поэтапном) независимости республики. Крайне спокойно и осмотрительно вела себя Эстония. Это позволило ей без жертв и особых проблем дожидаться полной независимости в сентябре 1991 г.

Однако Верховный Совет Литвы под руководством Ландсбергиса упорно толкал республику к кровавой развязке. И она последовала январской ночью 1991 г.

Январская ночь

Анализируя силовую акцию у вильнюсской телебашни, организованную КГБ СССР и советским генералитетом, невольно приходишь к выводу, что она не столько преступна, как утверждает литовская сторона, сколько абсурдна. Известно, как тщательно КГБ СССР планировал свои операции. Создается впечатление, что к январю 1991 г. в КГБ перевелись специалисты. В результате “*Альфа*” и десантники, как бычки на веревочке, двинулись к месту заклания, которым стала телебашня. Что это – глупость или чей-то коварный расчет? Всё говорит о втором.

Заметим, что литовское радио и телевидение провокационные призывы транслировало с осени 1990 г. Ждать до 13 января 1991 г., когда Ландсбергис собрал на защиту телебашни тысячи людей, было просто преступно.

Следует также напомнить, что ночью 13 января колонна армейской бронетехники подошла к телебашне тогда, когда та уже почти час была под контролем группы “Альфа”. Известно, что основной задачей этой колонны было отеснить людей и обеспечить проход “альфовцев” в телебашню. Однако после того, как “альфовцы” сделали своё дело, эта задача утратила смысл. Но, тем не менее, команда на возврат бронетехники в Северный городок (место дислокации) так и не последовала. Кому-то в Москве понадобилось “шоу” с шумом и громом, с холостыми выстрелами танков и сплющиванием легковых машин. Кому?

Надо иметь в виду, что это была третья силовая акция, которую проводили Советская Армия и Комитет госбезопасности. Первые две, в апреле 1989 г. в Тбилиси и в январе 1990 г. в Баку, в общественно-пропагандистском плане закончились полным фиаско для руководства армии и КГБ. В Тбилиси десантники были ложно обвинены в применении саперных лопаток против мирных демонстрантов. А в Азербайджане действия советских военнослужащих характеризовались местной прессой как бандитизм. Все эти обвинения можно было бы легко опровергнуть, если бы события фиксировались военными корреспондентами с помощью видеокамер.

Вызывает удивление, что руководство КГБ и армии, планируя силовую акцию в Вильнюсе, вновь не обеспечило присутствия в районе телебашни нескольких своих видеооператоров. В итоге опять получился не просто информационный конфуз, а несусветная глупость, которую представили как преступление советских десантников и спецназовцев. Кстати, аналогичная ситуация сложилась и в недавнее время – в первые дни агрессии Грузии против Южной Осетии, когда мировые СМИ представили Россию агрессором.

В целом же необходимость силовой акции в Вильнюсе в январе 1991 г. вызывает большие сомнения. Проблему можно было решить другим путем. Это наглядно показала ситуация 19 августа 1991 г. Тогда в первой половине дня после заявления ГКЧП у ландсбергистов началась подлинная паника. Депутаты Верховного Совета Литвы предпочли затаиться. Работникам аппарата ВС выдали на руки трудовые книжки и трехмесячную зарплату. Представители силовых структур сняли национальные знаки различия, а мне постоянно звонили бывшие “соратники” по литовской компартии и спрашивали, не планируются ли их аресты. Ландсбергис с дрожью в голосе звонил Г. Янаеву в Москву и спрашивал, что будет предпринято в отношении Литвы. То есть для наведения порядка в Литве Кремлю достаточно было реально повысить голос.

В январе 1991 г. проблему с литовским подстрекательским радио- и телевидением можно было решить и путем прекращения подачи электроэнергии на передающие устройства телебашни. Специалисты из “Альфы” сделали бы это тихо и незаметно в течение получаса. В этой связи недоумение вызывает и такой момент. Как известно, захват вильнюсской телебашни не лишил “саюдистов” радио и телевидения. Эту роль стал выполнять каунасский радиотелецентр. Почему же одновременно не взяли под контроль и его? Получается, что разработчики акции либо были дилетантами, либо ничего, кроме провокации, они не планировали.

Ответ приходит, если признать, что акцию у телебашни совместно организовало окружение Горбачева и Ландсбергиса. Не случайно известный литовский писатель и общественный деятель Витаутас Петкявичюс в интервью (“Обзор” 14.10.2002 г.) подчеркнул, что январская провокация у вильнюсской телебашни “была подготовлена с обеих сторон: М. Горбачевым и В. Ландсбергисом при участии руководителя КГБ Э. Эйсмунтаса и А. Буткявичюса”.

В целом анализ ситуации январской ночи 1991 г. оставляет странное впечатление какого-то абсурдного сценария плохого кинофильма. В итоге литовские и российские СМИ вот уже двадцать лет тиражируют “достоверные подробности”, как в январе 1991 г. у вильнюсской телебашни спецназовцы КГБ из группы “Альфа” и советские десантники из автоматов в упор расстреливали безоружных людей, а танки давили их.

Необходимо отметить, что литовские прокуроры сознательно искажают ситуацию, имевшую место у телебашни в ночь на 13 января 1991 г. По их

утверждениям, башню одновременно штурмовали и убивали мирных защитников псковские десантники, солдаты вильнюсской 107-й мотострелковой дивизии, солдаты внутренних войск СССР, а также бойцы группы "А" и дружинники. Это позволяет им огульно предъявлять обвинение всем советским военнослужащим и так называемым дружинникам.

На самом деле, и об этом уже говорилось, группа "А" осуществила захват телебашни без поддержки бронетехники и десантников с использованием только приемов рукопашного боя и имитационных светозумовых гранат. Они вводят людей в шоковое состояние, не причиняя особого вреда здоровью. Армейская колонна с бронетехникой и десанниками появилась лишь через 40 минут.

Так называемые специально подготовленные дружинники, а на самом деле обычные партийные активисты, такие как Илья Бутримович, прибыли к башне спустя два часа после колонны с бронетехникой. Это в корне меняет картину штурма башни. Десанникам и дружинникам не было необходимости повторно брать телебашню и вести огонь на поражение. Они, оказавшись в толпе, окружавшей башню, были вынуждены лишь отбиваться от специально подготовленных боевиков Буткявичюса.

Известно, что из телебашни группа "Альфа" выбиралась под прицельным огнем, который велся с крыш соседних с башней домов. Для прикрытия выхода из башни "альфовцам" пришлось даже вызвать три бронетранспортера. Это зафиксированный факт.

Добавим, что в материалах уголовного "дела профессоров" (том № 298, лл. 64–67) представлены материалы радиоперехвата переговоров советских военных ночью 13 января 1991 г. Из них явствует, что по военным велась стрельба из огнестрельного оружия, причём стрелки находились как внутри занимаемых зданий, так и снаружи, на крышах близлежащих жилых домов. Факты обстрела советских военных подтверждали и очевидцы, давая показания литовской прокуратуре. Однако эти свидетельства литовским следствием и судом были проигнорированы.

О том, что события у телебашни изначально преподносились литовской стороной в искаженном виде, свидетельствует сообщение так называемого литовского пограничника из Армии охраны края Еугениуса Шепетиса Верховному Совету Литвы. Оно было сделано 13 января примерно в 4 часа 15 минут утра. (Перевод мой с текста стенограммы 92-го заседания ВС Литвы 13 января 1991 г. – В. Ш.).

Итак, докладывает Еугениус Шепетис, сотрудник отдела охраны границы: *"Охраняем телевизионную башню... Первая штурмовая группа (надо полагать, группа "А". – В. Ш.) была вооружена автоматами и ножами, кинжалами на автоматах. Они прорвались через людей, бросились внутрь, напали на наших защитников заграждения. Всех других бронемашин, под стрельбу других военных, оттолкнули от башни дальше, пока не вытолкали за забор.*

В начале, как я понял, стрельба велась холостыми патронами, потом, и это могу засвидетельствовать, началась стрельба боевыми патронами, трассирующими пулями.

... Погибшие есть, думаю, немало. К сожалению, у меня не было времени считать. Сам я видел только одного погибшего. Но мы последнего вывезли из башни. Там тогда уже было много погибших и раненых..."

Заявление Шепетиса лишь на первый взгляд выглядит правдоподобно. Но, как говорится, "дьявол кроется в деталях". А вот с деталями Шепетис напутал. Не учел этого и психолог Буткявичюс, который, без сомнения, инструктировал Шепетиса перед его выступлением в Верховном Совете. Шепетис, рассказывая о событиях у телебашни, допустил несколько ошибок, которые свидетельствуют о том, что он сознательно лгал.

Начнем с того, что во время штурма телебашни группой "А" армейской бронетехники у телебашни ещё не было. Далее, бойцы группы "А" были вооружены ножами разведчика, которые не могут быть пристегнуты к автомату Калашникова. Более того, укороченная модификация автомата Калашникова АКСУ-74, которыми была вооружена "Альфа", **вообще не предусматривает пристегивание штык-ножа.**

Относительно погибших Шепетис вообще запутался. То он видел только один труп. То, по словам Шепетиса, в башне вдруг оказалось много погиб-

ших и раненых. Однако в цокольной пристройке телебашни, о которой вел речь Шепетис, не могло быть раненых и убитых. Она была под контролем группы “Альфа”.

Это доказывает свидетельство сотрудника группы “А” Михаила Максимова. *“И все-таки разъяренные люди ворвались на первый этаж. Самое страшное – агрессивная молодежь. Все пьяные. А нас перед ними пять человек. Я был сверху, слышу – зовут, нужна помощь. Спустился, а у меня две имитационные гранаты и больше ничего. Вытаскиваю одну из них, предупреждаю: “Если вы не выйдете, бросаю”. Провокаторы за спинами кричат: “Не бойтесь, он не бросит, он врет. У них холостые патроны, это взрывпакет!”*

И ведь знали и про холостые патроны, и про взрывпакет, только почему-то потом газетчики говорили совсем другое. Мол, боевыми мы в них стреляли. В общем, бросил я эту имитационную гранату. От нее сильная вспышка и дым, немножко пугает. Пока толпа замешкалась, мы выдавили ее из здания” (М. Болтунов. “Альфа – сверхсекретный отряд КГБ”).

Как видим, январские события с самого начала преподносились в искаженном виде. Это естественно. Ландсбергис и его окружение изначально запланировали кровавую жатву. Не случайно уже в 1 час 10 минут ночи 13 января 1991 г. из окна Верховного Совета Литвы ксендз Альгимантас Кейна начал служить мессу по погибшим жертвам Советской Армии. Он начал её со слов: *“уже есть первые жертвы”*, хотя до появления военнослужащих СССР около т. н. “стратегических объектов” г. Вильнюса оставалось ещё 40 минут.

Лживыми являются утверждения литовских прокуроров о том, что советские десантники в упор расстреливали беззащитных людей. Однако в канун очередной годовщины январских событий российское и литовское телевидение год за годом демонстрируют лишь видеокadres, на которых молоденький десантник не стреляет, а бьет кого-то из толпы прикладом.

При этом диктор должен был бы пояснить, что удар был нанесен боевику, который размахивал бутылкой с горючей смесью и намеревался бросить её в танк. Очевидцы утверждают, что в этот момент ясно был слышен крик боевика: *“As ji padeginsiu!”* (“Я его подожгу”). Естественно, десантник нанес ему удар, дабы этого не произошло. Ни одного кадра с десанниками, расстреливающими людей “от бедра”, телевидение так и не продемонстрировало.

Установлено, что автоматы советских десантников были снаряжены магазинами с холостыми патронами. Применять боевые патроны разрешалось только по команде офицеров и только в том случае, когда возникла реальная угроза жизни военнослужащих. Это было хорошо известно литовским организаторам так называемой “общественной обороны” телебашни. Глава этой “обороны”, а точнее, главный боевик “Саюдиса” Аудрюс Буткявичюс кричал людям, находившимся у башни: *“Не бойтесь, солдаты будут стрелять холостыми...”*

Генеральная прокуратура Литвы утверждает, что от пуль советских военнослужащих погибло 9 человек. Она квалифицирует смерть январских жертв у телебашни как умышленное убийство. В июле 2001 г. в интервью “Белорусской газете” (09.07.2001) прокурор департамента по борьбе с организованной преступностью и коррупцией генпрокуратуры Литвы Сигитас Гедвилас, не моргнув глазом, заявил, что *“приказом на открытие стрельбы по митингующим явилась фраза в эфире “Бросай горох!”*.”

Напомним, что 13 января 1991 г. у телебашни находилось 190 десантников, вооруженных автоматами Калашникова. Магазин каждого такого автомата вмещает 30 патронов. Десантников поддерживали 4 танка, 8 боевых машин десанта (БМД) и несколько бронетранспортеров, снаряженных пулеметами.

Не вызывает сомнений, что если бы вся эта вооруженная боевая масса получила бы приказ вести огонь на поражение, то количество жертв у телебашни перевалило бы за тысячу. Но в действительности пулевые ранения стали причиной смерти не 9, а 8 защитников телебашни.

Заметим также, что зафиксированные смертельные ранения январских жертв вызывают большие сомнения относительно источника их происхождения. В целях установления истины придется затронуть некоторые подробности гибели январских жертв, которые были изложены в справке № 29 от 6 февраля 1991 г. за подписью руководителя республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы А. Гармуса.

Дабы не утомлять читателя, коснемся установленных причин смерти лишь нескольких январских жертв. Так, литовское следствие утверждает, что причиной смерти погибшего И. Шимулёниса явилось смертельное ранение в голову. Однако в ходе экспертизы такое ранение вообще не было обнаружено. В то же время судмедэксперты зафиксировали, что тело Шимулёниса было изрешечено пулями с разных сторон. Профессор, доктор юридических наук, криминалист И. Д. Кучеров (ныне покойный) установил, что стреляли с разных точек в уже мертвое тело.

Установлено, что погибший у телебашни В. Мацюлявичюс погиб от смертельного ранения в шею. Однако пуля, извлеченная судмедэкспертами из его тела, могла быть выпущена только из винтовки образца 1898/1931 года, которая была давно снята с вооружения Советской Армии. Не могло её быть и у спецназовцев КГБ СССР. В то же время в № 3 литовского журнала “Karys” (“Воин”) за 1991 г., было опубликовано фото “защитников” телебашни с “мошинскими” винтовками в руках. Интересный факт, который литовские прокуроры предпочитают игнорировать. Подлинного убийцу Мацюлявичюса они и не думают искать. Комментарии, как говорится, излишни.

Литовское следствие утверждает, что другой погибший, Д. Гербутавичюс, находясь в толпе, стал жертвой выстрела советского солдата. В то же время эксперты в морге насчитали в его теле 5 сквозных огнестрельных ранений от выстрелов, произведенных с разных сторон, в том числе два ранения от выстрелов снизу вверх и одно – от выстрела сверху вниз под большим углом. Последнее ранение оказалось смертельным. Кто же в толпе с разных позиций мог расстреливать Гербутавичюса?

Невероятный факт зафиксирован в актах судебных экспертиз относительно пули, смертельно поразившей В. Друскиса. Пуля, якобы извлечённая из его тела, трижды “меняла” свой калибр (точнее, эксперты в отчетах меняли калибр). Судя по раневому каналу, она поразила тело погибшего практически насквозь сверху вниз, но при выстреле почему-то не покрылась характерной окалиной (не потемнела, осталась блестящей, оранжево-жёлтой) и, пронзив тело несчастного, нисколько не деформировалась. Возникает подозрение, что, возможно, причиной смерти Друскиса была другая пуля? Но литовскую прокуратуру такие мелочи не волнуют.

Не волнуют следователей и явные ошибки, допущенные на этапе расследования. Так, на первом этапе следствия следователи утверждали, что некий А. Канапинскас погиб от огнестрельного ранения. В морге же эксперты констатировали, что смерть наступила от повреждения взрывным устройством, которое взорвалось на теле Канапинскаса. Прокуроры, изменив вывод о причинах смерти Канапинскаса, теперь твердят, что советские военнослужащие, “взорвав взрывное устройство, умышленно убили Альвидаса Канапинскаса”.

Отметим, что в 1994 г. за участие в убийстве Канапинскаса был осужден вильнюсский радиоинженер Александр Бобылев, который в момент смерти Канапинскаса вообще отсутствовал у здания комитета по радио и телевидению. Бобылев, комментируя мою статью о январской трагедии 1991 г., опубликованную в Интернет-газете “Столетие”, прислал письмо о ситуации с Канапинскассом. Предоставляем вниманию читателей выдержки из этого документа:

“А теперь по существу. Лично я не был свидетелем гибели людей в ту ночь, т. к. нас привезли к зданиям КРТВ (Комитета по радио и телевидению. – В. Ш.), когда Канапинскас и Шатских уже были мертвы и их трупы вывезены. Но при ознакомлении с делом перед судом мне были доступны материалы по их гибели, собранные Литовской прокуратурой.

*Так вот, был там ряд фотографий трупа А. Канапинскаса, когда с него поочередно снимали одежду и каждый раз фиксировали вид на фото. Сверху на нем была куртка (кожаная, кажется) и на ней на груди сбоку прорыв КРАЯМИ НАРУЖУ, а вот последующие снимки ясно показывали, что обрывки свитера, рубашки и майки были загнуты взрывом **ВОВНУТРЬ** раны!*

То есть этот человек пришел туда уже со взрывным устройством ЗА ПАЗУХОЙ, и оно там ЗА ПАЗУХОЙ и сработало. Сработало оно, по-видимому, неожиданно для него, скорее всего сразу после того, как он “дернул за кольцо” – так можно предположить. Вряд ли он ожидал этого мгновенного срабатывания. Кто дал ему это ВУ, кто его изготовил так, что обрывки свитера мгновенно – этого Литовская прокуратура выяснять не стала, констатировав смерть А. Канапинскаса от “неизвестного ВУ Советской Армии”.

Вину за эту смерть возложили в том числе, и на меня, так как я "... вместе с Советской Армией, группой Альфа..." и т. д. Вот такая "логика". Не хочет официальная Литва правды о жертвах 13 января! Хочет очередную "Катынь", легенду-былину.

Кстати, в нашем "деле" тогда были и другие интересные материалы, которые затем из дела ИСЧЕЗЛИ! (НЕДАРОМ ЕГО НА ТОМ ЭТАПЕ ПРЕДЪЯВИЛИ НАМ В НЕСБРОШУРОВАННОМ ВИДЕ). Нас внимательно "слушали" и "учили" наши замечания, которыми мы бурно и неосмотрительно делились меж собой. Так "обкатывалось" дело о событиях 13 января".

Обращаем внимание на реплику А. Бобылева о том, как вольно обращались литовские прокуроры с материалами уголовных дел. Добавим, что и бывший секретарь ЦК КПЛ/КПСС Ю. Куолялис, выступая в 2000 г. на заседании Апелляционного суда Литвы, заявил: "Знакомясь с протоколами суда, я обнаружил, что многие мои справки и другие документы исчезли из дела..."

Не вызывает сомнений, что наиболее "неудобные" для литовского следствия свидетельства и материалы к настоящему времени из уголовных дел или изъяты, или подкорректированы. Это наглядно характеризует "заданную объективность" литовского следствия. Естественно, что таким же образом литовские следователи устанавливали причины смерти погибших 13 января.

Дальнейшее перечисление несуразностей относительно смертельных ранений, обнаруженных у январских жертв, излишне. Достаточно подробно они описаны в книге "Гекатомба. Трилогия" (Вильнюс, 2006) известного литовского правозащитника Валерия Иванова, который сумел проделать работу, делающую честь любому криминалисту.

Приведем ещё одно доказательство того, что расследование январской трагедии фальсифицировалось с самого начала. Днем 13 января 1991 г. главный судмедэксперт Литвы А. Гармус сделал первое официальное заявление о причинах гибели людей у телебашни. Он сообщил, что к 15 часам 13 января 1991 г. исследование трупов погибших у башни завершено полностью и вина советских солдат за их гибель не вызывает сомнений. При этом Гармус утверждал, что в морге, находящемся на ул. Полоцкой, ба, находится 10 трупов. Добавим, что в газете "Республика" появилась сообщение о том, что в этом же морге находится юноша, раздавленный танком пополам.

После заявления Гармуса я, как председатель Гражданского комитета Литовской ССР, попросил корреспондентов ТАСС, "Комсомольской правды", "Красной звезды" и "Советской Литвы" (к сожалению, запомнилась лишь фамилия фотографа – В. Клоповский) выехать в морг на ул. Полоцкой. Однако в морге предъявили не десять, а восемь трупов. Двое из них, как заявил врач, не имели отношения к событиям у башни, т. к. погибли в автоавариях. Смерть третьего, по фамилии Макулка, наступила в результате инфаркта. О раздавленном пополам юноше никто в морге не слышал.

Причины смерти пятерых погибших на момент прибытия журналистов (после 15 час) не были установлены. Напомним, что А. Гармус утверждал, что к этому времени анатомические исследования тел погибших уже завершены. В таком случае исследованные тела потерпевших должны были быть, по крайней мере, без одежды.

В то же время на снимках, которые сделал Клоповский, ясно видно, что пятеро покойников, находящихся в морге, были в одежде, а их вскрытие ещё не проводилось. Аналогичные снимки были опубликованы и в газете "Республика" от 13 января 1991 г. (№ 8 /339).

На одной из фотографий был запечатлен неизвестный. Как потом удалось выяснить, это был некто Роландас Янкаускас. Прокуроры утверждали, что его грудная клетка была раздавлена танком. На фото же ясно видна тельняшка, в которую был одет Янкаускас, а на теле не видно никаких повреждений, за исключением раны на лбу. Впоследствии судмедэкспертиза установила, что Янкаускас стал жертвой автомобильной аварии.

Можно ли после этого считать заявления литовских прокуроров относительно причин смерти январских жертв достоверными? Мои попытки довести полученную от корреспондентов информацию до сведения литовской общественности оказались безрезультатными. Литву и СССР захлестнула настоящая истерия о вине Советской Армии за вильнюсские жертвы.

Вышеизложенное напоминает ситуацию, которая сложилась в Румынии в период свержения Чаушеску. 16 февраля 2011 г. газета “Аргументы недели” опубликовала статью Александра Кондрашова “Расстрел у стены солдатской уборной” о румынских событиях ноября-декабря 1989 г. Бывший сотрудник ГРУ (Главное разведывательное управление Генштаба МО СССР), представленный в статье под именем Роман, вспоминает, что трупы “погибших”, показанные в те дни всеми мировыми телеканалами, специально доставлялись к месту съема из местных моргов. Это были тела умерших своей смертью людей... Американцы санитарам платили за них по сто долларов за штуку. Для Румынии в то время это были огромные деньги.

В итоге Чаушеску инкриминировали гибель **60 тыс.** человек, хотя на самом деле количество жертв не превысило тысячи человек со стороны демонстрантов и шестисот человек со стороны армии. Вот так делалась политика в 1989 г. Не особенно она изменилась и в 1991 г. Не вызывает сомнений, что некоторые элементы такого подхода в организации “жертв” были и в Вильнюсе.

Особо следует сказать о советских танках, которые литовская сторона преподносит как средство умышленного убийства людей. Направлять танки против толпы, в основном безоружных людей, само по себе преступно. Танк – не велосипед. Его появление могло вызвать панику, в которой люди могли передавить друг друга, как это произошло в Тбилиси в апреле 1989 г. Но факт есть факт. Ночью 13 января 1991 г. в Вильнюсе танки были задействованы. Постараемся разобраться, какие меры предосторожности были приняты военными, дабы избежать несчастных случаев.

Во избежание наезда на людей экипажи четырех танков, двигавшихся к телебашне, были укомплектованы только опытными офицерами-танкистами. Танковые орудия были заряжены вышибными (холостыми) зарядами. Для того чтобы не опалить людей из толпы, танкисты перед зарядами в стволы пушек забили буханки хлеба. Перед каждым холостым выстрелом они кричали в толпу: “Откройте рот, закройте уши!”. Танки двигались с включенными фарами, подавая при движении сигналы и периодически останавливаясь.

Тем не менее, следует признать, что гарантий избежать несчастных случаев в результате использования бронетехники в толпе у телебашни не было. В этой связи вновь возникает вопрос, а надо ли было направлять бронетехнику к телебашне? Добавим к этому, что факт использования танков против демонстрантов стал главным козырем в пропагандистской кампании “саюдистов”.

Литовские прокуроры утверждают, что наезд танков стал причиной смерти 4 человек. Уже говорилось о причинах смерти Каволюкаса и Янкаускаса, которых литовские прокуроры выдавали за жертвы наезда советской бронетехники. Сомнения вызывают и остальные случаи “наезда”.

Странно, но, говоря о танках-убийцах, литовские прокуроры на уголовных процессах почему-то не называли номера этих танков. Тогда бы не составило труда установить фамилии членов экипажа танка. В результате появились бы, как и требует подлинное правосудие, фамилии конкретных убийц. Но литовские прокуроры не заинтересованы в выявлении конкретных подозреваемых, так как в этом случае выяснится, что не было зафиксировано ни одного факта, когда бы танк раздавил человека.

Тем не менее, за время, прошедшее с январских событий, литовские прокуроры сумели основательно “промыть” мозги общественности. В заблуждение введена даже нынешний президент Литвы Даля Грибаускайте. Выступая 13 января 2011 г. в сейме по случаю Дня защитников свободы, она заявила, что “десантники напали под покровом ночи, боясь света, как правды, на танках и бронетранспортерах с воровски закрасненными номерами”.

Однако существует фотоальбом “Lietuva 1991.01.13”, изданный в Вильнюсе 14 марта 1991 г. 20-тысячным тиражом (издательство “Vyuris”. Подписан к печати 14 марта 1991 г.). На стр. 11 этого альбома помещен фотоснимок, на котором явственно видна боевая машина десанта (БМД) с бортовым номером 284 (2). Трудно поверить, что данным фотоальбомом не располагает генпрокуратура Литвы.

Не вызывает сомнений, что снимков, на которых фигурируют танки и БМД с ясно видимыми номерами, существует немало. Это естественно, так как

никто номеров на бронетехнике, участвовавшей в силовой акции, не закрашивал. Ведь советские военные даже в страшном сне не могли подумать, что будут жертвы. Как мне потом объясняли, планировали танками оказать психологическое воздействие на толпу и оттеснить её от телебашни. Наивно? Глупо? Да. Но факт остается фактом.

Литовские прокуроры настаивают, что одну из январских жертв, Лорету Асанавичюте танк переехал в области таза и бёдер. Но существует видеофильм, на котором запечатлена Лорета в момент доставки её в больницу. Она была в сознании и даже пыталась улыбнуться! В первоначальной клинической истории болезни Асанавичюте не были отмечены переломы костей таза, бёдер или других костей. Во время хирургической операции врачи также не зафиксировали переломов или раздробления костей. И это при утверждении, что Лорету переехал 40-тонный танк.

Асанавичюте умерла через два с лишним часа после операции. И тут выяснилось удивительное. На кадрах посмертной видеосъемки трупа Лореты отчетливо видны необработанные раны на правом бедре. Возникает вопрос, разве могли у Асанавичюте после полуторачасовой хирургической операции остаться незащитные раны? Чьи раны зафиксировала видеочкамера?

Сегодня Лорета Асанавичюте в Литве олицетворяет собой независимую республику, противостоящую советской агрессии. Якобы она встала на пути танка, преграждая ему путь. Видимо, по этой причине литовские прокуроры более устраивает миф о её героической гибели, нежели подлинные обстоятельства.

Прокуратура СССР, несмотря на активное противодействие со стороны литовских властей, сумела провести своё расследование событий у вильнюсской телебашни. Отчет о результатах расследования Генеральный прокурор СССР Николай Трубин в апреле 1991 г. озвучил на заседании Верховного Совета СССР. На основе этого отчета в газете "Советская Россия" (№ 109/10560 от 04.06.1991 г.) была опубликована статья под названием "Схватка у телецентра". Приведём некоторые выдержки из неё.

"По призыву руководства Литовской республики к зданиям телецентра и телерадиокомитета срочно перебрасывались вооруженные, в т. ч. автоматами и пистолетами, сотрудники Департамента охраны края, боевики "Саюдиса" и "Лиги свободы", а также их сторонники, в основном из числа молодежи соседних городов и сел. (10 января у боевиков уже было изъято 49 единиц нарезного огнестрельного оружия и большое количество боеприпасов.)

...Из зданий телерадиокомитета и телецентра, из окружавшей здания толпы, с крыш расположенных рядом домов и рощи по дружинникам и военнослужащим велась интенсивная стрельба из автоматического оружия, в том числе траксирующими пулями. В связи с этим дружинники и военнослужащие неоднократно были вынуждены даже укрываться за бронетехникой.

...По сообщению незаконно созданной в 1990 г. прокуратуры Литовской республики от действий военнослужащих погибли лейтенант КГБ Шатских В. В. и 13 гражданских лиц (9 – в результате стрельбы на поражение или от случайно срикошетивших пуль и 4 – от наезда танков), 48 человек получили огнестрельные ранения и более 550 – телесные повреждения, в основном от стрельбы в воздух вышибными зарядами танковых пушек (повреждения барабанных перепонок).

Однако каких-либо доказательств, подтверждающих гибель и ранения потерпевших именно от действий военнослужащих, работники прокуратуры Литовской республики следственной группе Прокуратуры СССР не предоставили и действительные обстоятельства происшедшего от нее скрывают. К производству судебно-медицинских экспертиз погибших и раненых военные и гражданские эксперты других союзных республик допущены не были. Следователям Прокуратуры СССР также было запрещено присутствовать при вскрытии трупов погибших и освидетельствовании раненых.

Показания очевидцев событий, оставшихся в живых потерпевших, вещественные доказательства, видеофотоматериалы происшедших событий, а также заключения судебно-медицинских экспертиз погибших, раненых и извлеченные из их тел пули для экспертного исследования с целью подтверждения или исключения их выстрелов из имевшегося у военнослужащих оружия и оценки

в совокупности с другими материалами дела, прокуратура Литовской республики предоставить следственной группе Прокуратуры СССР отказывается.

... Так, многочисленные показания военнослужащих, дружинников и очевидцев событий, копии справки начальника бюро судебно-медицинской экспертизы Литвы и заключений экспертиз о причинах смерти некоторых из погибших, фотографии погибших, предварительные заключения судебно-медицинских экспертов, протоколы осмотров мест происшествий и другие доказательства свидетельствуют о том, что большинство потерпевших у здания телецентра в действительности погибло не от выстрелов военнослужащих и наезда танков, а от выстрелов самих боевиков, наезда легковых автомашин и других причин, в том числе вообще не связанных с происшедшими событиями.

Судя по направлению раневых каналов, указанных в справке начальника бюро судебно-медицинской экспертизы Литвы, 6 потерпевших были убиты в результате 1–7 выстрелов в каждого из них с разных точек, в том числе при выстрелах сверху и в спину, т. е. не военнослужащими при непосредственном столкновении с ними лицом к лицу, а боевиками во время их стрельбы из здания телецентра и с крыш ближайших домов.

... Как показали военнослужащие, дружинники и свидетели – очевидцы событий, солдаты и офицеры на поражение в людей боевыми патронами не стреляли, наездов на них танков не было, хотя некоторые сами заскакивали на движущиеся танки, а других боевики специально подталкивали под них. При осмотре танков после окончания операции экипажи крови на них не видели. При осмотре следователями танков 16.01.91 г. крови на гусеницах и вообще на танках также обнаружено не было.

... Так, по показаниям свидетелей-очевидцев несколько человек из толпы были сбиты легковыми автомашинами, а не танками. Один из них, в частности, показал, что лично видел, как недалеко от здания телерадиокомитета выехавший из-за танка автомобиль “Жигули” на проезжей части дороги сбил мужчину и скрылся.

Согласно показаниям другого свидетеля, на детской площадке около телецентра находилось много людей, и автомашина “Москвич” сбита там несколько человек, один из которых, по-видимому, был задавлен насмерть, и всех потерпевших увезла “Скорая помощь”.

Вывод Генерального прокурора СССР Н. Трубина был однозначен – ни один человек не погиб в Вильнюсе 13 января 1991 г. от действий советских военнослужащих. Генпрокуратуре Литвы оставалось или опровергнуть этот вывод, или согласиться. Но в январе 1991 г. прокурор Литвы А. Паулаускас издал распоряжение, запрещающее оказывать помощь следователям прокуратуры СССР. Помимо этого Паулаускас обратился с призывом к гражданам Литвы не сотрудничать и не давать показания советским прокурорам. Видимо, основания бояться правдивых показаний очевидцев у Паулаускаса были серьезными.

В целом литовские следователи в январские дни вели себя странным образом. Казалось бы, они должны были ткнуть носом московских коллег в “неопровержимые” свидетельства вины советских военнослужащих. На деле литовская сторона полностью засекретила ход расследования и категорически отвергла неоднократные предложения Прокуратуры Союза ССР объединить усилия по совместному, полному и объективному расследованию событий, происшедших у телебашни.

Не вызывает сомнений, что в этот период литовские следователи спешно корректировали истории болезни и результаты анатомических вскрытий январских жертв, вели обработку свидетелей в плане согласованности их показаний и т. д. Но целого ряда “проколов” литовским следователям избежать не удалось.

В этом плане особый интерес представляет свидетельство литовского писателя В. Петкявичюса о том, как литовская прокуратура расследовала январскую трагедию. Напомним, что Петкявичюс в 1993–1996 гг. занимал пост председателя Комитета сейма по национальной безопасности и имел возможность непосредственно ознакомиться с уголовным делом по январским событиям.

В интервью литовской газете “Обзор” (от 14 октября 2002 г.) он заявил: “Я знаю, что в морг привезли 18 человек. Некоторых черт знает откуда. Один попал где-то под “Москвич”, другой стал жертвой самодельного пиротехниче-

ского устройства. Свежих трупов оказалось только 13. Я читал заключения медицинской экспертизы.

Тогда расследованием занимались две прокуратуры: Советского Союза и Литовской республики. Была договоренность, что они соберут все необходимые материалы и обменяются ими. Русские, насколько мне известно, предоставили свои документы, а литовцы нет. Некоторые материалы застряли и в моих руках. Другие – в других. И ничего не сделано! Просто разошлись, а расследование гибели людей так и не завершено.

Представьте, случилась на дороге авария, погиб человек. Там поговорили и разъехались, а он остался лежать. И нет никакого официального протокола дорожной полиции! Вот так и здесь. Нет акта прокуратуры, нет ни одной подписи Паулаускаса, который был тогда Генеральным прокурором Литвы. Всё легенда! Болтают уже 15 лет, а точно никто не знает. Потому что результаты вскрытия и протоколы нигде не опубликованы. О 13 января нет никаких юридических документов! И вы нигде ничего не найдете”.

И даже заключение 26 сентября 1991 г. Генпрокурором СССР Н. Трубиным и Генпрокурором ЛР А. Паулаускасом Соглашения о совместном расследовании трагических вильнюсских событий в январе 1991 г., не изменило ситуацию. Это соглашение литовскими прокурорами было просто проигнорировано. До сих пор не ясно, где находятся 37 томов уголовного дела № 18/5918 по расследованию январских событий в Вильнюсе, переданные в 1991 г. Генпрокуратурой СССР литовской Генпрокуратуре. Они не фигурировали ни на одном судебном процессе, состоявшемся в Литве.

Серьезный удар по объективности расследования январских событий Генпрокуратурой Литвы нанес видеofilm режиссера Б. Талочки, представленный литовскому телезрителю в январе 1997 г. Этот фильм был характерен указанием времени снятия того или иного эпизода январских событий. Так вот, сопоставление временных параметров эпизодов фильма Талочки с временными параметрами уголовных эпизодов, представленных литовским следствием, показало, что трупы одних и тех же январских жертв ночью 13 января 1991 г. должны были одновременно находиться в различных местах Вильнюса.

Мистика, да и только. На самом деле при фальсификации следственных материалов литовские прокуроры не учли, что временные параметры ряда эпизодов, которые они подгоняли под свои версии, были зафиксированы на видеоматериалах, которые использовал для создания своего фильма Талочка.

Этот сенсационный факт установил правозащитник В. Иванов. Литовское следствие так и не смогло опровергнуть его выводы. В итоге в ходе судебного заседания они были просто проигнорированы. Это ещё одно подтверждение факта фальсификации выводов литовского расследования о причинах гибели январских жертв.

Видимо, не случайно на уголовных процессах над так называемыми “виновниками” вильнюсской трагедии, состоявшимися в Литве, так и не прозвучало ни одной фамилии конкретного человека, в результате действий которого наступила смерть хотя бы одной конкретной январской жертвы. Вместо этого литовское правосудие предпочло оперировать названиями коллективных “убийц”: Советская Армия, спецподразделение КГБ СССР “Альфа” и компартия Литвы (КПСС).

С точки зрения юриспруденции это нонсенс. Но он не смущает литовских прокуроров. Они убеждены в своей правоте. Тем более что их некому поправить. Россию тема вильнюсской трагедии пока не интересует, хотя Литва в последние годы начала предьявлять к ней как правопреемнице СССР претензии по этому поводу.

Правда, которую нельзя скрыть

Правда о подлинных организаторах и виновниках январских событий зазвучала в Литве уже летом 1991 г. Первой о том, что январские события были спровоцированы Ландсбергисом, публично заявила активная сторонница независимости, депутат ВС Литвы, писательница Видманте Ясукайтите. 17 июня 1991 г. на учредительной конференции регионального отделения Форума будущего Литвы в г. Пренай она сказала (в изложении):

“Печально, что 13 января наши юноши неизвестно почему пали жертвами у телебашни. Я вместе с другими депутатами, прибыв к башне, уговаривала ребят уйти, так как нам было известно, что эта провокация была подготовлена В. Ландсбергисом. Но ребята были пьяны и не хотели нас слушать.

Здания телевидения и Дом печати были заняты, так как оттуда распространяли клеветническую политику ландсбергистов. Если бы Ландсбергис был настоящим литовцем, то всего этого не было бы. Советские солдаты выполняли воинский долг, а люди погибли из-за расчетов Ландсбергиса. Такое правительство ведёт нас к обнищанию и гибели. А Ландсбергис, идя по пятам своего отца, создает в Литве фашизм...”

Это выступление Ясукайтите “саюдисты” предпочли замолчать. Не заинтересовало оно и литовскую прокуратуру, так как противоречило официальной версии. Так же отнеслось литовское правосудие и к заявлению А. Буткявичюса, которое он сделал в Англии, находясь там на военной стажировке.

Буткявичюс, пытаясь преподнести себя как основное действующее лицо в организации январской обороны Литвы, в 1993 г. заявил английским журналистам, что во время штурма вильнюсской телебашни в толпу с крыш домов стреляли его боевики. В статье Виктора Чеботарева (См. “Спецназ” № 1/52, январь 2001 г.) сообщается, что один из офицеров английской САС (подразделение антитеррора английских спецслужб) переслал кому-то из офицеров спецгруппы “Альфа” вырезки английских газет с заявлениями Буткявичюса. Их обнародование могло бы серьезно ударить по официальной версии гибели январских жертв.

К сожалению, за период, истекший с трагических событий январской ночи, из жизни ушли три бывших руководящих сотрудника группы “А”, которым, по их статусу, могло быть адресовано письмо из Англии. Возможно, эти вырезки ещё лежат в письменных столах безвремененно ушедших из жизни, а возможно, они уже выброшены родственниками, как ненужный бумажный мусор. Но не вызывает сомнений, что рано или поздно интервью Буткявичюса в лондонских газетах будут найдены.

В апреле 2000 г. Буткявичюс в интервью литовскому еженедельнику “Обзор” (№ 15 /170/) вновь подтвердил, что жертвы январских событий были изначально запланированы, якобы для того, чтобы оплатить свободу Литвы “малой кровью”. Заявление Буткявичюса произвело в Литве эффект разорвавшейся бомбы, тем более, что его подтвердил упомянутый В. Петкявичюс.

Выступая 14 апреля 2000 г. в еженедельной русской телепрограмме “Неделя”, Петкявичюс заявил, что “с крыш соседних домов по собравшейся у телебашни толпе людей стреляли наши “саванорисы” (добровольцы). Это полностью опровергало официальную версию, согласно которой 13 января 1991 года литовские граждане у телебашни погибли от пуль военнослужащих Советской Армии и от наезда советской бронетехники. Но литовское правосудие вновь не услышало этого заявления.

Через два года в интервью “Обзору” (от 14 октября 2002 г.) Витаутас Петкявичюс повторил, что с телебашни стреляли литовские “пограничники”: “Все это было инсценировкой... Но! Почему-то А. Буткявичюс из Лаздияй привез 18 пограничников и, переодев их в гражданскую одежду, разместил на телебашне. Они оттуда и стреляли”.

Петкявичюс также рассказал, каким образом он выяснил, что в людей у телебашни стреляли литовские пограничники. Оказывается, в 1993 г. все 18 пограничников пришли к нему в сейм с жалобой на то, что их вычеркнули из списков участников событий 13 января. “Они рассказали, что их начальник Чеснулявичюс с пистолетом в руке поставил всех к стенке и заявил, что, если они хоть одним словом заикнутся, что были на телебашне, — с ними будет покончено!”

Мне, к счастью, удалось найти документальное подтверждение заявления Петкявичюса. В ходе подготовки очередной статьи о январских событиях для интернет-газеты “Столетие” я наткнулся в своём архиве на материал, которому ранее не придавал особого значения. Это была “Информация о конфликтных ситуациях, связанных с действиями работников Департамента по охране края”. Она была подготовлена Министерством внутренних дел Литовской Республики между 10 и 31 мая 1991 г. по указанию Витаутаса Ландсбергиса, тогдашнего Председателя Верховного Совета Литвы (См. <http://www.rummu-seum.ru/portal/node/323>).

К этому времени отношения между В. Ландсбергисом, претендовавшим после января 1991 г. на роль “спасителя нации”, и А. Буткявичюсом (в январе 1991 г. генеральный директор Департамента по охране края), публично представлявшим себя главным организатором обороны республики от советской агрессии, серьезно обострились.

В литовских газетах появилась серия статей, дискредитирующих “саванорисов” Армии охраны края. Но этого оказалось мало. Ландсбергису понадобился фактический материал, компрометирующий ДОК и его главу. МВД Литвы без труда сделало информационный обзор нарушений и преступлений, совершенных сотрудниками ДОКа за январь – первую половину мая 1991 г.

Документ был передан мне летом 1991 г. сотрудником КГБ Литовской ССР. Одним из тех, кто остался верен присяге и продолжал вести агентурную работу, докладывая ситуацию в КГБ СССР. Документ он лично перевел на русский язык и впечатал, как он выразился, “одним пальцем”.

Полагать, что это “продукт”, изготовленный в “недрах КГБ”, нет оснований. Главным аргументом, свидетельствующим о подлинности этого документа, является его содержание. В нем на 10 страницах изложено множество конкретных фактов правонарушений, совершенных “доковцами”. В каждом случае указана дата совершения правонарушения, места, фамилии нарушителей и лиц, ставших жертвами, с указанием их места жительства, а в ряде случаев и года рождения. Документ бессмысленно было фальсифицировать, так как подлинность изложенных в информации фактов легко проверялась в районных отделах внутренних дел Литвы.

Особый интерес в “Информации...” представляют факты незаконного захвата оружия сотрудниками ДОКа на территории Литвы в январе 1991 г. Вот что сказано по данному поводу. *“10 января 1991 г. вечером уполномоченный Департамента по охране края (ДОК) по Вилкавишскому району Юргис Кюнас, нарушая установленный порядок и при участии ответственного за оружие школьного учителя Ромутиса Будрикиса, забрал 26 винтовок малого калибра из Вилкавишской районной средней школы им. С. Нерис. В тот самый вечер Кюнас забрал 15 ружей малого калибра из второй средней школы при участии директора В. Унгурайтене. О присвоении ружей в МВД не сообщил. Ю. Кюнас объяснил, что указанные ружья он доставил 13 января ДОКУ в Вильнюс по указанию его сотрудника В. Чеснулявичюса...”*

Не вызывает сомнений, что часть изъятого оружия боевики Буткявичюса использовали в ночь на 13 января 1991 г. у телебашни. Не случайно в актах литовской судебно-медицинской экспертизы у январских жертв были отмечены ранения от малокалиберных пуль, а также от пули, выпущенной из винтовки Мосина.

Обратим внимание на то, что в информации МВД упоминается фамилия Виргиниюса Чеснулявичюса, начальника службы иммунитета ДОКа, о котором говорил Петкявичюс. С учетом этих свидетельств Петкявичюса и информации МВД Литвы вопрос о причастности Чеснулявичюса и Буткявичюса к гибели литовских граждан у телебашни в ночь на 13 января 1991 г. становится достаточно определенным.

Эти факты не могли пройти мимо литовских прокуроров. Но “ворон ворону глаз не выклюет”. Литовское следствие предпочло не заметить изданную в 2003 г. книгу Петкявичюса “Корабль дураков”. В ней было написано: *“На совести Ландсбергиса и А. Буткявичюса жертвы ночи тринадцатого января, поскольку один придумал, а по приказу другого несколько десятков пограничников были переодеты и впущены в телебашню. Это они сверху вниз стреляли в толпу... Я это своими глазами видел, когда возле моих ног от асфальта рикошетом отскакивали пули”*. (Стр. 78). Однако и это свидетельство не было услышано.

Существуют и другие свидетельства, подтверждающие причастность боевиков “Саюдиса” к гибели январских жертв. Известно, что в уголовном деле № 10-9-057-96 Генпрокуратуры Литовской Республики (дело бывшего лидера “Единства” Валерия Иванова) имеются (по крайней мере, имелись на тот момент) свидетельские показания людей, которые утверждали, что почти за час до появления около телевизионной башни военнослужащих СССР и бронетехники, видели в темноте под кустами лежащие на земле тела людей.

Не вызывает сомнений, что по замыслу В. Ландсбергиса и А. Буткявичюса жертвы в январе 1991 г. были неизбежны в любом случае. Для этого достаточно было в пределах любого важного «объекта» появиться паре БТРов и взводу советских солдат. Провокаторы из Охраны края и Лиги свободы Литвы тут же начали бы реализовывать кровавый сценарий, а все погибшие были бы объявлены жертвами советских военных и коммунистов.

Давая свидетельские показания в ходе уголовного процесса, рассматривавшего дела литовских коммунистов Бурокавичюса, Ермалавичюса, Куолялиса и др., глава ДОКа Буткявичюс заявил, что здание Комитета радио и телевидения, Дом печати и телебашня в случае попытки захвата их советскими десантниками должны были превратиться в огромные пожарища. Буткявичюс пояснил суду, что «Дом печати должен был гореть, планировалось организовать пожар, заснять его и показать за рубежом...». (Уголовное дело, т. 282, с. 232. Цит. по книге Ю. Куолялиса «Pro kalejimo grotas». Vinius. «Politika», 2010. С. 14).

Через два года, 14 августа 2001 г. во время телепередачи «Последние годы империи» на российском ОРТ Буткявичюс добавил, что и здание литовского Верховного Совета также было подготовлено к поджогу. Очевидцы отмечали огромное количества бутылок и канистр с бензином и другими горючими смесями, находившимися во всех зданиях, которые были намечены советскими военными для взятия под охрану.

По замыслу Ландсбергиса и Буткявичюса, пожары на этих объектах должны были стать свидетельствами варварских злодеяний Советской Армии. При этом не исключалось весьма значительное количество человеческих жертв. Это подтвердила в своем интервью газете «Respublika» (от 19 января 2002 г.) Казимира Прунскене. Она сообщила, что в случае поджога боевиками Буткявичюса здания ВС некоторых «руководителей ВС во имя блага нации сильные спортсмены должны были вынести в безопасное место». Но, «согласно сценарию, Прунскене с Бразаускасом... должны были быть застрелены, дабы не выбрались из горящего здания».

Вышеизложенные факты не являются секретом, но они так и не заинтересовали литовских прокуроров. Подобное поведение литовского правосудия вполне объяснимо. Оно не может назвать имена настоящих убийц, виновных в январских жертвах. Ведь у власти в Литве до сих пор наследники «Саюдиса».

Однако нет ничего тайного, что не стало бы явным. В апреле 2011 г. в Вильнюсе начался судебный процесс по делу упомянутого в начале нашего повествования председателя Социалистического народного фронта Литвы Альгирдаса Палецкиса. Как уже говорилось, он обвиняется в «*публичном сознательном принижении и отрицании советской агрессии*» против Литовской республики в январе 1991 г. На самом деле Палецкис лишь посмел публично усомниться в официальной версии трагических событий у вильнюсской телебашни 13 января 1991 года.

Темой январских событий 1991-го Палецкис заинтересовался не случайно. Будучи членом городского совета и вице-мэром г. Вильнюса, он довольно часто общался с жителями жилого района, расположенного рядом с телебашней. Проникшись доверием к энергичному молодому политику, очевидцы январских событий рассказывали ему, что они видели той январской ночью.

В ноябре 2010 г. Палецкис, ведя дискуссию в эфире радиостанции «Радио Вести», основываясь на полученной от избирателей информации, сказал: «*А что случилось 13 января ночью у телебашни? И, как сейчас выясняется, – свои стреляли в своих*». Эти две фразы, в которых нет отрицания, а присутствует лишь элемент сомнения, послужили основанием для возбуждения против Палецкиса уголовного дела. Если будет доказана его вина, ему грозит до двух лет тюрьмы.

Предварительное формальное заседание по делу Палецкиса апилинковый (участковый) суд г. Вильнюса провел 12 апреля 2011 г. Но второе судебное заседание, состоявшееся 7 июня 2011 г., стало подлинной сенсацией. Несмотря на то что в Литве высказывать мнение, противоречащее официальной версии январских событий, небезопасно, поддержать Палецкиса в суд явилось пять очевидцев событий у телебашни. Один свидетель прислал свои нотариально заверенные показания из Австралии. Но суд по неизвестной причине

отказался приобщить их к делу. Также по причине отсутствия документа, удостоверяющего личность, не был заслушан один из свидетелей.

Остальные свидетели утверждали, что январской ночью видели стрельбу трассирующими пулями в направлении телебашни с крыш окрестных домов. Её вели люди, судя по силуэтам, одетые в спортивную одежду. Рядом с ними на крыше были замечены люди с видеокамерой.

Свидетели также утверждали, что именно от пуль, выпущенных с крыш, люди у телебашни падали. При этом они отмечали, что советские солдаты стреляли в землю, а если бы они стреляли в людей, то погибших было бы несравнимо больше. В ходе опроса свидетелей выяснилось: после того как началась стрельба с крыш и люди в панике бросились прочь, какие-то рослые мужчины направляли бегущих к башне, уверяя, что именно там безопаснее.

Судья и прокурор предприняли отчаянные попытки сбить с толку свидетелей защиты. Они пытались поймать их на неточностях, убеждали в том, что те видели вспышки не от выстрелов, а вспышки-блицы фотоаппаратов. Но свидетели упорно стояли на своём. Они отчетливо видели стрельбу с крыш.

Суд над Палецкисом стал подлинным прорывом информационной блокады вокруг реальных событий, произошедших 13 января 1991 г. у вильнюсской телебашни. Он знаменателен тем, что впервые рядовые литовцы публично поставили под сомнение выводы, сделанные генпрокуратурой Литвы о виновниках гибели людей 13 января 1991 г. Видимо, людям надоело молчать, бояться и скрывать правду.

В этой связи целесообразно процитировать суждение одного из вильнюсцев, выступающего в Интернете под ником "Starover". Оно было высказано в ходе обсуждения моей статьи "Свои стреляли в своих", опубликованной на сайте Интернет-газеты "Столетие" (http://www.stoletie.ru/politika/svoi_strelali_v_svoih_2011-06-15.htm): *"Литва – маленькая страна, но там много людей, желающих, чтобы прокуратура расследовала, а суд установил официальную точку зрения на те страшные события. Вне зависимости от политики. Дай прокуратура обращение по телевидению и в печати к участникам событий в ту ночь – и выстроится очередь желающих дать показания. Но этого не происходит"*.

В Литве откровения очевидцев и заявления Палецкиса, прозвучавшие в ходе судебного процесса, некоторые политики и СМИ преподнесли как инспирированные Кремлем. Соответственно, Палецкиса пытаются представить как "человека Москвы". Действительно, события январской ночи 1991 имеют непосредственное отношение к России. Как уже говорилось, трагические события января 1991 г. в Литве трактуют, как повторную "советскую агрессию" против суверенного литовского государства. В январе 2010 г. литовский сейм принял резолюцию, которой обязал правительство Литвы официально обратиться к России как к правопреемнице СССР с требованием выплатить компенсации семьям погибших и получивших ранения во время январских событий 1991 года в Вильнюсе. Ну а после уплаты этой компенсации Литва рассчитывает получить компенсацию за весь 50-летний срок "советской оккупации".

Но утверждения, что Палецкис действовал по поручению Москвы, просто смешны. Думаю, не только сам Палецкис, но любой здравомыслящий человек не способен был предугадать столь неадекватную реакцию правящей литовской элиты на две вышеприведенные нейтральные фразы о событиях 13 января, прозвучавшие в эфире.

Удивительно, но современные литовские власти повторяют ошибки своих "саюдистских" предшественников. В этой связи ещё раз напомним, что в августе 1989 г. известным политиком меня также сделали две фразы. В телеинтервью литовскому ТВ я посмел заявить, что Литве предпочтительнее развиваться в рамках обновленного Союза, а Компартия Литвы вне КПСС не имеет перспектив. Литовские СМИ, в то время находившиеся под полным контролем "Саюдиса", попытались доказать, что первый секретарь Октябрьского райкома КП Литвы г. Вильнюса Швед является одиночкой и его позицию в республике никто не поддерживает. В результате в течение трех месяцев я стал одним из популярных политиков, который вдруг обрёл массу единомышленников.

Полагаю, что с Палецкисом произойдёт та же история.

(Окончание следует)

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

СТОЯНИЕ НА КОМСОМОЛЬСКОМ Москва. 1991 год

– Товарищи! Нам необходимо выразить отношение Союза писателей СССР к историческому, не побоюсь сказать, событию, которое произошло вчера. Президент Горбачёв заболел; создан ГКЧП во главе с Янаевым...

Серёжа Бобков, помощник вице-президента Янаева, присланный “сверху” на внеочередное заседание союзного писательского секретариата, многозначительно умолк, обводя ищущим требовательным взглядом потупившихся в стол участников заседания.

Сколь же стремителен бег времени! И десятка лет не прошло с того дня, как Сергей, сын генерала КГБ, робко входил в мой директорский кабинет на Ярцевской, пылая жаждой издать первую, ещё почти ученическую, тощую книжечку своих стихов. Они и впрямь были несовершенны, эти вирши: мои “орлы” из отдела поэзии готовы были дать автору ещё пару-тройку лет “кандидатских” – чтобы голос музы окреп, возмужал, не срывался на писклявые, инфантильные ноты. Немало резких слов пришлось мне сказать тогда Сергею. Воздам ему должное: он усердно кивал головой в знак согласия, не выпендривался (а мог бы – при таком-то высоком статусе отца!) и старательно поработал над рукописью.

А теперь Сергей Филиппович, погрузневший, посолондневший, взлетевший на вершину власти, буквально прожигал меня строгим взглядом: ну ты, Геннадий Михайлович, оргсекретарь Российского Союза, начни! Определи позицию крупнейшей организации! Ну же, ну!

Он словно бы не догадывался, что я ни при каких обстоятельствах не лезу “поперёд батьки в пекло”. А “батька” здесь – многомудрый, испытанный в политических и литературных баталиях С. В. Михалков, секретарь Союза писателей СССР. “Большого Союза”, как тогда говорили. Он первым и ответил янаевскому эмиссару.

– Мы не совсем, откровенно говоря, понимаем такую спешку с официальным признанием ГКЧП. Ведь в его составе – люди самые близкие президенту Горбачёву, и никакого “путча” против него они вроде бы не замышляют. Однако всё это должно протекать в бесспорном, всем понятном русле – пусть прояснится со здоровьем Михаила Сергеича, станет известным его отношение к действиям Комитета. Мы ведь пока не знаем даже, с его согласия или против этот Комитет был образован. Да, нужны срочные меры для спасения советской власти – срочные, но не судорожные. Подождём, когда услышим голос из Фороса...

Сергей Владимирович, покрасневший от напряжения, тоже обвёл быстрым взглядом собравшихся; все облегчённо закивали головами: согласны, соглас-

ны! Ведь в самом деле, кто сразу напустил туману вокруг президентского неведомого недуга? Зачем? Или берите власть сразу, как в Октябре 1917-го, или...

А что "или"? Значит, остаётся ждать. И я тоже кивнул головой в знак согласия с Михалковым. И тем самым негаданно внёс свою лепту в спасение Российского Союза от захвата и разгона. Но сердце до сих пор ноет: вот так всё и сдавали... "Подожждём... авось образуется... не будем торопиться... Спешка только при ловле блох нужна..."

Плохо же мы знали "демократов", питаемых злобой, жадностью и жадой власти! Сразу же после краха ГКЧП Евг. Евтушенко с поделщиками заняли весь дом Ростовых, всех несогласных вытряхнули, как пыль из кабинетного ковра, и неумолимо принялись составлять проскрипции врагов перестройки и "законной власти". Ею теперь стал "великий и ужасный" борец с коммунизмом расстрига Ельцин. По сию пору вспоминать тошно: возвращение из Крыма Горбачёва, такого жалкого, расхристанного, раздавленного, словно жирная гусеница под сапогом... И этот антисоветский торжествующий вой на митингах и в эфире... И дьявольская политическая гримаса торжественных похорон трёх зевак, назначенных, явно в жуткую насмешку, последними Героями Советского Союза... Окаянные дни! И нету пока на них своего Бунина. Впрочем, ещё не вечер...

"Новый" СП СССР в облике недавнего певца Братской ГЭС, завладевшего и домом, и печатью бывшего "министерства литературы", начал войну с "оплотом тоталитаризма" в интеллектуальной сфере — с Союзом писателей РСФСР. Как свергнуть, опорочить, опрокинуть в грязь, заставить уйти в отставку Бондарева и его сплочённую команду? Да очень просто — объявить чуть ли не участниками государственного переворота! Выгнать их из родного гнезда — из дома на Комсомольском, 13 — и запустить туда своих птенцов-демократов!

Сказано — записано, печатью скреплено. Одного не знаю поныне: почему властная поддержка этого едва ли не первого в Москве рейдерского захвата (сколько их будет потом — не сосчитать) была поручена именно префекту Центрального округа столицы А. И. Музыкантскому. Видимо, у мэра, хитрого грека Гаврилы Попова сработал какой-то упреждающий рефлекс: не перегнуть бы, всё-таки писатели, народ горластый, популярный, шумиха подыметя, да и сам их Союз — организация не городская, а федеральная. Впрочем, прочь догадки: всё тогда творилось "по-революционному", а если точнее — "по понятиям" дорвавшихся до власти временщиков.

Да что теперь... Ради справедливости подчеркну ещё раз: михалковское "ни да, ни нет" в августе всё-таки позволило нам избежать роспуска российского Союза и отстоять Дом Казакова. Это уже не "если бы", а прочная реальность минувших лет.

Судьба была милостива к нам: захватчики не сообразили, не смикитили, когда и как им лучше, удобнее провести "зачистку" главного здания упрямых русских литераторов. Плохо Ленина читали. Да и вообще... Хреновый революционер получился из Жени Евтушенко. Вылитый Керенский!

Это я говорю и в целом, и относительно времени, выбранного для захвата. 31 августа собрался пленум правления СП РСФСР. Конференц-зал полон: со всех сторон России собрались встревоженные братья-писатели. К извечным русским роковым вопросам добавился ещё один, самый неразрешимый: *что теперь будет?!*

Именно об этом, нервно, возбуждённо, даже чуточку растерянно, начался разговор в заполненном под завязку конференц-зале Союза. Внезапно в правых от президиума дверях появился сторож дядя Коля и начал выразительно манить рукой кого-то из нас. Скорей всего, меня. Я обернулся к Бондареву, он согласно кивнул: "Идите. Узнайте, в чём дело".

И вот он, момент, забыть который невозможно. Внизу, у дверей, меня ожидали трое (или четверо?) внушительного вида незнакомых молодых людей. "Вы кто?" — обратился ко мне один из них, чернявый, долговязый, пышноволосый, с прыщавым "фейсом". Я отрекомендовался и, в свою очередь, спросил: "Что вам угодно?"

— Мы, — начал он напыщенно, — представители 267-го батальона национальной гвардии. У нас на руках распоряжение префекта Центрального административного округа Музыкантского о прекращении деятельности вашей организации в связи с поддержкой деятельности... — Прыщавый запнулся,

заглянул в бумагу, которую держал в руках, и завершил дрожащим от возбуждения голосом:

— ... в связи с поддержкой преступной антигосударственной деятельности ГКЧП.

Он высоко поднял предписание префекта, затем передал его мне в руки. Я впился глазами в текст. В висках оглушительно застучало.

— Кроме того, — неслось мне в уши от “нацгвардейца”, — у нас на руках решение Союза писателей СССР, подписанное самим Евгением Евтушенко...

Так! Спокойно! Не вступать ни в какие переговоры! Быстро — наверх. Всех — в ружьё, как в армии по тревоге! Примерно такое пронеслось у меня в голове, когда я взлетел по мраморным ступеням на второй этаж. Ах, гады, ах, сволота, провокаторы! “Батальон”... Сколько их? Кто такие? Чем вооружены, кроме указивки префекта?!

(Спустя два года, 4 октября “расстрельного” 93-го, на пороге уже “Нашего современника”, я ещё раз столкнулся лицом к лицу с похожими обликом и наглым поведением молодыми решительными людьми. — Кто такой? Куда идёте, к кому? — преградил мне дорогу в редакцию возникший из прошлого “национальный гвардеец”. Оказывается, они искали сотрудников только что запрещённой газеты “День”. Я вынужден был предъявить служебный пропуск. Не сдержался, съязвил: — Всё крамолу ищите, ребята? А сами-то кто такие? — В ответ “гвардеец” свирепо прошипел: — Придёт час — доберёмся и до вас! — Но никакой бумаги не показал.

“Очень похожи на бейтаровцев”, — подумал я. Но утверждать доподлинно и сегодня не могу: эта военизированная молодёжная организация, корнями своими уходящая к отцу сионизма Жаботинскому, умеет стрелять и отнимать, но действует тайно, аккуратно, не попадая в яркий свет вездесущих СМИ. Но ведь был, был заявлен “батальон национальной гвардии” 31 августа 1991 года! Был — и сплыл, испарился, аннигилировался. Или... затаился?)

Из глухо гудящего зала пленума навстречу мне вышел возбуждённый общей тревогой Куняев.

— Гена! Что? Кто? — Стас выхватил у меня “музыкантский” ультиматум, пробежал глазами. Лицо его передёрнулось гримасой презрения. Р-р-раз! — и бумага тут же была располосована надвое. Запомнилось: брезгливо держа в каждой руке по половинке разодранной руководящей цидулы, поэт ворвался в зал и закричал:

— Вот, смотрите! Нас выгоняют из родного дома! Это Женя Евтушенко хочет похоронить Российский Союз писателей. Его почерк, его подлость!

Слова Куняева потонули в громе возмущения. Потом на трибуну поднялся Василий Иванович Белов — тогда депутат Верховного Совета СССР. Ему было поручено немедленно ехать в Кремль — поднимать волну протеста, организовать депутатский запрос — в общем, заставить власть, уже вполне беспомощную, проявить волю и пресечь незаконное самоуправство московских “дерьмократов”. (Кстати, именно тогда впервые услышали мы это солёное словечко, бьющее прямо “в яблочко”.)

Зал продолжал шуметь, как растревоженный улей. Неслись выкрики: “Давайте поедem в большой Союз и набьём Евтуху морду!”, “Руки у них коротки — отменить Россию!”, “А что же Ельцин?! Он же суверенитет уже год как провозгласил? К нему надо идти!” Всего и не упомнишь.

Тогда встал Юрий Васильевич Бондарев. Поднял руку. Попросил тишины. Я любовался своим патроном: собран, подтянут, спокоен. Фронтоник, одним словом!

— Давайте решать, что делать дальше. Во-первых, надо немедленно пойти и сказать этим самозванцам... Как они там себя называют? — обратился он ко мне.

— Батальон национальной гвардии, — подсказал я.

— А какой же национальности гвардия? — ехидно и громко выкрикнул кто-то из зала.

— Во-вторых, — чуть повысил голос наш председатель, — нужно немедленно прекратить — полностью и безоговорочно! — доступ посторонних в здание Союза...

– Объявить на всю страну, что занимаем оборону от захватчиков! – снова донеслось из зала. Бондарев невозмутимо и твёрдо продолжил: – Именно так! Переходим на осадное положение. То есть остаёмся в нашем родном доме ровно на столько, сколько будет нужно для восстановления справедливости.

– А если полезут? Двери начнут ломать, окна бить – тогда что? – Зал замер в ожидании ответа.

– Стенка на стенку! “Иль русский от побед отвык?” – вдруг широко улыбнулся дотеле суровый Ю. В. И зал радостно вздрогнул от смеха.

– Каждый решает сам – остаётся здесь до конца или уходит. Тем более, мало ли какие у кого обстоятельства. . .

– Остаёмся! Все остаёмся! Не отдадим Союз! – вновь всколыхнулся зал.

Потом было заседание секретариата, на котором меня, оргсекретаря, утвердили начальником штаба обороны Дома русских писателей. И долго ещё Ю. В. Бондарев ласково называл меня “мой начальник штаба”. Честное слово, было это “звание” дороже любых высоких чинов, что пришлось мне носить в далёком уже советском прошлом. . .

“Ну Евтушенко, сын Алекса Гангнуса. . . – возмущённо думалось мне тогда. – Снова наши пути схлестнулись, пусть опять заочно” . . .

Впервые это произошло почти 20 лет назад, когда Женя завершил одну из многочисленных и многословных своих поэм – “Под кожей Статуи Свободы”, где прямо-таки до небес превозносил Америку и “солнечубого” (!) президента Кеннеди. У журнала “Аврора” в Питере возникли к нему кое-какие вопросы, и они обратились за советом в обком партии (так часто бывало в то время – чтобы от жёсткой цензуры потом не пострадать). Случилось так, что именно мне позвонил из Ленинграда зав. отделом культуры обкома А. А. Введенский. Мы уже были знакомы – ведь именно я около года тому назад приезжал в город на Неве от ЦК в связи с предстоящим открытием нового литературного издания. Толь Толич (так все ласково звали этого доброго и нерешительного человека) спросил меня, не лучше ли будет на какое-то время “замотать” публикацию поэмы: уж больно, понимаете, местами безудержно “проамериканская” . . .

Я, уже обученный в своём отделе осторожности, вильнул: “Советую договориться с автором о встрече и высказать ему всё, что вас смущает. Да, он криклив, заносчив. Да, у него есть поддержка и “наверху”. Разговор предстоит трудный. Но иначе нельзя. И ещё – постарайтесь не педалировать политику: не отмоетесь потом!”

В общем, нормальный внутриаппаратный разговор. Но Введенский-таки ляпнул Евтушенке, что “советовался” с ЦК. “С кем, с кем?” – взвился Женя-ряженный. (Кто постарше, помнит и согласится: он всегда одевался крикливо, пёстро-клетчато, почти как футуристы начала века.)

И Толь Толич признался, что говорил с Гусевым из отдела культуры. Ответ Евгения последовал незамедлительно. Он напросился на приём к самому Михал Андреичу* и, чуть ли не обливаясь слезами отчаяния, нарисовал “серому кардиналу” партии жуткую картину: дескать, живу на гонорары, жду не дожусь, когда “Аврора” поэму напечатает, а тут какой-то Гусев, комсомолец-доброволец, лишает моих малых детей молока и хлеба. . .

Суслов возмутился и, пообещав несчастному поэту пресечь безобразия, вызвал к себе “на ковёр” моего шефа Шауро. Я повис на тонком волоске. . . К счастью, заводделом успел прочесть “Статую. . .” и тоже был от неё не в восторге. Была мне, само собой, крутая выволочка; была до того двухчасовая суета: куда можно будет сплавить инструктора, который то и дело создаёт конфликты с творцами? Обошлось, однако осадок остался. . .

Но Женя-то каков? Как умело давил на психику уже тогда немолодого “дедушки” Суслова! А ведь печатался щедро, огромными тиражами и по высоким ставкам. – не то что остальная поэтическая братия. И мне, грешному, через 12 лет после работы в ЦК, уже в “Современнике”, пришлось урезонивать его нездоровые финансовые аппетиты, доказывая, что очередную книжечку его *неприлично* издавать тиражом полмиллиона или 300 тысяч. А ведь он, прохиндей, знал, что предварительных заявок по всей России на

---

* М. А. Суслов – многолетний, со времён И. В. Сталина, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС. – Авт.

его сборник от книжных магазинов было собрано — тьма-тьмушая. Хватило бы детишкам на молочишко... Я ему: “Женя! На твою книгу уйдёт столько бумаги, что не менее десятка, а то и больше твоих соратников по цеху вообще не смогут выпустить свои сборники — лимиты жёсткие, ты же знаешь”. А он мне: “Пуускай такие стихи пишут, как я! Спрос решает всё!” Уже тогда был он ярым рыночником...

Теперь всё сошлось: флюгерный прагматик вновь сменил “кожу”, политическую и идеологическую, руководствуясь личной выгодой и направлением “ветра перемен”. Одописец Сталина в юности, один из первых “детей XX съезда”, потом “апрелевец”-горбачёвец, он нашёл “профит” и на дымящихся развалинах великого Советского Союза. Почему бы не подобрать ключи и печати бесхозного Союза писателей СССР, почему не испытать сладостное ощущение власти, доселе не ведомое ему?!

Друзья-“небольшевики” рядом: Гриша Бакланов, Толя Ананьев, Валя Оскоцкий... И, конечно, Юра Черниченко. Готовый новый секретариат! А “русскую деревню” на Комсомольском надо подвести под статью соучастия в государственном перевороте. Заодно и Дом казаковский отнять.

Теперь всё зависело от стойкости духа защитников здания российского Союза писателей. Удалось же быстренько вытряхнуть советских ребят из “Дома Ростовых” на Поварской! Героя-фронтовика Карпова они сами свалили. Должны, должны бондаревцы испугаться: ведь члены ГКЧП уже сидят в Лефортово — а кому охота менять цивильную постель на тюремные нары?!

... Нет, всё-таки не знают они, евтушенки, что есть ещё люди не “профитные”, способные к отпору, к противостоянию злу! Уже вечерело. Над казаковским Домом нависли тревожные сумерки. Я заканчиваю обход “позиций”. Вроде бы всё, что возможно и нужно — сделано. Возле входа ребята в течение двух-трёх часов соорудили баррикаду. Притащили откуда-то (по соседним дворам насобирали, видно) доски, брёвна, автомобильные скаты — вполне театральная декорация, чем-то схожая, по сути, с ельцинскими “укреплениями” вокруг “Белого Дома”: не было, правда, опрокинутых троллейбусов. Но вон они, продолжают бегать по проспекту. Совсем рядом. Если что, “возьмёмся за руки, друзья”...

В бондаревский кабинет вошёл долгожданный Василий Иванович. Лицо красное, бородёнка сизая, аккуратно стриженная, чуть вздёрнута:

— Нас поддержат, вот увидите! — с ходу заговорил он. — Все возмущены... ну, не все, но многие. Говорят: беззаконие! микропучк! Где доказательства “измены” русских писателей?!

Белов аж закашлялся от волнения. Борис Романов, наш “второй Бондарев” (избранный на предыдущем писательском съезде руководителем Российского союза с теми же правами, что и Бондарев; “дуумвир”, говоря по-нынешнему), перевёл разговор сразу в деловую плоскость:

— Запрос депутатский готов, Василий Иванович? Кто из руководства Верховного Совета за нас, а кто виляет?

Белов едва успевал отвечать. Оказывается, уже звонили Гавриле Попову из кабинета Лукьянова — хитрый грек отнекивается, знать, мол, ничего не знаю, дескать, это личная инициатива префекта Музыкантского. Связывались и с Союзом писателей СССР. Там говорят — надо немедленно прекратить деятельность нынешнего СП РСФСР, погрязшего в измене. Мы, мол (т. е. Евтушенко с подельниками), такое решение приняли, и оно обязательно для союза республиканского...

— Хорохорятся, паразиты! — Голос Белова дрожал от возмущения. — Переворотчики долбаные! Но понимают, что если союзные власти вмешаются... Начнётся разбирательство — следствие, прокуратура, милиция, суды...

Он остановился, обвёл васильковыми своими глазами всех участников нашей “чрезвычайки” и вдруг обратился прямо ко мне:

— Геннадий Михайлович! Как ты думаешь — сумеют они доказать, что Союз наш был за ГКЧП? Тогда капут — замотают, засудят. А? — И он вперился в мои очки.

— Союз не делал в дни ГКЧП никаких — ни-ка-ких! — заявлений в поддержку ГКЧП, — ответил я. — Совещание в большом Союзе с участием всего лишь помощника Янаева, кстати, члена СП — да, было. Но оно закончилось разговором, никаких резолюций не принималось. Так что юридически мы чисты.

– Так-то оно так, но пока – полный туман, – озабоченно подвёл итог Борис Степанович. – Утро вечера мудренее. Пойдёмте отходить ко сну. Как у нас с дежурством? – Я доложил: пока всё спокойно. Ребята снизу регулярно сообщают – толпа “защитников демократии” рассосалась, ничем агрессивным, кроме воплей: “Долой коммуняк!” “Писатели, вас ждёт Лефортово!” и т. п., не отмечалась.

Всё утонуло в темноте и неопределённости.

Несмотря на поздний час, конференц-зал продолжал приглушённо гудеть. Вспышки смеха, покашливание, улыбки... А кто-то уже капитально расположился на стульях: пиджак, а то и брюки – под голову, или портфельчик – что под рукой. А вон в правом углу приканчивают бутылку “русской горькой”, из горла – по кругу.

Телефон мой звонил постоянно: то жена, то дочь, то зять Артём. Договорились – завтра постараются пробраться к нам, поесть принесут, сигарет, новостей с воли.

... Совсем уж полночь, когда я собирался улечься на диване и вздремнуть, ко мне в кабинет заглянул Серёжа Лыкошин.

– Пришли ребята из РНЕ, от Баркашова. Предлагают помощь и содействие.

Ничего себе! У тех “нац. гвардейцы”, у нас – баркашовцы. Похоже на провокацию – втянуть писателей в политическую канитель... Впрочем, отчего бы не выслушать? Любопытно.

– Пускай заходят, – сказал я, стравивая подступающую сонливость.

Вошли трое в чёрном. Представились (увы, ни одной фамилии теперь не помню).

– Господин Гусев! У нас есть ряд конкретных, деловых предложений...

– Стоп, ребята! – прервал я. – “Господин” – это не ко мне. Не к нам. Господа – по тут сторону нашей баррикады. Я принадлежу к товарищам.

Один из пришедших, высокий, какой-то прилизанный, с девичьим пучком волос на затылке, стянутым простой тонкой резинкой, улыбнулся:

– Вы, наверное, просто не знаете происхождение слова “товарищ”. Это в старые времена разбойники, грабившие купеческие обозы, кричали друг другу: “Товар ищи, раззява! Товар ищи!” Так с тех пор и повелось у революционеров – “товарищ”...

– Неубедительно, – отмахнулся я. – Давайте ближе к делу!

Передо мной тут же был развёрнут настоящий “план Барбароссы”. Скатать все ковры и заслонить ими окна первого этажа; сменить на вахте наших сторожей – не обученных драке, не тренированных (“оттолкнут, раз по зубам – и в аут! А с нами не забалуешь!”); растянуть цепочку “бойцов” по всей длине фасада и хватать всех крикунов из “национал-гвардейцев”. Хватать и колотить, пока не умоются кровью...

– Если пойдёт по-серьёзному, у нас и оружие найдётся, – завершил изложение своего плана высокий с пучком. – Вы понимаете?

– Ещё как понимаю! – ответил я, глядя прямо ему в водянистые глаза. – Вы предлагаете нам вступить при первом же удобном случае в боестолкновение. Да демократы только этого и ждут! И уж как они нас разрисуют всей мощью своих СМИ! Нет, ребята, так не пойдёт. Мы сильны правдой, духом сопротивления. А если у нас в руках увидят даже перочинный ножик... – Я поперхнулся, закашлялся, махнул рукой.

– Всё, разговор окончен! Спасибо за готовность помочь, но очень уж она похожа на медвежью услугу. Честь имею!

Вот это особо запомнилось – неожиданное офицерское “честь имею”. Кажется, такое было со мной в первый раз. Дай Бог, не последний.

Осаждённый дом просыпался. Ага, многие всё-таки разъехались по домам. Но русская провинция – в строю, готова к обороне. Умываются, прихорашиваются, рассыпают бодрые улыбки, анекдоты. “Ах, какой вы все, ребята, замечательный народ!” И тревоги, туманы сомнений рассеиваются, как дым. Редкое и потому особо драгоценное чувство слитности воедино судеб друзей, соратников овладело мною. Наверно, из него и рождалось когда-то, в глубинах времён великая русская поговорка: “На миру и смерть красна”. Насчёт смерти это, пожалуй, я чересчур, но как по-другому передать чувство сплочённости, солидарности, возникающее в такие минуты?

Как и предполагалось, снова к баррикаде приблизились “гвардейцы”, кучки зевак по ту и эту сторону проспекта. Раздались оглушительные возгласы: это у “захватчиков” появилось новое оружие — мегафоны. Как только они нас не честили — и красно-коричневые, и фашисты, волокущие страну в тоталитарное прошлое... Стёкла дрожали!

Юрий Васильевич спросил, не найдётся ли и у нас какого-нибудь завалящего рупора? Серёжа Лыкошин, наш главный оратор и переговорщик, кивнул головой и ответил: — Через полчаса организуем!

И действительно, где-то через полчаса принесли вполне современный аппарат; Сергей устроил себе радиорубку на втором этаже, открыл окно — и началась многочасовая “мегафонная война”. В конце концов внизу появилась группа милиционеров; похоже, они решили погасить очаг нарушения общественного порядка. Шуму много, зевак прибавляется... мало ли что! Один из офицеров поднялся к нам и попросил (именно попросил!) прекратить участие в перебранке.

— Прекратим немедленно, как только эти... — Сергей махнул рукой вниз.

Вражеский “матюгальник” вскоре замолчал. Лыкошин вырубил свою “звукотехнику” и радостно воскликнул: “Победа за нами!”

Потом, уже на третий день, началась унылая “юридическая война”. Приходили служилые в мундирах и без, что-то писали в свои блокноты, уточняли, удивлялись, снова задавали вопросы, обнаруживая трогательную неосведомлённость в причинах нашего упрямства и решительности стоять на своём.

Наконец, к нам пожаловал сам городской прокурор Геннадий Семёнович Пономарёв. Мы принимали его в бондаревском кабинете. Юрий Васильевич умело построил свою беседу — *наступательно*.

— Нет, Вы всё-таки согласитесь, — энергично рубил он, обращаясь к собеседнику. — Изначально нарушены все общепринятые нормы разрешения конфликта. Евтушенко, захвативший революционным путём Союз писателей СССР — это и есть путч! — объявляет наш Союз пособником ГКЧП. Никаких доказательств нет и быть не может. На этом “основании” при поддержке всего лишь префекта г-на Музыканского...

— Не мэрии даже, а всего лишь префектуры! — не удержался, съехидничал Борис Романов.

— ...апрелевцы, — продолжал Бондарев, — принимают решение прекратить деятельность СП РСФСР в его нынешнем составе, а главное — опечатать краденую печатью и занять здание, в котором мы работаем. Пришли, понимаете, этикие новые матросы железняки... как они представились?

— Батальон национальной гвардии, — снова подсказал я.

— Вот-вот! “Открыть окна. Проветрить помещение”. В доме на Воровского это им удалось — некому было сопротивляться. Но здесь, у нас — не пройдёт!

Прокурор задумчиво кивал головой, то ли в знак согласия, то ли подтверждая, что слушает внимательно. Потом решительно откинулся на спинку стула и произнёс: — Правда на вашей стороне. Никаких оснований для юридического преследования или наказания в ваших действиях я не усматриваю. Можете не беспокоиться: повторной попытки захвата здания не будет. Этот вопрос уже согласован с мэрией и ГУВД...

— Спасибо вам! — улыбнулся Бондарев; потом проникновенно понизил голос. — И всё-таки нам бы от вас какую-нибудь... охранную грамоту, а? Наши ребята готовы стоять до конца. А ведь спят третьи сутки на полу, на стульях — где придётся, едят в сухомятку, от семей оторваны. Многие домой дозвониться не могут — а там, в далёких городах, жёны и дети с ума сходят...

Пономарёв печально улыбнулся.

— Пока разрешаю вам официально сказать вашим товарищам: городской прокурор подтвердил от имени власти города Москвы своим честным словом, что осада здания Союза прекращается — и восстанавливается нормальный порядок работы вашей организации.

— Честное слово прокурора — лучшая охранная грамота, — пошутил Борис Романов, и все мы, секретари правления, облегчённо вздохнули.

Стояние на Комсомольском проспекте завершилось нашей победой. На четвёртый день мы расшвыряли остатки нашей символической баррикады — конечно же, никчёмной, беспомощной, но это была, выражаясь высокими словами поэта, “баррикада сердец и душ”. Но для *полноты* ощущения по-

беды всё-таки чего-то не хватало... Нет, мы не ждали признания вины, покаяния от евтушенок и оскотских — глаза бы не видели их постные рожи! Но чьё извинение — публичное! — нам очень хотелось услышать, так это вляпавшегося в писательскую идейную драчку префекта Музыкантского.

И оно состоялось — на расширенном заседании секретариата Союза писателей РСФСР через несколько дней после снятия осады Дома Казакова.

Вертелся Александр Иосифович, как уж. Валил всё на Евтушенко: охмурил, дескать, меня великий поэт, разжалобил, убеждал, что есть какая-то разоблачающая Бондарева стенограмма, что надо умело воспользоваться проколами просоветских “русаков”. Приятно было слушать, как префекта “опускали” наши остроязыкие ребята. Не хамили, нет — ставили на место.

...Ту осаду мы одолели. Минуло ровно 20 лет — но и конца не видать длящейся либеральной блокаде Русского Дома и его хозяев — писателей-патриотов...

ИРИНА МЕДВЕДЕВА,
ТАТЬЯНА ШИШОВА

“НЕНАКАЗАННЫЙ СЫН — БЕСЧЕСТЬЕ ОТЦУ”

1 июня 2010 года, в День защиты детей, официально стартовала кампания, направленная на отмену наказаний детей. Для тех, кто, как теперь выражаются, “в теме”, это не было неожиданностью. Разведка боем началась заранее. В интернете была вывешена брошюра “Искоренение телесных наказаний у детей”, изданная Советом Европы (ознакомиться с ней можно, например, на сайте juvenilejustice.eu). Появилась она и в печатном виде. Месяца за полтора до этого устроили телемост “Россия–Франция”, целью которого было создать общественное мнение о недопустимости физического наказания в семье. Промывка мозгов в этом ток-шоу шла по двум основным направлениям: во-первых, внушалось, что ужасающий рост насилия в обществе есть прямое следствие того, что будущего насильника в детстве шлёпали или ставили в угол, и, во-вторых, что ребёнок – точно такой же человек, как и взрослый, и потому родители не имеют никакого права его наказывать.

Первый тезис был, похоже, рассчитан на слабоумных, поскольку любой человек с нормальным интеллектом тут же возразит, что в старину детей не только шлёпали, но и секли розгами, а преступности (то есть насилия) было несопоставимо меньше. И сделает нехитрый вывод, что рост насилия в обществе связан, наоборот, с распушенностью, которая, в свою очередь, есть следствие безнаказанности.

Второй тезис выглядел несколько более казуистично, и его мнимую правоту удалось подтвердить, поставив в неловкое положение одну из статисток в телестудии. К ней подошла психолог, эксперт передачи, и задала вопрос, который можно считать модельным. Возможно, его теперь будут часто задавать в аналогичных дискуссиях.

– Мало ли чем моё поведение Вам не понравится?! Вы же не будете меня бить?

Ошарашенная столь неожиданной постановкой вопроса женщина смущённо пролепетала: дескать, нет, конечно, не буду.

– А почему тогда ребёнка Вы можете шлёпать? – наседала психолог.

Такое логическое построение окончательно смутило женщину. Она была застигнута врасплох. Наши люди вообще склонны робеть от апломба, от напора, от наглой безапелляционности собеседника. Ведь не растеряйся она, можно было ответить примерно так:

– Если Вы не видите разницы между моим маленьким сыном и собой, Вам, пожалуй, стоит проконсультироваться с врачом. Когда человек не раз-

личает своих и чужих, это довольно тревожный симптом. Сына я родила, кормила грудью, вытирала ему попку, вожу в детский сад. А Вас, мадам, я разве кормила грудью или сажала на горшок? Да и шлёпать Вас уже поздновато. Хотя в детстве, может, и стоило бы.

Впрочем, ток-шоу изначально не предполагает честной дискуссии. Ну, а если кто-то искренне не понимает, зачем нужно наказывать детей, что ему ответить?

Зачем нужно наказывать детей

Прежде всего, наказание существовало у всех народов во все времена. Значит, в этом был какой-то глубокий смысл. Самонадеянно думать, что все до нас были дураками и садистами, а мы, такие умные и гуманные, наконец-то всё устроим как следует. Такое отношение к предкам есть самый натуральный грех Хама. Но даже если отвлечься от этических соображений, то вполне логично предположить, что воспитательная мера, прошедшая проверку тысячелетий, доказала свою эффективность. По мнению крупнейшего детского психиатра профессора Г. В. Козловской, воспитание по своей природе вообще очень консервативно, поскольку принципиальные новации в этой сфере слишком рискованны. Ведь последствия неудачного эксперимента отрицательно влияют не только на “подопытных кроликов”, но и на будущие поколения. Становясь родителями, жертвы таких, прямо скажем, преступных неудач воспроизводят неправильные воспитательные модели, которые применялись к ним самим. А нередко и вовсе не имеют потомства, потому что либо не хотят, либо не доживают до детородного возраста, преждевременно подорвав здоровье распутной жизнью или погибнув из-за своего безрассудства. Собственно говоря, мир уже сто с лишним лет воочию наблюдает чудовищные последствия экспериментов по воспитанию “новых людей” с “новой” моралью и нравственностью. Чем больше экспериментов, тем стремительней деградация и даже физическое вырождение целых наций. Но, увы, далеко не все делают из этого соответствующие выводы...

Что касается физических наказаний, то они применялись (и применяются) в тех случаях, когда не действуют слова. А не действуют они по разным причинам: одних людей захлёстывают эмоции, и слова тонут в этом эмоциональном водовороте; другими овладевает такой сильный дух противоречия, что им словесные увещевания, как горох об стенку. Особенно часто разум бывает слабее эмоций у детей. Чем младше ребёнок, тем ярче это несоответствие выражено. Кора головного мозга, отвечающая за сознание, формируется довольно долго, и у дошкольников она ещё в стадии формирования. Поэтому подкорка, отвечающая за сферу впечатлений, не всегда может быть удержана под контролем разума.

Согласно учению академика И. П. Павлова, у человека есть первая и вторая сигнальные системы. Первая даёт возможность воспринимать внешний мир через систему анализаторов, то есть органы чувств, и существует не только у человека, но и у животных. Вторая же, словесная или система речевых сигналов, присуща исключительно человеку. Только человек способен формировать отвлечённый от обстоятельств образ. Пока ребёнок маленький, воздействие на его первую сигнальную систему бывает более продуктивным. Наши предки ничего не знали ни про кору, ни про подкорку, ни про две сигнальные системы, но эмпирический опыт, передававшийся из поколения в поколение, с успехом им эти знания заменял. Совет наказывать физически, пока дитя помещается поперёк лавки – разве эта народная мудрость не соответствует куда более поздним научным открытиям?

По мере взросления ребёнок становится разумней, управляемей, на него лучше действуют словесные аргументы. Он начинает понимать иные виды наказания, логическую связь проступка и его печальных последствий. К примеру, “если ты будешь вести себя так-то и так-то, не получишь того-то и того-то”. Но и в более позднем возрасте бывают ситуации, когда острое состояние аффекта затмевает разум, и отрезвить человека можно только физически.

Слушая гневные филиппики наших детозащитников о недопустимости физических наказаний, мы очень хотели бы получить ответ на следующий вопрос. Как они посоветуют вести себя отцу, если в его в присутствии шестнад-

цатилетний сын (по международной классификации ещё ребёнок), требуя денег, оскорбляет мать, которая по каким-то причинам ему отказывает; а когда отец пытается его остановить, бросается на него с грязной руганью и кулаками? К сожалению, при нынешнем упадке нравов такая картина вполне реалистична, и порой её можно наблюдать даже в тех семьях, где дети никак не могли получить такой дурной образец от родителей. Наши оппоненты, конечно же, используют свой любимый довод об ошибках воспитания, о том, что ребёнка упустили, и раньше надо было думать. Пусть даже так, хотя и это спорно: у кого-то были ошибки, а у кого-то нет. В обстановке такого оголтелого растления, как сейчас, и подросток из хорошей семьи может повредиться. Но не надо уклоняться от ответа на вопрос: что делать в данном конкретном случае? Кротко подставлять себя под удары и не защищать жену? А может, “для урегулирования конфликта” выдать требуемую сумму и даже несколько её увеличить? В расчете на будущее, чтобы “смягчить негативизм ребёнка”. Тогда, глядишь, он в следующий раз и обзывать будет не так обидно, и побьёт не так больно... Или всё же лучше скрутить мальца и всыпать ему по первое число, чтобы он малость опомнился и не считал отца трусливым дегенератом? Ведь именно таковыми выглядят в глазах подростков родители, которые ведут себя по ювенальным предписаниям. Наказывать же Совет Европы запрещает. Даже шлепок приравнивается к истязанию. Какое там “всыпать”!

“Прыжок – и я в уме”

И всё это происходит в ситуации, когда так много делается для одурманивания детей и подростков, для отключения самоконтроля и сознания. Чтобы вторая сигнальная система максимально заглохла. Растормаживающая музыка, навязчивая сексуализация, пиво, баночные коктейли и компьютерные игры, “вышибающие мозги”, мягко говоря, не укрепляют вторую сигнальную систему, то есть словесно-логическое мышление, а, наоборот, провоцируют раннее слабоумие. В таком состоянии человека бессмысленно пытаться ласковыми словами призвать к порядку. Это всё равно что говорить в телефонную трубку с перерезанным проводом.

Вдова Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна в своих воспоминаниях рассказала о таком эпизоде из жизни поэта. По дороге в ссылку, в Чердыни, у её мужа начался острый психоз. Ей пришлось лечь вместе с ним в палату местной психиатрической больницы, поскольку его состояние требовало того, что на психиатрическом языке называется “надзор” – то есть неусыпного наблюдения. Но однажды она всё-таки уснула так крепко, что проснулась только в тот момент, когда Осип Эмильевич, истерзанный бредом преследования, уже выбрасывался из окна. Она успела лишь схватить его за рукав, но остановить не смогла. К счастью, попытка суицида оказалась неудачной. Поэт остался жив, отделавшись переломом руки. Мандельштам очень страдал от физической боли, но от безумия не осталось и следа. Болевой шок “вправил мозги”.

Потом он сам напишет об этом: “Прыжок – и я в уме”.

Специально для сторонников ЮЮ (которые, как мы заметили, любят пользоваться одним и тем же банальным приемом, а именно – цепляться к словам) поясняем: в рассказанном нами случае из мемуаров Н. Я. Мандельштам не содержит призывов ни к самоубийству, ни к выбрасыванию детей из окон. Более того, мы даже не призываем их бить! Но бывают случаи, когда все меры словесного убеждения и психологического воздействия исчерпаны, и физическое наказание является единственным способом включить разум, простимулировать вторую сигнальную систему, вызвать охранительное торможение подкорки.

В этой связи нетрудно сделать вывод о том, что же на самом деле охраняет закон о запрете наказаний. А охраняет он прямо противоположное: беспрепятственное растормаживание подкорки, которое ведет к погибельному (нередко в прямом смысле слова!) расчеловечиванию.

“А что вы мне сделаете?”

Прекрасной иллюстрацией того, что нас ждет, если мы последуем Совету Европы (нечаянная игра слов), может послужить очерк о шведской школе,

написанный русской женщиной, давно живущей в Швеции и работающей там учительницей. “Даже если подросток назовет учителя проституткой, он практически не наказуем. Это может происходить из урока в урок. Кончится тем, что учитель поменяет место работы. Это будет лучшим выходом для учителя. Известны случаи, когда ученик одним ударом кулака привел учителя в состояние инвалидности”, – пишет Мария Густафсон в брошюре “Швеция глазами русской женщины” и делится воспоминаниями о своей собственной работе в шведской школе: “Одна девица задала мне вопрос. Получив ответ, она заявила мне в лоб: “Собачье дерьмо”. Видимо, она была недовольна ответом, возможно, что я ответила не на её детском уровне. В другой раз подошел ко мне за объяснением учащийся и, не желая вникнуть в задачу, стал орать на меня: “Я не понимаю! Почему такой ответ?” Пришлось мне напомнить ему, что он может орать на папу с мамой, если они ему это позволяют, но не на меня. И это было в престижной школе!”

Если уж в Швеции, где народ куда более законопослушный и сдержанный (шведы даже разговаривают очень тихо), творится такое, что же ожидает нас? Простейшая бытовая ситуация. Ваш ребёнок прибегает со двора с ревом – его обидел хулиган. Говорить “дай сдачи” бессмысленно. Он потому и прибежал к вам, что своими силами не справился: хулиган в полтора раза старше: вашему 7, а тому – 11. Что в таком случае делать? Вы хулигану уже не сможете сказать ни слова. Он тут же на вас наступит: дескать, вы унижаете его достоинство, применяете психологическое насилие (по определению Совета Европы пытаться вызвать у ребёнка чувство вины – это насилие). Обращаться к родителям хулигана, чтобы они повлияли на своего отпрыска, столь же бессмысленно. Запрет наказаний связывает их по рукам и ногам, скажут они. И, желая вас утешить, добавят, что сынок и их поколачивает.

Прогноз, как будет развиваться ситуация защищенной законом безнаказанности, сделать нетрудно. Подростки, которые в силу своих возрастных особенностей любят испытывать границы дозволенного, могут ошалеть от наглости и терроризировать взрослых своими издевательствами под вопросительно-ерническое “А что вы мне сделаете?”

И действительно, что можно будет сделать в таких условиях? Только униженно опустить голову, в который раз почувствовать своё тошнотворное бессилие. Особенно тяжко это скажется на мужчинах, ведь для них вопрос соблюдения иерархии более значим. Они по своей природе более амбициозны, чем женщины, больше стремятся к власти и, соответственно, более остро переживают своё бессилие, свою немощь перед “младшим по званию”. Нетрудно предсказать, что это вынужденное унижение неминуемо приведет к ещё большему росту алкоголизма, наркомании, неврозов и импотенции (физиологическая немощь часто бывает следствием психологической) – короче говоря, всех тех явлений, которые отнюдь не способствуют нормальной семейной жизни, устойчивости браков и, соответственно, решению демографических проблем, ребром стоящих сейчас перед нашим государством. Напротив, можно с высокой степенью вероятности предположить дальнейший рост разводов, а также увеличение числа людей, не желающих вступать в брак и иметь детей в такой дикой, противоестественной обстановке. Что ж, их вполне можно будет понять.

Ювенальные гомункулы

Поподробнее остановимся и на том, какая же личность формируется, если единственная мера воздействия на ребёнка – это уговоры. А что ещё? Больше ничего не остается. Физически наказывать нельзя – это “истязание”. Что-то запрещать – “насилие”. Отказывать в чем-то – “дискриминация”. Попробуй-ка в ювенальной реальности оставить провинившееся чадо без ужины (распространенное некогда наказание, применявшееся даже в монарших семьях) – схлопочешь обвинение в том, что моришь ребёнка голодом, и, вполне вероятно, получишь срок.

Кто-то скажет: “Наказывать нельзя, но зато можно поощрять. Это тоже прекрасная воспитательная мера”.

Ошибаетесь. Ювеналы учили и это обстоятельство. С поощрением тоже не всё так просто. Во-первых, потому что ребёнка особенно нечем поощрить, ведь ему, вне зависимости от его поведения, гарантировано такое количест-

во разнообразных благ, что он пресыщен и почти ничему не радуется и не удивляется. Уже сейчас многие родители, взявшие на вооружение (пока, правда, добровольно) принципы “недирективной педагогики” и “партнерских отношений” со своими детьми, жалуются, что не знают, чем детей поощрять. То, что им хочется (например, целый день до опупения играть в компьютер), заведомо вредно, большинство же остальных детских радостей им приелось. А во-вторых, выдвижение условий (например, “прежде чем съесть конфету, помой руки”) может быть сочтено недопустимым давлением и даже шантажом. В Финляндии, как многие, наверное, помнят, у Валентины Путконен на этом основании дочь отобрали и поместили в приют.

– Ну, а похвала? – не хочет сдаваться читатель. – Есть дети, с которыми, между прочим, только по-хорошему нужно. . .

Увы, неумолимый спорщик, видимо, ещё не понял, что законодательный запрет наказаний формирует **принципиально** другую реальность, в которой не только наказания, но и все прочие воспитательные меры фактически отменяются. Воспитывает ведь старший младшего: родитель – ребёнка, учитель – ученика. И наказывать, и поощрять может только старший младшего. Маленькие дети этого порой не понимают и пытаются “наказать” маму или папу. Но им обычно с добродушным смехом объясняют: “Сперва вырасти большой, стань папой – тогда будешь своих детей наказывать”. В ювенальном же антимире (а это именно создание антимира, мы не превеличиваем!) всё вывернуто наизнанку: дети главнее взрослых. Детские права и интересы приоритетны. Не родитель может наказать ребёнка, а ребёнок родителя, донеся на него в соответствующие “органы”. А может и пощадить, пожалеть, простить на первый раз.

В новой системе координат, где дети властвуют над взрослыми, взрослый лишен возможности использовать и такой воспитательный прием, как оценочная похвала. Он может ребёнку льстить, говорить комплименты (если ребёнок готов их выслушать), но он не имеет права пытаться с помощью похвалы регулировать детское поведение (“Дай Ване поиграть машинку, ты же добрый мальчик. . . Вот молодец, отлично!”). Это ведь тоже “давление”, “навязывание собственных стереотипов” и “чужого жизненного сценария”. “Добрый мальчик”, может, не хочет быть добрым, а хочет быть жадным! Это его право, его выбор. Наивно думать, что в антимире меняется местами что-то одно (например, позиции детей и родителей). Там постепенно извращаются все ценности. Примеров уже сейчас хоть отбавляй, процесс запущен на полную катушку. В одной из статей мы написали о появлении глянцевого (то есть ориентирующего читателей на престижные эталоны) журнала “Эгоист”. Теперь добавился женский вариант – “Эгоистка”. Не удивимся, если развитие проекта предполагает в недалеком будущем издание красочно иллюстрированного детского “Эгоистёнка”.

А книга американского автора Марка Льюиса “Согрешить и победить” уже издана у нас и довольно давно, в 2004 году. Там без обиняков заявляется, что семь смертных грехов созданы “исключительно в целях сдерживания нашего развития”. И никакие это не грехи, а добродетели, делающие жизнь более успешной и счастливой. В частности, жадность – это “незнание пределов собственного желания”. “Возжелай бизнес ближнего своего. Это называется конкуренцией, а конкуренция – это хорошо”.

В такой парадигме “добрый мальчик” – это какой-то неконкурентоспособный лопух. Ничего себе похвала! Да за подобный жизненный сценарий ювенальное ЧК (которое не так давно предлагала организовать член Общественной палаты Ольга Костина) к стенке может поставить!

Уже появилась и сцепка ранее несовместимых понятий: жадность провозглашается признаком ума. Даже было специально сконструировано слово “умножадный”. Долгое время оно красовалось на уличной рекламе какой-то бытовой техники, а в интернете создан сайт “для умножадных”. Возвышение, облагораживание порока, реабилитация смертного греха идёт вовсю.

Итак, дозволительны только уговоры. И то лишь до тех пор, пока “свободный атом” вам не прикажет заткнуться – дескать, “достали”. В результате для новой реальности формируются новые дети: привыкшие считать своё “хочу” самым главным аргументом, а себя – центром мироздания. Не привыкшие терпеть, преодолевать трудности и чем-то жертвовать даже ради самых близких, не говоря уж о дальних.

Кому это выгодно?

Может сложиться впечатление, что это портрет некоего пуленепробиваемого эгоиста, некоей пусть неприятной, но несгибаемой личности. Многие родители именно так и считают, и это служит им некоторым утешением. “Ну да, он грубый, на нас плюет, никто ему не указ, — думают они. — Зато сумеет настоять на своём, ни перед кем не будет прогибаться”.

Но воображаемое будущее, которое рисуется любящим родителям, не имеет ничего общего с будущим реальным. Ребёнок, который не привык терпеть, смиряться и преодолевать трудности, растёт капризным и изнеженным. У него не формируется стрессоустойчивость, а значит, он легко впадает в депрессию, невротизируется. Особенно часто ювенальное воспитание калечит мальчиков, ибо от мужчин по самой их природе и жизненным ролям требуется больше стойкости, выдержки, великодушия и благородства. А капризные эгоисты на это совершенно не способны. Они психологически слабы, склонны к панике, по-женски истеричны (по-женски, потому что истерия в переводе с греческого — “матка”). Их ничего не стоит запугать и сломить, подбить на подлость и предательство. Пока они под прикрытием родителей, которыми помыкают, им море по колено. Но стоит этого прикрытия лишиться — таких ювенальных гомункулусов можно брать голыми руками. Что, разумеется, очень выгодно садистам, педофилам и прочим негодьям.

Зарубежные правозащитники свидетельствуют, что этих нелюдей в ювенальных структурах более чем достаточно. Йохан Бекман, отстаивающий в Финляндии права женщин, у которых ювенальные службы отняли детей, заявил на пресс-конференции, состоявшейся 1.06.10 в “Интерфаксе”, что социальные работники в ювенальной системе “могут делать всё что угодно, так как их никто не контролирует”. “Очень часто, — сказал Бекман, — социальными работниками становятся садисты, получающие удовольствие от издевательств над жертвой”. Детей в приютах, которые правозащитник называет “ювенальными концлагерями”, подвергают, по его словам, “постоянному психологическому, физическому и сексуальному насилию”.

Но средства массовой информации не спешат распространять эти сведения.

Обратите внимание: родителям запрещается детей наказывать, а извергам-ювеналам разрешается (негласно, конечно) их мучить и истязать. А может, это одна из целей такого с виду гуманного закона, охраняющего детей от родительского шлепка?

Право наказывать как атрибут власти

А теперь задумаемся: почему в традиционной системе чужой человек не может наказать ребёнка, а родные могут? Дело в том, что право наказывать тесно связано с понятием власти. Кто имеет власть, тот и может наказывать. Если один человек убьёт другого, даже имея на это веские причины, он совершит преступление. Если же государство того же самого человека приговорит к смертной казни, это будет не преступление, а наказание. Или, скажем, кто-то решит поймать своего должника и заточить в подвале за неуплату. Даже если должник злостный, а сумма большая, мстительный кредитор — это преступник. По закону он должен обратиться за разрешением своей проблемы в суд, и государство в лице судьи решит, какую меру наказания заслуживает должник. Государство — власть, поэтому оно имеет право и наказывать. Конечно, люди порой вершат самосуд: карманному вору могут просто накостылять. А он — знает кошка, чье мясо съела! — в милицию не заявит, хотя формально по отношению к нему совершено преступление. Но это скорее исключительный случай. В целом люди не оспаривают право государственной власти наказывать граждан. Споры идут лишь о том, что считать преступлением и какое наказание ему адекватно.

Дети до определенного возраста (в разных странах по-разному) не подлежат уголовной ответственности, то есть государство их не наказывает. Но чтобы они не росли наглými и безответственными, пополняя ряды преступников, государство делегирует право наказания ребёнку семье. Тем самым оно признает власть семьи, её особую роль: обязанность родных — ребёнка воспитывать, а воспитательный процесс включает в себя и поощрения,

и наказания. Это очень мудро, потому что родительская власть особая. Она смягчена и облагорожена естественной любовью к детям. И ребёнок имеет с родителями особую связь. Он переносит наказания от них с гораздо большей легкостью, чем от чужих людей, потому что любит родителей, даже когда на них сердится или обижается. Ярчайшим образом это проявлено у малышей. Мама его нашлепала или чем-то пригрозила, а он заплакал и бежит к ней же за утешением. Такой порядок вещей установлен самим Богом, и изменять его очень опасно, потому что всё начинает трещать по швам.

Неподсудные до гробовой доски

Если родители лишаются права наказывать, они перестают олицетворять для ребёнка власть, и он, не пройдя школу послушания в семье, не подготовлен к гражданскому подчинению власти государственной. Привыкший к безнаказанности, он, по достижении совершеннолетия, не сможет в одночасье перестроиться. А во многих случаях не перестроится никогда. Слишком сильны окажутся усвоенные с детства стереотипы своевольного поведения.

Когда осенью 2009 года мы присутствовали на “круглом столе” по ювенальной юстиции во французском посольстве, французские правозащитники, расхваливая результаты своей “реабилитационной работы с детьми, находящимися в конфликте с законом”, вынуждены были признать, что взрослая преступность во Франции неуклонно и стремительно растёт (то же самое происходит и в других “ювенальных” странах). Спрашивается, откуда столько взрослых преступников, если ювенальные структуры так хорошо занимаются профилактикой правонарушений и так результативно реабилитируют “конфликтующих с законом”?

Ответ на этот вопрос не требует больших умственных усилий: до 18 лет “детишек” выводят из-под ответственности, а потом уже приходится отвечать.

Чтобы уменьшить диспропорцию, отбиться от обвинений в неэффективности реабилитационной работы (во Франции, да и в других странах со сходными тенденциями, растёт недовольство ювенальной системой, и всё чаще раздаются призывы устроить наказания несовершеннолетних преступников), обеспечить новые рабочие места и дополнительные денежные вливания, защитники прав детей стремятся повысить возрастную планку для привлечения к ответственности. “Чтобы быть судимым, – говорят они, – надо находиться в состоянии различения”.

Человек может быть совершеннолетним, но не осознавать, в чем дело, не понимать, что он совершил. На эту тему мы надеемся поговорить когда-нибудь более подробно. Пока лишь отметим, что речь не идет о глубокой умственной отсталости или помрачении рассудка вследствие тяжелого психического расстройства. Имеются в виду нормальные люди, которых путем различных ухищрений пытаются, как подростков, увести от наказания. Если так дело пойдет, возраст осознания может отодвигаться всё дальше и дальше от несовершеннолетия и наконец совпасть с возрастом земной жизни человека. Детство будет незаметно перетекать во впадение в детство. Особенно если отменить наказания, меры, посредством которых родители помогают ребёнку осознать свою вину, когда он собственными силами этого сделать не может или не хочет.

“Кого отец любит – того наказывает”, гласит народная мудрость. На первый взгляд, это может показаться странным, ведь любовь ассоциируется с лаской, нежностью, поощрением, короче, с “позитивом”. Но это лишь на первый взгляд. “Детей надо как следует баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники”, – со знанием дела говорила в пьесе Евгения Шварца “Снежная королева” старая разбойница. И обширный опыт западной ЮЮ подтвердил мудрость этих слов.

Любовь и долг родителей

Но у родителей, если они сами не разбойники, прямо противоположные цели: вырастить детей честными, добропорядочными людьми. Поэтому, если не любить ребёнка, если не волноваться за его будущее, тогда – да, не надо удерживать его от зла, не надо наказывать, не надо ограничивать, не надо поучать и наставлять. То есть, даже если не верить в существование загробной жизни, а ограничиваться рамками жизни земной, родители, которые любят

детей, не могут в каких-то случаях обойтись без наказания. Причем любящее родительское сердце страдает от этого наказания порою гораздо больше, чем сердце ребёнка. Родителю и самому легче было бы не наказывать, он часто заставляет себя это делать усилием воли, понимая, что иначе нельзя, что это его долг.

Ну, а если верить в Бога и, соответственно, осознавать, что главная обязанность родителей – заботиться о спасении души ребёнка для вечной жизни, то слова приведенной чуть выше поговорки становятся совершенно очевидными и непреложными. Человекоугодие не есть любовь. Хотя, конечно, родительские наказания не должны иметь ничего общего с изуверством.

Поборники отмены наказаний лишают людей возможности исполнить свой родительский долг. Иными словами, они фактически принуждают взрослых к страшному греху – отказу от борьбы за души детей. А это, в свою очередь, не даёт семье выполнить своё главное назначение: быть малой Церковью. Задача Церкви, как большой, так и малой, – вести её членов по пути спасения. Семья, как и Церковь, иерархична. Иерархия нерасторжимо связана с послушанием младшего старшим. Поэтому послушание детей родителям всегда считалось главной детской добродетелью. Святой праведный Иоанн Кронштадтский называл послушание “царицей детских добродетелей”. Родительская же власть в малой Церкви – это вовсе не тирания и не самодурство. Она дана Богом для того, чтобы родители приучали детей жить по заповедям и использовали для этого все властные рычаги. Глава Церкви – Христос, глава семьи как малой Церкви – отец. Мать – его помощница, поэтому властные полномочия есть и у неё. Когда государство связывает главе малой Церкви руки, запрещая ему наказывать ребёнка и в то же время требуя от него “ответственного родительства” и “надлежащего воспитания”, это изощренное глумление и над Божественным законом, и над самим Спасителем. Так мучители связали Ему руки, потом пригвоздили к кресту и издевательски требовали, чтобы Он показал свою силу и сошел с креста.

Конечно, попытки унижить Бога всегда оканчиваются провалом, потому что Господь всесилен и поругаем не бывает. Но попытки заставить людей отказатьсь от Божественных установлений и тем самым погубить свою душу нередко увенчивались успехом. Наша страна ещё не оправилась от предыдущего богоборческого натиска, когда власть навязывала народу атеизм. Один Бог знает, сколько душ в результате было погублено, сколько семей разрушено, сколько детей восстало на своих родителей, сколько родителей не выполнило свой самый главный родительский долг.

Второй богоборческий погром на столь непродолжительном в историческом масштабе отрезке времени наш духовно ослабленный народ вряд ли выдержит. Ювенальная революция его добьёт. А о том, что это именно революция, открыто заявляют её вожаки. Директор информативной службы ЮНИСЕФ Клер Бриссе, “одна из самых значительных фигур защиты детства во Франции”, прямо заявила: “Революция только начинается. Работы впереди ещё много”. (Она имела в виду искоренение всё того же якобы “жестокости отношения к ребёнку”.)

Что ж, полезное для нас признание. К нему стоит прислушаться тем, кто до сих пор убавкивает себя мыслью, что запрет наказаний – это какая-то частность, мелочь и в сущности даже неплохая штука.

Отношение к ЮЮ уже стало очень хорошим тестом для нравственной диагностики. Позиция по вопросу наказаний (запрет которых есть важнейшая составная часть ЮЮ) ещё больше прояснит картину.

РУСЛАН ЛЫНЁВ

КОГО СЧИТАТЬ ЕВРЕЕМ?

Переведенная на многие языки и ставшая мировым бестселлером книга профессора истории из Тель-Авива Шломо Занда “Кто и как изобрел еврейский народ” издана недавно на русском языке.

Подчеркнув в предисловии, что в немалой степени книга адресована и русскому читателю, автор напоминает, что история отношений русских и евреев насчитывает не двести, как полагает А. Солженицын, а полторы тысячи лет и что численность российских евреев достигала восьмидесяти процентов мирового еврейства.

История: из спящего режима – в активный

При этом в России, как и в остальном мире, евреи представляются “вечным народом”, изгнанным римлянами из данной ему Богом земли, две тысячи лет скитавшимся по миру, но сохранившим свою уникальность и, наконец, не так давно вернувшимся на историческую родину.

Ш. Занд, опираясь на многочисленные труды еврейских и нееврейских авторов, убедительно раскрывает мифологический характер этих представлений и доказывает, что евреи, столетиями живущие вне Палестины, вовсе не особая раса, чистая, гениальная, безгрешная и неподвластная законам истории, а что они представляют собой потомков разноплеменных народов, выходцев из Азии, Африки, Европы, России.

Это если коротко.

Что же до истории евреев, то за нее никто не брался с древнейших времен вплоть до XVII века, когда Б. Спиноза в 1670 году написал трактат, в котором сделал вывод, что начало еврейской истории – Пятикнижие – написано вовсе не библейским вождем евреев Моисеем, а гораздо позже.

Менее известный современник Б. Спинозы Ж. Баланж – протестант – в своем сочинении “История иудейской религии” подчеркнул родство протестантской веры с иудейской.

Обе религии вовсе не считают богопротивным делом ростовщичество – ремесло, ставшее одним из главных двигателей капитализма, строя, изменившего все сферы жизни, в том числе национальную, в которой заново произошло деление народов на “мы” и “они”, “свои” и “чужие”. При этом лидеры национальных движений в Европе XIX века обратились к прошлому своих народов в поисках корней, собственного “Золотого века”, призванного служить идеалом для настоящего. В результате этих исканий национальные чувства народов достигали градуса, сравнимого с религиозным, и даже превосходили его.

Евреи не спешили занять свое место в этом “параде суверенитетов”. Многого добившись, например в Германии, и немало сделав для нее, максимум, к которому они стремились, — равноправие с теми же немцами. Соответственно и свою историю, во всяком случае публично, они не возносили выше других. Так, в книге немецко-еврейского историка И. Йоста (1793–1830) “История израэлитов” отмечалось, что евреи, жившие на территории древнего Ханаана — это примерно современный Израиль, — долгое время, несмотря на дарованные им свыше Моисеевы Законы, верность которым хранил лишь узкий круг священнослужителей и пророков, упорно отвергали их и ничем не отличались от своего языческого окружения: “Сыновья Израиля покинули Египет, будучи дикими и малокультурными”.

Однако уже в многотомном труде Г. Греца “История евреев от древнейших времен до наших дней”, вышедшем в середине XIX века, изложен иной взгляд на еврейскую историю. В нем популярный христианский миф о скитающемся еврее-грешнике переработан в серьезную заявку на особую роль евреев как в древности, так и в современном мире. С Г. Греца начинается то, что Ш. Занд называет “национализацией Библии”.

Следующий шаг — книга дружившего с К. Марксом М. Гесса “Рим и Иерусалим”. В ней заявлено: “Еврейская раса — одна из исходных рас и ничто не может изменить ее. Ее хранит прежде всего вера. Отсюда ее вечный конфликт с гоями” (то есть с неевреями).

Заявки не остались безответными. В труде Г. фон Трейчке “История Германии в XIX веке”, представляющем собой реакцию на наплыв в Германию евреев из Восточной Европы, сказано, что если расовое высокомерие приняло столь неприкрытый характер и при этом еврейство требует для себя национального признания, то “для решения подобных проблем существует только одно средство: эмиграция и создание государства где-нибудь за пределами нашей страны”.

Таковы, собственно говоря, основные идеи, предшествовавшие “изобретению еврейского народа”. Они легли в основу сионизма, сложившегося позже других национальных движений Европы, многое у них перенявшего и предьявившего миру такое внушительное “свидетельство о рождении” евреев, как Библия.

Пересадка памяти

Вначале — а первый сионистский конгресс состоялся в 1897 году — такая постановка вопроса привлекла не многих. До начала Первой мировой войны лишь два процента евреев Германии разделяли идеи сионизма. Еще меньше их было во Франции. И лишь позже, особенно после ужасов Второй мировой войны, сионизм стал для многих переселенцев в Израиль надеждой, утешением, стимулом к единению. Но при этом многим переселенцам на историческую родину пришлось пройти процесс пересадки исторической памяти. Что это такое, мы сегодня представляем на примере телепередач “Суд времени”, где господа Млечин и Сванидзе взяли на себя роль “агентов памяти”.

В Израиле всё не в пример серьезнее. Мифологизированное сознание, основанное на библейских сюжетах как на реальных, насаждается через культуру, образование, науку. При этом подлинная история еврейства замалчивается, игнорируется, а попытки освободить ее от мифов в Израиле и странах, где сильны позиции протестантства, расцениваются как антисемитские.

Тем не менее Ш. Занд разбирает в своей книге несколько ключевых моментов еврейской истории, сопоставляя мифы и реальность.

Исход из Египта

Взять такой важный этап, как исход сынов Израиля из египетского плена, длившегося, согласно Библии, четыреста лет. Исход превратился в сорокалетнее блуждание еврейского народа по пустыне, а завершился его возвращением в обетованную Землю Ханаанскую, жители которой были побеждены евреями и обращены в рабство.

Трудно сказать, что взято за основу этих библейских сказаний. Но если в Египте той эпохи было принято документировать любое мало-мальски значимое событие, даже проникновение в страну крохотных племен кочевников-

скотоводов, то как могли остаться незамеченными события куда более крупные? Как в одночасье мог сняться целый народ и в количестве трех миллионов (!) сорок лет (!) ходить по пустыне – и все без каких-либо археологических следов, без строчки письменных упоминаний.

К тому же Ханаан (в XIV–XIII вв. до н. э.) находился под властью фараонов, в ту пору еще очень могущественных. Выходит, Моисей организовывал и возглавлял исход из Египта в Египет! Вот тебе и “отпусти народ мой”!

Когда писали Библию

Другой узловой сюжет древней еврейской истории связан также с пленом, но уже более поздним и более коротким – вавилонским в VII веке до н. э. Известно, что не все изгнанники и их потомки пожелали вернуться на родину, в Иерусалим, предпочтя жизнь в культурных центрах процветающего Востока. Именно здесь, на богатой культурной почве сложилось несколько религиозных школ, где закладывались основы трех будущих мировых религий. Первым же – и где? на чужбине, в диаспоре – заявил о себе иудаизм, разработанный интеллектуальной элитой Израиля не без влияния восточных религиозных практик и традиций. Не случайно вавилонский Талмуд ценится выше иерусалимского.

В дальнейшем, вернувшись в Иерусалим, древние авторы в течение четырех веков, с VI по II до н. э., писали, редактировали, оформляли Библию, целью которой было, кроме прочего, служить сплочению еврейских общин в борьбе с ханаанскими с их языческой верой и “низменными” обычаями. В будущем Библию еще много раз используют для обоснования колониальных походов и завоеваний.

Что же до вавилонских властителей, то им конфессиональная, как и любая другая рознь между покоренными народами, лишь облегчала управление громадными территориями.

Дети разных народов

Когда в III веке до н. э. Персидская империя была разгромлена Александром Македонским, на ее обломках сформировалась межрегиональная культура нового, открытого типа – эллинизм. Значительно возрос обмен товарами и идеями, открылись новые торговые пути, завязались новые духовные и религиозные связи. Эти процессы не могли миновать Иерусалим. Чем он был до этого? Краиной империи, небольшим, слабо укрепленным городом, где правили царьки, вовсе не такие могущественные, как это представлено в Библии. Иудаизм же представлял собой, в сущности, замкнутую религиозную секту. Побывав в этих местах в V веке до н. э., Геродот не считал нужным даже упомянуть о местной иудейской общине.

Но если бы он четыре века спустя путешествовал между Двуречьем и Гибралтаром, Северной Африкой и Арменией, то обнаружил бы, что иудейские общины растут повсеместно как грибы. Наряду с чисто миссионерским путем распространения иудаизма, евреи, особенно в пору царства Хасмонеев, не пренебрегали и принудительным распространением своей веры в завоеванных ими землях.

Как относились “чистокровные” евреи к иноплеменным единоверцам, вопрос сложный. Как, собственно, и с чистой кровью. Ибо даже Библия не скрывает, что еврейские цари, Соломон, например, были мужчинами женолюбивыми. Ничто человеческое им не чуждо? Но тогда надо признать, что в их потомках наряду с чистой еврейской кровью имеются примеси египетской, сидонской, аммонитенской, моавитянской и кто знает ещё каких кровей.

Братья по крови

Еще один, можно сказать, базовый миф – об изгнании евреев римлянами из Иерусалима в 70 году нашей эры. Как и многое другое, этот сюжет не имеет никаких документальных подтверждений, и подавляющее большинство историков знает, что насильственного изгнания евреев с родины в эту пору не было. А что было?

Было восстание евреев, жестоко подавленное римлянами. Ими же разрушен символ иудейской веры – Иерусалимский храм, а часть восставших, как водилось в те времена, казнена, часть обращена в рабство.

Кроме того, страну покинули верхние слои общества: мудрецы, толкователи Торы, предпочтя религию родине. Возможно, так же поступила часть людей “городских”, “интеллигентных” профессий. Ну а кто остался, так это те, кто всю жизнь работал на земле. И ряд исследователей, включая основателя государства Израиль Д. Бен-Гуриона и первого президента страны И. Бен-Цви, считают, что их потомки, нынешние палестинцы, по своим расовым характеристикам, обычаям, особенностям языка ближе к евреям, чем любой другой народ. Именно они должны были составить основу населения государства, которое здесь, на территории бывшей подмандатной Палестины, предусматривалось по решению ООН 1947 года создать наряду с Израилем. Но большинство – 900 тысяч – граждан этого до сих пор не созданного государства были вынуждены бежать со своей земли под давлением евреев-переселенцев. Достаточно вспомнить, что только с декабря 1947 года по февраль 1948 года сионисты совершили две тысячи нападений на палестинские поселения.

Но тут мы перепрыгнули на две тысячи лет вперед. А тогда на рубеже двух эпох, старой и новой, распространение иудаизма замедлилось, а затем и вообще стало спадать, так как появился сильный конкурент в лице христианства. Под властью христианской Византии Иерусалим прожил три века, но в III веке на эти земли, словно ураган из Аравийской пустыни, ворвались мусульмане-арабы. Они не чинили зла местным жителям, ибо в послании пророка Мухаммеда было сказано: “Всякий, кто принимает ислам, будь то иудей или христианин, должен рассматриваться как правоверный... Того, кто хочет остаться иудеем или христианином, не следует обращать принудительно”.

Представители иудейства и ислама видели в обеих религиях общие черты. Правда, все налоговое бремя было возложено завоевателями на “неверных”. Это стало стимулом для массового перехода их в ислам, но привело к истощению казны, так что вскоре пришлось менять налоговую систему.

Живущий на узкой полоске земли народ в очередной раз смешивал свою судьбу с судьбой народа-завоевателя. Как не раз смешивал её с судьбой народов, которые завоевывал. Что же тут вне законов истории?

А те, кто покинул эту землю, растеклись по свету. На юге Аравийского полуострова они создали царство Химьяр. С войсками североафриканских берберов они завоевывали Испанию, где осели.

Тринадцатое колено

Ну, а на наших российских землях возник Хазарский каганат. Обширное царство, раскинувшееся в VII–XII веках в степях между Черным и Каспийским морем, раньше называлось Хазарским. Хазары представляли собой мощную коалицию тюркских и болгаро-гуннских кланов. В дальнейшем они слились со скифами, венграми, готами, уйгурами. Словом, никак не вписывающимся в представления о некоем исключительно чистом народе.

Тем не менее религией хазарской элиты был иудаизм, а священным и письменным языком хазар – иврит. И, замечает Ш. Занд, хазары слишком долго исповедовали иудаизм, чтобы он оставался религией одной лишь элиты.

Под давлением с Востока и с Запада Хазарское царство в конце концов распалось, и часть его населения, включая иудейское, двинулось на запад, в Киевскую Русь, на Западную Украину, в Белоруссию, Литву, Польшу.

Хазарскую тему изучали многие, в том числе такой известный автор, как А. Кестлер, утверждающий в книге “Тринадцатое колено”, что “ощутимое большинство евреев всего мира имеет восточноевропейские, а значит, возможно, хазарские корни”.

Такой поворот в еврейской теме также не вписывался в сионистскую мифологию. Не потому ли хазарский сюжет в Израиле либо замалчивается, либо встречает гневные возражения.

Несмотря на это, ряд исследователей настаивают на том, что именно восточноевропейская часть еврейства дала рождение языку идиш и мощному направлению идиш-культуры. Из этой ветви произошло немало известных деятелей, стоявших у истоков сионистского движения, государства Израиль и, что нелишне помнить – Советского государства.

Отдельную главу и даже монографию можно посвятить наследственно-генетической стороне проблемы. Здесь же придется лишь кратко отметить, что ни одной из современных наук не подтверждена чистота еврейской расы. Зато сколько сказано о необходимости ее выделять и сохранять.

Б. Дизраэли, британский премьер викторианской эпохи: “Раса – это всё”.

М. Борхов, один из лидеров сионистского движения: “... В тайной войне культур побеждает тот, кто заботится о расовой чистоте и улучшает качество своего потомства”.

Они что, зациклились на этом? М. Фишберг (1872–1934) в книге “Евреи – исследование расы и окружающей среды”, основываясь на изучении морфологических характеристик трех тысяч нью-йоркских евреев-эмигрантов, пришел к выводу: “Нет никаких оснований говорить об этническом основании современных евреев или о еврейской расе, точно так же бессмысленно рассуждать об этническом единстве христиан или иудеев...”

Тем не менее, отмечает Ш. Занд, “Средний израильтянин твердо знает о своей принадлежности к монолитной кровной общине”.

Тут автор себе несколько противоречит, ибо завершает свой труд размышлением как раз об отсутствии единства в израильском обществе. В том числе в вопросе, кого считать евреем.

Считаясь государством всех евреев мира, Израиль фактически не гарантирует всю полноту прав своим гражданам палестинского происхождения, составляющим пятую часть населения страны. Ещё пять процентов граждан, еврейство которых под вопросом. И – значительное число израильтян, сомневающихся в национальной идеологии, основанной на мифах, главный из которых “о евреях как о закрытой общности, будто бы всегда отторгавшей “чужаков” и потому обязанной поступать так и в будущем”.

Если на этапе создания и становления государства подобные мифы могли служить целям сплочения и созидания, то сегодня их роль разрушительна для “проекта Израиль”.

Но в конце концов это повестка для внутриеврейского диалога. Или для еврейско-палестинского.

Нам же в России нужен диалог русско-еврейский. Ну, если хотите, еврейско-русский. Его давно пора провести. Но это – отдельная тема.

Двести восемьдесят лет назад, в июле 1731 года в России был учреждён первый кадетский корпус. Система военного образования для подростков мужского пола, готовившая ребят к дальнейшей воинской службе, к получению офицерского звания с тех пор существовала в России вплоть до революционного 1917 года. Вновь вспомнили о кадетских корпусах в годы Великой Отечественной войны, когда 21 августа 1943 года было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК РКП(б) о создании Суворовских училищ "...типа старых кадетских корпусов". Алексей Иванович Абрамычев — участник Парада Победы 1945 года, генерал-майор в отставке, был одним из первых суворовцев.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

“КТО К ЗНАМЕНИ ПРИСЯГАЛ...”

*Кто к знамени присягал единожды,
тот у одного до смерти стоять дол-
жен!*

Пётр I

Пережитое не приемлет нравоучений. Может быть, поэтому, вновь и вновь рассматривая свои немногочисленные фотографии и сохранившиеся письма довоенного времени, я только молчу. Найти даже несколько фотографий тех лет оказалось нелегко. Наша семья много раз переезжала с одного места на другое. Многие безвозвратно утрачено. Я складывал сохранившиеся снимки в альбом, листая ломкие, растрескавшиеся его страницы как придётся, опустошая большие старые конверты, где они хранились в полном беспорядке. В альбоме фотографии отца и его брата в военной форме, мамы с короткой стрижкой в стиле двадцатых годов, деда и красавицы бабушки с великолепными волосами, собранными в пучок на голове. Их никого уже нет...

Мой отец и его брат были военными. Отец начал службу в 1918 году — в кавалерии, его брат — в авиации, в начале 1920-х годов. После их гибели на войне в 1941–42 гг., я впитал в себя убеждение, что высшее проявление благородства человеческого есть воинская доблесть.

Сегодня, глядя на их фотографии, вспоминаю 22 июня 1941 года...

Рано утром мы все — мама, я и отец, находясь в летних военных лагерях (под Москвой, недалеко от Ногинска), были разбужены стуком в дверь. У дома оказался с двумя оседланными лошадьми красноармеец. От него мы узнали о начале войны. Второпях одевшись, не успев попрощаться с нами, отец вышел из дома, огладив, успокоил лошадь, подтянул подпругу и, по-цыгански, взявшись за гриву приведенного ему коня, ловко, без видимого усилия

сразу оказался в седле. И только потом, привстав на стременах, привычно натянул поводья. Конь “дал свечу” и “манежным” галопом унёс отца навсегда из нашей жизни.

Мы его больше не видели... С тех пор прошло 70 лет.

В конце июля после первой бомбежки Москвы нас отправили в эвакуацию под Шадринск, в село Боборыкино. Там 18 сентября 1941 года к нам в дом принесли небольшой конверт со штампом “СССР. Полевая почта № 1672 8.9.41”. Увидев почтальона, мама потеряла сознание. Вскрыв конверт, я прочитал:

“НКО СССР. Управление 229 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ 8 августа 1941 г.

Извещение

Ваш муж, подполковник Абрамычев Иван Ильич, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и доблесть, был убит 12.7.41 (правильная дата гибели отца 9.7.41 – **Авт.**). Похоронен деревня Лукты Богшевского района Витебской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (Приказ НКО СССР).

Начальник штаба дивизии
П-к Пугаев Ст. политрук Бахтин”

К извещению было приложено письмо. Его содержание привожу дословно:

“Фронт, 7.9.41.

Родная! Тяжело писать, но я обязан сказать правду: Ваш муж, мой товарищ, защищая свою Родину, героически пал в бою с германским фашизмом 9 июля в районе д. Речки Витебской области

Дорогой друг! Будь стойка, как патриотка своей Родины, воспитывай своего сына в духе ненависти к врагам нашего народа-героя, Вашего мужа и нас всех, его товарищей.

Крепко жмем Ваши руки, горячо целуем Алика, сына Ивана Ильича. Вы не одна, вся Родина Вам поможет, а мы на фронте за смерть Вашего мужа крепко дали врагу. Только победа над врагом будет ответом за смерть подполковника Абрамычева.

Ещё раз, родная, будь стойка и предана своей Родине.

Майор Сергей Перетрутов

Посылаем ещё мы, бойцы и мы – командиры Вам свой фронтовой привет. Иван Ильич был нашим командиром, с которым мы ходили в атаку на врага. За его смерть, за смерть своего отца-командира, мы уже немало положили гадов-фашистов. А пока до свидания.

Ст. сержант Кубатов. Кр-ц Румянцев. Кр-ц (подпись неразборчива).

Обратный адрес: Действующая армия. Почта полевая № 1672, штаб дивизии”.

Дома остались темляк от отцовской шашки (кожаная петля на эфесе холодного оружия), шпоры и габардиновая гимнастерка с галифе, сохранившие запах коня, табака и тройного одеколона.

После войны, в 1948 году, от генерал-майора А. И. Нерченко (в 1941 году замкомандира 229 сд) мне стало известно, что штаб их дивизии в полном составе попал в окружение под Витебском. Отец погиб 9 июля 1941 года на глазах у Нерченко, прорываясь из окружения вместе с группой командиров и бойцов к своим.

В 1943 году, вернувшись из эвакуации в Москву, мы узнали о гибели моего восемнадцатилетнего двоюродного брата, Андрея (сгорел в танке в сражении под Прохоровкой) и брата отца – Сергея Ильича Абрамычева, командира авиационной дивизии дальнего действия (до 1941 г. руководил в Ейской школе лётчиков обучением “слепого самолётовождению”). К его ученикам относили себя многие лётчики, среди них: отважный полярный лётчик Э. Пусэп (написавший книгу “Тревожное небо”) и легендарная Полина Осипенко.

В юности мы опираемся на то, что нам нравится. Я же, наряду с этим, начитавшись в детстве моих любимых писателей М. Ю. Лермонтова и А. И. Куприна, хотел добавить в свою жизнь то, что ей, на мой взгляд, недоставало: риска и романтики.

Юность моих сверстников и сокурсников по учебе была окружена послевоенной победной атмосферой, связанной с окончанием тяжелейшей войны. Воспитание мы получили в Суворовских военных училищах (СВУ), созданных в 1943 году, – в самый разгар Великой Отечественной войны.

В ходе Московской, Сталинградской и Курской битв окончательно завершилось боевое становление отечественного офицерского корпуса. В связи с этим встал вопрос о преемственности воинских традиций нашего Отечества, закреплённых в боях советского народа против иноземных пришельцев.

Суворовские и Нахимовские училища были задуманы наподобие кадетских корпусов, в которых по традиции воспитывались будущие офицеры русской армии и флота.

Немного истории. Первый Сухопутный шляхетский кадетский корпус возник в России по инициативе кабинет-министра графа П. И. Ягужинского и президента Военной коллегии графа Б. К. Миниха по Высочайшему указу от 29 июля 1731 г.:

“...Дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом в практику были годны... учредить Корпус кадетов, состоящий из 200 человек, которых обучать арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам...”

Предписывалось “...упражнять воспитанников в танцовании, вольтижировании и в солдатской экзерциции...”. Создаваемому на Васильевском острове заведению для детей дворян были выделены дворец А. Д. Меншикова и обширная территория, прилегающая к нему. Официальное открытие корпуса состоялось 17 февраля 1732 года.

Екатерина II при посещении корпуса в 1787 году назвала его, на манер престижной английской школы *Narrow School*, “рассадником великих людей”.

В уставе Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (с 1756 г. Первого кадетского корпуса) было записано, что воспитание в его стенах “...имеет целью укрепить разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину”. За первые 70 лет существования корпуса было выпущено 3300 воспитанников. В их числе выдающиеся деятели на поприще военной и государственной службы, науки и искусства. Среди них достаточно назвать: георгиевских кавалеров генерал-фельдмаршалов: графа П. А. Румянцева, А. А. Прозоровского и М. М. Каменского; генерала от артиллерии графа А. А. Аракчеева, директора первого русского театра А. П. Сумарокова, чрезвычайного и полномочного посла А. М. Обрескова.

С 1732-го по 1917 гг. в России было создано 32 кадетских корпуса. Многие из кадетов после 1917 года не по своей воле оказались в других странах, но остались патриотами России. Их дети и внуки сохранили традиции своих предков и в настоящее время живут во многих странах мира. В США, Аргентине, Франции и Югославии ими были созданы кадетские корпуса. “Русские кадеты” не потеряли связи со своим Отечеством. В 2007 году в Екатеринбурге состоялся очередной Международный съезд кадетов. 80-летние потомки эмигрантов, закончившие кадетские корпуса, приехали в Суворовское училище. Русский кадет Алексей Ермаков сейчас живёт в Сан-Франциско. В 1945-м закончил Кадетский корпус в югославском городе Белая церковь. Игорь Андрушевич, сын офицера царской армии, сейчас живёт в Аргентине. “За границей из тех, кто учился со мной вместе, – делился своими воспоминаниями Андрушевич, – никто офицером не стал: в кадетском корпусе нас учили только Россию защищать...”

Такова была высокая нравственность русских кадетов.

Начальным этапом в истории создания суворовских военных училищ в СССР стало опубликованное 21 августа. 1943 года Постановление СНК и ЦК РКП(б) № 901 “О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации”, в котором, наряду с другими мерами, было предписано:

“Для устройства, воспитания и обучения детей воинов Красной Армии... , а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, по-

гибших от рук немецких оккупантов, организовать... девять суворовских военных училищ типа старых кадетских корпусов по 500 человек в каждом... со сроком обучения 7 лет с закрытым пансионом для воспитанников... Установить, что суворовские военные училища имеют целью подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании и дать им общее среднее образование...”

Мне судьба определила учиться пять лет в Калининском Суворовском военном училище.

Трудно найти мальчишку военной поры, который не мечтал бы носить офицерские погоны. О создании Суворовских военных училищ я узнал, вернувшись в Москву вместе с мамой и родственниками из эвакуации. В редакции “Красной Звезды” мне дали телефон Управления ВУЗ. Получив необходимую информацию, самостоятельно прошёл медицинское обследование и вместе со справкой о гибели отца подал заявление с просьбой о зачислении. Мама узнала о моих действиях после того, как я у неё попросил извещения. Далее произошло событие, чуть не обернувшееся для меня катастрофой. На приемную комиссию я опоздал. Повестка о вызове пролежала в почтовом ящике несколько дней. Я разразился рыданиями. Слава Богу, обошлось. Нас принял начальник управления ВУЗ РККА полковник Морозов. По его указанию меня включили в последнюю группу, отправляющуюся в Калинин.

Постановление СНК и ЦК РКП(б) воплощалось в жизнь в тяжелейшее для страны время – шёл третий год Отечественной войны. Однако уже 1 декабря 1943 года во всех городах пребывания СВУ были размещены в лучших зданиях, обеспечены высококвалифицированным преподавательским составом, необходимым оборудованием и учебно-методическими пособиями.

Первое впечатление от города Калинина – грохочущие трамваи с окнами, забитыми металлическими, изрешечёнными пулями ржавыми листами на фоне аккуратных деревянных крестов немецкого кладбища в центре города, напротив полуразрушенного Екатерининского дворца (в последующем городской библиотеки), тёмные глазницы домов, разбитое полотно дорог.

Оказавшись в 1943 году в Калинин, мы взялись за его уборку: разгружали баржи с углём, расчищали улицы, ремонтировали помещения. Все суворовцы первого набора за участие в восстановлении разрушенного до основания города были награждены медалями “За доблестный труд в период Великой Отечественной войны” и получили удостоверения “Ветеран Великой Отечественной войны”.

На всю жизнь запал в мое сердце этот старинный провинциальный волжский город, ставший родным и уютным после восстановления. Наибольший след в душе и памяти за годы учёбы оставила его атмосфера: непередаваемый дух, обычаи, традиции. Городской сад, кинотеатр “Звёздочка”, река Волга, весенний ледоход и, конечно, Драматический театр навсегда останутся в моём сердце.

Военный 1943 год был ознаменован начавшимся наступлением нашей армии на фронтах. В каждом классе флажками на карте мы ежедневно по сводкам Совинформбюро отмечали движение линии фронта. Каждое утро один из нас перед всем классом зачитывал эту сводку. Слушая её, мы думали о своих родных. И мы были уверены, что в это же самое время они думают о нас. К кому-то из нас приезжали мамы – у кого они были. Мы были счастливы, когда это случалось. Отцов мы не ждали: почти у всех они погибли или воевали.

Военная профессия была престижной. Поэтому, поступив в училище, мы приняли как должное, узнав, что с армией решили связать жизнь многие дети из семей государственных деятелей и известных людей страны (в том числе Сталина, Куйбышева, Орджоникидзе, Хрущёва). Вместе с нами учились: внук Сталина Евгений Джугашвили (его отец Яков Джугашвили погиб в немецком плену); внук Хрущёва (его отец старший лейтенант летчик Леонид Хрущёв не вернулся из боя); сын погибшего от ран Александра Полякова, – автора книги “В тылу врага”; внуки героя гражданской войны Чапаева – братья Чапаевы Виль и Артур.

У большинства моих товарищей отцы погибли. Отец Вити Гастелло, боевой лётчик, погиб в воздушном бою. Валя Корженевский потерял отца, командира Красной Армии, в первые дни войны. У кого отцы были живы – воевали. После окончания КлСВУ Евгений Джугашвили и Виктор Гастелло стали

военными журналистами, Юрий Хрущёв — заслуженным лётчиком-испытателем, Гиви Орджоникидзе, получив генеральское звание, служил на Кубе, Ювеналий Поляков стал дипломатом. Но были и такие, у кого все погибли. У моего товарища Вити Степанова — в последующем военного инженера-ракетчика, родители умерли от голода в блокадном Ленинграде. У Миши Гейзенблосена (он стал танкистом) фашисты убили всех. Женя Дубровский поступил в училище в девятилетнем возрасте. Его родители — отец и мать, отдав двоих сыновей в детский дом, ушли на фронт и не вернулись. Дубровский, закончив училище, проявил себя как учёный. Ему в соавторстве с другими учёными принадлежит научное открытие, на базе которого он защитил диссертацию доктора технических наук.

Среди поступивших были “сыны полков и партизанских отрядов”. Многие из них были отмечены боевыми орденами и медалями. Так, Николай Мищенко был награжден орденом Красной Звезды, Валентин Виноградов, Борис Швед и Юра Заржицкий имели боевые медали.

Калининское суворовское военное училище было размещено в корпусе бывшей духовной семинарии, построенной в начале XX века в стиле древнерусского зодчества. Главный корпус училища, с двумя гауницами у фасада, широкая парадная лестница, вестибюль, украшенный портретом генералиссимуса А. В. Суворова, актовый зал с лозунгом: “Пусть вас в этой войне вдохновит образ наших великих предков — Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..”, до сих пор стоят перед глазами.

В архитектуре зданий училища, в форме воспитанников были сохранены лучшие традиции русской армии.

Само училище поражало в первую очередь своей функциональностью, сочетавшейся с удобством. В училище было все, что могло быть угодно детской и отроческой душе: учебные классы с огромными окнами и подоконниками метровой ширины, комнаты для отдыха, арочная столовая и прекрасный актовый зал (в обычные дни он использовался как спортивный). Большой стадион, упиравшийся в Волгу, завершал общую картину.

Обучение военному делу началось с физической и строевой подготовки, сочетавшейся с изучением устройства стрелкового оружия, освоением ружейных приёмов, обращением с шашкой в строю и вне строя. С особым интересом мы изучали материальную часть винтовки, автоматов Шпагина и Судаева, ручного и станкового пулемёта Горюнова, пистолета ТТ. В лагерных сборах занимались стрелковой подготовкой. Каждый из нас овладел навыками стрельбы из личного оружия. Воспитанники были влюблены в своих офицеров-воспитателей, в их выправку, манеру носить форму, и во всём подражали им. Например, 1-й взвод первой роты в точности повторял походку старшего лейтенанта Мининкова, 2-й взвод — походку Сицинского, а 1-й взвод второй роты копировал своего любимца старшего лейтенанта Ежова. Строевые приемы с оружием мы выполняли с удовольствием и шиком.

Офицеры-воспитатели, их помощники и преподаватели постоянно заботились, чтобы училище стало родным домом для нас, “подранков лихолетья”. Мы же, лишённые отцов, можно сказать, мужского плеча, нуждались в моральной поддержке своих наставников. Мы читали им письма, которые получали из дома, беседовали с ними по душам. Они стремились узнать, что волнует каждого из нас, к чему мы стремимся.

Вспоминая наших учителей, могу с уверенностью сказать, что в училище работали лучшие в городе педагоги. Этому способствовали льготы, связанные с присвоением им офицерских званий от младшего лейтенанта до капитана: достойное денежное содержание, бесплатный проезд в отпуск, льготное пенсионное обеспечение и продовольственный паёк. Большинство преподавателей пришло к нам в зрелом возрасте из областного педагогического института, получив среднее образование в старое дореволюционное время в гимназии.

На уроках литературы и истории мы с учителями не только переживали, но и проживали жизни наших героев. Например, преподаватель литературы Алексей Михайлович Абрамов, рассказывая о жизни Льва Толстого, подробно знакомил нас с окружающей писателя обстановкой. От него мы узнали о молодости писателя, холостяцких его кутежах, увлечении Толстым в зрелые годы наследием Белинского, сближении с Тургеневым, Анненковым и Боткиным.

Знакомя нас с журнальными статьями того времени, беседуя с нами, Абрамов мог спросить: “Какая реакция могла быть на ту или иную статью у писателя графа Л. Толстого?” Запомнился один из уроков, который был посвящен раскрытию понятия термина “Мирь” в названии романа “Война и Мирь” (в его старом написании) как картины мира в его многообразии и нетленности. . .

Преподаватель истории лейтенант Каминский рассказывал об истоках зарождения кадетских корпусов и создания регулярной армии времён Петра I, его первых потешных полков – зародыше кадетских корпусов, когда дворяне-подростки, закончив училища, получали боевое крещение в пехоте и кавалерии.

Уроки астрономии часто проводились ночью, чтобы лучше познакомиться с изучаемыми в ночном небе созвездиями.

Для расширения гуманитарных знаний мы пользовались городской библиотекой и библиотекой училища, созданной с помощью пединститута. Годом позже в училище стал издаваться литературный альманах с публикацией лучших сочинений воспитанников. По инициативе преподавателей литературы и русского языка М. Г. Трушинской и А. М. Абрамова был организован, с привлечением девочек из 6-й женской городской школы, своеобразный “кадетский театр”, постановки которого пользовались большим успехом, а также организованы обязательные занятия по бальным танцам, музыкальный и художественные кружки. В результате КлСВУ стало не только престижным военным учебным заведением для мальчиков, но превратилось в юношеский центр культурной жизни города.

Вспоминая те годы, с грустью смотрю на теперешние реформированные минобром российские школы, искалеченные ЕГЭ, на потухшие глаза школьных педагогов, с которыми диссонирует всегда бодрое и радостное, холёное и любящее позировать перед телекамерами их министерское руководство.

Наши офицеры-воспитатели, имели, наряду с военным, высшее гражданское, как правило, педагогическое образование. Некоторые из воспитателей закончили ещё до революции кадетские корпуса.

Офицеры воспитывали нас не назиданиями, а своим примером по принципу – “Делай, как я!”. Они в ходе практических занятий пробуждали в подрастающих такие качества, как Честь, Достоинство, Гордость за принадлежность к когорте российского воинства.

Чтобы нас заинтересовать, занятия по строевой подготовке бывший кадет Толмачёв любил превращать в игру. Иногда, командуя строем, он вместо команды – “Кругом, марш!”, командовал – “Налево кругом, марш!”, как предписывал строевой устав дореволюционной российской армии. Командир 2-й роты подполковник Тверцын – потомственный дворянин. Обращаясь к преподавателю русского языка Трушинской, он говорил: “Ну-с, так вот, Мария Григорьевна”. Ещё одним представителем старого офицерства был полковник Брагин – он командовал соседней ротой. Иногда вместо команды – “Смирно! Товарищи офицеры!” у него вырывалось – “Господа офицеры!” . . .

Отдельно воспитанники выделяли начальника физической подготовки Николая Макаровича Шарлаимова – фаната физкультуры. Его мы не просто уважали, а любили. Нам он отдавал всё своё время. Летом мы много плавали. Зимой он устраивал лыжные походы на большие расстояния. Дисциплина в училище была строгой, быт – спартанским. Каждый день нас заставляли ранним утром до завтрака совершать пробежку по тропинке вокруг училища (километра 2–3 как минимум) летом в майке, зимой – в нижней рубашке, в любую погоду – в снег, в мороз, под дождём. После пробежки – обтирание холодной водой из-под крана до пояса. Если кто не успевал пройти всю процедуру и опаздывал к построению на завтрак, то мог без него и остаться.

Короче говоря, нам с воспитателями и учителями повезло. Они были высокообразованными интеллектуально независимыми личностями и обладали, к удовольствию их воспитанников, чувством юмора. С ними было интересно общаться. Наши наставники учили нас служить делу, а не лицам, отношения с ними были предельно открытыми и доверительными.

Были ли во время обучения конфликты? Конечно, были. В начале обучения были случаи бегства из училища. Почему-то все бежали на юг. Все беглецы, проверив жизнь на свободе, возвращались. Среди наказаний самым строгим был арест с содержанием в карцере. Посидеть в карцере у мальчишек считалось престижным. Самым позорным наказанием было лишение пра-

ва носить погоны. Ему подвергались (сроком до одного месяца) воспитанники, которые позорили Честь суворовца. За прочие нарушения дисциплины полагался наряд “на работу” или — “внеочередное дежурство”. Помню, как-то группа воспитанников, находясь в летнем лагере, получила наказание от нашего любимца Толмачёва за опоздание в строй — “наряд на работу”. Ребята сочли наказание несправедливым. Они в знак протеста в ходе исполнения наказания (земляных работ на лагерном стрельбище) стали петь революционные песни: “. . . Замучен тяжёлой неволей. . .” и “. . . Вы жертвою пали в борьбе роковой. . .”. О нашей выходке Толмачёв никому не доложил, правда, в дальнейшем он нас не наказывал — мы же не давали повода.

К концу войны в училище прислали для выполнения строительных работ немецких военнопленных, охрана которых была поручена воспитанникам старших классов. Памятуй известный наказ А. В. Суворова: “С пленным быть милосерду. Поражать неприятеля человеколюбием”, — мы, потихоньку от начальства, во время работы подкармливали битых вояк.

В 1944 году училищу был сделан буквально царский подарок. Из Московской Высшей кавалерийской офицерской школы нам привезли строевых лошадей. В плане занятий появилась новая дисциплина — “конная подготовка”. Эти занятия научили нас не только верховой езде, но и привили любовь к этим прекрасным существам. Мне доверили опекать молодую кобылицу по кличке Бешеная. По прошествии многих лет я не забыл нашей подлинной дружбы. Не забыл, как вычищал её копыта. Хотя Бешеной давно нет на свете, но я всё ещё думаю: не обижал ли её хозяин, которому она досталась после меня? Была ли она сыта и напоена? Удобно ли ей было в стойле. . .

Каждое утро мы щётками и скребницами чистили наших лошадок и во время зарядки занимались вольтижировкой. На конной подготовке нас учили верховой езде в седле и без седла, учили управлять лошадью в строю, подавать команды. Самая нелюбимая команда была “бросить стремя!”. До сих пор помню клички наших любимцев.

Участие в послевоенных московских парадах — отдельная тема.

О первомайском параде 1945 года мало известно. К нему были привлечены войска московского гарнизона, военно-учебные заведения и впервые — суворовцы. Ещё продолжалась война. Тренировки к параду начались в марте. Участвовали в этих тренировках воспитанники трёх старших рот. В начале апреля парадный расчёт убыл в Москву. Разместили нас в эвакогоспитале, находившемся в Марьиной роще. Занятия по строевой подготовке проводились на площади Парижской Коммуны (ныне Суворовской) около Театра Красной Армии. Сводный полк суворовцев состоял из двух батальонов — Калининского и Орловского училищ. Первомайский парад состоялся в солнечное утро, накануне взятия нашими войсками Берлина.

Исходное положение сводного полка суворовских училищ было определено против Спасских ворот. Это место стало традиционным для всех последующих парадов с участием суворовцев пока, уже в нынешнее время, одним росчерком пера господин Сердюков не лишил суворовцев этого почётного права, установленного Сталиным в победном 1945 году, чем нанёс травму всем мальчишкам, продолжающим, несмотря ни на что, любить Россию, свои Вооруженные Силы и их традиции.

Принимал первый в стране парад с участием суворовцев начальник Генштаба генерал армии А. И. Антонов, командовал — генерал-полковник П. А. Артемьев (командующий Московским военным округом). Батальон КлСВУ шёл первым под Знаменем училища. Нашему выпуску предстояло участвовать в семи столичных парадах, и всегда калининцы со своим Знаменем возглавляли парадный расчёт суворовцев. Бессменным знаменосцем был Николай Юрьев, правофланговым — Михаил Тупицын. Прошли мы хорошо. Сталин, находящийся на трибуне Мавзолея, увидев полк суворовцев, приветственным жестом руки обратил на нас внимание стоящих рядом с ним на трибуне руководителей. После парада нам была объявлена благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего.

О падении Берлина стало известно ещё в Москве вечером 2 мая, при отъезде в Калинин. До Победы оставалась несколько дней. О завершении Великой Отечественной войны мы узнали утром 9 мая. Радость была со “слезами на глазах”. Вспоминая погибших, долю наших близких и военное лихолетье,

в училище почти все плакали. В городе же творилось невообразимое! Всеобщую радость словами передать невозможно.

14 мая в училище поступила телеграмма Управления ВУЗ Наркомата обороны о включении батальона Калининского суворовского военного училища (КлСВУ) в состав Сводного полка суворовцев для участия в Параде Победы 24 июня 1945 года.

Командир Сводного полка СВУ генерал-майор П. А. Ерёмин. Командир 1-го батальона КлСВУ капитан А. А. Абраменко, командиры рот старшие лейтенанты Е. В. Ежов и Н. А. Сицинский. Знаменосец Юрий Николаев, ассистенты Бронислав Кашуба и Борис Швед. Кроме батальона КлСВУ, в состав Сводного полка входили три батальона: Орловского, Тульского и Горьковского СВУ. Всего 800 воспитанников – по 200 в каждом батальоне. В Москве распорядок дня предусматривал шесть часов строевой подготовки: утром, перед обедом и после ужина.

На утренние занятия мы вставали в пять часов. Туалет, лёгкий завтрак (булочка с какао). Через два часа строевой подготовки на площади Коммуны – завтрак, дневной отдых, совмещенный с посещениями театров и музеев столицы. Мы, 12–14-летние мальчишки, впитывали получаемую информацию, как губка впитывает влагу.

Ощущение причастности к великому моменту в жизни Родины делало нас гордыми, радостными и благодарными. Ежедневные тренировки завершились генеральной репетицией. До неё мы не знали, кто будет принимать парад, так как на предыдущих репетициях им командовал генерал-полковник П. А. Артемьев, а принимающим был маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. И только на последней тренировке стало ясно, что Рокоссовский будет командовать, а Жуков принимать Парад Победы.

Парад Победы был грандиозным зрелищем. Невиданное число маршалов и генералов, Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, море боевых Знамён... Утром 24 июня 1945 года моросил дождь. До набережной Москвы-реки, откуда мы вышли на место построения войск, на Красную площадь, нас довезла колонна машин. Тысячи москвичей на улицах приветствовали нас на протяжении всего пути следования. В 9 часов утра батальон занял своё место в первом ряду Сводного полка суворовцев, левее фонтана Победы, сооружённого на Лобном месте. Так что нашим правофланговым предстояло мокнуть не только от дождя, но и от брызг фонтана. Слева от нас стоял батальон трофейных знамён с гитлеровскими штандартами. Солдаты этого батальона, сорвав несколько орденов с фашистских полотнищ, передали эти сувениры нам. Мне достался железный крест 1939 года “За взятие Парижа”.

10 часов утра. Почти одновременно с появлением маршала Советского Союза Жукова, который выехал верхом на белом коне из ворот Спасской башни Кремля, последовала команда маршала Рокоссовского: “Парад смирно! Слушай на крраа-ул!”

Отдав рапорт маршалу Жукову, Рокоссовский с кавалерийским шиком вручил ему пакет со строевой запиской. После чего маршал Жуков, сопровождаемый Рокоссовским, направил коня к войскам, расположенным на Красной площади и, поздравив их, приблизился к нашему суворовскому Сводному полку. На приветствие легендарного полководца: “Здравствуйте, суворовцы! Поздравляю вас с Великой Победой нашего народа!” – мы ответили дружным – “Урраа!”.

После объезда войск, сигнала фанфар: “Слушайте все!” и исполнения сводным военным оркестром музыки М. Глинки “Славься...” Жуков произнёс приветственную речь. Затем прозвучал Гимн Советского Союза, сопровождаемый многоорудийным салютом. Парад закончился торжественным прохождением войск.

С парада нас везли на новеньких “студебеккерах”, и расходившиеся по домам москвичи забрасывали суворовцев конфетами и печеньем.

Вместе со мной в одном строю участвовал в парадах Геннадий Силин, племянник маршала Рокоссовского. На следующий день после парада он пригласил своих товарищей по шеренге на квартиру Константина Константиновича Рокоссовского. В то время семья знаменитого маршала жила на улице Горького, недалеко от площади Пушкина. Рокоссовский вышел к нам в простой нательной белой рубашке. Спросил, как мы учимся, где наши близкие.

Перед нашим уходом он тепло попрощался с нами и разрешил на вес попробовать его маршальский мундир с орденами. Мундир был тяжёл и не только от орденов... Он не успел высохнуть. Во время парада шёл дождь. Но дождь, как говорится, к удаче...

Анализируя вековые традиции российского воинства, в свете военных парадов на Красной площади последних лет, которые на глазах ветеранов войны принимает теперешний министр обороны Сердюков, человек штатский, невольно вспоминаю послевоенные парады. Их всегда принимали легендарные военачальники.

Первый выпуск суворовцев состоялся 23 августа 1948 года. Аттестат о среднем образовании получили 36 будущих офицеров.

После каникул мы съехались в последний раз в стены училища, которые для нас стали родными. В последний раз рассматривали в вестибюле портрет А. В. Суворова, написанный, за отсутствием холста, на простой постельной простыне нашим художником – сержантом Стекольниковым. Каждый из нас простался со зданием училища.

Пять лет проведено в его стенах... И что это были за годы!

В последний раз вдыхаем этот воздух. Его запах остался в моей памяти и теперь, спустя много лет: смесь свежего волжского ветра с еле уловимыми запахами ружейной смазки, лыжной мази, ваксы для чистки обуви... Он заполнял наши комнаты – где мы спали, наши классы – в которых мы занимались, коридор, в котором каждый день под звуки горна строились мы на утреннюю зарядку, на смотр, на завтрак, обед и ужин, на прогулку, на вечернюю поверку. Минимум семь построений в день!

Здесь в этом городе, в этом здании мы дружили, мечтали, дрались, ухаживали за девочками, проказничали, скучали по дому, ждали своих родных, у кого они были...

Незадолго до выпуска к нам в училище приехали иностранные корреспонденты, наши союзники по войне 1941–1945 годов, англичане с американцами. В мае 1945 года нам были вручены от них подарки: форменная обувь и касторовое сукно на парадную форму. Теперь обстановка изменилась. Это мы почувствовали по вопросам, которые они нам задавали. В частности, один из корреспондентов спросил у Полякова: “С кем вы собираетесь воевать?”. Тот не растерялся и, не задумываясь, ответил: “С нашими врагами”... Разве я мог тогда, в свои пятнадцать лет, подумать, что через шесть лет мне придётся встретиться с американцами в Корее по разные стороны фронта?..

Порядок прощания с училищем был нам объявлен заранее. Срок и место явки были строго определены.

Курсантскую форму сшили для каждого персонально. В офицерском ателье! Гимнастёрка защитного цвета, галифе – тёмно-синее. Фуражки, для тех, кто ехал в Ленинград, в пехотное училище, были с малиновым околышем. Для танкистов, они ехали в Ульяновск, – из чёрного бархата. У всех погоны обрамлены золотым галуном. Сапоги из яловой кожи тоже были сшиты по ноге. Шинели – из сукна для младшего офицерского состава были пригнаны по фигуре. В новой форме мы выглядели старше. Но как ни шла она нам, суворовская – роднее. С ней жалко было расставаться. Наши чувства переданы в стихе суворовца Бориса Суздальцева:

*Лагеря и парады и Суворова бьют,
Увольнения, наряды — вам в любви признаюсь!
Мы не вечны, конечно, но с тех юных времён
Помнят плечи кадетов тяжесть алых погон.*

Прощание с училищем проходило под Калинином, в летнем лагере на реке Тверце. Наш выпуск был первым в стране. Поэтому в Калинин приехало много журналистов. В том числе из “Огонька”. Они нас снимали в классах и на отдыхе. Даже была снята верховая игра – “бой с султанчиками”. Фотографировал известный на всю страну Дмитрий Бальтерманц. Многие из нас хотели получить фотографию верхом в кавалерийском строю.

Мы все волновались, предстояла Присяга. Нам выдали боевые карабины. Наконец, слышится долгожданная команда: “Училище! В линию взводных колонн, поротно, в колоннах по четыре, становись!”

В считанные минуты бурлящая ребячья ватага обрела сначала размытые контуры, а потом вдруг преобразилась в чёткий рисунок, состоящий из чёрно-белых квадратов, построенных в “каре”. Летняя форма суворовцев – белые гимнастёрки, фуражки в белых чехлах и чёрные брюки “на выпуск” с красными лампасами. Только два квадрата на правом фланге – защитного цвета. Это мы, рота выпускников, и военный оркестр. Несколько в стороне на отдельной площадке стояли приглашённые – пресса, преподаватели, представители власти города. На трибуне – начальник гарнизона города Калинина дважды Герой Советского Союза, герой Сталинградской битвы генерал-лейтенант А. И. Родимцев.

На привычную команду: “Р-рав-ня-яйсь!”, отлаженным движением откликнулись шеренги парадного строя выпускников: наши головы мгновенно повернулись в сторону правофлангового, который, впрочем, не шелохнулся. Только едва уловимо подал корпус вперёд. Но все колонны сразу отследили его движение: сказалась многолетняя выучка предпарадных тренировок. Захватывающая дыхание пауза... И вдруг, хотя её ждали все, команда, рвущая мальчишечье сердце: – “Под Зна-а-мя!!! Смирно! Товарищи офицеры!..” Блеснули клинки шашек офицеров, которые мастерски вскинули их “под высь”.

– Для встречи спра-ава! Слу-ша-ай! На кр-ра-ул!

Рассекая воздух, шашки салютовали вниз. Одновременно за ними последовал дробный удар. Карабины буквально летят вверх и застывают у груди. Чтобы было эффектнее, мы предварительно несколько вывинтили из гнезд шомпола карабинов. Под торжественный марш оркестра, под дробь барабанов вынесено Боевое Знамя училища. Знамя, которое нам было вручено в огненном сорок третьем. В том 1943 году начальник училища генерал-майор В. А. Визжилин после возвращения из госпиталя, в котором он находился по причине тяжёлого ранения, принял Знамя и, приклонив колено, поцеловал его.

В заключение хочется сказать, что синонимом элитного военного образования во всём мире считается обучение мальчиков в учебных заведениях закрытого типа. В них даётся не только образование, но и продуманное воспитание, основанное на опыте поколений и соблюдении проверенных жизнью традиций. В этом смысле подготовка мальчиков в СВУ к военной службе проводилась на базе лучшего отечественного и зарубежного опыта.

По прошествии многих лет мы гордимся своими училищами, их историей и традициями. Сотни воспитанников КлСВУ и сейчас несут нелёгкую службу в войсках у локаторов, на командных пунктах и в боевых рубках, охраняя покой и мирный труд россиян. Многие из них воевали за рубежом в горячих точках. Только через Афганистан прошло более 750 наших выпускников. Среди них губернатор Московской области Герой Советского Союза генерал-полковник Борис Громов и погибший в бою Герой Советского Союза старший лейтенант Владимир Задорожный.

Репутацию Суворовских военных училищ составили, наряду с командующими войсками военных округов Героями Российской Федерации генерал-полковником В. В. Булгаковым и генерал-полковником Г. П. Касперовичем, такие люди, как дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт В. Джанибеков, Герой Российской Федерации министр иностранных дел Российской Федерации (1998–2004 гг.), секретарь Совета Безопасности (2004–2007) доктор исторических наук И. С. Иванов, народный артист РФ Герард Васильев, киносценарист Геннадий Шпаликов. А сколько суворовцев среди начальников штабов главкоматов, заместителей главкомов, учёных и деятелей культуры. Назвать всех просто не представляется возможным.

... В нынешней обстановке, когда тысячи российских мальчишек остались без родителей, разговор о суворовских (нахимовских) военных училищах, военных лицеях и кадетских корпусах как никогда актуален. Военные заведения с закрытым пансионатом для воспитанников могли бы стать их домом и спасти сирот от влияния улицы и криминала. Необходимо решение на самом высоком уровне. В “Наказе” Екатерины II о системе образования есть такие слова: “При специальном обучении, должно быть общее воспитание... это дело должно взять в свои руки САМО ГОСУДАРСТВО”. Согласитесь, эти слова актуальны сейчас, как никогда.

ДМИТРИЙ НЕЧАЕНКО

“ДВЕНАДЦАТЬ” КАК СНОВИДЧЕСКАЯ МИСТЕРИЯ

*Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров¹.*

А. Блок

*Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?..*

А. Блок, “Возмездие”

С первого дня появления в печати² поэма “Двенадцать” вызвала настолько противоречивые отклики и оценки, что разделила интеллигенцию на два противоположных, едва ли не враждебных лагеря, в одном из которых это неожиданное по форме и загадочное по смыслу произведение было, вслед за самим Блоком³, безоговорочно признано гениальным, а в другом – гневно заклеяно как чудовищное и кощунственное, свидетельствующее об упадке некогда всеми почитаемого поэтического гения и “предательстве” поэтом былых идеалов. Среди первых наиболее характерных откликов на выход поэмы – диаметрально противоположные высказывания: от “Двенадцать” вещь пронзительная, кажется, единственно значительная из всего, что появлялось в области поэзии за революцию⁴ или “самое сильное до сих пор отражение революции в литературе”⁵ до “слово скучающего барина”⁶ или “страшное кощунство, свидетельствующее о босячестве духовном!”⁷. Со временем полярность оценочных суждений о “Двенадцати” только усилилась. В статье Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре”, напечатанной в журнале “Наш путь” вместе с повторной публикацией “Двенадцати”, поэма охарактеризована как пророчество о пришествии “нового мира”, несущего полное – “физическое, социальное, духовное – освобождение человечества”⁸. 10 апреля 1918 г. в вечерней газете “Новые ведомости” З. Н. Гиппиус (Антон Крайний) опубликовала литературный фельетон “Люди и не люди”, в котором о представителях художественной интеллигенции, ставших сотрудничать с большевиками (А. Блоке, А. Н. Бенуа, С. Есенине), было сказано: “Они не ответственные. Они – не люди”⁹. В это страшное и кровавое время Гиппиус, как видно, предпочитала уже не вспоминать, что в пору ещё совсем недавней смуты 1905–1907 гг. она печатала свои революционные филиппики и инвективы, направленные против царя и правительства под совсем другим псевдонимом – “Товарищ Герман”¹⁰. В апреле 1918 г. Гиппиус написала посвящённые Блоку стихи (с эпиграфом “Дитя, потерянное всеми...”), которые заканчивались строками: “Я не прощу.

Душа твоя невинна. / Я не прощу ей — никогда”¹¹. 10 мая 1918 г. эсеровская газета “Дело народа” в заметке “Тоска по “сретенью” сообщила, что Фёдор Со-логуб, Владимир Пяст и Анна Ахматова заявили о своём отказе участвовать в назначенном на 13 мая вечере литературного кружка “Арзамас”¹², поскольку в программе было объявлено первое публичное чтение “Двенадцати”¹³. 3 октября того же года, встретившись с Блоком в петроградском трамвае, Гиппиус сообщила поэту, что, хотя их “личные” дружеские отношения остаются, как прежде, неизменными, “общественно” все “мосты” между ними после “Двенадцати” навсегда “взорваны”¹⁴ (впрочем, находясь в городе на Неве, можно было бы, пожалуй, выразиться менее пафосно и более точно — “разведены”).

В январе 1922 г. в первом советском “толстом” литературном журнале “Красная новь” появилась статья “Символист Блок”, автор которой С. П. Бобров (эпигон символизма и футуризма, сотрудник литературного отдела Наркомпроса) ничтоже сумняшеся объявил: “Знаменитые “Двенадцать” фактически писаны покойником. Только до конца опустошённое сердце в ответ на такие страсти человеческие могло соорудить эту стилизованную под мещанские романсики Глинки и современные частушки безделушку, отлакированную с таким тщанием, что так до сих пор и не разобрать: о чём говорит автор? <...> неинтересный пустячок, горькая безделушка”¹⁵. Год спустя в том же издательстве “Красная новь” вышла из печати книга Л. Бронштейна (Троцкого) “Литература и революция”, краткое резюме из которой касательно “Двенадцати” на долгие годы стало непререкаемой догмой советского блоковедения и почти без изменений вошло в школьные учебники: “Поэма эта есть, бесспорно, высшее достижение Блока. В основе — крик отчаяния за гибнущее прошлое, но крик отчаяния, который возвышается до надежды на будущее, на победу над старым миром. Блок услышал это и принял, и приятие революции выразил в наивозможно крайних образах, чтоб уж отрезать все мосты отступления. Поэма “Двенадцать” останется навсегда”¹⁶. Апофеозом подобного краснбайства стали в СССР статьи и книги о Блоке В. Н. Орлова, писавшего: “Двенадцать” — наивысшее творческое достижение Блока. Никогда раньше Блоку не удавалось писать так свободно и просто. Проникающий поэму революционно-романтический пафос определил и её художественную природу. В самих её ритмах и интонациях, в напряжённости и прерывистости её стихового темпа отозвался шум крушения старого мира, который Блок услышал физически, слухом (! — Д. Н.). Для Блока Христос издавна существовал как художественный образ-символ, знаменующий бунтарское, освободительное начало. Блок привлёк образ Христа в качестве символа того нового мира, во имя которого герои поэмы творят справедливое историческое возмездие над старым миром и крепко держат свой революционный шаг. Буржуазная эстетская критика ничего не поняла в “Двенадцати” как в произведении искусства. Советская общественность по достоинству оценила революционный порыв поэта, высказала ему своё сочувствие и оказала моральную поддержку. Бесспорное влияние оказала поэма Блока и на Демьяна Бедного, и на многих других поэтов советской эпохи”¹⁷. Не менее показательны в данной связи и псевдоглубокомысленные литературоведческие суждения о Блоке Корнея Чуковского: “Я назвал его поэму “Двенадцать” гениальной. В “Двенадцати” высший расцвет его творчества, которое — с начала до конца — было как бы приготовлением к этой поэме. “Двенадцать” — национальная поэма о России. В поэме “Двенадцать” такая вера в свой народ, в неотвратимость его высоких судеб, что поэт и сквозь хаос видит красоту ослепительную. Он уже давно, много лет, сам того не подозревая, был певцом революции — фантастической, невозможной, немислимой. Что же ему было и петь, как не родную ему революцию? Часто он и сам не понимал, что такое у него написалось, анафема или осанна. Христос ему всегда являлся и антихристом. Развенчивая жизнь, Блок всё больше становился художником. Его тоска вселенская. Его душа была тяжела для него, он нёс её через силу — как тяжесть. В ней никакой портативности, лёгкости. Он — Лермонтов нашей эпохи. Читая его, мы забывали следить за ухищрениями его мастерства. Его изумительная техника изумительна”¹⁸.

Среди наиболее авторитетных писателей-эмигрантов мнения о “Двенадцати” тоже не отличалось особым разнообразием. “Почти гениальная, но кошунственная вещь”, — отозвался о поэме Н. А. Бердяев¹⁹. В “Петербургских зимах” Георгия Иванова, всегда обладавшего, казалось бы, безошибочным музыкальным (в блоковском смысле) слухом, можно прочесть то же самое:

“Левый эсер Блок написал “Двенадцать”, где во главе красногвардейцев, идущих приканчивать штыками Россию, поставил — “в снежном венчике из роз” Христа! Кошунственная, прославляющая Октябрьский переворот поэма. За создание “Двенадцати” Блок расплатился жизнью. Это не красивая фраза, а правда. Блок понял ошибку “Двенадцати” и ужаснулся её непоправимости. Как внезапно очнувшийся лунатик, он упал с высоты и разбился. В точном смысле слова он умер от “Двенадцати”, как другие умирают от воспаления лёгких или разрыва сердца”²⁰. Не пощадила былого близкого друга и Зинаида Гиппиус, выпустив в него острое критическое жало в мемуарном очерке “Мой лунный друг” (1922): “Сомнений не было: Блок с ними (т. е. с большевиками — Д. Н.). Большевики — друзья Блока. Ведь это же с ума сойти! Это забывают обыкновенно, а это надо помнить: большевики — позор России, не смываемое с неё никогда пятно, даже страданиями и кровью её праведников не смываемое. Поэма “Двенадцать”, неожиданно кончающаяся Христом, ведущим 12 красногвардейцев-хулиганов, очень нашумела. Нравилось, что красногвардейцев 12, что они как новые апостолы. Целая литература создавалась об этих “апостолах” ещё при жизни Блока. Большевики с удовольствием пользовались “Двенадцатью”: где только не болтались красные тряпки с надписью: “Мы на горе всем буржуйам Мировой пожар раздуем!” Видали мы и более смелые плакаты из тех же “Двенадцати”: “Эй, не трус! Пальнём-ка пулей в святую Русь!” Не хотелось даже и слышать ничего о Блоке. А думалось часто. Собственно, кошунство “Двенадцати” ему нельзя было ставить в вину. Он не понимал кошунства. И, главное, не понимал, что тут чего-то не понимает. При всей значительности Блока, при его внутренней человеческой замечательности, при отнюдь не лёгкой, но тяжёлой и страдающей душе, Блок был безответственен”²¹. В очерке “Третий Толстой” (1949) И. А. Бунин, и без “Двенадцати” не особо почитавший Блока, дал наконец вольную своей неприязни: “Блок открыто присоединился к большевикам, а Блок человек глупый. Что до “Двенадцати”, то это произведение и впрямь изумительно, но только в том смысле, до чего оно дурно во всех отношениях. Блок нестерпимо поэтический поэт, у него, как у Бальмонта, почти никогда нет ни одного словечка в простоте, всё сверх всякой меры красиво, красноречиво, он не знает, не чувствует, что высоким стилем всё можно ополщить. Но вот после великого множества нарочито загадочных, почти сплошь совершенно никому не понятных, литературно выдуманных символических, мистических стихов, он написал наконец нечто уже слишком понятное. Ибо уж до чего это дешёвый, плоский трюк! “Двенадцать” есть набор стишков, плясовых частушек, претендующих быть чем-то в высшей степени русским, народным. И всё это прежде всего чертовски скучно бесконечной болтливостью и однообразием всё одного и того же разнообразия, надоедает несметными ай, ай, эх, ах, ой, тратата, трахтатах... Блок задумал воспроизвести народный язык, народные чувства, но вышло нечто совершенно лубочное, неумелое, сверх всякой меры вульгарное. Как не вспомнить того, что говорил Фауст, которого Мефистофель привёл в “Кухню Вельд”: “Как будто хором чушь городит / Сто сорок тысяч дураков!”²².

Небезынтересно, что и в Советской России отношение к Блоку после “Двенадцати” в определённых интеллигентских кругах (которые принято именовать “внутренней эмиграцией”) стало резко негативным. Так, поэт Иван Елагин в своей автобиографической поэме “Память” вспоминал, что в 1934 г. видел над письменным столом Даниила Хармса почётный список тех мастеров искусств, о которых в доме Ювачёвых было принято говорить “с полным уважением” и придыханием. В этом списке были и Н. В. Гоголь, и А. С. Грин, и композитор И. С. Бах, не было только А. Блока. На вопрос юного Елагина (для которого, по его словам, “Блок был и царь и бог”), почему в списке отсутствует имя автора “Двенадцати”, Д. Хармс дал весьма резкий ответ (“рубнул сплеча”): “Блок — на оборотной стороне той медали, на которой рыло Лебедева-Кумача!”²³.

Если же обратиться к суждениям действительно серьёзным, беспристрастным и вдумчивым, то в них мы обнаружим немало обострённых временем противоречий. Так, если в 1929 г. Г. В. Адамович писал о “Двенадцати”, — “никогда ничего не было в нашей литературе более созвучного эпохе, чем блоковская поэма. Оттого она и произвела при появлении своём такое ошеломляющее впечатление”²⁴, “и мне в те годы параллель “Медный всадник” — “Двенадцать” не казалась преувеличенной”²⁵, — то спустя восемь лет, а затем

и четверть века существенно пересмотрел свою оценку, не только согласившись с вышеприведённым мнением С. Боброва²⁶, но и дополнив его ещё более обидно-высокомерным комментарием: “Конечно, “Двенадцать” – явление решительно ненормальное. Возникнуть оно могло лишь в бреде, когда всё перемешалось, всё летит к чёрту – и остаются для сознания “последние вещи”. При появлении “Двенадцати” блоковскую поэму сравнивали с пушкинской и без колебания приписывали ей одинаковое значение в нашей литературе. Было действительно в ней что-то опьянявшее, затруднявшее беспристрастный анализ, – кто же станет это отрицать? Но поэма выдохлась. Она насыщена злободневностью и потому увяла, обветшала. В ней нет, – как бывало в лучших стихах Блока, – второго, подводного течения, не говоря уже о волнах таинственной и вещей музыки, поднимавшейся когда-то из глубин его сознания. Всё ясно, нечего перечитывать. Остроумно, в особенности начало, но как-то непривычно мелко, бойко, чуть-чуть плоско и светливо, и как ещё раз не вспомнить Пушкина: “служенье муз не терпит суеты...” Уверен ещё и в другом: поэма “Двенадцать” если в нашей литературе и останется, то к сокровищам её причислена не будет. Былые страсти улягутся. Да в сущности, улеглись они уже и теперь: кто же, в самом деле, станет теперь выискивать в этом ряде набросков, в этих горьких, растерянных и сбивчиво-живописных вариациях на Октябрьские темы какую-либо политическую идею? Будет, вероятно, признано, что поэма искусно написана. Но того, что в истинной и бессмертной поэзии утоляет духовную жажду человека, – как в мире физическом ледяное, горное, прозрачно-бездонное озеро, – этого будущего в “Двенадцати” не найдёт”²⁷. Что и говорить, редкая для Адамовича бесцеремонность и даже стилистическая неопрятность: “в мире физическом”, как известно, жажда обыкновенно утоляется посредством водопроводного крана или в наилучшем случае просто колодезя, а “ледяные и горные прозрачно-бездонные озёра” – это всё же рулады из репертуара Мирры Лохвицкой и Семёна Надсона. Как бы там ни было, вопреки снисходительному скепсису общепризнанного эмигрантского “златоуста”, ремесло литературоведа как раз и обязывает “выискивать” в “искусно написанных поэмах” (тем более “насыщенных злободневностью”) и художественную, и “политическую идею”, и “второе подводное течение”, “не говоря уже о волнах таинственной и вещей музыки, поднимавшейся когда-то из глубин”, – если, разумеется, то были действительно волны, а не сонная поверхностная рябь. “Выискивание” такого рода – цель и задание настоящей работы.

На самой заре советского литературоведческого “формализма”, во времена ОПОЯЗа, появились две работы, сосредоточившие основное внимание не на содержании и смысле художественного произведения, а на его внешней, формальной структуре: прежде всего не на том, “что”, а на том “как”. Соответственно и озаглавлены эти работы: “Как сделана “Шинель” Гоголя”²⁸ (1918) Б. М. Эйхенбаума и “Как сделан “Дон Кихот”²⁹ (1921) В. Б. Шкловского. Бесплодные споры о “формализме” и “социалистическом реализме” давно утихли и канули в Лету, бесспорной осталась классическая формула эстетики, согласно которой “форма в литературе неотделима от содержания, как в живописи или в скульптуре. Она сама по себе составляет часть истинного содержания, которое не может быть подменено идеями, пришитыми к произведению, но не прямо из него возникающими. Творческий акт заключается прежде всего в видении художника. Произведение есть объективация этого видения. Идея произведения возникает на пересечении реального мира с увиденным, преображённым. В том, как видится мир художнику, уже заключается философствование художника. Приём (форма) вскрывает метод преображения. Не пережив форму вместе с художником, нельзя пережить произведение, нельзя его понять. Критик, отказывающийся или не умеющий вникнуть в форму, отказывается или не умеет по-настоящему прочитать произведение”³⁰. Содержание и форма художественного произведения, таким образом, могут рассматриваться только в своей взаимообусловленности и целостности, так сказать “целокупности”, если воспользоваться излюбленным мыслеобразом О. Э. Мандельштама. И тем не менее, главное, что поразило первых читателей поэмы “Двенадцать” – это не её содержание и смысл (за исключением финального Образа “в белом венчике из роз”), а, прежде всего, её неожиданная литературная форма: необычная композиция, стилистика, частая смена ритма, сочетание лиризма и пафоса с частушечным балагурством, сатирой и пародией.

Когда первые страсти вокруг публикации поэмы улеглись, тот же Мандельштам к годовщине со дня смерти Блока опубликовал небольшую статью “А. Блок” (1922), озаглавленную позже “Барсучья нора”. В черновых набросках и фрагментах, не вошедших в публикацию, художественное новаторство поэмы характеризуется так: “Самое неожиданное и резкое из всех произведений Блока — “Двенадцать” — не что иное, как применение независимо от него сложившегося и ранее существовавшего литературного канона, а именно частушки. Поэма “Двенадцать” — монументальная драматическая частушка. Центр тяжести — в композиции, в расположении частей, благодаря которому переходы от одного частушечного строя к другому получают особую выразительность, и каждое колено поэмы является источником разряда новой драматической энергии, но сила “Двенадцати” не только в композиции, но и в самом материале, почерпнутом непосредственно из фольклора. Здесь схвачены и закреплены крылатые речения улицы, нередко эфемериды-однодневки вроде “у ей керенки есть в чулке”, и с величайшим самообладанием вправлены в общую фактуру поэмы. Фольклористическая ценность “Двенадцати” напоминает разговоры младших персонажей в “Воине и мире”. Независимо от различных праздных толкований, поэма “Двенадцать” бессмертна, как фольклор”³¹. Смелое сравнение с толстовским эпосом не покажется чрезмерным, если учесть, что “Двенадцать” в своей художественной “целостности” представляет собой действительно своеобразный революционный эпос, только выразившийся, “сказавшийся” не в объёмистом многостраничном фолианте, а в более демократичной, понятной всем и каждому форме просторечного, площадного, ярмарочного вертепа, раёшника, частушечника, лубка. Мысль о формальной новаторской особенности “Двенадцати” как “эпической”, “монументальной частушки” повторил впоследствии и В. Шкловский³². Для нас же в данном случае важна художественная пронизательность Мандельштама, дважды акцентировавшего свою догадку о том, что “Двенадцать” — не просто “развёрнутая” эпическая частушка с политическим подтекстом, а произведение, насыщенное “новой драматической энергией”, т. е. не “просто” поэма, а своего рода сценарий театрализованного, драматического действия с элементами гротеска (“старушка, как курица”, “буржуй, как пёс голодный”), цирковой буффонады (“вот барыня в каракуле к другой подвернулась и — бац — растянулась!”), бурлески (“И у нас было собрание”, — говорят питерские проститутки, намекая на Собрание Учредительное, — “обсудили — постановили: на время — десять, на ночь — двадцать пять, и меньше — ни с кого не брать”), фарса (в фарсе как жанре народной комедии фигурируют не индивидуализированные характеры, а традиционные типы-маски) и трагифарса (“А Катенька где? — Мертва, мертва! / Простреленная голова! / Что, Катька, рада? — Ни гу-гу... / Лежи ты, падаль, на снегу!”). В этом драматизированном действе лиричная мелодия городского романа (“Не слышно шуму городского, / Над невской башней тишина...”) соседствует с чеканным ритмом революционного марша (“В очи бьётся / Красный флаг. / Раздаётся / Мерный шаг. / Вперёд, вперёд, / Рабочий народ!”), а плясовой мотив уличной гулянки (“Эх, эх, попляши! / Больно ножки хороши! / Эх, эх, согреси! / Будет легче для души!”) с утробным воем плакальщика: “Ох ты, горе-горькое! / Скука скучная, Смертная!” “Плакальщиком”, по словарю В. И. Даля, называли на Руси того, “кто много плачется на свою судьбу”, а “плакальщицей” или “плачейей” — женщину, которая на похоронах по найму воеет и причитает по покойнику, или запекает на девичнике заплачки по выходящей замуж невесте. “Двенадцать”, можно сказать без особого преувеличения, — это своего рода надрывный плач поэта по безвозвратно уходящей великой, святой, самодержавной Руси, подвергшейся губительному нашествию большевических вандалов: “Ох ты, горе-горькое!.. Скука скучная, смертная!.. Упокой, Господи, душу рабы твоя...” Известный памятник русской литературы XIII века “Слово о погибели Русской земли” — из этого же ряда безутешных “плачей”: “О, светло-светлая и красно украшенная земля Русская! Ныне настало страдание христианам”³³. Как отмечают исследователи древнерусской письменности, по поэтической структуре и в художественном отношении “Слово о погибели Русской земли” близко к “Слову о полку Игореве” с его трагическим “плачем Ярославны”³⁴. Особенность блоковского “плача” в том, что он подобен сбивчивому причитанию при всём честном народе юродивого, когда истинный крик души (“Ох, Матушка-Заступница! Ох, большевики загонят в гроб!.. Погибла Россия!.. Уж мы плакали, плакали...”)

заглушается отчаянным ёрничаньем и балагурством: “Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста! / Тра-та-та! / Эх, эх! / Позабавиться не грех! / Запирайте этажи, / Нынче будут грабежи! / Отмыкайте погреба / – Гуляет нынче голытьба!.. / Уж я семячки / Полушу, полушу... / Уж я ножичком / Полосну, полосну!..” Так пушкинский юродивый Николка-железный колпак в “Борисе Годунове” сперва безучастно несёт какую-то околесицу (“Месяц светит, котёнок плачет... А у меня копейка есть”), а затем горько плачет и сквозь слёзы неожиданно выпаливает в лицо самому царю всю “правду-матку”: “Зарезал ты маленького царевича... нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит”. Очень гоголевский по сути “приём”, когда надрывный “плач” по людям с мёртвыми душами (“И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться!.. обратился в какую-то прореху на человечестве”), по России (“Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе... Но какая же непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают, и стремятся в душу, и вьются около сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? Русь, куда ж несёшься ты? дай ответ...”) парадоксально сочетается с искромётным, карнавальным комизмом. Гоголь как никакой другой художник слова чувствовал, что сильнее всего впечатляет и ранит сердце безутешный плач сквозь смех и сдержанная усмешка сквозь слёзы³⁵. Собственно, это имел в виду Достоевский, когда говорил, что по законам трагикомического жанра “в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия” и – наоборот. Читай Бунин повнимательнее и непредвзято самое начало “Двенадцати”, он бы наверняка воздержался от скоропалительных суждений (“это дешёвый, плоский трюк”), а заметил бы поразительное художественное сходство между 1-й главой поэмы Блока и первой дневниковой записью своих “Окаянных дней” – сходство, заключающееся в передаче абсолютно одинаковой атмосферы безысходности и отчаяния, охватившей всех здравомыслящих людей, угодивших в самое полымя “мирового пожара”, раздутого большевиками с помощью взбесившейся черни, ринувшейся громить, грабить и убивать в полной уверенности, что это и есть наконец долгожданная “свобода”. Начиная “Окаянные дни” записями от 1 и 7 января 1918 года и изображая картину охваченной революционной смутой Москвы, Бунин пишет: “Кончился этот проклятый 1917-й год. Но что дальше? Может, нечто ещё более ужасное. Даже на верное так. А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, – кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит: “Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет...” Бодро, с весёлой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше. Нынче опять такая же встреча, – Сперанский из “Русских ведомостей”. А после него встретил в Мерзляковском переулке старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала: “Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться? Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала!..” Был на заседании “Книгоиздательства писателей”, – огромная новость: “Учредительное собрание” разогнали!..”³⁶.

Блок впервые о начале работы над поэмой “Двенадцать” упоминает в записной книжке, в заметке от 8 января 1918 г.: “Весь день – “Двенадцать”. Убиты (в больнице) Шингарёв и Кокошкин. Слухи об убийстве Родичева, Чернова. Слух об убийстве М. И. Терещенко... Внутри дрожит”³⁷. А вот картина революционного Петрограда из начала поэмы:

*Чёрный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек <...>
От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию!”
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймёт, что значит,*

*На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...*

*Старушка, как курица.
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!*

*А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...*

*Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали <...>*

*Ветер весёлый
И зол, и рад <...>
Рвёт, мнёт и носит
Большой плакат:
“Вся власть Учредительному Собранию” <...>*

*Чёрное, чёрное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Чёрная злоба, святая злоба...*

Гуляет ветер, порхает снег...

Самое время задаться наконец сакраментальным “опоязовским” вопросом: так как же всё-таки со стороны формальной художественной структуры “сделаны” “Двенадцать”? Неужели только (пусть даже и мастерски стилизованные под городской фольклор) частушки и просторечные “эфемериды-однодневки” про “керенки” в Каткином чулке произвели на первых читателей поэмы то самое “опьянявшее, затруднявшее беспристрастный анализ” впечатление, о котором даже спустя четверть века с невольным трепетом вспоминал Адамович?

Для ответа на этот вопрос следует уяснить прежде всего главное: Александр Блок, будучи гениальным поэтом и историческим прозорливцем, но не слишком дальновидным историческим мыслителем и к тому же агностиком³⁸, тем не менее создал, благодаря уникальному творческому дарованию, единственную в своём роде поэтическую мистерию о крахе самодержавной России — поэму “Двенадцать”. Оставляя в основном за скобками и лишь отчасти комментируя ниже её политический подтекст, зададимся сперва “простым” литературоведческим вопросом: по каким же архетипическим принципам эстетике было создано это необычное произведение? Основных таких принципов можно определить как минимум четыре: мифологический, мистериальный, *commedia dell'arte* и народный вертеп, или театр марионеток. Принято считать, что интерес к философской и эстетической концепции “марионеточного театра” начался в Европе благодаря драматургии М. Метерлинка, жанровую форму пьес которого “Непрошенная” (1890), “Слепые” (1890), “Там внутри” (1894) и “Смерть Тентажиля” (1894) сам автор охарактеризовал как “театр марионеток”. Однако это верно лишь отчасти, поскольку ещё в 1874 г. итальянский журнал “*Nazione*” опубликовал монографию выдающегося историка театра Пьетро Ферриньи “История театральных кукол”, переведённую на русский язык и изданную в сокращённом виде в 1913 г. в Санкт-Петербурге и в 1914 г. в Москве под заглавием “История марионетки”³⁹. Не прошло мимо этой темы

и наше отечественное театроведение: в 1895 г. в 1-й книге “Приложения к “Ежегоднику императорских театров” было опубликовано исследование академика В. Н. Перетца “Кукольный театр на Руси (исторический очерк)”. В 1905–1916 гг. были изданы также работы о кукольном театре Н. Н. Виноградова⁴⁰, украинского писателя И. Я. Франко⁴¹ и украинского театроведа А. Кисиля⁴². Эстетические идеи Метерлинка оказались близки английскому режиссёру и реформатору театра Гордону Крэггу, автору книги “Искусство театра” (1905). Крэгг был влюблён в кукольный театр, коллекционировал кукол из разных стран мира и ритуальные маски, издавал журналы “Марионетка” и “Маска”. С 1912 по 1914 г. в журнале “Маска”, издававшемся во Флоренции (где Крэгг возглавлял театр “Арена Гольдони”), отдельными главами печаталась вышеупомянутая книга П. Ферриньи. По мнению одного из театроведов⁴³, хорошо знаком был Крэгг и с эссе немецкого романтика Г. фон Кляйста “О театре марионеток”. В 1907 г. вышли программные статьи Крэгга “Артисты театра будущего” и “Актёр и сверхмарионетка”, а в следующем, 1908 г., К. С. Станиславский пригласил Крэгга в МХТ для постановки шекспировского “Гамлета”, премьеры которого состоялась 23 декабря 1911 г. Как отметил культуролог Л. Е. Кертман, “выдвинув принцип актёра-”сверхмарионетки”, в совершенстве владеющего пластикой, ритмом, голосом и к тому же абсолютно подчинённого режиссёрскому замыслу, Крэгг вместе с тем предоставлял ему право вносить и свой творческий вклад (потому-то он не просто кукла или марионетка, а сверхмарионетка) в развитие образа, но только в том направлении, которое предусмотрено режиссёрским прочтением пьесы. А это прочтение ориентировало актёров на создание не индивидуального, неповторимого образа драматического героя, а на сверхличное, обобщённое выражение некой абстрактной сущности⁴⁴, или, можно сказать, квинтэссенции характера того или иного сценического персонажа. “Надо играть не осла, а сущность осла, ослиность”⁴⁵, – такова наиболее лаконичная и ясная эстетическая установка Крэгга⁴⁶, созвучная главным принципам символизма.

Один из персонажей комедии Шекспира “Как вам это понравится” (1600) Жак произнёс некогда со сценических подмостков монолог, задолго до рождения модернистского театра предвосхитивший его основные эстетические принципы:

*Весь мир — театр;
В нём женщины, мужчины, все — актёры;
У каждого есть вход и выход свой,
И человек один и тот же роли
Различные играет в пьесе, где
Семь действий есть. Сначала он ребёнок
<...> затем — плаксивый школьник <...>
затем любовник он <...> затем
он воин <...> Затем уж он чиновник-судия
с почтенным животиком <...>
В шестом из этих действий
Является он тощим паяцем⁴⁷ ...*

“Седьмое действие” жизненной комедии каждого человека, по Шекспиру – впадение в детство: “Есть новое младенчество – / Пора беззубая, безглазая, без вкуса, / Без памяти малейшей, без всего”. И “Венецианский купец” (1596) Антонио сетует: “Мир – сцена, где у каждого есть своя роль; моя – грустна”. Многие культурологи и теоретики искусства, к месту и не к месту употребляя шекспировскую фразу о том, что “весь мир – театр и люди в нём – актёры”, считают великого английского драматурга первооткрывателем этой сакраментальной истины. Однако это не так. Обратившись к дошедшим до наших дней фрагментам сочинений древнегреческих философов, мы можем убедиться в том, что в той или иной форме аналогичные мысли высказывались ещё в VI–V вв. до н. э. “Бессмертные смертны, смертны бессмертны, одни живут за счёт смерти других, за счёт жизни других умирают <...> Век – дитя играющее, кости бросающее, дитя на престоле”⁴⁸, – писал Гераклит Эфесский. Первым употребивший слово “философ” и назвавший своё учение “философия” (любомудрие), а не “софия” (мудрость), Пифагор

Самосский говорил ученикам: “Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть на всё это; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы – до единой только истины”⁴⁹. “Мы – куклы, а небо – кукловод. Это – действительность, а не аллегория. Мы поиграем на ковре бытия и снова попадём в сундук небытия один за другим”⁵⁰, – писал Омар Хайям. Но самую стройную философско-мифологическую концепцию человеческой жизни как “кукольной трагедии” обосновал Платон в своём последнем сочинении – диалоге “Законы” (IV в. до н. э.), произведении настолько пессимистическом и отчаянном, что А. Ф. Лосев назвал его даже “философским самоубийством”⁵¹, а В. С. Соловьёв заметил: “По содержанию своему сочинение о “Законах” есть прямое отречение от Сократа и от философии <...> Какая глубочайшая трагическая катастрофа, какая полнота внутреннего падения!”⁵². Нам уже приходилось отмечать, что прежде нежелали увлечься соловьёвской “софиологией”, свои юношеские занятия философией Блок начал именно с изучения Платона. Философия Платона с самого начала творческого пути влекла и самого В. С. Соловьёва, университетским учителем которого был П. Д. Юркевич, автор исследования “Разум по учению Платона и опыт по учению Канта”⁵³. Именно под несомненным влиянием Юркевича, как отметил А. Ф. Лосев⁵⁴, Соловьёв занялся серьёзным изучением Платона и до конца жизни работал над переводами его сочинений на русский язык.

Коротко суть размышлений Платона касательно “кукольной трагедии” человеческой жизни сводится к следующему: “Мы, живые человеческие существа – это чудесные куклы богов, сделанные ими для забавы; каждый из нас имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание. К ним присоединяются ещё мнения относительно будущего, общее имя которым надежда. Внутренние наши состояния, точно шнуры или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока <...> Я утверждаю, что человек – это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь играя в прекраснейшие игры <...> Каждый должен как можно дольше и лучше провести свою жизнь в мире. Так что же, наконец, правильно? Надо жить играя. Что же это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах <...> Правда, человеческие дела не заслуживают особых забот; но всё же необходимо о них заботиться, хотя счастья в этом нет <...> ведь люди в большей своей части куклы и лишь немного причастны истине”⁵⁵. Парафразы этой печальной платоновской мифологемы о человеке как игрушке богов и слепой судьбы можно найти у многих живших после Платона античных писателей, в частности, у Плавта: “Людьми играют боги, точно мячиком”⁵⁶. Идея о том, что люди – лишь послушные куклы в руках слепой судьбы, а их жизнь – театральное представление, где все роли заранее распределены – детище не только европейской мысли. В 1716 г. японский самурай Ямамото Цунэтомо опубликовал самурайский кодекс чести “Хагакурэ”, что в переводе означает “Сокрытое в листве”. В этом кодексе даны не только правила поведения самурая в обыденной жизни и в бою с врагом, но и изложена определённая философия, ключевым понятием которой является термин “гэн”. “Слово “гэн”, – поясняет Ямамото Цунэтомо, – означает “иллюзия” или “привидение”. В Индии человека, который показывает фокусы, называют “гэндзюцуси”, т. е. “мастер создавать иллюзии”. Всё в этом мире – всего лишь кукольное представление. Вот что значит слово “гэн”⁵⁷. Основная идея трактата Артура Шопенгауэра “Мир как воля и представление” о том, что окружающий нас феноменальный мир – это не более, чем наше представление о нём (т. е. отчасти “театральное представление”), привидение, иллюзия, Майя, напрямую связан с буддистской и индуистской философией, на которых основана самурайская доктрина. Индусы искренне верят, что не только мир людей и происходящие в нём события, но и вся вселенная представляют собой лишь продукт сновидения некоего Бога – сон Брахмы, творца мира. Стоит Ему проснуться, и вселенная тотчас перестанет существовать, улечитиса, как призрачная грёза”⁵⁸.

Мистерия (от греч. “*mysterion*” – таинство, служба, обряд) как сакральная форма средневековой религиозной драмы, – акцентировано в авторитет-

ных исследованиях, — жанр в высшей степени противоречивый: в нём совмещались и боролись такие противоположные начала, как мистика и реализм, набожность и богохульство, проявление подлинной самодеятельности и официальная подчинённость богослужебным канонам церкви⁵⁹. А. Н. Веселовский главное отличие мистерияльного действия от собственно драмы усматривал в том, что в мистерии фабула состояла из свободно и произвольно соединяемых эпизодов и сцен, отображавших различные сюжеты библейского повествования, перемежавшиеся фарсовыми интермедиями. Характерными особенностями мистерии были одновременность действия, равноправие и переменчивость мизансцен⁶⁰. Как свидетельствует записная книжка Александра Блока 1907 года, поэт приобрёл книгу А. Н. Веселовского “Старинный театр в Европе”, внимательно её прочёл и даже кратко законспектировал, обратив особое внимание на эстетику скоморошества, марионеточности и карнавализации⁶¹. “На развитие мистерии, — отмечают современные историки мистцизма, — существенное влияние оказали народные игрища драматического характера и сценки, разыгрывавшиеся бродячими фиглярами, и школьная драма, унаследовавшая традиции драмы классической; но главные источники средневекового театра — не школа, не хоровод и не балаган, а церковная служба, которая на Западе, при открытом алтаре и при неустойчивости текста богослужбника, допускала драматический элемент в значительно большей степени, нежели служба православная”⁶². Первоначально мистерияльные представления и назывались службами (*officia*), состояли из фрагментов Священного Писания и церковных гимнов и разыгрывались только церковнослужителями (*officiales*) исключительно в церкви и на латинском языке. Постепенно они секуляризировались: священные тексты стали перелagаться в стихи и перемежаться комментариями, затем стали допускаться припевы на родном языке, который со временем вытеснил непонятную простому народу латынь. Параллельно с этим к клирикам постепенно примешались светские актёры, сперва для изображения лиц низких и нечестивых, а затем и всех других. Эволюционировавшая таким образом литургическая драма вышла из помещения церкви на паперть, затем на церковное подворье, а потом и вовсе на городскую площадь, где для представлений стали сооружаться особые подмостки и декорации. Поэтому никакая, самая строжайшая цензура не могла уберечь мистирию от стихийно ворвавшихся в неё житейских, бытовых эпизодов, соседствовавших в действе часто рядом с самыми возвышенными, патетическими и торжественными сценами. Весьма характерна в этом отношении немецкая мистерия о сошествии Иисуса Христа в ад. В этом действе обыденное и божественное переплетались самым причудливым образом, а Спаситель воскресал не в далёкой Палестине, а рядом со зрителями, в том самом городе, где и разыгрывалось представление. Важная особенность мистерии, отличавшая её от прочих религиозных театральных жанров средневековья, заключалась в том, что, несмотря на мощное воздействие церкви, она исподволь стала подлинно массовым, площадным, самодеятельным искусством. Характерными особенностями такого представления были и элементы буффонады и фарса. Само слово “фарс” происходит от искажённого латинского “*farta*” (начинка), превращённого в просторечии в “*farsa*”. Своё наименование фарс получил по той причине, что входил неотъемлемой частью, словно фарш, в “пресное тесто” мистерияльных представлений. Фарсовые сценки были комической или сатирической импровизацией на ту или иную злободневную тему. В текстах-сценариях этих представлений обычно так и писали: “*ici inserer une farce*” (сюда вставить фарс). Зародился фарс в народных масленичных играх и маскарадных действиях, откуда и пришёл в мистерияльные действия, исторический первоисточник которых — литургическая драма на паперти. Наибольшего развития и расцвета мистерияльный театр достиг во Франции.

Другим, наряду с мистерией, распространённым жанром средневекового европейского театра в XIII—XV вв. был миракль (от латин. “*miraculum*” и франц. “*miracle*” — чудо) — стихотворная драма, сюжет которой основывался на рассказе о чуде, совершённом каким-либо святым или Девой Марией. Главная тенденция мираклей — религиозно-дидактическая: в них отстаивались принципы аскетизма, благочестия, покорность предначертанной свыше судьбе, изображалось торжество добродетели над пороком. В 1907 г. Блок перевёл на русский язык миракль французского поэта и драматурга XIII в. Рютбёфа “Чудо о Теофиле”. Премьера спектакля “Действо о Теофиле” состо-

ялась 7 декабря 1907 г. в петербургском “Старинном театре”, основанном Н. В. Дризенем и Н. Н. Евреиновым. Именно с этого спектакля, по свидетельству А. М. Ремизова, и началась столичная слава Евреинова как режиссёра-экспериментатора, получившего в богемной среде прозвище “Остервенелый”, или “демон остервенения”⁶³.

Начало минувшего века – годы (если воспользоваться речением Андрея Белого) “между двух революций” – время интенсивного поиска новых театральных форм и самых рискованных драматургических экспериментов. Не только в кругу близком к символистам, но и вообще среди литераторов “посеребрённого века”⁶⁴, почти каждый отдал дань повальному увлечению театром, поиску новых (сиречь хорошо забытых старых) музыкально-драматургических жанров. Только за четыре года, в период с 1905 по 1909 гг., были созданы драматическая поэма “История рыцаря д’Алесслио” (1905), “пастораль для маскарада” “Два пастуха и нимфа в хижине” (1906), “мимические балеты” “Выбор невесты”, “Опасная предосторожность” (1906) и “Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращённая куртизанка” (1907) М. А. Кузмина⁶⁵, “литургические драмы” (мистерии) “Три волхва” (1907) и “Ярмарка на индикт святого Дениса (Уличный театр)” (1907) Н. Н. Евреинова, “Бесовское действо над неким мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью. Представление для публики с прологом и эпилогом” (1907) и “русалия”⁶⁶ “Алалей и Лейла” (1909) А. М. Ремизова, комические пьесы “Ванька Ключник и паж Жан”⁶⁷ (1908) и “Ночные пляски” (1909) Ф. Сологуба, драмы “Жизнь человека” (1907), “Царь Голод” (1908), “Чёрные маски” (1908) и “Анатэма” (1909) Л. Н. Андреева. Не преминули испробовать свои творческие способности в драматургическом жанре даже такие далёкие, казалось бы, от театра литераторы как сатирик-фельетонист В. П. Буренин (“Комедия о княжне Забаве Путятишне и боярышне Василисе Микулишне”⁶⁸), автор юмористических рассказов Н. А. Тэффи (комедия в стихах “Любовь в веках. История одного яблока”, пьеса “Царица Шамурамат”⁶⁹), поэт К. М. Фофанов (мистерия-поэма “После Голгофы”), З. Н. Гиппиус, написавшая драму “Зелёное кольцо”⁷⁰ и “шутливую мистирию” “Белый чёрт”⁷¹, известный юрист и политический деятель, сподвижник П. А. Столыпина И. Я. Гурлянд (комедии “Уездный Шекспир” и “В сонном царстве”) и даже будущий одиозный нарком просвещения в правительстве большевиков А. В. Луначарский, первую свою пьесу “Королевским брадобрей” (1906) сочинивший в тюрьме, а в 1912 г. издавший в Москве целый сборник пьес “Идеи в масках”.

Уже сами заглавия перечисленных пьес позволяют определить две характерные театрально-эстетические тенденции эпохи: увлечение, с одной стороны, мистерией и символической драмой, а с другой – площадным балаганом, карнавализацией, скоморошеством, стилизацией пьес под традиционные народные забавы и игрища в фольклорном духе. Огромную популярность приобрела в ту пору также позаимствованная В. Мейерхольдом у Г. Крэга концепция “марионеточного театра”, поддержанная кружком литераторов, группировавшихся вокруг журнала “Аполлон”. Идея о человеке как кукле-марионетке, которой по своему произволу вечно играет бесцеремонная Судьба, беспощадный и капризный Рок, витала на рубеже XIX–XX вв., можно сказать, в культурном воздухе эпохи⁷² и стала необычайно популярной, на что тут же откликнулся чутко улавливавший все модные веяния И. Северянин, поместивший в своей стихотворной брошюре “Электрические стихи” гривуазную “новеллу” “Марионетка проказ” (1910).

20 февраля 1916 г. в газете “Речь” была опубликована статья А. Н. Бенуа “Марионеточный театр”, в которой художник, указывая на традиции искусства марионеток за рубежом и в народных театрах России, защищал от нападок критиков эстетики кукольного театра, показавшегося официальным кругам и публике неуместным в годы войны. Бенуа отметил также, что художники его круга (будущий “Мир искусства”) мечтали о создании кукольного театра ещё в начале 1890-х годов. О том, что “марионеточная” идея, подобно оторвавшемуся от ветки листу или дыму осенних костров, своевольно закружилась в тревожном воздухе той предреволюционной эпохи, свидетельствует и лукаво-ироничный заголовок, каким снабдил одну из своих пьес М. А. Кузмин: “Вторник Мэри. Представление в трёх частях для кукол живых или деревянных”. После открытия петербургского литературно-артистического клуба “Бродячая собака” модным жанром стали пьесы для кабаре. Особенно увлѣк-

ся их сочинением М. А. Кузмин, чья “рождественская мистерия” “Вертеп” была поставлена в “Бродячей собаке” в январе 1913 г. Впоследствии, в “Привале комедиантов”, Кузмин представил публике драматическую сказку “Зеркало дев” и другие свои “пьесы для кабаре”. Не случайно Н. Соловьёв (Вольдемар Люциниус) назвал “Бродячую собаку” и “Привал комедиантов” “театрами подземных классиков”⁷³. Именно на этих неофициальных, экспериментальных сценических площадках, как верно отметил М. С. Петровский, “азартно возрождалась *commedia dell'arte* и кукольные марионеточные зрелища”⁷⁴. В 1908 году в Петербурге актриса З. В. Холмская и её муж, критик и режиссёр А. Р. Кугель, основали театр пародийных (пародировалась в основном литературная классика) и сатирических миниатюр “Кривое зеркало” (название заимствовано из заглавия одного из ранних рассказов А. П. Чехова). Художественным руководителем “Кривого зеркала” в 1910 г. был приглашён Н. Н. Евреинов, после того как организованный им в 1909 г. совместно с Ф. Ф. Комиссаржевским “Весёлый театр для пожилых детей” закрылся, просуществовав меньше сезона. “Театр скепсиса и отрицания” – так сформулировал главный принцип “Кривого зеркала” Кугель, о котором В. В. Розанов со свойственной ему бескомпромиссностью заметил: “И вот пришёл вонючий Кугель и затянул в “Кривом зеркале”: “Вы любите ли сыр?..” На глас 6-й: “Господи, воззвах к Тебе. Услышь мя”. Господи, Господи, Господи. Но неужели соединяться с вонючими? И повторять за ними гнусности о верующих и плачущих. Никогда. Я лучше буду поклоняться лжи. О! Больно, больно. Страшно. Душа стонает, и даже море не поглотит стонов”⁷⁵.

В основном комедийные миниатюры разыгрывались и на сцене открывшегося в 1915 г. “Интимного театра” на Литейном проспекте – частной антрепризы актёра и режиссёра Б. С. Невалина. На тему всеобщей увлечённости писателей театром в начале минувшего века написано немало исследований, но наиболее лаконично и внятно эту тенденцию объяснил, пожалуй, А. М. Ремизов в заметке “Бесприданница”, посвящённой памяти В. Ф. Комиссаржевской: “Ясной мысли, чего мы хотим от театра, у нас не было. Ясно было, что современный театр не театр и что реализм – разрушение театра. Без всяких рассуждений у Блока вышел “Балаганчик”, у меня “Бесовское действо”, это было так непохоже на всё, что тогда называлось “театром”⁷⁶. Справедливости ради следует заметить: “ясную мысль” о том, что “реализм – это разрушение театра”, даже в ту пору господства символистского (вернее – по большей части декадентского) экспериментаторства разделяли далеко не все, и в их числе Александр Блок. Его высказывание о “мейерхольдии”, претившей ему претензией на реформу классического театра и цирковым шоукарством, известно. Ещё более резко поэт высказался о деятельности Мейерхольда после того, как 12 февраля 1915 года посетил поставленный режиссёром в своей “Театральной студии” на Бородинской улице в Петербурге спектакль, состоявший из трёх отделений, в первом из которых была показана интермедия М. Сервантеса “Саламанская пещера”, а во втором и третьем – ряд экспериментальных “этюдов” и “пантомим”. Затем, 18 февраля Блок посетил премьеру пьесы З. Н. Гиппиус “Зелёное кольцо”, постановкой которой Мейерхольд дебютировал в Александринском Императорском театре (5 февраля Блок присутствовал на генеральной репетиции этого спектакля). Словом, впечатлений для того чтобы составить определённое мнение об экспериментаторской деятельности Мейерхольда на театральном поприще, у поэта было предостаточно. И вот каково это мнение в его письме к жене от 19 февраля 1915 г.: “Сегодня я собирался написать тебе зараз о студии и о “Зелёном кольце”. Только очень уж всё во мне спутано и обострено. В “Зелёном кольце” <...> актёры сыграли пьесу в четверть её роста. Пьеса неумелая, с массой недостатков, и всё-таки – какою она роста, какой зрелости <...> На спектакль студии я пошёл, как всегда, с открытой душой, с желанием, чтобы мне понравилось, и мне, как всегда, страшно не понравилось почти всё. Это узорные финтифлюшки вокруг пустынной души, которая и хотела бы любить, но не знает источников истинной любви. Так как нет никакого центра, нет центрального огня, который и есть *любовь* и *воля*, – мне и тяжело и скучно от никчёмного “лёгкого веселья”, и я не могу простить подробностей, которые простил бы, может быть, если бы меня хоть немного “обожгли” тем огнём, в котором всё и без которого ничто не мило. Молодые и пожилые люди претенциозно кривляются: глуповатая хорошенькая мордочка Ильяшенки⁷⁷; инженерша Ва-

лентина Петровна⁷⁸ послушно валяется на полу. Нотманские⁷⁹ ноги мелькают в течение всего вечера, так что тошно от повторемости мелькающей. Бедная угреватая Ада Корвин⁸⁰ печально кривляется. Какая-то больная старуха сидит на столе на корточках. Изобретательности настоящей нет, воображение бедное и больное. Жакомино⁸¹ — гений рядом с ними. Один его жест стоит всей студии. Неталантливые люди и некрасивая фантазия. О, если бы люди умели сузиться, поняли, что честное ремесло есть большой чин, а претензия на пересаживанье каких-то графов Гоцци на наш бедный, задумчивый, умный север, *русский*, — есть только *бесчинство*. Всё это больно⁸².

С таким же порицанием в дневниковых записях октября–декабря 1912 года Блок высказался о театральные “модернисты” вообще и о режиссёрских новациях Н. Н. Евреинова: “Вечер закончился неприятным разговором с Любой. Я постоянно поднимаю с ней вопрос о правде нашей и о модернистах, чем она крайне тяготится. Она не любит нашего языка, не любит его. Модернисты всё более разлучают её со мной⁸³. Мне, однако, в разговоре с Любой удалось, кажется, определить, что я имею против модернистов. *Стержень*, к которому прикрепляется всё многообразие дел, образов, мыслей, завитушек, — должен быть; и должен он быть — вечным, неизменяемым при всех обстоятельствах. Я, например, располагаю в опере⁸⁴ всё, на что я способен, вокруг одного: *судьба неудачника* в христианскую эпоху, которой мы современники, это величина постоянная. Если же я буду располагать всё многообразие своих образов вокруг Рока и бога греческой трагедии, то я буду занят чем-то нереальным. Сам я, может быть, могу проникнуть в Ананке⁸⁵, Мойру⁸⁶, Олимп, но я и останусь один, а вокруг меня будет по-прежнему бушевать равнодушная к Богу эпоха. Я пришёл к заключению, что не имею права говорить о мистической Розе, я не имею достаточной духовной силы для того, чтобы разобратся в спутанных “для красы” только символах Розы и Креста. В теперешнем моём состоянии (жестокость, угловатость, взрослость, болезнь) я не умею и я не имею права говорить *больше*, чем о человеческом. Моя тема — совсем не “Крест и Роза” (этим я не овладею), а — судьба человеческая, неудачника, и, если я сумею “умалиться” перед искусством, может мелькнуть сквозя мою тему — большее. Т. е.: моя строгость к самому себе и скромность изо всех сил могут помочь пьесе стать произведением искусства, а произведение искусства есть существо движущееся, а не покоряющийся труп <...> О модернистах — я боюсь, что у них нет стержня, а только талантливые завитки вокруг пустоты <...> Вечером пошёл в “Кривое зеркало”, где видел удивительно талантливые пошлости и кощунства г. Евреинова. Ярчайший пример того, как может быть вреден талант. Ничем не прикрытый цинизм какой-то голой души⁸⁷.

В сезон 1906–07 гг. Мейерхольд был режиссёром театра В. Ф. Комиссаржевской, на сцене которого практиковал приёмы “условного театра” и осуществлял крэгговские идеи “актёра-марионетки”. Его конфликт с известной актрисой произошёл на почве неприятия ею основополагающего принципа мейерхольдовской эстетики — полного и безоговорочного подчинения актёра диктаторской воле “режиссёра-демиурга”. Этот принцип, в своей интерпретации, обосновал Ф. Сологуб в статье “Театр одной воли”⁸⁸ (1908). После премьеры поставленного Мейерхольдом спектакля по пьесе Сологуба “Победа смерти”, 8 ноября 1907 г. Комиссаржевская написала режиссёру письмо, в котором сообщала о разрыве с ним в связи с разными воззрениями на природу русского театра. Это письмо было зачитано на сборе труппы⁸⁹. “Путь, ведущий к театру кукол, — это путь, по которому Вы шли всё время”⁹⁰, — отметила Комиссаржевская. “Марионеточное”, балаганное и пародийное экспериментаторство на сцене, осмеяние всех и вся исподволь становилось всё менее безобидным и привело в конечном итоге к полной деградации художественного вкуса, к заурядному циркачеству, паясничеству и пошлости. И. А. Бунин вспоминал: “В петербургской “Бродячей собаке” поставлено было однажды “Бегство Богоматери с Младенцем в Египет”, некое “литургическое действие”, для которого Кузмин написал слова, Сац⁹¹ сочинил музыку, а Судейкин⁹² придумал декорацию, костюмы, — “действие”, в котором поэт Потёмкин⁹³ изображал осла, шёл, согнувшись под прямым углом, опираясь на два костыля, и нёс на своей спине супругу Судейкина⁹⁴ в роли Богоматери. И в этой “Собаке” уже сидело немало и будущих большевиков: Алексей Толстой <...> Маяковский в жёлтой кофте. При большевиках всякое кощунственное непотребство расцвело уже махровым цветом”⁹⁵. Дань такому “непотреб-

ству” отдал, к сожалению, и Александр Блок. Аккурат накануне того дня, когда началась работа над поэмой “Двенадцать”, 7 января 1918 г. поэт написал черновые заметки к пьесе об Иисусе Христе. Этот замысел осуществлён не был и, можно сказать, слава Богу, поскольку даже беглые и отрывочные наброски, связанные с ним, оставляют тягостное впечатление: “Кактусы жирные. Дурак Симон⁹⁶ с отвисшей губой удит. Разговор про то, как всякую рыбу поймать (как окуня, как налима). Входит Иисус (не мужчина, не женщина). Грешный Иисус⁹⁷. Красавица Магдалина. Фома (неверный) – “контролирует”. Пришлось веровать – заставили и надули. Вложил персты – и стал распространителем: а распространять заставили – инквизицию, папство, икающих попов, учредилки. Андрей (Первозванный) – слоняется (не сидится на месте): был в России (искал необыкновенного). Апостолы воровали для Иисуса вишни, пшеницу. Их стыдили. Читать Ренана. Мария и Марфа <...> А воскресает как? Загаженность, безотрадность <...> Иисус всё получает от народа (женственная восприимчивость). “Апостол” брякнет, а Иисус разовьёт. Нагорная проповедь – митинг. Власти беспокоятся. Иисуса арестовали. Ученики, конечно, улизили. Правда того, что они улизили (больше ничего и не надо, остальное – судебная комедия). У Иуды – лоб, нос и перья бороды – как у Троцкого. Жулик (то есть великая нежность в душе, великая требовательность). Симон ссорится с мещанами, обывателями и односельчанами. Уходит к Иисусу. Около Иисуса оказывается уже несколько других (тоже с кем-то поругались и не поладили; бубнят что-то, разговоры недовольных). Между ними Иисус – задумчивый и рассеянный, пропускает их разговоры сквозь уши <...> Тут же – проститутки”⁹⁸.

Характерно, конечно, что, задумав пьесу об Иисусе Христе, Блок как типичный интеллигент принял в первую очередь читать позитивиста и скептика Э. Ренана вместо того, чтобы для начала хотя бы внимательно перечитать Четвероевангелие. Тогда, в самом начале “Евангелия от Матфея”, поэт узнал бы и о том, с чего началась проповедь Христа, и о том, что Симон не ушёл к Иисусу, поссорившись “с мещанами и односельчанами”, а был избран и призван: “С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним” (Мф. 4: 17–20). Дикие по своему невежеству характеристики “дурака Симона”, Андрея Первозванного и Фомы Неверующего⁹⁹, равно как и энигматическое замечание о “великой нежности в душе” Иуды-Троцкого можно оставить без комментариев. Ничем иным, кроме как зловещим симптомом тяжёлого психического недуга, поразившего Блока через несколько лет, в последние месяцы жизни¹⁰⁰, объяснить содержание этих черновых набросков просто нельзя.

В 1906 г., в пародийно-аллегорической форме Блок изобразил свою семейную драму в пьесе “Балаганчик”, прототипами героев которой стали сам поэт (Пьеро), его жена (Коломбина) и Андрей Белый (Арлекин). Так была открыта и начала свою причудливую жизнь в литературе тема “арлекинады”, основанной на приёмах и эстетике итальянской *commedia dell'arte*. Подхватив эту идею, художник К. А. Сомов создал целый цикл известных картин – “Арлекин и смерть” (1907), “Арлекин и дама” (1911–1912), “Пьеро и дама” (1912), “Итальянская комедия” (1914), “Язычок Коломбины” (1915) и др.¹⁰¹. Живописцы В. Шухаев и А. Яковлев совместно написали в 1914 г. картину “Автопортреты” (находится в собр. Госуд. Русского музея в СПб.), где изобразили себя в костюмах Арлекина и Пьеро. В том же 1914 г. на страницах альманаха “Гриф” появился комедийный фарс А. Н. Толстого “Молодой писатель” с подзаголовком “арлекинада в одном действии”. Главным героем этой не слишком остроумной пародии будущего автора “Хождения по мукам” (где Блок выведен в карикатурном образе поэта-декадента Алексея Бессонова), “молодой писатель” – незамысловатая карикатура на Александра Блока. В карикатурных образах “арлекинады” – поэте Аркадии, его жене и его приятеле-стихотворце Юрии Бледном – современники, конечно, не могли не узнать А. Блока, Л. Менделееву и А. Белого. Блок, чьи стихи были опубликованы в этом же выпуске “Грифа”, без сомнения, прочёл фарс А. Н. Толстого, поскольку, как свидетельствует его заметка в записной книжке, получил 4 января 1914 г. при-

сланный по почте альманах¹⁰². Как была воспринята поэтом явная литературная издёвка над его семейной драмой, этого мы не знаем. По-видимому, не слишком болезненно, поскольку всеобщая театрализация жизненного поведения и лицедейство в самой жизни зашли уже настолько далеко, что реальная действительность почти перестала отличаться от сценической “арлекинады”. Ведь и сам Блок когда-то в “Балаганчике” представил драматические перипетии своей семейной жизни всё в тех же образах итальянской комедии масок. Со временем эти маски приросли к лицам, и прототипы Пьеро и Коломбины всё чаще стали ощущать себя марионеточными куклами в руках судьбы. Любовь Дмитриевна Блок вспоминала: “Мне особенно, но и Саше, всегда казалось, что мы игрушки в руках Рока, ведущего нас определённой дорогой. У меня даже была песенка, из какого-то водевиля: “Марионетки мы с тобою, / И нашей жизни дни не тяжки...” Саша иногда ею забавлялся, а иногда на неё сердился¹⁰³. Третий прототип одного из главных героев “Балаганчика” Андрей Белый (Арлекин), как свидетельствуют мемуары знавших его современников, и в самой жизни зачастую кривлялся и лицедействовал под стать площадному паяцу. Так, З. Н. Гиппиус акцентирует такие черты в поведении Белого, как “танцующая походка, изумлённо-скошенные глаза, гомеорические речи и вскрики¹⁰⁴”, а В. Ф. Ходасевич описывает его “истерички” и “пьяные танцы в разных берлинских Dielen” (дансингах): “Он танцевал страшно. В однообразную толчею фокстротов вносил он свои вариации – искажённый отсвет неизменного своеобразия, которое он проявлял во всём, за что бы ни брался. Танец в его исполнении превращался в чудовищную мимодраму, порой даже и непристойную. То был не просто танец пьяного человека: то было символическое поправление лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому¹⁰⁵. Характерно, что и сам Арлекин-Белый не только воспринимал окружающий мир как дурацкий цирковой балаган¹⁰⁶, но, безусловно, осознавал и своё клоунское амплуа в нём, актёрский наигрыш своего поведения и свою выставленную напоказ, демонстративную экстравагантность, поскольку озаглавил автобиографическую повесть “Записки чудака”. В этих “Записках”, – отметил обычно сдержанный в оценках К. В. Мочульский, – “столько сумбура, бреда, крика и безумия, столько раздражающей претенциозности и мучительных вывертов, что разобраться в них нелегко¹⁰⁷. Характерно, что в “маске” и “декорациях” арлекинады такая проницательная и внимательная наблюдательница, как Гиппиус, воспринимала и внешний облик и поведение А. Ф. Керенского, известного своим пристрастием к позе и актёрству: “Керенский, конечно, немного сумасшедший. Лицо Керенского – узкое, бледно-белое, с узкими глазами, с ребячески оттопыренной верхней губой, странное, подвижное, всё – живое, чем-то напоминающее лицо Пьеро¹⁰⁸; “с виду Керенский напоминал немножко Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное – в нём была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и обманчивая решительность. Была в нём, увы, и женская истеричность¹⁰⁹”.

Эстетика комедии масок, арлекинады, трагикомического шутства в конце XIX и особенно в начале XX века, можно сказать, витала в самом культурном воздухе Европы. Именно в это время П. Сезанн (“Пьеро и Арлекин”, “Арлекин”, 1888) и П. Пикассо (“Семья Арлекина”, 1905) написали ряд картин на эту тему. Покоривший публику всех сословий шансонье А. Н. Вертинский выходил на сцену в костюме Пьеро¹¹⁰. И. Ф. Стравинский создал балеты “Петрушка” (1911) и “Пульчинелла” (1920), а музыкальный революционер и реформатор, основоположник додекафонии А. Шёнберг¹¹¹ – произведение, которое он отнёс к жанру “театра музыки” – “Лунный Пьеро” (1912). Это необычное произведение представляет собой постановку на сцене цикла поэм бельгийского поэта Альбера Жиро, стихи которого пестрят упоминаниями крови, трупов, черепов и распятий. Главная роль отводится одетой в костюм Пьеро певице (меццо-сопрано), которая читает нараспев стихи (декламационное пение) при постоянно меняющемся инструментальном сопровождении. После того, как премьера “Лунного Пьеро” прошла в Берлине, один из критиков в своей рецензии на спектакль написал: “Если это музыка, то я попрошу Всевышнего, чтобы я её больше никогда не слышал¹¹²”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эти стихи А. А. Блока 1901 года навеяны пушкинским “Пророком” (1826): “Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился, — / И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился. / Перстами лёгкими как сон / Моих зениц коснулся он . . .”
- ² Впервые поэма “Двенадцать” опубликована 18 февраля (3 марта по н. ст.) 1918 г. в центральном органе левых эсеров — ежедневной газете “Знамя труда”. Подробно об истории создания текста поэмы см.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем в 20-ти тт. Т. 5. М., 1999. С. 301–353. См. также: Шварцбанд С. К истории создания “Двенадцати” и хронотоп текста. // *Elektronic journal University of Toronto*. <http://www.utoronto.ca/tsq/17/schwarzband17.shtml>
- ³ “Сегодня я — гений”, — записал Блок 29 января 1918 г., после того, как поэма “Двенадцать” вчерне была закончена (Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 387).
- ⁴ Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 323.
- ⁵ Струве П. Б. “Двенадцать” Александра Блока. // Александр Блок: pro et contra. СПб., 2004. С. 313.
- ⁶ Пришвин М. М. Большевик из Балаганчика (Ответ Александру Блоку). // “Воля страны”, 1918, 16 февр. Републикацию этой статьи см. в кн.: Александр Блок: pro et contra. С. 258.
- ⁷ Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. С. 323.
- ⁸ “Наш путь”. 1918, № 1. С. 141.
- ⁹ Это суждение о Блоке Гиппиус повторила в своих мемуарах: “При всей значительности Блока, при его внутренней человеческой замечательности, при отнюдь не лёгкой, но тяжёлой и страдающей душе, я повторяю — он был безответственен. “Невзрослость” его — это нечто совсем другое, нежели естественная, полная сил, светлая юность <...> это вечное хождение около жизни <...> это бескрайнее, безвыходное одиночество <...> Сознал ли это Блок так ясно, так грубо, как я сейчас пишу? Нет, конечно” (Гиппиус З. Воспоминания. М., 2001. С. 26).
- ¹⁰ См.: журнал “Весы”. М., 1907, № 7.
- ¹¹ Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 178.
- ¹² Литературное общество “Арзамас” и одноимённое издательство при нём создавалось весной 1918 г. по инициативе Г. В. Адамовича и Г. В. Иванова. 7 апреля 1918 г. Адамович обратился к Блоку с предложением издать “Двенадцать” для начала нового издательства. 21 апреля с тем же предложением к Блоку обратился Иванов (См.: Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 398, 401).
- ¹³ 13 мая 1918 г. Блок выступил на вечер “Арзамаса” в Тенишевском училище с чтением стихов, а его жена Любовь Дмитриевна — поэмы “Двенадцать”. В этот день в записной книжке Блок отметил: “Я таки пошёл на вечер и читал (с успехом). Люба, говорят, читала хорошо” (Блок А. Записные книжки. С. 407). Об этом вечере см. в воспоминаниях Вс. Рождественского “Страницы жизни”. М.-Л., 1962. С. 219–222.
- ¹⁴ См.: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 249.
- ¹⁵ Бобров С. Символист Блок. // “Красная новь”. М., 1922, № 1 (январь-февраль). С. 245, 250.
- ¹⁶ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С. 99, 102.
- ¹⁷ Орлов Вл. Александр Блок. // Блок А. А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1955. С. XLVII, XLVI, XLVIII, L.
- ¹⁸ Чуковский К. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 6. М., 1969. С. 505–579.
- ¹⁹ Бердяев Н. Мутные лики. // “София”. Сб. статей. Берлин, 1923. С. 161.
- ²⁰ Иванов Г. В. Собр. соч. в 3-х тт. Т. 3. М., 1994. С. 157, 164, 165.
- ²¹ Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 246, 247, 245, 234.
- ²² Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. Литературные мемуары. СПб., 2003. С. 241, 487–489, 491.
- ²³ Елагин И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2 М., 1998. С. 208.
- ²⁴ Адамович Г. В. Собр. соч. Литературные заметки. Кн. I. СПб., 2002. С. 232.
- ²⁵ Адамович Г. В. Критическая проза. М., 1996. С. 317.
- ²⁶ “Кстати, по поводу “Двенадцати”. Когда поэма только что появилась, Сергей Бобров, умный человек, где-то написал: “горький пустячок”. Я до сих пор помню своё тогдашнее возмущение. А теперь думаю: как это было верно!” (Адамович Г. В. Собр. соч. Комментарии. СПб., 2000. С. 442).
- ²⁷ Адамович Г. В. Критическая проза. М., 1996. С. 269, 317–318.
- ²⁸ См.: Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 306–326.
- ²⁹ См.: Шкловский В. Б. Развёртывание сюжета. Как сделан “Дон-Кихот”. “ОПОЯЗ”, 1921.

- ³⁰ Ходасевич В. Ф. О форме и содержании. // Ходасевич В. Ф. Колеблемый тренажник: Избранное. М., 1991. С. 593.
- ³¹ Мандельштам О. Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987. С. 265–266.
- ³² См.: Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1924. С. 140.
- ³³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века “Слово о погибели Русской земли”. М.-Л., 1965.
- ³⁴ Сходные места между “Словом о полку Игореве” и “Словом о погибели Русской земли” рассмотрены в статье: Соловьёв А. В. Заметки к “Слову о погибели Русской земли”. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 109–113.
- ³⁵ Авторство выражения “смех сквозь слёзы” принадлежит не Гоголю, как многие ошибочно полагают, а Пушкину, написавшему по поводу повести “Старосветские помещики”: “Явился “Миргород”, где с жадностью все прочли и “Старосветских помещиков”, эту шутивную, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слёзы грусти и умиления” (Пушкин А. С. Мысли о литературе. М., 1988. С. 250). Оригинальные суждения касательно бинарной оппозиции “смех – слёзы” содержатся в статье Н. Бокадорова “Комедии Гоголя” (сб. “Памяти Гоголя”, Киев, 1902).
- ³⁶ Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. Литературные мемуары. СПб., 2003. С. 239.
- ³⁷ Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 382–383.
- ³⁸ Термин “агностицизм” введён в употребление английским биологом, профессором Т. Г. Хаксли на собрании Метафизического Общества в 1876 году. По его определению, агностик – это человек, отказавшийся от веры и убеждённый в том, что первичное начало вещей неизвестно, так как не может быть познано. Иными словами, агностик – это человек, который считает, что доказать существование или несуществование Бога невозможно.
- ³⁹ Переиздана в 1990 г. в Москве в “Библиотеке журнала “Театр чудес” Б. П. Голдовского.
- ⁴⁰ Виноградов Н. Н. Великорусский вертеп. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Т. X. Кн. 3 и 4. СПб., 1905; Он же. Белорусский вертеп. Там же. Т. XIII. Кн. 2. СПб., 1908.
- ⁴¹ Франко И. Я. К истории украинского вертепа XVIII века (на укр. яз.) Львов, 1906. Переиздана в 1991 г. в Москве в “Библиотеке журнала “Театр чудес” Б. П. Голдовского.
- ⁴² Кисиль А. Украинский вертеп. СПб., 1916.
- ⁴³ См.: Верцман И. Рафаэль и Шекспир. // Шекспировские чтения, 1978 (под ред. А. А. Аникста). М., 1981.
- ⁴⁴ Кертман Л. Е. История культуры стран Европы и Америки (1870–1917). М., 1987. С. 167.
- ⁴⁵ Цит. по: Бачелис Т. И. Шекспир и Крэг. М., 1983. С. 174.
- ⁴⁶ О теоретических взглядах Крэга на театральное искусство см. в кн.: Крэг Г. Воспоминания, статьи, письма. М., 1988.
- ⁴⁷ Шекспир В. Собр. соч. Как вам это понравится; Двенадцатая ночь; Юлий Цезарь. М., 2006. С. 55 (пер. П. Вейнберга).
- ⁴⁸ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. С. 215, 242.
- ⁴⁹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 334.
- ⁵⁰ Хайям О. Рубайят. М., 1959. Ч. 2. С. 62.
- ⁵¹ Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 170.
- ⁵² Соловьёв В. С. Жизненная драма Платона. // Он же. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 209.
- ⁵³ См.: “Московские университетские известия”, 1865, № 5.
- ⁵⁴ См.: Лосев А. Ф. Владимир Соловьёв и его время. М., 1990. С. 25.
- ⁵⁵ Платон. Соч. в 3-х тт. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 108, 282–283, 299.
- ⁵⁶ См. комментарий в кн.: Платон. Соч. в 3-х тт. Т. 3. Ч. 2. С. 605.
- ⁵⁷ Кодекс Бусидо. Хагакурэ. М.: “Эксмо”, 2009.
- ⁵⁸ См.: Невелёва С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса. М., 1975. С. 38–45; Боги, брахманы, люди. М., 1969. С. 158–167; Топоров В. Н. Брахма. // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 1. М., 1991. С. 185–186; Топоров В. Н. Юга. // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. Т. 2. М., 1992. С. 676.
- ⁵⁹ Дживелегов А., Бояджиев Г. История западноевропейского театра. От возникновения до 1789 г. М.-Л., 1941. С. 50–51. См. также: Полевой П. Исторические очерки средневековой драмы. СПб., 1865; Веселовский А. Н. Старинный театр в Европе. М., 1870.
- ⁶⁰ См.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 357.
- ⁶¹ Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 98.

- ⁶² Энциклопедия мистицизма. СПб., 1996. С. 226–227.
- ⁶³ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. М., 2003. С. 38, 34.
- ⁶⁴ “Наш Серебряный век, которому, впрочем, лучше было бы называться веком “посеребрённым”; “русский модернизм — этот столь теперь восхваляемый “серебряный век” — был пиром во время чумы. Он был вызывающе беспечен и беспечность свою с гордостью противопоставлял наследию столетия предыдущего. Он бессовестно играл в тайны, многозначительно давая понять, что узнал что-то важнейшее, открыл что-то вещее, и многие из нас, из тогдашнего декадентствовавшего стада, из тогдашней желторотой литературной молодёжи, откликнулись, ловились на эту удочку и с дрожью в руках раскрывали “Весы” или поздний, уже обмельчавший “Аполлон”, надеясь вот-вот прозреть, приобщиться, удостоиться посвящения. Думаю всё же, по далёким, дорогим воспоминаниям, что “что-то” загадочное, неподдающееся определению, “какой-то отблеск какого-то света” тогда действительно мелькнул в сознаниях. Но сколько было лживой шумихи, бесподобно описанной Андреем Белым, сколько было подделок, подлаживаний! Уже здесь, в Париже, у меня был об этом любопытнейший разговор с Зинаидой Николаевной Гиппиус, “бабушкой русского декадентства”. Она отрицала то, что представляется мне несомненным, и настойчиво повторяла: “Нет, не было ничего!” (Адамович Г. В. Собр. соч. “Комментарии”. СПб., 2000. С. 516, 127–128).
- ⁶⁵ В целом драматургическое наследие М. А. Кузмина включает в себя свыше 20 пьес.
- ⁶⁶ Жанром “русалия”, или “русальное действо”, Ремизов называл свои драматические произведения, основанные на сюжетах древнерусских языческих мифов и обрядов, сочетавшихся с “музыкально-плясовым игрищем-гульбищем” в фольклорном духе (См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. С. 486). Русалия “Алалей и Лейла” написана Ремизовым в форме балетного либретто, музыке к которому сочинял композитор А. К. Лядов. Хореографом спектакля должен был стать М. М. Фокин, однако постановка не состоялась.
- ⁶⁷ Поставлена Н. Н. Евреиновым в 1908 г. в петербургском “Театре на Офицерской”, которым руководила В. Ф. Коммиссаржевская, пригласившая Евреинова на должность режиссёра вместо ушедшего В. Э. Мейерхольда.
- ⁶⁸ Вышла отдельным изданием в 1890 г. в Москве.
- ⁶⁹ См.: Тэффи Н. А. Фёдор Сологуб. // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 88.
- ⁷⁰ Премьера пьесы “Зелёное кольцо” состоялась в петроградском Александринском театре 18 февраля 1915 г. в постановке В. Э. Мейерхольда. Свою последнюю роль в этом спектакле сыграла знаменитая в то время актриса М. Г. Савина (1854–1915).
- ⁷¹ “Я написала шутиливую мистерию с прологом “Белый чёрт”, которую мы все должны были разыграть. Шутливая, домашняя”, — запись в дневнике З. Н. Гиппиус “Contes d’amour” от 17 февр. 1904 г. (Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003. С. 67).
- ⁷² В 1887–1889 гг. Болеслав Прус (наст. имя — Александр Гловацкий) создал классический для польской литературы социально-психологический роман под заглавием “Кукла” (“Zalka”). В центре произведения — судьба и история духовного кризиса Станислава Вокульского, которого приводит к самоубийству неразделённая любовь к светской “кукле” Изабелле.
- ⁷³ См.: Конечный А., Мордерер В., Парнис А., Тименчик Р. Артистическое кабаре “Привал комедиантов”. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989 С. 108.
- ⁷⁴ Петровский М. Книги нашего детства. СПб., 2006. С. 274.
- ⁷⁵ Розанов В. В. Собр. соч. Последние листья. М., 2000. С. 115, 351.
- ⁷⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. Петербургский буерак. С. 241.
- ⁷⁷ Ильешенко — драматическая актриса.
- ⁷⁸ Валентина Петровна Веригина — драматическая актриса.
- ⁷⁹ Нотман Г. Ф. — режиссёр.
- ⁸⁰ Ада Корвин — сценический псевдоним танцовщицы Веры Юшкевич, приятельницы Л. Д. Блок.
- ⁸¹ Жакомино — популярный в своё время цирковой клоун.
- ⁸² Блок А. А. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 6. Л., 1983. С. 249–250.
- ⁸³ В Териоках (местность в Финляндии неподалёку от Петербурга) благодаря жертвованиям меценатов был учреждён театр под руководством В. Э. Мейерхольда. В спектаклях этого театра под сценическим псевдонимом “Басаргина” участвовала Л. Д. Блок.
- ⁸⁴ Блок имеет в виду драму “Роза и Крест” (1912), которая была первоначально задумана как балетное, а затем — оперное либретто.
- ⁸⁵ Ананке (греч.) — неизбежность, судьба, также имя богини судьбы, одно из основных понятий философии Платона. По одному из вариантов мифа, Ананке — мать

- Мойр, в народных представлениях её образ связывался с неизбежностью смерти. Согласно античным изображениям, между колен Ананке вращается веретено, ось которого является осью Мира (Агбунов М. Античные мифы и легенды. Мифологический словарь. М., 1994. С. 24).
- ⁸⁶ Мойры – богини судьбы, дочери Зевса и богини законного порядка Фемиды. Гомер, как правило, упоминает об одной Мойре. Гесиод говорит о трёх, чьи имена Клото, Лахесис и Атропос. Клото начинала прясть нить человеческой жизни, Лахесис продолжала прясть и разматывать её, а Атропос перерезала нить. Греки олицетворяли Мойр в виде серьёзных задумчивых старух. Клото изображали с веретеном в руке, Лахесис – с меркой или весами, Атропос – с Книгой жизни, солнечными часами или ножицами.
- ⁸⁷ Блок А. А. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1955. С. 442–445.
- ⁸⁸ См.: Сологуб Ф. Театр одной воли. // Театр: Книга о новом театре. СПб., 1908. С. 186–189.
- ⁸⁹ См.: Рыбакова Ю. Комиссаржевская. Л., 1971. С. 167–168.
- ⁹⁰ Мейерхольд В. Э. Переписка (1896–1939). М., 1976. С. 108.
- ⁹¹ Сац И. А. (1875–1912) – композитор, автор опер-пародий и музыки к театральным спектаклям, в том числе к драмам Л. Андреева “Жизнь человека” и “Анатэма”. С 1906 г. – заведующий музыкальной частью и дирижёр оркестра МХТ. Как отмечено в одной из современных публикаций, Сац умел находить неординарные художественные решения. В 1905 г. он получил предложение МХТ написать музыку к драме Метерлинка “Смерть Тентажиля” в постановке Мейерхольда. Станиславский для усиления эмоционального воздействия на зрителей потребовал, чтобы в увертюре звучал детский плач. Используя лишь музыкальные инструменты, добиться требуемого Сац не сумел. И тогда он принёс на репетицию дочь-младенца и положил её рядом с дирижёрским пультом. В нужный момент отец сунул девочке в рот бутылочку с молоком и тут же выдернул её обратно. Обиженный ребёнок залился плачем, а не видевший всего этого из-за оркестровой ямы Станиславский пришёл в восторг. Затем в зал ворвалась разъярённая жена музыкального новатора, устроила скандал и унесла ребёнка. На премьере пришлось обойтись без “солистки”. Впоследствии дочь Саца Н. И. Сац (1903–1993) стала композитором, автором детских опер и балетов, народной артисткой СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом премии Ленинского комсомола, Ленинской и Государственной премий, организатором и руководителем Московского детского музыкального театра. Её отец И. А. Сац неожиданно умер в возрасте 37 лет во время работы над оперой “Смерть” (См.: <http://www.vaadua.org/hadasot/had109/09.htm>).
- ⁹² Судейкин С. Ю. (1882–1946) – художник, участник выставок в Салоне Дягилева, а также нашумевшей выставки “Голубая роза” (1907), организованной меценатом Н. П. Рябушинским. Особенным успехом пользовались театральные декорации Судейкина к спектаклям театра Комиссаржевской, Малого театра и др. В те же годы возникла группа эстетов с характерным названием “Голубая гвоздика”.
- ⁹³ Потёмкин П. П. (1886–1926) – поэт, драматург, прозаик. Его первый сборник стихов “Смешная любовь” вышел в 1908 г. Потёмкин специально для представлений в кабаре “Бродячая собака” писал эскизы и миниатюры и сам был их постановщиком. Эмигрировавший после революции Потёмкин, живя в Париже, устроил торжественные “поминки” по “Бродячей собаке”. В годы эмиграции издал книгу стихов “Отцветшая герань” с подзаголовком “То, чего не будет” (парафраз заглавия романа Б. В. Савинкова “То, чего не было”, опубликованного в 1912–1913 гг.). Через несколько дней после смерти Потёмкина Б. К. Зайцев написал нём: “Дитя богемы, вскормленный литературных кабачков, возросший в воздухе предгрозовой России” (Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 540).
- ⁹⁴ Судейкина О. А., в девичестве Глебова (1885–1945) – актриса театра В. Э. Мейерхольда, жена художника С. Ю. Судейкина, близкая подруга А. А. Ахматовой, которая посвятила ей стихи “Голос памяти” (1913) и “Пророчишь, горькая, и руки уронила...” (1921). В 1924 г. О. А. Глебова-Судейкина эмигрировала. Ахматова считала Судейкину виновницей смерти влюблённого в неё поэта Всеволода Князева (1891–1913), покончившего с собой в Риге. Судейкина резонно игнорировала это обвинение, поскольку В. Г. Князев состоял в нетрадиционно близкой дружбе с М. А. Кузминым, поссорился с ним и в отношениях с Судейкиной искал, вероятно, спасения от угнетавшего его гендерного изъяна. Когда О. Н. Арбенина спросила Судейкину, не из-за неё ли Князев свёл счёты с жизнью, она ответила: “К сожалению, не из-за меня” (См. Комментарии в кн.: Ахматова А. А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990 С. 376).
- ⁹⁵ Бунин И. А. Гегель, фрак, метель. Литературные мемуары. СПб., 2003. С. 375–376.
- ⁹⁶ Симон – первоначальное имя св. апостола Петра, что по-гречески означает “скала, утёс, огромный камень”. Имя Кифа, что на сиро-халдейском языке означает тоже “камень”, было дано Симону Иисусом Христом, провидевшим твёрдость веры и характера своего ученика, когда он торжественно исповедал свою веру перед лицом Господа: “Ты – Христос, Сын Бога Живаго” (Мф. 16: 16).

- ⁹⁷ “Он не был безгрешен”, – ничтоже сумняшеся написал об Иисусе Христе Ж. –Э. Ренан (Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1990. С. 292).
- ⁹⁸ Блок А. А. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1955. С. 490–491.
- ⁹⁹ Фома (чьё имя в перев. с древнеевр. означает “близнец”) по прозвищу “неверующий”, один из 12 апостолов, отличался склонностью к маловерию. Когда, увидев воскресшего Христа, он усомнился в Его воскресении, Иисус позволил ему вложить пальцы в раны от гвоздей на руках Своих и в рану от копья на рёбрах, и заповедал ему: “Не будь неверующим, но верующим” (Ин. 20: 27). По преданию, апостол Фома проповедовал Евангелие в Восточной Индии, где претерпел мученическую смерть. В Индии, на Малабарском берегу, доселе ещё живут христиане, именующие себя “христианами апостола Фомы”. В память о том, как Фома убедился, что Христос воистину воскрес, первое воскресенье после Светлой седмицы именуется “Фоминим воскресеньем”, а следующая за ним седмица – Фоминою неделей.
- ¹⁰⁰ О тяжёлом психическом состоянии Блока в последние месяцы жизни, о преследовавших его “тяжёлых снах, кошмарах” и галлюцинациях свидетельствуют воспоминания Л. Д. Блок (Блок в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Т. 1. М., 1980. С. 185–187).
- ¹⁰¹ См.: Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 600–601.
- ¹⁰² См.: Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 199.
- ¹⁰³ Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 183.
- ¹⁰⁴ Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 243.
- ¹⁰⁵ Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С. 306–307.
- ¹⁰⁶ В июне 1922 г., находясь в Германии, А. Белый, подражая “лесенной” стилистике В. В. Маяковского, написал стихотворение “Маленький балаган на маленькой планете “Земля” – сочинение явно психопатологического характера, напоминающее “записки” гоголевского Поприщина и представляющее собой редчайший в русской литературе жанр драматизированной в форме монолога шизофренической мистерии, поскольку авторская ремарка, предваряющая произведение, гласит: “Выкрикивается в берлинскую форточку без перерыва” (См.: Белый А. Собр. соч. Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 331–339). Записать такой клинический бред без помощи психотропных средств или алкоголя было бы невозможно.
- ¹⁰⁷ Мочульский К. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М., 1997. С. 329.
- ¹⁰⁸ Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М., 2003. С. 243.
- ¹⁰⁹ Гиппиус З. Воспоминания. М., 2001. С. 385.
- ¹¹⁰ В одной из своих газетных заметок 1917 г. С. М. Городецкий отмечал, что стихи Вертинского “примыкают к темам, поставленным в поэзии А. Белого и А. Блока: в этих поэтах Вертинский-Пьеро нашёл своих учителей”. В том же году в “Театральной газете” аноним, скрывшийся под псевдонимом “О. В.”, написал, что Вертинский – это “печальный, изломанный, вобравший в себя все болезненные испарения нашего времени Пьеро” (Цит. по: Русские писатели 1800–1917 гг. Биографический словарь. Т. 1. М., 1992. С. 430).
- ¹¹¹ Об изобретателе метода додекафонии (а точнее – какофонии) австрийском композиторе еврейского происхождения Арнольде Шёнберге (1874–1951) Г. В. Свиридов написал: “Безмелодизм Шёнберга вышел из желания “противостоять” Христианской музыке последних 2000 лет, из жажды её уничтожения, уничтожения всего этого мира, всей Христианской цивилизации. Каких только терминов и названий не придумывают записные музыковеды для определения такого псевдоискусства, свидетельствующего об упадке содержания и вкуса его авторов” (Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М., 2002. С. 490, 514). Ныне “такое псевдоискусство” торжествует не только в музыке: в 2007 г. в одном из государственных музеев Лондона на выставке современного искусства была продемонстрирована “инсталляция” под названием “Вечное Возвращение”, представлявшая собой 13 дохлых кошек, подвешенных к потолку. О значении “мистического” числа 13 в масонской символике, в том числе – на Великой Государственной Печати Соединённых Штатов Америки, см. в кн.: Холл М. П. Энциклопедическое изложение Масонской, Герметической, Каббалистической и Розенкрейцеровской Символической Философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времён. В 2-х тт. Т. 1. Новосибирск: “Наука”, 1992. С. 320.
- ¹¹² Цит. по: Кейт Спенс. Всё о музыке. Минск, 1996. С. 118.

(Окончание следует)

НИКОЛАЙ БУРЛЯЕВ

ЛЕТОПИСЬ “ЗОЛОТОГО ВИТЯЗЯ”

2009 год

1 июня вернулись в Москву. Вдогонку из Липецка пришла к нам важная информация, подтверждающая целебное воздействие “Золотого Витязя” на душу человека: “Президенту ООО МКФ “Золотой Витязь” Н. П. Бурляеву. Уважаемый Николай Петрович! Направляем Вам информацию о состоянии правопорядка на территории Липецкой области в период проведения XVIII МКФ “Золотой Витязь” в Липецкой области. Начальник управления культуры и искусства Липецкой области Т. В. Горелова

Информация

О состоянии правопорядка на территории Липецкой области в мае 2009 г. В целом и в период проведения кинофестиваля “Золотой Витязь”.

В мае 2009 года зарегистрировано 1776 (АППГ: 2009) сообщений о происшествиях криминального и иного противоправного характера, что на 11,6% меньше аналогичного периода прошлого года.

В областном центре сотрудниками дежурной части УВД по области принято 12810 (-31%, т. е. 18804 к 2008 г.) звонков граждан и должностных лиц по телефонной линии “02”.

В период проведения кинофестиваля “Золотой Витязь” на 14,0% уменьшилось количество краж имущества, в том числе в 3,5 раза – из магазинов, на треть из квартир, в 6 раз – автотранспорта. Меньше на 8,3% зарегистрировано противоправных проявлений со стороны несовершеннолетних.

Заместитель начальника Управления, начальник штаба УВД по Липецкой области, полковник милиции А. И. Герман”. 24 июля 2009 г. Исх. № 3/1202 д/ч.

Это вторая констатация факта позитивного воздействия “Золотого Витязя” после Рязани, где впервые, в 2002 году было зарегистрировано резкое снижение показателей преступности, наркомании и самоубийств в период проведения в области нашего Кинофорума.

Возвратившись в Москву, попали “из огня да в полымя”. Отчитываясь и закрывая все вопросы прошедшего фестиваля, мы сходу “врубались” в завершающую стадию подготовки первого МКФ экологических фильмов “Золотой Витязь”, до открытия которого осталось всего полтора месяца, и VII театрального форума, намеченного на октябрь.

Руководство Минприроды, поддержавшее экологический кинофорум на начальной стадии подготовки, от дальнейшей финансовой поддержки отказалось...

Предстоящий Театральный Форум в ещё более плачевном финансовом положении. Министерство культуры обещает всего 800000 рублей. Никак не

хотят понять чиновники, что театральный “Золотой Витязь” не менее финансовоёмкий, чем форум кинематографический.

Надежды на поддержку Президентом РФ грядущего в 2010 году проекта “Славянский форум искусств” не оправдались. Пришёл ответ из Администрации Президента, что денег на Славянский форум искусств “Золотой Витязь” в государстве сегодня нет. . .

На первом же заседании вновь избранного секретариата Союза кинематографистов России единогласно приняли “Манифест кинематографистов” как основополагающий документ грядущей деятельности обновлённого Союза кинематографистов. Текст манифеста на 80% основан на моём выступлении на липецком “круглом столе”. Обратился к секретариату с просьбой о вхождении СК РФ в состав главных организаторов I МКФ экологических фильмов “Золотой Витязь” и о безвозмездном предоставлении залов Центрального дома кинематографистов для проведения форума. Согласие получено.

20 июня меня пригласили в прямой эфир “Эха Москвы”. Главная тема – “Манифест”. Оппонент – г-н Манский. Ведущая избавила меня от необходимости оглашать текст “Манифеста”, сама прочла основные его положения. Послушал со стороны – текст замечательный, придратсья не к чему. Да ещё подкрепила текст положительным высказыванием радиослушателя: мол, “давно пора”! Мой противник ничего дурного о “Манифесте” так и не сказал. Понимал, что не гигиенично плевать против ветра. В завершение я призвал и его, и всех “оппозиционеров СК” пожать нашу протянутую руку и включиться в созидательную работу.

Господа Гусман и Цимбал подали на меня иски в суд за то, что я озвучил в прямом эфире телешоу “К барьеру” имена 15 кинематографистов, способствовавших “отторжению” собственности Союза – Киноцентра на Красной Пресне – от 5000 членов СК. В этом списке были среди прочих и их имена. Им бы, бедолагам, объяснить нам, членам Союза, степень своей причастности или непричастности к “краже века”, ан нет. Решили взять нахрапом: напасть на Бурляева (на третьего, после юриста Киноцентра и Н. С. Михалкова), огласившего эти 15 фамилий. Через несколько дней иски подали П. Финн-Хальфин и Н. Фатеева. *(Спустя 10 месяцев судебных тяжб и кассаций господа-коллеги проиграли своё неправоё дело.)*

19 июля. Сегодня в Псковской больнице скончался мой друг Савва Ямщиков. Со святыми упокой, Господи, душу новопреставленного раба Божьего Саввы. Россия простилась с “реставратором всея Руси” – этим званием наградила С. В. Ямщикова народная молва, а я прощаюсь со своим близким другом.

Мы познакомились с Савелием Ямщиковым в 1963 году, на съёмках фильма “Метель”. Случилось это в Суздале, куда Савелий прибыл по своим реставраторским делам. Мы проживали в одной гостинице. Ямщиков сам подошёл ко мне и сказал, что у нас с ним есть общий друг – Андрей Тарковский. Я за два года до того снялся у Тарковского в “Ивановом детстве”, а Савелий начал сотрудничество с ним, в качестве научного консультанта фильма “Андрей Рублёв”. Имя Тарковского стало для нас духовным паролем, сигналом к единению. Савве тогда было – 25, мне – 17 лет, разница небольшая, сблизилась мгновенно и вскоре стали друзьями, как говорится “водой не разлить”.

На первых же шагах нашей дружбы Савелий оказал мне неоценимую услугу: помог уговорить Андрея Тарковского попробовать меня на роль колокольных дел мастера Бориски в “Андрее Рублёве”. Этот образ ошеломил меня при прочтении сценария, я загорелся желанием сыграть Бориску. Но как этого добиться, когда Тарковский и Кончаловский специально для меня написали роль ученика Рублёва Фомы, а литейщик Бориска писался с прицелом на тридцатилетнего московского поэта Чудакова? Тарковский отмахнулся от моей просьбы, сказал, что я для этой роли мал. Не помогло и ходатайство оператора Вадима Ивановича Юсова. Тогда, как последний шанс, я использовал пособничество Саввы. Он избрал неординарный способ: сказал Тарковскому, что лучшего, чем я, Бориски не найти, и поспорил с Андреем на ящик шампанского, что тот всё равно меня утвердит. Так и произошло. Я всегда буду благодарен Савелию за его дружескую протекцию.

На протяжении 10 лет мы встречались с Саввой буквально ежедневно. Совершали ежевечерние рейды по ресторанам творческих домов: Дом кино, ВТО, Дом журналистов, Дом писателей, Дом архитекторов... А глубокой ночью, когда все “дома” прекращали работать, инерция богемных посиделок частенько заносила нас в гости к Савве. Он любил быть в компании, не переносил одиночества. В холостяцких паузах – после его расставания с первой женой, болгаркой Велиной и второй – латышкой, манекенщицей Сармой – мне приходилось жить неделями, скрашивая одиночество друга, в его однокомнатной квартирке на Симферопольском бульваре. Мы проводили вместе летние отпуска: ездили на Чёрное море, в Кизи, в Болгарию... Колесили на допотопном служебном фургоне по музейно-реставраторским делам Савелия, по просторам Святой Руси: Псков, Рязань, Печоры, Владимир, Суздаль, Новгород, Ярославль, Кострома... Я видел, с каким уважением принимают моего друга Савелия музейные работники по всей России.

Разгульная жизнь утомляла меня, но я следовал за Саввой, как за своим Вергилием, по кругам богемного ада. Как-то я прочитал своему другу стихи, навеянные нашей тогдашней жизнью:

*Пустое времяпровожденье
С элитой в дымных кабаках:
До тошноты ночные бденья,
Застолья в творческих домах.
Компаний праздное веселье,
Постель чужая, боль похмелья —
Но обожали пикники
Советских классиков сынки.*

Савва соглашался со мной в оценке пустоты “элитарного” прожигания жизни, но молодость брала своё...

Впрочем, большую часть своей жизни Савелий Ямщиков посвящал совсем иным духовным занятиям.

Именно Савва начал распахивать передо мной новый, неведомый и прекрасный мир: древние русские города... провинциальные музеи... монастыри... храмы... иконы... Мир русской, православной культуры. Ночевали в заштатных гостиницах, сельских постоялых домах, в древних звонницах, монастырях, в избе его друга, деревенского плотника-реставратора на Онежском озере, а иногда просто на сеновале... Пересекались с замечательными людьми земли Русской, друзьями Савелия, которые становились и моими друзьями: учёный Лев Гумилёв, писатели Валентин Распутин и Валентин Курбатов, великие артисты балета Владимир Васильев и Екатерина Васильева, дирижёр Максим Шостакович, скульптор Вячеслав Клыков, псковский кузнец-реставратор Всеволод Кузнецов, кижский плотник-реставратор Борис Елупов, кинорежиссёр Андрей Тарковский и кинооператор Вадим Юсов, выдающиеся актёры Иван Лапиков и Анатолий Солоницын, прославленный фигурист Алексей Уланов, легендарный хоккеист Вячеслав Старшинов... Кто-то нашёптывал о Савелии Ямщикове, что он коллекционирует именитых друзей. Однако какая замечательная коллекция! Пожелал бы каждому пожить в таком духовном цветнике...

Совместная работа над фильмом “Андрей Рублёв” ещё прочнее соединила нас. Савва впервые привёз меня в Псково-Печерский монастырь и познакомил с настоятелем архимандритом Алипием, с которым мы подружились и который фактически стал моим первым духовником. Навсегда останутся в памяти дни, проведённые с Саввой в Псково-Печерском монастыре. Задушевные беседы, щедрые трапезы в доме настоятеля, бывшего рядового солдата Великой Отечественной войны, художника-иконописца, члена Союза художников СССР, возродившего из небытия сказочный Печерский монастырь. Его “Третьяковка” – удивительная русская живопись, украшавшая стены длинной восходящей лестницы, куда мы с Саввой уединялись на тайный перекур. Благодатные ночи под иконами с лампадкой в монастырской келье, погружённой в глубокую, словно вечность, тишину. Бархатный гул колокола, помогающий душе уноситься в горние выси.

Во второй половине нашей жизни Савва по-детски обижался на меня за то, что я в своих интервью говорю всё больше о Тарковском и очень редко о нём. Да, Андрей Тарковский был и остаётся для меня человеком моей судьбы, определившим мой творческий путь и мировоззрение. Именно он на съёмках “Андрея Рублёва” повесил мне на шею первый в моей жизни православный крестик. Он был и остаётся для меня недостижимой вершиной творческого величия. Однако сегодня, когда Саввы не стало, я, положив на сердце руку, признаюсь в том, что дружба с Саввой и его духовное водительство оказали не менее значительное влияние на моё духовное становление. Андрей появлялся в моей жизни периодически, как солнце в оконце, а мой близкий друг Савва был рядом постоянно. Именно он выводил меня на просторы Святой Руси, помогал делать первые шаги по новой для меня дороге, ведущей к Храму. Он не навязчиво, как друг, руководил моим духовным, православным восхождением.

Именно Савва Ямщиков, по промыслу Божьему, стал первым в атеистической России организатором масштабных выставок икон. Представить невозможно, но это было тогда, в шестидесятые годы советской богоборческой действительности. Именно тогда в самых престижных выставочных залах Москвы Савелий Ямщиков знакомил столицу с шедеврами древнерусской живописи, издавал монографии и альбомы. На этих выставках встречались и соединялись в единый духовный поток лучшие представители советской культуры второй половины XX века.

Савелий Васильевич Ямщиков всю жизнь совершал своё неукротимое русское восхождение, свой духовный подвиг: работа реставратора и искусствоведа, выставки икон, книги и статьи, консультации художественных и документальных фильмов, ведение телевизионных программ о культуре и искусстве, соратничество с Н. С. Михалковым на поле боя Российского Фонда культуры, Академик РАЕН, член Союза журналистов, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Президент ассоциации реставраторов России...

Истинный, бесстрашный патриот своей Родины, о котором смело можно сказать: “и один в поле воин”. Савелий Васильевич Ямщиков был подлинным апостолом русской культуры второй половины XX — начала XXI века. Своим подвижническим служением он навсегда завоевал почётное место в пантеоне культуры Святой Руси и благодарную память потомков.

* * *

29 июля, накануне открытия I МКФ эко-фильмов, в конференц-зале Союза кинематографистов состоялась международная конференция “Экология души — спасение человечества”. Пришлось вести конференцию и выступать первым.

То ли хорошо сработали мы, организаторы Форума, то ли в июле месяце не было для СМИ особого выбора информационных поводов, то ли время пришло, но на открытии Кинофорума в Доме кинематографистов 30 июля и на его закрытии 3 августа было по 7-8 телеканалов. Да и зал Дома кино был полон, и это в конце июля! В фойе и на сцене играл духовой оркестр Министерства обороны. Восемь популярных киноактёров зачитали приветствия: Святейшего Патриарха Кирилла, Святейшего Патриарха Грузии Илии II, Президента РФ Д. А. Медведева, Председателя Совета Федерации С. М. Миронова, Председателя Государственной Думы РФ Б. В. Грызлова, полпреда Президента РФ Г. С. Полтавченко, мэра Москвы Ю. М. Лужкова, Министра культуры РФ А. А. Авдеева, Председателя Союза кинематографистов Н. С. Михалкова. На правах председателя жюри я представил членов жюри, моих дорогих друзей: Раису Недашковскую (Украина), Виктора Васильева (Республика Беларусь), Иована Марковича (Сербия), Маргарита Николова (Болгария), Малгожату Потоцкую (Польша). В заключение показали фильм Яна Бертрана и Люка Бессона “Номе”. Дорогостоящий (15 миллионов долларов!), шоковый взгляд из космоса на погибающую Землю.

За пять дней мы показали в двух кинозалах 80 фильмов. Малый зал, в котором работали наше жюри, был постоянно переполнен. Я порывался перенести просмотры в Белый зал, но там шли плёночные показы нашей внеконкурсной программы, и нам пришлось досматривать конкурсную программу

в битком набитом Малом зале. Фильмы были один другого интересней. Члены жюри вместе со зрителями проходили свой экологический университет. Накануне Форума и все дни его проведения пытался созвониться с Никитой, заслать к нему телекамеру для записи его приветствия участникам. Поняв, что это невозможно, хотел записать приветствие по телефону, но он блуждал где-то по новгородским лесам, выбирал натуру для фильма. Связи не было. Форум прошёл без сопредседателя Оргкомитета.

31 июля нам с Виктором Игоревичем Васильевым пришлось отлучиться из жюри на целый день по весьма уважительной причине. В этот день состоялось бракосочетание и свадьба наших детей: моей Марии и его Игоря. Моя старшая дочь стала Марией Васильевой. Никаких эмоциональных перегрузок по этому поводу не испытал. Новая фамилия пришлась ей к лицу. Особенно радовалась этому моя младшая Даша. Да и мне было хорошо: люблю, когда мои дети вместе и в любви друг к другу. Да и дети у меня хорошие – один другого лучше.

Как всегда единодушно и быстро наше жюри распределило награды: “Гран при” получил замечательный фильм – “Русский заповедник” Виталия Тимощенко, повествующий о гармоничной духовной жизни деревенского батюшки отца Виктора, заброшенного по промыслу Божьему в самую бедную русскую деревню. Отец Виктор все дни фестиваля был рядом с нами. Настоящий подвижник веры, служения Господу и России. Витязей получили: Борис Лизнёв за фильм “Окно”, Андрей Паунов (Болгария) – “Проблема москитов и другие истории”, Бранко Станкович (Сербия) – “Дорога любви”. Во всех фильмах, удостоенных высших наград, в центре повествования человек и его любовь к Господу, Отечеству, ближним, Божьему миру и природе. Закрывался первый экологический Кинофорум 3 августа. В день моего рождения мы отмечали рождение нового, экологического Кинофорума “Золотой Витязь”.

Можно ли придумать более дорогой подарок и себе, и окружающим? Думаю, что у нашего экологического Кинофорума большое будущее, ибо “Золотой Витязь” затронул самую главную проблему бытия человека: экологию души и окружающего мира.

* * *

27 августа 2009 г. Скончался Сергей Владимирович Михалков. Освободился от пут зависти, преследовавшей его всю жизнь. И как не завидовать: с молодости – лауреат всех главных наград, автор текстов гимнов СССР и России, под которые страна просыпается и засыпает вот уж семь десятков лет. Благополучный заикающийся небожитель, приближённый к вождям. Я познакомился с ним в 1959 году, когда он был на вершине общественной славы. Пятьдесят лет тому назад в дом Михалковых меня ввёл его сын Андрион, мой первый боевой соратник. С разлёту мы подружились с Никитой. Узнав об этом, окружающие меня люди шипели: “Папаша миллионер... У него открытый счёт в банке... У них всё по благу...” Поразительно, но это шипение вокруг семьи Михалковых я слышу уже полвека.

Частенько С. В. возил нас с Никитой на своей “Волге” на дачу, на Николину гору, и мы, тринадцатилетние отроки, сидели в потёмках на заднем сидении и с замиранием внимали редким, но метким высказываниям отца. При встрече со мной С. В. всегда шутил: “Ты что меня п-передразниваешь...”, “Будем вместе з-заикаться...” Сторож-истопник Михалковых, встречая меня, бывшего в те годы весьма худеньким, неизменно острил: “А-а... мёртвые души приехали...” Теплые, уютные, семейные застолья... Острый юмор Сергея Владимировича, изысканная и сердечная мама Наталья Петровна... Её знаменитая настойка “кончаловка”, которую ухитрялись отхлёбывать и мы с Никитой. Зимними ночами, засыпая, слышали за стеной весёлые разговоры взрослых, их смех... Удивительный, русский, тёплый, полный взаимной любви мир семьи Михалковых. Я не оболщался той мыслью, будто я что-то значу для Сергея Владимировича. Кто я? – И кто он! Однако его реакция на то, что я попал в беду, меня поразила. После фильма “Андрей Рублёв”, имевшего большой резонанс на Западе, меня как-то попросили дать интер-

вью шведской журналистке, председателю общества шведско-советской дружбы Альме Браттен. Наша встреча началась в валютном баре гостиницы “Националь”, где мы мирно ужинали и беседовали, а закончилась в комнате милиции гостиницы “Москва”, куда меня препроводили двое молодых в штатском. К счастью, когда меня вели из “Националя” в “Москву”, меня увидел мой друг и сообщил о происшедшем моей маме.

Допрос, хамское обращение, обыск до носков... Подвёл меня брелок, приделанный к ключам — железный немецкий крест, оставшийся от съёмки в “Ивановом детстве”.

- Ах, так ты поклонник фашистов... Что ты делал в баре?
- Я а-артист... Давал и-интервью...
- Какой ты артист, заика... Что-то мы тебя нигде не видели...
- П-плохо знаете кино...
- Молчи. Вот мы тебя на пять лет укатаем...

Запихнули в воронок, доставили в 50-е отделение милиции, посадили в камеру, закрыли засов. Сажу, размышляю о печальной перспективе предстоящей жизни в неволе в ближайшие пять лет... Сидел недолго, может быть, час, но передумал многое... Наконец, по настоянию мамы выпустили с протоколом в руке: “Штраф 50 рублей. За приставание к иностранным туристам у гостиницы “Националь”.

Дома в растерянности, не понимая, что же мне теперь делать с этой “чёрной меткой” на моей биографии, я позвонил Никите. Выслушав мой взволнованный рассказ, он передал трубку отцу. Реакция Сергея Владимировича была мгновенной: “Сейчас я за тобою приеду, выходи”. От улицы Воровского, где жили Михалковы, до Горького, 6, где жил я — не так далеко. Через 15 минут я сел в “Волгу” Сергея Владимировича, а ещё через 5 минут мы вошли в подъезд легендарной “Лубянки”. По длинным коридорам нас провели в большой зал. Без промедления к нам вышли два солидных человека с внимательными лицами, в штатском и в ранге не менее заместителей председателя КГБ. Представив меня, пошутив на посторонние темы, посмеявшись, Сергей Владимирович обратился ко мне: “Ну, рассказывай...”

Я подробно изложил своё приключение. “Почерк не наш, — обронил один из хозяев, — это милиция. Пойдите в соседнюю комнату и запишите то, что рассказали нам”.

Спустя несколько дней я получил официальное извещение: “... Ваше дело закрыто. Виновные в Вашем задержании наказаны. Изъятый у Вас железный крест возврату не подлежит, уничтожен...” Сергей Владимирович позвонил мне, довольный, и сообщил: “Твоих обидчиков разжаловали и отправили работать на дальний рынок”. Кто я был для С. В. Михалкова, чтобы он тратил своё время и энергию на возню со мной? Приятель его младшего сына, мальчишка, которого он видел-то всего несколько раз... Он и своих-то детей не баловал особым вниманием и лаской, а тут ради меня, постороннего, в общем-то, пацана, бросив все дела, как орёл за своего орлёнка, мгновенно спикировал и атаковал моих обидчиков. Это был “момент истины”, мгновение подлинного Сергея Владимировича Михалкова. Как похожи были реакции отца и сына: мгновенный, без промедления ответ на сигнал “SOS”, полученный ими от ближнего. Этот эпизод нашей жизни сердечно спаял нас. И хотя мы впоследствии виделись не так уж часто — я всегда подходил к Сергею Владимировичу и говорил что-то сердечное и доброе. Память о его добром поступке навсегда пребудет со мною.

Ушёл “последний из могикан” — Сергей Михалков. С ним уходит целая эпоха, но остаётся пример красиво и талантливо прожитой жизни, проблеск светлого человека в царстве теней. В этот же вечер ещё раз показали фильм Никиты “Отец”, снятый им шесть лет тому назад к 90-летию С. В. Михалкова. И тогда мне было ясно, что Никита снял свою исповедь об отце и пред Отцом, создал фильм, которому суждена долгая жизнь. Сегодня в день, когда душа раба Божьего Сергия разлучается с телом, исповедь эта приобрела свет истины на все времена, качество абсолютной ценности не только во укрепление славного рода Михалковых, но ценности свидетельства об удивительном человеке, об эпохе, о русской культуре, о России, которой неизменно служит этот древний русский род.

* * *

20 сентября на праздновании 1150-летия Великого Новгорода состоялась моя вторая встреча со святейшим патриархом Кириллом. Святейший причастил меня в алтаре вместе со священниками. Подошёл к чаше, хотел назвать своё имя, но Патриарх опередил меня, улыбнулся и произнёс: “Николай. .!” Поцеловав крест и получив из рук патриарха в подарок икону Софии Премудрой, я сказал, что прошу о встрече на полчаса. Святейший сказал, что полчаса не получится. “После трапезы поговорим пять минут”. Когда по завершении трапезы патриарх поднялся, он подозвал меня, и мы вместе пошли по коридорам и лестницам к машине.

На ходу, я успел лишь поблагодарить Святейшего за согласие стать почётным попечителем “Золотого Витязя”, за его поддержку идеи проведения первого Славянского форума искусств “Золотой Витязь”, сказал о том, что Минкульт не сможет обеспечить весь бюджет Форума, дай Бог, лишь одну пятую часть. Святейший Патриарх внимательно выслушал меня и попросил написать ему письмо. В машине Святейший опустил окно. Кортёж тронулся. Лик Патриарха проплыл в полутора метрах от меня: он смотрел на меня с доброй ободряющей улыбкой. . .

23 сентября меня принял А. А. Авдеев. Говорили 45 минут. Самое главное, что я получил подтверждение министра о готовности министерства к участию в проведении в 2010 году первого Славянского форума искусств “Золотой Витязь” и включении Форума в ежегодную федеральную целевую программу “Культура России”. На вопрос: удастся ли Минкульту профинансировать I СФИ “Золотой Витязь” в полном объёме, получил ответ – “полностью не удастся”. Значит, вновь прав Шукшин: “Не жили хорошо и не хрена привыкать”... Я вновь акцентировал внимание министра на том, что никак не могу добиться у чиновников понимания того, что наш театральный форум не менее энергоёмкий и затратный, чем кинематографический и что средств министерства хватит на приём лишь 4 театров, тогда как у нас заявлено более 30!

И вновь руку помощи протянули наши верные друзья – Гендиректор “Экспоцентра” Владислав Леонидович Малькевич и Президент Фонда изучения наследия П. А. Столыпина Павел Анатольевич Пожигайло.

* * *

С 1 по 4 октября с Ингой и Маргаритом посетили киноклубы “Золотой Витязь” в Вене, Зальцбурге и Братиславе с премьерой “Гоголя. Ближайшего”. По приглашению лауреата нашего Кинофорума, австрийского режиссёра Бёрнхарда Каммеля, побывали на премьере его фильма “Дочь”, а Австрийском музее кино Бёрнхард для нашего удобства предоставил машину, огромную “Тойоту Лендкрузер”, на которой мы исколесили всю Австрию – 1500 км за 4 дня. Более красивых дорог и пейзажей я в жизни не видел: горы, ухоженные альпийские луга, интеллигентные коровы, крестьянские особняки, олени без опаски выходящие на дорогу – всё создано для комфортной жизни человека.

12-13 октября с Никитой и 20 секретарями СК побывали в Кабардино-Балкарии. Провели в Нальчике выездное заседание Союза кинематографистов, на котором присутствовал президент КБ Арсен Коноков. Договорились об учреждении в КБ филиала Госфильмофонда и обучении кадров кавказских кинематографистов в Питерском киноуниверситете.

23 октября в Малом театре состоялось торжественное открытие VII МТФ “Золотой Витязь”. Золотую медаль Н. Д. Мордвинова “За выдающийся вклад в театральное искусство” Владимир Гостюхин вручил Василию Семёновичу Лановому. Представитель РПЦ огласил приветствие Святейшего Патриарха Кирилла, после чего артисты Малого театра представили на суд жюри и зрителей свой конкурсный спектакль “Дети солнца”.

Потекли напряжённые дни форума. За 10 дней три международных жюри просмотрели 34 постановки артистов России, Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии, Польши, Эстонии, Армении. Вновь мы соединились в “Жюри Большой формы” с моими дорогими соратниками – Раисой Недашковской, Йованом Марковичем, Маргаритом Николовым, Олегом Пивоваровым и отцом Александром Зиминим. Старался поспевать, где мог. Посещал со своим жюри все спектакли Большой формы, разок заглянул на детскую программу и несколько раз на малую форму.

Спектакль Иркутского драматического театра им. Н. Охлопкова “Последний срок” по повести В. Г. Распутина, на котором в театре на Таганке присутствовал и сам автор, стал событием для нашего форума. Наше объятие с Валентином Григорьевичем было ещё более тёплым, чем в прежние времена. Он поблагодарил меня за приём, говорил ещё какие-то трогательные слова. Выглядел собранным, накопившим новые силы для жизни: дал перед началом интервью каналу “Культура”, а по окончании спектакля – мне для камеры “Золотого Витязя”. Малый зал театра был забит до отказа. Режиссёр Г. Шапошников лично вносил стулья, выстраивал их перед первыми рядами, теснил, отодвигал декорации всё дальше в глубь сцены. Публика пришла разнородная по своим вкусам и политической ориентации: и левые, и правые. Сидели, затаив дыхание, ловили каждое слово благоуханной, глубокой прозы Распутина. Замечательный актёрский ансамбль бережно воплощал на сцене мысли и образы, созданные автором 30 лет тому назад. Уже нет той, “распутинской” России, нет тех простых русских людей, о которых писал автор. Но спустя три десятилетия они восстали из небытия в великом русском слове Валентина Григорьевича Рапутина. И слово это – стало памятником тем замечательным людям, той, навсегда ушедшей от нас, России.

Порадовали Евгений Миронов с Чулпан Хаматовой, которые под маркой Театра наций представили “Рассказы Шукшина” в режиссуре Алвиса Херманиса. Я с жюри застрял в пробке, прибыли в театр с опозданием. Смотрю первый акт и думаю: “Ну, чем они могут удивить нас? Шукшин хорошо известен народу и рассказами и фильмами, которые и сам ставил неповторимо, и хорошо ставили другие. Играли его героев большие артисты. Что нового, что лучшего могут предложить нам латыш Херманис и Евгений Миронов? После первого акта, разочарованный, поделился своими мыслями с Алексеем Петренко, сидевшим в двух метрах от меня. Но когда закончился второй акт, когда прошла перед глазами вся панорама из десяти рассказов Василия Макаровича Шукшина – подлинная фреска о русских людях, мы переглянулись с Алексеем Петренко, и он, крикнул мне вызывающе-вопросительно:

– “А..?!”

– “Да..!!” – ответил я ему столь же эмоционально-утвердительно.

Да, это была победа. Несмотря на то что в репертуаре нашего форума были представлены Пушкин, Гоголь, Соллогуб, Достоевский, Лесков, Чехов, Горький, Куприн, Есенин, этот форум стал триумфом слов и образов Распутина и Шукшина. Именно они были удостоены “Золотых Витязей”. И в Малой форме жюри присудило своего “Золотого Витязя” питерцу Владимиру Борисову за “Пять рассказов Шукшина”.

“Деревенщики” Шукшин и Распутин сегодня вышли на передовую борьбы за душу человека. Их слово приобрело значение русского литературного абсолюта. Их приговор своему времени и своим современникам, их любовь к русскому человеку и к России обрели значение истины, стали непреложным свидетельством о правде Русской жизни, о сердцевине святой и грешной Руси. Их творения сегодня преобразились в выдающуюся театральную драматургию, не уступающую ни Островскому, ни Достоевскому, ни Чехову. Так же как канули в Лету Россия и герои Островского, Достоевского, Чехова, канули туда же и герои Шукшина и Распутина, но и тот и другой успели создать памятник простому Русскому человеку.

Четвёртый спектакль, претендовавший на высокую награду, был “Дети солнца”, представленный Малым театром. Классическая, в высоком смысле реалистическая, психологическая постановка А. Шапиро, глубокие, современные мысли автора, замечательный актёрский ансамбль были отмечены “Золотым дипломом”.

Огорчила детская программа. Урок отборочной комиссии, скомпоновавшей конкурсную программу из случайных московских детских спектаклей,

подчас граничивших с откровенной пошлостью. Детское жюри не присудило “Золотого Витязя” никому, вручив лишь один “Серебряный диплом” Армянскому театру, представившему “Луис Мари. Ода к радости”.

В конференц-зале Союза кинематографистов провели конференцию на тему: “Значение русской актёрской школы и роль русского театра в мировом театральном процессе”. Говорили о необходимости сохранения традиций Русского театра перед наступлением псевдоноваторов, искажающих русскую классику, разрушающих традиции отечественного театра.

В связи с кризисом не могли пригласить Петербургский театр Ленсовета. Решили командировать туда членов жюри. Провели замечательный день в Петербурге. Там же подвели итоги. Закрытие форума провели в Доме актёра. Посетил церемонию министр культуры А. А. Авдеев, который, несмотря на предупреждение о краткости своего пребывания в зале, задержался на полтора часа до конца первой части вечера. Он говорил много добрых слов о “Витязе” и обо мне. В присутствии министра я сообщил залу о его предложении провести, в рамках праздника славянской письменности и культуры, Славянский форум искусств “Золотой Витязь”.

Начал готовить почву для Славянского форума искусств. Понимая, что уровень СФИ должен быть высочайшим, решил пригласить в Почётные председатели выдающихся мастеров литературы, музыки и живописи: В. Г. Распутина, В. И. Федосеева и А. М. Шилова. Позвонил каждому из них, рассказал о задумке собрать воедино всё лучшее, что есть в славянском искусстве, попросил подставить свои плечи – и получил согласие. Пригласил в организаторы музыкального форума Г. Г. Поляченко, который уже 21 год осуществляет свой Международный фестиваль православной музыки. Побывал в Консерватории на XXI фестивале православной музыки, послушал хор выдающегося дирижёра Владислава Александровича Чернушенко, познакомился с ним и пригласил его участвовать в концерте 5 мая. Переговорил с председателем Союза писателей России В. Н. Ганичевым о проведении Международного литературного форума “Золотой Витязь”, наметили контуры предстоящего всеславянского литературного вече. Йован предложил вручить главную награду МЛФ “Золотую медаль им. А. С. Пушкина “За выдающийся вклад в литературу” великому сербскому писателю, экс-президенту Югославии Добрице Чосичу. Кроме того решили учредить золотые медали имени Г. В. Свиридова “За выдающийся вклад в музыкальное искусство” и имени Андрея Рублёва “За выдающийся вклад в изобразительное искусство”.

18. XI. 09 сотрудник Н. Михалкова Олег Иванов пригласил на конференцию “Российская киноиндустрия-2009”. Собралось множество народу, около 250 журналистов. Выступать не предполагал, но, послушав речи благополучных кинорыночников, удовлетворённых процессом экранного растления народа, произнёс антирыночную речь, напомнив собравшимся о духовной миссии кинематографа и обязанности государства уделять особое внимание поддержке позитивного кино. После меня говорил Никита. Со свойственной ему толерантностью он сказал о целесообразности и моей, и “рыночной” позиции. В перерыве ко мне подошли несколько человек, поблагодарили за “мощную волну, пущенную по болоту”, кто-то сказал: “наконец-то прозвучал голос правды...”

С 20 по 24 ноября посетил Архангельск и Самару с премьерой фильма “Гоголь. Ближайший”. Договорился с руководителями министерств культуры о параллельном проведении конкурсов Славянского форума в этих городах. Это натолкнуло на идею подключить к СФ по возможности всю Россию. А тут звонок из приёмной председателя Совета Федерации С. М. Миронова с приглашением на приём. Попробую заинтересовать его этой идеей.

25. XI. Встретился с полпредом Президента РФ в Приволжском округе Г. А. Рапотой. Состоялась наша вторая сердечная встреча, во время которой Григорий Алексеевич подтвердил своё намерение поддержать проведение “Эха Славянского форума “Золотой Витязь” в Поволжье.

26. XI. Состоялась презентация нового телеканала “Страна”, куда меня пригласили выступить помощники Н. Михалкова. Выступление начал так:

“Осип Эмильевич Мандельштам когда-то писал: “Мы живём, под собою не чуя страны...” 23 перестроечных года наше телевидение жило, не чуя под собою страны, и страна не чуяла и не понимала подобное телевидение. Рождение телеканала “Страна” вселяет надежду на появление нового позитивного телевидения”...

27. XI. Телеканал “Спас” выделил мне 2 часа 30 минут для серьёзного разговора о кинематографе. Я представил трёхсерийную программу, состоящую из моей беседы с Никитой в марте, накануне боя в Гостином Дворе, из 26-минутной беседы с секретарями Союза кинематографистов И. Мирошниченко, В. Грамматиковым и С. Лазаруком в студии и эксклюзивного показа видеоверсии съезда. Записал программы по итогам театрального форума с народным артистом СССР В. А. Андреевым и ведущим программы “Люди и премьеры” на ТК “Столица”, членом жюри А. Мягченковым.

30. XI. Состоялась встреча с С. М. Мироновым в его приёмной напротив Манежа, в здании, где некогда была приёмная “всесоюзного старосты” М. И. Калинина. Встреча проходила в необычном формате: в кабинете, похожем на зрительный зал, в присутствии четырёх десятков зрителей и прессы. В течение 15 минут изложил свои просьбы: о подключении к проведению Славянского форума регионов России, о том, чтобы С. М. стал постоянным почётным попечителем СФ “Золотой Витязь”, поддержал СФ перед лицом министра культуры и министра финансов и оказал содействие в привлечении дополнительных средств со стороны регионов страны. На все просьбы я получил принципиальное согласие Сергея Михайловича.

02. XII. Понимая, что “Витязь” приблизился к последней черте, после которой нужно замораживать всю нашу деятельность, созвонился с “Экспоцентром”, известил В. Л. Малькевича о подготовке предстоящего Славянского форума. Попечалился об отсутствии поддержки на самом главном этапе подготовки, о том, что вынужден отправлять людей в неоплачиваемые отпуска, тогда как необходимо привлечение новых сотрудников для исполнения столь глобального проекта. Владислав Леонидович сказал, что не оставит меня одного, обещал помочь. Спустя несколько дней спасительная помощь от “Экспоцентра” поступила.

10. XII. Посетил галерею Александра Шилова. Испытал чувство радости от встречи с великим русским художником. Отраднo, что при жизни возможно подобное государственное признание творчества мастера — предоставление ему роскошного здания для постоянной экспозиции, напротив Кремля.

14. XII. Провёл заседание рабочей группы СФИ в Союзе кинематографистов, в кабинете Н. С. Михалкова. Встретился с А. А. Авдеевым. Поговорили около часа. Посвятил министра в ход подготовки СФИ, попросил прийти на первое заседание международного оргкомитета СФИ 21 декабря. Проезжая мимо галереи А. Шилова, позвонил ему и попросил провести оргкомитет у него. Александр Максович сразу же согласился.

21. XII. Важнейший день в истории “Золотого Витязя”. В присутствии нескольких телеканалов и представителей СМИ провели первое заседание Международного оргкомитета I СФИ. Плечо к плечу сели рядом богатыри русской культуры: писатель Валентин Григорьевич Распутин, дирижёр Владимир Иванович Федосеев, художник Александр Максович Шилов. Почтили своим присутствием послы Сербии и Белоруссии, советник по культуре посольства Болгарии Бисер Киров, Председатель комитета по культуре ГД РФ Г. П. Ивлиев, посланец патриарха о. Всеволод Чаплин и наш духовник о. Владимир Волгин. Министр культуры прислал своего представителя — генерального секретаря министерства культуры Ю. А. Шубина, пришли и президенты двух фондов: Славянского фонда России Г. В. Боголюбова и Международного фонда Славянской письменности и культуры А. Н. Крутов.

Мы объявили о начале подготовки широкомасштабного Общероссийского проекта I Славянский форум искусств “Золотой Витязь”.

22. XII. Позвонила советница С. М. Миронова, сказала, что С. М. очень серьёзно относится к нашему проекту, просил её посетить наш оргкомитет, но задание это поступило к ней слишком поздно, когда у нас уже всё состоялось. Приехал к ней в Совет Федерации, ввёл в курс дела.

23. XII. В редакции газеты “Аргументы и факты” состоялся круглый стол, пресс-конференция, посвящённая созданию Общественного экспертного совета по телевидению. Перед журналистами выступили: председатель Совета Федерации С. М. Миронов, главный редактор “АиФ” Н. И. Зятьков, руководитель исследовательской группы И. В. Задорин и я. Меня посадили по правую руку председателя Совета Федерации. Господь сподобил меня говорить легко, с юмором и по существу, благо тема знакомая. Внимание к моим словам было и со стороны С. М. Миронова, и аудитории. С. М. сказал, что в будущем экспертном Совете должен непременно работать и я, недостойный.

Перед началом конференции, за чаем в узком кругу, я попросил С. М. позволить мне выступить перед сенаторами в Совете Федерации с информацией о предстоящем СФИ. С. М. попросил помощника включить моё выступление в повестку дня 26 января. Поблагодарив С. М., я сказал, что после 26 января останется всего три месяца для подготовки СФИ, жаль терять сейчас целый месяц. Спросил, нет ли возможности дать мне слово в сенате до Нового года. С. М. сказал, что завтра он сам озвучит перед Советом эту тему, а спустя месяц даст слово и мне.

Поговорили с Главным редактором “АиФ” Н. И. Зятьковым, который оказался весьма симпатичным человеком, говорившим правильные вещи о необходимости Общественного совета по телевидению. Договорились, что будем сотрудничать: проведём у него пресс-конференцию в конце апреля перед началом СФИ. Предложил ему провести конференцию о необходимости изменения культурной политики в России и пригласить Михалкова, Распутина, Федосеева, Шилова. Идея эта заинтересовала Николая Ивановича. Посмотрим результат.

24. XII. Слова С. М. Миронова не разошлись с делом. Сегодня в 13 часов позвонил его пресс-секретарь, сказал, что через час Сергей Михайлович намеревается выступить перед сенаторами с информацией о “Золотом Витязе”, попросил быстро прислать им пресс-релиз.

27. XII. Воскресенье. Собрал всех сотрудников на прощальное чаепитие. Вручил новогодние подарки, сказал каждому слова благодарности. Выразил надежду на двух новых сотрудников, влившихся в коллектив в конце года, и отправился с семьёй в свою загородную избу – отдышаться перед штурмом нового 2010 года.

(Продолжение следует)

ЭДУАРД АНАШКИН

ТОСКА ПО ГЕРОЯМ

Михаил Фёдоров “Сестра милосердия”, Москва: Изд-во “Вече”, 2010. – 384 с.

Новая книга Михаила Фёдорова, писателя из Воронежа, впечатляет, на мой взгляд, жизненной правдой, которую мы, несмотря на всеобщую и часто навязчивую (увы!) гласность, не знаем. Речь идёт о кровавых “горячих точках”, что образовались на теле нашей земли после развала Советского государства.

Тема гражданских войн на территории бывшего СССР – одна из главных в творчестве Михаила Фёдорова. И это не случайно. Родившийся в Советском Союзе, он с отцом-офицером объездил многие уголки нашей огромной страны. И конечно, то, что стало происходить после развала СССР, не могло оставить его равнодушным. В повести “На погибель...”, написанной в конце 90-х годов, он, по сути, исследует ту же тему – как распад державы сказался на судьбах простых людей, которые были частицами советского народа. Сам Михаил Иванович не сражался с оружием в руках, не участвовал в кровавых конфликтах, но как писатель вместе со своими героями он словно бы побывал на передовой, ощутил эту пронизывающую людей боль от несправедливости, возводимой нынешними “хозяевами жизни” в порочный принцип.

Речь в названном произведении идёт о судьбе простой абхазской женщины Натальи Лейба, с которой писателя познакомили ветераны войны в Абхазии. Судьба её, с одной стороны, обычна, с другой – она показательна для судеб простых советских людей, волею злых сил брошенных в “хождение по мукам” новых гражданских войн. Красивая молодая женщина (по матери абхазка, по отцу русская саратовская волжанка). Личная жизнь не сложилась, она как мать-одиночка растит дочку. Учит детей рисованию в школе, переезжает из родной абхазской Гудауты в Воронежскую область, снова возвращается домой к маме...

Размеренную жизнь нарушает грузинская агрессия. Художница-эстетка, которая ещё вчера была готова упасть в обморок при виде крови, Наташа становится сестрой милосердия. Встав на путь служения своему народу, разделив его судьбу, она, хоть и не надолго, обретает женское счастье, встретив на дорогах войны русского офицера...

Читая “Сестру милосердия”, я то и дело ловил себя на мысли, что нам стоило бы поучиться той стойкости и сплоченности, которой обладают представители малочисленных народов. К примеру – абхазского. Когда главными героинями повести о войне являются хрупкая молодая женщина и другие абхазские женщины, её боевые подруги, то в пору мужикам нашим призаду-

маться... Потому что эти женщины, несмотря на лишения и даже на унижения, которым их, самоотверженных защитниц своего народа, подвергают мародёры, являют нам такой пример мужества, что только шапку снять перед этим женским подвигом и остаётся! И тут осознаёшь, что мы уже почти забыли о том, что в литературе понятие “герой” есть не только обозначение персонажа. То перед нами нудные умники, то рассуждающие о “правах и свободах” извращенцы, то обезумевшие феминистки, то прочие маргиналы. Их и героями-то назвать язык не поворачивается. На персонажей-то едва тянут... Но вот – читаешь “Сестру милосердия” и понимаешь – это героиня, без натяжек, в полном смысле этого слова.

Одной из лучших в повести является сцена, где перед земляками выступает лидер абхазского народа Владислав Ардзинба. “...В кузов взобрался подтянутый, крепкий шатен с широким открытым лицом. Скулы подчеркивали его горское происхождение, а высокий лоб – ум. По толпе пролетело: “Вла-ди-слав...”. За ним в кузов взобралось ещё несколько человек в гражданской и камуфляжной одежде. Владислав оглядел собравшихся и поднял руку. Все стихло. “Абхазы!! Уважаемый мой народ!!” – зазвучал его голос. Видно было, как он волнуется, и вместе с тем – как тверд. – “Вы знаете, что произошло. Грузинские танки уютжат улицы Сухуми. Абхазия снова в опасности, – проговорил он, вздернув головой. – У меня к вам единственный вопрос: будем воевать или нет? Я должен знать волю народа! Как вы скажете, так и будет. Я подчинюсь любому вашему решению...” Казалось, его голос вылетел за пределы санатория и преодолел не одну сотню километров от Гагр до Очамчира, от Гудауты до перевалов Большого Кавказского хребта, и разлетелся по Черноморью. С эхом взметнулось над площадью: “А-ей! А-ей!”. – Кричали “да” по-абхазски. “Хай ба шет!” – “Будем воевать!” – Сливалось с возгласами тех, кто, взметнув вверх кулаки, кричал по-русски, по-кабардински, по-чеченски, по-осетински, по-армянски, по-гречески. “Будем... Воевать...” Владислав снова поднял руку: “Я понял, – сказал, потом наклонил голову и произнёс: – И да сложу я голову за вас...”. Эти слова доставали до глубины души. “Уже идёт помощь, – снова поднял голову Владислав, оглядел всех пристальным взглядом. – Первые добровольцы уже подошли с Кавказа...” В этом мог убедиться каждый, слышавший речь людей, собравшихся на площади. Возгласы одобрения взлетели над головами. “Мы победим! У нас есть такая сила, о которой враг не подозревает. Победа за нами”.

Всё дальнейшее повествование показывает нам сакральный процесс, я бы даже сказал – таинство превращения толпы в народ. Эпичность этой сцены дополняет лиризм жертвенного образа главной героини. Образ русской абхазки Наташи сродни задушевному образу русских женщин, способных на самопожертвование во имя любви к своему народу, во имя желания сделать его жизнь лучше. Эти золотые качества присутствуют в сестре милосердия Наташе, реальной женщине реальной войны конца XX века из повести Михаила Ивановича Фёдорова.

ПУСЬМО В ЖОМЕР

Главному редактору Станиславу Юрьевичу Куняеву

Уважаемый Станислав Юрьевич!

В четвёртом номере Вашего журнала в своей статье Вы упрекнули И. Сталина за то, что он не объявил 9 мая праздничным днём. Это не так. Из Вашей статьи я понял, что в то время Вы жили то ли в небольшом городке, то ли в посёлке, и радио (проводного) в домах не было. Радиоприёмников тем более, их с началом войны все были обязаны сдать. Я всю войну прожил в Москве, и “радиотарелка” у нас не выключалась ни днём, ни ночью, ведь, кроме разного рода радиопередач, по ней объявляли и о воздушной тревоге. Вот и в ночь на 9 мая радио голосом Левитана объявило о безоговорочной капитуляции Германии. Уж простите меня, десятилетнего пацана, но там была и маленькая радость для меня в словах о том, что 9 мая объявляется нерабочим днём, а школьные занятия отменяются. Кстати, 3 сентября 45-го тоже было объявлено нерабочим днём по случаю победы над милитаристской Японией. Впоследствии он был отменён, а затем был отменён и праздник 9 мая. Вы извините меня за эту поправку, но Сталина и так много в чём укоряют, не будем на него вешать лишнего.

С уважением, читатель Вашего журнала

Артур Васильев

Наш читатель прав. Я запомнил, что 9 мая 1945 года указом за подписью М. И. Калинина этот день был объявлен нерабочим. А забывчивость моя объясняется тем, что, видимо, в 50-х годах, потихоньку, безо всякого объявления на всю страну бывший троцкист Хрущёв, проводя свою “десталинизацию”, по-бюрократически негласно и подло отменил ту часть сталинского указа, где 9 мая объявлялось нерабочим днём...

Да, Сталин был велик и мудр даже в том, что после жесточайшей войны, унёсшей жизни почти 30 миллионов советских людей, разрушившей более 1700 городов и 70 тысяч деревень, когда каждый рабочий день в масштабах страны был необходим для восстановления жизни, понимая значение Дня победы, всё-таки приказал считать его нерабочим, торжественным, праздничным Днём. И спасибо Брежневу, который в 1965 г., отменив подлое хрущёвское распоряжение, восстановил сталинский облик Дня победы...

Ст. Куняев